

Журнал

Редактор Евгений Беркович

**СЕМЬ
ИСКУССТВ**

Наука

Культура

Словесность

8/2012

Журнал
«Семь искусств»

Август 2012

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2012

Журнал

«Семь искусств»

Август 2012

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер

Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Наталья Завойская	
Современники <i>Sine ira et studio</i>	5
Илья Корман	
Вот так номер	67
Игорь Гельбах	
Построено на песке	84
Соня Тучинская	
И к имени моему "Марина" – Прибавьте: "мученица"	105
Георгий Кантор	
Основатель	113
Нина Лельчук	
Флиер	127
Артур Штильман	
1963 год – Конкурс в Будапеште. Счастливые новости	140
Леонид Борич	
Бурцалэ	177
Геннадий Несис	
Вернуться в прожитую жизнь	193
Виктор Гопман	
Начало	229
Борис Кушнер	
Три истории	240
Ася Лapidус	
Начало без конца	276
Александр Габович	
Пьянство на научных конференциях как сублимация творческой потенции	290
Игорь Ефимов	
Ричард Бартон (1925-1984)	312
Семен Талейник	
Отражения ритуала гадания в живописи	342
Игорь Фунт	
Maxim Кантор как зеркало.ру	360
Лариса Миллер	
«Стихи гуськом»	376
Илья Шахов	
Сочинения	

Подборка, публикация и комментарии Бориса Розина	393
Лорина Дымова	
Толковый словарь мужских и женских имен	417
Ханох Теллер	
Два рассказа на одну тему	
Составление и предисловие: Евгений (Песах) Майбурд....	425
Римма Глебова	
«Так будет не всегда...»	454
Семён Каминский	
Заноза	464
Александр Матлин	
Моя недолгая жизнь на театральных подмостках	471
Владимир Савич	
«Табуретка Мира».....	478
Елена Матусевич	
Мой Париж будет таким.....	526
Борис Э. Альтшулер	
Отдохнул в Америке.....	530
Анатолий Клёсов	
Фантазии Тилака о полярной прародине ариев	551
Михаил Юдсон	
Плотник языка.....	564
Об авторах	568

Наталья Завойская

Современники Sine ira et studio

(продолжение, начало в №6/2012 и сл.)

10 ЛЕТ СЕКТОРУ Е.К.ЗАВОЙСКОГО

1968 г. исполнилось десять лет работы сектора Е.К. Завойского ОЯФ по проблеме регулируемого термоядерного синтеза, и в середине апреля Евгений Константинович делал по этому поводу доклад на Учёном совете ИАЭ. Он отметил, что за это десятилетие сотрудниками были опубликованы более 150 статей по разным вопросам физики плазмы, защищены две докторские диссертации и восемь кандидатских. Тогда было ясно, что сектор отнюдь не является маргинальным. Но, как показали дальнейшие события, связанные с уходом Завойского из Института, в том составе и статусе сектору оставалось существовать только 3 года...

В черновике доклада мой отец писал: «В секторе работает группа теоретиков во главе с Л. И. Рудаковым и группа экспериментаторов (по алфавиту): Бабыкин, Гаврин, Плахов, Русанов, Скорюпин, Смирнов, Смолкин и Фанченко. В состав сектора входит лаборатория плазменных волн Франк-Каменецкого.

В течение 10 лет сектор проводил работы по исследованию магнитно-звукового резонанса, прямого и так называемым косым ударным волнам, теории турбулентной плазмы, использованию коллективных движений в плазме для нагрева её, дрейфовым волнам, циклотронному резонансу, диагностическим методам и другим вопросам.

В кратком докладе невозможно сколько-нибудь подробно изложить все полученные результаты, поэтому я остановлюсь только на цикле работ по турбулентному нагреву плазмы. Сюда относится нагрев плазмы сильными магнитозвуковыми волнами и нагрев током, текущим вдоль магнитного поля.

Исследование методов получения плазмы с температурой до $200\,000\,000^0\text{ C}$ представляет не менее важную и сложную задачу, чем изучение удержания горячей плазмы в ловушке.

Вместе с тем, деление проблемы термоядерного синтеза на задачу нагрева и удержания плазмы в известной мере условно, так как не найден ни один путь решения проблемы в целом.

Но вернёмся к турбулентному нагреву плазмы.

С 1961 г. в секторе исследовался нагрев плазмы сильными магнитозвуковыми волнами. Основная идея метода состояла в том, что с помощью быстрого сжатия плазмы нарастающим магнитным полем в плазме возбуждалось сильное электрическое поле, направленное перпендикулярно магнитному. В этих скрещенных магнитном и электрическом полях возникал сильный дрейфовый ток электронов плазмы, который должен быть неустойчивым и приводить к раскачке в плазме интенсивных колебаний. Благодаря этой неустойчивости тока, как показали наши эксперименты, направленные токовые скорости электронов в волне быстро хаотизировались и плазма нагревалась, а магнитно-звуковая волна сильно затухала. В нашем секторе впервые было обнаружено и доказано, что механизм затухания волны носит «бесстолкновительный» характер, а эффективность нагрева плазмы очень велика: плазма необратимо получает до 30 % энергии магнитного поля волны. Исследования показали, что волна нагревает не только электроны плазмы, но и ионы.

В связи с этим интересно отметить, что за время прохождения волны через плазму, которое составляет не более $3 \cdot 10^{-8}$ с, электроны успевали нагреться до 1 кэВ, а ионы до 100-200 эВ при плотности плазмы $n=10^{12}\text{ см}^{-3}$. Эти цифры показывают, что нагрев плазмы магнитно-звуковой волной ни в каком случае не мог быть объяснён парными кулоновскими столкновениями, которые могли обеспечить эффект нагрева только в 10^2 - 10^3 раз меньший. Таким образом, было доказано, что в основе поглощения сильной магнитно-звуковой волны плазмой действительно лежат коллективные процессы, а не кулоновские столкновения. Новый механизм!

Раскачка коллективных процессов в поле волны означала появление в плазме сильной турбулентности. Отсюда метод нагрева получил название турбулентного.

В настоящее время сильные магнитозвуковые и ударные волны широко исследуются как в нашей стране (ИАЭ им. Курчатова, ИФ СО АН СССР), так и за границей. Эти исследования полностью подтвердили существование бесстолкновительного механизма нагрева электронов и ионов плазмы и позволили

получить подробную картину строения фронта волны. Однако следует отметить, что разработанный в своё время в нашем секторе энергетический метод для доказательства аномальной диссипации волны в бесстолкновительной плазме до настоящего времени является наиболее безупречным. Это связано с тем, что сам по себе очень важный метод исследования строения фронта магнитно-звуковых волн, которым пользуется большинство исследователей, не даёт прямого ответа на вопрос о нагреве плазмы, так как форма фронта волны связана с поглощением только посредством теории, справедливость которой должна быть сначала доказана».

21 АВГУСТА 1968 ГОДА

В этот день советские войска со своей «братской помощью» вторглись в Чехословакию. Как раз в тот день заканчивалась моя путёвка в доме отдыха «Известий», и я была свидетельницей того, как прощались друг с другом корреспонденты-международники, сотрудники этой газеты. Громкоговоритель с высокого столба выплёвывал сообщения о событиях в Праге, а они прощались друг с другом, будто навсегда. Добравшись до дома, я увидела сидящего у радиоприёмника отца. Он был совершенно удручён происшедшим и только спросил, не заметила ли я чего-то необычного по дороге, когда ехала из Рязанской области в Москву. Нет, я ничего такого не заметила. Мне не верилось, что танки направлены в Чехословакию не просто для устрашения, что они должны будут стрелять, что будут кровавые жертвы и разрушения. Отец смотрел на вещи реально: в детские годы он пережил нечто подобное в Казани, когда попеременно то белые, то красные (и те, другие – «свои!») занимали город, на улицах шла стрельба, лежали людские и конские трупы, царила сплошная кровавая неразбериха. Вечером я поехала за город и увидела длиннющие составы с танками и солдатами, ехавшими на Запад. Вот тут-то до меня дошло, что это всё не в шутку.

НОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В ноябре 1968 г. Президиум Академии наук СССР издал распоряжение для рассмотрения предложения академика Е. К. Завойского по развитию работ по получению сверхмощных электронных пучков и их применению, в частности, для осуществления термоядерного синтеза. Была образована комиссия в составе восьми человек (академики Ю. Б. Харитон – председатель, Л. А. Арцимович, Я. Б. Зельдович, М. А. Леонтович, Б. П. Константинов, А. Д. Сахаров, член-корреспондент Ю. А. Трутнев, член-корреспондент АН УССР Я. Б. Файнберг и профессор В. А. Цукерман) должна была составить отчёт к

15 января 1969 г. Контроль за выполнением распоряжения должен был осуществлять академик Б. П. Константинов¹.

Предложение Е. К. Завойского было разослано названным выше физикам.

В архиве Евгения Константиновича сохранилась только одна запись: «Мнение Я. Б. Файнберга (по телефону): «Мне представляются правильными основные положения работы, представленной в отчётах Евгения Константиновича, Я поддерживаю предложение о развитии этой работы. Ряд затруднений, которые видны сейчас, мне кажутся преодолимыми. Пока ограничиваюсь этим утверждением. Подробный отзыв будет выслан в ближайшее время. 23 апреля 1969 г.»².

Пока мне не удалось найти остальные отзывы. Они, несомненно, представили бы интерес для истории физики. Ведь документы, отражающие чисто научные дискуссии (а не выступления против лжеучёных типа «философа»-члена-корреспондента А. А. Максимова), – это большая редкость!

ПОДДЕРЖКА КАНДИДАТУРЫ Е. П. ВЕЛИХОВА

15 ноября 1968 г. датировано письмо Е. К. Завойского в Президиум АН СССР о поддержке кандидатуры Е. П. Велихова на избрание в члены-корреспонденты, заканчивавшаяся словами: «Считаю, что Е. П. Велихов обладает редким талантом, позволяющим ему быть отличным теоретиком и прекрасным экспериментатором. Кроме того, Е. П. Велихов проявил себя способным организатором научных исследований, что является очень важным для члена АН СССР. Поэтому я поддерживаю

¹ Личный архив Е. К. Завойского. Что касается академика Б. П. Константинова, то сотрудник Ленинградского института ядерных исследований А. И. Егоров вспоминал: «Борис Павлович очень скептически относился к высказываниям о скором пришествии термоядерной эры. Он спорил с Л. А. Арцимовичем, доказывая, что даже в том случае, если принципиальная схема будет найдена, технические трудности задержат пуск термоядерной электростанции на многие годы. Однажды, исчерпав все доводы, он попросил записать на магнитофон выступление Льва Андреевича, обещавшего запустить промышленную термоядерную установку в середине 70-х годов. Возможно, что эта интересная плёнка сохранилась...» // Егоров А. И. «Штрихи к портрету». В: Академик Б. П. Константинов. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1985. С. 97.

² Личный архив Е. К. Завойского.

кандидатуру Е. П. Велихова на избрание в члены-корреспонденты АН СССР. Академик Е. К. Завойский»³.

ИЗБРАНИЕ Б. М. КОЗЫРЕВА В ЧЛЕНЫ АКАДЕМИИ

22 ноября 1968 г. состоялось избрание Б. М. Козырева, друга моего отца и соратника, в члены-корреспонденты АН СССР. Сохранился текст его устного представления. Вообще у моего отца была привычка перед докладами составлять для себя краткий конспект. Иногда это могло быть самое начало доклада, а дальше шло только перечисление вопросов. Как писал В. Л. Гинзбург, стиль Евгения Константиновича отличался от вольного, «трепаческого», принятого на семинарах в ФИАНе⁴. Скорее всего, это было связано с тем, что публичные выступления давались ему непросто. Итак, в черновике говорится: «Я поддерживаю кандидатуру Б. М. Козырева.

Б. М. Козырев – один из крупнейших специалистов в области радиоспектроскопии не только в нашей стране. В 1947 г. им был открыто явление ЭПР в радикалах на два года раньше Киттеля (США). Как известно, этот метод дал сильнейший толчок к развитию науки о радикалах, где все статические методы исследования теперь практически вытеснены радиоспектроскопическими.

Б. М. впервые определён спин ядра железа 57. За последние годы им предложен радиоспектроскопический метод исследования жидких растворов. Так, им получено большое количество сведений о строении сольватных оболочек ионов в растворах. Открыто поразительное явление тонкой структуры линий в жидких растворах и исследовано строение «айсбергов» в растворах. «Айсберги» – это сложные образования из ионов и их окружения, которые имеют время жизни большее времени спин-решёточного времени релаксации. Удаётся точно исследовать радиоспектроскопически геометрическую структуру «айсбергов».

Мне кажется, что в недалёком будущем методы, разработанные Б. М. для растворов, сделают в теории растворов ещё большую революцию, чем это было сделано с радикалами.

Б.М. Козырев является крупным организатором казанской радиоспектроскопической школы физиков. Он – фактический руководитель всех физических исследований в КФТИ, где выполнено более 400 работ по радиоспектроскопии. Недавно в КФТИ побывала комиссия нашего Отделения. Комиссия считает,

³ Личный архив Е.К.Завойского.

⁴ Чародей эксперимента... С. 168.

что казанская школа радиоспектроскопии является ведущей в нашей стране.

Первый секретарь Татарского обкома заверил комиссию, что Татареспублика заинтересована в развитии связей с АН СССР и развитии фундаментальных наук в Казани. Если АН поддержит учёных Казани, то им будут построены лаборатории даже за счёт местных средств»⁵.

ДОЛЖЕН ЛИ ФИЗИК БЫТЬ ИСТОРИКОМ?

Ещё в начале 1960-х годов отец начал рассказывать в кругу семьи и казанским друзьям эпизоды из недавней истории Казанского университета, чему он сам был свидетелем. Он считал, что эти «курьёзы» не должны исчезнуть из анналов истории, так как рельефно рисуют истинное положение вещей в науке, которая для него самого, как и для настоящих учёных, была делом жизни, а не предметом достижения благ и постов. С течением времени у него появилось желание записать эти рассказы. И вот 27 января 1969 г. появился первый набросок на бумаге: «В 1940 г. мне и моим двум сотрудникам было поручено разработать конструкцию и построить маятник Фуко для музея в бывшем Петропавловском соборе»⁶. Нам удалось построить очень современный маятник и красиво оформить площадку с песком под ним.

На завтра было назначено официальное открытие маятника (со вступительной речью моего товарища-астрофизика Д. Я. Мартынова. – зачёркнуто. *Н. З.*). Однако утром мне сообщили, что открытие не состоится, так как авторитетная комиссия под председательством гравиметриста проф. Д(юкова), осмотрев накануне маятник, считает, что он не должен сохранять свою плоскость качания в пространстве, а будет следовать за вращением Земли, так как пускается маятник с востока (от алтаря) на запад. Эту истину, как мне пояснили, должен знать каждый мало-мальски грамотный человек, и маятник будет переделан без участия столь неквалифицированных физиков. Директор музея в своё

⁵ Личный архив Е.К.Завойского.

⁶ Вот так случается в жизни: в этом же соборе Петра и Павла накануне вступления в Казань войска Емельяна Пугачёва усердно молился выпускник Казанской семинарии Захар Стефанов сын Курочкин, прапрапрадед Е. К. Завойского, вскоре покинувший город и благополучно добравшийся до своего родного села Рождественское-Лапугино тож. В начале XIX в. сын Захара семинарист Николай взял себе фамилию Завойский, т. е. за рекой Воей живущий.

оправдание сказал мне, что он пытался доказать комиссии, что маятник всё же делает своё дело так, как ему это положено, но проф. Д. заявил, что это является следствием того, что алтарь собора неточно направлен на восток.

На завтра работали в соборе два ассистента Д. и доказали, что алтарь направлен строго на восток, и удивлялись тому, как это строители-мужички XVII века сделали так точно, и тому, на кой чёрт это кому-то вздумалось вообще проверять.

Тем временем я пытался познакомить директора музея с теорией маятника Фуко, но он видел, что маятник работает, и считал, что я, по-видимому, прав, но звание профессора его ослепляло окончательно. Я, кажется, нашёл выход: привёл директора к главному астроному университета проф. Б(аранову)⁷. Это был человек большого практического ума, решительный и утром любил сам колоть дрова для отопления обсерватории. Проф. Б. мы застали в халате и низеньких валенках в момент, когда в передней ещё не затих звук от крепкого русского слова профессора. Кратко сообщив, в чём дело, мы услышали то, на что я надеялся: «Какой дурак Вам это сказал?.. » Далее шли слишком солёные слова. Но, узнав, что это касается проф. Д., и, будучи в какой-то мере дипломатом, профессор Б. заключил: «А Вы всё-таки попробуйте маятник покачать». Директору музея последний результат был уже известен, и так как мне удалось напустить на него ещё более старого профессора, то победа моя была обеспечена, и через неделю маятник совершал свои движения перед глазами замороженных зрителей⁸.

Как тут не вспомнить горькую фразу академика И. В. Курчатова о том, что «всё перевернут»?

ПИСЬМО СЛЕДОПЫТАМ

15 апреля 1969 г. мой отец ответил на письмо школьников из города Винница. Письмо они написали под руководством молодого учителя физики В. С. Костюка. Евгений Константинович откликнулся на письмо ребят: «Дорогие Следопыты! Благодарю Вас за письмо. Рад Вашим успехам, но вот мне о своих, как вы пишете, «замечательных делах» говорить неудобно.

⁷ В. А. Баранов ещё в 1894 г написал сочинение «Определение вида геоида в пределах Европейской России по наблюдениям качаний секундного маятника».

⁸ Личный архив Е. К. Завойского. Окончательный рукописный вариант хранится теперь в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского университета.

В школе я учился, как и вы, в небольшом городке. Уже в раннем детстве увлекался техникой: делал электрозвонки, электрофорную машину, планеры и др. Много читал, правда, урывками, так как жизнь была трудная. К шестнадцати годам прочёл всех русских классиков, знал наизусть большую часть стихотворений Некрасова, А.К. Толстого, Лермонтова, любил Пушкина, особенно его прозу.

После окончания школы я поступил в Казанский университет на математическое отделение, где когда-то работал великий математик Лобачевский.

После окончания университета был оставлен аспирантом при кафедре физики. Затем стал доцентом и после защиты докторской диссертации был назначен профессором Казанского университета.

За работу по парамагнитному резонансу в 1957 г. мне была присуждена Ленинская премия.

Работаю в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова над вопросом регулируемого термоядерного синтеза. Это очень трудная проблема, окончательное решение которой, я думаю, будет дано только вашему поколению. Но для этого нам нужно работать, а вам уже сейчас готовиться «встать на вахту» науки.

Желаю вам, дорогие Следопыты, успехов, радости творчества, дерзаний. Не упускайте времени учиться думать. Это главное. Посылаю вам журнал «Природа», в котором помещена моя статья и маленькая фотография. Ваш Завойский»⁹.

ВИЗИТ Л.А. АРЦИМОВИЧА В США

Весной 1969 г. Л. А. Арцимович прибыл в США в Массачузеттский Технологический институт по приглашению тогдашнего его проректора Дж. Б. Визнера и профессора Б. Фельда¹⁰. По Дж. Л. Бромберг, этот визит Льва Андреевича напрямую не был связан с термоядерными исследованиями: он собирался прочитать несколько лекций американским коллегам. Надо сказать, что лица, пригласившие его в МИТ, были в то время очень известными деятелями. Джером Б. Визнер в недавнем прошлом был советником по науке при президентах Кеннеди и Джонсоне и во многом определял научную политику правительства США, и буквально через краткое время его ожидало

⁹ Личный архив Е. К. Завойского.

¹⁰ Bromberg J. L. Fusion: Science, Politics, and the Invention of a New Energy Source. Cambridge, Mass., 1982. P. 161.

кресло ректора МИТ¹¹. Бернард Т. Фельд был лидером Пагуошского движения, президентом Организации по присуждению премии мира имени Альберта Эйнштейна, основателем Федерации американских учёных. Естественно, что при появлении в МИТ лидера советских термоядерных исследований многие физики пожелали с ним встретиться. Как писала Дж. Л. Бромберг, кроме Визнера и Фельда беседы с Арцимовичем имели Дж. Ф. Кларк, М. Робертс, их шеф И. Алексефф, В. Драммонд из Техасского университета, а также английский специалист по пинчам А. А. Вза. В результате Арцимович прочитал лекции по токамакам. «Одним из основных моментов лекций было стимулирование взаимодействий между физиками-плазменщиками и инженерами, занимающимися магнитами в самом МИТ»¹².

НЕМНОГО О ТОМ, ЧТО ВСЕГДА ОСТАЁТСЯ «ЗА КАДРОМ»

Приводимая ниже записка от 24 июля 1969 г., адресованная заместителю директора института С. А. Тополину, представляет интерес: финансовые документы, относящиеся к физическим исследованиям, редко попадают в руки историков науки. Записка подписана лично Л. А. Арцимовичем, Е. К. Завойским и И. Н. Головиным: «Мы предлагаем следующее распределение денег на капитальное строительство в ИАЭ по приказу министра № 189 от 11.07. 1969 г.

1. ОПИ / установка Т-10 и установка для коротких импульсных процессов/ – 17,5 млн. руб.

2. Сектор 74 ОЯФ /пучок-плазма/ – 2,5 млн. руб.

¹¹ The Tech. 1994, oct. 25 (Vol. 114, no. 51).

¹² Bromberg J. L. Fusion: Science, Politics... P. 162. Фельд и Арцимович вели в 1963-1973 гг. переписку, хранящуюся теперь в архиве Б. Т. Фельда (Bernard Taub Feld Papers, MC 167, box X. Massachusetts Institute of Technology, Institute Archives and Special Collections, Cambridge, Mass.). РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 2551. 25а. Интересен в этой связи эпизод, рассказанный М. Розенблютом: когда Л. А. Арцимович был в Принстонском университете, там происходили студенческие волнения. На вопрос Арцимовича, почему этих студентов не посадят в тюрьму, Розенблют ответил, что свобода выражения протеста – это одна из ценностей, которую американская система образования должна защищать (Proc. of Amer. Philosophical Soc. 2006. Vol. 150, no. 2. P. 406).

3. ОГРА /инжектор/ – 1 млн. руб.»¹³.

Не входя в тонкости распределения денег между коллективами Л. А. Арцимовича (1), Е. К. Завойского (2) и И. Н. Головина (3), напомним, как приблизительно в те же годы реагировал на снижение вложений в его институт Х. Альфвен. В прессе писали: «... вероятно, самой чувствительной потерей для Швеции будет, если Ханнес Альфвен, один из лидерирующих физиков в области физики плазмы и пионер магнитогидродинамики, приведёт в исполнение свою угрозу эмигрировать в знак протеста на сокращение правительством фондов, выделенных для Института физики плазмы. На работу Альфвена государственная корпорация выделяла 200 000 долларов: на исследования по управляемому термоядерному синтезу и развитие этих работ. В бюджете на 1967/68 гг. эта статья была вычеркнута, и поддержка Альфвену должна была поступать от Совета по ядерным исследованиям, а весь бюджет Совета на следующий год составлял только 160 000 долларов. Альфвен истолковал это как административную оплеуху его работе»¹⁴. Он мог себе позволить заявить вслух: «Моя работа больше не

¹³ Личный архив Е. К. Завойского. (Записка с подлинными подписями участников по какой-то причине отложились в архиве моего отца). Для сравнения: в США Ч. Б. Вортон (Корнельский университет) и В. Э. Драммонд (Техасский университет), на свои исследования, в том числе и на турбулентный нагрев плазмы, получили по контрактам 1968 г. и 1970 г. соответственно 62.117 (65.000) и 66.631 (88.000) долларов // *Research Contracts in the Physical Sciences // Division of Research. July 1, 1968. P. 37, 38; там же. 1970. P. 40, 41.* Для сравнения: Дональд Керст (Висконсинский университет) в те же годы получил на плазменные исследования 357.660 и 460.000 долларов. В отличие от нас за рубежом эти вопросы освещались (например, Gingras Yv., Trépanier M. *Political, Economic and Technical Factors as Constrains and Resources // Social Studies of Science. 1993. Vol. 23, no. 1. P.5-36.*

Известно, что руководитель американской программы по термоядерному синтезу Роберт Л. Хирш не хотел принимать большое число проектов для осуществления УТС, каждый со своим большим бюджетом, и сделал токамак основным в программе. Хиршу принадлежат слова, сказанные много лет спустя: «Физики в УТС необходимы, но недостаточны» (*Fusion Power Report. 2003, January 1; <http://aries.ucs.../fjn02-73.shtml>*).

¹⁴ *Nucleonics. 1965. Vol. 25, no. 4. P. 77-78.*

приветствуется в этой стране»¹⁵ и уехать. Он имел возможность сделать выбор, в какой стране ему лучше работать (одно время он пробовал обосноваться в СССР, приезжая к Арцимовичу, но, видимо, что-то его не устроило, и он перебрался в США). В СССР вопрос об эмиграции был делом неслыханным, а, следовательно, и неосуществимым. Но... существовала и внутренняя эмиграция. Вот её-то и выбрал в 1971г. мой отец.

Видимо, отношение верхов ИАЭ к работам Е.К.Завойского, начальника сектора 74 ИАЭ, распространялось и на его сотрудников. Едва приоткрывался канал, чтобы наладить взаимодействие с иностранными учёными, работавшими по близкой тематике, как он тут же закрывался. Вот тому свидетельство. Это письмо доктору Теренцио Консоли (Сакле, Франция)¹⁶, который согласился принять на стажировку теоретика Л. И. Рудакова. 24 июня 1969 г. Евгений Константинович отдал в режимный отдел для отправки за границу письмо следующего содержания: «Уважаемый д-р Т. Консоли, я очень огорчён, что мне не удалось послать доктора Рудакова в Вашу лабораторию в Сакле для стажировки, но это не моя вина или доктора Рудакова. Несмотря на это, я надеюсь, что контакты будут продолжаться, и они позволят ознакомиться с Вашими замечательными исследованиями. Позвольте мне поблагодарить Вас за посылку трудов Парижского симпозиума по плазме. Искренне Ваш Е.Завойский».

Знаю, что незадолго до ухода моего отца с работы Леонид Иванович Рудаков обсуждал с ним вопрос о вступлении в партию. Видимо, объективные обстоятельства вынуждали к тому. Отец выслушал его, но отговаривать-соболезновать не стал. Однако справедливости ради надо сказать, что нечасто, но всё же, сотрудникам моего отца удавалось воочию знакомиться с зарубежными коллегами и их работами. Так, С. Д. Фанченко, который в 1954-1958 гг. был аспирантом в ИАЭ, при жизни своего

¹⁵ O'Connor, J. J., Roberts E. F. Alfven // www-history.mcs.st-andrews.ac.uk.

¹⁶ Д-р Т. Консоли был с визитом в ИАЭ. В свободное время, помню, отец мой возил его на своём ЗИМе на Выставку достижений народного хозяйства. Было тепло, и Консоли оставил свои кожаные перчатки на сидении машины. Пока они обзрели ВДНХ, перчатки исчезли, хотя машина была оставлена, конечно, закрытой. Отец был расстроен этим происшествием, а Консоли только вздохнул. Пригласить его домой отец мой не имел права по упоминавшимся выше режимным правилам.

учителя выезжал только в капстраны (10 раз). Но это опять-таки был исключительный случай: доктор Фанченко был членом КПСС и пропагандистом-руководителем школы научного коммунизма высшего звена¹⁷. Доктор Л. И. Рудаков за это же время побывал за рубежом 6 раз¹⁸, причём поездки стали регулярными после вступления его в ряды КПСС.

О ГЛАВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ В ФИЗИКЕ

В конце 1960-начале 70-х годов Евгений Константинович написал материал, в котором излагал свою точку зрения на главные направления в современной физике. Он писал: «Невозможно перечислить все, даже главные направления в физике. Кроме того, не всегда возможно предугадать, какое направление окажется главным через несколько лет вперёд. Поэтому здесь будут перечислены только наиболее общие направления.

Раздел теоретической физики: физика элементарных частиц («строение материи»). Теория пространства и времени.

Раздел общей физики: 1) физика плазмы и регулируемый термоядерный синтез; 2) строение атомных ядер; 3) физика твёрдого тела (в частности, полупроводники, сверхпроводники; 4) изучение атомарного и молекулярного строения (радиоспектроскопия, оптика, мазеры и лазеры).

Прикладная физика: 1) Ядерная энергетика. Прямое преобразование тепла в электричество; 2) Генерация сверхмощных электромагнитных колебаний и транспортировка энергии по волноводам; 3) Использование внутреннего тепла Земли, создание сверхпроводящих соленоидов...и напряжённости магнитного поля до 10^5 - $0,5 \cdot 10^6$ Э в объёмах 10-100 м³.

Кроме этих конкретных проблем перед физикой остро стоит общий вопрос о создании специальной комплексной научной аппаратуры, позволяющей извлекать полную информацию из эксперимента в минимальный срок при максимальной производительности творческого труда учёных.

Слов нет, что путь к новым идеям и открытиям иногда прокладывается усилиями одиночек или небольших коллективов, без помощи сложного и дорогостоящего оборудования. Но

¹⁷ Архив РНЦ «Курчатовский институт» Ф. 1. Оп. 1 л/д. Д. 30217, 5317. На заре своей карьеры Сергей Дмитриевич изучал диамат-истмат под руководством А. Я. Кольмана, известного тем, что он загубил многих деятелей советской науки.

¹⁸ Архив РНЦ «Курчатовский институт». Ф. 1. Оп. 1 л/д. Д. 30161.

развитие науки идёт, как известно, и другим путём: масштабы научной информации и объём эксперимента становится под силу только большим коллективам, в руках которых имеется вся мощь современной экспериментальной техники. Такие коллективы обладают громадными потенциальными возможностями и при появлении новых идей, гипотез и направлений способны быстро организовать разработку и выяснить перспективность использования их в науке и народном хозяйстве.

Однако вся сложность задачи состоит в том, что физика, стремительно развиваясь, требует непрерывного совершенствования и часто коренной смены методов исследования, а также гибкости в подготовке и отборе молодых учёных. Первую задачу можно решить только, создав в промышленности устойчивую тенденцию к изготовлению и быстрому усовершенствованию научной аппаратуры и оборудования. Подготовка же молодых учёных – один из сложнейших вопросов, мне кажется, будет непрерывно обогатиться по мере расширения сети самостоятельных физических институтов и лабораторий в промышленности и учебных заведениях»¹⁹.

ДОКЛАД И.Н.ГОЛОВИНА

В сентябре 1969 г. бывший заместитель директора И. Н. Головин был направлен в Калэм на Международную конференцию по реакторам ядерного синтеза с программным докладом «Токамак как возможный реактор синтеза». В заключение он сказал: «Если все эти задачи будут решены успешно в течение следующего десятилетия, то, по крайней мере, один род реактора синтеза станет реальным и в 90-х годах сможет сыграть достойную роль в мировом производстве энергии. Если мы не сделаем этого, то в конце нынешнего века наши потомки справедливо станут упрекать нас за нашу нерешительность, оставившую их без источников энергии, во многом имеющих преимущества перед реакторами деления»²⁰.

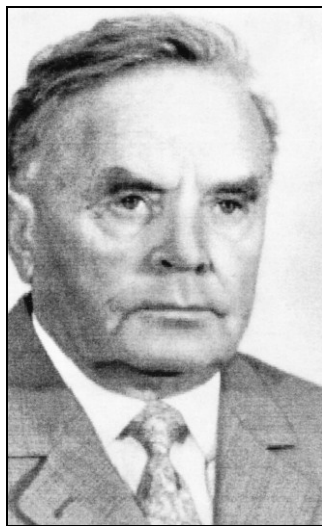
ОБ А.А.ВЛАСОВЕ

Анатолий Александрович Власов – советский физик, имя которого для некоторых и сейчас, когда со дня его кончины прошли более 30 лет, – словно красный платок для быка на корриде, всё как-то не может достойным образом «укорениться» в

¹⁹ Личный архив Е. К. Завойского.

²⁰ Головин И. Н., Днестровский Ю. Н., Костомаров Д. П. О возможности создания реактора-токамака. М., 1969. (ИАЭ-1937).

истории советской науки²¹. Несмотря на то, что существует литература, объективно описывающая заслуги А. А. Власова, его имя охотно эксплуатирует пресса с националистическим уклоном, хотя, надо полагать, в его научном творчестве едва ли разбирается²².

Профессор А.А. Власов

В силу обстоятельств, описанных в литературе, за всё время, что он работал в Московском университете, когда награды золотым дождём лились на его сотрудников за специальные («закрытые») темы, непременно связанные с обороной, он как нелюбимое дитя был удостоен только одной – Ломоносовской – за работу «Теория вибрационных свойств электронного газа и её приложения» (1944 г.). Благодаря стараниям сотрудников его имя уже посмертно было внесено в диплом на открытие «Закономерность понижения потенциала ионизации атомов в плотной слабоионизованной плазме» (1982 г. с приоритетом от

²¹ 1 ноября 2009 г. в Политехническом музее г. Москвы в рамках цикла «Непонятые гении» состоялась лекция доктора техн. наук, профессора Б. А. Осадина, посвящённая научному творчеству А. А. Власова.

²² Ковров М., Бояринцев В., Перова О.

1970 и 1973 гг.)²³. А в июле 1988 г. на Корсике в г. Каржес Научно-исследовательский институт провёл Международное рабочее заседание по нелинейным явлениям в плазме Власова²⁴.

Творческие судьбы теоретика Власова и экспериментатора Завойского, работавших в разных учреждениях Москвы, пересеклись, и это трагически сказалось на жизни Евгения Константиновича. Конечно, ни в коем случае не по вине самого Власова, а «по вине» разработанной им теории. Как известно, в советское время можно было лихо пострадать за «исповедание» всего того, что хотя бы на йоту отличалось от марксизма-ленинизма-сталинизма, что сейчас рассматривается как следствие тоталитаризма. Но оказалось, приверженность теории, предложенной Власовым, которая не совпадала с принятой «в академических верхах», также считалась крамолой, но уже не приверженцами вышеупомянутых «-измов», а свободно мыслящими физиками.

В личном архиве моего отца сохранился документ, касающийся значения работы А.А.Власова: «Плазма – очень своеобразное состояние вещества и, прежде всего, потому, что её свойства, с одной стороны, весьма напоминают свойства газа, но в отличие от него она состоит из заряженных частиц, которые могут взаимодействовать друг с другом на значительных расстояниях. Благодаря этому, поведение отдельной заряженной частицы существенно зависит от электрических полей окружающих частиц, которые тоже испытывают на себе действие данной частицы. Таким образом, в отличие от газа, каждая частица плазмы всегда «чувствует» на себе действие окружающего её коллектива частиц, и это участие коллектива непрерывно, а не сводится, как в газе, только к мгновенным прямым столкновениям частиц друг с другом.

На это важнейшее свойство плазмы впервые обратил внимание советский учёный Власов, который в уравнение Больцмана для газов ввёл силы электрического и магнитного взаимодействия частиц плазмы. Полученное им соотношение носит название уравнения Власова и является фундаментальным уравнением для плазмы²⁵».

²³ Базаров И. П., Николаев П. Н. Анатолий Александрович Власов. Серия «Выдающиеся ученые физического факультета МГУ». Вып. 11. М., 1999.

²⁴ Proceedings of the International Workshop on Nonlinear Phenomena in Vlasov Plasma. Ed. By F. Doveil. 1988. 404 p.

²⁵ Личный архив Е. К. Завойского.

Анатолий Алексеевич Власов, чья творческая жизнь была целиком связана с Московским государственным университетом, был почти на год моложе Евгения Константиновича. Он также родился в провинции, также получил университетское образование, также был «выдвиженцем»: на языке того времени это означало, что его готовили к научной и педагогической деятельности. В аспирантуре его руководителем стал И. Е. Тамм. Так же, как Завойский, Власов в те же 30-е закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. В 1938 г. он опубликовал работу, которая прошла как бы незамеченной. Во всяком случае она не вызвала никаких нареканий. Через три года началась Великая отечественная война. В начале ноября 1942 г. А. А. Власову была присвоена учёная степень доктора физ.-мат. наук на основании защиты диссертации «Теория вибрационных свойств электронного газа и её приложения»²⁶. Комиссия постановила: «Диссертационная работа тов. А. А. Власова является существенным вкладом в теорию плазмы. В этой работе блестяще разрешён ряд спорных вопросов, поставленных ещё в работах Рэлея и Ленгмюра. Наиболее важными достижениями в работе являются: а) открытие законов распространения поляризационных свойств, которые при больших скоростях электронов оказываются волновыми; б) обнаружение двух типов колебания плазмы; в) влияние неизотермичности плазмы; г) установление новых критериев, позволяющих описывать состояние плазмы с помощью уравнения гидродинамики; д) новый метод учёта торможения быстродвижущегося электрона; е) объяснение эффекта Вуда и селективного фотоэффекта и ряда других явлений. Всё это вместе позволяет дать работе А. А. Власова исключительно высокую оценку. Её результаты найдёт себе применение в теории газового разряда, теории металлов, теории моносферы и других смежных областях».

Неприятности у А.А.Власова начались после того, как эвакуированный физфак вернулся в Москву. Судьба сыграла с ним нехорошую, злую шутку: его кандидатура на замещение заведующего кафедрой теоретической физики была выставлена на конкурсе вместе с кандидатурой его бывшего научного руководителя, и волею судьбы выбор был сделан в его (Власова) пользу. Причинами, возможно, повлиявшими на такой выбор,

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 375. Л. 19-19 об. Документ экспертной комиссии был подписан профессором В. Д. Кузнецовым в присутствии комиссии, членами которой был профессор Н. А. Прилежаева и К. Л. Баев.

было наличие у Игоря Евгеньевича Тамма репрессированного брата, а также партийная поддержка, оказанная молодому и энергичному А. А. Власову. Избрание Власова вызвало бурную реакцию со стороны сторонников Тамма²⁷. Но в итоге кафедра до 1953 г. оставалась за Анатолием Александровичем.

В 1946 г. была опубликована статья А. А. Власова «К обобщённой теории плазмы и твёрдого тела», которая вызвала острую критику со стороны двух академиков Л. Д. Ландау и В. А. Фока, члена-корреспондента М. А. Леонтовича и доктора наук В. Л. Гинзбурга. Их статья имела название: «О несостоятельности работ А. А. Власова по обобщённой теории плазмы и теории твёрдого тела»²⁸. Несмотря на то, что эта статья уже давно «преклонного возраста», а из её авторов в живых до 8 ноября 2009 г. был только один Нобелевский лауреат В. Л. Гинзбург, она продолжала оставаться своеобразной притчей во языцех. Можно понять, когда к ней обращаются физики и историки науки. Однако из-за своего вызывающего названия она привлекает к себе не только их, и это, конечно, более чем прискорбно.

Осенью 1968 г. А. А. Власов был выдвинут на соискание Ленинской премии, по всей видимости, на следующий 1969 год²⁹. Однако какие-то обстоятельства помешали Комитету рассмотреть его кандидатуру.

Как следует из архивных материалов, которые пролежали без всякого движения почти сорок лет, за присуждение премии Власову проголосовали 86 человек, против – только 2, недействительным оказался 1 бюллетень (итог голосования Комитета по выдвижению работы на премию от 24 марта 1970 г.).

Кандидатуру А. А. Власова выдвинул Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (представления декана физического факультета профессора В. С. Фурсова, профессоров А. А. Соколова, И. М. Тернова и Д. Я.

²⁷ Устное сообщение от члена-корреспондента В. П. Силина (1 июня 2009 г.): Виктор Павлович тесно общался с И. Е. Таммом, поэтому он смог задать ему вопрос, был виноват ли А. А. Власов в сложившейся ситуации (В. П. употребил другое слово). «Совсем нет», – ответил ему Тамм. Он сказал, что Власов действительно выиграл конкурс, пришёл к нему и открыто сказал, что считает его кафедральную политику и преподавание неверными. Претензий у Игоря Евгеньевича к Власову не было.

²⁸ ЖЭТФ. 1946. Т. 16. С. 246-252.

²⁹ Филиал РГАНТД. Ф. 180. Оп.3. Д. 2164.

Мартынова)³⁰. Был представлен цикл его работ по теории плазмы. Работы эти были опубликованы в период 1938-1950 годы. «Выполненные исследования послужили основой нового направления в области изучения плазмы», – говорилось в аннотации к представлению.

Приведу сохранившееся в домашнем архиве Е.К.Завойского письмо-представление на цикл работ по физике плазмы профессора А. А. Власова, написанное заведующим кафедрой теоретической физики А. А. Соколовым: «Профессор А. А. Власов выдвигается на соискание Ленинской премии за цикл работ по статистической теории плазмы, опубликованных в 1938 г., в 1945 г. и в 1950 г.,³¹ которые приобрели за последние годы весьма важное мировое значение. В указанных работах А. А. Власов, исходя из уравнения Больцмана, показал, что учитывать взаимодействие между заряженными частицами столкновительным членом бессмысленно в виду расходимости поперечника сечения для кулоновского взаимодействия. Отсюда следует, что каждая частица одновременно взаимодействует со всеми частицами рассматриваемой системы. По указанной причине А. А. Власов в уравнении Больцмана сделал два существенных изменения. Первое заключается в том, что он нацело опустил основной характерный член – соударительный, второе изменение, не менее радикальное, сводится к тому, что он учёл взаимодействие каждой частицы со всеми другими специфическим новым членом с помощью сил, которые сами зависят от функции распределения частиц. Эти новшества настолько сильно видоизменили уравнение Больцмана, что получилось новое нелинейное уравнение совершенно иной природы, получившее в мировой литературе название «Уравнения Власова».

В указанных работах А. А. Власов доказал эффективность составленного им уравнения в различных физических процессах и состояниях плазмы:

1) возможность разделения волн в плазме на продольные и поперечные и общее выражение их взаимодействия.

³⁰ Филиал РГАНТД. Ф. 180. Оп. 3. Д. 2164. Л. 8-10, 11, 12.

³¹ «О вибрационных свойствах электронного газа» // УФН. 1957. Т. 93, вып. 3; «Теория вибрационных свойств электронного газа и её приложения» // Уч. Зап. МГУ. 1945. Вып. 75, кн. 2 (монография); Главы, посвящённые теории плазмы, из монографии «Теория многих частиц». М., Гостехиздат, 1950.

2) определил дисперсию продольных и поперечных волн, где впервые появилась так называемая «пространственная дисперсия».

3) доказал необходимость применения исходного уравнения к электронной плазме в условиях металла.

4) рассмотрел ряд других приложений – движение заряженных частиц и пучков в плазме, существование стационарных плазменных образований, размеры которых определяются температурой, концентрацией, внешними магнитными полями, но не объёмом сосудов и прочее.

В связи с этим следует ещё отметить, что классик теоретической физики Больцман, установив своё уравнение для газа, учитывающее парные столкновения, не усмотрел возможности введения коллективных взаимодействий; другой классик – Лоренц, создавая классическую теорию электронного газа в металлах, перенёс без изменения уравнение Больцмана и на электроны. Таким образом, классики теоретической физики думали над той же проблемой и не сделали того важного шага, который сделал А. А. Власов, поэтому этот шаг не может рассматриваться как само собой разумеющийся и должен быть по достоинству оценен.

Возросшая важность этих работ за последние годы следует из того, что практически в физических журналах всех стран мира опубликованы сотни работ, посвящённые «теории плазмы без столкновений», «уравнению Больцмана-Власова», «уравнению Власова»; имеются монографии, посвящённые в основном этому уравнению (см., например, большую монографию Балеску, переведённую на русский язык в 1967 г.). В качестве примера можно также указать Международную конференцию по физике плазмы и управляемым термоядерным реакциям в Новосибирске в период с 1-7 августа 1968 г., где из 8 основных теоретических докладов 6 докладов были посвящены процессам на базе «теории плазмы без столкновений».

В юбилейном выпуске журнала «Успехи физических наук» работа А. А. Власова по теории плазмы 1938 г. вошла в число выдающихся работ, выполненных в Советском Союзе.

Учитывая всё это, за указанный цикл работ А. А. Власову по теории плазмы должна быть присуждена Ленинская премия. Заведующий кафедрой теоретической физики профессор А. А. Соколов. 9 октября 1968 г.».

По запросам Комитета свои отзывы прислали академики Е. К. Завойский, Р. З. Сагдеев, А. Л. Минц, находившийся тогда в ранге члена-корреспондента Б. Б. Кадомцев и декан физического

факультета, профессор В. С. Фурсов. Все они в свое время были сотрудниками Института атомной энергии. Кроме того, в обсуждении кандидатуры А. А. Власова принимали участие В. Н. Романов и А.В. Гапонов-Грехов³².

Приведу их высказывания. При этом замечу, что документ, представленный Е. К. Завойским в Комитет по Ленинским премиям, датирован 30 октября 1968 г., т. е. кандидатура Власова должна была проходить ещё в 1969 году. Евгений Константинович писал: «Поддерживаю кандидатуру профессора А. А. Власова, выдвинутого на соискание Ленинской премии 1969 года за цикл работ:

1. «О вибрационных свойствах электронного газа», УФН, т. 98, вып. 3, 1967 г.

2. «Теория вибрационных свойств электронного газа и её приложения» (монография),

3. Главы, посвящённые теории плазмы, из монографии «Теория многих частиц», Гостехиздат, Москва, 1950 г.

Наиболее важным научным достижением А. А. Власова является полученное им уравнение, которое носит название «Уравнения Власова» и лежит в основе современной теории плазмы.

В последние годы особенно широкое применение получили идеи А. А. Власова в связи с проблемой регулируемого термоядерного синтеза и исследованиями космической плазмы. Это есть как раз те области, в которых изучается или высокотемпературная или редкая плазма, в которой «кулоновские столкновения» («парные взаимодействия») не играют определяющей роли, а явления протекают за счёт коллективных взаимодействий.

Работы А. А. Власова принадлежат к числу общепризнанных в мировой науке фундаментальных научных исследований и нет сомнения, уже давно заслуживают Ленинской премии³³.

Согласно архивной записи, академик Р. З. Сагдеев указал, что «в работах А. А. Власова важное значение имеет основное уравнение в теории разреженной плазмы – кинетическое уравнение с самосогласованным полем без интеграла столкновения»³⁴. Роальд Зиннурович считал возможным

³² Филиал РГАНТД. Ф. 180. Оп. 3. Д. 2157. Л. 42, 43.

³³ Филиал РГАНТД. Ф. 180. Оп. 3. Д. 2164. Л. 23.

³⁴ Филиал РГАНТД. Ф. 180. Оп. 3. Д. 2164. Л. 16-17.

присуждение премии вместе с работами Я.Б.Файнберга и А.И.Ахиезера по пучковой неустойчивости плазмы.

Кроме этой краткой записи Сагдеев прислал развёрнутый отзыв на работы А.А.Власова: «Должен признаться, что мне было очень трудно написать этот отзыв. Хотя хорошо известна история вызвавших много споров работ А. А. Власова по так называемой теории многих частиц.

Я хотел бы начать с конца, а именно с конкретных физических результатов, полученных А. А. Власовым, а затем уже перейти к «уравнению Власова». А Власов рассмотрел ряд задач о колебаниях плазмы. В частности получил дисперсионное уравнение для продольных ленгмюровских колебаний. Но сами колебания уже до него были открыты Ленгмюром и Тонксом, ими же было получено дисперсионное уравнение. А. Власову принадлежит лишь уточнение численного коэффициента, играющего роль эффективного показателя адиабаты (3 вместо 5/3). Но из-за ошибки в определении интеграла по скоростям А. А. Власов прошёл мимо явления так называемого «затухания Ландау» - одного из наиболее важных результатов в физике плазмы.

А.А.Власову принадлежит решение задачи с черенковским излучением продольных волн заряженными частицами (1945 г.).

А.А.Власов занимался также известным парадоксом Ленгмюра (аномально быстрая релаксация электронного пучка). Именно этот парадокс послужил первоосновой открытия явления пучковой неустойчивости. Здесь А. А. Власов развил идею Меррилла и Уэбба о клистронном механизме (1945 г.).

С тех пор А. Власов опубликовал большое количество ошибочных работ. Не стоит о них писать, так как в своё время они были подвергнуты исчерпывающей критике в научной печати.

Перечисленные выше результаты А. А. Власова никак не могут служить основанием для соискания премии.

Но имя А.А.Власова упоминается в физике плазмы не в связи с этими результатами. Основное уравнение в теории разреженной плазмы – кинетическое уравнение с самосогласованным полем без интеграла столкновений часто называют «уравнение Власова». Метод самосогласованного поля был известен задолго до Власова. Ленгмюр и Тонкс использовали его в гидродинамической модели и получили колебательные свойства плазмы. Закон «трёх вторых» был найден тоже с учётом самосогласованного поля. И то, что в связи с соответствующим уравнением почти каждый раз упоминается имя А. А. Власова, мне

представляется перекрывающим значение, которое в действительности имеет вклад А. А. Власова.

Если сравнить рецензируемый здесь цикл работ А. А. Власова с циклом работ по пучковой неустойчивости (см. соответствующую рецензию), то, пользуясь введённой там пятибалльной шкалой, А. А. Власову можно дать 4 балла (после Я. Б. Файнберга и А. И. Ахиезера). Не исключено, что оба цикла стоит объединить под девизом «Самосогласованное поле и пучковая неустойчивость плазмы», расположив авторов в порядке важности вклада: Я. Б. Файнберг, А. И. Ахиезер, А. А. Власов и т. д. Академик Р. З. Сагдеев».

Согласно той же архивной записи, академик А. Л. Минц написал, что «предложенный А. А. Власовым метод является главным рабочим инструментом всей современной теории кинетических процессов в системах заряженных частиц. Работу следует допустить к конкурсу на соискание Ленинской премии»³⁵.

Сохранился и отзыв Б. Б. Кадомцева о «Цикле работ по теории плазмы» А. А. Власова: «Имя А. А. Власова хорошо известно в мировой научной литературе, с ним связано так называемое «уравнение Власова» – кинетическое уравнение для заряженных частиц с самосогласованным полем. Это уравнение было предложено А. А. Власовым для описания колебательных свойств электронной плазмы в 1938 году. Чтобы учесть главный эффект от далекодействующих кулоновских сил в разреженной плазме, А. А. Власов полностью пренебрёг обычными парными столкновениями и сохранил лишь ту часть взаимодействия заряженных частиц, которая связана с макроскопическими электрическим и магнитными полями, создаваемыми, в частности, самими частицами. Это был очень важный шаг, заложивший фундамент теории коллективных процессов в разреженной (иногда называемой «бесстолкновительной») плазме.

Последующие работы А. А. Власова по приложению уравнения с самосогласованным полем к конкретным вопросам не представляются столь же существенными, как вывод самого уравнения.

При исследовании дисперсионного уравнения для плазменных колебаний А. А. Власов допустил небольшую некорректность, используя главное значение от интеграла с особенностью без достаточных на то оснований. Это обстоятельство послужило причиной довольно острой дискуссии между А. А. Власовым и Л. Д. Ландау. Л. Д. Ландау показал, что

³⁵ Филиал РГАНТД. Ф. 180. Оп. 3. Д. 2164. Л. 3.

корректное решение задач о колебаниях плазмы как задач с начальными значениями или граничными условиями приводит к интегралу с обходом особой точки в комплексной плоскости, и благодаря этому появляется специфическое затухание, не связанное со столкновениями (затухание Ландау). Как показало проведённое в последние годы исследование слабо нелинейных колебаний, решение А. А. Власова (дисперсионного уравнения) также имеет определённый физический смысл – оно соответствует установившимся нелинейным волнам малой амплитуды с захваченными частицами.

Одно время А. А. Власов переоценил значение уравнения с самосогласованным полем и пытался распространять своё уравнение за рамки его применимости.

Но мне всё же кажется, что внесённый в физику главный вклад А. А. Власова – кинетическое уравнение с самосогласованным полем – настолько существенен, что он перевешивает недостатки, содержащиеся в последующих работах. По моему мнению, А. А. Власов достоин присуждения Ленинской премии, но не за «Цикл работ по теории плазмы», а за «Кинетическое уравнение с самосогласованным полем», если ранее за эту работу Государственная премия не присуждалась. 24 декабря 1969 года»³⁶.

В. Н. Романов, также участвовавший в обсуждении кандидатуры Власова, сказал: «Работа очень важная. Ошибки его общеизвестны, но всегда надо думать о позитивном, международном значении этой работы. Был период, когда Власов выпускал не вполне хорошие работы, но за этим не видеть той хорошей работы, которая в данном случае выполнена, нельзя. Я поддерживаю выдвижение на конкурс этой работы».

В архиве Е. К. Завойского сохранился небольшой набросок, видимо, популярной лекции о плазме с упоминанием имени Власова. «Плазма, – писал он, – это своеобразное состояние вещества и, прежде всего, потому, что её свойства, с одной стороны, напоминают свойства газа, но в отличие от него она состоит из заряженных частиц, которые могут взаимодействовать

³⁶Филиал РГАНТД. Ф. 180. Оп. 3. Д. 2164. Л. 19-20. Б.Б.Кадомцев был автором большой статьи «Плазма» в «Физическом энциклопедическом словаре» (Т. 4. С. 15-24), выходявшем в 1960-1968 гг. в издательстве «Большая Советская Энциклопедия». Рядом со списком литературы к этой статье Бориса Борисовича Е.К.Завойский написал: «А где же работы Власова? Кадомцеву это стыдно».

друг с другом на значительных расстояниях. Благодаря этому поведение отдельной заряженной частицы существенно зависит от электрических полей окружающих частиц, которые тоже испытывают на себе действие данной частицы. Таким образом, в отличие от газа каждая частица плазмы всегда «чувствует» на себе действие окружающего её коллектива частиц, и это участие коллектива непрерывно, а не сводится, как в газе, только к мгновенным прямым столкновениям частиц друг с другом. На это важнейшее свойство плазмы впервые обратил внимание советский ученый А. А. Власов, который в уравнение Больцмана для газов ввёл силы электрического и магнитного взаимодействия частиц плазмы. Полученное им соотношение носит название уравнения Власова и является фундаментальным уравнением для плазмы»³⁷.

13 апреля 1970 г. из ЦК КПСС последовало постановление о присуждении Ленинской премии А. А. Власову «За цикл работ по теории плазмы, содержащий фундаментальный метод исследования ее свойств»³⁸. Как вспоминали современники, сам Анатолий Александрович, и не только он, считали эту премию запоздалой. Жизнь его подходила к закату. 22 декабря 1975 г. он скончался на 68-м году жизни.

В июньском номере журнала «Успехи физических наук» за 1976 г., когда главным редактором был Евгений Константинович, был напечатан некролог А. А. Власова, скромно подписанный университетской профессурой: И. П. Базаровым, Н. Н. Боголюбовым, Б. Б. Кадомцевым, И. И. Ольховским, А. А. Соколовым, В. С. Фурсовым и Р. В. Хохловым.

СЕМИНАР «ЭОПЫ И УСИЛИТЕЛИ СВЕТА»

В середине июня 1970 г. состоялся Второй семинар, посвященный электронно-оптическим преобразователям и усилителям света и их применению в науке и технике. Этой тематикой, как я уже писала, Евгению Константиновичу пришлось заниматься ещё в Сарове, и, как видно хотя бы по тому, что ему было предоставлено на Семинаре вступительное слово, он полностью не отошёл от этих работ. Так ведь было и с ЭПР. Обращаясь к новой тематике, он никогда не говорил старой: «Прощай», а использовал её как плацдарм при изучении новой. «Информацию о строении Вселенной, – писал он, работая над вступительным словом, – мы получаем, изучая главным образом спектр электромагнитных излучений и частично приход

³⁷ Личный архив Е. К. Завойского.

³⁸ Филиал РГАНТД. Ф. 180. Оп. 3. Д. 2167. Л. 1.

корпускулярного излучения на Землю и околоземное пространство. По мере развития техники эксперимента начинаются исследования в области приёма гравитационных волн, нейтринной, протонной, нейтронной, гамма-астрономии, рентгеновской астрономии и т. д. Информационная ёмкость каналов связи с Вселенной определяется известными нам законами природы, а также зависит от состояния технологии изготовления научной аппаратуры. Успехи в создании телескопов, развитии спектрального анализа, фотоэлектронных умножителей (ФЭУ), а затем в последнее время ЭОПов существенно расширяет возможности получения информации, правда, в области довольно узкого участка электромагнитного спектра».

ПОЕЗДКА В ОСАКА ОТМЕНЕНА

Осенью 1970 г. мой отец был приглашён на Всемирную выставку ЭКСПО-70 в Японию. Он должен был выступить с двумя докладами об электронном парамагнитном резонансе, один для учёных университета Осака, другой – популярный. Девизом выставки были: «Прогресс и гармония для человечества». Доклады отец должен был читать на английском языке, которым владел пассивно. Для подготовки докладов он взял летом двухмесячный отпуск, приобрёл магнитофон «Дельфин» и ежедневно работал над английским вариантом текста. Я как преподавательница вуза тоже была в отпуске. На английский язык доклад перевёл сотрудник отца его ученик и сотрудник-полиглот С.Д. Фанченко. Работа была сложной, а самое главное ответственной. Я помогала с произношением. Назвать это время отдыхом мы с отцом никак не могли. Но на вопрос заместителя отца К. И. Тараканова, когда можно заказывать билеты на самолёт, в Иностранном отделе Академии наук ему ответили лаконичным «никогда». Пропали усилия не только наши с отцом, но и мамы: ей впервые разрешили сопровождать мужа в зарубежную командировку, и она прошла все необходимые инстанции, как-то: местком, партком своего ВИНТИ и райком. Ей, бедной, пришлось зазубривать имена секретарей всевозможных компартий и т. п.

Формальной причиной отказа в поездке была названа холера, которая якобы где-то свирепствовала. Но я лично знакома с сотрудником отца, который ездил в Японию вместо него. Видать, дело было вовсе не в холере. Я не раз слышала, что причиной ухода моего отца из Института был отказ в зарубежных поездках. С этим я не могу согласиться. Папа был достаточно закалённым человеком, прошедшим и через вынужденные «свидания» со

следователями НКВД³⁹, и через Саров (КБ-11), где он на каждом шагу видел, как человек может глумиться над человеком. Здесь было что-то другое⁴⁰.

Хочу здесь напомнить, что ни на одну зарубежную конференцию, посвящённую вопросам радиоспектроскопии, он, стоявший у самого её истока, выехать не смог, хотя и был приглашаем.

О НОВОМ ЭТАПЕ В РАБОТАХ ПО УТС

К сожалению, далее я не смогу опереться на какой-нибудь официальный документ по причине невозможности его обнаружить, но в архиве моего отца имеется черновик, написанный, видимо, по запросу ГКАЭ приблизительно в 1970 г. Речь в нём идёт о том, что и в СССР, и в США закончили работу комиссии, которые подвели итоги исследований по термоядерной тематике приблизительно за пятнадцатилетний период времени. «В выводах констатируется, что за последние годы наблюдался переход от попыток прямого решения основной проблемы к физике высокотемпературной плазмы, – писал Евгений Константинович. – Это означает наступление нового этапа в работах по термоядерному синтезу. Кроме этого, по всей видимости, в ближайшее время произойдёт изменение размеров и

³⁹ Чародей эксперимента... С. 215.

⁴⁰ 11 декабря 1987 г. академик В.Л.Гинзбург вспоминал, что в 1976 г. он приходил к моему отцу на дачу по поводу письма, в котором в то время писал Брежневу о сложностях, связанных с выездом учёных за границу. Виталий Лазаревич хотел спросить разрешения привести как частный пример сплошные отказы в поездках отцу на конференции. Они вместе решили, что фамилию называть не стоит, а как пример привести можно. Отец мой сказал тогда, что ему трудно утверждать, но инфаркт, конечно, связан с уходом из института и всякими ограничениями. «Он гордец был ужасный. Он ушёл на пенсию. Я бы не ушёл. Я бы продолжал работать», – заключил академик. Конечно, Виталий Лазаревич был осведомлён о причинах ухода моего отца с работы. В другой раз, возвращаясь этой же теме, он сказал: «Евгений Константиновича не все любили. Мы с ним удивительно сдружились. Я болтал, а он меня внимательно и молчаливо слушал. Я понял, что он мыслит так же, как и я, его тревожат те же проблемы, что и меня. Мы с ним были предельно откровенны. Зря он ушел из института. Работал бы себе и работал. Арцимович делал ему пакости. Ну, и что? А он бы работал да работал. У него гордыня была. У меня, знаете ли, нет гордыни. Я не позволяю себе её иметь».

форм финансирования работ. Комиссии признают острую необходимость притока новых идей для решения основной задачи. Это требует большей свободы и инициативы от учёных разных лабораторий. Исходя из этого, разумно провести преобразования и в руководстве проблемой. Для этого предлагается: 1. Привлечь к руководству проблемой молодых учёных; 2. Разделить (персонально) руководство проблемой в Министерстве и АН СССР»⁴¹.

О ТУРБУЛЕНТНОМ НАГРЕВЕ ПЛАЗМЫ

Начиная главу о турбулентном нагреве, я, прежде всего, обращусь к отчёту о проведённой работе за период 1960-1966 гг. сотрудника Е.К. Завойского П.П. Гаврина, где последний кратко обобщил ход работ по этому новому направлению⁴². «Уже в первых опытах, выполненных в 1962 году, – писал он, – стало ясно, что этот метод позволяет весьма эффективно и с помощью простых средств нагревать плазму. Энергия электронов была оценена ~ 500÷800 эВ. Поглощённая плазмой энергия от в.ч. контура составляла ~ 30% от полного запаса энергии контура. В работе (3) плазма изучалась с помощью оптической и в. ч. методик. Необходимо заметить, что все работы по турбулентному нагреву плазмы производились на установках типа пробкотрон.

Конец 1962 г. и весь 1963 г. был посвящён более детальному изучению турбулентно нагретой плазмы. Была построена бóльшая по размерам установка с новыми параметрами. В диапазоне значений концентрации от 10^{12} да 10^{13} см⁻³ было получено значение $nT \approx 10^{15}$ эВ·см⁻³, что составило ~ 20% от $H^2 \sim /8\pi$. При определённых условиях нагрев электронов сопровождался нагревом ионов до ~ 150 эВ. Время удержания в ловушке ионов с температурой ~ 100 эВ достигало ~ 130 мкс, а электронов с температурой 500 эВ ~ 60 мкс. Таким образом, было выяснено, что турбулентно нагретая плазма хорошо удерживается в ловушке. Нагрев плазмы нельзя объяснить столкновительной диссоциацией.

Установка, назовём её условно ТН-1, – записано далее в отчёте Гаврина, – была оснащена большим количеством измерительной аппаратуры. Концентрация заряженных частиц измерялась по запиранию микроволновых сигналов на волнах 10 см, 3 см и 8 мм и по времени ионизации нейтральных атомов, измеренному по затуханию свечения спектральных линий.

⁴¹ Личный архив Е. К. Завойского.

⁴² Архив РИЦ «Курчатовский институт». Ф. 1. Оп. 1. Д. 16464. Л. 16-20.

Энергия излучения электронов в тонких углеродных фольгах и по одновременному наблюдению свечения линий H_{β} и H_{ϵ} I с помощью фотоэлектрической методики. Для измерения продольных скоростей ионов и электронов использовался зонд с электростатическим анализом энергии частиц.

Конец 1963 г. и 1964 г. был посвящён адиабатическому сжатию турбулентно нагретой плазмы. На новой, специально для этого построенной установке, которую назовём ТН-2, было введено переменное магнитное поле с максимальной амплитудой, равной 3 килоэрстед, и полупериодом 2,5 мс. Предварительно нагретая в.ч. контуром плазма оказалась устойчивой, как при сжатии, так и при расширении в течение всего времени наблюдения. Температура электронов, определённая по тормозному излучению из объёма плазмы, была равна ~ 30 кэВ, при плотности $\sim 2 \cdot 10^{13}$ см⁻³.

Было выяснено, что турбулентный нагрев вместе с адиабатическим сжатием является эффективным методом получения плотной высокотемпературной плазмы. Установка была оснащена большим количеством измерительной аппаратуры, а именно: продольными и поперечными рентгеновскими зондами, микрохроматором с ФЭУ, ионными зондами, СВЧ зондами и сцинтилляционными счётчиками.

В конце 1964 г. на этой же установке было обнаружено новое явление, которое получило в дальнейшем название нагрев плазмы прямым током. Сильный нагрев электронов, зарегистрированный по мощному рентгеновскому излучению из объёма плазмы наблюдался тогда, когда происходил разряд между инжекторами, заряженными до определённого потенциала относительно друг друга.

Весь 1965 г., а также 1966 г. были посвящены изучению нагрева плазмы прямым током. Часть работ была проделана на установке ТН-2.

В феврале 1965 г. была построена новая установка ТН-4, на которой по настоящее время под руководством Е.К. Завойского, совместно с С. Л. Недосеевым, продолжают работы по изучению физики нагрева плазмы прямым током. Работы, выполненные на установках ТН-2 и ТН-4, вошли в доклад, представленный на Международной конференции по термоядерному синтезу в Калэме. В настоящее время опыты на установке ТН-4 обрабатываются и предполагается опубликование 1-2 статей, представляющих итог работы за 1,5 года».

Вслед за эти кратким отчётом можно обратиться и к обстоятельному отчёту Е.К. Завойского.

«Турбулентный нагрев. Это направление плазменных исследований включает в себя изучение турбулентного состояния плазмы и поиск методов нагрева плазмы до термоядерных температур, использующих эффект существенного увеличения скорости диссипации энергии упорядоченного движения в турбулентной плазме.

Впервые поисковые эксперименты по наблюдению нагрева плазмы за времена, много меньшие времени между кулоновскими столкновениями, были проведены под руководством Е.К. Завойского в 1961 году. Было обнаружено аномально быстрое поглощение в плазме магнитозвуковой волны большой амплитуды и нагрев электронов плазмы до температуры порядка 1 кэВ. Это явление было названо турбулентным нагревом.

Турбулентный нагрев электрическим током исследовался в нескольких вариантах. Во-первых, нагрев плазмы в открытых ловушках зеркального типа и в замкнутых тороидальных системах током, текущим вдоль магнитного поля. Во-вторых, нагрев нелинейной магнитозвуковой волной (бесстолкновительной ударной волной) и, в-третьих, нагрев магнитозвуковой волной малой амплитуды (высокочастотный нагрев).

Для осуществления турбулентного нагрева током нужно создать условия, когда ток в плазме возбуждает мелкомасштабную и высокочастотную турбулентность. Тогда дополнительные потери из-за турбулентной диффузии не будут препятствовать нагреву плазмы.

За последние годы были проведены подробные исследования турбулентного состояния плазмы, возникающего при турбулентном нагреве в электрических полях с напряжённостью $10 \div 100$ В/см. Для этой цели помимо общеупотребительных методик, использующих ленгмюровские зонды и СВЧ-зондирование, были разработаны две новые методики.

Наличие ионно-звуковых колебаний с частотой ω_{pi} , существование которых предсказывается теорией аномального сопротивления, предложенной Л.И. Рудаковым и Л.В. Кораблёвым, установлено из анализа частотного спектра в области $2\omega_{pi}$ длинноволновых колебаний магнитного поля, возникающих вследствие нелинейного слияния ионно-звуковых колебаний.

Был также разработан и успешно использован метод измерения напряжённости электрических полей и колебаний по штарковскому уширению линий водорода. Определённая

различными методами плотность энергии ионно-звуковых колебаний оказалась достаточной, чтобы объяснить в рамках ионно-звуковой теории аномального сопротивления измеряемую в опытах величину эффективной частоты рассеяния ν_{ef} .

Специально поставленный эксперимент на установке НПР-2 в ИАЭ показал, что в стадии нагрева током, текущим вдоль магнитного поля, в открытых системах отсутствуют сколь-нибудь существенное рентгеновское излучение и СВЧ-излучение на частотах выше ω_{pi} . Этот результат исключает предположение, что за турбулентный нагрев ответственны электронные пучки и пучковая неустойчивость.

Большое внимание было уделено исследованию турбулентного нагрева ионов. Для этого в ИАЭ была построена крупная установка ТН-5. На ней была получена в объёме 100 литров плазма с плотностью $2 \cdot 10^{13}$ частиц/см³ и средней энергией ионов 2÷3 кэВ. Эксперименты, выполненные в ИАЭ и НИИЭФА, подтвердили предсказание теории турбулентного нагрева током, что функция распределения ионов должна иметь резкий излом, соответствующий существованию горячих ионов, нагрев которых – следствие линейного поглощения ионно-звуковых колебаний.

Метод турбулентного нагрева был использован для получения горячей плазмы на установке ОГРА II. Максимальные значения $nT \approx 10^{19}$ эВ/см³ при турбулентном нагреве получены в ХФТИ на установке «Гром».

Выводы из этих исследований таковы. Турбулентный режим нагрева осуществим в открытых и тороидальных системах, его эффективность может приближаться к 100%. Таким образом можно нагреть электроны и ионы до термоядерных температур. Нагрев током, текущим вдоль магнитного поля, обязан ионно-звуковой неустойчивости тока.

Анализ перспектив использования этого метода турбулентного нагрева показывает, что в крупномасштабных термоядерных устройствах его эффективность может оказаться относительно низкой. Для возбуждения ионно-звуковой неустойчивости нужно, чтобы плотность тока превышала пороговое значение $e n \cdot (T_e/M)^{1/2}$. А чтобы не развивалась неустойчивость Крускала-Шафранова, полный ток должен быть не слишком велик. Эти два противоречивых условия могут быть выполнены, если ток течёт только по поверхности плазменного шнура. Эффективность такого нагрева может быть высокой, если прогрев сердцевинки шнура будет происходить за время, меньшее времени диффузии частиц плазмы на стенки. Ответ могут дать

лишь специально поставленные эксперименты в системах с хорошим удержанием частиц.

Важным вариантом турбулентного нагрева током является нагрев высокочастотными магнитозвуковыми волнами малой амплитуды. Этот вид нагрева исследован экспериментально и объяснён теоретически в работах, выполненных в ИАЭ и ХФТИ. Преимущество этого метода в сравнении с обсуждённым выше в том, что магнитозвуковые волны легко проникают в плазму, а пороговая величина плотности электрического тока, при которой в плазме возбуждается мелкомасштабная турбулентность в $\sqrt{m/M}$ раз меньше. Неустойчивость тока магнитозвуковой волны приводит непосредственно к нагреву ионов. Эти факты установлены экспериментально и являются основой предложения использовать магнитозвуковые волны для турбулентного нагрева плазмы в крупных тороидальных установках».

ТУРБУЛЕНТНЫЙ НАГРЕВ В США

В США первые опыты по турбулентному нагреву были начаты в 1965-1966 гг., причём были подтверждены основные особенности, установленные ранее в СССР⁴³. Вскоре американская программа исследований турбулентного нагрева получила широкий размах: теория развивалась В. Э. Драммондом и др. (Техасский университет), Дж. Даусоном и др. (Принстон), Р. Морзе и др. в Лос Аламосской лаборатории, Б. Фридом и др. в Калифорнийском университете, Б. Коппи и др. в Массачусетском технологическом институте. Экспериментальные исследования велись в четырёх научных центрах (Корнельском, Техасском, Мэрилэндском университетах и в Ок Ридже) по чётко разграниченным направлениям.

Вот что писала о работах Драммонда историк американских исследований по управляемому термоядерному синтезу Джоан Л. Бромберг: «В. Э. Драммонд несколько лет пытался увеличить температуру плазмы методом «турбулентного нагрева». В этой модели сильное магнитное поле направляется в плазму, чтобы возбудить коллективные движения. Вызванные турбулентные колебания рассеивают свою энергию на частицы. Турбулентный нагрев успешно работает в линейных машинах, но ещё не было проверено, можно ли удержать турбулентную плазму на полезные интервалы времени, и Драммонд хотел построить токамак размера Т-3, чтобы решить этот вопрос. Если бы это

⁴³ Фанченко С. Д. Об исследованиях турбулентного нагрева плазмы в США // Атомная энергия. 1972. Т. 32, вып. 5. С. 444-445.

удалось, то его турбулентный токамак смог бы решить проблему нагрева токамаков до реакторных температур»⁴⁴.

Экспериментальные исследования Ч. Вортон велась в Корнельском университете (Итака, штат Нью-Йорк). Его лаборатория в то время являлась ведущим научным центром США по физике турбулентного нагрева. Исследования проводились на установке ТН-М-3. Она была того же типа, что и советские установки ТН (турбулентный нагрев) в ИАЭ в секторе Е. К. Завойского. Отличались они методом приготовления плазмы и значительно большей индуктивностью контура тока турбулентного нагрева. Данные, полученные Ч. Вортоном, подтвердили результаты московских и харьковских физиков. Так, в Отчёте «Фундаментальные исследования по турбулентному нагреву плазмы», подготовленном для офиса Морских исследований, в разделе «Хронология эксперимента по турбулентному нагреву» значилось: «Январь 1968 г. – установлены вакуумная камера и магнитные катушки. Март – получена первая плазма. Июнь – наблюден турбулентный нагрев»⁴⁵.

Кроме того, большие работы по получению высокотемпературной плазмы методом турбулентного нагрева велась в Техасском университете, где был организован Центр плазменных исследований. Под руководством А.Робсона там создавался крупный токамак с турбулентным нагревом плазмы под названием ТТТ.

В Мэрилэндском университете Г. Р. Грим и А. де-Сильва экспериментально исследовали турбулентный нагрев плазмы током, текущим поперёк магнитного поля, а в Ок Риджской национальной лаборатории И. Алексефф проводил опыты по турбулентному нагреву плазмы.

В США большой интерес вызвала также возможность нагрева плотной плазмы релятивистскими пучками электронов. Эти работы проводились в Корнельском университете и в Военно-морской исследовательской лаборатории. Турбулентный нагрев в его традиционных вариантах и турбулентный нагрев релятивистским пучком электронов признавались в США весьма перспективными подходами к решению проблемы управляемой термоядерной реакции. Фронт этих работ расширился, и были уже

⁴⁴ Bromberg J. L. Fusion: Science, Politics, and the Invention of the New Energy Sources. Cambridge Mass., 1983. P. 162.

⁴⁵ Wharton Ch. B. Fundamental Studies on Turbulent Heating of a Fusion Plasma. 30 June 1973. AD 768062. P. 4.

получены достаточно хорошие результаты. Что касалось физики турбулентного нагрева, то здесь основное внимание американские учёные уделяли детальному исследованию механизма нагрева ионов и величины аномальных потерь. США вкладывали в то время большие средства в строительство крупных магнитных ловушек с турбулентным нагревом плазмы⁴⁶.

ВАЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТ

К концу 1960-х годов относится рукописный черновик Е. К. Завойского, в котором он перечислял некоторые наиболее важные направления экспериментальных и теоретических работ по физике плазмы:

I. Исследование турбулентного состояния плазмы: а) изучение механизма токового возбуждения турбулентности плазмы; б) изучение механизма возбуждения турбулентности инжектируемыми извне электронными и ионными пучками; в) турбулентный нагрев электронов и ионов плазмы с помощью токов и пучков. Главные вопросы этих исследований: 1) инкременты колебаний; 2) нелинейные взаимодействия волн в плазме; 3) спектры шумов; 4) корреляционные функции; 5) обмен энергией между электронами и ионами плазмы; 6) коэффициенты переноса турбулентной плазмы; 7) распространение волн в турбулентной плазме; 8) магнитная накачка и ионный циклотронный резонанс в турбулентной плазме.

II. Разработка техники турбулентного, циклотронного и др. методов нагрева плазмы с использованием магнитной накачки и адиабатического сжатия горячей плазмы в открытых и замкнутых ловушках для получения плазмы с $10^{14} \text{ см}^{-3} \geq n \geq 10^{15} \text{ см}^{-3}$, $T_e \geq 10^4 \text{ эВ}$, $T_i \geq 10^4 \text{ эВ}$.

III. Исследование динамической стабилизации высокотемпературной плазмы: а) стабилизация токами высокой частоты; б) стабилизация холодной плазмой; в) стабилизация электрическими полями; г) параметрическая стабилизация программированными полями.

IV. Исследование ВЧ удержания в разных ловушках».

Что из этого перечня было осуществлено, мне не дано знать.

⁴⁶ Как писал Р. Пост, расходы на УТС в начале 1970-х годов составляли во всём мире около 120 млн. долларов, причём почти половина этой суммы приходилась на СССР, 25% – на США, остальное – на Англию, Западную Европу и Японию. // Proc. Nat. Acad. Sci. 1971. Vol. 68, no. 8. P. 1931.

ДОКЛАД НА НТС ОЯФ

14 января 1971г. Е. К. Завойский сделал доклад на научно-техническом совете Отделения ядерной физики и напомнил ход исследований, приведших к открытию турбулентного нагрева. В черновике доклада⁴⁷ Евгений Константинович писал: «Нет единого мнения об энергетике даже ближайшего будущего. Но решать этот вопрос необходимо. В 2000 г. население Земного шара достигнет 7 миллиардов человек. Потребности экономики и пр. очень велики. Более того, требуются качественно новые виды топлива для решения космических и особенно «пр.» проблем. Существуют стойкие защитники энергетики будущего как энергетики реакторов деления и бридеров. Ещё недавно казалось, что здесь нет особых проблем. Однако в середине 1970-го года снова остро встал вопрос о термояде. Известно, что технологические вопросы бридеров, по-видимому, будет трудно решить до конца этого века. Правда, нет особых надежд решить за это время и термоядерную проблему, но возможен компромисс: бридер на термоядерных нейтронах.

Но оставим эти интереснейшие вопросы в стороне.

В термояде есть, как известно, две главнейшие проблемы: нагрев плазмы и её удержание в течение времени минимум $\tau n = 10^{14}$ (для ДТ-реакции).

Те, кто занимается удержанием плазмы, считают эту проблему главнейшей. Я покажу на простом примере, что решать эти проблемы необходимо вместе. Например, система «Токамак». В ней, по первоначальной идее, ток должен греть плазму и собственным магнитным полем удерживать её от ухода на стенки. Однако известно, что рассчитывать на нагрев плазмы джоулевым способом нельзя, так как для этого необходимы колоссальные плотности тока, которые выбросят плазменный шнур на стенку. Поэтому, если токамак и окажется хорошей ловушкой, для него необходимо ещё найти систему нагрева плазмы.

С другой стороны, если отказаться от удержания плазмы вообще, то система нагрева её приобретает самостоятельное значение. Но об этом будет сказано позже.

В 1960 г. в секторе было сделано предложение использовать для нагрева плазмы её неустойчивости. В это время была известна так называемая пучковая и Будкер-бунеманская неустойчивость плазмы. Первая из них позволяла надеяться, что плазма будет нагреваться, если в неё пустить пучок быстрых электронов. Но техника получения сильных электронных пучков ещё не была

⁴⁷ Личный архив Е. К. Завойского.

известна. Поэтому предполагалось, что пучки лучше получать в самой плазме, создавая в ней электрическое поле. Можно было надеяться, что электроны плазмы уйдут в «просвет» и будут терять свою энергию на раскачку плазменных колебаний, что, вероятно, приведет к нагреву плазмы. Но можно было допустить, что электроны не успеют уйти в просвет и когда их скорость начнёт приближаться к тепловой, то в плазме возникнут плазменные колебания (неустойчивость Будкера-Бунемана) и электроны плазмы будут нагреваться. Надо сказать, что обе эти неустойчивости могли приводить (согласно теории) только к нагреву электронов плазмы.

На бунемановскую неустойчивость рассчитывал и Сагдеев, когда теоретически указал на бесстолкновительные волны в плазме. Надо заметить, что в то время теория не давала ответа на вопрос, будет ли турбулентная плазма удерживаться внешним магнитным полем.

Интересно, что при наложении электрического поля на плазму теория предсказывала возможность возбуждения черенковского излучения токовых электронов – так называемого ионного звука. Однако теория предсказывала, что эта неустойчивость не может привести к нагреву плазмы.

При таком состоянии теории мы начали эксперименты в 1960 г.

Уже в докладе в Зальцбурге (Австрия, 1961 г.) нами было сообщено, что обнаружено чёткое проявление коллективных эффектов в сильных магнитозвуковых волнах, распространяющихся поперёк магнитного поля. Эти эксперименты были первыми и послужили началом исследования бесстолкновительных ударных волн. Теперь это громадная область физики плазмы. Эффекту такого нагрева было присвоено название «турбулентный нагрев плазмы». Мы обнаружили нагрев электронов и ионов плазмы. Это не укладывалось ни в какие теории! Здесь же было обнаружено, что турбулентность в плазме очень быстро исчезает, как только прекращается действие внешнего возмущения. Пока мы придерживались механизма раскачки неустойчивости Сагдеева.

В 1964 г. в секторе было обнаружено аномальное сопротивление плазмы в электрических полях в тороидальной системе и сильный нагрев плазмы током, текущим вдоль магнитного поля. Вскоре было обнаружено, что в этом случае током возбуждается не бунемановская неустойчивость, а ионно-звуковая. Было показано, что $v_{\phi} = \alpha C_s = \alpha \sqrt{T_e / M}$, а не $\sqrt{T_e / M}$! Этот

вывод был совершенно неожиданным! Токовые скорости оказались малыми по сравнению с v_{Te} !

Методы доказательства ионно-звуковой неустойчивости: 1) прямое измерение скорости V_D по току и плотности $j=enV_D$. Результат $V_D \approx (1-3)C_s$; 2) Комбинационное рассеяние СВЧ, 3) измерение спектра шумов, 4) Штарковское уширение.

Выводы по турбулентному нагреву плазмы:

1. Турбулентный нагрев является самым эффективным методом нагрева плазмы до термоядерных температур, его эффективность близка к 100%.

2. При турбулентном нагреве нагреваются как ионы, так и электроны плазмы (примерно в одинаковой степени).

3. Диффузия турбулентной плазмы поперек H при нагреве ничтожна мала.

4. После турбулентного нагрева плазма оказывается спокойной (если в ловушке не развиваются свойственные ей неустойчивости).

5. Турбулентный нагрев особенно эффективен в замкнутых ловушках.

6. Механизм турбулентного нагрева – ионно-звуковой».

ПРОЕКТ ИНСТИТУТА ПЛАЗМЫ

В самом начале 1970-х Евгений Константинович выступил с предложением организовать новый институт, задачей которого он видел всестороннее изучение плазмы.

Отчитываясь в работах, проведённых в его секторе, Завойский писал: «Однако пока все эксперименты у нас проведены в установках небольшого размера, в то время как за рубежом уже поставлены и готовятся эксперименты крупного масштаба. Необходима постановка опытов с установками, масштаба 1 м^2 плазмы в магнитном поле до 10^5 Гаусс при плотности $n \sim 10^{14}-10^{15} \text{ см}^{-3}$ и источником энергии в несколько мегаджоулей. Подобные эксперименты, проведённые в ловушках разных видов, будут первыми экспериментами не только по нагреву плазмы в больших масштабах до термоядерных температур, но и дадут информацию о поведении горячей и плотной плазмы при $\beta \leq 1$.

Ставить подобные уникальные эксперименты и выполнить необходимые теоретических расчёты сектор сможет, если будут, в первую очередь, расширены его штатные возможности и защищены права наиболее способных учёных. Это легче сделать, если сектор будет расширен и преобразован в отдел ИАЭ».

По мысли Е. К. Завойского, новый отдел должен был состоять из трёх секторов и шести лабораторий. Себя он видел в

роли начальника сектора турбулентного нагрева плазмы. Другие два сектора должны были возглавить, по его мнению, доктора физико-математических наук В. Д. Русанов и Л. И. Рудаков (первый – позднее академик РАН, ныне покойный, второй – академик РАЕН, живёт и работает в США). Лабораторию замкнутых ловушек, по его рекомендации, должен был возглавить С. Д. Фанченко; лабораторию открытых ловушек – В. А. Скорюпин; лабораторию бесстолкновительных ударных волн – Г. Е. Смолкин; лабораторию плазма-пучок – А. Г. Плахов; лабораторию плотной плазмы – М. В. Бабыкин и лабораторию по взаимодействиям ионных пучков с плазмой – Э. З. Тарумов. Сохранялась уже существовавшая лаборатория плазменных волн и колебаний Д.А.Франк-Каменецкого.

Что касается предложения Е. К. Завойского относительно создания нового института, то он полагал, что это должен быть открытый (т.е. нережимный) институт физики высокотемпературной плазмы и перспективных термоядерных исследований. Он ссылаясь на опыт Англии (ядерный центр в Калэме) и Франции (ядерный центр в Гренобле).

Однако предложения Евгения Константиновича не нашли поддержки у институтского начальства. Вышли ли эти предложения на министерский и академический уровень, мне неизвестно. Отдел так и не был организован, правда, были добавлены лаборатории.

Краткое время спустя после ухода Завойского из Института дирекция дала добро на организацию отдела для некоего деятеля, которого Евгений Константинович иначе как абсолютным нулём не именовал. Надо знать Евгения Константиновича, который обладал и выдержкой, и тактом, чтобы понять горечь его слов. Чьим протеже являлся этот деятель, мне неизвестно, но знаю, что академик А. П. Александров продвигал его в члены-корреспонденты Академии наук⁴⁸.

У меня нет желания перечислять неадекватные поступки этого деятеля, а также выискивать его научные заслуги. Чтобы составить себе представление о нём, достаточно обратиться к эпизоду, рассказанному И. М. Подгорным⁴⁹. Добавлю, что деятель занимал в институте пост секретаря парткома, а с 1967г.- заместителя директора института по научной работе (!).

⁴⁸ Устное сообщение академика М.А.Маркова (1984 г.): «Не беспокойтесь. Этого не будет. Это его Анатолий (академик А.П.Александров. – Н. З.) продвигает».

⁴⁹ Чародей эксперимента... С. 174-179.

Подтвердить документально невозможно, но упорно говорили о его связи с «органами».

Судьба свела Е. К. Завойского с этим деятелем на первых ступеньках его карьеры: находясь в плавании на корабле «Витязь», А. З. допустил экстраординарное по меркам того времени упущение: с его стола исчез секретный рабочий журнал с записями измерений радиоактивности в атмосфере и морской воде Индийского океана⁵⁰. Бедолаге грозили серьезные последствия. Спас его на свою голову Евгений Константинович. Он заявил начальству, что молодого человека не следует сурово наказывать, не те времена, и дело было замято.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

В конце 1960-х Комитет по делам изобретений и открытий принял решение оформить документы на открытие ЭПР, что должно было официально закрепить за Е. К. Завойским приоритет на открытие этого фундаментального явления. Никаких материальных привилегий диплом на открытие не давал. Речь шла только о приоритете. О намерении Комитета стало известно сыну члена-корреспондента Я. И. Френкеля (1894-1952), Виктору Яковлевичу. Он обратился в Комитет с заявлением, в котором просил включить его отца в соавторы открытия ЭПР. Из Комитета Евгению Константиновичу было послано уведомление, что в создавшейся ситуации он должен дать разъяснение. Нечто подобное, но куда с бóльшим шумом произошло в 1957 г., когда он был выдвинут на Ленинскую премию⁵¹. Он ответил в Комитет письмом, которое ранее не публиковалось. Евгений Константинович писал: «В феврале 1944 г. я в присутствии Б.М.Козырева рассказал Я. И. Френкелю о том, что обнаружил резонансное поглощение радиоволн парамагнетиками (сернистый марганец, медный купорос, хлористая медь, растворы солей марганца и др.) резонанс, который безуспешно искал Гортер. Ни об этих работах Гортера, ни о работах Кронига, Брура, Ван Флека Я. И. Френкель ничего не знал, о чём он со свойственной ему живостью признался нам сам. В этих же работах, фотокопии которых я имел, были сформулированы идеи возможности существования ядерного (Гортер) и по аналогии с

⁵⁰ Архив РНЦ «Курчатовский институт». Ф. 1. Оп. 3 л/д. Д. 21474. Л. 49.

⁵¹ Зарипов Махмут М. Открытие явления парамагнитного резонанса. Дискуссия о приоритете // Чародей эксперимента... С. 137-153.

ним электронного (Гортер, Брур) магнитных резонансов в конденсированных средах. В основу этих расчётов была положена чёткая идея резонанса между частотой Лармора спина магнитной частицы (ядра парамагнитного атома) с частотой магнитного поля и даны (Раби, Майорана) формулы для вероятности переориентации спинов в магнитном поле радиоволн. Все эти работы мы (Б.М.Козырев, С.А.Альтшулер и я) тщательно изучили ещё в 1938-1940-х годах, пытаясь найти ядерный резонанс. Конечно, оставался неопределённым вопрос о том, может ли этот резонанс осуществляться в реальном теле, так как не было известно, в какой степени окружение магнитной частицы скажется на системе энергетических уровней в магнитном поле и каково время релаксации для магнитных частиц. Опыт должен был решить эти вопросы.

Я. И. Френкель попросил меня и Б. М. Козырева дать ему все имеющиеся у нас копии статей этих авторов. Буквально через несколько дней Я. И. сказал мне, что он составил дисперсионное уравнение для парамагнитных потерь, которое, как он думает, описывает наблюдаемые мной кривые.

Уравнение Я. И. было классическим уравнением с дисперсионным членом и затуханием, под которым Я. И. понимал время релаксации магнитной частицы в среде.

Вот это уравнение для $s=1/2$

$$\chi''/\chi_0 = (2 v_0^2 \cdot v v') / (v_0^2 - v^2)^2 + 4 v v'^2 \quad (1)$$

где χ_0 – статистическая восприимчивость, v_0 – частота ларморовской прецессии спина, v – частота генератора, $1/v' = \rho$ – имеет порядок времени релаксации.

При первом же сопоставлении этого уравнения с экспериментом возникла, как нам с Я. И. показалось тогда, небольшая трудность: опыт показывал, что при значительной ширине резонансной кривой положение максимума строго линейно смещалось в сторону больших магнитных полей при увеличении частоты генератора, в то время как формула Я. И., в которой ширина резонансной кривой может быть объяснена только затуханием v' , давала сильную зависимость положения максимума от ρ . Формула Я. И. не могла объяснить также поглощение в нулевом поле, а это поглощение было очень велико. Для объяснения этого расхождения Я. И. предложил тогда, что время релаксации может само зависеть от магнитного поля. Эту гипотезу я пытался использовать в одной из своих работ (1944 г.), предположив, что $v' = bH^2$, но вскоре убедился, что уравнение (1) неправильно по существу, оно противоречит всем основным

экспериментальным фактам, что было окончательно установлено в работе (ЖЭТФ. 1947. Т. 17, вып. 12. С. 1122).

Таким образом, Я. И. неверно приписывал ширину кривой резонанса затуханию. Эта ошибка носила принципиальный характер, так как затухание, введённое Я. И., делало положение максимума сильно зависящим от ширины кривой, чего не наблюдалось на опыте. Как было показано в работе (см. сноску 1), ширина кривой обязана не затуханию, а неоднородным магнитным полям в парамагнетике. Поэтому положение максимума не зависит от ширины кривой ЭПР. Этим полям обязано и положение в нулевом поле, которое теория Я. И. не могла объяснить

Существенный элемент теории Я. И. – резонанс частоты Лармора и частоты генератора – не был новым, так как именно этот резонанс рассматривается в более ранних работах Гортера, Кронига, Брура, Раби (1936-1942 гг.). Именно этот резонанс искал Гортер для ядер и парамагнитных атомов, и наблюдал на атомных пучках Раби, а Брур строил на нём свои расчёты. Поэтому теория Я. И. и в этом отношении не дала чего-либо нового.

Вывод: Я.И.Френкель не были ни инициатором, ни соавтором, ни консультантом работ по поиску и исследованию ЭПР. Он познакомился с этими работами на той стадии, когда резонанс был уже открыт. Предложенная Я. И. теория оказалась, к сожалению, ошибочной и не дала положительных результатов. Поэтому Я.И.Френкель не может считаться соавтором открытия ЭПР.

Такова история этого вопроса. Но я всегда с благодарностью вспоминаю Я. И. Френкеля за моральную поддержку, которую он оказал мне в те тяжёлые годы. Он горячо поддержал мои работы в ректорате университета, сам предложил быть оппонентом моей докторской диссертации по ЭПР, которую я подал в ФИАН в мае 1944 г.»⁵²

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ ООФА

18 февраля 1971 г. Е.К. Завойский делал доклад на заседании Отделения общей физики и астрономии. Он был посвящён турбулентному нагреву плазмы. В черновике он писал: «В докладе Л. А. Арцимовича о проблеме регулируемого термоядерного синтеза, который он прочёл недавно на сессии нашего отделения, рассматривались только вопросы удержания плазмы в замкнутых ловушках, главным образом токамаках. Однако в термоядерной проблеме есть не менее важная сторона

⁵² Личный архив Е. К. Завойского.

дела: получение горячей плазмы. И это видно на примере тех же токамаков, для которых нагрев плазмы – пока нерешённая задача. Горячая плазма нужна не только для заполнения ловушек. Получение её имеет и самостоятельное значение, так как возможно построение термоядерного реактора и без удержания: это термоядерные микровзрывы. Этот путь решения задачи имеет в ряде случаев преимущества и, безусловно, свои области применений. Например, такой взрыв ДТ смеси электронным пучком или лазером, может вызвать эффект детонации относительно большого блока. В этом случае уже не возникает практически вопрос о КПД устройства, инициирующего детонацию, что очень существенно. Но я не буду касаться этой стороны дела.

Почему вообще возникает проблема нагрева плазмы? Кажется естественным пропустить через плазму ток, и джоулев нагрев приведёт к желаемому результату. Однако, как известно, кулоновское сечение, которое определяет сопротивление плазмы, падает как v^{-3} , т. е. как $T_e^{-3/2}$. Поэтому, при термоядерных температурах (~ 10 кэВ) сопротивление плазмы составляет около 10^{-2} от сопротивления меди и требуются гигантские плотности тока для нагрева плазмы. Конечно, можно было бы греть плазму малым током, но продолжительное время. Это невозможно, так как, во-первых, горячая плазма излучает, а, с другой стороны, потери энергии за счёт диффузии поперёк магнитного поля достаточно велики. Очевидно, ток нельзя сильно уменьшить, потому что тогда равновесие между нагревом и потерями установится при низкой температуре плазмы.

В начале 60-х годов, когда физики были озадачены всё новыми и новыми неустойчивостями плазмы в разных магнитных ловушках, в ИАЭ были высказаны предложения и начаты опыты по использованию некоторых видов неустойчивостей для нагрева плазмы. В то время были известны некоторые виды неустойчивостей, такие, как пучковая, Будкер-Бунемановская и ионно-звуковая. Пучковая неустойчивость возникает, когда скорость электронов в пучке, входящем в плазму, сильно превышает тепловую скорость электронов плазмы. Будкер-Бунемановская неустойчивость возбуждается, когда упорядоченная скорость электронов несколько превышает тепловую скорость электронов плазмы. Ионно-звуковая неустойчивость появляется при направленной скорости электронов порядка скорости ионного звука. Однако состояние теории неустойчивостей было таким, что не было возможно предсказать эффективность нагрева электронов и ионов плазмы

при возникновении неустойчивостей. Также не было уверенности, что возбуждение неустойчивостей не приведёт к сильному уходу плазмы из ловушек. Первые опыты были поставлены в ИАЭ с целью обнаружения коллективных эффектов в плазме при токе, текущем поперёк магнитного поля. В этих экспериментах в холодной плазме создавалась сильная магнитозвуковая волна, распространяющаяся поперёк постоянного магнитного поля. Уже первые измерения подтвердили, что волна сильно затухает в бесстолкновительной плазме. Диссипация энергии при этом практически не зависела от концентрации плазмы, которая варьировалась от $\sim 10^{11}$ до $\sim 10^{14}$ см⁻³. Эксперименты показали, что почти 50% энергии магнитного поля волны $\dot{H}^2/8\pi$ при этом идёт на нагрев электронов и ионов плазмы.

На рисунке I⁵³ дано измеренное значение T_e электронов плазмы в зависимости от концентрации n при постоянной напряжённости магнитного поля магнитозвуковой волны. Этот результат можно представить так: $nT \approx \xi \dot{H}^2/8\pi$, где ξ – КПД нагрева плазмы, который остаётся постоянным при измерении n почти в 10^3 раз. Это был первым прямым доказательством роли коллективных процессов в распространении сильных магнитозвуковых волн в плазме. Как известно, эти эксперименты стимулировали развитие новой области физики – физики ударных бесстолкновительных волн. Этот эффект нагрева плазмы получил название турбулентного нагрева.

Впоследствии в нашем институте была обнаружена неустойчивость тока, текущего вдоль магнитного поля. Эта неустойчивость также приводила к сильному нагреву электронов и ионов плазмы. Опыты ставились как в открытых, так и замкнутых магнитных ловушках. Эти эксперименты будут описаны здесь подробно.

Для исследования механизма турбулентного нагрева были применены как известные методики (измерение тока, напряжения, сопротивления, плотности плазмы, диамагнетизма, электрические и магнитные зонды, СВЧ-зонды, рентгеновские зонды, анализ нейтралов перезарядки и др.), а также спектроскопические поляризационные измерения эффекта Штарка с использованием ЭОП, магнитные анализаторы СВЧ-излучения и некоторые другие.

Первые же опыты показали, что при турбулентном нагреве нет убегающих электронов с точностью от 10^{-3} – 10^{-5} от числа токовых электронов, когда плотность G плазмы превышала 10^{12} – 10^{13} см⁻³. Это исключало возможность объяснения нагрева

⁵³ Рисунки не приводятся.

развитием пучковой неустойчивости. С помощью измерения концентрации плазмы, тока, диамагнетизма, температуры электронов и ионов было установлено, что токовая скорость U_D электронов при турбулентном нагреве близка к скорости ионного звука $c_s = \sqrt{T_e/M}$. На рисунке 2 показана зависимость U_D/c_s от n . Отсюда следует, что $U_D = (1+3) c_s$ при $n \geq 10^{13}$.

Эти измерения с несомненностью установили тип ионно-звуковой неустойчивости тока. С помощью электрических и магнитных зондов был измерен спектр колебаний плазмы. Оказалось, что вначале возбуждения неустойчивости ($\sim 10^{-8}$ с) возникают ω_{pi} , но далее спектр быстро расширяется в обе стороны относительно ω_{pi} . Этот эффект, по-видимому, следует рассматривать как нелинейное взаимодействие ионно-звуковых колебаний друг с другом. На рисунке 3 дан спектр шумов плазмы в момент турбулентного нагрева при разных n плазмы. Максимумы излучения соответствуют ω_{pi} и $2 \omega_{pi}$. Специально для измерения ионно-звуковых полей в плазме была разработана теория Штарк-эффекта и проведены измерения микрополей в плазме в момент турбулентного нагрева.

На рисунке 4 показана спектрограмма уширения линии H_α при турбулентном нагреве. Время полной развёртки равно 30 мкс. Здесь хорошо заметно сильное уширение линии H_α водорода в момент турбулентного нагрева.

На рисунке 5 дан вычисленный спектр H_α для n и δ – компонент при условии $E_z = 3 \cdot 10^4$ В/см и $E_x = E_y = 10^4$ В/см. Эти параметры отвечают опыту. Таким образом, установлена резкая анизотропия электрических микрополей в турбулентной плазме. Отношение напряжённости E_z вдоль магнитного поля к $E_x = E_y$ составляет по измерениям 3, что соответствует отношению энергии около 10.

На рисунке 6 показана измеренная в тороидальной ловушке величина аномального сопротивления плазмы в зависимости от электрического поля в плазме.

Величина аномального сопротивления в момент развития неустойчивости оказывается на много порядков больше нормального сопротивления плазмы. Как следует из измерений, аномальное сопротивление не зависит от напряжённости электрического поля в плазме.

На рисунке 7 показано распределение по энергии нейтралов перезарядки, вылетающих из плазмы после турбулентного нагрева. Эти измерения проведены на ОГРА-2. Кривая распределения ионов по энергии имеет излом. Возможно,

это отвечает ускорению части ионов механизмом Ландау на ионно-звуковых колебаниях.

В ИАЭ были проведены эксперименты по турбулентному нагреву плазмы в системе Токамак. На рисунке 8 дана сводка результатов измерений. Из этих опытов следует, что турбулентный нагрев может быть использован в ловушках с токовым удержанием.

В связи с этим следует рассмотреть вопрос об использовании турбулентного нагрева в ловушках больших размеров. Известно, что глубина скин-эффекта тока при турбулентном нагреве имеет порядок величины $\Delta = c/\omega_{pi} \cdot 1/\sqrt{\beta_\phi}$, где c – скорость света, $\beta_\phi = \gamma_n nT / H_\phi^2$, H_ϕ – напряжённость магнитного поля тока, вызывающего турбулентный нагрев. Оценка величины Δ показывает, что $\Delta/r \ll 1$ для радиуса плазмы $r \sim 1$ м и $n > 10^{12}$ см⁻³. Однако скинирование тока может оказаться практически удобным, если удастся осуществить турбулентный прогрев сердцевин плазменного шнура за счёт возбуждения дополнительного спектра колебаний в плазме и переноса тепла из скин-слоя вглубь плазмы. Но решение этого вопроса возможно только в опытах с хорошо удерживающими плазму ловушками.

Таким образом, решение поставленной вначале чисто практической задачи нагрева плазмы в ловушках привело к открытию фундаментального свойства плазмы: если плотность тока в плазме достигает критического значения, то в ней возбуждается ионно-звуковая неустойчивость, в результате чего плазма приобретает аномально высокое сопротивление и электронная и ионная компоненты плазмы быстро нагреваются. Таким образом, обычный джоулев нагрев плазмы автоматически переходит в турбулентный при критическом токе. При этом конечная температура плазмы определяется значением критического тока и плотностью плазмы из отношения $j = en$

$\sqrt{T_e / M}$. Е. Завойский».

СЕССИЯ ООФА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В середине апреле 1971 г. состоялась выездная научная сессия Отделения общей физики и астрономии Академии наук СССР⁵⁴. Московские физики должны были провести лекции в городах Ташкенте и Ашхабаде. Мои родители решили поехать туда вместе. По-моему, папа ехал больше из-за мамы: её отец, которого она едва помнила (он умер, когда ей было всего 4 года),

⁵⁴ УФН. 1971. Т. 105, вып. 4. С. 743-769.

был родом из города Скобелев (теперешняя Фергана) в Средней Азии, и ей хотелось взглянуть на тот мир, в котором жили дворяне Труфановы, занесённые туда военной службой.

13 апреля участники сессии прибыли в Ташкент⁵⁵. Выступая на открытии этого научного форума академик Л. А. Арцимович сказал: «Проведение выездных научных сессий нашего отделения в союзных республиках становится традицией. Такая сессия впервые была проведена в прошлом году в Азербайджане. Сейчас крупнейшие физики и астрономы страны, входящие в состав отделения, выбрали местом проведения научной сессии Узбекистан. Это не случайно. Ташкент в последние годы стал важным центром физической и астрономической науки в Советском Союзе». От имени Академии наук Узбекистана гостей приветствовал её президент А. С. Садыков. На следующий день на совместной сессии с Отделением физико-технических и математических наук Узбекской ССР были заслушаны доклады учёных принимавшей стороны (академиков С. А. Азимова, У. А. Арифова, Э. М. Адировича, В. П. Щеглова и заведующего лабораторией М. С. Саидова), а также академика Я. Г. Зельдовича, члена-корреспондента И. С. Шкловского и И. Д. Новикова. В тот же день состоялись визиты в Астрономический, Физико-технический институты и в Институт электроники.

Из Ташкента моя мама писала: «Вот мы и в Ташкенте. Летели 4 часа, очень хорошо, спокойно. В 15.10 уже были в городе. Такая теплынь! 24 градуса! Все деревья зелёные, масса цветов. Солнечно. Небо, как голубой шёлк. Нас встретили, оформили в гостиницу. Напротив нас оперный театр им. Навои... Дни очень заполнены. Доклады, экскурсии, встречи».

17 и 18 апреля для участников сессии были проведены экскурсии в Самарканд и Бухару, а 19 апреля они прибыли в Ашхабад.

Из Бухары моя мама послала открытку: «Дорогие мои! Вчера мы весь день были в Бухаре. Нас возили по памятникам старины IX-XIX веков. Впечатлений масса. Потом мы ходили через торговые «купола». Восточных базаров теперь, как таковых, нет. Может быть, к лучшему (я вспомнила Комиссаржевскую). А рынки полны народа и в европейских, и в национальных костюмах. Покупают, продают. Шумно. Но ещё нет ни ягод, ни фруктов (рано), и поэтому экзотики нет. Нас всё время

⁵⁵ Форум физиков и астрономов // Правда Востока. 1971, 17 апреля.

сопровождает солнце и, следовательно, жара, но переносим её хорошо. Целуем. Папа и мама».

А в дневнике мама записала: «Нас хотели повезти в Бухарские Помпеи, но какие-то местные деятели предложили отвезти нас на дачу ЦК. Все запротестовали, просили везти нас к памятникам архитектуры. Нам показали два мавзолея: Буян-Кулихана (XIV в.) и Сейфеддина Бохарзи (XIV в.) и Бухарские ворота, а потом повезли на озеро Комсомольское. Оказалось, что воды там нет, так как она идёт на полив. Там зелено, большой арык и чайхана. Мы попили зелёного чаю на кроватях с коврами, и нас повезли к ресторану около Ляби-хауза».

Из Ашхабада мы тоже получили открытку: «Вот мы и в Ашхабаде. Нас привезли и поместили в гостиницу. Всё отлично. Потом мы пошли в Музей изобразительных искусств⁵⁶. Одна его часть – классическое русское искусство: Брюллов, Серов, Маковский, Левицкий, Верещагин, Куинджи, Айвазовский – подлинники. Как они сюда попали, мы не знаем. Потом погуляли по городу. Город весь зелёный. Проспекты и хорошие современные здания. Завтра начинаются заседания. Так много впечатлений: ездили в пустыню, видели массу верблюдов, Каракумский канал и ущелья. Папа будет читать лекцию».

20-22 апреля состоялось заседание совместно с Отделением физико-технических и химических наук АН Туркменской ССР в Ашхабаде с участием местных физиков А. А. Бердыева, Н. Б. Лежнева, А. Аширова, Я. Агаева, С. Мамаева и других. Из гостей выступили академики В. Л. Гинзбург, Я. Г. Зельдович и член-корреспондент Г. А. Смоленский.

Родители побывали в горах на раскопках Нисы. Мама писала: «Видели раскопки дома из необожжённого кирпича. Это как будто бы дом, а на нём, на слое земли – второй. Раскопан храм – колонны. Везде пасутся верблюды, овцы и ослы. Воздух чудный. Кругом маки. Потом нас повезли на водохранилище, где канал. Вода зелёно-голубая, тёплая. Один из наших молодых людей купался, а мы гуляли. Потом поехали прямо в Академию наук. Там как раз был перерыв между заседаниями. После перерыва показывали фильм о землетрясении 1948 г., когда погибли около 100.000 человек. Московская кинохроника засняла фильм. Меня чуть пустили в зал. Е. Н. Скубур сказала, что я жена академика. Жене сообщили, что ему звонил из Москвы его заместитель К. И. Тараканов».

⁵⁶ В дневнике сказано, что в Музей они ходили с Леонтовичами, Гапоновыми и Н. Д. Девятковым.

На заседаниях 21 апреля читали доклады москвичи, в том числе и академик В. Л. Гинзбург, приехавший накануне с женой. Е.К.Завойский читал лекцию в Политехническом музее.

24 апреля мои родители покинули Ашхабад. Папа улетел в Тбилиси на защиту Т. И. Санадзе, а мама – домой. Родители были очарованы среднеазиатской экзотикой, которую запечатлели для нас на слайдах.

ИНТЕРВЬЮ Л. А. АРЦИМОВИЧА АПН

В январе 1972г. в «Туркменской искре» было опубликовано совместное интервью Л.А.Арцимовича, В.Д.Шафранова и В.С.Стрелкова, которое они дали корреспонденту Агентства Печати Новости, поинтересовавшемуся, когда будет построена термоядерная электростанция. Ответ был таков: «Мы являемся свидетелями неуклонного продвижения к цели – созданию термоядерного реактора, и к 80-м годам следует ожидать осязаемого прогресса. Явится ли XXI век золотым веком нынешних «Токамаков» или реакторы будут созданы на основе его вариантов – трудно сказать, однако, нет сомнения, что проблема будет решена»⁵⁷.

ИЗ СОСТАВА ДЕЛЕГАЦИИ ВЫВЕДЕН

О том, что 17-23 июня 1971г. в университете Мэдисона (штат Висконсин, США) состоится IV Международная конференция по исследованиям в области физики плазмы и управляемого ядерного синтеза⁵⁸, которую организовывало МАГАТЭ совместно с Комиссией по атомной энергии (США), в Институте атомной энергии стало известно задолго до её проведения, и 26 февраля того же года так называемый «треугольник», т. е. дирекция, партийный и местный комитеты, подтвердили характеристику Е. К. Завойского, выданную ему до этого в связи с несостоявшейся поездкой в Японию для чтения лекций по электронному парамагнитному резонансу⁵⁹. Командировка в Мэдисон планировалась сроком на 15 дней.

Как обычно, коллектив сектора Завойского тщательно подготовился к конференции. От него были посланы два доклада: «Оценки возможностей применения мощного пучка

⁵⁷ «Токамак» обещает изобилие энергии // Туркменская правда. 1972. 19. 01.

⁵⁸ IAEA Bulletin. 1971. Vol. 13, no. 5. P. 24-30.

⁵⁹ Архив РИЦ «Курчатовский институт». Ф.1. Оп. 1 л/д. Д. 9362. На 51 листе. Л. 26-27.

релятивистских электронов для термоядерного синтеза»⁶⁰ и «Прогресс в исследовании турбулентного нагрева плазмы»⁶¹. Увы, Е.К.Завойский, руководитель этих работ, не был выпущен из страны. Оба доклада читал молодой теоретик Л.И.Рудаков⁶².

Свою роль в отказе в поездке в США, видимо, сыграл доклад, с которым Евгений Константинович выступил 18 февраля 1971г. на научной сессии Отделения общей физики и астрономии и Отделения ядерной физики Академии наук, проходившей в ФИАНе. Его доклад был посвящён турбулентному нагреву плазмы.

Возвращаясь к самой конференции в Мэдисоне, надо сказать, что она собрала более 500 физиков из 24 стран и от 3 международных организаций⁶³. От СССР были представлены 45 докладов. Учёные обсуждали экспериментальные и теоретические исследования образования плазмы и ее нагрева; изоляцию и стабилизацию плазмы; плазменные волны и колебания; неустойчивость плазмы, её турбулентность, скачки уплотнения и нелинейные явления, диффузию, взаимодействие частиц и излучение плазмы.

На заключительном заседании конференции прозвучали обзорные доклады: Т. К. Фаулера из Ливерморской радиационной лаборатории им. Лоуренса, (США), Р. Дж. Байкертона из Калэма (Великобритания) и Х. К. Форсена⁶⁴ (США, университет Висконсина). Фаулер отметил, что это была первая конференция

⁶⁰ Совместно с М.В.Бабыкиным, А.А.Ивановым, Л.И.Рудаковым. // Е. К. Завойский. Избранные труды. Электронный парамагнитный резонанс и физика плазмы. М., 1990. С. 291-297.

⁶¹ Совместно с Б.А.Демидовым, Ю.Г.Калининым, А. Г. Плаховым, Л. И. Рудаковым, Г. Е. Смолкиным, А. В. Титовым. С. Д. Фанченко, В. В. Шапкиным, Г. В. Шолиным // Е. К. Завойский. Избранные труды... С. 298-314.

⁶² Е. К. Завойский писал: «От токамака едут 4 человека, а по новой тематике от Министерства нет никого. Рудакова пробивали 9 лет, только пробили и опять отказ уже внутри Института». Ниже его же рукой написан домашний телефон Арцимовича. Личный архив Е. К. Завойского.

⁶³ Plasma Physics and Controlled Fusion Research. Proceedings of the International Conference on Plasma Physics and Controlled Nuclear Fusion Research. Vienna, 1971.

⁶⁴ По предварительному сообщению, обзорные доклады должны были читать Т. К. Фаулер, Л. А. Арцимович и Р. С. Пиз (Nuclear News. 1971. Vol. 14, no. 6. P. 81).

МАГАТЭ по ядерному синтезу с отдельным заседанием, посвященным реакторным системам. «Может быть, эту конференцию, – сказал он, – будут вспоминать, как своего рода помолвку между удержанием плазмы и реакторами ядерного синтеза... Я уверен, что мы скоро перейдем к строительству реактора ядерного синтеза»⁶⁵.

Американские плазменщики-лидеры открыто заявили о недостаточном финансировании их исследований по УТС: ежегодно от федерального правительства они получали 30 млн. долларов и 750 тыс. долларов из частных источников⁶⁶. Что касается прогнозов относительно ввода реактора в строй, то американцы рассчитывали справиться с этой проблемой в течение десятилетия.

В связи с конференцией в Мэдисоне Л. А. Арцимович дал интервью советскому АПН, в котором подчеркнул решаемость проблемы УТС и полную безопасность термоядерных реакторов, а также не преминул упомянуть продвигавшиеся им токамаки⁶⁷.

Тогда сплетничали, что причиной, почему Завойскому было отказано в командировке, было бегство за границу крупного магнетронщика А. П. Федосеева, одного из основателей закрытого учреждения – фрязинского «Истока».

Тут уместно задать простой вопрос: почему институтско-министерские «верхи» и «режимные органы» (а роль последних в таких вопросах была отнюдь не последней) были уверены, что именно академик Е.К.Завойский последует примеру Федосеева, а не другой – ведущий специалист? Если вспомнить, что по всем их «правилам» после отхода от работ, связанных со сверхсекретной тематикой, должно было пройти не менее десяти лет, то отец мой к 1971 г. «перевыполнил» этот срок ровно вдвое. Если же двух академиков посылать было слишком накладно, то зачем было доводить дело до унижительной для крупного учёного сцены в «предбаннике» Министерства?..

Самую «процедуру» отказа ярко описал академик В. Д. Шафранов, тогда молодой учёный, работавший в отделе Арцимовича: «С конференцией в Мэдисоне связана печальная страница в жизни Евгения Константиновича. На этой конференции планировалось его выступление с работой по использованию

⁶⁵ Plasma Physics and Controlled Nuclear Fusion Research... Vienna. 1971. Vol. 3. P. 616.

⁶⁶ Jacobsen S. Notes on the Fourth Conference on Plasma. Madison, 17-23 June 1971 // Bulletin of Atomic Scientists. 1971, October. P. 49.

⁶⁷ Bulletin of Atomic Scientists. 1971, October. P. 50.

релятивистского пучка для термоядерного синтеза. Я тоже был в составе делегации. Сейчас не помню, как это получилось, что в Государственный комитет по атомной энергии за документами для поездки мы с Евгением Константиновичем ехали вместе. Евгений Константинович был в хорошем настроении, у него были интересные результаты для выступления по управляемому термоядерному синтезу на международной арене. Однако когда мы предъявили паспорта у входа, оказалось, что в списке на посещение ГКАЭ Евгения Константиновича нет. Меня возмутила такая небрежность работников Комитета. «Евгений Константинович, я сейчас сбегаю, попрошу выписать вам пропуск», – предложил я. Но, к моему ужасу, мне сказали, что он выведен из состава делегации. Может быть, даже не столько сам факт исключения из состава делегации в самый последний момент, когда потрачено столько сил на подготовку доклада, а то, как это было сделано, я воспринял как плевок в лицо уважаемого человека⁶⁸. Евгению Константиновичу было тогда 63 года. У меня прямо кровь ударила в голову: что делать, как сказать ему о таком неожиданном повороте дела? Я решил подготовить его, сбежал вниз: «Евгений Константинович, там, знаете, ещё не решён окончательно вопрос о составе делегации...» Он сдержанно, со своей мягкой улыбкой отвечает: «Я уже знаю, что моя поездка отменена...»⁶⁹

Что чувствовал мой отец, получив отказ в столь хамской манере в «родном» министерстве? Унижение. И отвращение. Как мы видели, за год до этого почти в той же манере ему было отказано в двадцатидневной поездке с докладом по ЭПР в Японию.

Сейчас, когда прошли десятилетия, я, кажется, понимаю суть игры: на зарубежные конференции планировалось послать не одного Завойского, а кого-то ещё вместе с ним. По пословице «Положение обязывает» он добросовестно готовил доклад. В это время административная машина вертелась: оформлялись документы, а их были настоящие горы⁷⁰, шла переписка с принимающей стороной, которая хотела принять крупного специалиста. Последний, может быть, и предчувствовал

⁶⁸ Рассказывали, что в проходную никто из министерских чиновников к академику даже не нашёл нужным спуститься, чтобы как-то мотивировать отказ в поездке.

⁶⁹ Чародей эксперимента... С. 91.

⁷⁰ Так, при оформлении его и супруги для поездки в Японию на ЭКСПО-70 требовались по 12 (!) фотографий на каждого.

возможность отказа, но всё-таки попадал в ловко расставленную ловушку: сразу отказаться от поездки он не желал, так как хотел обсудить свои результаты со специалистами своего уровня. Поговорить с коллегами – ведь это не журналы читать! Хотя не всегда можно было надеяться на открытость: каждая сторона соблюдала свои законы да и «органы» не дремали. Когда же доклад был подготовлен, документы оформлены и дело оставалось за малостью – получить министерское «добро» на выезд, ГКАЭ опускал свою секиру и отсекал того, кто был нежелателен. Доклад-то уже был отослан, значит, престиж СССР не пострадает, если работу озвучит молодой да нестроптивый. Тем более что в случае с Завойским всё было просто: он был беспартийным да и никак не соглашался «играть в науку». Он был ей глубоко предан, и не желал ничего подмешивать к своей любви. Было же когда-то, что один ныне здравствующий деятель Института предложил моему отцу исказить полученные им результаты, дабы, пользуясь его научным авторитетом, дать дезинформацию иностранным физикам, на что мой отец никогда бы не пошёл. Он даже похвастался своим быстрым решением ответить деятелю, используя его же тактику: от этой лжи может пострадать престиж советской науки. Молодой сотрудник, которого послали вместо шефа за рубеж, оказывался в двусмысленном положении, и чувство стеснённости перед шефом оставалось навсегда.

И.Н. Головин, ближайший соратник И. В. Курчатова, в своём выступлении на Завойских чтениях в Казанском университете (1995 г.)⁷¹ упрекнул Завойского в излишней обидчивости. Но отнюдь не обидчивостью был вызван его добровольный уход из Института. Своим уходом из Института он показал, что не позволит унижать себя ни руководству Института, ни ведомствам.

«Дирекция Института, – вспоминал академик В. Д. Шафранов, – видимо, не смогла вступаться за Евгения Константиновича»⁷². Этой «милости» мой отец не был удостоен. Ждать защиты в Институте, где он проработал два десятка лет, ему было не от кого. Он понимал, что находится уже не в противостоянии к институтским и ведомственным верхам, а в настоящей опале. Конечно, он мог уйти в любой другой институт. Или, например, в тот же университет, который безуспешно пытался его заполнить. Но отец мой не хотел создавать

⁷¹ Завойские чтения были учреждены в 1982 г., и первым чтецом был академик В. Л. Гинзбург.

⁷² Чародей эксперимента... С. 91.

неприятной ситуации для директора А.П. Александрова. Уйти работать в другое место – означало бы демонстративно показать, что в королевстве А.П. что-то неладно.

Вопрос о причинах отказов моему отцу в зарубежных командировках, к сожалению, так и останется нерешённым: до его досье, которое, должно быть, хранится в ФСБ⁷³, мне не добраться. Если рассуждать логически, то первые 10 лет после Сарова невыезд за рубеж можно ещё объяснить условиями секретности. Но что произошло потом? Почему всё так внезапно оборвалось? К отцу в сектор начали приезжать иностранные учёные, контакты обещали совместную работу, что способствовало бы изучению физики плазмы. Но чья-то рука росчерком пера или просто телефонным звонком запретила, отсекала общение с физиками как соц., так и капстран.

Что же касается десятилетнего срока невыезда за рубеж после пребывания в Сарове, то и здесь возникают вопросы. Так, академик И. Е. Тамм, который работал в том же Сарове, в 1956 г. спокойно мог общаться с приехавшими в СССР американцами. К тому же у него, как у Завойского, был репрессированный брат. Не запрещено было иметь контакты с иностранными учёными также П. А. Черенкову, В. И. Векслеру, П. Л. Капице, А. И. Алиханову, Д. И. Блохинцеву и другим. Что касается Льва Андреевича, то мы уже видели, что он ещё до конца войны стал у властей доверенным лицом. Но это особый случай.

Как же происходил этот «неестественный отбор»? Какой критерий годился, чтобы советский человек мог выезжать за рубеж, принимать у себя дома госей-иностранцев и потом не раскаиваться в этом, вести с ними личную переписку: партийная принадлежность? звание? личные отношения с сильными мира сего? отсутствие «положительного» досье в КГБ? или же присутствие «отрицательного»? Моя фантазия дальше не работает⁷⁴... Так, в Академии наук не нашлось такого деятеля,

⁷³ Академик В.Л.Гинзбург был уверен в том, что на Евгения Константиновича там должно быть досье. Он не раз говорил ему да и мне об этом.

⁷⁴ У нас дома первый иностранный учёный побывал осенью 1991 г. Это был первый лауреат Международной премии им. Е. К. Завойского американец доктор Вильям Мимс. Когда я ему сказала об этом, он тут же спросил, не будет ли его визит связан для нас с неприятностями. Время было уже вольное. Однако сам Билл пережил, наверное, неприятные минуты: была перестроечная пора: ни зарплаты, ни съестного в магазинах, и бедный американец

который сказал бы, что «вред от невыпускания Завойского превзошёл весь мыслимый вред, который мог бы произойти от его выезда»⁷⁵.

В конце июня 1971 г. группа специалистов по турбулентному нагреву плазмы, в том числе С.Д.Фанченко, Б.А.Демидов (ИАЭ) и В.А.Супруненко (ХФТИ) была направлена в США на две недели в соответствии с соглашением советской стороны с USAEC. Она смогла посетить Гордоновскую конференцию, проходившую как раз в это время. Благодаря этому визиту в истории осталось описание американских работ по турбулентному нагреву плазмы, сделанное С.Д.Фанченко⁷⁶.

ПАМЯТНИК АКАДЕМИКУ КУРЧАТОВУ

Со дня смерти И. В. Курчатова прошли 10 лет, и, наконец, на площади, носящей его имя, на месте заложенного камня 20 сентября 1971 г. был установлен памятник, который мы видим и сейчас. Как рассказывал отец, начальство ходатайствовало о сооружении памятника в полный рост, но это противоречило принятым ещё при Хрущёве «канонам». Сооружение памятника было поручено скульптору И.М.Рукавишникову и архитекторам М.И.Богданову и М.Н.Круглову. Евгений Константинович входил в институтскую комиссию, которая должна была наблюдать за ходом работ. Членов комиссии было, как апостолов, 12, и все они отвергли первый вариант памятника. Помню, отец сетовал, что брат Игоря Васильевича воздерживался от обсуждения. Первоначальный вариант, по словам отца, был просто ужасен: тупое, угрюмое лицо начальника. И это признала вся комиссия, которая должна была принимать памятник. А лицо Игоря Васильевича, говорил он, было удивительно изменчивым. Оно становилось невероятно красивым и одухотворённым, когда, отбросив административные дела, он занимался творческой работой.

А вот слова другого сотрудника ИАЭ В.С.Комелькова: «Когда я смотрю на чёрный бюст⁷⁷ у входа в Институт атомной энергии, я думаю о том, как не повезло людям, представляющим

ел гречневую кашу (тогда дефицит!) (наверное, впервые в жизни), хлебал пустые щи и деликатно отказался от груши, которую я купила специально для него.

⁷⁵ Слова М. В. Келдыша, сказанные им о И. М. Гельфанде.

⁷⁶ Фанченко С. Д. Об исследованиях турбулентного нагрева плазмы в США //Атомная энергия. 1972. Т. 32, вып. 5. С. 494-495.

⁷⁷ В. С. Комельков имел в виду, конечно, не бюст, а «голову».

себе Курчатова вот таким озлобленным, трагически мрачным человеком. Тот, настоящий, был другим: жизнерадостным и требовательным, смелым и осторожным, дальновидным стратегом и увлекающимся учёным и учеником, творцом и чернорабочим...»⁷⁸

На торжественном открытии памятника выступали президент АН СССР академик М. В. Келдыш (он и разрезал ленту), секретарь МГК КПСС В. Н. Ягодкин, заместитель председателя Совета Министров СССР по науке и технике В. А. Кириллин, старший мастер ИАЭ Е.В. Осташев и директор ИАЭ академик А. П. Александров⁷⁹. Открытие памятника происходило уже без вдовы Игоря Васильевича. Марина Дмитриева скончалась 11 марта 1969 г., а в следующем году в их доме на территории ИАЭ был открыт мемориальный музей И. В. Курчатова.

УХОД ИЗ ИНСТИТУТА

Уход отца из Института произошёл глубокой осенью 1971 г. Приняв непростое решение, он обсудил его с мамой и со мной. Не вдаваясь в подробности, тем более, не называя никаких персон, он сказал, что в создавшейся ситуации у него нет другого выхода, как уйти с работы. Мы обе поняли его. Он отнёс в дирекцию своё заявление об уходе и, как положено по рабочему законодательству, через две недели прекратил ходить на работу. Спустя некоторое время академик А.П. Александров пригласил к себе на приём маму. Анатолий Петрович принял её в своем кабинете на территории Института. Разговор был недолгим. Что дословно говорил директор, мне неизвестно, но суть его речи состояла в том, чтобы супруга уговорила мужа вернуться в Институт, на что она ответила, что Евгений Константинович такие вопросы решает только сам.

Ситуация для А. П. Александрова была, вероятно, не очень приятной. Дело было ещё и в том, что незадолго до этого (летом 1971 г.) из Института ушёл, сославшись на затруднительный выезд на зарубежные конференции⁸⁰, академик А.Б. Мигдал, что уже выглядело как значительный урон для престижа Института и его руководства.

⁷⁸ Комельков В.С. Мои встречи с И. В. Курчатовым. Рукопись, 1989 г.

⁷⁹ Атомная энергия. 1971. Т. 31, вып. 5. С. 542-543; Советский физик. 1971, 27 сентября.

⁸⁰ Воспоминания об академике А. Б. Мигдале. М., 2003. С. 105.

Анатолий Петрович вынужден был предпринять «поход в Каноссу». Вскоре как-то вечером он подъехал к нашему дому на чёрной «Волге» и пришёл к отцу с визитом. Визит был недолгим. А. П. не имел, как И. Н. Головин, проблем со слухом, и его голос не звучал на всю квартиру. После того как Анатолий Петрович ушёл, отец кратко передал нам с мамой содержание их разговора. Он не дал Анатолию Петровичу уговорить себя вернуться в Институт, однако на уступку всё-таки пошёл: они договорились, что отец оформит длительный отпуск, а совсем из института не уйдёт. Хотя мой голос и не был решающим, я укоряла отца за эту уступку, так как считала, что в создавшейся ситуации не к чему связывать себя какими-то обязательствами. Но перерешивать было уже поздно. Отец твёрдо решил, что он никогда больше не переступит порога Института и что зарплату получать не будет (её тем не менее долго продолжали выписывать). Всё так и было.

Из-за того, что мой отец не хотел «подставлять» А. П. Александрова, его уход из института не вызвал явной реакции в сообществе физиков, а только породил кулуарные перешёптывания. По сути дела мой отец сам себя сделал заложником реноме директора и Института, в котором отработал два десятка лет.

Недавно мне напомнили эту ситуацию. Якобы Анатолий Петрович приехал к моему отцу, позвонил в дверь. Отец открыл её, и увидел перед собой одетого в адмиральскую форму, всего в орденах Александрова, который якобы сказал: «Здравствуйте, Евгений Константинович. Видите, какой я важный и красивый», на что мой отец якобы сказал: «Я такого не знаю» и закрыл перед Александровым дверь⁸¹. Но дверь академику А. П. Александрову открывала я сама, а затем в прихожую вышел мой отец, и они оба прошли в гостиную, где и состоялся их разговор. Одет Анатолий Петрович был в чёрное пальто, никаких орденов и адмиральской формы я не заметила.

Хорошо, что мои родители не слышат эту байку.

В 1971 г. нам всем было не до смеха. У нас в семье начиналась другая жизнь. И самым раненым среди нас был, конечно, отец. Он бодрился. Говорил с усмешкой, что материала для занятий у него хватит лет на десять. Но факт-то был фактом:

⁸¹ Появление этой байки означает, что директор ИАЭ не делал тайны из своего «похода» к Завойскому и поведал об этом кому-то из институтских верхов, а этот кто-то сочинил байку: ему показалось забавным, что коллега принял решение уйти из института.

здоровый, полный сил мужчина оказался на положении «ненужного» академика. У него вся жизнь была в работе. Бог наградил его талантом исследователя. А тут отечественный «быстрый разумом Ньютон» оказался ненужным одному из самых крупных институтов страны.

Теперь, когда я уже на пять лет пережила своего отца, входя на территорию Института, я живо представляю себе, что скоро и мне предстоит покинуть его, и я вижу моего отца, идущего в последний раз к проходной, через которую и я, должно быть, скоро пройду в последний раз. Что оставлю я? Работу, которую я смогу продолжать, уйдя из Института, дружелюбный коллектив сотрудников, богатейшую Центральную научно-техническую библиотеку, аллеи, посаженные жасмином, которые я люблю так же, как и мой отец, лесные дорожки с тысячами душистых лунников... Отец мой оставлял совсем иное. Он оставлял здесь часть своей души – любимую работу. Он решил на этот шаг, осознавая, что больше никогда не пересечёт рубеж проходной, не подойдёт к приборам...Обстоятельства (точнее, люди, создатели этих обстоятельств) вынудили его принять непростое решение. Своим уходом он дал почувствовать вышестоящим, что унижать себя он не позволит никому: ни министерству и его чиновникам, ни верхам Института, ни Академии наук.

Если бы отец мой не был человеком слова или был бы сражён недугом, возможно, он отнёсся бы к уходу из Института по-иному. В первом случае он мог бы уйти в любой другой институт, мог преподавать⁸². Но он был человеком чести. Дав обещание директору института А. П. Александрову формально числиться в ИАЭ, он не мог нарушить его. Ситуация принесла ему тяжелейшие душевные муки.

ПОСЛЕДНИЙ ДОКЛАД В ИАЭ

28 декабря 1971 г. Евгений Константинович должен был делать доклад на Учёном совете ИАЭ. К тому времени для себя он уже принял решение уйти из института и поэтому мог себе позволить чётко назвать вещи своими именами. В черновике к докладу он писал: «Мировая потребность в энергии к 2000 г. ~ 10²¹ Дж/год. Если для выработки этого количества энергии будет построено ~ 1000 термоядерных станций, то мощность одной станции будет ~ 3·10¹⁰ Вт. Если будет использовано магнитное

⁸² Кстати, через папиного бывшего студента О.Н. Киселёва, ставшего советским гидронавтом № 1, ему было сделано предложение преподавать в Духовной академии.

удержание, то необходимое H составит $\sim 10^5$ Гс и при $n=10^{15}$ см⁻³, $T \sim 10^4$ эВ объём плазмы будет $\sim V=3 \cdot 10^9$ см³. Энергия H эквивалентна ~ 24 тоннам, а плазмы – 2 тоннам взрывчатки! В плазме содержится ~ 3 гр. трития. Это показывает, что термоядерная станция такого масштаба будет представлять большую опасность для окружения. Поэтому в этом столетии нельзя ожидать широкого использования термоядерных станций с магнитным удержанием, даже если очень скоро будут решены известные проблемы удержания и нагрева плазмы в ловушке». Затем Евгений Константинович развил идею применения микровзрывов в термоядерной проблеме. Отмечая их многочисленные преимущества, как-то: относительную простоту и безопасность, получение тепла и прямое преобразование в электроэнергию, решение специфических взрывных задач, использование в двигателях ракет, получение экстремальных состояний вещества, возможность использования DD -реакций и переход на DD и $He-3$. возбуждение ядерных цепных реакций (в DT , DD смесях и пр.). «Вероятно, к 1976-78 гг. будут достигнуты лазерные мощности $W=10^{14}$ - 10^{15} при $\sim 10^6$ Дж и мощности электронных релятивистских пучков $\sim 10^{14}$ - 10^{15} при $V \sim 10^6$ Дж.

Выводы: к 1980-1985 гг. будут получены микровзрывы с положительным выходом. Названные здесь сроки получены из оценки современного состояния техники мощных ядерных и электронных пучков и предположения, что совместные усилия больших групп физиков и инженеров разных стран будут сосредоточены на этой проблеме. Кажутся вполне оправданными такие усилия, если иметь в виду осуществление термоядерной энергетики в текущем столетии». И далее идёт перечисление возможных областей применения термоядерных микровзрывов⁸³.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ – Л. А. АРЦИМОВИЧУ И ЕГО КОЛЛЕКТИВУ

В 1971 г. работа Л. А. Арцимовича и его коллектива была отмечена Государственной премией. Документы, как это было принято, в Комитет по Ленинским и Государственным премиям поступали в конце предыдущего года. Так, 14 декабря 1970 г. датирована «Справка о творческом участии Арцимовича Льва Андреевича в цикле работ «Получение и исследование высокотемпературной плазмы на установках «токамак», подписанная директором Института академиком А. П. Александровым, секретарем парткома В. М. Балебановым и

⁸³ Личный архив Е. К. Завойского.

председателем месткома Е. А. Груздевым. В справке говорится: «Академик Л. А. Арцимович внёс определяющий вклад в успешное развитие исследований по удержанию и нагреву плазмы в системах токамак. Он является научным руководителем программы токамак с самого её зарождения, а с 1962 года принимает непосредственное участие в осуществлении этой программы. Он участвует в обсуждении планов экспериментов и в критическом осмысливании их результатов, формулирует задачи, требующие теоретического решения.

По его инициативе было проведено как теоретическое, так и экспериментальное исследование влияния поперечных магнитных полей на характеристики плазмы в токамаке и были определены требования к геометрии магнитных полей в этой системе.

Л.А. Арцимовичем была предложена постановка диамагнитных измерений на токамаках, которые показали, что время удержания энергии в системах токамак намного превышает время удержания, характерное для турбулентной плазмы, – так называемое «бомовское» время диффузии.

На основе анализа экспериментальных данных им было установлено, что время удержания заряженных частиц в системах токамак достигает десятых долей секунды и близко к классическому времени удержания.

Предпринятые под его руководством исследования нагрева ионов в токамаке послужили основанием для постановки эксперимента по измерению нейтронного излучения и позволили при плотности плазмы $5 \cdot 10^{13} \text{ см}^{-3}$ и температуре ионов дейтерия 0,4 кэВ обнаружить нейтронное излучение термоядерного происхождения.

Им получена полуэмпирическая формула, связывающая температуру ионов в токамаке с параметрами плазменного шнура, которая хорошо описывает имеющиеся экспериментальные данные.

В 1969 году по его инициативе был осуществлен совместный англо-советский эксперимент по измерению электронной температуры плазмы в установке Токамак-3 методом лазерного рассеяния, который подтвердил данные о температуре, плотности и степени термоизоляции плазмы, полученные ранее с помощью других методов».

Интерес представляет отзыв академика П. Л. Капицы: «Вопросы изучения плазмы, которым посвящена представленная к премии работа, относятся к области физики, которая является сейчас одной из главных. Это связано, во-первых, с тем, что изучение процессов в плазме представляет большой теоретический

интерес, поскольку свойства материи в этом состоянии ещё мало изучены. Между тем, как электропроводность, теплопроводность, диффузный перенос и также гидродинамические процессы происходят в плазме совершенно иначе, чем когда вещество находится в газообразном состоянии, к тому же на все эти процессы в плазме ещё сильно влияет магнитное поле. Все эти явления гораздо сложнее, чем в газе, и их теория находится сейчас в стадии интенсивного развития.

Во-вторых, сейчас открывается возможность применения плазмы для ряда химических процессов, плазменных двигателей, магнитно-гидродинамических генераторов и, наконец, для термоядерного синтеза. Для осуществления всех этих проблем изучение плазменных процессов является важнейшей практической задачей современной науки.

Поэтому представленная работа является весьма актуальной и заслуживает самого внимательного отношения при её рассмотрении.

Работы Л. А. Арцимовича и его сотрудников относятся к наиболее трудно изучаемой горячей плазме с температурой в миллионы градусов. Изучение этого состояния плазмы тесно связано с задачей осуществления управляемого термоядерного синтеза. Работы по изучению горячей плазмы сейчас широко ведутся в крупнейших научно-исследовательских институтах США, Англии, Франции, Италии, Швеции и в других странах. У нас эти работы наиболее широко развернуты в Институте атомной энергии, и среди них работы, руководимые Л. А. Арцимовичем, широко известны, и они неизменно привлекают широкий интерес мировой научной общественности.

Представленная работа относится к изучению горячей плазмы тороидальной формы, где термоизоляция осуществляется путем помещения плазмы в магнитное поле. Теоретически хорошо известно, что таким путем можно достичь термоизоляции плазмы, но только на короткое время, измеряющиеся долями секунды. Главное препятствие, которое встречается на практике при осуществлении этого метода термоизоляции, – это возникающая в этих процессах гидродинамическая неустойчивость, которая препятствует осуществлению эффективной термоизоляции и во много раз сокращает время пребывания плазмы при высокой температуре. Одной из основных задач, стоящих на пути осуществления горячей плазмы с температурой, необходимой для возникновения термоядерного синтеза, являются поиски осуществления способа устойчивого процесса термоизоляции. Метод, обеспечивающий устойчивость плазмы в установке

«ТОКАМАК», который разрабатывается Л.А. Арцимовичем и его сотрудниками, на данном этапе исследований является наиболее эффективным, и позволил не только осуществить наиболее высокотемпературную плазму и получить термоядерные нейтроны, но главное, в значительной мере углубил наше понимание плазменных процессов.

Работающие на других принципах стабилизации тороидальные установки типа «ЗЕТА», «Сцилорат» не дали возможности достичь степени нагрева плазмы, осуществленной на установке «ТОКАМАК».

Сущность принципа, на котором работает «ТОКАМАК» Арцимовича, заключается в том, что плазма создаётся в стационарном магнитном поле таким образом, что магнитное поле, возникающее от тока, который нагревает плазму, было бы во всём её объёме меньше стабилизирующего.

Теоретическая работа В.Д.Шафранова в 1956 г. показала, что в таких условиях ряд неустойчивостей плазмы не будет возникать. Осуществление установки «ТОКАМАК», в которой создаются наиболее благоприятные условия для создания горячей плазмы, начались в Институте 10 лет тому назад. За истекшее десятилетие было создано девять установок и были достигнуты результаты, которые сейчас представлены на Государственную премию. Проблему осуществления установки «ТОКАМАК» можно отнести к очень сложной конструктивно-инженерной задаче, возможно даже не менее сложной, чем постройка современных ускорителей. Например, необходимо было найти такую конфигурацию магнитного поля, при которой виток в тороиде, по которому идёт ток и в котором сосредоточена горячая плазма, не только сохранял свою форму, но также сохранял свой радиус и своё положение в контейнере так, чтобы не касаться ограничительных диафрагм. Конструктивная разработка и осуществление установок «ТОКАМАК» сама по себе уже является достижением, достойным быть представленным на Государственную премию.

На осуществлённой сейчас установке Т-3, на которой были достигнуты рекордные показатели по плотности и температуре горячей плазмы, этот успех, несомненно, был связан с тем, что вся эта работа сопровождалась экспериментальным и теоретическим анализом полученных результатов. Вся методика получения плазмы и её изучение достаточно подробно изложены в прилагаемых 53 работах.

Исследование плазмы в «ТОКАМАКе» проводилось как по изучению ее магнитных гидродинамических свойств, так и

термодинамических показателей. Тут следует отметить большую широту применяемых коллективом Арцимовича методов для изучения и диагностики горячей плазмы. Некоторые из них, как, например, изучение энергии нейтральных атомов, покидающих плазму, оказались особенно эффективными. Этот метод дал возможность определять не только температуры ионов, но даёт возможность изучать распределение скоростей ионов. Таким образом, была решена одна из трудных задач при диагностике плазмы. Весьма полно изучалась гидродинамическая устойчивость плазмы и распределение магнитных полей. В этих исследованиях было показано, что плазма сохраняет полную устойчивость до плотности $n_c < 10^{14}$ и при этом показано, что эта устойчивость согласуется с теорией. При большей плотности возникают явления неустойчивости, которые ещё подлежат изучению. Измерение температуры плазмы показало, что для ионов она достигает величины $5 \cdot 10^6$ градусов, что убедительно подтверждается появлением нейтронного испускания, характер которого указывает на его термоядерное происхождение. Определение температуры электронов показало, что она примерно в два раза выше ионной.

Одним из наиболее важных результатов является получение размерного эмпирического выражения, связывающего температуру ионов с габаритами установки:

$$T_i \approx \sqrt[3]{R^2 I H_z \tilde{n}},$$

где R – радиус плазменного витка в тороиде, по которому течёт ток I , стабилизирующее поле – H_z и плотность плазмы – \tilde{n} . Это выражение даёт возможность производить численные оценки габаритов и эффективности термоядерного реактора, что имеет важное практическое значение.

Даже этот краткий перечень полученных результатов ясно показывает, что представленная работа делает большой вклад в изучение горячей плазмы, получаемой в импульсных режимах. Эти результаты окажут существенное влияние на изучение свойств плазмы и помогут проложить путь к её практическому использованию.

С моей точки зрения, присуждение Государственной премии коллективу во главе с Л. А. Арцимовичем, создавшему установки «ТОКАМАК» и проведшему на нём научные исследования горячей плазмы, является вполне правильным и заслуженным. П. Капица. 13 марта 1971 г.»⁸⁴

Вот имена тех, кто был удостоен Государственной премии вместе с Арцимовичем: В. Д. Шафранов, В. С. Стрелков, Д. П.

⁸⁴ Филиал РГАНТД. Ф. 180. Оп. 3. Д. 2571. Л. 55-60.

Иванов, К. А. Разумова, В. С. Муховатов, Е. П. Горбунов, С. В. Мирнов, А. К. Спиридонов, А. М. Ус, М. П. Петров (ФТИ им. Иоффе) и Н.А. Моносзон (НИИ им. Ефремова).

(окончание следует)

Илья Корман

Вот так номер

Чему учат классики

сть у раннего Чехова вещь под названием «Двадцать шесть», с жанровым подзаголовком *«Выписки из дневника»*. Герой, хотя он начальник канцелярии и у него в подчинении 26 человек, чем-то напоминает гоголевского Поприщина. Вещь маленькая, юмор в ней не самой высокой пробы. Словом, неприятная.

Но вот одна деталь. Герой сообщает в дневнике: «Поймал в деле № 1302 мышь. Убил».

Мышь в папке... Поймал и убил... Немножко смешно, немножко противно, немножко непонятно, как к этому относиться.

Но что-то тут не так. Что-то тут есть более серьезное, чем, может быть, хотел представить дело Чехов.

Номер! номер папки! Как мышь влезла в папку с номером, так число 13 влезло в номер папки – и начало переключку с числом двадцать шесть. И уже ясно, что нелепая, противная и смешная ситуация, в которой пребывает незадачливый герой, обусловлена именно несчастливым числом 13 и его переключкой с числом 26.

Но в номере дела есть ещё две цифры: «02». Они что-нибудь означают?

Видимо, «02» есть то же, что просто «2». В таком случае получается, что номер папки есть своеобразная форма записи *разложения на множители числа 26, заявленного в заглавии*.

Прошло 13 лет, и Чехов написал «Дядю Ваню», где вдруг (уже во второй половине пьесы) оказывается, что в доме 26 комнат. Хорошо это или плохо, что 26? Пожалуй, плохо: «Не люблю я этого дома. Какой-то лабиринт. Двадцать шесть громадных комнат, разбредутся все, и никого никогда не найдешь».

Серебряков (персонаж «Дяди Вани») вполне мог не сказать про 26 комнат; мы бы тогда так и не знали, что их 26. Но он сказал, и мы знаем. И вот теперь, «с высоты этого нашего знания», допустимо задать вопрос: а не потому ли в «Дяде Ване» все страдают и мучаются, что комнат в доме – 26?

Впрочем, в «Дяде Ване» присутствует и само число 13, в своём первоизданном виде: «Мне сорок семь лет; если, положим, я проживу до шестидесяти, то мне остается еще тринадцать. Долго! Как я проживу эти тринадцать лет? Что буду делать, чем наполню их?»

А потом Горький написал «поэму» «Двадцать шесть и одна», совсем не смешную, но чем-то напоминающую чеховскую «Двадцать шесть». Чем же? А именно вот этой числовой аранжировкой жизненной ситуации: двадцать шесть мужчин и одна женщина. Но только у Горького число 13 отсутствует: ушло в подтекст, «передав свои функции числу 26». А функции эти – приносить несчастья, быть источником неприятностей.

У В.Н.Топорова есть очень интересная и глубокая статья «Число и текст» (её можно найти в Интернете). В ней целый раздел посвящён числу 26 в русской литературе (и отчасти во французской). В.Топоров указывает: «В русской художественной литературе, начиная с Пушкина и до начала XX в., наблюдается странное явление: литературному герою оказывается 26 лет (для большей надёжности лучше говорить о 26-27-летнем возрасте с двумя расширениями, а именно: 26-й год /т. е. 25 лет/ и 28-й год /т. е. 27 лет/; однако сразу же следует заметить, что «26 лет» образуют не только ядро этого возрастного мотива, но и наиболее распространённую возрастную сигнатуру героя)».

Приведём два примера. В том же «Дяде Ване», в списке действующих лиц, только для одного «лица», для Елены Андреевны, указан возраст. И этот возраст: 27 лет. У А.Грина в «Дороге никуда» главному герою, Давенанту, в момент его судьбоносного столкновения с Ван-Конетом, 26 лет.

26 лет – это возраст зрелости, и одновременно возраст судьбоносных решений – и, тем самым, возраст неустойчивости и риска. Кроме того, 26 – это половина игровой колоды; ещё и отсюда идут неустойчивость и риск.

Итак, «26» может быть возрастом героя, а может – числом комнат в доме. Или – количеством действующих лиц, как в миниатюре Чехова и в «поэме» Горького. Или ещё – протяжённостью временного интервала (у того же А.Грина Гарвей, перед отплытием на «Бегущей по волнам», прожил, отдыхая после болезни, 26 дней на съёмной квартире в Лиссе, а корабль «Нырок» плыл 26 дней из Сан-Риоля в Гель-Гью).

Левый марш

Ранний Чехов, ранний Горький... Быть может, это их «незрелость» виной тому, что они начинают игру с числами? Можно было бы ожидать, что писатели зрелые, считающие себя

носителями передового мировоззрения, писатели левых убеждений, коммунисты и близкие к ним, будут если не обличать нумерологические предрассудки, то, по крайней мере, в своём творчестве обходиться без них, без игры с числами.

Но нет! левые писатели ведут себя не так. Анна Зегерс, коммунистка, назвав свой роман (по общему мнению, лучший) – «Седьмой крест», впустила в него «чуждую символику», даже две: числовую и христианскую. Впустила и сознательно эксплуатировала.

В романе *семь* глав. И вот его содержание: из концлагеря Вестгофен бежали семь заключённых. По приказу лагерного коменданта семь платанов, росших перед третьим баракком, спилены под человеческий рост и превращены в кресты. Беглецов вылавливают одного за другим, возвращают в лагерь и распинают на этих крестах. Но одного беглеца поймать не удаётся; седьмой крест остаётся пустым.

Пер Валё – шведский писатель, не коммунист, но человек весьма левых убеждений. Его роман «Гибель 31-го отдела» (в оригинале «Убийство на 31-м этаже») – вероятно, его лучшая вещь – настолько богат числовыми мотивами, что заслуживает хотя бы беглого обзора.

Высотное здание издательского концерна видно из любой точки города. Первое угрожающее письмо доставляется на директорский этаж в тринадцать часов: «Тревога началась в тринадцать часов ноль две минуты» – ср. 1302: номер папки у Чехова. «А спустя одну минуту тридцать секунд в дежурке и других комнатах нижнего этажа раздались звонки». Выражение «одна минута тридцать секунд» содержит в «контрабандном», зашифрованном виде число 130, т.е. 13x10.

Второе угрожающее письмо также поступает в тринадцать часов, ровно через неделю (то есть через семь дней) после первого.

И неделя даётся комиссару Иенсену на раскрытие преступления.

В районе, где живёт Иенсен, его дом – седьмой в третьей линии (такое же, как в «Седьмом кресте», сочетание чисел три и семь).

Пытаясь сочинить текст пропуска для Иенсена, директор испортил семь бланков, прежде чем догадался прибегнуть к черновику (но и с черновиком не справился).

На одном из верхних этажей Дома Иенсен читает объявление: «Не позволяй себе пренебрежительных высказываний о самом издательстве или его журналах...». Оно содержит семь

абзацев, четырнадцать фраз. На другом этаже в кабинете главного редактора он читает закрытый циркуляр, содержащий семь фраз.

Концерн издаёт для детей девяносто восемь журналов (« – Серийные выпуски, – уточнил директор»). Девяносто восемь делится на семь – причём, если можно так выразиться, дважды: $98 = 2 \times 7 \times 7$.

Всего же концерн издаёт сто сорок четыре журнала. $144 = 12 \times 12$.

Двенадцать служащих концерна получили при увольнении диплом особого образца. Из них троих по разным причинам Иенсен исключает из числа подозреваемых. Из оставшихся девяти преступником оказывается седьмой.

Ситуация «Было двенадцать, три долой, осталось девять» в литературе не нова. Она встречается, например, в «Мастере и Маргарите»: двенадцать литераторов ожидают в Грибоедове прихода Берлиоза, из них девять названы поимённо, а трое не названы. Она же закодирована цифрами 9 и 3 в номере телефона: «Наобум позвонили в комиссию изящной словесности по добавочному № 930 и, конечно, никого там не нашли».

Ситуация эта восходит к евангельской истории об Иисусе в Гефсиманском саду, взявшем с собою трёх из двенадцати учеников: «Петра и обоих сыновей Зеведеевых». Понятно, что Булгаков, дающий свою версию евангельских событий, может её – ситуацию – воспроизводить, пародийно или не пародийно. Но почему её воспроизводит Валё, к религиозным вопросам равнодушный?

Потому что ситуация эта «стала архетипом», сохлась, ужалась до арифметического соотношения, до формулы, утратив религиозный смысл. Смысл утрачен, но формула осталась.

Что же касается ситуаций «Семь платанов перед третьим баракном», «Седьмой дом в третьей линии», «Тройка и семёрка приносят выигрыш Германну» («Пиковая дама»), то их источник – Книга Иова. У Иова было семь сыновей и три дочери, «семь тысяч мелкого скота» и «три тысячи верблюдов», три друга Иова семь дней сидели с ним в молчании, Бог велел этим трём друзьям принести за себя в жертву «семь тельцов и семь овнов», и снова было у Иова семь сыновей и три дочери...

Стоит присмотреться к возрастам подозреваемых. Все возрасты – чётные числа. Двоим подозреваемым (№1 и №3) по 48 лет ($48=12 \times 4$). Одному (№5) – 52 года ($= 13 \times 4$). Разболтанному молодому человеку, за деньги взявшему на себя преступление, которого не совершал – 26 лет (косвенное – ибо относится к шведской литературе – подтверждение правоты В.Топорова).

В разделах II и III царит крайне напряжённая атмосфера (во всяком случае – для комиссара Иенсена): приближается объявленный в угрожающем письме срок взрыва бомбы. Комиссар то и дело смотрит на часы: 13.19 ... 13.23 ... 13.29 ... 13.31 ... 13.36 ... «Ровно в тринадцать часов сорок минут комиссар Иенсен вышел из лифта и пересек вестибюль» ... «Иенсен посмотрел на секундомер. 13.51» ... «В тринадцать часов пятьдесят семь минут поток поредел, спустя еще минуту из стеклянных дверей выходили лишь отдельные лица»... «Иенсен взглянул на секундомер. 13.59».

Минуты сменяются минутами, но часовая стрелка словно застыла: тринадцать часов. Это число может даваться в цифровой записи («13»), либо в словесной («тринадцать»), но оно повторяется снова и снова, его как будто вбивают в сознание читателя – так дизель-молот вбивает сваю в грунт.

Число 31, стоящее в заглавии романа, при обратном чтении даёт 13. Официально считается, что в Доме тридцать этажей. Это означает, что восемнадцатый этаж, директорский, является тринадцатым сверху. Ну, а «неофициально» в Доме 31 этаж. На 31-м, фактически – на чердаке, помещается так называемый «особый» (или «31-й») отдел, чья деятельность, а в значительной мере и самый факт его существования, засекречены. «Лифт туда не ходит...», часы работы отдела иные, чем у остальных сотрудников.

Отношения особого отдела с директорским этажом очень непростые. Фактически – враждебные. И номера этажей отличаются друг от друга на 13. Иными словами, формула

$$31 - 18 = 13$$

выражает враждебные отношения двух самых важных этажей, самых важных отделов издательского концерна.

Взрыв 31-го отдела происходит в 14 часов. $14 = 7 \times 2$. Дата взрыва: 30-е марта. То есть 30.03 – зеркально-симметричная запись числа этажей Дома.

Таким образом, запись «30.03» (в тексте, правда, отсутствующая, но легко конструируемая – и находящаяся, так сказать, в подтексте) говорит и о месте взрыва (тридцатиэтажное здание), и о его дате. Фактически перед нами очень краткая – мнемоническая – запись сюжета. Её можно расширить, добавив вышеприведённую формулу. Итак, пара записей

$$31 - 18 = 13$$

30.03

крайне сжато – и в то же время достаточно полно – описывает основной конфликт и сюжет романа.

Мы видим, таким образом, что писатели левых взглядов отнюдь не спешат бороться с нумерологией – и даже активно применяют её.

Давай закурим

Но что это мы прицепились к левым? Числовая символика может обнаруживаться в самых неожиданных текстах и у самых неожиданных авторов. Вот, например, «Один день Ивана Денисовича» – вещь, с которой её автор вошёл в литературу. В рукописи она называлась «Щ-854». «Щ» – седьмая с конца буква алфавита, и 854 делится на 7. А состоит Иван Денисович в 104-й бригаде, и 104 делится на 13.

Семь – число хорошее, позитивное, ну и Шухов – герой положительный, народный и т.д. Самосад он покупает у «длинного латыша» в седьмом бараке. А планировка барака такая: «коридор длинный, из него десять дверей, в каждой комнате бригада, натыкано по семь вагонок в комнату». Всего, стало быть, семьдесят вагонок.

Седьмой барак, *семь* вагонок в комнате и *семьдесят* – в бараке. Вот какие мощные силы обеспечивают курительные потребности ээка Щ-854.

В колхозе, из которого Шухов ушёл на войну, осталось два мужика, указан возраст одного из них: «плотник Тихон восьмидесяти четырёх лет, женился недавно, и дети уже есть». $84=7 \times 12$. Словом, всё хорошее связано с семёркой.

А бригада – она, с одной стороны, дом родной, особенно при таком бригадире, как Тюрин («Бригадир в лагере – это всё: хороший бригадир тебе жизнь вторую даст, плохой бригадир в деревянный бушлат загонит»). И ещё: «Вот это оно и есть – бригада. Начальник и в рабочий-то час работягу не сдвинет, а бригадир и в перерыв сказал – работать, значит – работать. Потому что он кормит, бригадир. И зря не заставит тоже»), а с другой – придумана для эксплуатации («В лагере бригада – это такое устройство, чтоб не начальство ээков понукало, а ээки друг друга. Тут так: или всем дополнительное, или все подышайте. Ты не работаешь, гад, а я из-за тебя голодным сидеть буду? Нет, вкалывай, пахло!»).

Двойственность бригады – откуда она? Очевидно, она оттого, что здесь начинает играть роль второй делитель 104-х, число 8, символизирующее всеобщность и устойчивость. От 13-и – эксплуатация, от 8-и – дом родной.

Арифметик-романтик

Учитывать своеобразную энергетику чисел и работать с ней (не всегда, быть может, осознанно) умел А.Грин. Так,

«Блистающий мир» открывается фразой, содержащей два числительных: «*Семь* дней пестрая суматоха афиш возвещала городским жителям о необыкновенном выступлении в цирке «Солейль» «Человека *Двойной* Звезды».

Почему «Двойной»? Потому, конечно, что Друд умеет не только ходить, как все люди, но и летать. Но не только поэтому.

Человек Двойной Звезды» живёт в гостинице в № 137-м (склейка чисел 13 и 7). Несчастливое 13 и счастливое 7 – *двойственность* «Двойной Звезды». При всех необычайных способностях Друда (семёрка) его ожидает гибель (тринадцать).

Но числительное «двойной» в цирковом псевдониме Друда имеет и ещё один, уже третий, смысл: через жизнь Друда пройдут две женщины: Руна Бегуэм и Тави Тум. Числа и числительные, вроде бы случайные, определяют сюжет.

В рассказе «Клубный арап» скрытый сюжетный стержень – афоризм (отсутствующий в тексте) «Время – деньги». Тема времени возникает в первом же абзаце и даже в первой же фразе. «Некто Юнг» (то есть: молодой) записался в игорный клуб «Общество *престарелых* мучеников».

И время, и деньги исчисляются числами, и тут карточная игра, с её ставками, даёт широкие возможности. «К осени 1917 года в Петрограде образовалось свыше пятидесяти игорных притонов...». Не будем касаться напрашивающейся темы: «Отношение Грина к Октябрьскому перевороту». Но выскажем догадку: притонов потому больше пятидесяти, что карт в колоде – пятьдесят две.

Сначала Юнг играет на деньги, затем, проигравшись, приходит к арапничеству, и через него – к игре в «пустую», то есть: не на деньги. Стало быть – *на время*. Интересно, что и Бронштейн играет на время: «Закладываю в банк на первый случай, солнце и... хотя бы... луну...». Солнце и луну – то есть: лунно-солнечный (иудейский) календарь. Иными словами, Бронштейн «закладывает в банк» Время с большой буквы. Ставка же Юнга – *пять* лет и два месяца, то есть прозрачно зашифрованное число 52. (Отметим, что начальные буквы фамилий игроков – Б и Ю – равно отстоят от концов алфавита, а инициалы Якова Адольфовича охватывают весь алфавит. Вообще, создаётся впечатление, что Бронштейн потому побеждает, что его ставка выше – то есть, иными словами, что игра Юнга с Бронштейном есть на самом деле аукцион, «где играют не люди, а ставки»).

Проиграв, Юнг переносится в будущее и оказывается больным и... *престарелым* мучеником. Во второй игре в «пустую» Юнг удваивает ставку: *десять лет и четыре месяца*. То есть: 104.

Рассказ «Два обещания», пожалуй, ещё более интересен в числовом плане, и при этом совершенно лишён мистики. Число содержится уже в названии рассказа. В основном же тексте числа и, так сказать, получисла («в полумиле от Покета») начинают появляться со второго абзаца. Все они, за одним исключением, даются не в цифровой записи, а в словесной. Исключением же является арестантский номер Эдвей: 332. Во всех шести своих появлениях в тексте он представлен именно вот такой цифровой записью.

До сих пор мы говорили о числах, представленных явно (словом или цифровой записью). Но есть ещё числа, чьё присутствие в тексте – неявно. Это, например, длины имён собственных (длиной имени – и вообще слова – мы называем количество букв в нём).

- 3.....Эми
- 5.....Покет, Томас, Эдвей
- 6.....Джесси, Латрап
- 8.....Гаррисон

(всего имён, между прочим, *семь* – тоже неявное число).

Ещё одно неявное число: Томас Эдвей приговорён к *восми* годам тюрьмы («Я отбыл пять лет, осталось три года» – говорит Эдвей начальнику тюрьмы, Гаррисону, длина фамилии которого – тоже *восемь*).

Итак, арестантский номер Томаса Эдвей – 332. И вот оказывается, что почти все числа рассказа, явные и неявные, можно получить из цифр этого номера. Приведём примеры:

Эдвей=3+2. Гаррисон=3+3+2. В саду Гаррисона упали два дерева. Порода *третьего* дерева, не упавшего – *дуб* (три буквы). Джесси задумала прокричать с вершины фразу из *пяти* (=3+2) слов. Фактически же ей удастся прокричать только *три* слова. Она забралась на высоту двух третей ($\frac{2}{3}$) ствола. Эдвей попал в тюрьму за подделку трёх векселей. Он просил Гаррисона выдать ему полтора (три вторых) фунта, а получил два. Он обещал своему другу-капитану, что будет на палубе его яхты в три часа ночи. И так далее.

Если считать допустимым умножение, то и возраст Джесси можно получить (11=3x3+2), и число имён (7=3x3-2).

Если в «Двух обещаниях» мистики нет, то в «Крысолове» её с избытком – больше, чем в «Клубном арапе». Она – в настойчивости, с какой читателю тычут под нос дату: 22 марта

1920 года (весеннее равноденствие?). Она – в числе комнат Центрального Банка: 260, любопытном порождении числа 13 (или, если угодно, числа 26).

Номер телефона девушки: 10801 – симметричен относительно восьмёрки и кратен семи: $10801=7 \times 1543$. Пытаясь его вспомнить, герой ошибается и называет номер 10721, который тоже не лыком шит: $10721=71 \times 151$. Здесь мы видим число 71, которое окажется делителем адреса девушки (5-я линия, 97, квартира 11), если из него слепить число: $59711=71 \times 29 \times 29$.

Признаемся: при всей любопытности этих выкладок и соотношений – особого смысла в них нет.

И всё же они необходимы – хотя бы для создания *атмосферы* числового поля, числовой пронизанности. Недаром в рассказе упоминается книга «Атмосфера» и говорится о шаровой молнии.

Истина явится, как шаровая молния, но приход её надо готовить созданием поля числовой напряжённости, числовой соотнесённости и пронизанности. В ряде произведений Грина числовое поле построено, присутствует (хотя прямой обусловленности событий числами может и не быть). Так, в «Вокруг света» присутствует серия семёрок: «семизарядный револьвер», «...выполнил задачу *неделей* раньше условленного», «пока часы за стеной не прозвонили *семь*», «вышел на *семи*верстную лесную дорогу». Не потому ли в рассказе счастливый конец?

Видимо, потому; но не всё так просто: ведь в рассказе присутствуют и две «чёртовых дюжины»: 13-е апреля 1906 года и 13-е апреля 1908 года. Правда, их всего две – против четырёх семёрок. Семёрки «берут числом», если можно так выразиться.

Но опять-таки – не всё так просто. Дата заключения второго пари – 13 апреля 1906 года, оно должно действовать до 13 апреля 1908 года. А вот дата заключения первого пари в тексте отсутствует – но легко вычисляется: 13 апреля 1904 года. Эта дата содержит одну «чёртову дюжину» (явно) и одну семёрку (неявно): $1904 = 7 \times 272$. (Таким образом, всего в рассказе три «чёртовых дюжины» и пять семёрок).

Герой отправляется в кругосветное путешествие 13 апреля 1904 года. И, хотя он выполняет все условия пари, причитающихся ему денег он не получит (из-за числа 13 в дате). Но семёрки (одна неявная – делитель числа 1904 – и три явных) обеспечивают заключение второго пари, более выгодного для героя. А появление в тексте последней, пятой семёрки, приводит к тому, что второе

пари герою даже не придётся выполнять: он (герой) объявляется победителем и получит деньги немедленно.

В «Сером автомобиле» характеристикой героя и, так сказать, мерой его необычности является номер его автомобиля: С.С. 77-7 (необычен и сам автомобиль: он – одушевлённое существо. Номерные семёрки как бы «оживляют» автомобиль и наделяют его волей. Правда, злой).

В «Бегущей по волнам», помимо уже упомянутого двойного появления 26-и, присутствуют серии чисел, кратных трём и пяти. Приведём примеры из первой серии: «Через *три* минуты, как я сел в его кабинете, он вошел, уже одетый к выходу», «Вывеска конторы «Арматор и Груз» была отсюда через *три* дома», «затем все *трое* скрылись в арке *Трехмильного* проезда», в Дагоне на борт «Бегущей по волнам» грузят *триста* ящиков железных изделий и принимают *трёх* дам, «Я определил на глаз количество томов *тысячи в три*», «Гез закупил ещё томов *триста*», «...провёл в чтении около *трёх* часов», «Не менее *тридцати* дней продлится мой рейс», «Нэд Тоббоган, на редкость неразговорчивый человек лет под *тридцать*», «быстрота его хода была *тридцать* миль в час» и т.д.

Кроме того, существует и серия неявных появлений чисел, кратных трём – например, в повторениях и перечислениях: «Я тороплюсь, я спешу; я увижу его с рассветом» (три пары: «я» плюс глагол), «Все ли еще собираете свой венок? Блестят ли его цветы? Не скучно ли на темной дороге?» (три вопроса), «...угрюмые *фасады, акведуки, мосты, краны, цистерны и склады* теснились среди рельсовых путей...» (шесть существительных во множественном числе).

Завершая разговор о Грине, сделаем одно важное, на наш взгляд замечание. Наличие – или отсутствие – в том или ином гриновском тексте числовых закономерностей совершенно не зависит от того, каким является этот текст: «реалистическим» («Два обещания») или «мистическим», «фантастическим». Числовые закономерности и «фантастичность» – явления принципиально разные, и ни одно из них не исключает другого (но и не предполагает его). Пусть города и герои носят гриновско-романтические имена, пусть романтический ветер надежды дует в алые паруса – на числовые закономерности, на их отсутствие/присутствие это никак не влияет.

Соседи

Теперь поговорим о некоторых числах/числительных в поэзии.

И всем векам – пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила эфесская Диана
Сто семь зеленых мраморных столбов.
(«Айя-София»)

Здесь Манделъштам неточен: в колоннаде Айи-Софии не все столбы привезены из разрушенного храма Артемиды-Дианы в Эфесе, не все зелёные и не все мраморные. Но столбов действительно сто семь, потому что в византийской церкви было столько патриархов – к началу строительства Айи-Софии. Каждый столб был посвящён одному патриарху – *столпу церкви*.

Несмотря на столь мощную религиозно-архитектурную поддержку, число 107 не закрепилось в русской литературе. А вот близкое к нему 104 – закрепилось и в прозе, и в поэзии. Приведём поэтические примеры, начиная с того же Манделъштама.

Кама

Упиралась вода в *сто четыре весла*,
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.

М.Цветаева Стихи сироте

Феодального замка боками,
Меховыми руками плюща –
Знаешь – плющ, обнимающий камень
В сто четыре руки и ручья?

Больше того, у Цветаевой мы находим неявное употребление числа сто четыре (когда его составляющие отодвинуты друг от друга):

«Так – только Елена глядит над кровлями»

Так – только Елена глядит над кровлями
Троянскими! В столбняке зрачков
Четыре провинции обескровлено
И обезнадежено *сто* веков

И ещё у неё же. Поэма конца
Сверхбессмысленнейшее слово:
Расстаемся. – Один из ста?

Просто слово в четыре слога,
За которыми пустота.

В.Маяковский.

**Рассказ про то, как кума толковала О Врангеле без
всякого ума**

Вся собралась публика,
Стали щелкать счеты.
Сто четыре рублика
Выведено в счете

Н.Олейников. Таракан

Сто четыре инструмента
Рвут на части пациента.
От увечий и от ран
Помирает таракан.

Д.Хармс. Миллион

Раз, два, три, четыре,
и четырежды
четыре,
сто четыре
на четыре,
полтора на
на четыре,
двести тысяч на четыре!
И еще потом четыре!

Евг.Евтушенко. Сборник «Медленная любовь»

Чеснок, чеснок,
дай свой беленький бочок.
У тебя, голубчика,
Сто четыре зубчика

К.Чуковский. Одолеем Бармалея

Нам достались трофеи:
Сто четыре батареи,
Триста ящиков гранат,
Полевой аэростат
И сто двадцать миллионов
Нерастрелянных патронов.

**А.Галич. О том, как Клим Петрович Коломийцев
восстал против, экономической помощи слаборазвитым
странам**

И не где-нибудь в Бразилии «маде»,
А написано ж внизу, на наклейке,
Что, мол, «маде» в ЭсЭсЭр
В маринаде,
В Ленинграде,
Рупь четыре копейки

В последнем случае мы опять имеем дело с *неявным* представлением числительного.

Из этих примеров следует, между прочим, что выражение «сто четыре» (взятое в стиховом – звуковом, ритмическом аспекте), обладает очень удачной ритмической структурой, позволяющей ему служить началом (зачином) по-разному ритмически организованных строк. Иначе говоря, при одном зачине – разные окончания. Наши примеры позволяют говорить о пяти типах окончаний. Вот они:

Сто четыре весла

руки и ручья
на четыре/ батареи/ инструмента
рублика/ зубчика
рупь четыре копейки

(в последнем случае вместо зачина *Сто четыре* присутствует его ритмический эквивалент *В Ленинграде*.

Но и в прозе, где ритмический рисунок не столь важен, наше число всё равно пребывает на первых ролях! В рассказе Ф.Достоевского «Столетняя» подлинный возраст старушки – 104 года.

А в «Романе оперы» Франца Верфеля ситуация почти обратная: маркиз Гритти, подобно старушке Достоевского, именуется столетним: глава называется «Столетний и его коллекция». Ему сто один год. Но: «свое рождение маркиз относил к 1778 году, так что сейчас ему должно было быть сто четыре года (то есть, окружающие считали его сточетырехлетним – И.К.). Однако же... маркиз представлялся старше, чем был. На самом деле он родился в 1781 году, и, значит, сейчас ему шел сто второй год». Для наглядности можно свести сведения о «столетних» у Достоевского и у Верфеля в маленькую таблицу:

	Считается	а на самом деле
у Достоевского	100	104
у Верфеля	100 или 104	101

У А.Солженицына Иван Денисович Шухов состоит в *сто четвёртой* бригаде. Э.Радзинский назвал свою пьесу «104 страницы про любовь». Мы видели, кроме того, «контрабандное», неявное появление 104-х у А.Грина (в «Клубном арапе»).

Стоит упомянуть ещё об одном любопытном – неявном – появлении 104-х, когда это число узнаётся в своём, так сказать, потомке. Речь идёт о первой странице романа Рекса Стаута «И быть подлецом». В комнате присутствуют Арчи Гудвин и Ниро Вулф.

«– На меня наводят уныние цифры. – Я наклонился, чтобы перебросить форму 1040 через полированную крышку его стола. – Это от *тринадцатого* марта. Четыре тысячи триста двенадцать долларов и шестьдесят восемь центов плюс четыре квартальных взноса. Таким образом, нам необходимо послать форму 1040-ЕС, приложив к ней чек на десять тысяч долларов».

Возможно, конечно, что налоговое управление штата Нью-Йорк действительно рассылало формы 1040 и 1040-ЕС – и, таким образом, это число «взято из жизни, и никакого скрытого смысла тут нет». Да, само по себе это возможно. Но чтобы ещё и от *тринадцатого* марта... Нет, такое сочетание случайно не возникает. Инспектор Кремер в такую случайность ни за что бы не поверил. Тем более что его люди могли бы обнаружить, что 4312 делится на 7, и даже на 49: $4312=7 \times 7 \times 88$. Одна семёрка – ещё куда ни шло. Но две!..

Итак, «вечный спутник человечества», число 13, забравшись в число 104, как путешественник в экипаж, отправляется в дальний путь.

Счастливый характер

До сих пор мы говорили о литературе. Но «литература отражает жизнь», и имеет смысл поговорить о числе 104 «в жизни».

Чем объяснить, что знаменитые военные корабли (парусники), составлявшие гордость флотов своих стран, имели на борту 104 пушки?

Это, во-первых, испанский линкор первого класса «Сан-Фелипе», спущенный на воду в 1690 году. Он был исключительно богато украшен.

Это, во-вторых, «Le Soleil Royal» (Король-Солнце), построенный во французском Бресте в 1696-м году, при Людовике 14-м. Его высокая скорость и маневренность в полной мере проявили себя в военных действиях против Габсбургов.

Это, в-третьих, линкор первого класса Н.М.С. «Victory», первоначально спущенный на воду в 1765-м, но достроенный в 1778-м. Им командовали знаменитые адмиралы, в том числе адмирал Нельсон в Трафальгарском бою 1805 года.

Можно ещё упомянуть английский же «Royal William», построенный в 1719-м.

В 1847 году, в Москве, в типографии И.Смирнова вышла книга (в двух частях, 45 гравюр, из них 43 двойных, то есть в развороте) «Сто четыре священные истории из Ветхого и Нового Завета». Это был перевод с немецкого. Автором первоначального немецкого сочинения был пастор Гюбнер, издавший его в 1714 году в Гамбурге, под названием «Сто четыре священные истории» (Свыше 130-ти лет раскачивались российские издатели!).

Можно предположить, что выход русского перевода в немалой степени поднял авторитет числа *104* в русском сознании (или, вернее, в подсознании).

Но можно предположить и другое. Можно предположить, что отбор немецким пастором именно такого количества священных историй – сам явился результатом существования особой ауры, окружавшей число *сто четыре* в немецком языке.

Случайно ли, что самым популярным советским самолётом был «Ту-104»? О нём даже сложили песенку. Неважно, что насмешливо-сатирическую; важно, что сложили и распевали – повсеместно и в разных вариантах.

«Ту-144» тоже был пассажирским самолётом, по комфортности и по лётным качествам он превосходил «Ту-104», но песен о нём не пели.

Сто четыре и сто сорок четыре: которое сильнее? – Первое! Над головой певца пролетал «Ту-144», но певец пел не про него, а про «Ту-104».

Случайно ли, что на клавиатуре персонального компьютера – *сто четыре* клавиши? Быть может, число *104* повлияло на конструкторов клавиатуры: «заставило» их выбрать себя? (Как, скорее всего, оно повлияло на тех, кто устанавливал цену банки салаки в Ленинграде).

Число 104 вообще популярно в технике. Конечно, пушки на парусниках – дела давно минувших дней. Но вот пара современных объявлений из Интернета:

1. «Высококачественный сверхширокоформатный 104-дюймовый принтер HP Designjet 10000s»;

2) «Термотрансферные ленты (WAX), 104 мм ширина, 450 м длина».

Как видим, у числа 104 счастливый характер: оно уживается и с дюймами, и с миллиметрами.

Сто семь и сто четыре: их можно назвать соседями. Но сколь же различны их «характеры» и «судьбы»!

107-ми однажды исключительно повезло: его воплотили в архитектуре Айи-Софии. Везение не было заслуженным: это была чистая случайность. Но, раз уж его воплотили в величественной колоннаде, его упомянул Мандельштам. И всё.

Причём упомянул именно в связи со столбами Айи-Софии. Иными словами, мандельштамовское 107 не обрело самостоятельного бытия, о нём можно было говорить только в связи с его «родителями» – колоннами Айи-Софии.

А вот у 104-х не просматривается никакого «земного» источника, оно безродно. У него есть, правда, отдалённые родители, первопродки: числа 8 и 13, но это родители «духовные», нумерологические. Своими успехами – что «в жизни», что в литературе – оно (число 104) обязано только себе, своим свойствам.

Эти заметки в какой-то мере – дань уважения незнатному, но исключительно даровитому числу.

Обнажение приёма. До сих пор мы говорили об «обычной» литературе, подобной «окну в мир». Стекло этого окна может быть сколь угодно сложной системой линз; требуется лишь, чтобы окно «смотрело наружу»: на человека, на общество, на природу, на Космос...

Но литература может смотреть и внутрь себя, интересоваться своим собственным устройством, правилами своего функционирования. Тогда она может называться металитературой. Тогда она занимается, в основном, *обнажением приёмов*, коими создаётся обычная литература. Разница между литературой и металитературой примерно такая же, как между комнатой в привычном жилом состоянии – и комнатой, где со стен сбита штукатурка и обнажены: электропроводка, вентиляционная труба и т.д.

В интересующем нас «числовом плане» очень интересным мог бы стать анализ повести В.Пелевина «Числа», но, по недостатку места, мы предпочитаем ему краткий разбор текста

Аркадия Бартова (он – текст – есть в Интернете) с характерным названием: «Пять описаний одного текста».

Произведение Бартова – это уже не художественная литература, а нечто, маскирующееся под какой-то служебный документ. Под, скажем, отчёт эксперта – для суда, разбирающего дело об авторстве и плагиате.

Приведём несколько характерных цитат: «На пятидесяти двух листах бумаги большинство букв написано довольно отчетливо. В первых сто двадцати восьми строках нижние части букв видны яснее верхних»;

«Если вчитаться в рукопись, то можно, разбирая сюжет, минут через пятнадцать обнаружить несколько героев повествования: четырех мужчин, 18, 23, 37 и 49 лет, трех женщин, 21, 35 и 51 года и двух детей 11 и 14 лет»;

«На 45-й странице повествования дорожная авария описана побудительными предложениями в форме распоряжений. На 104-й, последней странице повествования взаимоотношения между двадцатитрехлетним слесарем-водопроводчиком и пятидесятиоднойлетней медсестрой описаны побудительными предложениями в форме просьбы и мольбы. Из 95 побудительных предложений 23 имеют форму команд, 10 – приказов, 35 – распоряжений, 21 – просьбы и 6 - имеют форму мольбы».

Всё это, конечно, игра и пародия и как бы не вполне всерьёз. Пусть так. Но факт остаётся фактом: в «Пяти описаниях одного текста» число 52 (мы не делаем различия между числовым и словесным написанием) встречается *семь* раз, а число 104 – *тринадцать*. Кроме того, мы находим у Бартова и такую фразу: «Здания в городе в основном 3-х и 7-ми этажные» - эхо Книги Иова.

Бартов признаёт наличие числовых закономерностей в (мета)литературе и затевает с ними игру – как человек, в игровых целях переносящий на бумажный лист морозные узоры на стекле.

Игорь Гельбах

Построено на песке

1.

днжды в юности, в самом начале лета я оказался на Рижском взморье, на даче в Асари. В то лето я прочитал несколько пьес Шекспира, и «Гамлет» захватил меня чрезвычайно. Я перечел этот загадочный текст в переводе М.Лозинского несколько раз, была в нем какая-то тайна в сочетании с узнаваемостью.

С тех пор прошло несколько десятков лет, а этот текст по-прежнему не перестает удивлять меня.

Это, пожалуй, была и не трагедия рока, и не трагедия характера в чистом виде, но в силу каких-то неочевидных причин трагедия эта казалась мне и естественней, и ближе...

Ситуация Гамлета напоминала известные по античным трагедиям положения, но и персона его, и связи его с миром были несравненно богаче, многообразнее и непринужденнее чем у Ореста или Электры, не исключая и не очень «современную» мистическую связь с Призраком, эту глубинную основу трагедии, страхи и предчувствия участников которой были представлены с ясностью, напоминавшей о чередовании света и тени на хорошей старой гравюре.

И, наверное, оттого, что прочитал я эту пьесу на Рижском взморье, куда мы приезжали каждое лето, можно было легко представить многое из того о чем рассказывала пьеса...

В особенности датское, все то же балтийское взморье и бредущих вдоль воды Актеров. Я уже не говорю о дюнах, песчаных пляжах и том особом освещении в конце лета, когда желтоватые полосы солнечного света падают на поблескивающее море из-за нависших темно-фиолетовых туч.

Но помимо всех этих моментов сближения возник у меня и ряд других ассоциаций, уже не визуального свойства.

2.

Упомянутый в тексте эпизод с отражением нападения пиратов на парусник, на котором Гамлет направлялся в Англию,

сливался с аналогичным эпизодом в жизни Рене Декарта, чье *Cogito ergo sum*, – казалось мне естественным описанием Гамлета до шока, пережитого им при встрече с Призраком. Приходил на ум и Паскаль с его словами о том, что «...все наше достоинство – в способности мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы – ничто».

Вот, однако, рассуждения на ту же тему, принадлежащие Гамлету.

«Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям. Поступками как близок к ангелам! Почти равен Богу – разумением! Краса Вселенной! Венец всего живущего!.. – повторяет Гамлет слова Пико делла Мирандола, и неожиданно завершает этот пассаж вопросом, – ...А что мне эта квинтэссенция праха?»

Так расщепляется и множится сама ткань существования... Так намечает Шекспир взаимопроникновение дневного и ночного мира...

Но и не только черно-белые контрасты поражали меня по ходу чтения этой драмы...

Армии, пересекающие страну в походах на Польшу, борьба за власть, предательство, невинность и все остальные, почерпнутые из сонета 166 («Зову я смерть...») темы...

Престолонаследие и войны, театр, могильщики и шуты, короли и актеры...

Убийство отца, предательство брата, возмездие, похоть, жизнь и смерть, переплетающиеся с темой самоубийства, безумие и психологические провокации, разыгранные с использованием приема «театра в театре»...

Риторические фигуры, силлогизмы, комментарии и рассуждения на кладбище, у могильщиков, о судьбе праха Александра Македонского: «Что мешает вообразить судьбу Александра праха шаг за шагом, вплоть до последнего, когда он идет на затычку пивной бочки?»), и беседа о назначении театра с членами труппы, вплоть до вопроса Гамлета, обращенного к старшему Актеру, – «Как вы считаете, сэр, мой литературный талант позволит мне в случае нужды устроиться штатным сотрудником бродячей труппы?»

Итак, место действия – Дания: покои и переходы замка Эльсинор, датское побережье, кладбище... Упоминаемые места: университетский Виттенберг в Германии, Польша, которую, как повелось, идут покорять солдаты Фортинбраса, Норвегия, король которой заключил военный договор с Данией, открытое море и,

наконец, Англия, где казнены товарищи студенческих времен Гильденстерн и Розенкранц.

Итак, Гамлету противостоит Клавдий, муж его матери, но и, главное, – убийца его отца, – если то, что говорит Призрак, заслуживает доверия. Клавдий неустанно пытается избавиться от Гамлета, который действует либо по вдохновению, или из духа противоречия. При этом, балансируя на грани безумия, Гамлет предается размышлениям столь интенсивно, что становится символом рефлексии в театре, литературе и жизни.

Темы рефлексии и безумия переходят друг в друга столь естественно, что, следуя репликам Гамлета, мы порой перестаем верить то в то, что безумие его подлинное, порою же начинает казаться, что сполохи его рефлексии есть не что иное как маскирующееся безумие.

«Если это и безумье, то по-своему последовательное», – отмечал «капитальный теленок» Полоний после встречи с Гамлетом. Последующая смерть Полония от руки Гамлета выглядит как ритуальная жертвоприношение безумию, причем образ безумия в пьесе является нам в двух воплощениях, здесь тень и свет, полусвет и полутьма.

Партия второй скрипки в развитии темы безумия достается Офелии. Она, как и Гамлет, сходит с ума после гибели своего отца. Полоний убит рукой Гамлета.

3.

Итак, налицо два сопряженных безумия, первое, – сумрачное как всякий «германский гений» и с философским уклоном, второе – наполнено безыскусною прелестью песен, цветов, венков, которые вместе с поющей девушкой уносит река... Так тонет Офелия, и хоронят ее там, где предают земле самоубийц.

Отношение же Гамлета к Офелии при жизни ее достаточно двусмысленно и цинично, как и вообще отношение его к женщинам. Но каким же оно может быть, если то, что произошло, – произошло? Достаточно вспомнить его разговор с матерью.

«Зачем отца ты оскорбляешь, Гамлет?

Зачем отца вы оскорбили, мать?»

Этот обмен репликами подобен звону клинков... Напомним, мать говорит о Клавдии, а Гамлет о своем отце...

При этом, схватившись с братом Офелии в только что выкопанной для утопленницы могиле, Гамлет сообщает ему, что любил Офелию так, как и сорок тысяч братьев не могли бы ее любить.

Остальные персонажи изображены такими, как их видит Гамлет, – так, в покоях матери он говорит с Призраком, которого не видит и не замечает королева-мать. Но при этом мы не упускаем из виду и самого принца: так возникает двойная перспектива, двойной план, двойное видение, характерное для этой трагедии действия и созерцания.

Ибо Гамлет не только мятущаяся личность, рефлектирующий ум, это еще и экспериментатор, или провокатор, порою еще и достаточно жестокий. К тому же он еще и безумец, во всяком случае, частично...

«Я безумен при норд-норд-весте. Когда ветер с юга, сокола от цапли я отличу... Господи, да мне хватило бы ореховой скорлупы. Я бы и там считал себя властителем вселенной... Разумеется, если б там мне не снились дурные сны...», – сообщает он.

В качестве пояснения напомним слова Гамлета о том, что

.....
всех нас в трусов превращает мысль,
и блекнет цвет решимости природной
При тусклом свете бледного ума...

Ибо по Гамлету, – мысль, сон, жизнь, – есть «слова, слова, слова»...

Как устроена эта трагедия, спрашиваем мы, и, следуя Выготскому, отвечаем: Если фабула ее есть не что иное как история Гамлета, который должен был отомстить за смерть отца, то сюжет ее рассказывает о том, как колеблется Гамлет, пытается найти подтверждение словам Призрака, как сопротивляется попыткам Клавдия убрать его с дороги, а когда, наконец, убивает короля, то происходит это вовсе не от того, что убийство это было спланировано им заранее.

Попутно заметим, что шекспировский «Гамлет», – решительно северная драма, столько в ней оттенков бледности. Тусклый свет, распушенные чулки... И всем известная фраза: The time is out of joint. Наше время вывихнуто, сказал Гамлет, указывая на его многосложность и непостижимость...

Рассказана трагедия Горацием, другом и alter ego Гамлета. Об этом мы узнаем из последней сцены трагедии. Умиравший Гамлет просит своего друга не уходить из жизни с тем, чтобы передать людям правдивый рассказ о случившемся.

Итак, рассказ этот перед нами, и вся череда происходящих на сцене событий наводит на мысль о зависшей над морем чайке, и ее последующем полете вопреки ветру, или о яхте под косым,

бермудским парусом, плывущей в сторону маяка вопреки господствующему ветру.

4.

Со временем я узнал, что источниками сюжета для «Гамлета», впервые поставленного в театре «Глобус» в 1601 г., послужили сборник «Трагических историй» француза Бельфоре и не дошедшая до нас пьеса Томаса Кида, восходящая в свою очередь к тексту датского летописца Саксона Грамматика (ок. 1200).

Автор трагедии опирался не только на труды и творения предшественников, но и на творения своих современников. Так высокая гора вырастает из предгорий. Великий мастер переделки, он умел разглядеть возможности, скрывавшиеся в чужом сюжете и чужих текстах.

Подобным же образом ведьмы из «Макбета» умели предсказывать будущее. Банко, один из персонажей «Макбета», использует, обращаясь к ним, естественный для земляпашца образ «seeds of time», – «семян времени»:

Коль вам дано провидеть сев времен

И знать, чье семя всхоже, чье – не всхоже...

Шекспир, скорее всего, понимал эту особенность своего таланта и иногда выбирал в качестве основы для своей пьесы чужое творение, уже снискавшее отклик у театральной публики, или брал историю, перечитываемую не одним поколением, и переделывал их.

Переделки или выход за пределы заданной темы – это trademark Шекспира. Эта особенность подчеркивает типологическую близость его таланта к таланту импровизатора.

Вспомните «Египетские ночи» Пушкина и сюжеты, предложенные посетителями салона импровизатору. Тема, выбранная поэтом, – Cleopatra e i suoi amanti, – Клеопатра и ее любовники, – знакома нам по трагедии Шекспира, увидевшей сцену 20 мая 1608 г.

Работая с драматургическим материалом, он пользуется всеми свободами, унаследованными от средневекового уличного театра. Классические единства позабыты, что превращает его театр в явление порою хаотическое, эклектичное, но, безусловно, свободное. Это звучит несколько безумно, но в этом «безумии есть своя последовательность»...

«...все события развиваются у него по естественному пути. В несвязанности его актов мы узнаем несвязанность человеческой судьбы, когда о ней повествует рассказчик, нимало

не стремящийся упорядочить эту судьбу...», – писал Брехт о «Гамлете».

При этом Шекспир порою забывает о согласовании отдельных деталей и готов допустить некоторые неясности или даже противоречия. Он готов заимствовать чужие сюжетные ходы и цитирует куски из чужих сочинений там, где ему это нужно.

Более всего его волнует возможность потрясти зрителя, и тут его гений превосходит своей мощью объединенные дарования его сорока тысяч собратьев по перу. Достигнуть этой цели ему удается благодаря поэтическому дару в сочетании с невероятным воображением и редкой способностью к рефлексии в союзе с несомненной образованностью или, возможно, наслышанностью.

В его «Гамлете» природа актеров, зрителей и Призрака мыслится единой, и это не преходящий мотив, а глубокая уверенность поэта. Вот замечание, сделанное в одном из поздних его творений:

«Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны.
И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь»

Ответим теперь на естественный вопрос о том, чем является Призрак с точки зрения драматургической техники... Скорее всего, это – не что иное, как эффектный способ рассказать о прошлом. Но, помимо этого, Призрак, – еще и кнут, подстегивающий колеблющегося принца.

Так, из взаимодействия Прошлого с Настоящим возникает конфликт в «Гамлете».

Сделаем теперь еще один шаг в сторону Гамлета, мыслившего «пугливыми шагами»...

Естественным для елизаветинского театра был и прием «сцены в сцене», вспомните «Мышеловку». Более того, ни одно произведение драматического искусства не обнажило и не представило «ситуацию театра» столь остро как эта трагедия. Тут мы вплотную подходим к сцене встречи Гамлета с трупной бродячих актеров, знакомых ему еще по Виттенбергу. Итак, перед нами выброшенный на берег моря любитель театра, философ и поэт с его размышлениями об искусстве актера, –

.....
Что он Гекубе? Что ему Гекуба?

А он рыдает...

Не будем, однако, продолжать цитирование, учтем высказанное Гамлетом требование о «...сдержанности, которая всему придает стройность...» Напомним также его указание на

роль театра «...держать, так сказать, зеркало перед природой, показывать доблести её истинное лицо и её истинное – низости, и каждому веку истории его неприкрашенный облик...» и обратимся к главному драматургическому ходу и заодно, к главному драматургическому открытию пьесы, – к «мышеловке», – механизму, изобретенному Гамлетом-драматургом для экспозиции Прошлого.

Наследник престола просит Актеров добавить в текст пьесы «Убийство Гонзаго» написанный им монолог в двенадцать или шестнадцать строчек, ввести этот монолог в сцену убийства короля. Новая редакция пьесы играется в присутствии всех действующих лиц трагедии и коренным образом меняет ее ход.

Представление при дворе «Убийства Гонзаго» в новой редакции, – это *experimentum crucis*, решающий эксперимент студента университета в Виттенберге. Назовите его эксперимент провокацией или предвестником «психодрамы», – и вы не ошибетесь, ибо суть эксперимента Гамлета, – использование механизма остранения для провоцирования состояния паники у подозреваемого...

Итак, на сцене – сцена с королевской парой, представленной актерами бродячего театра, зрители в замке, включая и королевскую пару Эльсинора и наблюдающих за этой парой Гамлета и Горацио, а в зале, – мы с вами, наблюдающие за тем, что происходит на сцене...

Внимание наше перемещается с одной сцены на другую, а вибрации и токи в зрительных залах дополняют друг друга так, что в ходе этого спектакля в спектакле зыбкая граница между залом и сценой в очередной раз становится призрачной, жизнь и театр на мгновение сливаются, а затем отдаляются друг от друга, и все это повторяется, провоцируя последовательные слои восприятия, понимания и остранения, заново устанавливающие не только отношения персонажей на сцене, но и наши чувствования, найденные связи и вновь возникшие оценки поведения короля, королевы и Гамлета...

Именно так трагедия, о которой мы говорим, становится тем, что она есть, и, как это было не раз отмечено, происходит это благодаря вплетенным в ткань ее повествования темам театра и Призрака, сопряженных с рефлексиями главного героя этой пьесы...

Ну а мы, – зрители, – становимся в определенном смысле свидетелями из Будущего...

Так сосуществуют настоящее, прошлое и будущее у Шекспира. Что добавляет оживающему в театре тексту еще одно

измерение, – назовем его призрачным, ибо относится оно к области наших чувствований...

Быть может, стоило бы задать и такой вопрос: а чем же стала бы эта трагедия без Призрака, Актеров и странного молодца, шатающегося между Небом и Землей?

Скорее всего, подвергшийся подобной вивисекции «Гамлет» остался бы вполне замечательной трагедией, располагающейся где-то между «Ричардом III», «Отелло», «Антонием и Клеопатрой» и «Королем Лиром», причем последние, если ввести нечто вроде линнеевской классификации творений Шекспира предстанут как замечательные творения, принадлежащие подвиду семейно-государственных драм.

Но тот «Гамлет», который нам, к счастью, достался, уходит далеко за означенные пределы, ибо, рассматривая вопрос о природе и месте человека в мире, утверждает, что театр есть и инструмент рефлексии над миром, и его модель, и его часть одновременно, вводя, таким образом, вводя нечто вроде еще одного, дополнительного, призрачного измерения нашей жизни, где все вопросы могут, как нам кажется, разрешиться, но, в сущности, никогда не разрешаются... Ибо призрачное измерение означает еще и утерю определенности...

Подчеркивает это и определенная прозрачность суждений, проступающая время от времени и в других его творениях... Вот комментарий по поводу смерти обезумевшей леди Макбет, вложенный в уста ее мужа:

.....
Конец, конец, огарок догорел!
Жизнь – только тень, она – актер на сцене.
Сыграл свой час, побегал, пошумел –
И был таков. Жизнь – сказка в пересказе
Глупца. Она полна трескучих слов
И ничего не значит...
Все та же тема единства жизни, театра и безумия.

И, наконец, слова Гамлета, обращенные к его ученому другу, – «Гораций, много в мире есть того, что вашей философии не снилось», – можно с полным правом отнести ко всей этой странной и таинственной пьесе о попытке Гамлета, или некоего разумного начала, в духе *Cogito ergo sum*, очертить пределы мира, набросив на него гигантскую, сотканную из слов, сеть...

Похоже при этом, что для датского принца поиск ответа на волнующие его вопросы гораздо важнее приступов активности, посещающих его под влиянием внешних обстоятельств. Его поведение наводит на мысль о яхте, дрейфующей в заливе под

порывами меняющего свое направление ветра... Ибо весь мир вместе с Данией, двором и прочим навязан Гамлету, а он, – то тщетно пытается отвернуться от этого мира, то бросается навстречу возникающим проблемам... Но мир продолжает навязывать ему себя до тех пор, пока Гамлет не погибает, осознав, что от этого мира никуда не деться.

Это трагедия философа, или размышляющего человека, ибо события и обстоятельства не дают Гамлету решить все преследующие его вопросы, и, перечитывая трагедию, постепенно обнаруживаешь, что она все больше и больше напоминает субъективную эпопею или роман, действующей пружиной и энергией которого при посредстве некоей, никому дотоле неведомой магии, становятся пронизывающий ее элемент рефлексии и сопутствующее ему особое, призрачное измерение, первый «северный роман», породивший позднее немало последователей...

Так это лучшее из творений Шекспира становится не просто зеркалом природы, но еще и зеркалом нового театра и нового времени. Да еще и провозвестником великих романов.

И если каждый проникает в замок современного романа через свои, предназначенные ему ворота, то я обнаружил себя перед входом, связанным с этой северной драмой.

Со временем я обнаружил следы влияния этой пьесы и так или иначе понятого призрачного измерения в самых разных произведениях литературы и драматургии, – от «Человека, который смеется» В.Гюго до романа Дж.Конрада «Лорд Джим», в рассуждениях Раскольникова и в реплике Смердякова о том, что «черт и убил» папашу Карамазова, в «Звуке и ярости» У.Фолкнера с его безумным Бенджи и в упоминаниях о погибшем пилоте Рауле, творении фантазии Уормолда, в романе Г.Грина «Наш человек в Гаване».

5.

Что же до центрального персонажа «Гамлета», то он становится культурным символом и естественной частью культурного ландшафта.

«...не думать о Гамлете, для меня, по крайней мере, иногда значило бы отказаться и от мыслей об искусстве, т. е. от жизни...», – писал И. Анненский в начале двадцатого века.

Одной из причин этого явления является, скорее всего, то, что сам Гамлет как человеческий тип никуда не исчезает, и каждое время только отмечает новое явление этого характера в литературе и на сцене.

Другой же причиной является, скорее всего, то, что склонность к рефлексии становится со временем все более естественной частью сценического поведения, ибо жизнь становится все сложнее и именно *ratio* претендует на воздвижение первой линии «обороны», за которой укрывается *homo sapiens*...

И вот мы видим на сценах различных театров разнообразные наборы рассуждающих персонажей из пьес классических и современных. Ибо театр есть странная сумма вечного и преходящего. И лучший свидетель тому – театральные репертуары, который продолжает нести следы протянувшихся сквозь столетия влияний и связей.

6.

Во времена моей молодости в Москве и в Ленинграде спектакли, поставленные по произведениям Чехова и его последователей, сожительствовавшие на сценах самых различных театров со спектаклями в традициях Брехта, который, как известно, стремился создать «эпическую драму», свободную от «колебания и безверия» и внушить зрителям активное и критическое отношение к происходящему на сцене.

Влачили свое существование на театральных подмостках и герои Шекспира. К несчастью, лучшим намерениям и режиссеров, и актеров противостояла та пошлость времени, которую замечательно выразил Брехт, с присущей ему рациональностью сформулировав свое видение проблемы «Гамлета»: «Средневековые видели в знаменитых колебаниях Гамлета слабость, в конечном осуществлении акта мести – удовлетворяющий конец. Мы же именно в этих колебаниях видим разум, а в злодействе заключительной сцены – рецидив старого».

Но вернемся к Чехову. Его лучшая пьеса «Чайка» не могла бы быть написана, если бы Чехов не знал и не изучал «Гамлета». Гамлет рефлектировал по поводу своего века и ситуации, в которой он оказался. Треплев мечтает о новом театре и ревнует свою актрису – мать к Тригорину. Треплев и его мать обмениваются репликами из «Гамлета» в первой же сцене «Чайки». Со временем Треплев становится драматургом, но продолжает завидовать писательскому мастерству Тригорина и его успеху у женщин. В сущности, перед нами еще одна вариация на темы Гамлета.

Драматургия Чехова требует «сопереживания», но устремленность Чехова к достижению глубины повествования и, по сути своей, выходу в «призрачное измерение» остается. В «Чайке» потребность эта прорывается и в написанной Трепьевым пьесе, и в «декадентском», по замечанию его матери Аркадиной,

монолог, который читает Нина Заречная в начале пьесы. Стоит, разумеется, упомянуть и ружье, и подстреленную чайку, и судьбу Нины Заречной, так и не ставшей хорошей актрисой, и завершающее пьесу самоубийство Треплева за сценой... Это одно из возможных решений вопроса, который обсуждал в своем «Быть или не быть» монолог Гамлет.

Вообще же говоря, все главные пьесы Чехова обозначены присутствием намерения драматурга двинуться в сторону «призрачного измерения», намечено ли оно географически оформленным пожеланием «В Москву, в Москву, в Москву», донесено ли до зрителя рассуждениями Войницкого о том, каким именно человеком он мог бы стать, мечтаниями Астрова о будущем человека и России или даже образом обреченного «вишневого сада»....

Тот Чехов, который призывал ежедневно, по капле выдавливать из себя раба, не мог не ощущать возможности присутствия «призрачного измерения»... При этом в театре Чехова люди ходят, пьют, говорят глупости, страдают и кончают с собой от пустоты жизни.

В одном из своих писем автор «Чайки» заметил, что и великих, и просто хороших писателей отличает одно общее качество: «Они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая недаром приходила и тревожила воображение».

Известно, что однажды Толстой сказал Чехову, что ненавидит его пьесы, и что пьесы эти еще хуже, чем пьесы Шекспира.

– Драматург должен взять зрителя за руку и повести в желаемом для себя направлении, – продолжал Толстой. – А куда я могу пойти за вашим героем? До кушетки в гостиной и обратно – вашему герою больше некуда идти, – объявил он.

В то же время Толстой утверждал, что все персонажи Шекспира «...живут, думают, говорят и поступают совершенно несоответственно времени и месту».

Замечания автора «Войны и мира» есть, скорее всего, предельные проявления философии «реализма», демонстрирующие нежелание и неспособность понять и принять природу театра, внутренне тяготеющего не к доморощенной проповеди, а к выходу в «призрачное измерение». Иначе, рассуждая предельно «реалистически», можно прийти к выводу о том, что решение Раневской жить в Ментоне, а не в России, – есть решение разумное и трезвое, учитывая то обстоятельство, что лет

через десять с небольшим после описываемых в пьесе событий в России начнут жечь усадьбы и вырубать сады...

Нельзя не отметить, однако, что существование связанных с «призрачным измерением» аспектов театральной деятельности, прекрасно, по-видимому, понимал К.С. Станиславский, иначе он не пригласил бы англичанина Гордона Крэга, ставить «Гамлета» в Художественном театре.

Крэг, крупнейший представитель модернизма того периода и автор теории «сверхмарионеток», требовал от актера умения создать образ-обобщение, что подразумевает примат драматургического материала над частностями и деталями «актерства», освобождая театр от диктатуры «метода». Его идеи были не только подхвачены и переосмыслены целым рядом замечательных режиссеров, включая и Мейерхольда, но и легли в основу концепции «эпического театра» Брехта.

7.

Одно из свойств памяти состоит в том, что со временем, книги и пьесы обретают в ней свой, достаточно эфемерный и даже призрачный статус.

И, тем не менее, время от времени люди театра ощущают необходимость возвращения на сцену старых призраков. Им просто необходимо вдохнуть воздух «призрачного измерения». Мы живем на равнинах, но иногда нас тянет в горы.

Так что же остается от старых пьес?

«Бедный Йорик! Я знал его, Горацио. Это был человек бесконечного остроумия, неистощимый на выдумки. Он тысячу раз таскал меня на спине. А теперь это само отвращение и тошнотой подступает к горлу. Здесь должны были двигаться губы, которые я целовал не знаю сколько раз. Где теперь твои каламбуры, твои смешные выходки, твои куплеты? Где заразительное веселье, охватывавшее всех за столом? Ничего в запасе, чтоб позубоскалить над собственной беззубостью? Полное расслабление? Ну-ка, ступай в будуар великосветской женщины и скажи ей, какую она делается когда-нибудь, несмотря на румяна в дюйм толщиной. Попробуй рассмешить ее этим предсказанием...»

От пьес остается их текст. Скелет, вымытые временем кости и череп гирканского льва, или Йорика... Это обстоятельство заставляет людей театра делать новые редакции классических пьес или заказывать их новые переводы.

Так Мейерхольд обратился к Б.Пастернаку в середине тридцатых с просьбой заново перевести «Гамлета», потребность в постановке которого он в то время ощутил...

Так пришел на французскую сцену «Гамлет» в постановке Жана-Луи Барро вскоре после освобождения Франции от нацистской оккупации.

«Гамлет» в постановке Н.Н.Охлопкова появился на сцене театра им. Маяковского через год после смерти Сталина. Я побывал на представлении этого масштабного и эффектного спектакля в 1960 г., когда начал учиться в Москве.

Но великие, старые пьесы несут с собой и великий груз того времени, когда они были написаны. В этих пьесах есть темные места, они требуют комментариев. Множество смыслов унесли с собой темные и холодные воды истории.

Итак, в конце концов, от пьес остаются лишь тексты, которые приходится переосмысливать, перекраивать и подгонять под ситуации.

Так прикидывает на себя одеяние и корону покойного короля его брат-узурпатор. Глядя на свое отражение в зеркале, он раздумывает над необходимостью совместить либеральные реформы и ветер надежд с указанием на твердость и беспощадность новой власти по отношению ко всем недовольным.

8.

Обо всем этом можно было говорить с друзьями из мира театра за чашкой кофе. Но о чем и как можно было говорить со сцены? Тут следовало отыскать особый язык или прием, какую-то форму иносказания. Но при этом театр должен был оставаться театром, говорил мой друг, режиссер грузинского театра Давид Цискаришвили.

С ним я познакомился еще в студенческие годы, в Тбилиси. Туда я переехал из Москвы, и весь строй жизни в Грузии того времени сразу представился мне необыкновенно ярким и театральным.

Позднее, в начале 70-х годов Дато руководил театром в Сухуми, где я в то время преподавал физику студентам и писал прозу, которую нельзя было опубликовать. Театр оставался сильнейшим моим увлечением, и я предавался чтению пьес *сop amore*.

Пояснение: в то время и режиссеру, и мне было по тридцать с небольшим, и мы не боялись обсуждать большие темы. Говорили мы и о Шекспире, так как ответы на интересовавшие нас вопросы следовало искать именно у него. Вернее будет сказать, что мы говорили о том, что пьесы его не ставятся. Ясно было, что театральная жизнь обеднела из-за отсутствия движения в сторону того «призрачного измерения», которое принес в драматургию и на сцену автор «Гамлета».

Ведь и Брехт утверждавший, что «...мы не знаем мира, который не вывихнут, что бы там не бормотали о гармоничности университетов...», – обратился к шекспировскому «Кориолану» незадолго до своей смерти. Спектакль «Берлинер Ансамбля», гастроли которого проходили в 1970 году в Ленинграде, оставался одним из самых ярких моих театральных впечатлений.

Верхи и низы Рима, и кризис во взаимоотношениях плебса и разложившихся, не признающих никаких нравственных обязательств правителей, – вот тема этого спектакля с Эккехардом Шаллем и Еленой Вайгель в инвалидном кресле в заглавных ролях.

Незадолго до этого в Париже отгремел «прекрасный май», а попытка построения «социализма с человеческим лицом» в Праге была подавлена советскими танками.

Тоталитаризм вел на нашей почве жизнь полуразложившегося, но все еще весьма живого труп.

Одной из особенностей жизни в Грузии, на краю огромной империи, было то, что люди здесь часто обращались к гадалкам, хиромантам или астрологам. Гадалки раскидывали карты, смотрели на засохшие кофейные пятна или рассуждали о созвездиях.

«Когда мы сами портим и коверкаем себе жизнь, ...мы приписываем наши несчастья солнцу, луне и звездам. Можно, правда, подумать, будто мы дураки по произволению небес, мошенники, воры и предатели вследствие атмосферического воздействия, пьяницы, лгуны и развратники под непреодолимым давлением планет...», – говорил Эдмунд в «Короле Лире».

Некоторые обращались к ясновидцам, число которых умножалось почти ежедневно.

Процветала коррупция. Разговоры о неизбежности очищения имени Сталина звучали в унисон с официальными призывами поддержать традиции славного прошлого. Поражала при этом какая-то непринужденная и естественная театральность самого строя жизни в этой новой для меня стране. Да и сами люди вокруг любили актерствовать, для многих это было выражением естественной адаптации к реальности, для кого-то, – осознанным выбором.

Стоит ли говорить о том, до какой степени в Грузии любили театр как таковой?

Природа же общей любви к театру коренилась не только в национальном темпераменте и традиции, но и в унаследованной от средневековья уверенности в том, что жизнь каждого отдельного человека представляет собой лишь исполнение определенной,

предначертанной свыше роли в строго определенной и иерархически-упорядоченной картине мира.

И все же во времена наших разговоров о театре в воздухе присутствовало ощущение перепутья. The time is out of joint. Наше время вывихнуто, сказал Гамлет. Но в театрах Грузии не ставили спектакли ни о Гамлете, этом наследнике-диссиденте при дворе, ни о могильщиках, ни даже о бедном Йорике.

Бедный принц, бедные могильщики и бедный Йорик. Не ставили и пьесы Чехова.

Ни шекспировский «Гамлет», ни пьесы Чехова не укладывались в прокрустово ложе грузинского национального темперамента. Рефлексия, или, вернее, рефлектирующие герои не были в чести на грузинской сцене. Если на ней и было место, отведенное для шекспировского героя, то оно было предназначено в первую очередь, скорее всего, для Отелло.

Романтизм и ирония лучших спектаклей грузинских театров того времени сожительствовавали со спектаклями в традициях так называемого «эпического театра» Брехта.

Романтический театр, возникший в ходе борьбы с «тремя единствами», опирался на Шекспира, но, в конечном счете, свел «призрачное измерение» к декламации героя, кинжалам и потокам крови, пролитым в тех или иных интерьерах. Далее одинокий герой, оказавшись на фоне природы, рефлектировал по поводу поруганной любви, крови своих жертв или слез собственной матери, ну а затем вновь устремлялся к своей неизбежной, как и предательство товарищей, гибели.

И тем не менее, и романтический театр, и «театр остранения» казались грузинской публике того времени направлениями несравненно более интересными чем «театр сопереживания».

И если современный нам театр и был рефлектирующим, то происходило это благодаря усилиям талантливых режиссеров и театральных коллективов постольку, поскольку это не противоречило ограничениям, налагаемым репертуарной политикой. Что парадоксальным образом делало всю картину театральной жизни довольно предсказуемой.

Так, было совершенно ясно, что к столетию с рождения Сталина, тень которого продолжала висеть над Грузией, кто-нибудь из тбилисских театральных деятелей поставит шекспировского «Ричарда III». Как конкретно будет поставлен этот спектакль, и в каком приеме он будет решен, предсказать, естественно, никто не мог, но никаких сомнений относительно того, что это произойдет, у меня не было. И, пожалуй, это был

единственный способ высказаться в те времена, когда и сама возможность указания адреса высказывания и попытка оригинальной разработки сколь-нибудь острой тематики были сами по себе весьма проблематичны.

9.

Однажды осенью, прочитав мою незадолго до этого написанную повесть, Дато сказал:

– С публикацией этой вещи я тебе помочь никак не смогу... Такого рода литературу у нас, по-моему, не издают... Но зато, – продолжал он, – я предлагаю тебе поработать для театра, и дело это, друг мой, вполне достойное... В театре я кое-что понимаю, и если ты напишешь пьесу, которая мне понравится, то я сделаю все, чтобы ее поставить...

Моему другу хотелось поставить новую, написанную для него пьесу, причем изначальный посыл к движению в сторону «призрачного измерения» должен был содержаться в самой пьесе, а постановка ее должна была с определенностью выявить и окончательно обнажить его наличие. Предложение это меня захватило, но оставался вопрос, как это сделать?

Ясно было, однако, что писать пьесу на современном материале, – дело абсолютно бессмысленное ввиду наличия цензуры и разнообразных репертуарных комитетов. Таковую пьесу, думал я, можно было бы написать, основываясь на культурно-историческом материале какой-либо эпохи, вошедшей в сферу общего достояния. В конце концов, это старая театральная традиция.

Обращаясь к известным из истории и мифологии сюжетам и темам, мы могли подчеркнуть отличия или близость представленных на сцене условий человеческого существования от тех, что определяли жизнь того общества, в котором мы жили.

Кроме того, обращение к подобным сюжетам содержало и определенную дополнительную ценность: нам было известно то грядущее, что ожидало вовлеченных в действие персонажей, и это знание создавало определенный зазор между их ожиданиями, упованиями и надеждами и нашим знанием об уже состоявшемся прошлом. И потому это прошлое можно было и, наверное, следовало переосмыслить, свободно сплетая те или иные стилистические элементы ушедшей эпохи и настоящего времени.

Всматриваясь при этом в чужое, переосмысленное прошлое, мы сумеем различить в нем те оттенки и частности, что предвещают и наше будущее, думал я. Из чего, естественно, следовало, что с учетом существования цензуры, выбранный как

основа для будущей пьесы литературный источник должен был быть достаточно неожиданным и политически нейтральным.

10.

Вскоре я вспомнил о повести Джозефа Конрада «Дуэль». Повесть эту я впервые прочел еще в юности, в Риге, и с тех пор не раз возвращался к ней, была в ней какая-то загадка...

Повесть рассказывала историю затянувшейся на полтора десятилетия дуэли между двумя офицерами наполеоновской армии. Пятнадцать лет Империи, ее возвышение и гибель, служили фоном для истории случайно начавшейся и не прекращавшейся все эти годы дуэли между одержимым гусаром и блестящим штабным офицером. Все эти линии были искусно вплетены в историю стоического сопротивления человека большой Истории.

Известно равнодушное отношение Конрада, юные годы которого прошли в Вологде, куда был сослан его отец, к русской литературе. Что же до «Дуэли», то в основу ее положена не слишком сильно отклоняющаяся от первоисточника сюжетная коллизия, представленная А.С.Пушкиным в повести «Выстрел», более того, роман Конрада «Глазами Запада» был продиктован никогда не прекращавшейся, но неслышной миру полемикой Конрада с Достоевским, обратим внимание и на то обстоятельство, что Конрад собирался написать нечто вроде эпопеи о Наполеоне, своего рода «Войну и мир», в которой образ французского императора должен был предстать в иной, нежели у Толстого перспективе.

Как бы то ни было, герой конрадовской «Дуэли», штабной офицер Юбер, стоицизму которого противостоит агрессия и брутальность гусарского офицера Феро, с которым ему под давлением общественного мнения приходится постоянно драться на дуэли, мог бы повторить слова Гамлета: «Смотрите же, с какой грязью вы меня смешали! Вы собираетесь играть на мне. Вы приписываете себе знание моих клапанов... Объявите меня каким угодно инструментом, вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя», – да он, в сущности, и произносит эти слова хотя и в несколько иной редакции.

Но было в повести Конрада и нечто новое, и, пожалуй, достаточно ярко обозначенное: догадка о присутствии в человеческой жизни элементов абсурда, властно меняющих ее течение... Угадывалось в эпизодах времен наполеоновских войн и нечто от театра живущих в Истории одушевленных марионеток...

И вот это недосказанное в повести содержание требовало, как мне казалось, сцены со всей ее возможной условностью и минимализмом...

Бодлер в свое время писал об «искусных, с трагическим лаконизмом исполненных росписях театральных декораций и задников. Росписи эти намеренно фальшивы и оттого, – неизмеримо ближе к истине, чем какие-либо пейзажи...»

Именно этот аргумент использовал я в наших с режиссером обсуждениях вопроса о том, стоит или не стоит писать пьесу по этой повести Конрада, сюжетная линия которой с ее многолетней чередой дуэлей и сражений представляет собой нечто вроде шампура, на который нанизывалось само «мясо» существования ее персонажей.

Вскоре я написал пьесу-гротеск с ведущим, Ветераном, и составленным из офицеров французской гвардии хором, основной функцией которого было выражение *Zeitgeist* наполеоновской эпохи.

Работая над пьесой, я пытался выявить тот непроявленный в повести элемент безумия, которое было естественной частью атмосферы наполеоновских войн. Более того, пьеса была построена так, чтобы выглядеть «неисторической реконструкцией», предпринимаемой группой ветеранов наполеоновских войн и почитателей Императора.

«Действие – это утешение. Это враг мыслей и друг иллюзий», – писал Конрад. Эта его мысль как нельзя лучше ситуацию объединенных идеей служения своему прошлому ветеранов.

С этим соглашался и мой друг, художник-сценограф Е.Котляров, излагая свое видение спектакля, над сценографией которого ему предстояло работать.

– Представь себе драмкружок ветеранов, – сказал он однажды в кафе, – которые все еще верят в своего императора и разыгрывают пьесу о своей молодости... *Vive l'Empereur! Allez France! Allons enfants de la Patrie*, – добавил он. – Да здравствует Император! Вперед, Франция! Вперед, сыны отчизны милой... Ну, дай свою отраву, – усмехнулся он и протянул руку к пачке сигарет на столике.

Ветеран, возглавлявший хор офицеров, должен был выглядеть как вареный рак с красными клешнями. Прообразом его был часто приезжавший в Сухуми старый театральный режиссер, ученик Мейерхольда Бая Рубин. Обрели голоса и другие, упоминаемые Конрадом офицеры: одноногие, слепые, с отморенным носом... Появился в числе действующих лиц и

капрал Луи. В противовес «маленькому капралу», это был зычный мужчина, гренадер, прошедший всю Европу. Устав от сражений, он потребовал «выпить, закусить и бабу».

Несмотря на отсутствие имени императора в списке действующих лиц, присутствие его в фокусе драматической конструкции прочитывалось.

Так сюжетная ткань пьесы, оказалась лишь поводом для рассказа о событиях, происходящих на других уровнях реальности... Ибо и дуэль, и война должны были быть представлены вечными и неизбежными элементами жизни империи, вне зависимости от обстоятельств или деталей той или иной конкретной дуэли, случившейся с персонажами пьесы.

Что же до истории, рассказанной в пьесе, то в будущем спектакле она должна была оставаться рациональной лишь на поверхности, подобно тому как на одной из гравюр Эшера вода, вопреки земному тяготению, перетекает с одного уровня изображенного на бумаге строения на другой, расположенный выше...

Соответственно и внимание театра должно быть сосредоточено не только на развитии сюжетных линий, но и на том понимании прошлого и истории, что закреплено в уже сложившейся мифологии и сопутствующем ей стиле, требующем превращения персонажей в марионетки...

При таком подходе к постановке пьесы зритель останется соучастником продиктованного мифологией и стилем развития до тех пор, пока события на сцене не поразят его несоответствием между ожидаемыми действиями марионетки и поведением пробудившегося от сна персонажа...

11.

Итак, речь идет о бунте марионеток. Но когда и как это происходит? Это происходит тогда, когда достаточно обыденная или не совсем обычная ситуация приобретает мифологическое, или «призрачное измерение» за счет последовательного применения определенного технического приема. Один из этих приемов, – повторение. Обратимся, однако, к примеру:

Человек катит камень в гору по песчаному склону.

Камень срывается вниз.

Человек спускается вниз и снова берется за свое трудное дело...

Первое предложение описывает трудовую ситуацию.

Первые два вместе – неприятную жизненную ситуацию.

Все три предложения – достаточно знакомую нам неприятную, но привычную жизненную ситуацию.

Однако, если последовательность, описываемая всеми тремя предложениями, повторяется бесчисленное число раз, то описание ситуации перерастает в миф, человек обретает имя, его зовут Сизиф и то, что с ним происходит, есть наказание за его преступления.

Если же мы сотрем из нашей памяти греческое имя этого персонажа и его историю, позабудем присутствующих за сценой мстительных богов, а также привнесем в ситуацию некоторое количество «чеховских» деталей, то мы придем к театру абсурда с Эстрагоном, Владимиром, Поццо и Лакки, ожидающими Годо.

В сценической версии «Дуэли», получившей название «Вперед, Франция!», абсурд возникал как побочный продукт «наполеоновской эпохи», состоящей из череды битв и дуэлей.

Основой пьесы стала игра с мифологией и сопутствующим ей стилем, требующая абсолютной узнаваемости и естественной непринужденности поведения персонажей. Написана она была для труппы, «играющей в театр» уже после Брехта, и театра, внутренне тяготеющего к выходу в «призрачное измерение»...

Такой выход сопровождается порой ощущением переживания особого состояния, но не катарсиса, а, скорее, «воспоминания о настоящем», – реальность в этот момент начинает слиться и отчасти «переносится» в прошлое и пережитое...

12.

Позднее, работая над другими пьесами, я постарался развить тот подход, что использовал при написании первой. Какие-то персонажи и положения, представленные в последующих пьесах, пришли из истории, какие-то, – из прочитанных книг, остальное придумал я сам.

Иногда мне хотелось узнать, «как это было на самом деле», а часть усилий ушла на то, чтобы забыть об этом. Иногда работа над пьесой напоминала бой с тенью, иногда персонаж, казалось, протягивает тебе руку... Постепенно я пришел к выводу о том, что какое-то проклятие «призрачности» преследовало их...

Однако, какое-то проклятие «призрачности» преследовало эти пьесы, и в силу разного рода обстоятельств, их сценическая судьба оказалась достаточно эфемерной. В конце концов, я перестал заниматься их продвижением. Каким-то боком замешана в это была и политика, пьесы не раз объявлялись «аполитичными», но, возможно, они еще и просто не вкладывались в господствовавшие в те времена шаблоны психологического или брехтовского театра.

Возможно, однако, что именно работа с литературными и историческими текстами привела к тому, что я писал эти пьесы в такой манере, чтобы их можно было еще и читать, то есть «играть в театр», не выпуская из рук книгу. Ибо «призрачное измерение» нашего сознания в состоянии вместить все и всех: и посетителей пивной в Берлине вскоре после окончания Первой мировой войны, и французских офицеров эпохи наполеоновских войн, и промышленяющих пиратством обитателей острова в Эгейском море, и, наконец, бродячих комедиантов, попавших на Небеса через сотню лет после первой постановки «Гамлета»...

Вмещает оно и нас, – читателей пьес, актеров и зрителей призрачного мира театра.

Ну а Шекспир, о котором мы почти ничего не знаем... Не поглотило ли «призрачное измерение» и историю одного из своих создателей?

Соня Тучинская

И к имени моему "Марина" – Прибавьте: "мученица"...

Памяти Марины Цветаевой

аны мне были и голос любый,
И восхитительный выгиб лба.
Судьба меня целовала в губы,
Учила первенствовать Судьба.
Устам платила я щедрой данью,
Я розы сыпала на гроба...
Но на бегу меня тяжелой дланью
Схватила за волосы Судьба!

Как билась в своем плену
От скрученности и скрюченности.
И к имени моему "Марина" – Прибавьте: "мученица»"

Цветаева писала о каком-то германском городке, мол, если бы здесь жил, или родился, или хотя бы останавливался Гете, этот городок обрел бы смысл. Марина Цветаева оправдала Елабугу.

Дом, в котором она свела счеты с жизнью, стал местом паломничества сотен людей. Гвоздь в сенцах – толстый, самодельный, с крупной шляпкой, вбитый в перекладину – священной реликвией.

Самоубийство, как известно, не событие, а процесс. Петля на ее шее начала стягиваться задолго до приезда в Елабугу. И даже задолго до возвращения в Москву, летом 1939-года. Из чего свивалась эта петля – история страшная, с длинными отступлениями в далекое прошлое, поэтому начать придется с последнего действия той драмы, о которой выдавшая виды

Надежда Мандельштам сказала – "Я не знаю судьбы страшнее, чем у Марины Цветаевой".

"Поглотила любимых пучина, и разграблен родительский дом". Один за другим сгинули в пучине Гулага сестра, муж, дочь. Вестей от них нет. У Марины не осталось никого – только Мур. Отец называл его "Марин Цветаев", так как сын и строптивым норовом и одаренностью вышел в мать. Но эта похожесть не мешала ему, молодому "парижанину", сопротивляться ее тиранической опеке. «Вы похожи на страшную больную деревенскую старуху!», – кидает он ей.

Кроме панического страха за сына – нищета, бездомность, скитальчество по чужим углам. Все, кто знал ее в ту пору, вспоминают о ней почти одними и теми же словами: преобладание серых тонов в одежде, низкие каблуки, широкий пояс, янтарные бусы; руки – в серебряных, словно бы скифских, степных браслетах; нездешняя, "парижская", хотя и застиранная косыночка на шее. Общее впечатление – нищая элегантность. Многие вспоминают, что походка у нее была прямая, твердая, почти мужская. "Семен Липкин свидетельствовал, что особенно тверд ее шаг стал, когда они пошли в Музей изобразительных искусств, созданный когда-то ее отцом, Иваном Цветаевым. Был декабрь 40-го... Дочку основателя никто не опознал, они долго бродили по египетскому залу, а потом направились в столовую Метростроя – их еще называли "обжорками" – есть суточные щи из кислой капусты".

Прежних ее стихов в России не печатают. Новые не пишутся. В октябре 40-го она заносит в записную книжку: "...Никто не видит, не знает, что я год уже ищу глазами – кряк, но

их нет, потому что везде электричество. Никаких «люстр»... Я не хочу умереть. Я хочу не быть. Вздор. Пока я нужна...»

В том же, 40-м она записывает эти страшные своей пронзительной и спокойной уверенностью в близком конце строки:

Пора снимать янтарь
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Надверный...

С началом бомбежек Москвы Цветаеву с сыном отправляют в эвакуацию в Татарию.

Накануне отъезда Мур записывает в дневнике:

«...Я не ожидал от матери такого маразма. Она говорит, чтобы я "не обольщался школой...". У нее – панические настроения: "лучше умереть с голоду, чем под развалинами". Она говорит, что будем работать в колхозе. Идиотство! Какого чорта работать в колхозе – неужели она думает достать себе пропитание этим? ...Утром я ей совершенно ясно и определенно и точно сказал, что в Татарию не поеду. Она ответила, что меня не спросит...»

Такая обстановка была в семье накануне отъезда.

8 августа 1941 года на пароходе «Александр Пирогов» Марина Цветаева с сыном отплывают в Елабугу. Провожающих двое – Борис Пастернак и Виктор Боков. У Цветаевой плохо заперался чемодан, и она накануне говорила об этом Пастернаку, и он, не забыв, принес с собой бечевку. Чемодан перевязали. А бечевка эта ей потом пригодилась, в Елабуге.

Боков записал разговор на пристани:

– Вы поэт?

– Собираюсь быть поэтом. И тут впервые на близком расстоянии я увидел глаза Марины. Невероятное страдание отражалось в них.

– Знаете, Марина Ивановна, – заговорил я с ней, – я на Вас гадал.

– Как же Вы гадали?

– По книге эмблем и символов Петра Великого.

– Вы знаете эту книгу? – с удивлением спросила она.

– Очень хорошо знаю! Я по ней на писателей загадываю.

– И что мне вышло? – в упор спросила Марина. Как было ответить, если по гадательной древней книге вышел рисунок гроба и надпись: «Не ко времени и не ко двору»!

– Все поняла! – сказала Марина. – Я другого и не жду!..

В Елабуге она сняла маленькую комнату, за занавеской, в доме Борodelьщиковых. Понравилось ей, что хозяйку звали, так

же, как ее сестру – Анастасия Ивановна. В этом доме она прожила десять последних дней своей жизни.

В августе Цветаева дважды побывала в Чистополе. Встреча с ней, буквально накануне ее самоубийства, гениально описана в очерке Лидии Корнеевны Чуковской "Предсмертие".

Но не менее, может быть даже более бесценны бесхитростные свидетельства о последних земных днях Цветаевой ее квартирной хозяйки – простой русской женщины.

«Я-то расстроилась, – рассказывает Анастасия Ивановна.

– Она мне сперва не понравилась: высокая, сутулая, худюшая, седая – прямо ведьма какая-то. Баба-яга. Несимпатичная... Вместе курили. Тогда что было курить? Самосад. В газетку, если достанешь. Я ей папироски крутила. Марина-то Ивановна сама не умела – и сидим дымим вместе».

– Делать она ничего не умела, – говорит Анастасия Ивановна. Я же видела, мы же вместе жили. Нагрею я ей воды, она голову вымоет. Ну, сказала бы мне: "Анастасия Ивановна, подотрите», я бы и подтерла. А то сама тряпкой по полу кое-как размажет – и все. И не готовила никогда. Продукты-то были, а не готовила. У меня хоть керосину нет, но таганок и дрова были и сковородки, посуда – все было. Могла бы сготовить...

– А где же они ели?

– Они в столовую ходили. А в столовой тогда одну бурду давали... А то попросит меня продать ей рыбы – Михаил Иванович заядлый рыболов, рыба всегда была. Купит и просит: "Уж вы мне ее почистьте". Ну, почищу, а она: "Уж вы мне ее пожарьте". И пожарю, не трудно. Когда она умерла, целая большая сковородка жареной рыбы так в снях и осталась.

Хозяева часто слышали, как мать с сыном ссорились, громко переговариваясь на незнакомом языке (французском). Мур не хотел жить в Елабуге. Корил ее тем, что она против его воли вывезла его из Москвы. У него там был свой круг, друзья и подруги. А в Елабуге не было ничего, кроме спиртового завода. Не было даже школы. Он требовал, чтобы она прописалась в Чистополе, где жили семьи эвакуированных московских писателей. Там ей почти выхлопотали место посудомойки в писательской столовой. В одну из таких ссор прозвучали эти страшные слова Мура: "Ну, кого-нибудь из нас вынесут отсюда вперед ногами!" Сына она любила рабски. Поэтому вынесли ее. "Пока я нужна". Мур был последним, кто хоть как-то привязывал ее к жизни. Ощувив свою ненужность, она освободила его от себя. Не умея спасти его, верила, что сироте помогут скорее, чем сыну Эфрона и Цветаевой. За две недели до того, как она сунула голову в петлю,

ее муж Сергей Эфрон был расстрелян в Москве по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

В тот день, 31 августа, Анастасия Ивановна, пришла домой первая, но вынимать жиличку из петли не стала, а вызвала милицию и скорую помощь. На петлю пошла бечевка, та самая... За сам факт самоубийства Анастасия Ивановна квартирантку не осуждала – ей просто казалось, что Цветаева сделала это слишком рано, без крайности.

– Вещей у них было много. Одних продуктов большой мешок: в разных кулечках и рис, и манная, и другие крупы. Сахару с полпуда. Могла бы она еще продержаться. Да вот такой момент у нее, видно, настал... Ну, все равно, могла бы она еще продержаться, – сокрушалась хозяйка. – Успела бы, когда бы все съели...

Запись из дневника Мура за 5 сентября, 1941-года:

"За эти 5 дней произошли события, потрясшие и перевернувшие всю мою жизнь. 31-го августа мать покончила с собой – повесилась. Узнал я это, приходя с работы на аэродроме, куда меня мобилизовали. Мать последние дни часто говорила о самоубийстве, прося ее «освободить». И кончила с собой. Оставила 3 письма: мне, Асееву и эвакуированным.

Содержание письма ко мне:

«Мурлыга! Прости меня. Но дальше было бы хуже. Я тяжело-больна, это – уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але – если увидишь – что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик».

Письмо к Асееву:

«Дорогой Николай Николаевич! Дорогие сестры Синяковы! Умоляю вас взять Мура к себе в Чистополь – просто взять его в сыновья – и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю. У меня в сумке 450 р. и если постараться распродать все мои вещи. В сундучке несколько рукописных книжек стихов и пачка с оттисками прозы. Поручаю их Вам. Берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына – заслуживает. А меня – простите. Не вынесла. МЦ. Не оставляйте его никогда. Была бы безумно счастлива, если бы жил у вас. Уедете – увезите с собой. Не бросайте!»

Письмо к эвакуированным:

«Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто сможет, отвезти его в Чистополь к Н.Н. Асееву. Пароходы – страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему с багажом – сложить и довести. В Чистополе надеюсь на

распродажу моих вещей. Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадет. Адр. Асеева на конверте. Не похороните живой! Хорошенько проверьте"»

На похороны, по словам хозяев, никто не пошел. Мура тоже не было, хотя в этот день он еще был в Елабуге. Кладбищенские книги в то время не велись, поэтому могила Цветаевой неизвестна.

Памятник Марине Цветаевой, который стоит сразу у входа, всего лишь указатель, что она покоится где-то в этом месте кладбища. Анастасия Ивановна Цветаева, приехав в Елабугу в 1960 году, пометила то место, где были захоронения 41-года, крестом с надписью: «В этой стороне кладбища похоронена Марина Цветаева».

Может быть, в том, что настоящей могилы ее не существует, есть некий знак судьбы, приведший к исполнению ее истинной воли. Ибо задолго до смерти, придумывая себе эпитафию, она завещала в очерке "Хлыстовки":

"Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в наших местах земляника. Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уж нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которыми Кирилловны шли к нам в Песочное, а мы к ним в Тарусу, поставили, с тарусской каменоломни, камень:

Здесь хотела бы лежать
МАРИНА ЦВЕТАЕВА"

В 1988 году на высоком берегу Оки, в том месте, где во времена цветаевского детства было хлыстовское кладбище, установлен камень из тарусского доломита с надписью «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Так, спустя более 50 лет, исполнилось ее воля.

P.S. Последнее написанное ею по возвращении в Россию стихотворение посвящено Арсению Тарковскому, которым она увлеклась тогда без малейших шансов на взаимность со всем пылом своей ненасытимой на новые любви души. Наверное не только я каждый год 31 августа перечитываю эти кровоточащие письма, которым выпало стать последними поэтическими строками, выведенными на земле ее рукой...

"Я стол накрыл на шестерых..."
Все повторяю первый стих
И все переправляю слово:
– "Я стол накрыл на шестерых"...
Ты одного забыл – седьмого.
Невесело вам вшестером.
На лицах – дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть – седьмую...
Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально – им, печален – сам,
Непозванная – всех печальней.
Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
– Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?
Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий –
Ты сам – с женой, отец и мать)
Есть семеро – раз я на свете!
Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых –
Быть призраком хочу – с твоими,
(Своими)... Робкая как вор,
О – ни души не задевая! –
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.
Раз! – опрокинула стакан!
И все, что жаждало пролиться, –
Вся соль из глаз, вся кровь из ран –
Со скатерти – на половицы.
И – гроба нет! Разлуки – нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть - на свадебный обед,

Я – жизнь, пришедшая на ужин.
...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг – и все же укоряю:
– Ты, стол накрывший на шесть – душ,
Меня не посадивший – с краю.
6 марта 1941

Эпиграф был выбран ею по первой строчке стихотворения
Тарковского:

Стол накрыт на шестерых,
Розы да хрусталь,
А среди гостей моих
Горе да печаль.
И со мною мой отец,
И со мною брат,
Час проходит. Наконец
У дверей стучат.
Как двенадцать лет назад
Холодна рука
И немодные шумят
Синие шелка.
И вино звенит из тьмы,
И поет стекло:
"Как тебя любили мы,
Сколько лет прошло!"
Улыбнется мне отец,
Брат нальет вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:
– Каблочки мои в пыли,
Выцвела коса,
И поют из-под земли
Наши голоса.

Какая пропасть разделяет талант и гений. Кто мог знать, что изящная безделица Тарковского переживет свой век только оттого, что ей случилось быть запевом последней бессмертной песни Марины Цветаевой.

Сан-Франциско

Георгий Кантор

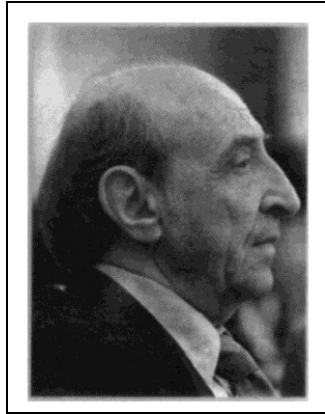
Основатель

Яков Моисеевич Гиршман (1913-1990)

истории музыкальной культуры Казани есть “основатели” и “основоположники”. Они - Личности. Их немало, их долго будут помнить. Они потому личности, что действия их (неважно, что : исполнительство, написание трудов, музыкальных произведений , руководство культурой и т.п.) независимо от положительного или отрицательного конечного результата вызывали определенную реакцию, становились заметными, были обсуждаемы в профессиональной среде и постепенно становились самой этой средой. Не вдаваясь в философский аспект проблемы “Личность и профессиональная среда”, остановимся на понятии “основатель”. Даль утверждает по этому поводу: “Основывать - устраивать прочно; класть чему-то основу; строить то, на чем создаваемое должно держаться”. Это в полной мере относится к Якову Моисеевичу Гиршману - основателю музыковедческого образования в Казани. Когда проходишь мимо портретной галереи “основателей” и видных деятелей Казанской консерватории, то видишь там немало музыкантов, сыгравших значительную роль в становлении вуза. Это пианисты и скрипачи, вокалисты и виолончелисты, дирижеры и просто талантливые организаторы. Им пришлось организовывать кафедры, набирать и обучать студентов, писать музыку, играть и выступать самим. Но все это в известной мере было в Казани и до консерватории. Были и пианисты, и скрипачи, был оперный театр, были и учебные заведения. Музыковедческого образования в Казани **не было**. В городе до открытия Казанской консерватории (1945) было два музыковеда с профессиональным образованием, это Ю.В. Виноградов и Х.И. Терегулова. Их музыковедческая деятельность была в основном педагогической, научная же, не считая газетных публикаций, исчерпывалась четырьмя статьями (Терегулова). Кроме того несколько статей в татарских журналах опубликовал в 20-е - начале 30-х годов С.

Габаша (см. Г.Кантор. Музыкаеды Казани. Биобиблиографический словарь. К., 2000). В музыкальных училищах СССР лишь к середине 40-х годов начали открываться специальные теоретические отделения. Открытие теоретико-композиторского факультета консерватории поставило острейшую проблему - кто будет обучать будущих музыковедов. В числе первых преподавателей была доцент А.Г.Корсунская, она сделала первый музыковедческий выпуск и покинула Казань.

В конце 1947 года приехал в Казань недавний выпускник теоретико-композиторского факультета Московской консерватории, 34-летний Я.М.Гиршман. Он стал наиболее значительной фигурой не только музыковедческого “клана”, но и одним из самых видных музыкантов Казани второй половины XX столетия. Его знали все: оперные певцы и дирижеры, концертующие инструменталисты, татарские композиторы и фольклористы, о консерваторской среде я уже не говорю. Гиршман делал, казалось, ВСЕ: преподавал, писал статьи, рецензии, книги, читал публичные лекции, составлял доклады для ректора и вышестоящих инстанций, играл на рояле, аккомпанировал певцам и скрипачам... За годы его бессменной работы в консерватории (до 1990) было выпущено 524 музыковеда; непосредственно его индивидуальный музыковедческий класс окончило 90 человек. Среди них кандидаты и доктора наук, доценты и профессора, заведующие кафедрами и... просто музыковеды - преподаватели музыкальных школ, училищ и лицеев, лекторы филармоний... УЧЕНИКИ! Когда на 70-летнем юбилее МУЗЫКОВЕДА собралось множество его выпускников, я увидел **казанскую музыковедческую школу.**

Дело не только в курсовых и дипломных работах, выполненных студентами под руководством Гиршмана. Практически все эти студенты прошли у него завершающий курс теоретического обучения музыковеда - АНАЛИЗ музыкальных произведений (музыкальных форм). Анализ и умение писать о музыке - вот главное, чему учил Гиршман. Исследователи и педагоги с учеными степенями и званиями и без оных, долгие годы ощущали в своей практической деятельности воздействие его личности и его музыковедческого менталитета. Это относится и к композиторам, учившимся у него. Профессиональный рейтинг Гиршмана был очень высок и никогда не мог быть оспорен. Чтобы “уйти” от Гиршмана требовалась известная перестройка, своеобразное переинтонирование мышления. Как-то я ему об этом сказал. Он усмехнулся и ответил в виде каламбура: “Это как из пентатоники в диатонику”. Сейчас я думаю, что это был, может быть, глубокий пассаж с тайным намеком?!

Родился Яков Моисеевич 25 сентября 1913 года в Чите. Каким образом занесло эту еврейскую семью в далекую Восточную Сибирь, я не знаю. Знаю только, что Яков - старший, была еще сестра и младший брат Михаил, лет на 25 моложе, (он окончил Казанский университет, доктор филологических наук, профессор, работал в Донецке). С детства Яков Моисеевич учился, очевидно, у хороших фортепьянных учителей, прекрасно играл и уже в конце 20-х годов аккомпанировал в разных концертных бригадах вроде “Синей блузы”, в Иркутском театре рабочей молодежи (ГРАМ) заведовал музыкальной частью. В 1934 году он переезжает в Москву и вскоре поступает на фортепьянное отделение музыкального училища им. Гнесиных. Молодой человек из далекой провинции жадно впитывает особую и, пожалуй, неповторимую московскую музыкально-театральную атмосферу 30-х годов. Первые Всесоюзные конкурсы музыкантов, молодые всемирно известные лауреаты - Гилельс, Оборин, Флиэр, Зак, Ойстрах, театральные премьеры, близкое общение с консерваторскими студентами - об этом Гиршман вспоминал бесконечно, с огромной любовью. В той же “Гнесинке” училась и солистка хора Всесоюзного Радио Софья Затуловская. У нее был прекрасный голос (драматическое сопрано). Она стала его женой, верным другом и замечательным партнером. С ней Яков Моисеевич долгие годы выступал, отсюда его изумлявшее нас музыковедов превосходное знание вокального классического репертуара. В 1938 году Гиршман поступает в Московскую консерваторию на теоретико-композиторский факультет. Я думаю, здесь надо искать корни Гиршмана-музыковеда, Гиршмана-

ученого и публициста. В 30-40-е годы в консерватории преподавали те, кто на десятилетия определил развитие советской музыковедческой науки: Т.Ливанова, В. Ферман, Р.Грубер (зарубежная музыка); С.Скребков, В.Протопопов (полифония); И.Способин (гармония); Л.Мазель, В.Цуккерман (анализ); М.Пекелис, Ю.Келдыш, В.Васина-Гроссман (русская музыка). Это по их учебникам и трудам выучились несколько поколений музыкантов. Вместе с Гиршманом учились такие известные впоследствии музыковеды, как Ю. Хохлов, крупные музыкальные журналисты Е.Добрынина, Ю. Корев. Следует согласиться с тем, что подобная профессиональная среда для серьезного, способного и думающего ученика как правило является определяющим фактором. Успел молодой музыковед проучиться лишь 3 курса. Великая Отечественная переломила все жизненные планы. Жена с маленьким сыном эвакуировалась, студент Гиршман, не умевший винтовку держать, становится бойцом знаменитого Московского ополчения (большинство ополченцев - студенты, учителя, профессора - погибли в октябре-ноябре 1941 года) Отважный и дерзкий, этот худой и тщедушный молодой человек служит в стрелковом полку, попадает в разведроту, дослуживается до капитана, помощника начальника штаба полка... Он был храбр, ранен и до конца 1944 года оставался на фронте (Второй Белорусский). Ему предлагали остаться в армии, посылали на военную учебу, но для него учеба была одна - на улице Герцена, в консерватории. Демобилизовавшись, Яков Гиршман, восстанавливается на 4 курсе: учеба, педагогическая работа в музыкальном училище при консерватории, диплом - МУЗЫКОВЕД. Дипломную работу он писал у известного профессора, знатока оперы и оперной драматургии В.Э.Фермана, она была посвящена творчеству А.Н.Серова.

Неожиданная встреча со старым знакомым Владимиром Апресовым - молодым проректором молодой Казанской консерватории - круто меняет жизнь Гиршмана. Поздней осенью 1947 года он приезжает с семьей в Казань, ставшей его научной и педагогической родиной, и поступает на работу старшим преподавателем кафедры истории музыки. Здесь он провел 43 года своей жизни, интересной, насыщенной, полной глубоких радостей и печалей. Здесь сложился его жизненный уклад, здесь он стал тем, кого мы знали - УЧИТЕЛЕМ.

Когда я его узнал, ему было 37 лет. Он был худощав, маленького роста, с хорошей осанкой, голову держал высоко, небольшая лысина; двигался Гиршман не спеша, выглядел очень светским и уживчивым человеком. Таким он оставался до конца

жизни. Внешность его была чисто семитская. Поразили его глаза и взгляд - глубокий, пронизывающий, изучающий. В глазах была мудрость, вечная еврейская печаль и, как прозорливо написала к его 70-летию профессор Э.Бурнашева “Взгляните в Гиршманово око - на вас ведь смотрит взгляд Пророка” (за точность не ручаюсь, но смысл этот). Одет он был всегда очень аккуратно, костюмы шил у хорошего портного, предпочитал темные тона, строгий стиль, летом никогда не ходил в рубашке, надевал легкий светлый пиджак.

Педагогическая деятельность Якова Моисеевича была в весьма разнообразна. В 50-е годы он вел курсы русской музыки, народного творчества, анализа музыкальных произведений, тогда же была им предпринята попытка ввести новый курс оперной драматургии, а также Введения в специальность (он назывался “методика научной работы”). Затем этот курс “перехватил” известный пианист и музыковед профессор Г.М.Коган, читавший его с неподражаемым блеском. Позднее Гиршман сосредоточился только на курсе музыкального анализа, который постоянно совершенствовал. Через этот курс прошли в с е музыковеды, учившиеся до 90-х годов.

Говорил Гиршман не очень ярко в смысле риторики, в его речи не было блеска, но было убеждение. Логика его была безупречна, литературный русский язык хорош, выговор - московский. Когда он волновался, нервничал, речь становилась торопливой, концы фраз глотались. Во время разговора с ним диалог как-то незаметно оборачивался монологом, к тебе обращался человек с богатейшим музыкальным и жизненным опытом. В первые лет двадцать он много читал публичных лекций в Казани, в 50-е годы вообще не было хороших лекторов-пропагандистов (отмечу лишь Н.Ф. Таубе - доцента кафедры истории музыки). Это были в основном лекции в системе Казанского отделения Всесоюзного общества “Знание” (Гиршман там был председатель секции литературы и искусства), а также в филармонической лектории. Он любил, чтобы перед ним лежал конспект, какие-то записки, хотя в них вроде и не заглядывал. Это была привычка, поэтому он не любил просто стоять на эстраде, а предпочитал сидеть за роялем. Рояль, которым он владел в совершенстве, придавал ему уверенность. Всем вокалистам, принимавшим участие в иллюстрациях, он аккомпанировал сам. В середине 60-х годов, когда я уже много читал лекций, “ вошел в силу”, он сказал мне: “Принимайте секцию (в обществе “Знание”), я больше не буду”. С годами он читал все лучше, спокойнее, после публичных лекций его жена Софья Наумовна (она почти всегда

присутствовала) снимала с него пиджак, а он ей говорил: “Видишь, я сегодня совершенно сух”. Отдавая дань музыкальной журналистике, Яков Моисеевич много писал в газеты (рецензии, обзоры, разные полемические статьи). У него был острый аналитический ум и полемический дар. Как критик-просветитель он обращался не только к коллегам-профессионалам, но и к широким читательским и слушательским кругам. “Малые“ формы и газетные жанры никак не отражались на присущей ему прозорливости слуховых наблюдений и даже глубине теоретических прозрений. Отделить Гиршмана-публициста от Гиршман-ученого довольно трудно. Научным пафосом были проникнуты многие его рецензии на оперные спектакли и аннотации (например, “32 сонаты Бетховена”), а в научных статьях чувствовался темперамент публициста (последняя книга о Бахе). Около 100 газетных публикаций, столько же музыкальных радиопередач оставил Яков Моисеевич.

Преподавание курса “Народное творчество” было, очевидно, сколком с московского курса, где читала известный специалист по русскому фольклору А.Руднева. Тогда еще не вышли хорошие учебники по этому предмету. Гиршман в основу ставил практическое знание русских песен. Их надо было знать 100. Список давался в начале курса. В теоретическом же разделе упор делался сугубо на ладово-интонационные и структурные особенности русского фольклора, историческая же часть, возможное авторство песен, их бытование - это студенты должны были (если захотели) узнать сами. На экзамене все начиналось с пения песен, они были пронумерованы и Гиршман только называл номер. Потом начинался разговор о жанре, структуре. Высоко ценилось умение гармонизовать песню или подобрать подголоски. Обязательным был вопрос об использовании того или иного напева в русской классике. Гиршман был великий знаток этого и уделял в лекционном курсе много времени показу подобных примеров. Любимым, как мне сейчас помнится, жанром у него была протяжная русская песня, и почти каждый экзаменующийся обязан был точно спеть все слоговые распевы “Не шуми, ты мать, зеленая дубравушка”, Вниз по матушке, по Волге”, “Не одна во поле дороженька”. Прошло уже пятьдесят лет, но я (и убежден, многие) столь же уверенно могу спеть эти песни сейчас.

Курс оперной драматургии был фактически семинарским, а не лекционным. Тогда только что вышли фундаментальные исследования по оперной драматургии М.Друскина (1952) и М. Ярустовского (1953), но Гиршман, как мне кажется, не придерживался концепций ни того, ни другого, считая труд

Ярустовского весьма тенденциозным. Дело в том, что Яков Моисеевич превосходно знал оперу практически. В годы учебы он не только переиграл на фортепьяно (записей тогда не было), но и пересмотрел в двух московских оперных театрах весь основной оперный репертуар, в Казани этот репертуар был тоже разнообразен. Его **практическое** знание оперы наполняло курс свежим, личным наблюдением, поэтому семинар этот был не научно-теоретическим, а сугубо практическим. В основном примеры были из русских опер. Гиршман, оставляя в стороне исторические пути оперного искусства, обращал внимание на вопросы сочетания в опере сценического и концертного жанра, на характеристики главных образов в их движении и развитии, беря за основу своих доказательств интонационную драматургию. В этом смысле запомнились яркие разборы “Царской невесты” и “Пиковой дамы”. Мы ничего не слушали в записи, все играл Гиршман, и как! Позже, познакомившись с трудами В. Фермана, я понял, что Я.М. находился, конечно, в русле оперно-драматургических концепций своего учителя.

Высшим педагогическим и теоретическим достижением Гиршмана (исходя из студенческого опыта и наблюдений последующих лет) я считаю его курс анализа музыкальных произведений. Здесь было все интересно. Как всегда, усевшись тесным кругом возле рояля, мы ждали своего учителя. Он приходил с нотами, и начиналось “раздевание” пьесы. Сначала Гиршман играл ее целиком, это могла быть крошечная прелюдия Шопена, часть бетховенской сонаты или симфонии Чайковского, реже являлся Прокофьев, иногда выставлялись прелюдии Кабалевского (не помню, чтобы в качестве примеров фигурировал Брамс, никогда не разбирался Равель или Дебюсси). Любимым было установление интонационных связей в циклических формах, в опере и анализ самой композиционной структуры. Редко обращалось внимание на ладово-гармонические особенности (чаще всего в русской музыке). Любил Гиршман, блистая своей музыкантской эрудицией и превосходной игрой, “побродить” по фактурным особенностям, тут в качестве примеров всегда фигурировали Лист, Шопен и, конечно, Бетховен. Удивительное дело, после его занятий мы всегда бросались узнать об истории создания разобранный произведения, об эпохе, об исполнительской жизни его. В курсах истории музыки, читаемых нам тогда, ничего этого не было, была какая-то жвачка ухудшенного анализа вместо **истории**. Мне, кажется, тогда или позже я сказал об этом Гиршману. Он удивился: “История и есть анализ” (!) “Комплексный” или “цельный” анализ - детище

советского музыкознания 30-х годов (В.Цуккерман, Л.Мазель) целиком был воспринят и блистательно практически развит Гиршманом не только в учебном курсе, но и в руководстве им курсовыми и дипломными работами. Постепенно это распространилось и на других педагогов, ведущих специальный класс, это поощрялось и ректором Жигановым, который ревностно относился к дипломной тематике музыковедов и даже читал некоторые работы. Меня Гиршман убедил в привлекательности анализа фортепьянного концерта Римского-Корсакова, подтолкнув к сравнению его с концертами Листа, но на русской основе. Это и стало моей дипломной работой, я изо всех сил старался сделать свой анализ иным, чем сделал это А. Соловцов в своей работе “Симфонические произведения Римского- Корсакова” (М., 1953). Любил Гиршман (на это был способен только отличный пианист хороший музыкант) играть некоторые мелкие пьесы (Шопена, Шуберта, Мендельсона) в жанровых стилях, придавая маршу - песенность, обычной трехдольной пьесе - вальсовость, снимая традиционную “элегичность”, “скерцозность”, “траурность” и т.п. Помню, поразило его исполнение Allegretto из 7 симфонии Бетховена, когда амбивалентность этой пьесы, была выявлена столь ярко, выпукло, что вообще перевернула мои представления о традиции и традиционном. Любил Учитель разочаровывать нас в известных и любимых пьесах, останавливая внимание на “слабых” конструкциях: финале “Патетической” сонаты, финалах Бородинских симфоний, чрезмерно сложной фактуре некоторых рахманиновских прелюдий. По последнему поводу он высказывался, что композитор так любит свой инструмент, что не выпускает из рук перо, когда уже все сказано. Впрочем, Рахманинова он очень любил, и мы часто разбирали его концерты. Сильной стороной теоретического мышления Гиршмана был его тематический анализ. Он как-то вытекал из его музыкально-внутреннего ощущения темы-интонации, и это выводило его, как правило, на жанровые истоки. Это определило и его понимание татарской музыки, ее теоретических основ, определило круг его главных научных изысканий в области пентатоники.. Пытливый ко всему новому, он, очевидно, сразу по приезде в Казань - крупнейший культурный и музыкальный центр - принял решение заниматься пентатонной (татарской) культурой. Из семи изданных им книг шесть посвящены татарской музыке и творчеству татарских композиторов. Эта же **генеральная** тема разработана Гиршманом в трех десятках статей, опубликованных в самых солидных тогда научных изданиях (БСЭ, “ История музыки народов СССР”, “Советская музыка”, “Музыкальная культура

Советской Татарии” и др.) Главной его книгой была “Пентатоника и ее развитие в татарской музыке”, изданная в 1960 году, на основе которой была через три года защищена кандидатская диссертация. Сейчас это представляется слишком поздним возрастным достижением для такого умнейшего и образованного человека, но, очевидно, огромная загруженность педагогической, административной работой (заведующий кафедрой истории музыки), постоянное отвлечение на писание различных докладов, справок, отчетов для ректората (лично для Жиганова), чтение публичных лекций и совместительская работа в музыкальном училище (для заработка) - все это некое оправдание для защиты диссертации лишь в 50 лет. В своем главном труде Гиршман поставил принципиальные вопросы развития ангемитонной музыки, исследуя ладовые разновидности пентатоники. В начале 60-х годов значение подобной работы (книга Гиршмана была переведена и на китайский язык) было весьма актуально, т.к. без раскрытия закономерностей пентатонной ладовой системы невозможно было плодотворное изучение и обобщение творческого опыта многих национальных музыкальных культур СССР. Яков Моисеевич подробно исследовал историографию пентатоники, критически комментируя особенно взгляды русских и советских исследователей. Он убедительно доказал (и тогда все это признали), что пентатоника не архаически-застывшее образование, а самостоятельная, исторически сложившаяся ладовая система. Он нашел в пентатонике много родственного русской мелодике (ладовые устои отдельных опорных звуков). Понятными тогда и сейчас представлялись его выводы о кварто-квинтовой структуре лада, трихордности в рамках этой структуры. Пять разновидностей пентатоники убедительно были подкреплены татарскими фольклорными образцами. Исследованы были связи пентатоники с другими диатоническими ладами, и обращаясь к профессиональным образцам татарской музыки, Гиршман утверждал, что в ней пентатоника стала фактически гармоническим многоголосьем. В аспекте поставленной им проблемы автор тонко проанализировал такие основополагающие произведения, как “Шурале” Ф. Яруллина, “Алтынчеч” и “Джалиль” Н. Жиганова. Точную оценку этому труду дал крупнейший теоретик Юрий Холопов: “Гиршман, разработав обстоятельную теорию пентатоники, и исследовав ее бытование в татарской музыке, осветил историю теоретического осмысления ее” (Музыкальная энциклопедия, Т. 4, стлб. 236. М., 1978). Из других исследований Гиршмана, отмечу его монографию о Назибе Жиганове, удачно сочетающую очерковость, живость изложения с

постановкой важных теоретических проблем современного композиторского творчества.

Для нас, учившихся еще в 50-е годы, да и для других, более поздних учеников, Гиршман несомненно был профессором по существу, а не по форме. Кстати, будучи два десятилетия доцентом, он лишь в 70-летнем возрасте был утвержден ВАКом в ученой должности профессора (по сумме научных публикаций и долголетнюю вузовскую деятельность). В этом позднем признании научных заслуг, я считаю, вина ректора Жиганова, который вообще “держал” на коротком поводке многих, даже преданных ему сотрудников. Лишь позднее, при ректоре Р.Абдуллине, обильно посыпались профессорские звания (но на исполнительских факультетах). Это было связано с некоторыми структурными изменениями в системе присвоения ученых степеней и ученых званий. С другой стороны, я знаю, Гиршман хотел представить в виде докторской искусствоведческой диссертации свой многолетний труд “История татарской музыки”. Практически он был готов к середине 70-х годов, но к этому времени Яков Моисеевич уже не был заведующим кафедрой истории (короткое время он заведовал кафедрой теории музыки), с ним уже не так считались, были постоянные явные и тайные интриги новых заведующих и ряда влиятельных персон в окружении ректора. Основная причина, как я понимаю, была одна - историю татарской музыки должен написать татарин, но не русский, не еврей. Этот фундаментальный труд был обсужден на Ученом Совете консерватории (кажется, в 1984 году) и с вежливыми оговорками отклонен (речь шла о допуске к публикации), с замечаниями о дополнениях, уточнениях, расширениях и прочем, что говорится в подобных случаях. Объективно надо сказать, что в этом труде, где соединены были все теоретические концепции Гиршмана и его блистательные порою анализы творчества почти всех татарских композиторов, недоставало подлинного историзма и (вглядываясь из XXI века) культурологического подхода, явившегося основополагающим методом в трудах его музыкальных “сыновей” и “внуков” А. Маклыгина и В. Дулат-Алеева. И тем не менее, я считаю, что жанрово-аналитическая система и персонально-аналитический ряд, выстроенные Гиршманом, весьма ценны и труд его (с соответствующим комментарием) может быть издан и сейчас.

В последние годы жизни Яков Моисеевич был увлечен Бахом и работал над книгой “В-А-С-Н” - Очерк музыкальных посвящений Баху с его символической звуковой монограммой”. Книга эта уникальна, не имеет аналогов в отечественной

музыковедческой литературе. Она анализирует (в гиришмановской скрупулезно-точной, выверенной манере) произведения Бетховена, Шуберта, Шумана, Листа, Римского-Корсакова, Брамса, Рegera, Пуленка, Оннегера и многих других крупнейших музыкантов вплоть до наших современников А.Шнитке и А.Миргородского, связанные со звуковым комплексом В-А-С-Н. Само установление и нахождения этих пьес - огромный поисковый труд (много времени провел Гиришман в Государственной публичной библиотеке им. Ленина в Москве, в музыкальных архивах других хранилищ). Волнующе и трогательно написал в Предисловии этой книги композитор А. Миргородский: “Ему (Гиришману) удалось <...> охватить “необъятное” и заставить задуматься композиторов, музыковедов над тем, что же это за магия, содержащаяся в самом имени великого И.С.Баха <...> Гиришман приводит читателя к самой Музыке и заставляет полюбить ее.<...> В-А-С-Н мною воспринимается как символ Креста. Я.М.Гиришман прожил трудную жизнь, но с достоинством пронес свой музыкальный крест, завершив свой творческий путь пришествием к пьедесталу с бессмертным именем В-А-С-Н “. Яков Моисеевич не увидел свой последний opus изданным. Благодаря усилиям его дочери и ее мужа В.Н.Зотова и при их финансовой поддержке книга увидела свет в 1993 году.

Гиришман был главный “жигановел” (пишу об этом без всякой иронии, есть же “моцартоведы”, “горьковеды” и т.п.) Вместе с другим жигановедом - профессором Г. Касаткиной им созданы главные книги и статьи о крупнейшем татарском композиторе. Иногда мне казалось, что зря он поставил свой незаурядный музыкально-аналитический талант на службу этой теме. Впрочем, не забудем, что “служил” он в консерватории Жиганова. Я знаю, что он хотел в иные периоды заняться в научном плане чем-то иным, но **созданная им самим** (при поддержке ректора) **система научной подготовки** музыковедов, нацеленная на изучение татарской и шире, поволжско-приуральской музыки, не давала ему этой моральной и физической возможности. В Казанской консерватории десятилетиями внедрялась мысль, что она (консерватория) - центр изучения этой культуры, а “второй Казани не бывает”. А поскольку во всех музыкально-научных центрах Поволжья или Приуралья (Чебоксары, Йошкар-Ола, Ижевск, Саранск, даже Уфа) ведущими специалистами были выпускники Казанской консерватории (считай, ученики Гиришмана) - оттуда шли статьи, книги, исследования, диссертации для консультаций, советов, помощи, для публикаций.

Характер у Якова Моисеевича был тяжелый, и хотя у него было много друзей, у него была какая-то настороженность к людям, даже некая подозрительность, иногда он “умствовал” там, где не надо, бросался “ в бой” по пустякам, особенно в молодые годы. Помню, он кричал из зала (во время одного из пленумов Союза композиторов) уважаемому И. Аухадееву, критиковавшему за что-то его газетные рецензии: “ Вы не приемлете критики, Вы хотите, чтобы я перестал писать, этого не будет никогда...” и что-то в этом духе... Мудрый Аухадеев не придавал этому особого значения, были они хорошими друзьями до самой смерти. По отношению к молодым сотрудникам своей кафедры он осуществлял политику “ сдерживания”, смыкаясь, может быть, с Жигановым, не создавал необходимых условий для скорейшего завершения диссертаций. Может, это какая-то случайность, но, объективно, в годы его 20-летнего руководства кафедрой защитил диссертацию он один. Мою диссертацию он не признавал: нет нотного текста, не анализируется сама музыкальная ткань - значит это не музыковедение?! Отзыва на предварительном обсуждении диссертации мне не дал, это были его принципиальные соображения. Несмотря на многие расхождения в научном плане мы с ним 40 лет искренне дружили, бывали друг у друга домами, а с момента моего прихода на кафедру истории музыки консерватории в 1977 году, были просто неразлучны. Мы с женой были в курсе всех дел и проблем его семьи. У Якова Моисеевича и Софьи Наумовны было двое детей, оба музыканты, сын Борис - музыковед, и дочь Любовь - пианистка. Жили они сначала лет 10 в пристрое к зданию консерватории на улице Пушкина, было очень тесно в двух маленьких комнатах. Потом Яков Моисеевич получил более просторную трехкомнатную квартиру на первом этаже, на улице Шмидта, где и жил до конца жизни. Жили Гиршманы очень скромно, принимали радушно. Рабочего кабинета у ученого не было, писал он почти всегда на кухне, выдвинув стол на середину, а потом, когда они с женой остались вдвоем, любил работать за большим обеденным столом, раздвинув его и разложив в нужном порядке многочисленные бумаги, выписки, нотные примеры. Весь стол был не завален, нет, а четко функционально распланирован. У Гиршмана был изумительный красивый почерк, пишущей машинки у него не было. Мелкие статьи, рецензии он писал сразу (я был этому свидетель), без единой помарки. Библиотека у него была хорошая, из редких книг помню замечательный двухтомник Н.Финдейзена “Очерки по истории музыки в России” издания 1928 года. Эта книга была подарена ему известным казанским музыкантом Р.Л.Поляковым. Я

часто ее брал, и однажды, в день моего 50-летия получил ее от моего учителя с замечательной дарственной надписью. Был Яков Моисеевич человеком веселым, остроумным, любил хорошее застолье, был галантным кавалером. Близких друзей у Гиршмана было немного: моя семья, пианист Э.Моназон, режиссер Качаловского театра Л.М.Литвинов, пианистка Н.Г.Сабитовская; он поддерживал всю жизнь самые теплые отношения с музыковедом З.Ш.Хайруллиной, совместно с которой было немало написано. Обожал свою жену милейшую Софью Наумовну, они прожили в браке свыше 50 лет. Зная Гиршмана как хорошего академического пианиста, я иногда провоцировал его сыграть что-нибудь легкое, эстрадное, он отшучивался, но я настаивал, говоря, что, вот, мол, в Ваши молодые годы Вы, ведь в разных молодежных театрах играли. И однажды он сел за старое пианино, купленное еще в студенческие годы, и с блеском “выдал” очаровательный чарльстон типа “Джона Грея”. Повернулся, прищурил свои прекрасные глаза... ”Ну, как?” Все были в восторге. Припоминая и такой эпизод еще в старом здании консерватории на Пушкина. Был какой-то новогодний концерт в консерваторском маленьком зале, пришли в гости какие-то московские артисты оперетты, балетная пара, их пригласили что-то исполнить. Концертмейстера у них не оказалось. “Своих” консерваторских концертмейстеров и пианистов полно, попросили одного, второго, все “сдрейфили”. Побежали к Якову Моисеевичу, благо жил тут же. Сунули пачку нот, а для балета и вовсе ничего нет. - Все было сыграно с блеском и весельем, полный успех, студенты, любившие его, устроили овацию.

Очень тяжело переживал Яков Моисеевич смерть жены в 1989 году. Это был какой-то год семейных катаклизмов: сын уехал в Израиль, любимая им дочь Люба была погружена в сложные семейные проблемы, внучка Марианна собиралась замуж, не достигнув, по-моему, и 18 лет. Гиршман стал сдавать, жаловался на сердце. Я знаю, он почти каждый раз, когда шел на работу в консерваторию, заходил на Арское кладбище, к Соне. Но уже через год, преодолевая свои беды, закончил свою последнюю книгу о Бахе, и собирался серьезно реконструировать свой спецсеминар по анализу. Об этом живо напомнил профессор В.Р.Дулат-Алеев, когда мы 28 сентября 1998 году организовали вечер памяти Гиршмана с небольшим концертом. Это вечер с замечательными воспоминаниями Ч.Н.Бахтияровой, Н.Г.Сабитовской, дочери Любы, Ю.И.Самарского и других, я заснял на видеокамеру, это бесценный живой документ, воспроизводящий ту атмосферу истинного содружества, высокого

интеллектуального настроения, которые создавал Яков Моисеевич. Были почти все музыковеды, работавшие с ним.

Скончался он от сердечной недостаточности. Помню в 12 ночи позвонила его дочь, сказала “Папа умер”. Я тут же позвонил А.Маклыгину, мы жили недалеко, пришли к ним домой, что-то делали, собирали бумаги, книги. Сидели у кровати покойного, вдруг в полной тишине со шкафа падает портрет Софьи Наумовны и разбивается вдребезги... Мистика. Мы только переглянулись, не силах ничего сказать...

Я как бы “наследовал” моему дорогому учителю, заведывая “его” кафедрой с 1984 года; кафедру же теории музыки возглавил другой его ученик профессор А.Л.Маклыгин. Из 90 с лишним учеников, вышедших из музыковедческого класса Якова Моисеевича, немало кандидатов, докторов наук, профессоров, раскиданных по разным городам и странам. Это Г.М.Кантор, А.Л.Маклыгин, И.Ю.Харкеевич, Л.В.Бражник, С.И.Раимова, М.Н.Нигмедзянов,, Ч.Н.Бахтиярова, В.Н.Бацун, Ю.Н.Исанбет, Л.В.Казанская, Ю.А.Илюхин и др. Его 70-летие в 1983 году было подлинным триумфом Учителя, прошла научная конференция “Некоторые актуальные вопросы советской многонациональной музыкальной культуры”, в консерваторию пришли все музыковеды Казани, приехали из многих городов России, Украины., собралась казанская музыковедческая школа.; вышла необычайно интересная и содержательная стенная газета с великолепными материалами : воспоминания, признания в любви, стихи, пародии (этот ценный документ хранился у дочери профессора) Выйдя на кафедру в Малом зале Казанской консерватории, после всех поздравлений и приветствий, Гиршман начал свое ответное слово так: “Ветеран - это стойкий, старый солдат...” Все увидели и услышали Якова Моисеевича Гиршмана: - профессора, заслуженного деятеля искусств России и Республики Татарстан - таким, каким знали и чтили его всегда: мудрого, человека сильной воли, целеустремленного ученого, который учил жить высокой музыкальной атмосферой и *основал фундамент казанской музыковедческой школы.*

Нина Лельчук

Флиер

ков Флиер... Сколько незабываемого для меня связано с именем этого человека поразительной жизненной силы и красоты, уникального артиста, несравненного учителя, редкого пианиста, выдающегося интересного музыканта!

Размышлять и писать о Флиере – задача легкая и сложная одновременно. Легкая потому, что это был артист невероятно демократичный, натуральный, обладающий яркой природной «биологической» одаренностью. Выступление на эстраде для огромной аудитории было для него радостью, праздником, а не мукой, как для многих даже всемирно известных исполнителей. Трудность же заключена в том, что такое явление как Флиер было многомерным, объемным – артист, педагог, человек. К тому же лично для меня он был не просто учителем фортепиано. Он был моим старшим другом и наставником, «музыкальным папой», как он сам себя называл, коллегой и соратником в нашем общем стремлении к достижению артистического совершенства.

Он был также и моим старшим товарищем, который научил меня плавать, водить машину, играть в пинг-понг и даже в шахматы.

Имя Якова Флиера я впервые услышала в десятилетнем возрасте. Шла репетиция к предстоящему отчетному концерту учащихся Гнесинской десятилетки в Колонном Зале Дома Союзов. Увлеченная исполнением «Музыкальной табакерки» Лядова, я подняла необычно высоко правую руку в конце пьесы. Из зала послышался довольный голос моей преподавательницы Кантор: «Молодец, очень хорошо. Ну просто а la Флиер». «Что это значит?» – спросила я в изумлении. Так я впервые узнала о существовании этого выдающегося пианиста и педагога. Могла ли я тогда предположить, что через три года я стану его ученицей, а затем, по окончании консерватории, его ассистенткой? И что вся моя дальнейшая жизнь как профессиональная, так и личная, в течение двадцати шести лет будет самым тесным образом связана с этим человеком до конца его жизни?

Впервые я увидела Якова Владимировича в 45-м классе Московской консерватории, когда мне было тринадцать лет. Один из его учеников – отличный пианист и аранжировщик, давно настаивал на том, чтобы я поиграла Флиеру. Одновременно он с большим энтузиазмом говорил ему обо мне, представив при этом почему-то как свою сестру.

И вот однажды мой «брат» сообщил, что профессор ожидает нас, в 45-м классе в 4 часа дня сегодня. О, ужас! Я была совершенно не готова к прослушиванию. Было это в самом начале сентября, и я после летних каникул не успела хоть кому-то поиграть вновь выученные произведения – «этюды» Шопена, седьмую сонату Бетховена и первый концерт Рахманинова. Я попробовала заикнуться о перенесении похода. И речи не могло быть! Мой «брат» не хотел и слушать. Что делать? Пришлось согласиться.

И вот мы стоим у двери 45-го класса. Я страшно волнуюсь. Только успела снять пионерский галстук, как мы уже вошли. В своём детском воображении я себе представляла романтический образ знаменитого маэстро, естественно, совершенно идеальный во всём. Каково же было моё удивление, когда я увидела «немолодого» человека (ему тогда было всего сорок лет), небритого, в домашнем свитере и мятых брюках. Следующим «разочарованием» было то, что он не выговаривал букву "р".

Как так? Флиер картавит? Не может быть!

Яков Владимирович был великолепным психологом. Он сразу увидел на моём лице тень расстройства и непринуждённо, по-простому сказал: «Я нахожусь в классе с самого утра, очень спешил, даже побриться не успел. Устал изрядно, и вид у меня довольно помятый, не правда ли?». Я остолбенела. Он словно прочитал мои мысли. «Может быть, я приду в другой раз?» – робко спросила я. «Нет, нет, – ответил профессор, – раз уж пришла, так поиграй. Ну, что ты хочешь сыграть мне? "Бирюльки" Майкопара?» – сострил он, намекая на мой юный возраст. «Нет, первый концерт Рахманинова», – ответила я. «Наверное, в первой редакции?» – улыбнулся Яков Владимирович. «Конечно, во второй», – ответила я несколько задетая за живое. Следует пояснить, что в России долгое время первая редакция почему-то считалась легче чем вторая. Вероятно из-за того, что она не так совершенна и гармонически менее изысканна. На самом деле, первая редакция концерта намного труднее технически, пианистически неудобна, перенасыщенна огромными аккордовыми скачками в обеих руках одновременно, из-за чего пианисты отказывались от исполнения концерта в таком виде.

Лишь двадцать пять лет спустя, когда Рахманинов сделал новую редакцию, намного удобнее пианистически, более компактную по форме, и изысканнее гармонически, концерт стал очень популярным и часто исполняемым.

Я села к роялю. Флиер сел ко второму роялю и начал играть вступление. Меня сразу поразило мощное оркестровое звучание рояля и удивительный подъём, с которым он заиграл, как будто это происходило не в классе, а на сцене большого концертного зала. Невольно я тоже почувствовала себя как бы на эстраде, увлеклась красотой Рахманиновских гармоний и перестала волноваться. Флиер не просто аккомпанировал мне, он дирижировал, пел за различные инструменты, подсказывая темпы и характер музыки, словом сильно помогал. Играть с ним было настолько удобно и естественно, что у меня появилось ощущение, как будто мы уже прежде играли вместе и не один раз. Когда я перешла к каденции, он встал и начал ходить по классу, по диагонали, куря сигарету. Все ученики Якова Владимировича хорошо знают эту его привычку, особую манеру курить, держа сигарету почти в самом углу рта. Обычно он так курил и ходил по классу, когда был чем-то очень взволнован. Каденция подходила к концу, а Яков Владимирович всё ещё расхаживал взад и вперёд. И только когда остались уже последние несколько нот перед оркестровым вступлением, и я, боясь, что Флиер не успеет вступить вовремя, сделала замедление больше чем обычно, профессор одобрительно улыбаясь мне, подоспел к роялю буквально в последний момент и вступил абсолютно точно одновременно со мной. Мы вместе доиграли первую часть. Я с облегчением вздохнула. «Ну, – думаю, – пронесло». И тут же Яков Владимирович спросил: «Ну, а дальше играешь?» «Не знаю, я ведь никогда не пробовала со вторым роялем» – ответила я. «Ну, вот и попробуем вместе. Если хочешь, можешь поставить ноты», – предложил он. Это уже было спасением. Я открыла ноты и с большим увлечением сыграла свою любимую вторую часть. Не сказав ни слова, Флиер перешел к третьей части, которая была совсем ещё не доучена. Не помню, как доиграла концерт. Помню только, что Флиер в конце начал сильно прибавлять темп и делать одно большое непрерывное *crescendo* вплоть до самого конца. Он как бы подхлестывал меня, и я, стараясь играть вместе с ним, совсем запыхалась. Заключительные аккорды концерта прозвучали у меня, как никогда, ярко и цепко. Я так ещё никогда не играла – смело и с риском «смазать». Флиер очень дружелюбно улыбнулся. «Так значит, ты не играешь "Бирюльки" Майкопара», – заключил он. «Оказывается, ты умеешь неплохо

шевелить пальцами, и темперамент есть. Ну, молодец, настоящая пионерка. Вот только пару фальшивых нот заучила». Он подошёл и показал где именно. Затем он захотел послушать этюды Шопена и медленную часть седьмой сонаты Бетховена. Я уже разыгралась к этому времени и перестала нервничать. К тому же, Флиер так себя вёл, как будто я уже давно с ним занимаюсь, и мы старые, добрые друзья.

Во время моей игры он не сидел безучастно, а всё время подавал музыкальные знаки, сигналы, как настоящий тонкий дирижёр, что очень помогало не только в плане музыкальной интерпретации, но и в преодолении технических трудностей. Яков Владимирович не умел скрывать своих эмоций, так как был человеком непосредственным и натуральным. Было видно, что он остался мною доволен и заинтересован как в ученице. «Ты играешь взрослый консерваторский репертуар и твоё место там, а не среди детей и местных педагогов». Честно говоря, я не совсем поняла тогда, что он этим хотел сказать. Я любила свою преподавательницу, моих школьных друзей...

Несколько дней спустя раздался телефонный звонок у нас дома. Директор Гнесинской десятилетки З.И.Финкельштейн с радостью сообщил, что Яков Владимирович взял меня в свой консерваторский класс. Общеобразовательные предметы я буду проходить в школе с моими одноклассниками.

Отчётливо, до мельчайших подробностей я помню свой первый урок с Флиером. В школе обычно педагог даёт ученику программу, говорит, когда и что готово для показа на концерте, экзамене или зачёте. Флиер же, прежде всего, спросил меня, что бы я хотела поиграть, какого композитора я люблю больше, и какого композитора я меньше всего играла. В то время я ещё не обладала большим репертуаром. Мне хотелось играть как можно больше и всё сразу. «А чтобы Вы посоветовали?» – спросила я. Профессор предложил взять третью сонату Прокофьева, ми-минорную Английскую сюиту Баха и до-минорный концерт Моцарта. Решили начать работать с Моцарта. Я уже знала, что в консерватории надо сразу же на первом уроке играть на память. И это также было новым для меня, так как ранее можно было на первых уроках играть по нотам. Я страшно нервничала, неуверенная смогу ли я за неделю выучить на память весь концерт и играть в сопровождении второго рояля. К тому же проблема осложнялась тем, что у меня не было нот. В библиотеке все экземпляры были на руках, а в нотном магазине, который находился тогда рядом с консерваторией, этого концерта не оказалось. С большим трудом мы с мамой нашли ноты в

букинистическом магазине на Неглинной, куда иногда приносили подержанные книги и ноты.

Времени оставалось совсем немного, и я засела за рояль, готовясь к уроку, как будто это была неделя, данная финалистам Брюссельского конкурса для изучения специально написанного нового концерта для конкурса. В итоге я выучила весь концерт с каденциями и явилась на урок в страшном волнении.

Предварительно настроившись к исполнению, я начала первую часть, стараясь передать сумрачный, глубоко проникновенный характер музыки. Флиер почти сразу же остановил меня. «Нет, нет, ты слишком романтизируешь», – заволновался профессор. Он очень долго возился над начальными шестнадцатью тактами, добиваясь строгости и простоты выражения, нужного звукового баланса между правой и левой рукой, гибкой, естественной фразировки, стилистической достоверности, тонкой, весьма умеренной педализации и, конечно, абсолютной пальцевой ровности. Для этого надо было найти совершенно особое, очень лёгкое прикосновение к клавиатуре, что требовало времени. Разумеется, я могла выполнить каждое из его указаний отдельно, но не всё сразу одновременно. Для этого необходимо иметь невероятную концентрацию, внимание, бесконечный слуховой контроль. Я помногу раз пробовала играть эти злосчастные шестнадцать тактов с учётом всех замечаний. Становилось немного лучше, но всё же не так, как нужно. Теперь и я стала слышать неровности звуковые и ритмические, преобладание левой руки над правой, отсутствие верхних нот в аккордах и т.д. Я не привыкла к таким занятиям. Это чрезвычайно трудно, но в то же время интересно и очень полезно. За первые сорок минут урока я получила столько новой исключительно важной информации, что хватило работы на весь месяц. Я поняла, что занятия с Флиером соответствуют самым высоким исполнительским стандартам, и была горда тем, что он занимается со мной «по-взрослому», не снижая своих требований из-за моего возраста. Время пролетело незаметно. Вот уже и конец урока, а мы даже не прошли всю первую часть. Флиер посмотрел на часы. Мы уже прозанимались больше часа, и следующий ученик ожидал своего урока. «Ну, сыграй быстренько каденцию», – попросил Яков Владимирович. Я поняла это буквально и взяла темп гораздо быстрее чем обычно. Профессор расхохотался. «Играй в нормальном темпе, пожара нет», – сострил он. Я тоже рассмеялась. В целом каденция прозвучала лучше всего остального. Урок закончился, и я вдруг почувствовала страшную усталость. «Ну, замучил я тебя совсем», – улыбнулся Флиер. «Вот тебе шоколадка,

подкрепись». «Прямо, как дрессировщик в цирке», – пронеслось у меня в голове. Я поблагодарила и с удовольствием проглотила конфету. Одновременно я спросила, на что обратить внимание во второй и третьей частях, какая лучше аппликатура в трудных пассажах, где играть с повтором, а где нет. Он сел к роялю, немного поиграл, показав характер музыки и отличную удобную аппликатуру. А затем с удивлением заметил: «Ты что, выучила весь концерт? Я ведь задавал только первую часть».

Я проучилась у Флиера одиннадцать лет (три года в школе, пять лет в консерватории и три года в аспирантуре). В течение этого времени я имела примерно около тысячи уроков, включая дополнительные, всегда конструктивные, полезные и увлекательные. Но этот первый урок врезался мне в память на всю мою жизнь. Так же, как ещё один другой урок, о котором грех умолчать.

Как правило, наши уроки проходили в 45-м классе Московской консерватории, где в течение сорока девяти лет преподавал легендарный К.Н. Игумнов – учитель Флиера. Поскольку школьники всегда имели два урока в неделю, а не один, как полагалось студентам консерватории, Яков Владимирович довольно часто давал мне дополнительные уроки у себя дома на улице Горького, дом 15. В кабинете Флиера стоял отличный рояль Bechtein, с тёплым красивым звуком. Инструмент был очень разыгранный, податливый, с ровной не тугой механикой, и я очень любила играть на нём. У меня как-то всё лучше получалось, как мне казалось. Однажды я пришла к Якову Владимировичу на урок домой, сразу же после Нового Года. Флиер был в отличном расположении духа, он принялся угощать меня очень вкусными пирожными и печеньем, которые великолепно пекла его старшая сестра Любовь Владимировна. Затем начался урок. В то время я работала над Рахманиновскими прелюдиями и музыкальными моментами. В середине урока Флиер вдруг спросил: «А ты слышала когда-нибудь самого Рахманинова, его записи?». «Нет», – к моему огорчению ответила я. В доме моих родителей не было проигрывателя, и классические пластинки не коллекционировались. Позднее я сама стала этим увлекаться и тратила все карманные деньги на их покупку.

Флиер с интригующим выражением лица достал старого образца, т. е. недолгоиграющую пластинку, и предложил послушать, пожалуй, наиболее популярные две прелюдии (до-диез-минор и соль-минор) в исполнении самого автора. У меня аж дух захватило от счастья, и я приготовилась услышать легендарного пианиста-композитора, моего кумира, предвкушая

состояние особого трепета и волнения. Мне казалось, что как только заиграет сам Рахманинов, должно произойти какое-то чудо. В процессе слушания Флиер ярко и образно комментировал исполнение, обращая моё внимание на особое качество звука, необычную интересную фразировку и «электрические» пальцы пианиста. Особенно он восхищался концовкой до-диез-минорной прелюдии, где автор не выполнял указанную им самим нюансировку: вместо одного длительного *diminuendo* в последних восьми тактах он делал сначала небольшое *crescendo* в первых трёх тактах, а затем уже *diminuendo* вплоть до самого конца. Конечно, мне очень понравилось исполнение, я была во всём согласна с учителем, но... где-то в глубине души закралась некая неудовлетворённость. Я не испытала ожидаемого «шока», и небо не обрушилось на землю, как я вообразила себе. Я хотела сказать Якову Владимировичу о таком своём впечатлении, но он сразу же поставил другую, соль-минорную прелюдию и мы продолжали слушать дальше. Прослушав пьесу до середины, где начинается необычайной красоты замедленный полифонический раздел, я вдруг совершенно неожиданно для самой себя выпалила: «Как ни странно, Яков Владимирович, но я ожидала ещё более магического, сверхъестественного впечатления. Конечно, это изумительная игра. Но если бы я не знала, что играет Рахманинов, то могла подумать, что это, скажем, Гилельс. Я думаю, что он может сыграть не хуже».

Реакция профессора оказалась очень странной и неожиданной. Он немедленно остановил проигрыватель, не говоря ни слова, и предложил продолжить урок. И вот тут произошло чудо! Хотите верьте, дорогой читатель, хотите нет, но в эту самую минуту раздался телефонный звонок. Звонил Эмиль Гилельс! Пока Флиер с ним разговаривал, я взглянула на этикетку пластинки и с ужасом прочитала имя исполнителя прелюдий: Яков Флиер. Я была так сконфужена, что едва не расплакалась. Всё обдумывала, что сказать ему, как исправить ситуацию, может быть, надо извиниться? Но Яков Владимирович быстро закончил разговор и как ни в чём не бывало, продолжил урок, который продолжался более двух часов. Профессор работал буквально над каждой нотой, каждой фразой, стараясь добиться желаемых результатов сейчас же, немедленно. Он импровизировал, предлагал различные варианты динамики, фразировки, менял темпы, требовал невероятно ярких мощных кульминаций, цельности формы. Казалось, что я никак не могла удовлетворить его требованиям, как я ни старалась. Это был поистине мастер-класс, один из самых замечательных, незабываемых уроков в моей жизни, во время

которого произошёл огромный качественный скачок в моей игре, моём музыкальном мышлении и слуховом контроле. Вскоре уже вся консерватория знала, со слов самого Флиера, о том, как он меня разыграл. И уже много позже он сам мне сказал, что после этой истории он по-настоящему поверил в меня. Оказалось, что он так шутил со многими, но никто ещё подобно мне не отреагировал.

Время начала моих занятий с Флиером было пожалуй самым драматичным и тяжёлым в его жизни. Я узнала об этом намного позже от самого Якова Владимировича. В расцвете своих творческих сил, находясь на вершине славы (Флиер уже был победителем двух международных конкурсов в Вене и Брюсселе и имел мировое признание) в возрасте 36 лет, происходит страшная трагедия с артистом – редкое и почти неизлечимое заболевание правой руки: сужение сухожилия третьего пальца.

Флиер вынужден практически уйти со сцены, прекратить концертную деятельность, без которой он просто не мыслил своего существования. И вот в это страшное, тяжелое время на помощь ему пришла педагогика. Как вспоминает Яков Владимирович: «Педагогика помогла мне выжить». И действительно, Флиер перенес всю свою страстную любовь к музыке и эстраде на педагогику и на своих учеников.

Будучи истинным, пламенным артистом на сцене, он и в классе, прежде всего, был артистом-исполнителем, импровизатором. Но кроме этого он был ещё и аналитик, раскрывающий глубину и смысл музыки, а также и учитель, помогающий ученику справиться с конкретными пианистическими задачами. Но самое главное, всё то, что он показывал и говорил в классе, было неоднократно проверено им самим на сцене. И это придавало его урокам особую артистическую, эстрадную направленность, что было, лично для меня, бесценно!

Неслучайно из его класса вышло такое большое количество концертных пианистов мировой величины. Флиер сумел практически каждого своего наиболее талантливого ученика превратить в яркого самобытного артиста. Характерно, что при всей несхожести различных индивидуальностей его учеников, всегда можно сразу же услышать много общего в их игре. Прежде всего это выражается в яркости и артистичности исполнения, эстрадном размахе, технической свободе и ясности построения формы – умение охватить произведение в целом и играть на одном широком дыхании.

Школа Флиера сильна тем, что она сохраняет наилучшие традиции прошлого, которые своими глубочайшими корнями

уходят и к Бетховену, и к Листу: учитель Якова Владимировича Игумнов занимался у Зилоти – ученика Листа. А Лист был учеником Черни, который учился у Бетховена.

Около 12 лет Флиер был вынужден почти полностью прекратить свою концертную деятельность. Длительное лечение не принесло никаких результатов, и Флиер, скрепя сердце, решился на рискованную операцию, которую успешно провёл ленинградский хирург Розов. Через несколько месяцев Яков Владимирович начал понемногу заниматься, рука становилась всё более гибкой и эластичной, играть было всё легче и легче. Друзья, коллеги, ученики Флиера были счастливы и уговаривали поскорее начать выступать с концертами. Его же мучили сомнения. Сможет ли он подтвердить свою былую репутацию одного из лучших пианистов мира, не уронить престиж выдающегося профессионала, артиста? И тут на помощь пришли самые близкие друзья, настоящие поклонники его дарования, его большой друг – жена Любочка, и все его ученики. Мы все вместе сумели убедить его, что всё это время его помнили и любили, и что его возвращение на сцену – большая радость для всех!

По необычному стечению обстоятельств «проба сил» произошла как раз в день его рождения, 21 октября в городе Харькове в 1959 году. Любопытно, что именно в этом городе началась концертная карьера пианиста в 1935 году, сразу же после победы на II Всесоюзном конкурсе. Жена Якова Владимировича поехала вместе с ним для моральной и психологической поддержки. Флиер страшно нервничал. Для его успокоения они занялись сочинением стихов, прямо в артистической комнате, незадолго до начала концерта. Я до сих пор помню этот смешной стишок, написанный на мелодию популярной тогда песенки из советского кинофильма «Высота» с Рыбниковым в одной из главных ролей: «Не кочегары мы не плотники...»

Не Давидович я, не Власенко,
Не Миля Гилельс, не Лельчук,
Но только в Харькове напрасенько
Я симулировал испуг.

Оркестр встретил, как Мержанова,
Аплодисмент большой гремел,
Я выдал пальцы, как у Ржанова*,
И всех врагов своих «имел».

* Ржанов – один из учеников Я.В. Флиера.

Не откажите мне в любезности
Идите к Н.Лельчук играть,
А я уж в силу неизбежности,
Начну концертники давать.

Сольный концерт в Харькове прошёл исключительно удачно, с огромным успехом у публики и прессы. Таким образом, 21 октября 1959 года явилось днём второго рождения Флиера, точнее его творческим возрождением! Второй московский «дебют» в артистической жизни пианиста состоялся 28 Ноября в Большом Зале консерватории. Этот концерт невозможно забыть. В программе были: «Фантазия» Моцарта до-минор, соната Брамса фа-минор, третья соната Скрябина и прелюдии Дебюси. На «бис» он сыграл двенадцатый этюд Скрябина, ля-минорную мазурку Шопена и «Наварру» Альбениса.

Накануне концерта Флиер страшно волновался. За день до выступления, по окончании репетиции, он всё ещё не был уверен в том, что готов для Москвы, о чём говорил мне и другим людям, присутствующим на репетиции. И это несмотря на то, что он уже обыграл эту программу много раз в разных городах. Но все тревоги были напрасны. Поклонники не забыли Флиера. При появлении любимого артиста на сцене весь зал встал, как по команде, и долго-долго аплодировал. Я видела как глаза Якова Владимировича стали влажными. Это был поистине невероятно волнующий момент, когда души сидящих в зале и артиста на сцене, как бы слились в едином порыве взаимопереживаний. Концерт прошёл блестяще. Наш профессор был в «ударе». Успех был грандиозным. В заключение концерта на сцену вынесли двенадцать корзин цветов от поклонников, друзей и учеников. В доме Якова Владимировича был устроен роскошный приём человек на сто, а может и больше. Люди, приходили, уходили, и снова возвращались. И празднование продолжалось чуть ли не до самого утра. Профессор, мой музыкальный папа, как он сам себя называл, не позволил мне ехать домой одной в столь поздний час, и я осталась ночевать в его доме.

Наутро мы во всех подробностях обсуждали его исполнение, все удачи и промахи, доброжелательную атмосферу, царившую в зале, невероятную наэлектризованность публики и оглушительный успех. В какой-то момент я сказала, шутя, как в известном анекдоте: «Вот видите, Яков Владимирович, Вы напрасно боялись». «Не напрасно», – ответил он и с грустью добавил: «Жаль, ты не слышала, как я играл до войны».

С этого времени и вплоть до самого конца жизни Флиер вёл активную концертную деятельность. Он много выступал по

всему Советскому Союзу, а ещё чаще за рубежом. Он не только ездил туда с концертами, но и являлся членом жюри международных конкурсов пианистов. Артист радовал своим неувядаемым, вечно молодым искусством слушателей Англии, Японии, Соединённых Штатов Америки, Турции, Израиля, Греции, Голландии, Германии, Италии, Чехословакии, Югославии, Бельгии, Австрии, Польши, Болгарии, Финляндии, Исландии, Индии.

Музыкальная критика единодушно отмечала своеобразие трактовок пианиста, убедительную, порой властную манеру высказывания, громадный темперамент, сочетающийся с глубиной проникновения в замысел композитора, и, конечно, уникальный артистизм исполнителя. Выступления Флиера повсюду имели громадный успех у публики вне зависимости от страны или репертуара, который он исполнял. Но пожалуй наиболее волнующей и тёплой была встреча артиста с израильской публикой. Об этих концертах он рассказывал буквально со слезами на глазах, как его встречал с цветами в аэропорту Тель-Авива, ныне покойный менеджер Абраша Богатырь вместе с представителями местной творческой элиты, как по-царски его принимали в специальном доме для особо почётных гостей, поили, угощали самыми изысканными восточными сладостями и винами.

Флиер давал много мастер-классов для студентов различных музыкальных заведений, беседовал о системе образования в СССР, бесконечно исполнял во время открытых уроков, показывая за вторым роялем как должно звучать то или иное место в произведении, которое играл студент. В итоге всё это превращалось в дополнительные, незапланированные бесплатные концерты, что по достоинству оценили студенты и вся израильская многочисленная публика.

Сегодня, перелистывая страницы статей и воспоминаний о Якове Владимировиче, мне одновременно и смешно и грустно, что ни в одной из них даже не упоминаются его израильские гастроли, как будто этого и не было. А ведь он там был дважды и имел совершенно фантастический успех. Вернувшись в Москву из Израиля, он много рассказывал мне о том, какая это красивая, гостеприимная страна, как там легко и свободно дышится, и как тонко понимают и любят музыку израильтяне и добавлял при этом: «Подумать только, что есть на свете страна, где быть евреем также естественно, как дышать кислородом». При этом лицо его было очень грустным.

Последний раз в своей жизни, я видела Якова Владимировича у него дома, примерно за месяц до его смерти. Это

было время, когда он с большим воодушевлением работал над записью всех мазурок Шопена. Мы все знали, что профессор тяжело болен – тяжелейшая форма сердечной недостаточности. Тем не менее он продолжал много работать, занимался сам, с учениками, делал записи для грампластинок.

В тот памятный вечер мы сидели с его женой на кухне – излюбленное место для приёма гостей – и пили чай. Флиер занимался в своём кабинете. Он остался неудовлетворённым своей записью двух мазурок и трудился над ними весь вечер в поте лица. Сделав перерыв в занятиях, он пришёл на кухню чего-нибудь выпить. Увидев меня, он очень обрадовался. Мы расцеловались по обыкновению. Посидели вместе за столом, поговорили о разном. Он, как всегда, расспрашивал меня о моём маленьком сыне, его «внуке», как он его называл шутя, о моих концертных делах. Я сказала, что всё хорошо, через два дня уезжаю в Польшу и Германию. Было довольно поздно, начало двенадцатого, я посчитала, что мне пора уходить, а ему, наверное, надо уже отдыхать. Но Флиер и не собирался этого делать, он хотел ещё позаниматься минут сорок, так как на следующий день предстояло дописывать последние несколько мазурок. И вдруг Любовь Николаевна предложила: «Яша, поиграй для Нины, я хочу, чтобы она послушала твои мазурки. Ведь тебе всегда так нравилось, как она их исполняет». «Нет, что ты, Любочка, я её боюсь», – ответил с мягкой улыбкой мой профессор, уже стоя полуоборотом в дверях и направляясь в кабинет. Я от души рассмеялась, потому что он сказал это так смешно и непосредственно, словно испуганный чем-то маленький мальчик.

Вот таким и остался он в моей памяти – несравненный учитель, дорогой друг и коллега, мой «музыкальный папа».

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне до слёз горько и обидно, что медицина в то время в России находилась на таком беспомощном уровне, что не могла спасти выдающегося человека от обычного инфаркта. В то же самое время на западе уже всю делали уникальнейшие операции на сердце.

Как трагично осознавать, что Яков Владимирович не дожил до этих счастливых дней, когда и для всех Российских граждан стало возможным свободно передвигаться по свету, лечиться за границей, приглашать иностранных специалистов в Россию.

Флиер умер в расцвете своего творческого потенциала. Сколько бы он мог ещё подарить прекрасных минут наслаждения музыкой, сделать великолепные записи, открыть новых талантливых исполнителей...

Была невероятно скорбная панихида в Большом Зале Консерватории. Я не помню, чтобы в подобной ситуации в зале собралось так много молодёжи.

И это не случайно, так как Флиер обладал особым даром общения с Юностью. И сам он, несмотря на возраст, оставался вечно молодым, как и его вдохновенное искусство, полное жизненной силы, красоты, любви.

Артур Штильман

1963 год – Конкурс в Будапеште. Счастливые новости

**Из книги воспоминаний «Москва,
в которой мы жили»**

(Продолжение. Начало в "Заметках по еврейской истории", № 19(122) и сл.)

то-то постепенно стало меняться. В начале 1963 года в коридоре Консерватории я встретил декана нашего факультета Асатура Григорьевича Григоряна. Он остановил меня и сразу перешёл к делу, предложив готовиться к международному Конкурсу в Будапеште, посвящённому композитору **Лео Вайнеру** (1885-1960) во время проходящих ещё двух конкурсов - виолончелистов в честь Пабло Казальса, и квартетистов – в рамках той же «Будапештской осени». Я задал вполне естественный вопрос: «Конечно же, я с радостью приму это приглашение, но ведь отборочное прослушивание может опять закончиться тем же, что и в прошлые годы?!» «Пусть это тебя не беспокоит. Всё будет в порядке», - заверил меня декан факультета. Я начинал понимать, что где-то «в верхах» было принято решение «ревизовать» накопившиеся кадры молодых музыкантов и распределить их по разным конкурсам – нам самим теперь выбирать не приходилось. Так я начал готовиться к конкурсу, несмотря на не очень звонкое название сыгравшего исключительно важную роль в моей музыкальной судьбе. Пусть хоть и в малой степени, но остатки хрущёвской оттепели ещё были живы и сыграли несомненно позитивную роль в нашей жизни. Ведь именно в это время на свет явился А.И.Солженицын со своими первыми произведениями в журнале «Новый мир». Именно в это время, хотя и с муками, но состоялась премьера 13-й Симфонии Шостаковича! Многие стало тогда возможным, даже при всём давлении и оставшихся от времени Сталина запретов, подозрений, «кампаний борьбы» - с

чем не важно, разгромных статей в газетах, а что-то всё-таки изменилось! Изменилось в самих людях, изменилось или стало меняться в жизни вообще – миллионы людей впервые за десятилетия, прошедшие с 1917 года стали переселяться в отдельные квартиры! Теперь их презрительно именуют «хрущобами», но продолжают в них жить – уже наверное четвёртое поколение. Эфемерные обещания Хрущёва жить всем вскорости при коммунизме, всё же обрели некоторый важный материальный смысл – люди стали жить в отдельных квартирах! Это казалось чудом после жизни поколений в кошмаре «коммуналок». (Здесь вспоминается эпизод, описанный в книге Натана Мильштейна «Из России на Запад» [совместно с Соломоном Волковым] - где Мильштейн описал разговор с Давидом Ойстрахом. Они часто встречались в Америке, так как были соучениками ещё в Одессе по классу П.С.Столярского. Давид Фёдорович пожаловался Мильштейну на то, что в Америке после концертов публика моментально садится в свои машины и тотчас все разъезжаются по домам. «А вот у нас в Москве публика ещё долго не расходится, стоит на улице, обсуждая снова и снова прошедший концерт». «А знаешь, почему они не расходятся?» - спросил Мильштейн. «Они не хотят возвращаться в свои «коммуналки!» Мильштейн был знаком с этим «жанром», так как покинул СССР только в 1925 году).

Наконец на литературном горизонте появились талантливые молодые писатели и поэты. На выступлениях в институтах и музеях Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной, Роберта Рождественского собиралось огромное количество молодёжи и публики всех возрастов. Сегодня кажется странным, что именно в последние годы правления Хрущёва всё как-то сразу, казалось внезапно «полевело». Но это был общий процесс развития литературы, музыки, театра и других искусств, который почти одновременно дал большой выход накопившейся творческой энергии. Один раз мы уже переживали подобную эйфорию – после Победы в 1945-м году. Теперь никому не хотелось верить, что этот климат может не сохраниться, что через несколько лет вновь начнут «закручивать гайки», как это уже случалось не раз. Не хотелось думать о перспективах, хотелось получать удовольствие от настоящего, обещавшего большую свободу и лучшую жизнь.

Мой рассказ Цыганову относительно предложения Григоряна принять участие в прослушивании к конкурсу в Будапеште заставил его на несколько секунд задуматься. Он

понимал, что если это действительно состоится, с него упадёт груз, столь тяготивший нас обоих все эти годы. С другой стороны он, как и я, прекрасно понимал, что едва ли мне предложат какой-нибудь ещё конкурс – аспирантура истекла осенью того же 1963 года. Задумался он, собственно, о другом. Предложение Григоряна преследовало иные цели, в которых тот сам был заинтересован. Его заботило положение его доброй знакомой на кафедре камерного ансамбля, профессором которой он был. У неё же не было ни доцентуры, ни особенных перспектив её получить. Конкурс в Будапеште был, пожалуй единственной возможностью помочь ей получить звание доцента и серьёзно укрепить позиции в Консерватории. То есть я, вместе с выбранной для этой цели пианисткой Ниной Кулешовой, должны были «представлять» её класс, хотя мы оба с будущей руководительницей даже не были знакомы. Вот это скорее всего и заставило Цыганова сразу оценить ситуацию – он по такому «раскладу» уже не имел никакого отношения к моим дальнейшим конкурсным делам. Естественно, что он не был *против* такого предложения, но, понятно, что и особого восторга у него оно также не вызывало.

Как бы то ни было, мы с ученицей проф. Л.Н.Оборина Ниной Кулешовой должны были теперь много месяцев работать вместе и постараться найти такой контакт, который позволил бы принести на эстраду лучшее, на что мы были способны в исполнении весьма специфической программы: шести Сонат для скрипки и фортепиано – от Баха до Бартока, включая, конечно Сонату **Лео Вайнера**, именем которого и назвали конкурс. Чем заслужил этот композитор такую честь – не знаю. Музыка его была добротной сделанной в соответствии с критериями австро-венгерской музыки конца 19 и начала 20 веков. Правда в программу вошли интереснейшие для нас Сонаты Бартока №2 и Соната Пала Кадоша – действительно удачное сочинение «бартоковской» школы композиции.

Пал Кадоша (1903-1983) был учеником **Золтана Кодаи** – друга и сподвижника **Белы Бартока**. Кадоша преподавал фортепиано в Музыкальной Академии им. Листа. Его учениками были: всемирно известный композитор Дьердь Лигети, пианисты Андраш Шиф, Золтан Кочиш, Дьердь Ранки. Он был организатором Международного конкурса им. Б. Бартока и Фестиваля музыки Бартока в Будапеште (1948). Ему принадлежат оперы, 5 кантат, 8 симфоний (1942-1968), 7 концертов для инструментов с оркестром, вокальные циклы и др. В описываемое время он был главой фортепианного отделения Будапештской Академии им.Ф.Листа.

Едва получив Сонату Кадоша мы быстро её выучили и я играл всё программу конкурса наизусть.

Василий Петрович Ширинский после первого прослушивания нашей программы на кафедре камерного ансамбля рассказал мне, что он играл в Москве публично в середине 20-х годов 1-ю и 2-ю Сонаты Бартока. 20-е годы в Москве, несмотря на убийственно тяжёлый быт, были «золотым веком» для исполнения современной музыки. До начала 30-х широко исполнялись камерные и симфонические произведения Хиндемита, Кшёнэка, Казеллы, Бартока, Кодаи, Стравинского, Шёнберга, Веберна, и, конечно, молодых тогда Прокофьева и Шостаковича. Кажется с тех пор никто не играл в Москве 2-ю Сонату Бель Бартока.

В какой-то мере бартоковский Концерт для скрипки был более классическим, как по форме, так и по своему языку. 2-я Соната была много сложнее, хотя была написана в 1923 году, а скрипичный Концерт в 1938-м. Работа над Сонатой была захватывающе интересной – необычная двухчастная форма хотя и не создавала особых трудностей, но как говорилось выше – сам её язык требовал определённого подхода. Передо мной было два пути: один путь **Жозефа Сигети***, одного из первых исполнителей и самого известного пропагандиста музыки Бартока на мировой концертной эстраде. Это был путь максимально точного следования тексту и особенно *темпам* во всех мельчайших деталях авторского письма. То есть Сигети не стремился сделать музыку Бартока более ясной или доступной для широкого круга слушателей. Он был замечательным стилистом, тонко

* **Жозеф Сигети** (1892-1973) - венгерский скрипач, ученик Йено Хубая, родился в Трансильвании в городе Сигет Марамарошский. Настоящее имя - Йошка Зингер. Всемирную славу как исполнитель получил благодаря интерпретации музыки современных композиторов: Бартока, Прокофьева, Берга, Блоха а также классических Сонат и Концертов для скрипки Бетховена, Мендельсона, Брамса. Сигети обладал большим артистизмом в передаче своих интерпретаций классики и современной музыки, обладая редким для скрипачей свойством – превосходным владением полифонической техникой, то есть особым умением передавать на скрипке многоголосные части Сонат Баха, каденции к скрипичным концертам и исполнению современных сочинений. Был первым западным артистом, выступившим в послереволюционной России в 1923 году – на последнем Съезде Советов в присутствии Ленина. Неоднократно гастролировал в СССР перед Второй мировой войной).

чувствовавшим музыку Генделя и Баха, романтиков и неоромантика Р.Штрауса, модернистскую литературу – Концерты Альбана Берга, Прокофьева, Шёнберга, Стравинского.

И всё же для нас второй путь истолкования музыки Бартока оставался более привлекательным – стараться раскрыть смысл бартоковских идей с его мульти ритмическими структурами народной музыки венгров (испытавшей воздействие народной музыки болгаро-турецкой, стран Ближнего Востока и даже арабской) наиболее ясным и понятным образом.

Как выяснилось позднее, венгры были склонны к первому пути истолкования музыки великого композитора, в то же время относясь гораздо более свободно к интерпретации музыки Бетховена, что считалось в Москве тех лет весьма несолидным и несерьёзным подходом к бетховенской стилистике.

Так что уже на раннем этапе подготовки мы столкнулись с проблемами более необычными и трудными, чем, быть может, при подготовке чисто сольной конкурсной программы.

Нина Кулешова договорилась с профессором Обориным, чтобы он прослушал наше исполнение Сонаты Бетховена №7, включённой в программу конкурса. Посещение класса Оборина было для меня необычным и потому хорошо запомнилось. Когда мы пришли, профессор занимался с молодым студентом Д. Сахаровым. Я его хорошо помнил ещё по ЦМШ. Это был высокоодарённый пианист, тонкий музыкант. Он почему-то в тот день очень волновался, хотя играл в классе, а не эстраде Малого зала. Мне казалось, что он испытывал за клавиатурой какое-то физическое неудобство. Было непонятно, чем это вызвано, потому что его музыкантский талант был совершенно очевиден.

После него играл пианист Г.Сирота. Вот тут Лев Николаевич был, что называется в ударе. В Прелюдии Шопена он нарисовал своему студенту образ композитора, прогуливавшегося по «набережной букинистов» в Париже. Образ, созданный воображением Оборина, был настолько живым, что действительно преобразил игру его студента. Наконец Лев Николаевич встал, подошёл к нам, поздоровался и предложил сыграть Сонату Бетховена № 7 от начала до конца. Примерно в это же время или немного ранее, он с Д.Ф.Ойстрахом записал на пластинки весь бетховенский цикл из десяти Сонат для фортепиано и скрипки. Так что слушал он, как казалось тогда, с неподдельным интересом. После окончания нашего исполнения он сам сел за рояль и предложил сыграть теперь с ним. Я не предполагал, что он захочет сыграть *всю* Сонату, но именно это и произошло. Он играл с большим подъёмом, а его необыкновенный фортепианный звук –

тон – напоминал мне каждой своей нотой отточенные бильярдные шары, круглые и блестящие, точно падающие в лузу. Не знаю почему, но именно такое сравнение явилось в моём воображении.

Оборин обладал не только звуком удивительной красоты, но и замечательным художественным ритмом – именно Бетховенским ритмом! Каждая ритмическая фигура была не схоластически точной, а именно художественно точной. Всё ложилось в его исполнении совершенно естественно – один эпизод плавно и переходил в другой. В первой части в переходе к репризе он предложил – вернее сыграл сам – такое пианиссимо в начале «ложной репризы», что это создавало совершенно новое чувство формы всей первой части. Это трудно описать словами, но его колористическое мастерство было поразительным и необыкновенно вдохновляющим. Одним словом Лев Николаевич при «госте», то есть в моём присутствии – нового человека в его классе – был необычайно оживлён, обаятелен, любезен и открыл для меня и для нас обоих массу интересных и ценнейших идей, которые предстояло теперь претворить в реальное исполнение. Я горячо его поблагодарил за удовольствие играть вместе с ним. Вдруг он меня неожиданно спросил: «Я очень громко играю? Знаете ли, Ойстрах всегда мне говорит: «Смотри, какая у меня маленькая скрипка, а рояль ведь такой большой!» Он всегда просит меня играть потише, но ведь это... ансамбль, конечно...В общем я стараюсь всегда помнить его пожелание, но иногда получается может быть и громко?» Я на это деликатно промолчал и ещё раз поблагодарив, мы покинули его класс.

Мне предстояло встретить ещё одного замечательного музыканта - ассистента Оборина **Бориса Яковлевича Землянского**. Я уже знал от нескольких близких друзей Владимира Ашкенази, что именно Борис Яковлевич вдохнул в него энтузиазм, позволивший, во-первых, принять участие во Втором Конкурсе им. Чайковского, и во-вторых, что было самым главным – сумел вызвать такой же энтузиазм Ашкенази в отношении **Концерта Чайковского**, без исполнения которого участие в Конкурсе было вообще невозможным. А принять участие в нём Володе Ашкенази было необходимо – не было тогда ни одного участника от Советского Союза, который мог бы претендовать на первую премию. Да и самому Ашкенази это участие было не менее необходимо из-за серьёзных осложнений с властями после его первой поездки в США. Факт, что Ашкенази, кажется, никогда после Конкурса 1962 года больше не играл 1-й Концерт Чайковского, говорил и том, что этот Концерт, при всём своём величии по каким-то причинам не был его любимой

«чашкой чая», как говорят американцы. Поэтому роль Б.Я.Землянского в той эпопее была исключительно важной и вероятно решающей.

С Борисом Яковлевичем мы позднее подружились, он навещал меня неоднократно, слушая каждый раз запись Концерта Паганини в исполнении Фрица Крейсlera и Филадельфийского оркестра. Эта запись производила на него совершенно экстраординарное впечатление. Но в начале нашего знакомства он подарил столько идей в интерпретации Сонаты № 2 для скрипки и ф-но Прокофьева, что это было особо отмечено уже на Конкурсе в Будапеште самим Жозефом Сигети

Так часто происходит в жизни: замечательный музыкант щедро дарит свои идеи, неизмеримо поднимающие уровень интерпретации исполнителей, а сам остаётся в тени, «за кадром». Нельзя сказать, что Борис Яковлевич жил в Москве в неизвестности, но когда он сам садился за рояль, мне было очень грустно, что он не выступал перед публикой. В его игре было что-то от С.Рихтера – в самом лучшем и важном в пианистическом и музыкальном плане и даже в масштабе исполнительской манеры. Словом, знакомство с таким музыкантом было подарком судьбы. Так проходила наша подготовка к столь необычному конкурсу. Как видит читатель, наша руководительница принимала в этом процессе весьма, так сказать, «опосредованное участие». Самое ценное в этом сотрудничестве было то, что она не мешала действительно серьёзной работе. Вообще говоря, она была милым человеком, и после конкурса мы много лет поддерживали с ней добрые человеческие отношения.

В отборочном прослушивании, как потом и в Конкурсе, принимала участие ещё одна пара молодых исполнителей - наших коллег-студентов - Александра Гельфата и Алексея Черкасова. Последний стал позднее известным солистом, а Саша Гельфат был многолетним участником Камерного оркестра «Московские звёзды» под руководством В.Спивакова, много лет работал в этом ансамбле в Испании и, кажется, так там и остался после возвращения части ансамбля в Москву.

Как и было сказано мне Григоряном – мы, обе пары исполнителей - прошли на отборочном прослушивании на международный конкурс без малейших проблем. Правда нужно отметить, что вместо Анастасьева заведующим отделом международных конкурсов, а вскоре и директором Госконцерта стал В.А.Бони. С его приходом радикально изменилась вся атмосфера в деле отборов, подготовки и участия молодых

исполнителей в международных соревнованиях. Мне казалось, что то ли назначение Бони стало символом перемен, то ли сам Венедикт Александрович создавал эту новую атмосферу (а возможно, что одно дополняло другое), но ситуация действительно разительно отличалась от той, которая была ещё год-два назад.

(Перебирая в памяти события тех лет, с грустью видишь, что главное место в нашей жизни и работе занимали международные конкурсы, а не музыка, как таковая. В этом отношении наши молодые американские коллеги, да и музыкальная молодёжь Европы развивались значительно гармоничнее: они играли много камерной музыки, в том числе русской и советской, осваивали квартетный, камерный, симфонический и оперный репертуар, правда платили [в Америке] огромные деньги за своё образование, но действительно жили в большей гармонии с музыкой чем мы – счастливы с бесплатным образованием, превосходными педагогами, но постоянно думавших только об одной цели – участии в международных конкурсах, открывавших иные перспективы в жизни и работе. Если кто-то из нашего поколения будет клясться, что **не все** так думали и чувствовали, то это могло быть лишь от недостаточных творческих и жизненных амбиций и сниженном честолюбии. В большинстве случаев это было именно так, как описано здесь)

В начале сентября 1959 года я шёл по Брюсовскому переулку, в котором так часто случайно встречались студенты-соученики. Шёл я тогда из Консерватории к своему другу Толе Агамирову на Дмитровку, чтобы навестить его и поговорить немного о текущих делах.

Навстречу мне шли две девушки, явно новые студентки Консерватории. Обе были не только красивыми, но и очень элегантными. Они были одеты как-то совершенно по-иному, непохоже на большинство студенток Консерватории. А может быть просто умели носить одежду так, что на них всё казалось элегантным. Одна была блондинкой, в отличном тёмно-синем пальто, другая – шатенкой, одетой так же элегантно – в красиво сидящем на ней серо-зеленоватом пальто и светло серой маленькой шляпе-котелке. Обе обращали на себя внимание – чем-то неуловимым они напоминали молодых актрис французских фильмов. Вопреки моему обычаю – никогда не оборачиваться на проходящих девушек – я всё же обернулся. Оказалось, что и шли они тоже необычно – ровно держа спину, не сутулясь (как потом выяснилось, я сразу правильно угадал в них пианисток). Да, что-то

действительно их отличало от окружающих. Я даже подумал, что они, быть может, иностранные студентки.

Через месяца два я познакомился с блондинкой. Она в то время встречалась с одним из моих приятелей, и мы попали даже как-то в одну компанию. Звали её Галя Смычникова. Мы стали с ней добрыми друзьями. Галя Смычникова даже как-то играла со мной несколько раз, проявив себя на эстраде чуткой партнёршей – спокойной и уравновешенной.

Мы оставались друзьями (и остались до сего дня!), а весной 1962 года я попросил её познакомить меня с её подругой – той самой шатенкой, шедшей с Галей осенью 1959 года. Звали её Таня Поташко. Очень скоро после нашего знакомства мы решили, что будем вместе, как только закончится будапештский конкурс. Мы поженились 25-го декабря 1963 года. По случайному совпадению этот день – западное Рождество. С тех пор – скоро уже 50 лет – как мы вместе. Мне кажется, что несмотря на многие жизненные сложности никто из нас обоих никогда не пожалел о принятом тогда совместном решении. Пожалуй, это правда, что браки заключаются на небесах...

Лето 1963-го - моего последнего аспирантского года мы снова провели на даче в Отдыхе. Теперь уже с моей будущей женой. Мы проводили время, слушая коллекцию джазовой музыки, записи Крейсера, Рахманинова, Шаляпина, Джили, Хейфеца, Менухина, Горовица, – коллекцию, собранную мной за десять лет. Гуляли по нашим, теперь уже обще-любимым сосновым аллеям Отдыха и Кратово. Но с августа месяца эта идиллия должна была закончиться – надо было возвращаться в город для репетиций к конкурсу, который начинался в начале октября. В августе же произошло совершенно удивительное событие – стало известно, что Владимир Ашкенази остался на Западе и отказался возвращаться с женой и сыном обратно в СССР. Нина Кулешова рассказала, что Святослав Рихтер (!) звонил Ашкенази и старался его уговорить вернуться обратно. Тогда для такого решения нужна была потрясающе сильная воля хотя бы одного из супругов – Ашкенази или его жены, так как всё же в Москве оставались родители пианиста, его сестра и другие родственники. Хотя это были уже не сталинские времена, но полностью «вегетарианскими» не стали. Вмешательство Королевы Елизаветы Бельгийской и её звонок Хрущёву к счастью разрядили опасную ситуацию для оставшихся в Москве и также уберегли самого пианиста от лишения гражданства. Он честно много лет строго соблюдал молчание и не высказывался ни на какие политические

темы. Сегодня, да и тогда казалось, что без сильнейшей моральной поддержки жены Ашкенази – исландской пианистки Торун (Доди) Софии Трюгвасон это решение было бы невозможным. (История эта хорошо и подробно описана в книге самого Владимира Ашкенази).

В середине сентября следовало сыграть всю программу в Малом зале Консерватории. Программа вполне уместилась в двух концертах. На этих выступлениях присутствовал В.А.Бони, особо отметив исполнение Сонат Кадоша и Бартока.

Теперь казалось, что все волнения, связанные с подготовкой к конкурсу остались в Москве, но на меня начал давить, как-то неожиданно пришедший страх – страх перед границей! С раннего детства мы чувствовали себя защищёнными и спокойными - с нашими родителями - в городе, где все мы родились. Теперь нужно было ехать *за границу* для выступлений *там*, чтобы доказать *здесь*, что все мы, участники конкурса чего-то стоим! Это была какая-то абсурдная ситуация, но ежедневная пропаганда в течение всей нашей жизни – пропаганда недоверия и страха перед Западом неожиданно начала играть в моём сознании какую-то странную психологическую роль.

Конечно, после страшной войны и великой Победы во всех нас было развито чувство надёжности нашего существования только дома, в Москве, в СССР! Мне уже исполнилось к этому времени 28 лет, и такие детские страхи, пришедшие так неожиданно и в последний момент перед отъездом, теперь стали на меня действовать так, что хотелось вообще остаться дома, никуда не двигаться, послать все конкурсы куда подальше и забыть о них...

Никто о моих страхах даже не догадывался – ни моя будущая жена, ни родители, ни несколько ближайших друзей. Как-то я всё же справился с этими детскими страхами перед неизведанным. Возможно, что приходили воспоминания о Риге, единственном европейском городе, где мне довелось побывать. Там я действительно не чувствовал себя дома.

Настал день отъезда. 5 октября 1963 года. Вечером наш поезд отошёл от Киевского вокзала, оставив на перроне родных и близких, пришедших со своими напутствиями и пожеланиями успехов в Будапеште. Мы все очень устали и вскоре завалились спать. Утром ненадолго проснулись, пока стояли в Киеве, но потом уснули снова.

Днём я пытался позаниматься на скрипке, но из этого ничего не вышло – инерция движения не давала возможности ощущать нормальное соприкосновение смычка со струной – его

куда-то всё время относило. Конечно я надел на скрипку самую сильную сурдину, чтобы не беспокоить соседнее купе. Через минут двадцать я отказался от всяких попыток заниматься в вагоне. Наверное это было к лучшему – следовало сделать небольшой перерыв перед главными событиями, которые должны были наступить в ближайшие дни – первый тур начинался 10 октября, а поезд приходил в Будапешт 7-го около полудня.

Глубокой ночью, почти во сне, мы отдали свои паспорта для проверки советским пограничникам на станции Чоп. После возвращения паспортов мы тут же уснули и уже во сне чувствовали, как наш вагон переставляют на другие, европейские колёсные тележки. Венгерские пограничники вообще не появились.

Утром за окном уже была граница!

Трудно описать это первое впечатление. Поля, дороги, вдоль которых высажены высокие тополи, аккуратные и добротные крестьянские дома, снующие по шоссе, параллельному нашему пути «Москвичи», «Победы» и «Трабанты» - всё было другим, совершенно непохожим на привычные пейзажи России, Украины, Крыма. Выйдя в коридор я увидел у окна Алика Черкасова и Сашу Гельфата, оживлённо беседовавших с генералом. Мы также с ним познакомились. Звали его Михаил Васильевич, он был уже немолодым. Он нас научил венгерским приветствиям, рассказал, где находится Музыкальная Академия, советское Посольство и... синагога! Почему он заговорил о синагоге? Алик Черкасов, Нина Кулешова никак не походили на людей, интересующихся местонахождением синагоги. Его дальнейший рассказ о городе был очень интересным. Чувствовалось, что он любит Будапешт и его культуру. Он ни словом не обмолвился о венгерском восстании 1956 года, хотя возможно и сам принимал участие в его подавлении.

Утром позавтракали тем, что захватили из Москвы. Денег у нас не было, а рубли в вагон-ресторане уже не принимали – Венгрия!

Мы подъезжали к Будапешту. Улицы предместий были довольно оживленными: грузовики, повозки, запряжённые крупными лошадьми, прилично одетые люди, куда-то спешившие. Поезд шёл всё медленнее, жилые дома обступали нас всё теснее и наконец мы причалили к перрону восточного вокзала – Келети. На перроне нас встречали А.Г.Григорян и Л.С. Гинзбург. Великий момент – мы должны ступить на землю страны, в которой никогда не были и о которой почти не имели представления.

Мы сели в такси, проехав не более полукилометра по главному радиальному проспекту имени Ракоци и остановились у отеля «Метрополь», где нам предстояло жить в течение всего конкурса. Это была приличная и чистая гостиница, но без туалетов и душевых в комнатах. «Удобства» были хотя и не во дворе, но всё же в коридоре – общими. Вероятно там были и нормальные номера со всеми удобствами (о чём можно было догадаться по довольно большому количеству живущих там югославы, итальянцев, немцев и даже говорящих по-английски – кем они были, мы не знали), но это было не для нас.

Фото начала 1960-х. Таким мы увидели проспект Ракоци, ведущий к Дунаю. Справа, немного дальше дома с башней был наш отель «Метрополь»

Сегодня на проспекте Ракоци можно редко увидеть прохожих. Нет магазинов, витрины пусты или разбиты. Город брошен.

Едва разместившись, мы вышли в холл отеля, где встретили нашу переводчицу – даму скорее стареющую, нежели средних лет. Она оказалась словачкой, родившейся и живущей в Венгрии. Это было первое открытие – оказалось, что Венгрия состоит и из словаков, и из австрийцев, и из гуцулов, цыган, чехов, сербов и собственно венгров. Мы тогда ничего не знали о катастрофе, постигшей венгерских евреев во время войны – 450 тысяч было депортировано в Освенцим.

С нашей переводчицей мы перешли на другую сторону Большого бульвара – шедшего направо и налево от пересечения с

проспектом Ракоци. Зайдя в угловое кафе «Эмкэ» мы выпили по крохотной чашечке кофе и вскоре я и мои коллеги стали испытывать такое сердцебиение, которое ясно говорило о том, что действительно настоящего кофе мы никогда в жизни не пробовали и что оно совсем небезопасно. Ещё в Москве меня инструктировал мой в ту пору близкий приятель – скрипач Игорь Попков, член оркестра Баршая: «Приедешь – не смотри на витрины! Начнёшь смотреть – забудешь обо всём! Не отвлекайся! Когда сыграешь и всё закончишь, тогда и осваивай город, а до того – только в свой класс – репетировать. Обедать. Отдыхать. Сосредоточься на главном. Не отвлекайся! Это опасно». Всё это были очень ценные советы человека, уже побывавшего в Венгрии и других странах. Я старался следовать им, но куда там! Витрины *вопили* о таком немыслимом в Москве изобилии, которого мы не могли себе представить! Колбасы, сыры, вина, овощи, фрукты, а лимоны, оказалось, продавались на килограммы. Изобилие яблок на уличных лотках. Трудно было верить своим глазам! Что до витрин магазинов одежды, обуви, пальто, сумок, портфелей и т.д. , то казалось, что мы вообще находимся на другой планете! (На обратном пути в отель, мы остались одни и недалеко от отеля Алик Черкасов остановился потрясённый у витрины продуктового магазина. «По-моему, *это* и есть настоящий социализм», - тихо произнёс он).

Здание Музыкальной Академии им. Листа, где проходил наш конкурс. 3-е от угла окно 3-го этажа - рядом с колонной – выходило из нашего класса

Наконец мы пришли в Музыкальную Академию, где нам дали номера наших классов, в которых нам предстояло репетировать. Наш класс был № 21– тоже на третьем этаже, как в Московской Консерватории. На следующий день вечером – мы получили получасовую репетицию в зале, где предстояло играть.

На утро 8-го октября была назначена жеребьёвка, а через день – 10-го начинался первый тур. То есть времени было в обрез.

Утром мы снова пришли в Академию, и в одном из холлов второго этажа началась жеребьёвка. Строго говоря, никакой жеребьёвки вообще не было. Моя фамилия на букву «S» была последней в списке. Другие участники с более «поздними» буквами не приехали в Будапешт. Кто-то сказал, что именно я, как последний в списке участников должен тянуть первым свой жребий, а после никакой жеребьёвки не будет – все будут идти по алфавиту с буквы «A» и далее. Почему начали с меня? Почему с конца? Я был психологически готов к любой ситуации, имея уже в активе опыт своего участия в московских конкурсах и знал, что столкновение интересов, тем более на конкурсе международном может привести к совершенно неожиданным ситуациям.

Холл перед входом в зрительный зал, где происходила жеребьёвка

Так оно и произошло. Меня попросили подойти к огромной вазе с опущенными туда скрученными бумажками и вытянуть одну из них. Я вынул бумажку и не был удивлён – на ней стояла цифра «1»! У меня даже появилась мысль, что все бумажки скорее всего были с одним этим номером – слишком уж мала была вероятность вытащить именно первый номер. Я улыбнулся и показал номер «1» всем присутствующим – по кругу.

Не нужно объяснять, что положение играющего на конкурсе первым номером очень невыгодно. Первый участник часто забывается, и тем не менее обсуждение начинается именно с него! А потому нужно было сразу заявить о себе так, чтобы выступление не забылось, и чтобы установить этим открытием первого тура, да и всего Конкурса определённый и высокий стандарт, по которому жюри *пришлось бы* определять уровень последующих участников конкурса. Что и говорить – задача была не из лёгких. И главное – в первом туре исполнялись: Соната

И.С.Баха си-минор и Соната Лео Вейнера. Всё было достаточно хорошо приготовлено, но ведь артистическое выступление – всегда лотерея и никогда нельзя быть уверенным в том, что всё сделанное, обыгранное многократно в других концертных залах, в этом единственном выступлении будет на самом высоком уровне.

Мы занимались вместе и порознь весь день, а поздно вечером – уже около 11-и - после концерта какого-то французского квартета, имели лишь 30 минут на всю программу. Квартет не желал уходить после концерта, так как тут же началось их радио-интервью. Я решил не обращать никакого внимания на происходящее и мы начали репетицию. Только минут через 10-15 «намёк» был понят и квартет с радиооператорами освободили нас от своего присутствия.

Необычной оказалась акустика концертного зала. Он был меньше Большого зала Консерватории и гораздо больше её Малого зала. При полной силе звучания не было ощущения, что звук распространяется равномерно по всему залу, зато тончайшие пианиссимо были слышны со сцены совершенно идеально! Выяснилось и ещё одно коварное качество этого зала: необычайная сухость воздуха и достаточно высокая его температура создавали эффект «склеивания» канифоли на волосе смычка во время игры.

Большой зал Музыкальной Академии им. Листа,
где проходил наш конкурс

Всё это предстояло преодолеть с помощью различных приёмов: динамически не следовало себя ограничивать какими-либо рамками – от самого полного звучания, до самого затаённого. Канифоль на смычке должна была быть свежей, то есть игранной не более нескольких минут перед выходом на эстраду. В

общем, мы вышли в агрессивном настроении и с уверенностью в своих силах, чтобы проявить максимальную исполнительскую волю и заставить себя слушать, несмотря даже на возможное несогласие членов жюри с некоторыми темпами или агогическим отклонениями.

В день первого тура Нина ушла заниматься в Академию сразу после завтрака, а я решил разыграть в отеле, а потом взять такси и ехать прямо к началу, чтобы меньше быть за кулисами до выступления. Я остановил такси у отеля – это был «Москвич» выпуска начала 1960 годов. Шофёром была женщина. Едва назвал ей адрес Академии, как она заговорила со мной по-русски, успев за короткий путь рассказать свою историю. В войну её угнали немцы с Украины в Германию. Там она с трудом дотянула до конца войны. Встретила в Германии венгра. Они поженились, и им удалось приехать в Венгрию. Я спросил её, довольна ли она жизнью в Венгрии? Ответ был примечательным: «Довольна-недовольна, а всё лучше, чем на Украине. Сестра приезжала, плакала, плохо живут, голодно. А мне их жалко, да только кто их сюда отпустит? Ну, ладно, желаю тебе успеха!» Таким был пролог к выступлению на первом туре.

Выйдя на сцену, я обвёл взглядом публику. Все были хорошо и со вкусом одеты, было много молодёжи, а лица старшего поколения выглядели очень серьёзными.

В Сонате Баха, как казалось со сцены, мы полностью заставили себя слушать – как публику, так и членов жюри. Все тончайшие детали исполнения были выявлены и доведены до слушателей в том виде, в каком это было задумано. Далее оставались лишь две части из четырёх в Сонате Вайнера – она шла более сорока минут, и жюри решило дать на выбор участникам сыграть первые две части, или две последних. Сыграв с подъёмом две первых, мы, как казалось, успешно завершили своё выступление.

После выступления к нам в класс пришёл главный переводчик конкурса – Иштван Понго. Его в Будапеште хорошо знали все венгры, кто был хоть как-то связан с русским языком. Он работал в венгерском Министерстве иностранных дел.

Иштван сказал, что он сидел рядом с Сигети, и что тот восторгался тончайшими деталями смычковой техники, как принято говорить у скрипачей – «отличными штрихами». «Он просил передать вам свои лучшие пожелания и свой респект в связи с таким особенным исполнением Баха». Я поблагодарил Иштвана за такую приятную новость, и заметил, что когда нужно

будет «платить по счёту, то есть дойдёт дело до распределения премий, он пожалуй ещё пожалеет о своём таком благородном порыве». Иштван всё понял, и заметил, что конечно же борьба будет тяжёлой, что это всегда и на всех конкурсах, но что Сигети тем не менее вряд ли кому-нибудь ещё будет делать такие комплименты, которые он был рад мне передать. Когда Иштван вышел, Нина осыпала меня упрёками сказав, вполне впрочем справедливо, что такие глупости можно говорить только на очень голодный желудок, и никто меня не тянул за язык всё это говорить Иштвану. Это было совершенно правильно, но я, наученный горьким опытом, теперь перестал доверять всем. Хотя Иштван действительно почему-то проникся ко мне симпатией.

На следующее утро он повёз нас на метро на площадь Тысячелетия Венгрии – Миллениум - она также называется площадью Героев (это была старейшая в Европе линия метро, проложенная ещё при Франце Иосифе и даже с деревянными вагонами тех лет). Иштван блестяще говорил по-русски, и я его, конечно же спросил - где он учился? Его ответ был кратким: «В плену! Я был в плену в России четыре года и вот видишь – научился неплохо!» Вероятно, он после войны и плена всё же действительно учился, но русским он владел великолепно. Иштван рассказал нам о каждом Венгерском короле в галерее скульптур, расположенных полукругом около центральной колонны и статуи короля Арпада, основателя Венгрии.

Площадь Тысячелетия Венгрии, также называющаяся
Площадью Героев

Площадь, несмотря на плохую погоду выглядела очень красивой. На ней же располагается слева от Миллениума Музей изобразительных искусств, посетить который у нас не было ни времени, ни сил. Справа находился выставочный зал, а прямо за

монументом небольшой мост, ведущий в городской парк – Варошлигет. Туда нас также привёл Иштван, рассказав о нескольких скульптурах во дворе «старинного» замка, который был построен в начале XX века. Вскоре мы вернулись в Академию для продолжения занятий.

В тот же вечер мы неожиданно получили приглашение в Национальный Театр на трилогию Белы Бартока: балет «Деревянный принц», оперу «Замок герцога «Синяя Борода», и его же всемирно известный шедевр – балет «Чудесный Мандарин». Это было совершенно неожиданно, но мы решили немедленно идти, так как до начала спектакля оставалось только 30 минут. Результаты первого тура могли быть известны только на следующий день вечером. Так что можно было отправиться в театр с чистой совестью – такую возможность нельзя было упустить.

То, что мы увидели и услышали в тот вечер не могло быть сравнимо с чем бы то ни было, виденным нами до того дня. Только музыка первого балета Бартока «Деревянный принц» (1917 г.) не выходила за рамки некоторого подражания Дебюсси – так мне тогда показалось. Зато опера «Замок герцога «Синяя борода» произвела ошеломляющее впечатление. История Синей Бороды хорошо известна по старой сказке Шарля Перро. Писатель, драматург, кино-либреттист и поэт Бела Балаж написал в 1911 году пьесу в стихах того же названия, что и сказка Перро (первоначально либретто было написано для друга и сподвижника Бартока Золтана Кодан). Пьеса Балажа произвела на Бартока такое впечатление, что он сразу же попросил её для работы над оперой (начало -1911 год, премьера в переработанной и окончательной редакции – 1918 год). В этой опере стиль Бартока полностью сложился и оркестровка партитуры была одним из лучших примеров блестящего колористического мастерства композитора, превосходно переданного оркестром Оперы. Дирижировал в тот вечер Янош Ференчик – музыкант с европейским именем. Очень хорошо звучали голоса «Синей Бороды» и его последней жены Юдит.

Сегодня всё это можно видеть и слышать даже не выходя из дома – на Интернете прочитать всё об опере, композиторе, либреттисте, да и послушать саму оперу не представляет проблемы – «Амазон» к услугам всего мира. А тогда...Тогда только личное присутствие на таком необыкновенном и уникальном для советских музыкантов событии могло дать реальное представление о современном искусстве модернистского театра – хотя строго говоря это был неустаревающий модерн 1918

года! Невероятно, но эта музыка осталась такой же свежей и современной в наши дни.

Эскиз к первой постановке оперы Бартока «Замок герцога «Синяя борода», 1915 г.

Несколько слов об опере. Современные музыковеды и искусствоведы называют это сочинение примером экспрессионизма.

Начинается действие: на сцене – мрачный зал, напоминающий подземелье. Неожиданно из задней стены вырывается сноп яркого света, на фоне которого две неясные фигуры. Это входят в замок герцог Синяя борода и его новая жена Юдит. Она спрашивает хозяина, почему в замке так темно и сыро? И что за странные кованые двери – их всего семь. Юдит настаивает показать ей всё, что находится за каждой дверью – она чувствует себя в праве настаивать на этом – ведь она полюбила рыцаря и пожертвовала ради него всем, что у неё было: женихом, родителями, братом...

Раздаются зловещие звуки тяжёлых стонков. «Что-то стонет... Камни стонут. Ответь мне, рыцарь! Дом страха...» говорит Юдит. Она уговаривает герцога открыть первую дверь. Оттуда вырывается багрово-красный луч света. Внутри страшная картина: орудия пыток, а на них следы крови. «Это моя любимая камера пыток – везде следы крови» - говорит герцог. «Зачем тебе знать, что за дверьми?» - снова спрашивает герцог Юдит. «Потому, что я тебя люблю». «Будь осторожна, Юдит. Это **мой** замок». Герцог даёт понять, что знание тайн дверей небезопасно и он не хочет подвергать опасности молодую жену. За второй дверью - арсенал оружия, но и там на всём видны следы крови. Юдит открывает третью дверь – за ней горы сокровищ – золото, бриллианты, жемчуг, но что это? На каждой драгоценности снова видны следы крови! За четвёртой дверью, наконец, с балкона

открывается вид на сад. «Это тайный сад мой», - говорит герцог. Розы, белые лилии, кроны деревьев, но на всём росинки крови. Теперь уже герцог говорит: «Ни о чём не спрашивай, Юдит. Открой же пятую дверь!» Яркий свет проникает в замок, освещая всё внутри. Перед Юдит расстилаются просторы лугов, полей, долин и лесов. «Это моё королевство. Всё дарую тебе, Юдит! Забудь только о двух последних дверях». Музыка звучит торжественно, широко, она сама, кажется, рисует привольную природу, расстилающуюся за этой дверью. Это единственный мажорный эпизод во всей опере, поэтому он запоминается как сияющее, яркое пятно на всём мрачном фоне остального действия. У шестой двери Юдит неожиданно спрашивает: «Кого ты любил до меня? Я хочу знать всё!» Юдит – не жертва обстоятельств, она сама выбрала свою судьбу и потому настойчиво требует от герцога открыть все двери.

За шестой дверью Юдит видит странную картину - озеро, как будто застывшей воды. «Это слёзы, Юдит, слёзы...» Это – озеро слёз. Но и оно имеет багровый оттенок. Разгадка – за седьмой дверью. Теперь Юдит охватывает страх. Она очень осторожно открывает последнюю, седьмую дверь. Юдит отпрянула назад, а из дверей медленно выходят три женщины. Лица их скрывают маски, на голове каждой – корона, на плечах парчовый плащ. Безжизненные фигуры действительно наводят страх. Это бывшие жёны Синей бороды. «На рассвете нашёл я первую и ей принадлежит каждый рассвет» - обращается герцог к Юдит. «В полдень нашёл я вторую и ей принадлежит каждый полдень», - продолжает он. «Третью я нашёл вечером, мирным тёмным вечером. Ей принадлежит каждый вечер». Герцог венчает голову Юдит алмазной короной, а женщины накидывают на её плечи такой же парчовый плащ, как и на них. «Не надо, Синяя борода, не надо!» - просит Юдит. «Четвёртую я нашёл ночью, звёздной чёрной ночью... Теперь твоей будет каждая ночь, твоей - моё самое главное сокровище». Женщины уведут Юдит с собой. За ними закрывается седьмая дверь. Всё снова погружается во тьму. Так заканчивается опера.

В зале зажётся свет. Мы вернулись из мрачной сказки в реальный мир. Это был огромный контраст с первой частью трилогии – балетом «Деревянный принц». Мы не сразу могли начать обмениваться мнениями – некоторое время сидели в задумчивости. Никогда ничего подобного этому спектаклю мы не видели раньше, не слышали этой музыки и не испытывали подобных ощущений. Всё это нужно было как-то осознать,

«переварить» и попытаться понять – в чём же заключено волшебство мрачной драмы – в музыке, изумительно оркестрованной, в музыке, написанной в непривычной ладопентатонической системе, в сценическом оформлении спектакля или в мастерстве исполнителей? Конечно – это был синтез всех компонентов художественного творчества, но жизненно-достоверной эту мрачную сказку делала всё же музыка Бельи Бартока.

Вполне логично пришла в голову мысль: «Ну, хорошо. Мы всё же знакомы хотя бы с рядом сочинений Бартока, и на нас тем не менее это произвело такое впечатление. Может ли, например московская публика вообще это как-то осознать или попытаться понять?»

Забегая вперёд: в 1971 году Венгерская опера привезла в Москву эту трилогию и моя жена видела её на сцене Большого театра. Но... это была уже иная постановка! И опера, и балет «Чудесный мандарин» были совсем другими, не такими, о которых я в деталях рассказывал жене после приезда в Москву в 63-м году. Публика, кажется, на музыку Бартока реагировала спокойно, никаких эксцессов непонимания или недовольства не было. Потом, уже в 70-е годы «Синюю бороду» поставили в Большом театре. Дирижировал тот же, слегка постаревший Янош Ференчик. И хотя пели Е.Нестеренко и Е.Образцова – весь спектакль был бледной тенью того незабываемого, увиденного в октябре 1963-го в Будапеште. Не лучше он был и в Метрополитен опере в конце 80-х годов. Венгры знали какие-то волшебные приёмы, делавшие эту оперу тем, чем она была на сцене Будапешта.

Итак, последним в тот вечер шёл балет «Чудесный мандарин». Это сочинение, оконченное в 1924 году, два года не видело рампы из-за её сюжета. После первого спектакля в Кёльне балет был запрещён. Только сенсационная премьера в Праге дала толчок к всемирной славе этого балета. Его сюжет можно назвать криминально-эротическим. Та постановка была сделана в 1956 году Дьюлой Харангозо. Партию Мандарина исполнял солист Венгерского национального балета Виктор Рона, партию Девушки – Вера Жумрак.

Вот примерно то, что происходит в балете (либретто Мельхиора Лендьела).

Три апаха с помощью девушки заманивают с улицы в мрачную комнату подходящих для грабежа прохожих. Для этого девушка выходит на балкон и там на виду у намеченного

«клиента» начинает выполнять некоторые движения, дающие понять о её профессии и её цели – привлечения клиентов. На деле это происходило так: когда клиент поднимался по лестнице с улицы, его встречала девушка. За тремя ширмами находились её приятели – бандиты. Высовывавшиеся из-за ширм руки руководили действиями девушки, они указывали ей направление и характер её действий. В нужный момент бандиты выбегали из-за ширм, хватали доверчивого клиента, и, ограбив, сбрасывали его в люк, находившийся в полу в центре сцены. Первым туда спустили пожилого повесу; следом отправили наивного юношу и теперь девушка с балкона увидела очень необычного для большого города клиента – китайского Мандарина.

Сцена из балета «Чудесный Мандарин». Мандарин - Виктор Рона ,
Девушка - Вера Жумрак. 1963 г.

Когда Мандарин поднялся по лестнице и остановился перед дверью, на ярко освещённом жёлтом фоне дверного стекла появился и застыл его силуэт. Это «появление до появления» сопровождается музыкой необычной громкости, как бы давая понять о сверхчеловеческой силе Мандарина.

Невероятные глиссандо тромбонов, валторн и тубы, необыкновенные трели двойными нотами у труб, тромбонов и вообще медных духовых – все эти приёмы композиции иногда встречаются и в более поздних сочинениях Бартока (например в Концерте для скрипки с оркестром №2. 1938 г.) Но это было создано в 1924 году! Впрочем, то был климат времени «золотых 20-х».

Итак, Мандарин вошёл в комнату и сел на стул, спиной к окну и ширмам. Девушка исполняет танец, который должен

вызвать определённый интерес даже у столь необычного клиента. Но Мандарин сидит, никак не реагируя на старания девушки. Постепенно он начинает за ней следить – сначала только глазами, не поворачивая головы. Потом встаёт и хочет приблизиться к девушке, руководимой из-за ширм жестах рук невидимых апашей. Мандарин начинает ощущать влечение к девушке – всё большее и большее, но она вырывается, убегает от него на антресоли комнаты по лестнице, ведущей туда.

Мандарин бросает вниз с лестницы одного из апашей

Оттуда она прыгает на тахту, расположенную вдоль стены под лестницей. В два огромных прыжка Мандарин преодолевает лестницу и одним *шагом* сходит сверху вниз на тахту. Не прыгает, а именно *сходит* вниз примерно на два с половиной метра без прыжка - в один шаг. Всё это кажется действительно чем-то волшебным, сверхъестественным. Три апаша выходят из своего укрытия и, уже не таясь, бросаются на Мандарина, но отскакивают от него, как мячики от стенки - он обладает чудесной силой! Бандиты наносят ему несколько ран ножами, и кажется, что это уже конец Мандарина. Им удалось всё-таки его сбросить в люк. Они переводят дух, добившись своей цели. Однако музыка зловеще напоминает о Мандарине снова – крышка люка приоткрывается и оттуда появляется уже позеленевшая рука Мандарина. Он с помощью своей чудесной силы выбирается из люка и всё начинается сначала.

Он преследует девушку до тех пор, пока она не поняла смысла его нечеловеческой силы. Бандиты даже пытаются повесить его на крюке лампы под потолком, но Мандарин остаётся

жив. Девушка поняла, что он непобедим, пока не утолит свою страсть. Девушка ему отдаётся, после чего Мандарин умирает.

Исполнители этого балета-пантомимы проявили чудеса балетной и акробатической техники, выполняя казалось бы невысказанные трюки, как будто они были лишены гравитации!

Девушка и Мандарин. Сцена из современной постановки

Спектакль остался в памяти в мельчайших деталях, как и музыка, благодаря которой балет обладал невероятной внутренней силой.

После окончания спектакля, потрясённые увиденным мы вышли на «проспект народной республики» (бывший и нынешний проспект Андраши), прошли немного и свернули направо к Музыкальной Академии. Зашли туда и узнали, что на следующий день вечером будут вывешены имена участников второго тура. Пока можно было идти в отель и лечь спать. Так много впечатлений за один день!

На следующий день мы работали в своём классе, когда немного раньше предполагавшегося времени объявления результатов к нам пришёл А.Г.Григорян и сообщил, что мы благополучно прошли на второй тур, и что второй тур начнётся послезавтра – 14 октября в 8 часов вечера. То есть мы оставались, конечно, до самого конца конкурса первыми участниками, которым нужно было открывать каждое прослушивание. Ну, к этому уже можно было и привыкнуть.

Ещё до начала первого тура А.Г.Григорян попросил композитора Пала Кадоша прослушать нас. Он был членом жюри. Не знаю, насколько это было в правилах конкурса, но мы знали, что до нас ему играли его Сонату №2 несколько участников из других стран. Кадоша при нашей встрече предложил брать максимально быстрый, как мне казалось почти неисполнимый темп второй части Сонаты – Скерцо. Я рассказал об этом Льву Соломоновичу Гинзбургу, который был членом жюри Конкурса виолончелистов им. Казальса. Он мне посоветовал, чтобы я выполнил *все* требования композитора точно так, как он того хотел и без сомнений в его искренности в отношении исполнения своего детища.

Композитор Пал Кадоша (1903-1983)

Для такого исполнения требовалось реализовать все свои виртуозные возможности – самый быстрый темп не должен был отражаться на артикуляции текста, то есть несмотря на любую скорость исполнения – все ноты должны были быть артикулированы с максимальной чёткостью и ясностью. Теперь, на втором туре предстояло это претворить в публичном выступлении. В программу второго тура входила также Соната Бетховена до минор №7, та самая, которую мне посчастливилось сыграть с проф. Обориным.

Сонату Кадоша я играл также наизусть, что было нелёгкой задачей, особенно при исполнении её Финала. Но мне удалось раскрыть определённую систему меняющихся ритмических структур, что сразу сделало ясной всё картину замысла композитора в этой, в основном танцевальной части, правда в яростно огненном характере какой-то варварской пляски. У нас осталось ощущение, что Сонату мы исполнили очень успешно. Я встретил Кадоша, сразу после нашего выступления. Он, как мне показалось, был несколько обескуражен. Почему? Я спросил его по-немецки – есть ли у него пожелания и замечания по поводу нашей игры? Он несколько растерянно сказал: «Нет, нет, всё было хорошо», стараясь поскорее уйти. Так я никогда и не понял, чем была вызвана его такая странная реакция. Если ему не понравилось исполнение, тогда ему не должна была нравиться ни собственная музыка, ни в основном его же собственная трактовка темпов, которую он сам предложил. Впрочем, закончив это выступление всё это уже ничего не меняло. (Позднее, уже в Москве мне доводилось несколько раз выступать с этой Сонатой, всегда имевшей успех у публики. Наверное пожелания Кадоша были всё же вполне разумными и полезными).

Теперь оставалось ждать вечера следующего дня – 15 октября - объявления результатов второго тура конкурса. Решение отложили на утро 16-го, когда в 12 дня, наконец, были объявлены результаты. Первый номер оказался неплохим. Мы прошли в финал, и теперь нам предстояло сыграть через день – 18 октября в 9.30 утра – в последний раз.

Утром в день финала выяснилось, что класс у нас уже отобрали, и нам даже негде было оставить свои вещи и разыграться. Я вспомнил, что на нашем же этаже находился класс, в котором занимался Миша Хомицер. Мы пошли туда и попросили его дать нам полчаса. Он, конечно, тут же любезно согласился и ушёл, дав нам возможность хотя бы спокойно разыграться и привести себя в «играемое состояние», а не шататься по коридорам в поисках класса за полчаса до начала финального прослушивания.

Начался финал всё же в 10 утра. До нашего ухода из класса к нам пришли пожелать успеха коллеги по конкурсу, не прошедшие в финал – немецкий скрипач Инго Зиннхофер и его пианистка турчанка Гюлей Угурата. Оба были очень милы и искренни в своих пожеланиях. Они нас слышали на предыдущих турах, так как играли одними из последних. Я очень оценил такое рыцарство. Это редко бывает, чтобы вчерашние конкуренты желали успеха. Не только нам, а вообще.

В Будапеште было прекрасное, солнечное утро и было действительно приятно выйти на историческую эстраду зала, в котором выступали все мировые знаменитости XX века.

Миша Хомицер припал лицом к круглому окошку выходной двери на эстраду. Он нас видел и слышал по внутреннему радио. Всё шло хорошо. Я понимал, что мы всё же сумели завоевать внимание жюри, а возможно и симпатии некоторых его членов. В программе финального тура были Соната Бартока №2 и Соната Прокофьева также №2. Обе Сонаты мы сыграли с подъёмом, вполне достойным для завершающего выступления. Мы даже имели хороший успех. Ясно было, что Соната Прокофьева им понравилась больше. Барток был исполнен по-иному, в непривычной для хозяев конкурса интерпретации. Об этом уже рассказывалось выше.

Замечательный виолончелист и мой незабываемый друг Миша Хомицер. Фото начала 1990-х гг.

Здесь нужно отметить, что мы вовсе не были пионерами в деле такой интерпретации Бартока. Тот же подход демонстрировал Исаак Стерн в исполнении Концерта Бартока для скрипки с оркестром №2 и той же 2-й Сонаты. Он также стремился сделать музыку максимально ясной, понятной и доступной среднему слушателю. Конечно, в залах, где проходят конкурсные прослушивания значительная часть публики всегда профессионалы и снобы, считающие что географическое положение их местожительства в центре Европы предполагает их несомненное и авторитетное знание и понимание всего на свете –

музыки, политики, литературы, и вообще всего. Хотелось думать, что это не распространялось на членов жюри.

Итак, наш конкурс был закончен и теперь дальнейшее зависело не от нас. Жюри решило вынести решение на следующее утро.

19 октября утром, помня о своих предыдущих «конкурсных уроках», мне не слишком хотелось идти в Академию, чтобы узнать результаты. После завтрака, мы решили чуть прогуляться и дойти до Западного вокзала на Большом бульваре. Пришли мы только в половине двенадцатого. Оказалось, что жюри всё ещё заседает!

Мы зашли в помещение, почти точно такое же, как в московской Консерватории и которое называлось «Диспетчерская». И там и тут сидела женщина-секретарь, только здесь – немного моложе. У неё было включено радио. Я был удивлён, когда диктор объявил мою фамилию и мы услышали вчерашнюю запись с финала конкурса: Скерцо из Сонаты Прокофьева №2. Мне было странно слышать это исполнение. Странно потому, что я сам не ожидал такого качества исполнения и большой артистической свободы, жизненной силы и энтузиазма в воплощении этой прекрасной музыки.

После Прокофьева дали нашу же запись начала 2-й части Сонаты Бартока. Это был небольшой фрагмент. А после этого дали тот же фрагмент в исполнении Жозефа Сигети (понятно, что не Стерна или Шеринга – всё же Сигети родился в Венгрии). Венгерского текста никто из нас не понимал, но я всё же насторожился – мне было понятно то, что они специально дали для сравнения запись Жозефа Сигети, чтобы показать наш иной подход к Бартоку. Мне не показалось, что наш отрывок был неудачным, неубедительным или «провальным», но наученный опытом я знал, что такие передачи делаются не зря. И хотя жюри ещё заседало, но мнение большинства его членов скорее всего на радио было уже известно.

Помнится, что тогда из 12 членов жюри 9 были бывшими венгерскими гражданами, а теперь представляли Мексику, Аргентину, Бельгию и т.д. Многие из них – бывшие ученики Бартока, или его личные друзья, как например скрипач Эндре Гертлер (Бельгия). От Советского Союза в жюри был один Василий Петрович Ширинский.

Наконец, около половины первого вынесли картонный щит, на котором были написаны имена призёров конкурса. Первая премия не была присуждена никому. Вторую присудили чешскому

скрипачу с трудно произносимой фамилией – Пётр Мессiereур – и его партнёрше Ярмиле Коздерковой. Две трети получили мы и Александр Гельфат с Алексеем Черкасовым.

Я понимал, что Барток вполне мог стоять нам главного приза, но жалеть не приходилось – я бы и сегодня сделал тот же выбор в пользу нашей интерпретации бартоковской музыки. И в наши дни сохранилось ещё немало приверженцев «иллюстративного» подхода к музыке современных композиторов на концертной эстраде, в студиях консерваторий и музыкальных Академий европейских стран.

Вскоре вышел председатель нашего жюри Жозеф Сигети. Он подошёл к доске с объявлением, долго читал, а потом, странно усмехнувшись, двинулся к выходу на улицу Маяковского, а ныне Кираи. В длинном пальто, почти двухметрового роста он чем-то неуловимо напоминал Дона Базилио из «Севильского цирюльника» Россини (Это было лишь внешним впечатлением. Жозеф Сигети был одним из самых серьёзных и всемирно известных музыкантов, внесших свой неоценимый вклад в исполнение музыки современных авторов и композиторов-классиков).

После всех событий мы с А.Г.Григоряном и Ниной Кулешовой решили пойти вместе пообедать в ресторан гостиницы «Гранд отель», где жили Григорян, Ширинский и Гинзбург. Тогда это был едва ли не лучший отель в Пеште. Во время конкурса в нём жил и Сигети.

Холл отеля был оформлен в соответствии с тогдашними представлениями о современном дизайне. По сегодняшним меркам он выглядел не слишком шикарно. Впрочем, нельзя забывать, что со времени «Венгерских событий 1956 года», то есть восстания и уличных боёв, прошло всего семь лет.

Поднявшись на второй этаж, где находился ресторан, мы только тогда поняли, что такое настоящий европейский сервис. Где мы все бывали раньше? Лучшее, что мы видели – ресторан и кафе гостиницы «Националь» в Москве. Там всегда, как и в любом ресторане Москвы, обслуживал один официант. Ничего другого не предполагалось. Да и не ожидалось. Но здесь... мы были приятно удивлены. Нас встретил, как старых знакомых сам метрдотель, помог снять пальто нашей даме, сам принимал заказ, после чего появились два молодых помощника старшего официанта. Они принесли минеральную воду, несколько сортов хлеба, масло. После чего появился сам старший официант, который принёс закуски. Он также принёс венгерское лёгкое вино. Именно он

разливал его по бокалам – вино, как видно, считалось здесь серьёзным делом, и разливать его должен был только старший официант. Надо также отметить, что стол был сервирован не специально для нас, а для всех посетителей ресторана: чистейшая крахмальная скатерть, красивые хрустальные бокалы, превосходная посуда, мельхиоровые ножи и вилки «под старину».

Вскоре младший официант и молодые помощники прикатили целую тележку с различными, заказанными нами супами, которые находились в похожих на серебряные кастрюлях. Время от времени появлялся метрдотель и спрашивал всё ли в порядке, нет ли у нас каких-нибудь просьб? Довольно скоро выяснилось, что он немного говорит и по-русски. Из такого ресторанного рая не хотелось уходить. Но мы теперь никуда и не торопились – конкурс был закончен.

Второе подавал сам метрдотель с помощью старшего официанта. Помню, что заказанная мной курица была приготовлена с острыми венгерскими специями. А.Г.Григорян заказал себе венгерский гуляш, а Нина Кулешова прекрасно приготовленного карпа. Десерт подавал старший официант с помощью тех же молодых помощников – подавать и разливать кофе в Будапеште было серьёзным делом! Мы пробыли в ресторане часа два, и время пролетело незаметно. За окном начинало темнеть.

Наконец обед был закончен. Метрдотель сам принёс счёт, который оказался очень скромным – каждый из нас заплатил..45 форинтов! Обычно мы с Ниной ходили в близлежащие кафе-рестораны. Один, почти напротив «Гранд отеля» назывался «Эржбет». Там дешёвый обед, называемый «меню», то есть стандартные варианты нескольких разных блюд, но полный обед, стоил до 20 форинтов. Пять-десять процентов принято было оставлять чаевых. Но обед в «Гранд отеле» был чем-то совершенно иным и запомнился нам надолго. Расплатились с метрдотелем, который принёс и помог надеть пальто Нине. Он изысканно раскланялся с нами и в своём фраке и белых перчатках был похож на киноактёра. В завершение обеда метрдотель торжественно проводил нас до дверей ресторана, а официанты выстроились по обе стороны дороги к выходу, напоминая «почётный караул». Венгры, как я понял в свои многие последующие приезды в Будапешт, очень любят оказывать такое гостеприимство.

Некоторые мои друзья, и в первую очередь друг моего детства Николка обожали рестораны – в Москве, Риге, да где угодно. Я никогда не был завсегдатаем, да и не мог им быть в силу

отсутствия денег. Но тот приём, который был нам оказан в Будапеште стал для меня мериллом в отношении ресторанного обслуживания определённого уровня. Через много лет, кроме Венгрии я встретил такой же уровень сервиса в Испании. Это другая страна, другая национальная ментальность, но что-то общее с Венгрией там определённо имело место. В Испании в хорошем ресторане официант несёт определённую социальную функцию – особенно, когда по воскресеньям, да и будням, ресторан посещают семьи – с дедушками, бабушками внуками... Испанские официанты несут свою службу с достоинством и нужно сказать, что и к ним относятся с большим уважением. Многие из них стали знаменитыми матадорами. Но это уже другая история. А тот наш первый визит в настоящий западный ресторан остался в памяти на долгие годы.

Мы вышли на улицу, называвшуюся тогда «Бульвар Ленина» - Ленин-кёрут. Большое бульварное полукольцо Пешта упирается обоими концами в Дунай. На северо-запад оно ведёт к острову и мосту Маргит, на юго-запад к мосту Пётефи. Всё вместе это называлось Надь кёрут – Большой бульвар, действительно напоминающий парижские Большие Бульвары.

Перекрёсток Большого бульвара и проспекта Ракоци. Вид на оживлённую улицу из снесённого через несколько лет Национального театра. В левом нижнем углу фото видны «часы влюблённых». Фото начала 1960 гг.

В том 1963 году жизнь на улицах Пешта бурлила в дневное время, а с наступлением вечера постепенно затихала. Город начинал работать рано – заводы с 6-ти утра, служащие от 8-и до половины десятого. Но днём Пешт был забит толпами народа. Теперь город как будто вымер – ни на Большом бульваре, ни на центральном проспекте Ракоци больше нет ни магазинов, ни

ресторанов, ни кафе. Редкие туристы бродят вечерами по пустынным улицам.

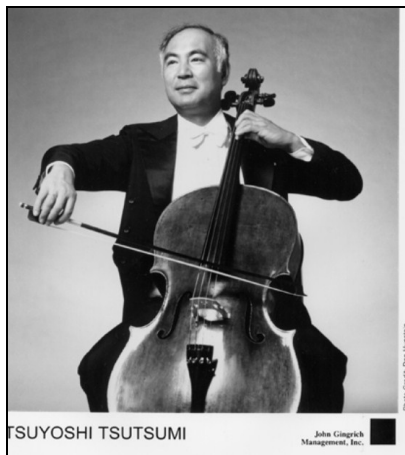
Большой бульвар сегодня. Ни людей, ни магазинов. Город пуст...

Друзья рассказали мне в 2008 году – в наш последний приезд в Венгрию – что власти решили переселить 300 тысяч жителей в новые районы, а центр, вероятно, задумали продать иностранным инвесторам. Центр так и стоит пустой. Это производит жуткое впечатление, как будто снова произошла грандиозная депортация населения: где-то на балконе одинокий стул, оставленный цветок в горшке... Но это теперь. А тогда вид Будапештских улиц поражал шиком магазинов, яркостью одежд женщин, каким-то особым чувством принадлежности к миру центральной Европы. Всё это было реальностью, и всё это теперь в прошлом...

На следующий день – 20 октября – закончился конкурс виолончелистов имени Казальса. 21-го объявили результаты – первую премию получили Миша Хомицер, Ласло Мезё и Тсуиоши Тсутзуми. Вторую поделили Лев Евграфов и 16-летний Миклош Переньи, бывший вундеркинд. На 22 октября в том же Большом зале Академии им. Листа было назначено закрытие конкурсов и награждение призёров.

Всех нас публика принимала вполне дружелюбно и вежливо. Сигети вручил мне диплом, но смотрел на меня с какой-то натянутой улыбкой. Я ему очень вежливо поклонился, но подумал: «Неужели Иштван Понго передал ему мои слова после первого тура! Ай-ай...» Не знаю, передал или нет, но всё-таки работающим в министерствах иностранных дел, то есть дипломатам и всем связанным с ними персоналом доверять особенно не следует. На то они и дипломаты.

А дальше во время награждения виолончелистов произошёл почти скандал. После вручения диплома Мише Хомицеру раздались умеренные, но вежливые аплодисменты. После объявления имени Мезё часть публики реагировала бурно. Но после объявления имени третьего призёра первой премии – Тсуиоши Тсутзуми – грянул, как выстрел такой взрыв аплодисментов, рёва, шума, крика *всей* публики, который очень прояснил мне события ноября 1956 года – венгры, как и испанцы, могут быть вежливо-сдержанными, но в какой-то момент они мгновенно взрываются с невероятной яростью гуннов, сметающей всё на своём пути!

При награждении Льва Евграфова публика вела себя вполне достойно, но по длительности и силе овации в честь японца ничто не могло сравниться в тот памятный вечер. Даже при объявлении имени второго призёра второй премии – Миклоша Переньи – настроение зрителей никак не дошло до «градуса» при объявлении имени Тсутзуми. Японский виолончелист Тсуиоши Тсутзуми стал героем дня и «некоронованным королём» всего конкурса в честь Пабло Казальса. Впоследствии он стал профессором лучшей консерватории Америки – музыкального факультета Университета Штата Индиана в Индианаполисе.

На следующее утро я пришёл за нашими премиальными деньгами в Академию и в той же «диспетчерской» ко мне подошёл вице-председатель нашего жюри композитор Андраш Михаи. Он откровенно сказал мне следующее: «Конечно, вам здесь на конкурсе – как скрипачу – не было сколько-нибудь достойных

конкурентов. Но, понимаете, на всех конкурсах – борьба интересов. И начинается уже не музыка, а нечто иное». «С этим я уже хорошо был знаком в Москве!» – сказал я ему, прямо глядя в глаза. «Ну, в этом я не сомневаюсь!» – с какой-то дружеской улыбкой сказал он мне. «А, кстати, я хотел вас спросить – вы также и дирижёр?» – спросил он. Дело в том, что в программной брошюре было упомянуто о моём недолгом преподавании на дирижёрском факультете Консерватории. Я объяснил ему всё и сказал, что дирижёр – мой отец, а не я.

Профессор Музыкальной Академии композитор
Андраш Михаи (1917-1993)

«О! – воскликнул он. – Для одной семьи одного дирижёра вполне достаточно! Но я хочу вам сказать на прощание – вы замечательно играете, я получил удовольствие. Мнения, конечно разные, об интерпретации Бартока, например, но ваш Прокофьев был превосходным! Я вообще его поклонник. Ну, а так – не огорчайтесь! Жизнь ещё принесёт вам много сюрпризов! Мои пожелания счастья и удач!» Это была неожиданная встреча с очень милым и интеллигентным человеком. У читателя может возникнуть вопрос – а на каком языке мы разговаривали? Ведь я не знал венгерского, а Михаи – русского. Мы разговаривали на немецком. Я вполне прилично в ту пору, хотя и с ошибками, мог изъясняться («на заданную тему», конечно) и соответственно понимать. Для Андраша Михаи немецкий был языком европейского общения. Мы вполне благополучно поговорили, как мне казалось, оставив взаимно приятное впечатление. А Иштван Понго исчез! Больше он не появлялся ни в Академии, ни при закрытии конкурсов во время награждения. Но появился на

вокзале, когда поезд уже отходил, радостно помахав нам рукой. Он так неожиданно возник на перроне, что не все даже поняли, что это был он собственной персоной!

Организационный комитет подарил нам ещё два дня и мы уехали из Будапешта 24 октября, пробыв в городе целых 17 дней! Это тоже было приятным подарком. Теперь можно было спокойно наблюдать жизнь города. Интересно, что порой снова вспоминалась Рига лета 1951 года. В нашем отеле было не только кафе для утренних завтраков, но и свой ресторан. Во второй половине пребывания в Будапеште я иногда ходил туда обедать в целях экономии времени. Обычно я занимал место недалеко от окна, выходящего на проспект. Обслуживал меня всегда один и тот же официант – довольно пожилой человек. Как-то я вышел после завтрака на улицу и увидел его, когда он приближался к отелю. Мы с ним поздоровались. Вот тут я и вспомнил Ригу – одет он был, как профессор Университета – элегантный осенний плащ, шляпа и портфель. Все выходявшие на улицу жители города, как и в прошлом в Риге – были одеты исключительно элегантно, как будто шли к кому-то в гости на праздничный обед. Правда, в отличие от Риги здесь иногда были заметны сословно-социальные градации – некоторые работники почты после работы продавали по ресторанам и холлам отелей лотерейные билеты. Вели себя они очень униженно и официанты довольно грубо выставляли их на улицу. Но это было, пожалуй, всё же не типичным явлением.

На наши небольшие премиальные мы должны были купить какие-то сувениры своим близким. Что было тогда лучшим подарком? Вещи! Носильные вещи – рубашки, свитеры, дамские костюмы, обувь, сумки. При том венгерском изобилии это не составляло труда, так как магазины были полны товарами на все вкусы по вполне доступным, даже для нас, ценам. Не забыл я и Цыганова: купил ему в подарок ноты концертов для скрипки Бенджамена Бриттена и Самуэля Барбера.

Теперь уже можно было смотреть на витрины, не думая о необходимости занятий, репетиций. И только теперь возникло грустное чувство: быть может, мы больше никогда не увидим этого необычного города, в котором несмотря на войны и революции сохранился какой-то «затаённый» европейский шик. Как говорила наша другая переводчица – Вера Ведреш: «Будапешт – город мелкобуржуазного социализма». Вера чудом спаслась с матерью во время войны – их приютил «католический дом» – были такие убежища в Будапеште с марта 1944 по февраль 1945-го. Там могли найти себе приют только матери с детьми, но не

мужчины. Её отца отправили в Освенцим, где он погиб. Я познакомился с её матерью и отчимом. Они приехали из Америки, куда эмигрировали во время восстания 1956 года. Они свободно приезжали и уезжали – никаких препятствий со стороны властей страны не ощущалось для обычных граждан, покинувших Венгрию по своей воле. Для нас всё это было невероятным.

Города в тот первый приезд я так по-настоящему и не увидел, за исключением нашей поездки на метро с Иштваном Понго и общей для всех участников конкурсов автобусной экскурсии. Королевский Дворец тогда ещё не начинали реставрировать, здания центра города были более не менее отремонтированы после уличных боёв 1956 года. До острова Маргит мы так и не добрались. Но что-то определённо полюбили с первого взгляда.

Площадь Луизы Блаха. В центре – на углу Национального театра видна афишная тумба, а на ней – «часы влюблённых».

Фото начала 1960-х. гг.

Недалеко от нашей гостиницы на перекрёстке Большого бульвара и проспекта Ракоци находится большая площадь, названная именем знаменитой венгерской актрисы и певицы Луизы Блаха (1850–1926) – *Blaha Lujza ter*. Её звали «венгерская Сара Бернар». На площади находился Национальный театр, а рядом с ним – часы, у которых назначали свидания поколения влюблённых. Я помню этот театр. А через несколько лет доблестные метростроевцы его снесли взрывом, полагая, что его местоположение угрожает строительству. Так было покончено с историческим зданием в центре Будапешта. Теперь там сквер.

Кроме конкурсных баталий, в памяти остался запах салами – тончайших листиков несравненной венгерской колбасы для наших спартанских завтраков в отеле: две маленькие булочки, пять листиков салами и две (максимум!) чашки кофе.

Конкурсная эпопея для меня закончилась. А пока что в начале ноября, то есть через неделю, мой аспирантский срок заканчивался. Конкурс мне засчитали как заключительный концерт, и я снова вернулся в Камерный оркестр Консерватории, в котором пробыл до весны 1964 года. О работе там уже рассказывалось выше.

В Московской Филармонии после конкурса у меня появилось много интересных выступлений – как сольных, так и в трио с различными пианистами и виолончелистами.

1963-й завершился для меня счастливо 25 декабря в день западного Рождества. В тот день мы с Таней поженились, а на Новый Год пригласили к себе (то есть в квартиру моих родителей) самых близких друзей, главным из которых был всё же Толя Агамиров-Сац. Он записал на магнитофон своё приветствие к нашей свадьбе, после чего мы подклеили два Гимна – Советский и Американский в исполнении Бостонского Симфонического оркестра. Толя изображал диктора «Голоса Америки» Уиллиса Коновера. Его спич был как всегда остроумным и развеселил всех. А потом зазвучала пьеса «Садись в поезд «А» - «Take Train «А» – Дюка Эллингтона. Это была заставка джазовых программ Уиллиса Коновера. Кто бы мог подумать в тот вечер, что через 17 лет – в январе 1980 года мы будем действительно часто ездить в поезде маршрута «А» (Эй) нью-йоркского метро!

Леонид Борич

Бурцалэ

Фрагмент из повести «Вид из окна»

Начало этой истории относится ещё к двадцатым годам прошлого столетия.

Теперь, покуривая у волшебного для меня окна с видом на огромный наш двор, я и пытаюсь найти разгадку, уповая на мистические свойства этого места в нашей немецкой квартире. (Может, именно потому, боясь невосполнимой утраты, я не соглашаюсь с женой, что хорошо бы, учитывая наш возраст, подумать о квартире этажом пониже. Разве какое-нибудь другое окно способно заменить моё нынешнее, из которого, вопреки физическим законам, вдруг открываются такие дали, что иногда просто дух захватывает?).

Если бы это был выдуманный мной сюжет, многое зависело бы от моего предпочтения и даже от простой литературной целесообразности, когда всё случившееся выгоднее объяснить так-то и так. А ещё бы лучше, никак впрямую не объясняя, незаметно подвести читателя к желаемому тебе выводу. Но тут как раз и не хочется быть всезнающим автором: слишком это для меня личное дело, чтобы остановиться на единственно, как кажется, верном толковании, отмахнувшись от всех иных, имеющих такие же права на существование.

Итак, точно известно, что в 1927 году трое подростков четырнадцати-пятнадцати лет поступили учиться в Чечельницкую химвпрофшколу, что соответствовало тогда техникуму и давало среднее специальное образование. Эта химвпрофшкола наверняка считалась престижным учебным заведением хотя бы уж потому, что в местечке Чечельник Винницкой области Украины с населением в несколько тысяч человек вряд ли были ещё какие-нибудь образовательные учреждения такого же уровня.

Сохранилась „Персональная книжка“ одного из учащихся этой химвпрофшколы. Дешевая коленкоровая обложка бордово-кирпичного цвета, пожелтевшие от времени страницы,

заполненные на украинском языке, с отметкой: „Все лабораторные работы по общей химии и качественному анализу выполнил“, и с записью о том, что имя-рек переводится на третий курс. Дальше идут пустые страницы, из чего понятно, что имя-рек либо не доучился, либо даже не приступал к учёбе на третьем курсе. Любопытны в этом удостоверении „Правила внутреннего распорядка школы“, изложенные на последних двух страницах. Их составители, очевидно, понимали, с каким контингентом 20-х годов имеют дело. Вот некоторые пункты из этих „Правил...“, в переводе с украинского: „Не плюй на пол“, „Перед входом в класс сними верхнюю одежду и шапку, как того требует дисциплина и гигиена труда“, „Перед едой помой руки“, „После еды, если нечем заняться, почитай книжку“, „В общежитии ложись спать и вставай не позднее установленного в школе времени“, „Встав после сна, застели постель, умойся и почисти зубы“, „Держи в чистоте голову и не носи длинной прически“...

Так и тянет задаться вопросом: а насколько сами-то учителя отличались от своих учеников? Правда, и так могло быть, что математике, химии и физике учили одни – остатки старой интеллигенции, которую не до конца повывели к этому времени, – а правила поведения составляли совсем другие люди, начальники этих учителей, ещё не воспитавшиеся настолько, чтобы самим, без напоминаний и инструкций, мыть перед едой руки и не плевать на пол.

Года через два пути друзей разошлись: один из них, Изя, уехал в Москву, другой, Давид – в Одессу, а третий – Борис, или „Бурцалэ“, как ласково прозвали его друзья – в городок, где жили его родители и где в 19 лет он женился. Таким образом, никто из этой сдружившейся троицы химвпрофшколу так и не закончил.

Теперь уже известна дальнейшая судьба каждого. Первые двое – Изя и Давид – стали выдающимися математиками, а третий, Борис, рано женившись, должен был думать о том, как прокормить семью. Ни о какой дальнейшей учебе уже не могло быть речи, если же он все-таки и достиг определенной известности в своей области – в любом из городов, где ему пришлось работать главным бухгалтером, он считался лучшим специалистом, – то, разумеется, это не шло ни в какое сравнение с научными успехами его друзей юности.

Соберись я когда-нибудь написать рассказ о возможной их встрече спустя, допустим, те же полвека, то есть наподобие недавней встречи наших одноклассников, я, вооруженный личным опытом, легко мог бы представить себе... Но стоп! Стоп-стоп! Между моими одноклассниками нет такой несоизмеримости,

такого разрыва в достигнутом, в жизненном успехе, в положении... А значит, не могло ли так получиться при встрече тех троих из химвпрофшколы, как это выглядит, когда показывают по телевидению одноклассников, среди которых восседает президент России? Возможно, он и не прочь был бы смешаться с бывшими одноклассниками, на какое-то время почувствовать себя одним из них, однако они сами-то ни на минуту не могут забыть, кто он. И ведут себя с ним не как одноклассники, а соответственно его рангу: опасаясь невольно выказать панибратство, натужно подхихикивая президентским шуткам и явно робея, а то даже заискивая...

Потому вдруг и припомнилось из литературы:

“- Ну, как живёшь, друг? (...)

- Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

- Нет, милый мой, поднимай повыше... Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею... (...)

- Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с!

- Ну, полно!... Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чинопочитание!

- Помилуйте... Что вы-с... Милостивое внимание вашего превосходительства...“

Что-то подобное, хотя, разумеется, не столь гротескное, могло бы ведь случиться и во время встречи друзей-однокашников из химвпрофшколы... Или нет?

Как бы я ни старался отстраненно взглянуть на воображенную мной ситуацию, это вряд ли бы удалось, потому что мне слишком близок один из этих трёх друзей и я хорошо знаю о том чувстве собственного достоинства, с каким он держался при любых обстоятельствах. Я просто был бы не в состоянии допустить малейшего его сходства с тем чеховским персонажем, который „вдруг побледнел, окаменел... съёжился, сгорбился, сузился“ перед „его превосходительством“. А кроме того, на двух других однокашников, о которых мне известны лишь официальные данные, я не хотел бы возводить напраслину, уподобив кого-то из них чеховскому „вельможе“, ведь речь, повторюсь, не о выдуманных литературных героях, а о действительно живших людях. (Возможно, один из них, несмотря на очень преклонный возраст, всё ещё жив?).

Раздумывая о судьбе этой троицы, я обратился к различным источникам, чтобы составить хоть какое-то представление о каждом.

Тот подросток Изя из Чечельницкой химпрофшколы значился теперь Израилем Моисеевичем Гельфандом и присутствовал во всех доступных мне энциклопедиях: „Большой Советской“, сегодняшней „Российской“, „Еврейской“, изданной на русском языке в Иерусалиме, и даже в энциклопедическом справочнике „Великая Россия. Имена“, которая „охватывает биографическую историю России от Александра Невского и Дмитрия Донского до наших дней“. Вот, значит, среди этих имён числится и Гельфанд Израиль Моисеевич. А слово „даже“, мною употребленное в отношении энциклопедического справочника „Великая Россия“, возникло из-за того, что этот шикарный, в кожаном переплёте, том издан довольно странной организацией – Академией проблем безопасности, обороны и правопорядка. Но и эта контора, возглавляемая генералами-чекистами (хоть они и в отставке по возрасту), отдала дань признания Израилю Моисеевичу Гельфанду, вряд ли родственной им душе.

Его имя занимает в Интернете десятки страниц – и всё со словами в превосходной степени: „гигант советской науки“, „гений российской науки“, „великий математик“, „один из самых выдающихся математиков современности“, „гениальный учёный“, „он менее знаменит, чем Ландау, но они вполне сравнимы и по вкладу в науку, и по вкладу в атомный проект СССР в начале 1950-х годов“. Он кавалер трёх орденов Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени, орденов Дружбы народов и Знака Почета. Дважды лауреат Госпремии, лауреат Ленинской премии, а сравнительно недавно, в 1997 году – это в 84 года! – был удостоен Государственной премии России. Он автор более 800 научных статей и 30 монографий, член всех ведущих Академий наук мира, лауреат престижных международных премий. Человек, не имеющий не то что высшего, но и законченного среднего образования, самоучка, он в 19 лет был принят в аспирантуру, в 22 года защитил кандидатскую диссертацию по математике, в 27 – докторскую, стал профессором МГУ, в 40 лет – членом-корреспондентом Академии наук...

Он уже был почетным доктором Оксфордского, Сорбонского, Гарвардского, Пристонского университетов, академиком девяти крупнейших академий мира – Америки, Швеции, Франции, членом Лондонского королевского общества, Японской Академии наук, где его предшественником значился из соотечественников лишь Петр 1, Ирландской академии, вслед за Д.И.Менделеевым... Правда, он не сподобился такой же чести у себя на родине. В течение тридцати лет его проваливали на выборах в действительные члены Академии наук СССР, которым

он стал лишь в 71 год. Что ж, при таких безобразно вызывающих имени-отчество-фамилии это понятно... Его не выпускали на международные математические конгрессы – даже на те, которые проводились в его честь каждые десять лет, начиная с 50-летнего юбилея. То ли слишком велика была секретность его работ по математическому обчёту атомных и водородных взрывов, хотя минуло с тех пор уже много лет, да и трудно предположить, что подобными же математическими знаниями не обладали зарубежные учёные-ядерщики, то ли проявлялась „отеческая забота партии и правительства“ о здоровье выдающегося советского ученого, которое вдруг бы резко пошатнулось не только во время перелётов в другие страны, но и при возможном неформальном, без присмотра, общении с иностранными коллегами, а они, как доподлинно было известно, все сплошь работали на ЦРУ и на другие шпионские организации.

В Америку он с семьёй уехал, кажется, в 1990 году. Во всяком случае, уже через год он стал профессором Ратгерского университета в Нью-Джерси. А была ведь профессорская должность в МГУ, звание – наконец-то! – уже действительного члена Академии наук СССР, были лауреатские премии, высшие ордена государства, прекрасная квартира в центре Москвы... Словом, как в том анекдоте, когда работник ОВИР^а задаёт вопрос отъезжающему за границу: „Чего же тебе здесь не хватало, жидовская морда?!“

Поражают научное долголетие Израиль Моисеевича Гельфанда и необозримость его интересов, связанных не только с „чистой“ математикой, но и с её применением в биологии, нейрофизиологии, онкологии, в математическом прогнозировании при инфарктах миокарда... Возникает даже подозрение, что, может быть, это как-то связано еще и с его вегетарианством – до того строгим (эти люди веганами называются), что Израиль Моисеевич исключил из своего рациона не только мясо, но и рыбу, молоко и яйца, так как это связано не только с убийством, но и с эксплуатацией животных.

Вон сколько всего можно вычитать, покопавшись в Интернете. Всплывают иной раз даже какие-то черточки характера и некоторые подробности личной жизни. Так, из воспоминаний одного из учеников Гельфанда следует, что, при всём его уважении к правам животных, Израиль Моисеевич мог быть достаточно резким в общении с людьми, когда это касалось науки. Как рассказывают, однажды на руководимом им семинаре докладчику был задан какой-то не слишком умный вопрос, на что Израиль Моисеевич немедленно отреагировал: „Не отвечайте!

Наш семинар рассчитан на грамотных людей“. Так что, похоже, не во всём он вегетарианец... Да и чувства юмора ему, очевидно, не занимать. На вопрос, почему с 1994 года он перестал есть животных, Израиль Моисеевич ответил с улыбкой: „Мало ли что молодому человеку придёт в голову“. Ему было тогда уже больше восьмидесяти.

А из личной жизни можно почерпнуть в Интернете, что жена Израйля Моисеевича, Татьяна, тоже математик, преподаёт в том же Ратгерском университете, она моложе своего мужа почти на сорок лет, у них взрослая дочь, психолог, а от первого брака у Гельфанда два сына, оба доктора наук, один – тоже, как и отец, математик, ответственный издатель Американского математического общества, а второй – профессор биологии Чикагского университета. Тот положительный случай, когда яблоко от яблони недалеко падает...

Сейчас Израйлю Моисеевичу Гельфанду должно быть 96 лет. Во всех источниках указывается только дата рождения, но ведь даже последняя энциклопедия издана несколько лет назад... Так что же: ему теперь 96 лет? Или должно было бы быть?

Это предстояло как-то узнать. И, если вдруг жив – раздобыть номер его телефона.

Второй из троицы друзей и однокашников по Чечельницкой химвпрофшколе стал тоже известным математиком, хотя, конечно, „известный“ – это не „великий“ и не „гениальный“, но всё-таки и он, Давид Мильман, был профессором и заведующим кафедрой одного из Одесских институтов. Персонального места ни в каких доступных мне энциклопедиях ему не отведено, но все же он упомянут в разделе „Математика“ Еврейской энциклопедии, где говорится о его выдающихся работах в области функционального анализа и о том, что „в израильских университетах и других научных центрах достойное место заняли ученые-математики, приехавшие из СССР“, в том числе и сын Давида Мильмана, тоже профессор математики, Виталий Мильман. Госпремиями Давид Мильман не отмечен, об орденах ничего не сказано, но всё равно: пройти путь от учащегося химвпрофшколы заштатного местечка Чечельник, о котором даже не упоминается в современном путеводителе „Вся Украина“, до высот математической науки – это тоже многого стоит. (К слову, побывавшие в сегодняшнем Чечельнике пишут об умирающем райцентре, где нет ни одного работающего промышленного предприятия, люди уезжают на заработки в другие края, а незадачливых туристов, которые вдруг забредут в

Чечельник, ожидают полуразрушенное здание бывшей синагоги и старое еврейское кладбище, где летом пасутся коровы).

Некоторые данные о Давиде Мильмане, не в пример более скромные, чем о Гельфанде, тоже можно найти в Интернете. В 21 год окончил Одесский университет, в 26 защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом. Из воспоминаний его ученика: „Худощавый, голубоглазый, светловолосый, он удивительно напоминал Иисуса“. Ну, это ничего не значит... Можно ведь любить Иисуса – и не терпеть его соплеменников... Во всяком случае, благодаря стараниям всемогущего академика Виноградова, простившего, видимо, лишь Иисусу Христу его происхождение, Высшая аттестационная комиссия не утвердила докторскую диссертацию Давида Мильмана. Вскоре, борясь с „безродными космополитами“, Мильмана вообще уволили. Однако его имя в математических кругах было широко известно, и нашелся порядочный человек, ректор Института связи, который рискнул пригласить чуть ли не „врага народа“ заведовать кафедрой математики. Один из выпускников этого института вспоминает „негромкий голос, внимательность к людям, доброжелательность на экзаменах“ Давида Мильмана и его заботливое напутствие студентам во время зимней сессии: „На улице холодно. Закутайте, пожалуйста, горло шарфом и застегните пальто“. И далее: „Признаюсь, подобное мне приходилось слышать только от самых близких“.

Последующее начальство едва дождалось его 60-летия, чтобы отправить на пенсию в 1973 году. Таким образом, в своем отечестве Давид Мильман был не нужен, как и многие другие талантливые ученые того времени. (Не хочется здесь прибегать к не раз высказываемой мысли о судьбах страны, которая не ценит своих ученых... Но всё же некоторые цифры об „утечке мозгов“ привести стоит: за двадцать лет, с 1973 по 1993 годы, количество советских и российских докторов наук по математике, эмигрировавших в один только Израиль, превысило тысячу человек; сегодня в университетах и других научных центрах Израиля от 20 до 25 процентов математиков-профессоров – это выходцы из советской школы, и на Международных математических конгрессах они представляют 40 процентов всех докладов).

В июле 1973 года семья Давида Мильмана эмигрировала в Израиль, а уже с первого августа того же года этот советский пенсионер, уволенный за ненадобностью, был приглашён на должность профессора Тель-Авивского университета. На

протяжении многих лет он еще читал и курс лекций в самых престижных университетах Европы и Америки.

Давид Мильман умер в 1984 году. На одном из зданий Тель-Авивского университета в его честь установлена памятная доска.

Насколько я знал, кое-что о нём мог рассказать мой близкий родственник, живущий ныне в Дортмунде.

Итак, одному из однокашников по Чечельницкой химпрофшколе уже 96 лет, если он вообще жив, второй умер в 1984 году, а третий их друг, Борис – тремя годами раньше, в Украине. Как раз о его жизни мне известно не понаслышке.

Напомним, что, рано женившись, он вынужден был уйти с последнего курса химпрофшколы, освоил профессию бухгалтера, и в 22 года стал уже главным бухгалтером, так всю жизнь и проработав в этом качестве. Жена была домохозяйкой, растила трёх сыновей, и, чтобы прокормить семью, Борис вечно работал еще и „по-совместительству“, а, уходя в отпуск, заранее договаривался, чтобы директор срочно отозвал его. Так, получив вперед отпускные деньги, удавалось и очередную месячную зарплату не терять. Он был из тех финансовых работников-практиков высочайшего класса, которым дорожило начальство.

И тем не менее мысли о дальнейшей учебе никогда не покидали его. Заветной мечтой было высшее образование – правда, исполнение этой мечты всё отодвигалось и отодвигалось до той поры, когда дети станут взрослыми, начнут самостоятельную жизнь, и ему тогда уже не придется думать ни о каких побочных заработках.

Это время наступило и, к удивлению жены, Борис пошел учиться в вечернюю школу рабочей молодежи, чтобы через два года получить так называемый аттестат зрелости, без чего нельзя было и думать о высшем образовании. Наверное он, пятидесятилетний, очень неуютно чувствовал себя среди тех учеников, кто годился ему в сыновья, но уже вскоре он стал отличником, поражая даже учителей незаурядными математическими способностями. Он не довольствовался школьными учебниками, на столе у него появились толстые тома по физике, химии, математике, да и к домашним сочинениям по русской и украинской литературе он слишком серьезно и подолгу готовился. Как и в своей профессии, он хотел в учёбе тоже быть первым, но для этого ему катастрофически не хватало времени...

Он вдруг бросил школу – теперь уже не только к удивлению жены, но и сильно озадачив учителей.

Через несколько лет, благодаря ходатайству одного из министров Украины („Прошу в порядке исключения... учитывая большой практический опыт и глубокие знания в области бухгалтерского учета ...“), он был зачислен на первый курс заочного отделения харьковского финансово-экономического института. Ах, до чего же красиво выглядели его контрольные работы: аккуратный четкий почерк без единой помарки, разноцветные подчеркивания наиболее важных мест текста, многочисленные графики и таблицы, наверняка не обязательные для получения зачёта...

Когда на короткую побывку съезжались из разных городов взрослые сыновья, мать просила образумить их отца: „Зачем ему эта учёба на старости лет?! Он и без всякого высшего образования разбирается в бухгалтерии лучше, чем те, кто позаканчивал институты!“

А и в самом деле: зачем ему это было нужно? Но так, впрямую, сыновья не решались спросить, а когда кто-нибудь из них осторожно и шадяще заводил всё же разговор о том, что ни высшее образование, ни учёные степени и звания ещё не являются мерилем удавшейся жизни, отец охотно это выслушивал, ещё и добавлял с улыбкой, указывая жене на их сыновей: „Вот мои высшие образования!“ Чтобы совсем уж убедить отца, что он несомненно состоялся, сыновья говорили о том, что дай Бог и каждому из них такой же любви и преданности жен и детей, безграничного авторитета среди сослуживцев, высокого профессионализма... Всё это говорилось не для успокоения отца, а совершенно искренне, убеждённо, без каких-либо натяжек, да и собственные высшие образования сыновья прежде всего ему, а не себе, ставили в заслугу – ведь именно он чуть ли не с детства нацеливал их на обязательность такого образования. Своя ли судьба не давала ему покоя? Действительно ли он не переставал оглядываться на упущенные им возможности в те давние времена, когда трём неразлучным друзьям, однокашникам по химвоеншколе – ему, Изе Гельфанду и Давиду Мильману – учителя прочили большое научное будущее? Или руководило им понимание, сохранившееся в генах от предков, что высшее образование – это для людей его национальности хоть какой-то способ противостоять всяческим напастям нашего мира?

На заочном отделении финансово-экономического института он проучился около года, за все письменные работы получая только отличные оценки, ещё и с разными похвальными отзывами преподавателей по поводу его глубоких знаний. Однако чтобы так учиться и не иметь задолженностей, требовалось

слишком много сил, а их уже не было: сказывались перегрузки на работе, частые приступы стенокардии, а затем последовал обширный инфаркт миокарда, затяжной выход после него, быстрая утомляемость... По настоянию жены и сыновей пришлось отказаться от высшего образования. Не сбылась мечта. Может быть, мечта всей его жизни.

В нашем родительском доме я, конечно, слышал о Гельфанде и Мильмане, потому что третьим из друзей-однокашников был мой отец Борис, или, как друзья ласково называли его когда-то – „Бурцалэ“. Отец рассказывал об их успехах на научном поприще. Я и о том знал, что Мильман приходится отцу ещё и двоюродным братом, а не только другом юности, они иногда виделись в Одессе, когда отец бывал там в командировках, а вот с Гельфандом он ни разу не встречался с тех самых пор, когда они учились в химпрофшколе. Не случилось у отца командировок в Москву: ежеквартальные, полугодовые и годовые бухгалтерские отчеты он сдавал в Киеве.

Но даже и понимая, как материально трудно жилось все годы моим родителям, все же не верилось, что за свою жизнь они так и не выбрались когда-нибудь в Москву. А если отец хотя бы однажды побывал там, неужели же не нашлось у него времени и возможности увидеться с другом юности?

Отца уже давно нет, и поэтому теперь – пусть хотя бы вдогонку – особенно хочется постигнуть любой из совершенных или не совершенных им поступков, проследить за каждым шагом в его жизни, на что, увы, раньше, когда был молод, не хватало внимания, времени, или казалось, что ещё успеется.

Вот и в телефонном разговоре с родным папиным братом, живущим ныне в Дортмунде последним из старшего поколения нашего рода, я однажды спросил:

- Как ты думаешь, Гельфанд ещё жив?

- Не знаю. Но в Российской энциклопедическом словаре 2003 года издания... У тебя он есть?.. Нет? Ну так вот, там указан только год рождения. Следовательно, был тогда ещё жив. Но с тех пор прошло уже шесть лет, и он вполне имел право умереть. До 96-ти лет мало кто доживает. Давид Мильман умер, например, в 71 год, твой отец и до этого возраста не дожил. А кстати, ты в курсе, что Давид приезжал к нам прощаться перед своим отъездом в Израиль? И знаешь, что он мне сказал о твоём отце? Что „Бурцалэ“, когда они учились в химпрофшколе, был в математике самым талантливым из них троих.

- Так и сказал?

- Именно так и сказал.

- Да, разные судьбы... – пробормотал я в телефонную трубку.

- Разные, – согласился папин брат. – В жизни вообще очень много несправедливости. – Он помолчал. – Но, знаешь, тут ещё как посмотреть... Твой отец любил свою семью, вы его любили, он увлеченно работал, его все вокруг уважали... Мне кажется, невозможно точно определить, кому повезло больше, кому меньше... Ты давно перечитывал Екклезиаста? В конце концов, как ты, наверно, догадываешься, участь у всех одна...

- Но это лишь „в конце концов“, – возразил я. – Однако перед этим проживается целая жизнь, и ведь папа должен был отдавать себе отчет в том, насколько он талантлив в математике, не уступая даже... Если, конечно, Давид Мильман говорил искренне...

- По-моему, Давид всегда отличался искренностью. Да и зачем было льстить? Он ведь не твоему отцу это высказал, а мне. Но Боре, конечно, было обидно...

- Он тебе говорил об этом?

- Не то чтобы напрямую...

И мой дядя рассказал историю, о которой ни я, ни мои братья не знали. Всё-таки папа с мамой выбрались однажды в Москву на какой-то юбилей маминого брата. Найти через городскую справочную номер домашнего телефона И.М.Гельфанда, видимо, не составило большого труда. Несмотря на прошедшие десятилетия, тот сразу же вспомнил папу, стоило лишь назвать свои имя и фамилию, и закричал: „Это ты, Бурчалэ?!“ Они сговорились в ближайшие же дни встретиться у Гельфанда дома, предварительно созвонившись. Однако папа так и не перезвонил ему, а Израилу Моисеевичу, он, возможно, не оставил номера квартирного телефона маминого брата. Или всё-таки оставил?

В ближайшие дни встретиться... Не так, чтобы немедленно... И – предварительно созвонившись...

Но это же естественно! Он ученый такого уровня, когда каждый час и каждая встреча расписаны на неделю, если не на месяц вперёд, он уже сам себе не принадлежит, а ещё лекции, которые читает в МГУ, прославленные на всю страну семинары, которыми он руководит, присутствие на защитах диссертаций, письменные его отзывы на чьи-то работы, какая-нибудь собственная статья, которую надо срочно заканчивать...

Ну, разве не понятно? Но ведь нетрудно рассуждать объективно, когда не тебе сказано: давай-ка созвонимся и встретимся в ближайшие дни. Не прямо сейчас, не тотчас же,

наплевав на все свои важные дела ради встречи с тем, кого ты и через полвека помнил как „Бурцалэ“...

При том, что совсем уже не восстановимы и гораздо более важные случаи из жизни родителей, именно та невестреча отца с другом юности поразила меня своей необъяснимостью. Понимаешь заранее, что тут всё можно лишь предполагать, не надеясь на соответствие того, что было на самом деле, с тем, что кажется наиболее вероятным, а всё равно пытаешься доискаться истинной причины...

Беспристрастности явно мешает близость моему сердцу одного человека и в общем-то нейтральное отношение к другому, хотя честно хочется как бы поставить себя и на его место.

Домысливать приходится уже с самого начала. И всё же с пронзительной ясностью, словно это лично со мной происходило, я представил себе, как отец всё не решается позвонить Гельфанду, малодушно откладывая это со дня на день. Впрочем, „малодушно“ – это, скорее, ко мне относится: отец, насколько я знаю, бывал очень решителен в своих поступках. Но, тем не менее, могло так быть, что затруднение вызывало даже то, какими словами попросить Гельфанда к телефону, если трубку поднимет кто-нибудь из его домашних. Назвать по имени-отчеству или просто Изей, чтоб на другом конце провода сразу же поняли, что звонит кто-то из близких Гельфанду людей, и тогда, при всей занятости известного ученого, его все же позовут к телефону, а не попросят перезвонить попозже. А если к телефону подойдет домработница? Наверняка же есть в таком доме прислуга? Но она-то его знает исключительно как Израиля Моисеевича, и может не сразу сообразить... Нет, всё равно нужно сказать: „Попросите Изю к телефону...“, и тогда она не станет преданно оберегать покой или занятость её титулованного хозяина.

(Конечно, всё это могло предварительно обдумываться отцом, но зачем же сейчас застревать на этом?)

Вот Израиль Моисеевич уже у телефона, и отец, пряча вполне понятное волнение – припомнит ли его Гельфанд? – произнёс: „Здравствуй, Изя... Это Борис. Борис Циприс“. Последовала, наверно, пауза, вполне понятная, но для отца очень томительная пауза, а потом, буквально через секунду-другую, сначала недоверчивое проборматывание вполголоса: „Неужели... Неужели... Борька?“, а услышав подтверждение своей догадки, радостный возглас: „Бурцалэ! Ты откуда звонишь? Ты где?“ И, не вполне дослушав: „Вот что, хватай такси и немедленно приезжай!“

Увы, уже известно, что последней фразы не было, а возникла ещё одна, более важная для отца пауза. Это, конечно, тоже предположение, но как-то само напрашивается, что Израиль Моисеевич мог замешкаться лишь потому, что, держа трубку возле уха, он другой рукой перелистывал настольный календарь, выискивая свободное окошко в своём плотном расписании. Возможно, эта затянувшаяся пауза всё решила. Вместо ожидаемого моим отцом возгласа „Бурцалэ, немедленно приезжай!“, и даже не просто возгласа, а чтобы это еще было произнесено не терпящим возражения тоном, Израиль Моисеевич, допустим, спросил: „Ты сколько ещё пробудешь в Москве?“

И это могло задеть отца? Настолько задеть? Мол, как же так: ну, пусть не сейчас же увидеться, ты занят какими-то неотложными делами, но неужели через столько десятилетий нельзя для друга юности освободить сегодняшний вечер?!

Ну, а если вообще не столь радостным, не восторженным, как ожидалось отцом, было само восклицание: „Это ты, Бурцалэ?“ Может, у Гельфанда такая же сдержанная манера, как у моего дортмундского дяди: случается, не видимся с ним годами, а он встречает меня так невозмутимо, словно бы мы накануне расстались. А когда звонишь ему, голос у него в телефонной трубке такой бесстрастно-суховатый, что даже представляешься на всякий случай:

„Это я, твой племянник“.

„Я знаю“, – всё так же сдержанно говорит он. А ведь безусловно рад звонку.

А могло и так ожидатьсь моим отцом: „Бурцалэ, ты где сейчас находишься? Я немедленно вышло за тобой машину!“ В представлении провинциального бухгалтера должна же ведь у человека из Большой советской энциклопедии быть машина с личным шофером. Но вместо этого: „Извини, ты уже меня буквально в дверях застал, я опаздываю на сессию Академии наук. Давай попозже созвонимся, хорошо?“ Что в таком случае ответишь? „Хорошо...“ Он не поинтересовался номером твоего телефона, или просто забыл спросить, а ты не предложил ему записать этот номер, потому что „давай созвонимся“ как бы предполагало именно твой звонок. Вот в том-то и дело: ты в этот момент остро почувствовал ваше неравенство, которого не должно быть между однокашниками. А если такое и случилось, то для того, чтоб переступить это, надо бы, конечно, увидеться, глянуть друг другу в глаза, узнать прежнюю улыбку, мимику, вспомнить знакомый жест, манеру разговора... (Это как встреча через

несколько десятилетий с когда-то любимой женщиной: не сразу издала узнал её, но стоило ей улыбнуться...).

Однако даже и встретившись со своим знаменитым теперь другом юности, что же расскажешь о себе? „Я – бухгалтер“? Или со смешной торопливостью, помимо своей воли, глупо уточнишь: „Главный бухгалтер“ – как будто это что-нибудь меняет в принципе. Можно сказать: „Я мечтал стать ученым, врачом, лётчиком, моряком – и моя мечта осуществилась“, но ведь не скажешь, что твоей мечтой было стать главным бухгалтером. Разве бывают, разве возможны такие мечты?

И вдруг подумалось: отец же в Москве был вместе с мамой, и, конечно, не мог на встречу с Гельфандом без неё отправиться. Муж, которого она чтит, которым гордилась – каким же, по его мнению, он мог предстать в её глазах рядом со знаменитостью-однокашником? Вот если бы он один тогда оказался в Москве – возможно, ему легче было бы решиться перезвонить другу юности?

Этим вопросом я поделился с братьями, но они оба не согласились с таким предположением. Да и моя жена – тоже. (То ли не представила меня в роли бухгалтера, тем более главного бухгалтера, то ли себя не увидела на встрече с такой мировой величиной, как академик Гельфанд, и потому не смогла вообразить, насколько в подобной ситуации разочаровалась бы в собственном муже).

- Отец тебе никогда не объяснял, почему он не перезвонил Гельфанду? – спросил я у своего дяди.

- Он отделался общими фразами: не хватило времени, что-то ещё такое...

- А сам ты как думаешь?

- Думаю, что всколыхнулась обида.

- Обида? На кого?

- На самого себя. За то, что не использовал данный ему от природы талант.

- Я не совсем понимаю: обиделся на себя, а не перезвонил тому, кто ни в чём перед ним не виноват?

- Ну, как сказать... Виноват хотя бы в том, что, пусть и невольно, а был причиной того, что вызвал в твоём отце обиду за свои упущенные возможности.

Вот и очередная версия, ничем не хуже, но и не доказательнее других.

Кое-что мог бы, возможно, прояснить Израиль Моисеевич Гельфанд, но... 96 лет – и ещё жив?

- Попробую узнать через знакомых, – пообещала Эсфирь Кагановская, добрая, отзывчивая приятельница, жившая когда-то по соседству с моими родителями, а теперь уже четверть века гражданка Америки.

Буквально на следующий день она перезвонила, сообщив, что, согласно наведённым справкам, Израиль Моисеевич, во-первых, жив, а во-вторых, запиши-ка его домашний телефон в Нью-Джерси.

Перед этим телефонным звонком я волновался, как... как, может быть, волновался когда-то в Москве отец, собираясь попросить к телефону друга юности. Правда, мне не пришлось выбирать между „Изей“ и „Израилем Моисеевичем“.

- Простите, а кто его спрашивает? – Голос был женским, интеллигентно-приятным и достаточно молодым.

Представившись, я постарался коротко изложить суть дела, и, пока рассказывал, вдруг почти уверился, что говорю с женой Гельфанда. Хотя это могла быть и их дочь, тоже Татьяна.

Нет, оказалось, всё-таки жена. Она сразу же сказала, что Израиль Моисеевич, зная номер телефона, непременно перезвонил бы моему отцу, так как очень щепетилен в этих вопросах, и добавила, что муж сейчас рядом с ней, но вы же понимаете: девяносто шесть лет, слух уже не тот, давайте, я сама попробую всё ему пересказать.

По тому, как громко она говорила с ним, сидящим рядом – и о химпрофшколе, и о Давиде Мильмане, и об их друге, которого они называли тогда „Бурцалэ“, – было ясно, что он не услышал бы меня по телефону. Что-то Израиль Моисеевич переспрашивал у жены, она повторяла сказанное, потом была долгая пауза, после чего, словно бы извиняясь за мужа, Татьяна сказала, что пока он ничего не может припомнить, но он такой, что обязательно станет теперь обдумывать услышанное.

Я записал её компьютерный адрес и через неделю, как и договорились, напомнил о себе. Ответ тут же последовал: „К сожалению, не удалось ничего узнать у И.М., поскольку он утверждает, что не помнит „Бурцалэ“ и всей истории, которую я пыталась ему напоминать несколько раз. Он кивнул, что вспомнил Мильмана, и это было всё. И.М. довольно слаб последнее время, и, наверное, даже вспоминать для него большая нагрузка. Всего наилучшего. Татьяна“.

Внимание задержалось на словах: „...и это было всё“. Как будто Татьяна подытожила не только грустные результаты моих попыток разобраться в той давней истории, но и невольно высказала что-то относящееся к её собственной жизни. Впрочем,

это, последнее – тоже лишь предположение, как и всё то, что касается причин несостоявшейся встречи друзей-однокашников.

Нередко бывает, что действительно случившееся, если о нём рассказать, а тем более – поведать письменно, выглядит нарочитой, неуклюжей выдумкой. Так и сейчас может показаться, а между тем это сушая правда: в то же самое время, когда в Ратгерском университете ещё преподавал математику Израиль Моисеевич Гельфанд, в музее того же университета штата Нью-Джерси заведовала отделом русского искусства моя дочь, и там же на одном из факультетов учился её сын, мой внук Борис, названный так в честь своего прадеда, которого Израиль Моисеевич называл когда-то ласковым именем „Бурцалэ“. Вот так и замкнулся не придуманный мной круг.

Геннадий Несис

Вернуться в прожитую жизнь

*Здесь будет все пережитое,
И то, чем я еще живу,
Мои стремленья и устои,
И виденное наяву...*

Борис Пастернак.

Вступление

адо спешить. Горловина песочных часов оказалась шире, чем я предполагал, и в северном их полушарии осталось не так уж много песчинок. В детстве принято торопить время - хочется скорее стать взрослым. Я никогда не испытывал такого желания, интуитивно понимая: счастье это то, что происходит со мной именно сегодня, сейчас, видимо, очень рано почувствовав его быстротечность. Не стоит обольщаться. Я не цитировал бессмертное гетевское "Остановись мгновение...!", но подобную мечту смутно ощущал в себе, и повторял как магическое заклинание.

Когда в Новогоднюю ночь, засыпая не в своей привычной детской, а на диване в столовой, отделенной тонкой перегородкой от спальни, и вслушиваясь со сладким страхом в, подчас неровное и прерывистое дыхание любимого деда, я понимал, что и эта счастливая ночь не будет длиться вечно, что впереди – потери и утраты, и с детским максимализмом, желал умереть вместе со своими близкими в один день и час.

В раннем детстве я увлекался странными, и, внешне, совершенно бессмысленными арифметическими вычислениями. Я брал наугад любую книжку, вооружался старинными колченогими счетами (одну из своих четырех точеных ножек они потеряли еще до моего рождения), и, громко стуча костяшками, суммировал все числительные, попадавшиеся мне на ее страницах. К моему удивлению, итоговая цифра бывала весьма значительной. Таким

образом, я, видимо, стремился понять реальную значимость и объемность, пока еще абстрактных для меня, больших чисел.

Когда я стал чуть старше, цели и формы моих расчетов изменились. Мне захотелось узнать, в каком возрасте окажусь я и мои близкие в знаковых или исторически значимых точках оси времени. Например, в 2000 году от Р.Х., (то - есть, в момент наступления нового XXI века) или даже, в далеком 2017, когда с невиданным доселе размахом будет праздноваться столетний юбилей Октябрьской революции. Трагический, но закономерный уход из жизни любимых людей до рассматриваемых дат, не воспринимался детским сознанием. Сомнительной выглядела и возможность замены красных дней в идеологически незыблемом, советском календаре.

Более прагматическое значение представлял ответ на вопрос, в каком году я смогу уйти на пенсию. Эта тема стала весьма актуальной после знаменитого пенсионного закона, принятого по настоянию Никиты Хрущева. Конечно, тогда, из середины прошлого века, давно наступивший май 2007 года выглядел таким же непостижимо далеким, как чужая галактика, расстояние до которой исчисляется миллионами световых лет.

Моя мама, родившаяся 7 января 1920 года, надеялась встретить начало III тысячелетия. Ей виделось, что это событие станет чем-то грандиозным и эпохальным. К несчастью, ее мечте не суждено было сбыться.

Стоит отметить, что на самом деле, столь ожидаемый момент смены порядкового номера тысячелетия в христианском летоисчислении с единицы на двойку, не вызвал никаких катаклизмов ни в природе, ни в обществе. Вселенский ужас Апокалипсиса сократился как шагреновая кожа современного мышления до панических, но ничтожных в сакральном смысле, и, как оказалось, ничем неоправданных страхов по поводу сбоя программ своих компьютеров.

С уходом мамы в 1993 году, для меня словно прервалась связь времен. Я утратил возможность восстанавливать привычные ощущения и восприятия. Моя память не могла в одиночку найти дорогу в мир моего детства. И, тогда мне жгуче захотелось прочитать книгу о моем “потерянном рае”, о времени, прожитом наяву, но с постоянным потайным чувством дежа вю, возникшим под впечатлением ярких, образных рассказов и воспоминаний близких мне людей.

Мудрый Бенджамин Дизраэли без ложной скромности заметил: “Когда мне хочется прочесть книгу, я ее пишу”.

Прекрасная мысль, но как трудно ее осуществить!

Каждый раз, когда я пытался взяться за работу, меня останавливал страх перед грандиозностью поставленной задачи. Хотелось рассказать об истоках моей семьи, о счастливых мгновениях детства и о горечи потерь, о любви и предательстве, о, скрытом для большинства, странном мире шахмат, дать собственную, а потому, субъективную оценку, и современной политической ситуации, и историческим событиям прошлого, и, главное, постараться раскрыть, и тем самым, сохранить образы и характеры людей, давно покинувших этот мир. Возможно ли, столь разноплановые по жанрам, и несоизмеримые по накалу эмоций, тексты объединить под единой обложкой и растиражировать для широкого читателя?!

Я придумывал эпитафии, находил цитаты, я пытался вмонтировать в воспоминания какие-то свои стихотворные строки, старые статьи и заметки. И, при этом, каждый раз клял себя за то, что ленился в молодости вести дневники, что не удосужился записать, на ленту допотопного магнитофона, удивительные рассказы людей, родившихся в последней четверти 19 века и говоривших на, почти уже исчезнувшем, истинном петербургском языке. Самое обидное, что не сохранил удивительные устные рассказы моего деда, блистательного рассказчика, балагура и остролова. Передать присущее ему уникальное чувство юмора, и, тем более, восстановить удивительный интонационный строй его речи, увы невозможно.

Мысль о невыполнимости поставленной задачи регулярно подпитывалась и моей ленью. С ужасом предвидя, объем предстоящего труда, я, тут же, под любым, благовидным для самого себя, предлогом, откладывал толстую тетрадь в дальний или, точнее, долгий ящик письменного стола, и довольствовался написанием небольшого очерка или эссе газетно-журнального формата. Еще более приятным и эмоционально подпитывающим меня занятием было изложение историй из жизни в компании своих друзей, учеников, студентов, а порой даже и просто малознакомых людей. Жанр устного рассказа, унаследованный мной от деда, был для меня естественнее, чем письменная речь, требующая постоянной кропотливой работы, к которой, в общем-то, я не привык.

И все же, последние годы я жил с ощущением невыполненного морального долга перед моими близкими, людьми их поколения, и их круга. Ибо, с моим уходом, как это пафосно ни звучит, вряд ли найдется “летописец”, который сможет соединить воспоминания о столь разных людях.

Предлагаемые наброски мало похожи на классические мемуары, требующие последовательного изложения и неспешного осмысления явлений. Память состоит из такой неупорядоченной череды образов и событий, что остановить их бег даже на мгновение, с тем, чтобы проанализировать прошлое, в условиях нашей информационно наполненной и быстротекущей жизни, становится все труднее.

Постараюсь быть правдивым, но оставляю за собой право на недосказанность. Не обо всем можно поведать широкой аудитории, и не обо всем пришло время говорить.

К несчастью, я не обладаю фотографической памятью, необходимой для мемуариста. С трудом удастся восстановить какие-то конкретные диалоги или нюансы портретов в интерьере. Знакомясь с современной мемуарной эссеистикой, с удивлением встречаю воспроизводимые в текстах своих коллег, чуть ли не стенографические записи разговоров, состоявшихся десятки лет назад. Я завидую таким авторам! Завидую их памяти. Хотя и не очень верю, что они досконально помнят все эти подробности. Мне кажется, что они немного фантазируют, что-то прибавляют от себя, что-то приукрашивают...

Но что же, мемуары - своеобразный жанр художественной литературы, и автор имеет право, если не на вымысел, то, во всяком случае, на определенную гиперболизацию своих ощущений.

Что касается меня, то я, работая над этими записками, утешал себя парадоксальной мыслью Марка Твена: “Если вы говорите только правду, вам не нужно ни о чем помнить”.

В том, нет моей заслуги, но судьбы, близких мне людей, а затем и моя собственная, сложились так, что пути наши порой закономерно, а, чаще, по слепой воле случая, на протяжении по крайней мере полутора веков пересекались с выдающимися, а порой и знаковыми фигурами в различных областях человеческой деятельности. С кем-то, эти встречи были мимолетными и, возможно прошли незамеченными для контрагентов, с другими были обусловлены деловыми отношениями, и, наконец, с третьими – перерастали в товарищеские или даже дружеские отношения.

С целью несколько заинтриговать читателя, воспользуюсь приёмом, остроумно применённым моим другом – замечательным историком и, я бы сказал, архивариусом шахмат – неоднократным чемпионом Ленинграда международным мастером Вадимом Файбисовичем.

Представляя в созданном им отделе “ география

шахматного Петербурга” на одном из шахматных сайтов, мой питерский адрес, он, для начала, перечислил выдающихся чемпионов и гроссмейстеров, которые побывали в квартире на Басковом переулке и, лишь в финале, как в рассказах О’Генри, раскрыл секрет, о чьей же собственно квартире, шла речь в пространном материале. Один из моих недоброжелателей сначала даже не захотел поверить, что такое созвездие великих шахматистов разных поколений, могло быть гостями одной и той же семьи. Но факты – упрямая вещь и не подвластны ни зависти, ни другим подобным эмоциям.

Мне будет, пожалуй, еще труднее заставить читателя поверить в правдоподобность приведенного ниже списка. И, тем не менее попробую назвать имена, первыми пришедшие на память. С кем же были знакомы, виделись, сотрудничали, отдыхали, с кем и у кого учились, или кого учили сами и, наконец, у кого лечились, проще говоря, с кем довелось общаться моим ближайшим предкам и родственникам?

Только не удивляйтесь отсутствию алфавитного, хронологического, профессионального или какого-нибудь другого логического принципа при перечислении этих известных персонажей. Мне показалось, что именно в подобной эклектичности и заключается парадокс моего ответа. Итак, усаживайтесь поудобнее.

Григорий Распутин, Император Франц Иосиф, академик Абрам Иоффе, князя Волконские, комиссар Лариса Рейснер, основоположник физико-химического анализа академик Николай Курнаков, Леонид Брежнев, художник Натан Альтман, миллионер Поляков, академик Лев Ландау, Корней Чуковский, купцы Елисеевы, Михаил Горбачев и его дочь Ирина, создатель химии силикатов академик Илья Гребенчиков, адвокат и общественный деятель Генри Резник, Георгий Товстоногов, правовец Олимпиад Иоффе, китаист Ольга Фишман, Великая княгиня Ольга Александровна, писатель Александр Серафимович, академик Александр Ферсман, адвокат Зоя Топорова, Консул Испании в России Себастьян, филолог и переводчик Ахилл Левинтон, актриса Елизавета Тиме, издатель газеты “Речь” Виктор Бак, онколог академик Николай Петров, историк Виктор Тарле, кардиолог Морис Мандельштам, адвокат Яков Киселёв, академик Виктор Жирмунский, актер Олимпиад Гриценко, олимпийские чемпионы сестры Ирина и Тамара Пресс....

Каждая из этих встреч заслуживает отдельного рассказа. К сожалению, в юности мы легкомысленно надеемся на свою память. Кажется, впереди ещё так много времени. Но близкие

люди непостижимо и неожиданно покидают нас, а с ними постепенно из нашего сознания улетучиваются сначала их голоса, потом нюансы неповторимых воспоминаний и, наконец, выясняется, что нам очень трудно воспроизвести на бумаге, даже обычную фактологию услышанных историй, не говоря уже о тонком аромате ушедшего времени.

Моя собственная, достаточно насыщенная во всех отношениях, жизнь одарила меня встречами и дружбой со многими примечательными личностями из самых различных сфер деятельности. Среди них были политики и поэты, врачи и музыканты, священнослужители и бизнесмены, ученые и юристы, педагоги и, конечно, шахматисты. Некоторые из этих персонажей появляются на страницах предлагаемой Вашему вниманию первой части моих воспоминаний. При этом необходимо подчеркнуть, что эти записки хронологически охватывают лишь детские, школьные и студенческие годы, так что рассказ о людях, сыгравших важнейшую роль в моей взрослой жизни еще впереди.

Встречи с Окуджавой

*"Der Mensch ist erst wirklich tot,
wenn niemand mehr an ihn denkt..."*

Bertolt Brecht

Хрестоматийную строчку Н.А. Некрасова я счел чересчур банальной для эпитафии, но относительно героя этой главы она была бы вполне уместной. Булат Шалвович Окуджава отвечал обоим условиям – и необходимому, и достаточному: он был и Поэтом и Гражданином с большой буквы.

Впервые его завораживающий негромкий голос услышал я летом 1962 года в семье наших друзей Барштаков на даче в Зеленогорске под Ленинградом.

У мамыной подруги - преподавательницы истории Земфиры Барштак появилось чудо техники, своеобразный символ

хрущёвской оттепели - ленточный магнитофон с огромными бобинами, на которых и были записаны входившие в моду (пока правда только среди интеллигенции двух столиц) песни Окуджавы. В нашу жизнь сразу вошли и Ванька Морозов, который циркачку полюбил, и комсомольская богиня, и бумажный солдат, и троллейбус – последний случайный, и надежды маленький оркестр, и шарик голубой.

Даже на фоне обожаемого в моей семье грассирующего Александра Вертинского и шального и вольного Петра Лещенко, чьи пластинки неведомым образом проникали в СССР, миниатюры провинциального учителя литературы с необычной для России фамилией стали совершенно уникальным явлением. Они интонационно и идеологически резко отличались от официального репертуара нашего радио и телевидения. Хотя не буду лукавить, и до “революции бардов”, которую возвестил Булат, мы с удовольствием слушали песни и песенки в исполнении Леонида Утёсова и Клавдии Шульженко, Эдди Рознера и Лидии Руслановой. Но пришло, как многим казалось, новое время, и потребовались новые песни.

Огромную роль в популяризации и становлении авторской песни сыграли неукротимый, мятущийся и дьявольски талантливый Владимир Высоцкий и, рассчитанный на более узкую аудиторию, тонкий и саркастичный Александр Галич, превращавший свои песни-баллады в законченные по глубине и трагизму, драматические произведения.

Удивительно, но романтичный и гордый Булат Окуджава даже на фоне таких, ярких личностей (а были еще любимые многими Визбор, Ким, Кукин, Клячкин, Городницкий, Матвеева) был воспринят абсолютно своим и доступным в широкой и социально неоднородной массе поклонников городского романса.

Спустя год после той, первой аудио виртуальной встречи с Окуджавой, я уже знал практически все его стихотворные тексты наизусть, старательно занося их в ученическую тетрадь.

Дачные компании 60-х годов по образовательному цензу, да и по этническому составу, были прекрасной аудиторией для распространения шуточных, и, особенно, официально непризнанных, песен с политическим подтекстом. Записи переписывались с магнитофона на магнитофон и звучали из каждого оконца, а осенью добирались и до городских кухонь и квартир.

Главным моим увлечением, конечно, в то время, были шахматы. Заинтересовался я этим культурным феноменом (термин “игра” представляется мне для столь разнопланового явления, -

слишком узким) даже по тем временам, очень поздно – в тринадцать лет, и, неудивительно, что в школьные годы, постоянного тренера-педагога у меня не было. Дебютные варианты я изучал дома самостоятельно, на уроках в девятом классе играл легкие партии со своим одноклассником Юрием Горским (карманные шахматы всегда были у меня с собой в портфеле), а по вечерам участвовал в турнирах спортивного общества “Динамо”.

Руководителем нашей секции был человек легендарный - Вячеслав Александрович Домбровский. Крупнейший коллекционер шахматных раритетов и владелец уникальной библиотеки, он создал в своей квартире на улице Желябова (ныне вновь Большой Конюшенной) частный музей, посвященный любимой игре. Камин, выложенный метлахскими плитками с изображением шахматной задачи на клетчатой доске. На потолке - фарфоровая доска и прикрепленные к ней фигуры, преобразованные изысканной фантазией и мастерством художников мейсенской мануфактуры в морских чудовищ, шахматы Наполеона, афиши исторических шахматных соревнований и, главное, бесконечные шкафы с книгами и журналами, старинными фолиантами и подшивками газет. Здесь все дышало шахматами. Хозяин охотно демонстрировал нам свои сокровища. К сожалению, после смерти коллекционера, руководству нашего города не пришло в голову сохранить это собрание целиком, часть его уехало в Москву, а библиотеку приобрел Таллиннский Дом шахмат.

Помещение для проведения чемпионатов ФСО “Динамо” нам выделил печально известный в Ленинграде Большой дом. В сталинские времена любители черного юмора шутили, что из окон этого дома “хорошо виден Магадан”. Правда, играли мы не в кабинетах следователей, а в соседнем здании - Зале пропусков. После окончания рабочего дня наш тренер доставал откуда-то из-под лестницы, до времени, спящие там шахматные столы и деревянные фигуры, и мрачный зал преобразался. В нем начинался спектакль совсем другого жанра. Хотя, и на шахматной доске, подчас, разыгрывались драмы, а иногда и истинные трагедии.

Партии в силу специфики учреждения, которое нас приютило, начинались очень поздно и завершались иногда далеко за полночь. Для ученика девятого класса такой режим был явно непривычен. Среди соперников были и опытные шахматисты. Больше полувека я дружу со своим первым партнёром по “взрослым” соревнованиям Марком Григорьевичем Гордеевым. В активе этого талантливого шахматиста, автора криминальных

рассказов и полковника милиции было немало громких побед в поединках с известными мастерами и гроссмейстерами, в том числе и над лидером динамовцев Давидом Ионовичем Бронштейном.

Особенно врезалась в память решающая партия турнира против моего товарища Бориса Гобермана, ныне старшего тренера шахматной школы Дворца творчества юных (бывшего Ленинградского Дворца пионеров имени А.Жданова)- знаменитой кузницы советской шахматной школы. Получив в трудном варианте французской защиты материальный перевес, я уже предвкушал скорую победу. Но мой хитрый соперник напоследок поставил несложную ловушку. Шел уже первый час ночи, и я просмотрел притаившегося в засаде вражеского ферзя. На 45-м ходу последовал смертельный вскрытый шах, и мат моему королю стал неизбежен. Как охарактеризовать мое состояние в этот момент? Ступор? Шок? Как я добрался той мартовской ночью до дома, не знаю.

После двух дней забытья все-таки пришлось идти в школу. Постепенно боль прошла. За полувековую жизнь в шахматах были и удачи и разочарования, но досада от того страшного зевка удивительным образом жива во мне и поныне. Такова эта жестокая и прекрасная игра.

Трудно сказать, неудачный результат в чемпионате “Динамо” или приближающееся последнее, и, полное каких-то смутных ожиданий, школьное лето, все больше затягивали меня в богемно-поэтическую компанию другого моего одноклассника – Владимира Горбунова, ныне известного в литературных кругах под псевдонимом Эрль. Он прожил странную жизнь, работал продавцом в газетном киоске, но всегда был вольным художником. Он внес большой вклад в изучение близкого ему по духу загадочного Хармса, собрал и сохранил стихи малоизвестных поэтов времен, легендарного ленинградского “Сайгона” или кафе на Малой Садовой. Его подвижническая деятельность еще мало оценена, но достаточно посмотреть капитальный труд “У Голубой лагуны” (Антология новейшей русской поэзии), чтобы понять, сколько литературных имен от спас от забвения. Третьим основателем нашего поэтического объединения “New Пегас”, созданного по примеру поэтов Серебряного века, стал Андрей Гайваронский (Черный) - высокий и эффектный молодой человек с романтической шевелюрой и такими же романтическими текстами. Новые друзья приводили ко мне на Басков переулочек модных, хотя и в узком кругу, начинающих поэтов, чаще всего просто графоманов, которых на излете оттепели стало видимо-

невидимо. Они выступали в молодежных кафе, на институтских вечерах, но печатались крайне редко. Политические и этические взгляды этой разношерстной публики были весьма эклектичны. Были среди них и русские националисты, и религиозные идеалисты, и эпикурейцы, и будущие диссиденты, и подающие надежды алкоголики. Этот странный и жесткий мир был мне интересен, но я был в нем инородным элементом - для него я был слишком домашним и, пожалуй, чересчур рассудительным.

Конечно, и наша дружная тройца выступала на различных молодежных сборищах, но с большим удовольствием мы читали свои опусы друг другу в моей “детской”, оборудованной из дедушкиного кабинета. Во время одной из таких встреч вездесущий Эрль сообщил, что наш кумир – Булат Окуджава женился на ленинградке Ольге Арцимович – племяннице выдающегося советского физика, и поселился где-то в районе Политехнического института. Новостройка находилась на Ольгинской улице. Честно говоря, я сомневался в точности этого адреса, но только до того момента, пока мне в руки не попал новый капитальный (объёмом почти в 800 страниц!) труд Дмитрия Быкова из серии “Жизнь замечательных людей”. В нём биография Булата Окуджавы, его предков и родственников изложена как в самом дотошном досье. И, хотя чересчур политизированный и пространный пролог, одарённого и плодовитого автора, вызвал у меня определённое неприятие, в плане фактологии исследование выглядит безупречным.

Не помню, кто и как добыл номер желанного телефона, но мы набрались храбрости (или наглости) и позвонили молодожёнам. Нам повезло. Трубку взял сам Булат. Мы коротко рассказали о себе и тут же, безо всяких церемоний, получили приглашение приехать к поэту в гости.

На другой день, вооружившись своими блокнотами, мы прибыли в дом номер 12 по Ольгинской улице. Булат выглядел очень молодо. В клетчатой ковбойке с огромной копной волос он больше был похож на студента-старшекурсника или, в крайнем случае, аспиранта, но никак не участника войны и уже много пережившего в жизни человека.

Вначале мы вели себя несколько скованно, но хозяин был настолько прост и демократичен, что вскоре дал нам почувствовать себя своими младшими товарищами, единомышленниками, но никак ни юнцами на аудиенции у маститого поэта. Мы все увереннее читали ему свои вирши. Он слушал внимательно, не перебивая, запоминал какую-то строчку или понравившуюся ему метафору и, лишь после того, как мы

смолкали, следовал комментарий.

Неожиданно он похвалил две строчки из моего, недавно занесенного, в блокнот текста:

“Как будто, пришел я встречать на вокзал
Того, кто приехать не мог...”

и, попросил прочитать все стихотворение заново.

Его оценки и советы были доброжелательны, конкретны, и в интонациях его речи не было и тени менторства. Так же естественно он почитал нам свои новые стихи. Перед уходом я показал Булату Шалвовичу заветную тетрадь, в которую записывал тексты его песен. Он просмотрел ее, как мне показалось, с интересом. Ведь в те годы ни сборников, ни пластинок с песнями Окуджавы не выпускалось. Вдруг, он нахмурился и удивленно поднял брови:

– “Почему здесь текст песни о Сталине? Эти слова не мои! Их автор – Юз Алешковский”.

Я немного растерялся, так как фамилию истинного автора этого, известного в разных вариантах и растащенного на цитаты, шедевра я тогда даже не слышал, а слова

“Товарищ Сталин –
Вы большой ученый,
В языкознании
познавший толк,
А я – простой советский
заключенный,
И мой товарищ-
серый брянский волк”.

– распевала уже вся страна.

Думаю, что, если бы эту песню передавали бы по радио и телевидению также часто как современные попсовые хиты, то Проект второго канала российского ТВ “Лицо России” не закончился бы с такими позорными результатами.

Покидали мы уютную квартиру поэта в приподнятом настроении. На титульной странице моего блокнота рукой Мастера было начертано:

“В честь наших ещё более плодотворных встреч”

Булат Окуджава.

7 февраля 1964 года.

Такая запись обещала радужные перспективы, а неожиданно последовавшее приглашение на устный выпуск

любимого тогда журнала “Юность”, превзошло все наши ожидания. Каждый номер этого издания передавался из рук в руки и зачитывался до дыр.

В молодежной среде “Юность” успешно соперничала по популярности с “Новым миром”, официальным, а главное, идейным руководителем которого был автор “Василия Тёркина” и “За далью – даль” Александр Трифонович Твардовский.

В те времена толстые литературные журналы стали главной трибуной и “местом для дискуссий” шестидесятников. Подписки на прогрессивные периодические издания в многочисленных НИИ и конструкторских бюро разыгрывались в лотереях, а те, кому в азартные игры не везло, занимали многодневные очереди в библиотеках. Популярной стала и другая, более доступная форма общения с читателем, – устные выпуски модных газет и журналов.

Быстро стали возникать и просто устные журналы, составленные из нескольких страниц - встреч с интересными людьми или посвящённых каким-то культурным или спортивным событиям. Каждый уважающий себя ВУЗ, спешил впустить в задымленные за долгие годы бронхи и лёгкие своих актовых залов, свежий воздух свободы. Повсюду открывались студенческие театры и студии, впоследствии ставшие явлением театрального искусства. В Ленинграде, наряду с почти профессиональными капустниками Театрального института и Консерватории, неизменным зрительским интересом пользовался устный журнал “Технолог”, созданный в моей “альма матер” – Технологическом институте имени Ленсовета. Наш старинный технический ВУЗ был прославлен не только великими учеными, начиная с Дмитрия Менделеева, чья, находившаяся непосредственно в здании института квартира, стала музеем, но и знаменитой школой преферанса, корифеи которого встречались в полдень под часами в вечно суетной обстановке огромного вестибюля. Славилась “Техноложка” и прекрасным студенческим камерным хором, который был известен далеко за пределами главной в те годы пересадочной станции метро Технологический институт. И всё же ни лекции корифеев химии, ни карточные бои королей преферанса не вызывали такого ажиотажа у молодёжи и даже у убеждённых сединами преподавателей как очередные выпуски “Технолога”, одним из создателей которого был Сеня Альтшулер (ныне известный писатель-сатирик Семён Альтов), а конференс вела моя эффектная сокурсница Наташа Кричевцева. Это была высокая, стильная девушка. К сожалению, не знаю, как сложилась её судьба, а с Семёном мы как-то оказались за одним Новогодним столом в

Доме актёра на Невском, или как привычнее звучит в Питере, в ресторане ВТО. Мой бывший однокашник был довольно хмур, что, впрочем, достаточно характерно для профессиональных мастеров юмора, и реагировал на мои восторженные воспоминания о студенческих временах довольно вяло. Для меня же выступления в устных журналах, сначала как начинающего автора поэтических текстов, а позднее, как шахматного обозревателя, воспринимались как волнующие и яркие события моей жизни. И в этом нет ничего удивительного, – мне довелось появляться на одних сценах и участвовать в одних журналах с такими партнерами, как великий русский актер Евгений Лебедев, легендарный дрессировщик Мстислав Запашный, сопровождаемый своими грозными подопечными, руководитель театра “Сатирикон” Константин Райкин, с которым я был знаком ещё по совместным детским играм на пярнусском пляже, где мы в конце 50-х годов проводили беззаботные летние каникулы.

Но, даже на фоне этих ярких, незабываемых встреч, как-то особенно врезался в память выпуск устного журнала, в котором главную скрипку, или точнее, главную страницу играл Владимир Высоцкий. В актовом зале Технологического института творилось что-то невообразимое. Здесь нивелировались все должности, степени и звания. За места в ближних рядах на равных боролись и деканы и профессора и студенты и лаборанты. Мне, как одному из активных действующих лиц устного журнала, удалось занять четыре места в самом удобном для зрителей ряду перед проходом. Рядом со мной была мама – Наталия Иосифовна – большая поклонница жанра авторской песни, мой друг Марк Вольперт и его отец Евгений Ильич – прекрасный врач-анестезиолог, замечательный, отзывчивый человек, кстати, старший брат известной советской шахматной чемпионки Ларисы Вольперт. Не берусь изложить на бумаге чувство восторга, которое мы испытали в тот вечер. Владимир Семенович был неутомим, и встреча закончилась уже поздней ночью.

Через несколько дней после нашего визита на Ольгинскую раздался телефонный звонок, и знакомый уже голос назначил нам свидание в вестибюле, всегда отличавшейся особенным петербургским лоском, гостиницы “Европейская”, куда высадился московский литературный десант, во главе с редактором журнала Борисом Полевым. Малоизвестно, что настоящая фамилия автора “Повести о настоящем человеке”, – Кампов, и был он сыном тверского юриста, который имел право жительства вне черты еврейской оседлости, как специалист с высшим образованием.

Итак, “New Пегас“ в полном составе и в состоянии сильного возбуждения предстал пред не смыкаемыми очами грозного швейцара в ливрее, напоминавшей траурную попону на возглавляющей похороны кобыле. В те годы, вход в отель такого уровня для граждан собственной страны был практически закрыт. Железный занавес был опущен не только у пограничного шлагбаума, но и у любой двери, ведущей в запретный и, потому, казавшийся сладким, мир Запада. Золотой ключик от этой двери выдавался особо проверенным или, в крайнем случае, избранным персонам, чьи имена были уже хорошо известны по ту сторону занавеса и невольно работали на положительный имидж советского строя.

Вскоре появился Булат и предложил нам “зайти за Беллой”. Для меня это обычное, казалось бы, предложение прозвучало примерно также как: “давайте заскочим за Клеопатрой” или “забежим за Нефертити...” Как вы догадались, речь шла о Белле Ахмадулиной. Молодая и весёлая с солнечно-рыжей копной волос, она была похожа на античную богиню, по какому-то странному капризу спустившуюся с Олимпа на нашу грешную землю. Через год она посвятила другу такие строки:

А вчера колокольчик в полях дребезжал.
Это старый товарищ ко мне приезжал.
Зря боялась – а вдруг он дороги не същёт?
Говорила: когда тебя вижу, Булат,
Два зрачка от чрезмерности зренья болят,
Беспорядок любви в моём разуме свищёт.
1965

К гостинице подали автобус, который быстро заполнился прибывшими мастерами слова. Выяснилось, что на нас, – гостей Окуджавы, – мест не хватило. Заметив мою некоторую растерянность, Белла Ахатовна занимавшая переднее одноместное сидение, придвинулась к окну и жестом пригласила меня устроиться рядом на ее кресле. Это было сделано так товарищески естественно, что у меня даже не возникло чувство неловкости. У богинь – не бывает комплексов. Так, мы вместе, и добрались до Дворца Культуры имени Кирова на Васильевском острове.

Не знаю, чьё имя носит сейчас это некогда весьма популярное в Ленинграде здание с большим театральным залом, киноklubом старого фильма и многочисленными секциями и кружками по интересам. Там собирались и коллекционеры и поклонники джаза и шахматисты. Кстати, там состоялась одна из

моих первых лекций по теории шахмат. После того, памятного выступления, ко мне подошёл руководитель секции, один из первых моих шахматных партнёров – Виктор Шерман (ныне с успехом несущий свет шахматной мысли в еврейских религиозных школах под Вашингтоном) и представил мне своего подопечного – маленького светловолосого мальчика. Неожиданно этот юный слушатель задал мне непростой вопрос по одному из актуальнейших вариантов каталонского начала. Острый взгляд любознательного школьника почему-то запомнился. Уже через несколько лет мне довелось вручать ему в квартире на Басковом переулке удостоверение мастера спорта СССР по шахматам, которое я привёз из Москвы. У новоиспеченного мастера было такое огромное желание поскорее взять в руки эти заветные красные корочки, что он не мог дожидаться до утра, и прибыл ко мне поздним вечером вместе, с опекавшим его в эти годы, тренером Ефимом Столяром. Пора раскрыть имя героя последнего абзаца – это ставший впоследствии известным гроссмейстером и одиозным публицистом, – Валерий Салов.

Вместе с именитыми гостями из редколлегии журнала “Юность”, мы расположились в служебной ложе. После обычных вступительных слов главного редактора начались выступления. Особенно запомнился Борис Слуцкий. Но все ждали Окуджаву. Публика приняла его с особым восторгом, что, как мне тогда показалось, вызвало некоторую ревность у его старших коллег. Надо сказать, что интеллигентный Ленинград сразу принял и полюбил Булата. Была ли эта любовь – взаимна, – вопрос сложный. В какой-то мере на него ответил сам Окуджава уже в конце 1965 года, переехавший в более родную для него Москву. Вскоре и пути членов “New Пегаса” разошлись, но песни Булата остались с нами. Кажется, мудрый Александр Городницкий однажды заметил “те, кто выросли на песнях Окуджавы, уже не станут рабами”. Пожалуй, такой вывод чересчур оптимистичен. Я бы сказал: “они уже не захотят быть рабами”...

С памятного вечера прошло двадцать лет и песни любимого поэта вновь вторглись в мою уже новую, шахматную жизнь. За эти годы я закончил институт, успел поработать инженером-технологом на ювелирном заводе “Русские Самоцветы”, занялся игрой в шахматы по переписке, а в начале 1975 года перешёл на профессиональную шахматную работу в Ленинградский шахматный клуб имени М.И. Чигорина...

Конечно, мне было не безразлично, как относится Булат Окуджава к шахматам, которые стали не только увлечением, но и делом моей жизни. В интервью, данном известному журналисту

Илье Мильштейну весной 1983 года, поэт поделился своими размышлениями об этом культурном феномене:

“Игра зависит от наших способностей, а наша жизнь... Я думаю, что для шахматиста игра и жизнь – понятия равноценные. Если бы я был шахматистом, то трагедийность шахматных ситуаций, наверное, воспринимал бы как жизненную, ведь в игре проявляется характер человека, его темперамент... Если бы я стал играть серьезно, то, наверное, во время партии задумывался бы о собственной жизни. С серьезными вещами это происходит всегда. Например, вы читаете прекрасную книгу, следите за сюжетом, ужасно волнуетесь, вам хочется хэппи-энда... Но есть еще более прекрасные книги, читая которые вы не столько следите за похождениями героев, сколько размышляете о своей жизни, судьбе... Это – высшая степень творчества.

Но когда игра перестает быть игрой... Серьезный человек, играя в шахматы, участвуя в этой драме, начинает думать о себе самом – все должно быть как в жизни. Я убежден, что шахматы – совсем не сухая математика и, конечно же, не спорт. Вспомните «Шахнаме» Фирдоуси, написанное еще в IX веке, и «Гакраб» Я. Эйхенбаума, и «Шахматную новеллу» С. Цвейга, и «Защиту Лужина» В. Набокова. Игра стала канвой для серьезных размышлений о судьбах людей, при помощи шахмат оказалось возможным рассказать о состоянии души человека. Возможно, когда-нибудь и я к ним прибегну...”

К сожалению, для всех любителей шахмат эту заманчивую идею Окуджава осуществить не успел.

В январе 1984 года мой подопечный Александр Халифман в острейшей конкурентной борьбе с самыми одарёнными юными звёздами страны завоевал в азербайджанском городе Кировабаде (ныне Гянджа) почётное звание чемпиона СССР среди школьников, а также право на участие в полуфинале первенства страны среди взрослых в Боржоме. Знаменитый грузинский курорт бархатной осенью был великолепен. Смесь национального гостеприимства и неограниченных финансовых возможностей партийных и советских органов власти, помноженные на искреннюю любовь к шахматам, обеспечили участникам и тренерам роскошный приём. Проживание в уютном Доме композиторов Грузии, возвышавшимся над удивительным по красоте боржомским ущельем, ежедневный предтурсовой терренкур по солнечному лиственному лесу от горного плато к курзалу, расположенному в долине, и наконец, внимание шефских организаций, прикреплённых к каждому участнику – всё это

превращало ответственное соревнование в прекрасный шахматный праздник. Грузия в те времена была Меккой женских шахмат. Ещё бы! Какие имена Нона Гаприндашвили, Нана Александрия, а позднее Майя Чибурданидзе... Они были любимицами всей Грузии. Перепадало от этой всенародной любви и шахматистам-мужчинам.

Поначалу, казалось, что больше всех с шефами повезло нашему земляку все тому же Валерию Салову – его взял под своё крыло, а вернее на свой пансион, главный интуристский ресторан города. Нам с Сашей досталась небогатая, как и всякая образовательная структура, – музыкальная школа. Конечно, и у нашей двери каждое утро можно было найти коробку с изысканным экспортным “Боржомом”, (ныне признанным в России вредным напитком) и пакеты с фруктами: гранатами, персиками, сочными грушами, но с ресторанными банкетами эти дары было не сравнить. Однако, главный подарок наш ждал впереди. В выходной день шефы разобрали всех своих подопечных. Пришел маленький служебный автобус и за нами. Рядом с шофёром сидел начальник отдела культуры Горисполкома, который должен был стать тамадой на застолье перед концертом, подготовленным юными музыкантами в нашу честь. По приезде в небольшое, но уютное здание школы, выяснилось, что ни среди учащихся, ни среди преподавательского состава нет ни одного представителя сильного пола. А по восточным обычаям гостей должен приветствовать старший в доме мужчина, да и нельзя же поручить женщине произносить тосты, даже, если она – уважаемый директор школы. Так, что для соблюдения этикета, пришлось оторвать от важных дел местного руководителя культуры. Стол, накрытый с большим изяществом (живые цветы в вазах прекрасно гармонировали с цветочной вышивкой на явно принесённой по такому случаю домашней скатерти), носил десертный характер и недвусмысленно отражал вкусы милейших хозяек – разнообразные сладости, домашние кондитерские изделия, роскошные фрукты и, конечно, немислимое количество бутылок шампанского. Последнее обстоятельство вызвало у меня не столько чувство восторга, сколько опасение за исход предстоящего завтра ответственного поединка. Впрочем, надо отдать должное 18-летнему Александру Халифману – он не поддался соблазну ни за заманчивым застольем, ни во время удивительного концерта, который за ним последовал.

Нас пригласили в небольшой концертный зал, и началось чудо. На сцену вышли 10-12 учениц школы и под аккомпанемент двух гитар, удивительными для таких юных созданий, низкими,

завораживающими голосами запели дорогие для меня с юности песни Булата Окуджавы. Здесь в Грузии они звучали по-особому. И дело не в лёгком грузинском акценте, который только придавал обворожительный шарм знакомым русским текстам. Песни Булата – интимны не по содержанию, а по индивидуальной обращённости и направленности к каждому слушателю. И это их свойство особенно усиливалось в столь необычном исполнении. Здесь сошлось всё: и родная для Булата (этнически и ментально) красота грузинской природы, и удивительно проникновенное и тонкое исполнение его маленьких шедевров и, конечно, волшебные взгляды горящих восточных глаз юных красавиц. От всего этого пиршества затаённых эмоций кружилась голова. Казалось, что для нас поют гурии рая.

Не надо удивляться моей восторженности. Или приписывать её лишнему бокалу шампанского. В конце концов, я был тогда ровесником Александра Сергеевича Грибоедова, влюбившегося в 14-летнюю грузинскую княжну, ставшую вскоре его женой.

Пожалуй, никогда творчество Окуджавы не производило на меня такого удивительного впечатления, как на этом импровизированном концерте, устроенном только для двух зрителей.

К сожалению, как и всякой сказке, незабываемому вечеру в музыкальной школе пришёл конец. Гостеприимные хозяйки проводили нас до автобуса, а пока мы напоследок вдыхали “запах олеандра и левкоя”, шофер загрузил нам на дорогу фруктов и пару бутылок шампанского.

Халифман играл в этом турнире вдохновенно и смело. В эффектных победах, одержанных над представителями грузинской шахматной школы Бухути Гургенидзе, Игорем Ефимовым, Геннадием Зайчиком, а также Алвисом Витолиньшем и Константином Асеевым уже чувствовалась тяжёлая рука неординарного мастера. Не останавливаясь перед жертвами, Саша резко изменял картину боя и установил своеобразный рекорд. Будучи самым молодым участником, он одержал девять побед и занял в представительном турнире почётное второе место. Не знаю, какую роль сыграл в его успехе шефский концерт, но для меня, тот прием в музыкальной школе остался одним из самых радостных воспоминаний в моей тренерской карьере.

Прошло ещё почти четверть века, включивших в себя столько радостных, грустных и трагических событий, что их с лихвой бы хватило на несколько жизней...

В конце 2000 года мы вместе с женой Светланой оказались в немецкой земле Саарланд, точнее в её столице – Саарбрюккене. После первой поездки на Запад в качестве тренера Гаты Камского на юношеском чемпионате мира (Инсбрук, 1987 г.), когда железный занавес уже приподнялся, мне часто доводилось бывать в Германии. Здесь я судил шахматные турниры, сотрудничал в журналах, издавал книги по шахматной теории и, наконец, секундировал Александру Халифману, который в течение ряда лет выступал за сильнейшие немецкие команды в чемпионате Бундеслиги. Стоит отметить, что название Саарланд мало говорит даже достаточно образованному россиянину, однако, бурная судьба этой земли могла бы лечь в основу сценария исторического фильма. Меня же эта небольшая территория в самом центре Европы заинтересовала ещё в раннем детстве. Надо сказать, что, перефразируя великого пролетарского писателя, “всеми своими знаниями, я обязан почтовым маркам”. Вообще-то, моя “интеллектуальная” жизнь началась с напечатанного крупным шрифтом и богато иллюстрированного издания романа Джонатана Свифта “Гулливер в стране лилипутов”, по которому меня учила читать моя бабушка Елена Яковлевна – профессиональный педагог с большим стажем преподавания немецкого и французского языков. Может быть, это обстоятельство мистически и указало мне путь в двуязычный Саар?!

И всё же моё самостоятельное познание мира началось с той благословенной поры, когда мой детской альбом (кляссер) стал заполняться цветными бумажными прямоугольниками с зубчатыми краями. Только потом я узнал, что бывают и марки – беззубцовки, цена которых на филателистическом рынке, как правило, значительно выше своих зубастых коллег. Стоило появиться в моей скромной коллекции знаку почтовой оплаты какой-нибудь новой страны, и я уже спешил найти её на карте, запомнить её столицу, узнать из атласа или справочника её этнический состав, природные достопримечательности, какие-то, пусть весьма поверхностные, вехи её исторического развития. Таким образом, годам к восьми я уже имел определённое представление о политической карте мира. Кроме того, сам процесс чтения кратких текстов, топонимических и биографических терминов, воспроизведённых различными шрифтами на визитных карточках (как часто именуют почтовые марки) разных стран мира, облегчил мне в дальнейшем изучение иностранных языков. Начало моей коллекции положили подаренные мне марки – двойники, из большого, хотя и несистематизированного филателистического собрания моего

дяди Анатолия Альтшуллера (он, в отличие от моего деда, предпочитал подписывать свои искусствоведческие работы с двумя буквами «л»). В свою очередь, основу его коллекции составили марки, собранные в промежутке между двумя мировыми войнами его отцом Яковом Фёдоровичем – деканом Промышленной академии имени Сталина.

Расширение моей коллекции происходило, в основном, благодаря еженедельным походам с мамой в известный в Ленинграде филателистический магазин, приютившийся углу Невского и Литейного проспектов. Спустившись по нескольким ступенькам вниз, можно было попасть в сказочный мир витрин, за которыми в альбомах, кляссерах, или даже в индивидуальных целлофановых кармашках заманчиво располагались заветные марки или целые тематические серии, цены которых, указанные здесь же на маленьких белых полосках, могли колебаться от нескольких копеек до десятков рублей. Интересно, что на противоположной стороне Невского проспекта до войны находился специализированный шахматный магазин, директором которого был описанный мной выше коллекционер и библиофил Вячеслав Домбровский. На этом серия совпадений не заканчивается. До революции (или, как выражался мой дед “в мирное время”, то есть, до 1914 года) здесь же находилось представительство австро-венгерского издательства модного журнала “Wiener Schick”, которое издавали дяди моей бабушки Альберт и Бено Финкельштейны.

Именно в этот подвальчик, расположенный на бойком месте, приезжала за свежим номером популярного в Европе издания сестра Императора Николая II - Её Высочество Ольга Александровна. Купец первой гильдии, поставщик Двора Его Величества Яков Финкельштейн преподносил ей сигнальный экземпляр журнала с выкройками модных венских нарядов и, вручив на прощанье букет белых роз, почтительно провожал высокую гостью до кареты. Спустя более полувека правнук того петербургского миллионера, умершего, как и большинство его земляков, от голода блокадной зимой 1942 года, с жадностью рассматривал выставленные всё в том же подвальчике почтовые раритеты и в уме лихорадочно подсчитывал, хватит ли ему выделенных мамой денег, на покупку одного из них.

Любопытно, что меня особенно интересовали марки с надпечатками, т. е. с надписями, нанесенными типографским способом поверх оригинального цветного рисунка на марке. Как правило, такие надпечатки свидетельствуют о катаклизмах, происходящих в стране или обществе – галопирующая инфляция,

мгновенно изменяющая цену почтовых сборов, революция, приводящая, в частности, и к смене валют, оккупация одного государства другим, освобождение бывших колоний, или переход колоний под юрисдикцию другой метрополии, даже замена государственного языка или официального шрифта - всё это требует немедленного внесения изменений на знаках почтовой оплаты. Самый быстрый и дешёвый способ в этих случаях - сделать надпечатку на уже выпущенной марке. Пожалуй, рекордсменом по надпечаткам стала почта Саарланда. Немецкая надпись на французской марке, французская надпечатка на немецком Сааре, надпечатки с изменением цен и валют, независимый Саар (под протекторатом Лиги наций между первой и второй мировыми войнами), Саарланд - как часть Германского рейха, Саарская область - часть французской зоны до образования ФРГ, и, наконец, вступление Саара по решению референдума в состав Федеративной Республики Германии. Всё это отразилось на истории почтовых марок и потребовало использование многочисленных надпечаток.

Именно поэтому уже с детства эта земля приковывала моё внимание. В начале 90-х годов я трижды побывал на берегах реки Саар, судил международные турниры в Санкт Ингберте, приобрёл здесь немало знакомых и друзей. Врезалась в память и удивительная оценка ведущего популярной некогда телевизионной передачи “До и после полуночи” Владимира Молчанова, назвавшего Саарбрюккен – “лучшим городом Европы”.

Для чего я всё это рассказываю? Чтобы, хотя бы метафизически объяснить моё появление в этом прекрасном городе. Чем же всё-таки привлекает меня этот город в центре Европы? Попробую ответить: географическим расположением, интернациональным духом, идеологической индифферентностью, политическим либерализмом и религиозной терпимостью, короче говоря, истинно европейской толерантностью. Надеюсь, что не разочаруюсь в своих выводах.

Что касается шахмат, в столице Саарланда имеется небольшой, но уютный клуб, проводятся многочисленные соревнования: личные и командные, среди юношей разных возрастов и, конечно, среди очень почитаемых в Германии, ветеранов (их здесь принято называть сеньорами). Дважды за последние несколько лет именно в Саарбрюккене проводились личные мужские чемпионаты Германии. К сожалению, утратили своё международное значение ежегодные “швейцарки” в Санкт Ингберте, а когда-то в них участвовали известные гроссмейстеры

из России, Югославии, Венгрии, да и клубная команда этого маленького городка регулярно играла в соревнованиях Бундеслиги.

Среди русскоязычного населения Саарланда шахматы, по-прежнему, вызывают большой интерес. В местной синагоге, которая в дневное время фактически работает как Дом культуры (русская библиотека с читальным залом, лекционное помещение, где проводятся и маленькие праздничные или юбилейные концерты, кружки по интересам для детей и взрослых и т.д.) регулярно проходят шахматные турниры, а раз в два-три месяца меня приглашают в молитвенный дом с тем, чтобы познакомить любителей древней игры с новостями из мира шахмат.

После одной из таких встреч моё внимание привлекла красочная афиша предстоящего выступления Ларисы Герштейн. Это имя было мне известно в двух ипостасях: в качестве вице-мэра Иерусалима по международным делам и в качестве супруги известного советского диссидента Эдуарда Кузнецова, проходившего в брежневские времена по нашумевшему «самолетному делу», и первоначально приговоренному к смертной казни, а затем, обмененному в результате сложных секретных переговоров с американским дипломатом, на определенных политических условиях. Его защитником в этом непростом показательном процессе был друг и коллега моей мамы, известный ленинградский адвокат Юрий Лурье. После всего пережитого, Кузнецов поселился в Израиле, где возглавил редакцию популярной русскоязычной газеты «Вести». В 1997 году, когда Халифман стал чемпионом Всемирной Маккабады в Иерусалиме, нам с Александром довелось давать этому изданию интервью.

Концертный зал музыкальной гимназии Саарбрюкена, естественно, был заполнен до отказа. Встречу с бывшими соотечественниками Лариса предварила потрясшими меня словами: «Я буду петь вам Окуджаву на языке Господа Бога». Потом я узнал, что в последние годы жизни в зарубежных гастролях, поэта неизменно сопровождала – как переводчик, помощница, организатор – наша гостыя. Именно она первая запела Булата на иврите.

Творчество любимого романтика городской песни настигло меня и в средневековом городе в центре Европы.

“Я посмотрел на них – и удивился...”

Помню, у нас в ванной комнате висела лубочная, по-немецки сентиментальная литография. На ней был изображен младенец, с удивлением смотрящий на голубое небо. Подпись недвусмысленно объясняла зрителю: «Vom Himmel gefallen» –

«Упавший с неба». Каждый раз, когда меня мыли в ванной, я внимательно изучал это, с позволения сказать, произведение искусства. Видимо, это было мое первое художественное впечатление, и подсознательно оно всегда существовало во мне. Через много-много лет я написал:

«И этот мир, и звезды, и луна
Пришли в тот миг, в который я родился
Я посмотрел на них – и удивился
Они взглянули также на меня
Они уйдут, когда уйду и я
Не будет ни репейника, ни Бога,
Не будет ни Рентгена, ни Ван Гога
И в этом суть и вечность бытия».

Может быть, это восьмистишие было навеяно той картинкой из ванной, отвлекавшей от противного и попадавшего в глаза мыла, а совсем не идеалистическими взглядами философа Юма. Кто знает...

Я не помню, чтобы в моей семье обсуждали философские проблемы или религиозные концепции. Конечно, мои близкие унаследовали от родителей традицию отмечать иудейские праздники, но по взглядам их скорее можно было отнести к атеистам. Моя бабушка, воспитанная немецкими и английскими гувернантками и, естественно, русскими няньками, скорее всего, неосознанно, несла в душе определенную веру, более близкую к христианскому миропониманию, хотя в знаменитой Петербургской Мариинской гимназии изучала Закон Божий под руководством Главного раввина р. Каценеленбогена. Такое религиозное “двуязычие” было достаточно характерно для еврейской интеллигенции конца XIX – начала XX веков. Пожалуй, этому явлению положил начало сейчас почти забытый, а на рубеже веков один из самых популярных поэтов России Семен Яковлевич Надсон:

“Вдруг на арене, пред толпою,
С огнем в очах предстал Альбин
И молвил: – “Я умру с тобою...
О Рим, - и я христианин...”

Помню, какое впечатление на меня произвели, впервые услышанные от бабушки, строчки из ее любимого надсоновского стихотворения:

“Ты здесь, ты со мной, о моя дорогая,
О милая мама!.. Ты снова пришла!
Какие ж дары из далекого рая
Ты бедному сыну с собой принесла?

.....
Сегодня, родная, я стою награды,
Сегодня – о, как ненавижу я их! –
Опять они сердце мое без пощады
Измучили злобой насмешек своих...”

Строго говоря, Надсон был евреем только по отцу, а иудеем он и вовсе не был, но разве в приведенных строках не ощущается “это двуязычие”. А дальше по этому вектору, хотя и разными путями, пойдут и Осип Манделъштам, и Борис Пастернак, и, даже, правда через античное восприятие мира, наш великий современник Иосиф Бродский.

У нас в семье не принято было говорить о Творце. Мой дед Иосиф Альтшулер, родившийся в 1886 году, (т.е. всего через три года после восшествия на престол набожного императора Александра III, который с легкой руки выдающегося режиссера и сомнительного политолога Никиты Михалкова, стал чуть ли не идеалом российского руководителя), достаточно скептически относился, если не к религии, то, во всяком случае, к религиозным догмам и обрядам. Пожалуй, образнее всего такое отношение

выражалось в его излюбленной сентенции: “Я готов поверить, что Христос пятью хлебами весь народ накормил. Но возникает вопрос: были ли они при этом сыты?!”

Интересно, что природный скептицизм, у моего деда парадоксальным образом уживался с нескрываемым суеверием. Человек острого, критического склада ума, он, как это ни странно, верил в приметы, и, как все сангвиники, часто бывал тревожен. Для него естественными и даже сакраментальными фразами были «Я волнуюсь, я беспокоюсь». Достаточно было внуку или дочери задержаться на, какие-нибудь, 10-15 минут; он уже был вне себя, и полностью уходил в эти переживания. Однако стоило всей нашей маленькой семье собраться вместе, как его обычное добродушное состояние восстанавливалось и привычная, уютная атмосфера воцарялась в нашем доме.

Что касается моего личного отношение к христианству, то оно отражено в моем стихотворении, написанном уже в более чем зрелом возрасте.

Народ кричал: «Распни его, распни!»
Но в том беда – что не был он мессией, –
Он светлым был, как музыка Россини,
И слезы, точно соки у сосны.

И лишь потом пришли ученики,
Адепты новой веры и святыни,
И весть несли, звучащую поныне
Про чудное крещение у реки.

И, если обращался он к отцу,
То был – не Ягве, а старик Иосиф.
Он с детства знал: о чем бы не попросишь,
Тот не откажет сыну-сорванцу.

Но пред Пилатом плотник был бессилён –
Закон суров, и римляне грубы.
Он сыну не желал такой судьбы,
И он-то знал, что не родил мессию.
Иерусалим – Москва, 2005-2006 гг.

Если попытаться реконструировать мою детскую концепцию Вселенной, то в моем первом, ближнем круге находились дедушка, бабушка, мама, и, конечно, я сам.

Во второй круг, я, пожалуй, подсознательно, включал близких родственников среднего поколения, а также друзей моей

мамы, то - есть, людей, которые часто бывали в нашем доме и просто были мне дороги. Их было не так много. Тем не менее, ежегодно 7 января, когда отмечался день рождения моей мамы даже за нашим, раздвигавшимся в обе стороны, огромным обеденным столом, порой становилось тесновато. Недавно постарался посчитать, сколько тогдашних завсегдатаев наших празднеств остаются со мной и поныне, или как любил говаривать мой дед, “крутится на этом шарике”. Для печальной статистики хватило пальцев одной руки.

Хочу отметить, что дружба, зародившаяся в довоенной школе на Греческом проспекте, сопровождала мою маму до ее последних дней, и подчас, школьные друзья оказывались даже ближе чем кровные родственники.

У нас дома существовала такая традиция, точнее, ритуал: когда наша семья собиралась вечером, обе большие входные двери надежно закрывались на все замки, причем, если первая, внешняя дверь, обитая еще в период индустриализации толстой танковой броней, снабжалась витой стальной цепочкой, то вторая, внутренняя укреплялась еще толстым дубовым засовом, подобным тому, каким в средние века запирались амбарные ворота. Перед сном, дед “обходил владения свои”, лично проверяя выключен ли газ и электричество, а в дровяную эпоху, - нет ли, в на ночь протопленных, печках, угольков с синими огоньками – признаком того, что с закрытием задвижки надо повременить. Затем, внимательно изучив все оборонные сооружения, он с удовлетворением замечал: «Дверь на палке (так он называл наш амбарный засов), дети дома, – можно идти спать”, и, умиротворенно, отходил ко сну. Здесь надо пояснить, что мою маму и меня он воспринимал как представителей одного поколения. Для него мы были – его детьми, почти братом и сестрой. Может быть это объяснялось тем, что я с трех лет рос без отца, и все заботы по моему воспитанию легли на его плечи.

К нашей обители на Басковом вполне подходила формула “My home is my castle”. Что бы ни происходило за стенами этой своеобразной по форме, и явно необычной для советской системы по содержанию, крепости не оказывало существенного влияния на жизнь внутри нее.

И распорядок дня, и идеологические взгляды, и традиционные праздники, и даже распределение мест за обеденным столом оставались неизменными долгие годы. Не надо думать, что я рос в замке из слоновой кости. Напротив, интерес к политике возник у меня уже в раннем детстве. Помню себя, девятилетним, читающим отчет о XX съезде партии в газете

«Правда», расклеенной на фасаде дома неподалеку от моей школы, носившей тогда имя своей знаменитой выпускницы Н. К. Крупской. Для большинства наших соотечественников, причем, значительно старших меня по возрасту, доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина, имел эффект разорвавшейся бомбы. В моей же семье эта, бесспорно смелая речь Никиты Сергеевича была воспринята, как необходимая, но недостаточная и, главное, запоздалая констатация давно известных фактов. Когда я уже в 60-70-е годы слушал наших кумиров-шестидесятников, мне казалось весьма странным, что они вплоть до XX съезда искренне верили сталинской пропаганде и были слепы относительно личной роли диктатора в репрессиях 30- 50-х годов прошлого века.

Мои политические взгляды сформировались очень рано, и за последние пятьдесят лет практически не претерпели особых изменений. Мне кажется, что у моих сверстников было важное преимущество перед последующими поколениями,- нас воспитывали бабушки и дедушки, сохранившие в своей душе память о старой дореволюционной России. Эта память могла быть и восторженной, и печальной, и негативной. Важно было другое. Мы получали информацию из первых уст, и имели возможности для анализа и сравнения. Такое непосредственное знакомство с историей своей страны, своего народа не происходит ни в школьном классе, ни в вузовской аудитории, и уж, тем более, ни на страницах конъюнктурных, а подчас и просто лживых учебников.

Более полувека назад в 1959 году в нашем доме появился первый радиоприемник с коротковолновым диапазоном. Собственно говоря, это был не приемник, а радиола “Латвия”. Этот громоздкий агрегат доживает свой век в сарае в Сосново, если, конечно, новые хозяева не вывезли его на свалку, вместе с огромным старинным сундуком моей прабабушки, также оставленным нами перед отъездом в Германию. Когда я вспоминаю об этих, брошенных вещах, мне становится стыдно. Летние сезоны 90-х годов, проведенные в деревянном домике, окруженном хвойными деревьями, были не самыми веселыми в моей жизни, и, все же 5-я Зеленогорская (в моей жизни мистическим образом вновь возникает это название), вспоминается с каким-то добрым чувством.

Мазью ноги натереть,
Перед сном попить водички,
И под песню электрички
На полсуток умереть.
А поутру вновь восстать.

Или просто встать с постели,
И в окне увидеть ели
Удивительную стать.

И, накинув тот халат,
Что носил еще мой прадед,
Со скрипучей дверью сладив,
Крикнуть Миру: «Исполать!»
2006 г.

К 12-ти годам я уже был достаточно политизирован, но с появлением возможности, хотя и весьма условной, проникать с помощью радиоволн сквозь информационный железный занавес, моя жизнь изменилась. Ежедневно мы вместе с дедом, прильнув к ламповому приемнику, сквозь мерзкий треск «глушилок» слушали или, точнее, пытались слушать «вражеские голоса». Ежедневные передачи BBC на русском языке, по-моему, начинались как раз перед обедом, в 13-45 или в 14 часов. Особенный интерес вызывали у нас комментарии популярного в те годы ведущего Александра Максимовича Гольдберга. Иногда удавалось ухватить отдельные куски из новостей “Голоса Америки”. Что касается радиостанции «Свобода», то в Ленинграде ее глушили особенно зверски, и понять диктора было практически невозможно. Порой набредали мы в радиоэфире и на «Голос Израйля», идентифицировать который было возможно лишь по знакомым позывным или традиционному музыкальному сопровождению – гимну “Атиква”. Зато летом загородом или, тем более, в почти заграничном для нас, эстонском Пярну, наши регулярные попытки достигали цели. Конечно, они не оказали решающего воздействия на мое уже сложившееся мировоззрение, но зато развили у меня удивительные слуховые способности. Я и сейчас могу отчетливо различить мелодию или разговор, доносящийся из соседней квартиры, несмотря прекрасные звукоизоляционные свойства мощных стен дореволюционной постройки. Впрочем, иногда это приобретенное свойство мешает мне уснуть.

С детства я понимал, что страна, в которой я родился, и государственный строй, при котором я рос и прожил большую часть жизни – это отнюдь не тождественные понятия. Помню, как моя бабушка, искренне любившая Россию, рассказывала мне о своих ощущениях во время возвращений на родину с заграничных курортов. Мой прадед – Яков Давидович Финкельштейн – купец первой гильдии, смолоду страдал астмой, и ежегодно вместе со своей семьей выезжал на лечение в Швейцарию. Так вот, когда поезд приближался к российской границе, радость настолько

переполняла их сердца, что, как вспоминала моя бабушка: «В этот момент мы готовы были расцеловать первого русского пограничника». Любовь к родине бабушка пронесла через всю свою долгую и сложную жизнь, несмотря на трагические испытания, выпавшие на долю людей ее круга. Надо сказать, что по меткому замечанию М.Е. Салтыкова – Щедрина, они не были «склонны путать два понятия: “Отечество” и “Ваше превосходительство”».

С подачи моего деда, вожди и руководители страны воспринимались скорее, как комические фигуры. Однажды, вернувшись с какого-то очередного институтского заседания, он рассказывал, что каждый докладчик считал своим долгом подчеркнуть научные заслуги тов. Сталина. Каждый выступавший старался перешеголять предыдущего и выглядеть перед присутствующим начальством святее папы римского: ” Сталин – это знамя нашей науки, это – слава отечественной мысли”. Наконец, один доцент, окончательно распалившись, определил вождя, как “солнце мировой науки”, и, на этом, диспут был исчерпан. Все это дед воспринимал как абсолютный фарс, хотя и трагифарс. Его оценки были пронизаны ироническим презрением ко всему происходящему.

Мама относилась к существовавшему режиму значительно жестче, со свойственным ей, эмоциональным накалом. Думается, такое отношение к власти возникло у нее не сразу. До 1938 года, учась в школе, она вместе со своими сверстниками распевала оптимистические советские песни, а летом на даче в Сестрорецком курорте как все довоенные девчонки носила белые футболки и носочки, играла в крокет, и мало задумывалась о странных событиях происходивших в это время в нашей стране. Несмотря на далеко не пролетарское происхождение, ее нельзя было отнести, говоря современным языком, к диссидентствующей молодежи. Да и могло ли существовать такое понятие в те годы? Лишь абсурдный и неожиданный арест ее двоюродной сестры и сверстницы Валентины Лапковской при выходе из кинотеатра “Титан” (ныне в этом здании находится модернизированный, но сохранивший свое историческое название ресторан “Палкин”), обвиненной вместе с группой студентов Ленинградского Университета чуть ли не в подготовке убийства Сталина, перевернул ее мировоззрение. А дальнейший калейдоскоп чудовищных по трагизму событий: героическая, но бессмысленная, гибель ее первого мужа – Иосифа Воркунова, брошенного, совершенно неподготовленным, под гусеницы мощной немецкой военной машины, а после войны, - развернутый под флагом

борьбы с космополитизмом, государственный антисемитизм, иезуитское дело врачей, заставившее вспомнить ужасы средневековой инквизиции, и, связанные с ним ее собственные злоключения начала 50-х годов, окончательно расставили все точки над *i*. Кстати, недавно прошедший 60-летний “юбилей” позорного постановления о борьбе с космополитами, не получил должной оценки, ни со стороны политической элиты нашего общества, ни в наших СМИ.

И сейчас вижу мамины глаза, когда, вернувшись из районного отделения милиции, она показала нам свой паспорт с перечеркнутым штампиком ленинградской прописки. Видимо, она была одной из первых, кого после увольнения по “политическим мотивам” из городской адвокатуры, готовили к высылке в Биробиджан. За ними по плану маниакального вождя должны были последовать и остальные ленинградские евреи. Вот как описывает это страшное время мать известного кинорежиссера Павла Лунгина, блестящий филолог и переводчик Лиллиана Зиновьевна Лунгина (Маркович):

“Никогда не забуду, как французская коммунистическая газета “Юманите” напечатала статью, которую подписал главный редактор Андре Стиль... Так вот он опубликовал в газете статейку под названием “Браво, камарад!”, прославляя бдительность русских партийцев, которые смогли вывести на чистую воду врачей-убийц.

Как-то раз Сима (Семен Львович Лунгин – кинодраматург, лауреат Государственной премии, – муж Лиллианы Маркович – Г.Н.) пошел в домоуправление за какой-то справкой, и сидевшая там делопроизводительница не без злорадства, но как бы по-дружески сказала: “Вот видите списки? Вот нас заставляют здесь сидеть по вечерам и их дополнять и дополнять. Это списки ваши”. Сима говорит: “В каком смысле “наши”?” – “А ваши, вот вас выселять будут. Здесь написано, кому куда, на какой вокзал”. Уже говорили о том, как именно произойдет выселение евреев. Сталин выступит и скажет: чтобы спасти еврейский народ от справедливого гнева русских, его надо удалить из больших населенных пунктов, где он контактирует с другими, поселить отдельно, изолированно, что это гуманный акт во имя спасения евреев. Говорили, что размечены вокзалы, какие подаются составы, когда, в котором часу, какие автобусы, что можно брать (не больше 15 кило), — в общем, эти разговоры все время вертелись, вертелись, и, конечно, жить с этим было крайне трудно. В этот период, между прочим, начались первые отъезды в Израиль. Которые были сопряжены с невероятно скандальными

историями, но кто-то все-таки вырывался, и перед всеми встал вопрос: не единственный ли это путь спасения? Но вместе с тем не дадут уехать, растопчут. Это обсуждалось в каждом доме, где были евреи.

Это висело, как черная туча над городом. Я ни минуты не сомневаюсь — и это понимали все, кто жил в то время, — что если бы Сталин не умер, то, несомненно, евреев бы вывезли. Это было так же реально, как переселение кабардинцев и осетин, крымских татар, турок, болгар, греков, немцев Поволжья. Вы ведь знаете, как это было тогда организовано? Они в 24 часа выселяли народы. Мы плохие организаторы — плохие организаторы, а вот в такие минуты оказываемся гениальными организаторами. Мне рассказывали на Кавказе, как балкарцев выселяли. Всегда один и тот же сценарий: с наступлением ночи или на рассвете вооруженные солдаты окружали район, два часа на сборы, подгоняли нужное количество грузовиков, везли людей к запасным путям, где уже ждали вагоны для скота, — блестящая организация. Совершенно так же прошло бы выселение евреев из Москвы, из Ленинграда, в этом нет никакого сомнения”.

К счастью, смерть тирана не позволила осуществиться этим замыслам.

И все же, и это обстоятельство мне хочется особенно подчеркнуть, мрачная фантазмагория XX века не сумела лишить окружавших меня людей природного жизнелюбия, прекрасного чувства юмора и здорового скептицизма, т.е. всех тех замечательных качеств, которые в конечном итоге, и спасают человечество.

Когда в юридической консультации № 1 Невского района, где моя мама проработала почти двадцать лет, раздавался взрыв хохота, коллеги-адвокаты знали – это пришла на работу Наталья Иосифовна с новым анекдотом. Конечно, видел я маму и другую – со слезами на глазах, с пропадавшим от волнения голосом, и, наконец, страдающую от тяжелого недуга – и поныне практически неизлечимой болезни Паркинсона, приведшей к самому страшному для нее последствию – невозможности общения с внешним миром.

Удивительно, но, анализируя биографии моих родных, приходится, как это ни странно, признать их, относительно благополучными, учитывая, в какое время и в какой стране, они жили.

Сейчас, когда я пишу эти строки, находясь в 2-3 километрах от французской границы, меня не покидает чувство досады, что маме – человеку высокой культуры, с детства

владевшей немецким и французским языками, увлеченной европейской историей и искусством, тонко чувствовавшей жизнь и архитектуру Парижа так, будто она наяву обошла улочки и бульвары этого загадочного города, так и не удалось до конца своих дней ни разу побывать за границей.

Для молодого поколения эта досада может показаться странной, но в то время, даже для поездки в Болгарию или Польшу надо было пройти столько унижительных процедур, что не каждый уважающий себя человек был готов в них участвовать. Что касается, так называемых, “ворот капиталистического рая“, то для людей “не с тем анализом крови” (шутка, рискованная даже для великого Райкина) или по выражению моей бабушки “*ex nostris*” (из наших - лат.), граница была, как правило, на замке.

Семья развивается по тем же законам, что и единый живой организм. По сути дела, эта мысль развивает организационную теорию известного английского социолога Герберта Спенсера. Вывод из нее парадоксален: наиболее успешной формой воспитания ребенка в семье, является отсутствие всякого, специально продуманного и спланированного воздействия, на него. Воспитание – это естественный процесс взросления в кругу любимых людей, постоянное откровенное обсуждение волнующих ребенка вопросов. Это - равноправное участие в семейных праздниках, возможность присутствовать при разговорах и спорах интересных собеседников, к мнению которых, он искренне прислушивается.

Конечно, жить при существовавших в те годы правилах игры было не так - то просто. Слышать дома одно, а в школе – совсем другое. С детства знать, что среди незнакомых людей нельзя говорить то, что говорят дома, потому что, тем самым, можно сломать жизнь себе и своим близким. Это постоянное, несоразмерное с возрастом, чувство ответственности – нелегкий груз для юной психики. Надо было уметь не вступать в ненужные споры, а иногда, просто, держать язык за зубами. Для меня, человека чересчур открытого, особенно в плане своих личных симпатий и антипатий, (что не раз приносило мне неприятности и в зрелые годы) такое поведение требовало определенных усилий. Но, отказ от острых дискуссий с людьми, не вызывавшими моего доверия, был для меня вполне органичным, и не вызывал напряженной внутренней борьбы. Я не потакал воззрениям своих оппонентов, но и не раскрывал своих убеждений, ибо понимал, что мой собеседник может быть не только заядлым спорщиком - любителем, но и платным “профессионалом”. А таких в интеллектуальной среде было немало. Были они и в шахматном

мире. Мне не хочется о них вспоминать. “Иных уж нет, а те далече...”, а петербургским шахматистам старшего поколения их имена хорошо известны.

Развивающийся организм должен получать три важнейших витамина для роста личности: доброту, искренность и чувство юмора. Не знаю, годится ли этот рецепт для воспитания героя, но, уверен, от появления в семье садиста, стукача или просто жлоба, вы будете застрахованы. По-моему, универсальную формулу воспитания вывел Оскар Уайлд: “Лучший способ сделать детей хорошими – сделать их счастливыми”.

А что может быть счастливее, чем детские воспоминания? Их надо хранить и лелеять, особенно, когда лучшие годы жизни позади. Эту мысль проникновенно выразил Николай Огарев, чья политическая деятельность, излагаемая в учебниках истории, заслонила от нас лирический дар прекрасного русского поэта:

“Люби прошедшее. Его очарований
Не осуждай! Под старость грустных дней
Придется жить на дне души своей:
Весенней свежестью воспоминаний”.

Один из первых кадров, сохранившихся в памяти: мы с няней направляемся на прогулку. Спускаемся по расколотым, с наспех поставленными, цементными заплатами, ступенькам первого этажа. Задолго до моего рождения, здесь была роскошная мраморная лестница. У стенки стоял небольшой, камин, выложенный цветными плитками. О “мирном времени” напоминали лишь маленькие бронзовые колечки, с помощью которых крепились ковровые дорожки. Надо объяснить, что «мирным» временем в кругу моего деда назывался период между Русско-Японской и Первой мировой войнами. Как-то не принято было говорить – “до революции”. А вот «мирное время», когда Россия стремительно вошла в капитализм, и российский рубль стал самой авторитетной международной валютой, вспоминали с явной ностальгией. Интересно, что в Прибалтийских республиках главным историческим Рубиконом всегда воспринимался ни 1914 и, конечно, ни 1917 год, а момент потери их недолгой независимости в итоге пакта Молотова-Риббентропа. Вспоминаю старого рижского портного, у которого мой дед заказывал костюм в начале 50-х годов. Профессионально пощупав привезенную для этой цели ткань, он настороженно оглянулся, и с горькой иронией, прошептал: «Разве это матерьяльчик? Матерьяльчик был до катастрофы», и нетрудно было догадаться, о какой катастрофе шла речь...

Вернемся к стоп-кадру. Экспозиция: Ленинград. Басков переулок. Парадная лестница со следами былой красоты. Конец 1951 года. Навстречу нам с няней поднимается старуха в полуистлевшей шляпе и потертых ботах, но с осанкой и орлиным профилем пиковой дамы. Пожалуй, это был первый персонаж, не входивший в мой ближний круг, но возникший в сознании одновременно с памятью, и оставивший след на всю жизнь.

Раиса Евгеньевна Винер. История ее жизни могла бы стать сюжетом для мелодраматического романа, но двадцатой век – не самое подходящее время для такого жанра!

Эта одинокая и несчастная дама, не имевшая своих детей и внуков, безумно любила нашу семью, и, особенно, была привязана ко мне. Несмотря на свою ужасающую бедность, она старалась сделать мне подарок не только 22 мая – в день моего рождения, но и 22 числа каждого месяца. Вопреки своей жестокой судьбе, она оставалась трогательно сентиментальной.

Раиса Евгеньевна родилась в середине 80-х годов XIX века в семье крупного петербургского биржевика, и получила прекрасное образование, характерное для барышни этого круга. С детства она свободно владела тремя иностранными языками, и ее молодость складывалась весьма удачно. Она посетила не только основные европейские столицы, но даже Египет и Нью-Йорк, что в начале прошлого века воспринималось определенным экстримом. На изразцовом камине в нашей квартире на Басковом можно и сейчас увидеть сувенирную гондолу с надписью «Venezia», привезенную нашей соседкой из дальних странствий.

В юности высокая и статная Раиса Винер пользовалась большим успехом, и среди ее поклонников были и представители высшего света.

Она рано увлеклась живописью, и была принята в жанровую мастерскую Высшего художественного училища при Академии художеств. Ее руководителем был один из популярнейших русских художников того времени Владимир Маковский. Одна из ее ученических работ – «Тюльпаны» подаренная моей маме, уже почти шестьдесят лет занимает свое почетное место на стене столовой в нашей питерской квартире. Когда-то на стенах этой парадной комнаты было несколько больших картин в витых золоченых рамах. Но все они поочередно исчезали в ленинградских комиссионных магазинах в 50-60 годах, и, после нескольких уценок, продавались фактически за гроши тогдашним любителям искусства. Именно в этот период были проданы две картины, об утрате которых, я жалею и по сей день. Речь идет о роскошном (больше, чем в человеческий рост)

портрете Раисы Евгеньевны работы самого Владимира Маковского, и о копии известного полотна этого выдающегося русского художника, прекрасно выполненной его способной воспитанницей. Две эти картины, созданные учителем и ученицей, до сих пор стоят перед моими глазами. Удивительно, но обе работы долгое время висели на втором этаже, не существующего ныне, антикварного магазина на Невском проспекте, и мы с мамой не раз заходили посмотреть на эти, никак не продававшиеся, шедевры.

Но вернемся к судьбе встреченной мною соседки. Незадолго до начала Мировой войны в семье Винер произошла катастрофа. Отца Раисы – опытного биржевика, – кто-то втянул в сомнительную финансовую операцию, и, он, за один день, потерял все свое состояние. В своем банкротстве Евгений Винер обвинил коллег-единоверцев, отрекся от иудейской религии, крестился сам, и настоял на переходе в православие всех своих близких. Раиса не только стала бесприданницей, но и, более того, зарзилась от своего отца бациллой антисемитизма. Неожиданно она оказалась в своеобразном общественном и социальном вакууме. Замуж она не вышла, а стать чьей-то содержанкой не позволила природная гордость. Помню ее ироническое воспоминание о какой-то опустившейся до такого унижительного положения и, потому шикарно одетой, ее старой знакомой: «Das Kostum kostet ihm!» – т.е. буквально: ”Костюм стоит ему!”

Возможно, это была первая, и, потому хорошо запомнившаяся, немецкая фраза, услышанная мной в детстве. Пытаясь скрыть что-нибудь от меня, бабушка и мама обычно использовали французские выражения, которые, впрочем, я вскоре стал расшифровывать, хотя этому изумительному языку я так и не научился. Сейчас я об этом жалею, как никогда. Покупая пирожные или круассаны в ближайшем французском городке, так хочется объясниться с симпатичной продавщицей на ее родном языке. Впрочем, буше и эклеры от «Норда» с Невского проспекта времен застоя были значительно вкуснее и полезнее, чем изделия современных европейских кондитеров.

Послереволюционная судьба Раисы Евгеньевны характерна для многих, ”бывших”, имевших мужество остаться на своей родине. Лишение гражданских прав, экспроприация ценностей, уплотнение, нищенская зарплата в библиотеке, война, блокада, карточки, медаль “За оборону Ленинграда”, пятнадцатирублевая дохрущевская пенсия плюс шесть рублей хлебных.

Нас отделял всего один пролет лестницы, и в последние годы жизни она поднималась к нам почти каждый вечер. Мои близкие старались ей помочь, но для этого требовалась особая деликатность. Несмотря на череду унижений, которые преследовали Раису Евгеньевну большую часть жизни, она до самого конца оставалась барыней с прекрасным французским языком и изысканными манерами. Она ознаменовала свой уход поистине царским жестом - подарила единственную сохранившуюся у нее ценность – икону 18-века в серебряном окладе - нашей глубоко верующей домработнице Акулине Матвеевне, которая ухаживала за ней в последние месяцы жизни.

Виктор Гопман

Начало

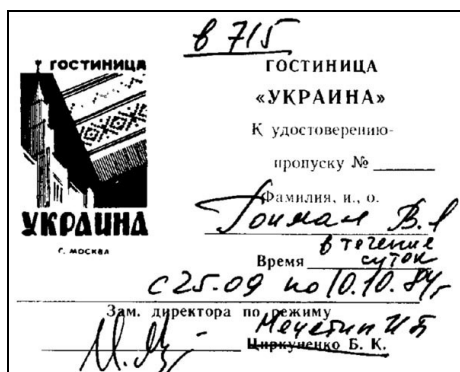

убликации в сетевых изданиях Евгения Берковича хороши по ряду причин. Ну, во-первых – цитируя безвестного, но гениального ребе (а именно, его аргумент в пользу обрезания): это красиво. Во-вторых, читательская аудитория куда как обширна и многолика, да к тому же репрезентативна. И еще – что весьма немаловажно – автор имеет возможность ознакомиться с реакцией этой аудитории в режиме вполне реального времени: любой читатель вправе немедленно нажать на кнопку «Отзыв» и оставить свои комментарии. Так вот, после появления в журнале «Семь искусств» очередной моей истории о жизни и приключениях переводчика в стране Советов застойного периода, читатель (под ником «Soplemennik») совершенно справедливо заметил, что «ещё нет двух частей начала цикла – “Как я стал переводчиком” и “Начало”. Где они?». А ведь и в самом деле, сказал я самому себе, где же они? Допустим, кое-что на этот счет сказано в «Записках переводчика “Перевод добр, или перевод добра”» («Заметки по еврейской истории», октябрь 2010 г.) – кое-что, но в только самом общем виде. А тема заслуживает развития – впрочем, в общем виде, без особого размазывания белой каши по чистому столу.

Поэтому, сказал я самому себе, сведем обе затребованные темы воедино, под общим названием (также предложенным читателем) – «Начало». Это, кстати, и название фильма, где одна из самых любимых моих актрис, Инна Чурикова, играет целых три роли: Паши Строгановой, юной ткачихи из маленького российского городка, а также Жанны д'Арк и Бабы-Яги.

Как же я все-таки стал переводчиком? Отчасти по стечению обстоятельств. Сидел я себе в отделе научно-технической информации ведомственного НИИ, существовавшего при ЦСУ СССР, и вылавливал крупницы передового опыта из англоязычных периодических изданий. А сектором капстран в отделе заведовала Анюта, типичная такая инязовская девочка, натуральная блондинка в голубых очках. Знакома меня с кругом

обязанностей, она упомянула, в частности, и о международных семинарах, которые ЦСУ практически ежегодно проводит, что называется, от имени и по поручению Советского правительства. А также о том, что переводчиками там работают – такова кадровая политика ведомства – преимущественно сотрудники ЦСУ, включая, разумеется, и НИИ. Я пропустил сказанное мимо ушей, не питая никаких иллюзий насчет того, что к работе с иностранцами будут допущены лица сомнительной национальности – во всяком случае, в моем лице (напомню: на дворе конец 60-х прошлого века). Но вот прошла моя первая зима в легендарном здании Ле Корбюзье на улице Кирова (которое было изначально построено для Центросоюза, то есть, для российского общества кооператоров, но в конечном итоге стало обителью советских статистиков), и мы с женой уже строили планы на лето, как Аня сказала: «Да какой тебе отпуск в августе, когда с пятого сентября – ооновский семинар?» На вопрос же, предусмотрено ли мое участие в этом мероприятии, она только пожала плечами: «А ты как думаешь?»

Пропуск, дававший право входа в гостиницу
«Украина» в любое время суток

И впрямь: к концу первой августовской недели меня вызывают в наш отдел кадров и официально извещают о спущенном сверху приказе министерского управления кадров – «Откомандировать такого-то на такой-то срок в распоряжение администрации международного семинара ООН». А дальше началась работа, непривычная изначально – потому хотя бы, что никто меня этому не учил, все приходилось хватать на лету, полагаясь в основном на интуицию и лишь отчасти на здравый смысл.

Первым делом надо было освоиться с гостиницей «Украина», где на втором этаже (в конференц-зале) проходили заседания семинара, а на следующих этажах размещались участники; наш штабной номер, двухкомнатный полулюкс, находился на третьем этаже, и мы вселились туда в понедельник, за неделю до начала работы. А в среду уже прибывали первые ласточки, и Анюта повезла меня организовывать их встречу; выехали с запасом, чтобы дать мне возможность освоиться с положением дел в международном аэропорту. В те времена местом прибытия (равно как и отправления) зарубежных рейсов служило некое сооружение, похожее скорее на ангар (нынешнее, привычное здание было сооружено, как известно, к Московской олимпиаде, то есть в 1980 году). Человек, вошедший в этот ангар, буквально утыкался носом в таможенные стойки – места для встречающих практически не предусматривалось, да и вряд ли это было столь уж необходимо, учитывая тогдашнее весьма незначительное число международных авиаконтактов. Впрочем, слева от входа просматривалось некое помещение, обстановка которого выглядела чуть более комфортабельной – ну, во всяком случае, не столь обескураживающе спартанской; оно отделялось от общего места ожидания загородочкой, проход в которой охраняла девица в аэрофлотовской форме. «А если там подождать?» – спросил я Анюту. – «Кто же нас туда впустит?» – «А попробовать?» И я обратился к девице с заветными словами «семинар ООН». – «Официальное мероприятие?» – служебным голосом уточнила она. Мы на два голоса подтвердили ее предположение. – «А много участников?» – «Человек тридцать...» – «Ну, оформите у своего начальства удостоверения на встречу, – последовал благодушный совет, – и будет вам проход всюду». Вот так я внес свой первый вклад в процедуру организации этого семинара.

Впрочем, вопросы лингвистические волновали меня куда больше, чем организационные. Смогу ли я общаться с живыми иностранцами и обеспечивать, путем перевода, их общение с принимающей, то есть, русскоговорящей, стороной? Следует заметить, что в середине 60-х годов прошлого столетия в университетах нас этому просто-напросто не обучали – охотно допускаю, что сейчас это звучит отчасти диковато. Но тогда, тогда... Во-первых, считалось, с точки зрения концептуально-методологической (кстати, и правильно считалось), что мы должны с первого же занятия не только говорить, но даже и думать на иностранном языке – а отнюдь не ограничиваться переводом на него русских фраз. А во-вторых, учебный процесс

предполагал восприятие живого иностранного языка лишь опосредствованно, то есть, в лингафонном кабинете, где записанная на магнитофонную ленту речь носителя языка доводилась до нас через наушники. Непосредственное же общение с этими самыми носителями не только не поощрялось, но, прямо скажем, не приветствовалось. А точнее говоря, частный, внеслужебный контакт с иностранцем мог кончиться печально – то есть, печально для советской стороны. Вот почему наличие бумаги, извещающей, что такому-то «поручена организация встреч, проводов и пребывания в СССР делегации [страна] в период с ... по ...», было не просто полезным, а зачастую и жизненно необходимым. Разумеется, бумага эта выполнялась на бланке с государственным гербом, украшалась солидной подписью (не ниже замминистра) и заверялась гербовой печатью, причем желательно, чтобы ее оттиск был красного цвета (для пущей важности и солидности).

Удостоверение, легализировавшее мое общение с иностранцами

Вернемся, однако, к языковому аспекту контактов. Скажу правду и ничего, кроме правды: через день-другой общения с участниками семинара я (не без внутреннего, впрочем, удивления) осознал, что не только понимаю их, но и в состоянии ответить – достойно и по делу. Все-таки учили нас в целом неплохо, а развязать язык – лишь вопрос времени. Надо, правда, подчеркнуть: основная нагрузка лежала на синхронных переводчиках; они обслуживали не только рабочие заседания, но и всяческие встречи, беседы и разные столы – круглые, квадратные, прямоугольные,

тогда как мы – переводчики линейные – были в основном на посылках и побегушках. Тем более – успокаивал я себя – имеются в команде переводчики более опытные, и в случае чего первой на амбразуру ляжет Анюта, а моя очередь вроде бы последняя. Я, конечно, старался приглядываться (и особенно прислушиваться) к работе синхронщиков, следил за манерой их поведения на рабочем месте, ловил интонации, прикидывал, как бы я сказал ту или иную фразу, записывал незнакомые слова и выражения. Но все это так, на всякий случай, без особых мыслей, чтобы применить на практике.

Прошла первая неделя семинара, и далее в программе значилась поездка в Тбилиси на пару дней – ознакомиться с постановкой дел на республиканском уровне, да и вообще развеяться, встряхнуться перед заключительной рабочей неделей. Тут-то я краем уха начинаю слышать разговорчики о том, что нечего тащить с собой всех переводчиков, тем более, что их авиабилеты, равно как и гостиничную бронь, правильное будет отдать министерскому начальству. Ну, ежу понятно, что в Москве остается самый младший – то есть, я. Однако в четверг, накануне отлета, Анюта как бы между делом спрашивает, нет ли у меня каких-нибудь неотложных дел в Москве на эти выходные. «Потому что, – говорит она как бы между прочим, – Вадим (еще один линейный переводчик) лететь не может, да и у меня нарисовались проблемы». И спрашивает, как о само собой разумеющемся, как бы заранее зная ответ: «Ты же ведь справишься один, не правда ли? Там дел – всего ничего, тем более что местные ребята в случае чего подстрахуют».

Когда в пятницу после обеда все отбывающие в Тбилиси собрались в вестибюле «Украины», выяснилось, что из троих синхронщиков тоже летит только один – Толя Розенцвейг. Личность, надобно сказать, в известном смысле легендарная (в кругах как переводчиков, так и московских плейбоев), и, вместе с тем, по возрасту ближе ко мне – на фоне того же Ганса Владимирского, фигуры вовсе легендарной, одного из патриархов московского синхронна. Заметим, что участие таких корифеев в работе нашего семинара объяснялось очень просто: оплата их труда шла по ооновским ставкам. Мы, простой народ, получали, разумеется, согласно расценкам общесоюзным, но и это было вполне приемлемо, если учесть, что на основной работе нам капало само собой, да к тому же за семинарские субботы и воскресенья причитались отгулы.

...И вот Саша, администратор Семинара, приглашает народ занимать места в автобусе. Это ЛАЗ, львовская машина,

выдержанная в бело-голубых тонах (время красных интуристовских Икарусов венгерского производства еще не настало). Вхожу в числе последних, иду по проходу и вижу свободное место рядом с американским участником. Сажусь – а чего бояться-то? Право имею (тем более что при мне и бумага, подтверждающая такое право, с печатью и подписью), а английский у него – понятнее, чем у некоторых других (представителей Юго-Восточной Азии, в частности, имею в виду). Сажусь, стало быть, я на свободное место, и проводим мы час пути до Внуково в необременительной беседе на разные темы. Вообще, надо сказать, общение с руководящими работниками национальных статистических служб давалось без особого труда, хотя (все ведь познается в сравнении!) осознал я это в полной мере лишь через несколько лет, когда столкнулся с народом попроще, а именно, с профсоюзными активистами разных стран, которые университетов не кончали и язык учили на медные деньги, а то и вовсе не учили, довольствуясь тем или иным пиджином. Разница заключается в том, что человек образованный действительно говорит на английском, а человек простой – он просто полагает, будто говорит на этом языке. И горе переводчику, которому доведется работать с таким клиентом!

Что же касается моего американского соседа по автобусу, то именно благодаря его неявному покровительству я исхитрился провести добрых полчаса в пилотской нашего воздушного судна – см. подробнее «Развеселые цыгане. Книга странствий» («Семь искусств», апрель 2010 г.). Но главное: он стал первым иностранцем, которого мне довелось переводить не в официальной обстановке, а за обеденным столом – точнее говоря, за столом пиршественным, накрытым для зарубежных гостей и прикрепленных к ним товарищей в соответствующем помещении села Киндзмараули. Первым поднял стакан хозяин, некий местный начальник, а отвечал ему как раз американец. Обед этот, вообще говоря, стал для меня в известном смысле судьбоносным. С утра нас принимал грузинский министр, и беседу переводил, разумеется, Толя Розенцвейг. А потом мы погрузились в автобус и отправились в дальнюю дорогу. По прибытии же в место нашего назначения Розенцвейг сказал мне, как бы между прочим: «Чтобы у тебя не было никаких иллюзий – обед переводить ты». Честно сказать, не помню, как я отреагировал на такое сообщение – потому, скорее всего, что нашло на меня при этих словах временное затмение, или помрачение. Но последующие события помнятся вполне отчетливо. Встал местный начальник со стаканом, за ним покорно встал и я. Тостующий сказал что-то о

родине, и я начинаю переводить. И слышу, к ужасу своему, вылетающее из моего рта *motherhood* – это вместо *motherland*. На этом месте можно было бы поставить большой и жирный крест на моей переводческой карьере. Мало ли что я мог выкинуть вслед за таким афронтом: полностью отключиться от сети, забыть все слова не только русско-английского, но и русско-русского словаря, выбежать из-за стола, утопиться в винной бочке... Но тут Толя, аккуратно обрабатывавший куренка, вроде бы между делом, и ведь не очень громко, но так, чтобы мне было слышно, говорит: «Motherland, так твою мать!» И при этом показывает рукой, с зажатой в ней куриной ножкой: дескать, давай-давай, продолжай, не теряй времени, народ есть-пить хочет... Подействовало это на меня как ведро холодной воды или как пощечина при истерике – то есть, я встряхнулся, вроде бы пришел в себя и... и продолжил переводить. И торжественный тост грузинского начальника, и выдержанный в шутливых тонах ответный тост американского начальника, и дальше, дальше, дальше – ну, все мы представляем себе кавказское застолье, читали же Искандера. В общем, выходит, что именно Толя Розенцвейг научил меня плавать – самым действенным, хотя и жестоким способом: бросив в воду и предоставив возможность самостоятельно выбираться из сложившейся ситуации.

Боря Шнякин и я в перерыве между заседаниями пьем чай
(я – при галстукe и с бородой)

Вот так я и плыву с тех пор – ну, разумеется, уже не собачьи, лишь бы только оставаться на водной глади, а подучившись со временем, освоив не только кроль, но и более сложные стили, включая тот же, скажем, баттерфляй. Так вот и перевожу – в разных ситуациях, перед разными аудиториями, на

разные темы, включая и специализированные беседы, и разговоры вовсе ни о чем. Все это, в общем-то, без особых опасений, переживаний, волнений, смятения или мандража. Наверное, не в последнюю очередь и потому, что, когда мы встали из-за стола, Толя Розенцвейг улучил минуту и сказал мне ободряюще: «Все нормально. Можешь работать!..» Кстати: опыт свидетельствует, что переводить всякие анекдоты, тосты и вообще застолья – занятие куда как трудное. Это всегда чистой воды импровизация, притом, что лексика может оказаться самой неожиданной, и ведь заранее не подготовишься – в отличие от, скажем, круглого стола или симпозиума на заранее заданную, пусть и сколь угодно сложную, тему.

Учеба моя состояла в том, что я во всяческих ситуациях внимательно следил за действиями старших товарищей, поскольку на просьбы о наставничестве обычным ответом было: «Кто ж тебя будет учить? Приглядывайся – и постигай. Сам, сам... Все – сам...» Таков был мой процесс приучения, от раза к разу, от эпизода к эпизоду, и с каждым разом я ощущал все большую свободу – не столько я, собственно, сколько мой язык. Дошло, со временем, дело и до баттерфляя, то есть, до синхронного перевода. Я к тому времени считал себя опытным человеком, переводил – последовательно, то есть – и наше министерское начальство, и профсоюзную верхушку страны Советов, включая секретарей ВЦСПС, но синхрон свалился мне на голову совершенно неожиданно. Ситуацию в известном смысле можно было уподобить первому моему опыту, за бокалом киндзмараули: сидел я в кулуарах какой-то конференции, тихо и смиренно, как вдруг подходит ко мне Боря Шнякин, известный бригадир синхронщиков, и спрашивает: «Чем занят?» – «Ничем таким особенным» – отвечаю. – «Вот и хорошо, что ничем. Сядь-ка в будку на подмену». – «А что за тематика?» – спрашиваю машинально (хотя, казалось бы, ответить надо было криком ужаса: «Как? В будку? Да я же не смогу!») Он сунул мне несколько страничек: «На, глянь наискосок...» Я, как под гипнозом, надел наушники – и поехало. Ну, конечно, и трясучка была будь здоров, и горло пересохло, и лакал я водичку прямо перед микрофоном, как собачонка в жару... Но в целом не сплеховал. А потому, мне кажется, что старался имитировать Розенцвейга – его позу в будке, как он сидит, упираясь запястьями в край стола и чуть наклонившись вперед, его манеру разговора, его интонацию... Так я отсидел свои двадцать минут; ну, вышел на ватных, если честно сказать, ногах... А потом вроде бы невзначай спросил Шнякина: «Как же ты рикнул меня в будку посадить? А если бы я словечка

сказать не смог?» – «Если бы да кабы... – отвечает он. – Разве я тебя не знаю?» – «Но я же никогда не...» – «Ну и что? Когда-то ведь надо начинать. А теперь обвыкнешь, глядишь, тебе и самому понравится...» И ведь как в воду глядел. Синхрон оказался почище наркотика, и я все чаще стал проводить сессионные часы не в пустопорожней трепотне с коллегами – с утра брал наушники и следил за ходом заседания, а где-нибудь после обеда просился к микрофону, «минут на десять, для разминки».

Однако синхронный перевод – это все же дело последующих лет. А пока я усердно участвовал в наших ооновских семинарах, проходивших сначала в «Украине», гостинице, расположенной на правом берегу Москва-реки, а потом и в Хаммеровском центре, возведенном на противоположном берегу, и за эти годы все более и более насобачивался или, иными словами, неизменно оттачивал свое профессиональное мастерство линейного переводчика. Этот самый Центр, официально именуемый Совинцентром, был построен в начале 80-х (при участии пресловутого Арманда Хаммера, личного друга Владимира Ильича), и по состоянию на тот момент являлся самым шикарным офисным и гостиничным зданием в стране. Неудивительно, что начальство выбрало его для проведения грандиозной сходки руководителей национальных статистических служб США, Канады и стран Западной Европы.

На этом мероприятии я сделал важное для себя знакомство, со свояченицей одного нашего начальника средней руки: рабочим языком у нее был немецкий – вот почему я до сих пор ни разу не пересекался с ней на своих чисто англоязычных сходках. А тут директор семинара принял решение, что в штатном должны постоянно дежурить люди с английским, французским и немецким, и вот мы с этой Надеждой попали в одну смену. В процессе необязательных разговоров она как-то поинтересовалась, не доводилось ли мне кататься с туристическими группами по стране, а на мой отрицательный ответ спросила, не хотелось бы мне этого попробовать – и тут ответ был утвердительным. Далее выяснилось, что она уже объехала таким образом чуть ли не весь Союз – но не с Интуристом, а с клиентами другой организации, ведающей туризмом профсоюзным и именуемой Интурбюро (о существовании которой я, честно говоря, тогда-то и услышал впервые). Через некоторое время Надежда познакомила меня с директором Интурбюро, и я вроде бы произвел на него неплохое впечатление. Во всяком случае, меня поставили для начала на группу по простому маршруту «Москва-Ленинград», потом посложнее, «Москва-Ленинград-Киев», потом «Москва-

Ленинград-Волгоград-Баку», а дальше – больше... Кстати, немаловажное примечание: о моих подвигах в этой системе см. «На холмах Грузии и виноградниках Шабли. История двух поездок» («Семь искусств», декабрь 2010 г. – январь 2011 г.); так вот, описанный там директор – это лицо вымышленное, ничего общего со знакомым мне директором не имеющее.

И вот в один прекрасный день собираюсь я в библиотеку, провести по назначению свой библиотечный день, уже и галстук повязал – как вдруг телефонный звонок. И мягкий голос в трубке: «Здравствуйте. Это Международный отдел ВЦСПС. Нам ваш телефон дал (*имя-фамилия директора Интурбюро*). Как у вас сейчас со временем? Не могли бы вы нас выручить? Надо бы сегодня-завтра попасть нашего гостя?» Я ответил бодрым согласием и через полчаса прибыл к гостинице «Спутник» Управления делами ВЦСПС. Там меня встретил референт МО по имени Герман и оперативно ввел в курс дела. Отдел проводил в Баку некий конгресс, зарубежные участники которого слетались поодиночке в Москву, с целью их дальнейшего коллективного перевоза по месту назначения. Надо было поехать в Шереметьево, встретить там делегата, привести его в «Спутник», пообедать с ним, потом снова в Шереметьево, встретить еще двоих, снова в гостиницу и на ужин. Все это я проделал без особых затруднений, а когда доставил эту парочку, Герман сказал мне (между делом перейдя на ты): «Сейчас выпьем, закусим как следует, а потом тебя машина забросит домой. И завтра заедет за тобой часикам к восьми – ты как, подписываешься на весь день?» – «Завтра – четверг, это нормально, – ответил я, – а вот в пятницу...» – «Пятница у меня без проблем, – заверил Герман. – Но я бы попросил тебя и в субботу-воскресенье поработать. Ты вроде малый надежный... Договорились?»

В четверг я дважды смотался в аэропорт, уже на РАФике, поскольку зарубежный гость повалил в товарных количествах. Перед четверговым ужином Герман отозвал меня в сторонку и сказал конфиденциально: «Сейчас придет начальство – зам зав отделом и зав сектором, познакомиться с делегатами. Гости начнутся... Ты как, сможешь переводить?» – «Без проблем», – заверил я. – «Вот и хорошо. А то вон прыгают тут две девицы, и обе стесняются...»

Я без особого стеснения отработал этот вечер, а когда народ стал расходиться из-за стола, меня подозвал зам зав международным отделом: «Первый раз у нас работаем?» Я не стал скрывать правду. – «А полететь с нами в Баку нет желания?» – «Желание есть, возможности нет». – «Жаль. Ну, тогда до завтра».

– «Он и завтра не сможет», – вставил Герман. – «Тогда пусть просто к ужину приходит. Посидим, поохаем по маленькой... А уж в субботу-воскресенье – само собой, за работу». Провожая меня к машине, Герман сказал: «Понравился ты начальству. В середине октября – семинар в Ташкенте. Постарайся уладить у себя на работе, и полетели. Там хорошо...»

Вот вкратце история о том, как я стал заниматься всеми этими делами. Как видите, попадание мое в систему отчасти случайно – судите сами: некий переводчик, по неизвестной мне причине, подвел профсоюзного международника; тот, несомненно, позвонил одному-другому-третьему из числа имеющих в его записной книжке, однако никто из них не смог оперативно закрыть брешь; тогда международник отчасти машинально набрал номер директора Интурбюро, а тот, уж вовсе неожиданно для всех героев этой истории, вспомнил меня, и не просто вспомнил, но и отыскал мой телефон. И, наконец, у меня оказался, на счастье, библиотечный день. Словом – вошел я в систему по воле случая, однако задержался в ней (в системе, то есть) вроде бы закономерно. По моему, скажем так, скромному мнению. Поскольку был (и остаюсь) человеком надежным, ответственным, умеющим находить выход из непростых ситуаций, умеренно пьющим (то есть, готовым поддержать компанию, но не злоупотребляющим), имеющим чувство юмора и плюс ко всему прилично знающим язык (см. уже неоднократно цитированный в этой связи «Перевод добр, или перевод добра»).

Борис Кушнер

Три истории

Сколько много крутится колёс

эта моей ранней юности – одно за другим – проходили в пионерских лагерях. Капризница-память, по ей только ведомым резонам, вырвала и сохранила из потока образов, звуков, эмоций какие-то отрывки, картины, нечто вроде видеоклипов, выражаясь современно. Часто эти эпизоды совершенно незначительны, но сохранены они во всём первоначальном богатстве. Вот я еду – ещё с детским садом! – на летнюю дачу в Лианозово (прекрасно звучащее название запомнилось сразу же). Сажу у окна (!) в автобусе (сама эта езда – сказочное событие), заворачиваем мы с Покровки на Садовое кольцо, а около кино «Спартак» ковыляет на костылях наш одноногий сосед Поляков... И проходит это мгновенное фото со мною через всю жизнь. Почему именно оно? Нет ответа... Или сажу я в огромной кабине разбитого немецкого грузовика, уткнувшегося тупым носом в землю за забором лагеря. Пахнет сеном, разогретой на солнце кожей, каким-то чужим лаком... Жужжат шмели, кружат бабочки... Вся жизнь впереди. Или поле, заросли травы через амбразуру азота – не знаю немецкого или нашего... Прямо за ним лес, а в нём фиалки – нагнёшься к хрупкой головке цветка (не так уж далеко и нагибаться надо было в те годы), и голова кругом... Вспыхивает в памяти и не желавший разгораться пионерский костёр. Наш шофёр плеснул в него из ведра бензина, и на мгновенье столб пламени поглотил огромные и близкие – руку протянуть – звёзды. И вовсе невероятное счастье: мы идём по опушке, а над лесом, почти задевая верхушки, проносится самолёт. Так низко, что в кабине виден лётчик в шлеме. «Реактивный, реактивный!» – дружно кричит мужская половина отряда.

Конечно, и сейчас слышу певшиеся тогда песни, не все, разумеется. И здесь выбор Мнемозины не всегда понятен. Ну, скажем, поёт одна девочка из старшего отряда другой: «Ты не хмурь, подруга, бровь/Сердце к радости готовь/Есть на свете дружба и любовь». Подружки многозначительно переглядываются. Почему угнездились в моём запоминающем устройстве эти жуткие строки? Пробуждавшаяся эротика? Возможно, я один на белом свете и помню их – похоже, даже всезнайке-Интернету они неизвестны. Видимо от многократного исполнения осталось в памяти бессмертное: «Сталин наша слава боевая/Сталин нашей юности полёт/С песнями борясь и побеждая/Наш народ за Сталиным идёт»¹. Много пели тогда «Сормовскую лирическую»²... Вечером, над потемневшими от сумерек и росы полями «Гудками кого-то зовёт пароход» звучало ширью необозримого, за горизонт уходящего простора. Уже в шестидесятых годах, приплыв в Горький на теплоходе «Некрасов», увидел Стрелку, разлив Волги, и позвал меня издали тот самый песенный пароход...

Была и ещё одна особенная песня – про паровоз и его машиниста. Побродив по Интернету, я узнал, что песня эта, скорее всего, фольклорная. Вот запомнившаяся мне версия стихов³:

Где вчера поля были пустые,
Там теперь раскинулся колхоз,
На одном заброшенном участке
Сиротою мальчик Миша рос.

Шла война, гремела революция,
И незаметно Миша наш подрос,
Он окончил школу машинистов
И стал водить товарный паровоз.

Ты лети, лети, моя машина,
Сколько много крутится колес,
Ах, какая чудная картина,
Когда по рельсам мчится паровоз.

Ой, долго-долго Мишу не видали,

¹ Блантер-Сурков.

² Мокроусов-Долматовский.

³ Ср., <http://korob-kov.livejournal.com/20660.html>. Все упоминаемые сайты посещались в июне 2012 г.

Но однажды встретиться пришлось.
Он теперь ведёт «Иосиф Сталин» –
Самый мощный в мире паровоз.

Паровоз «Иосиф Сталин»

Наравне с пароходами и самолётами паровоз был предметом моего детского обожания. Как только мне было разрешено одному выходить из дома, я освоил «тропу» в Хомутовский тупик. Дорога была не длинной. Сначала из подъезда направо по Лобковскому переулку (позже – ул. Макаренко). Затем немного налево по ул. Чаплыгина и направо к Садовому кольцу по ул. Машкова с её знаменитыми Машковскими банями. На углу этой улицы и Садово-Черногрязской на моей памяти построили добротный многоэтажный дом, в котором жил Витя К., товарищ начальных школьных лет. Как я сейчас понимаю, Витин отец бывал в зарубежных командировках, наверное, в США – в его комнате стоял огромный, неслыханный-невиданный радиокомбайн. Когда он включал его, казалось, что весь мир помещался в этом колоссальном иллюминированном ящике – пел, вздыхал, говорил, хрипел, трещал оттуда. Витина эрудиция была сказочной. Попросту говоря, он знал *всё*. Кстати, именно он просветил меня относительно евреев – из коридорного гула первых же месяцев школы я вынес впечатление, что евреи сплошные дураки и уроды. «Да что ты! Умнейшая, талантливейшая нация на земле!» – воспламенялся Витя. При всём этом, он был не чужд земных развлечений – мы любили подолгу смотреть с балкона на спичечные коробки троллейбусов внизу, поджидая проезжавший изредка двухэтажный экземпляр, напоминавший усами укороченных токоприёмников внушительного таракана. Увлекала нас и странная игра. Мы расходились по разные стороны улицы и

катили друг другу деревянное кольцо из игрушечной пирамиды. Довольно часто оно, к нашему восторгу, избегало всевозможных колёс. И ещё чаще приходилось извлекать его из середины автомобильной реки. Наши родители, конечно, не знали об этих небезопасных занятиях. При сегодняшнем уличном движении так уже не поиграешь.

Хомутовский тупик начинался за Садовым кольцом, почти напротив ул. Машкова. На его углу с улицей позднее был построен большой дом, в котором разместился книжный магазин, небезызвестный кинотеатр «Встреча», а главное – на шестом или седьмом этаже – жила однокурсница, предмет моего горячего увлечения. По вечерам я приходил на тротуар напротив дома сочинять стихи (к счастью, полностью забытые) и даже ухитрялся видеть через широченную Садовую-Черногязскую высоко в окне кусок стены с детским портретом предмета моих вздыханий. Именно так – через улицу и на высоком этаже. Было же зрение! В общем, «страдал как Блок» (копирайт Аркадия Велюрова из «Покровских ворот»). Пожалуй, я отчасти воспроизводил композитора Алексея Мухина из очаровательного фильма «Антон Иванович сердится». Тем более, что мои ежевечерние визиты – как тогда же выяснилось – не остались незамеченными. Сходство с композитором Мухиным оказалось не только внешним. В один прекрасный вечер, бродя под окнами, я услышал музыку – скрипка при поддержке фортепиано объяснялась кому-то (ясно – кому) в любви. Примчавшись домой, тут же сыграл Романс на нашем семейном Блютнере. Сыграл, как и услышал, в печальной пятидиезной тональности соль-диез минор. Пишу сейчас об этом, чтобы поклониться светлой памяти недавно скончавшегося однокурсника Жени Гайдукова, с которым мы сыграли пьесу на курсовом вечере... Правда, Женя с порога отверг мою изысканную тональность и, транспонировав на полтона выше, мы очутились в будничном ля-миноре. Где и снискали, надеюсь, заслуженный успех (пришлось сыграть Романс на бис). Женя был одним из самых оригинальных, талантливых, своеобразных моих университетских сотоварищей. Мир Тебе, дорогой...

Начинаясь у Садового кольца, Хомутовский тупик упирался в пути соединительной ветки Курской железной дороги. Вот в этом и заключалось очарование в прочих отношениях неприметного московского уголка. Здесь можно было бродить по склону выемки, или сидеть на чахлой траве и смотреть вниз на опасно сверкающие рельсы, вдыхать горько-сладкий первобытно пьянящий запах угля, поджидая царя-самодержца хомутовских краёв – паровоза. И сказочная машина являлась в облаках дыма и

пара, сияя красными огромными колёсами, лоснясь свежим маслом. Кажется, только в паровозе и можно было воочию наблюдать превращение тепловой энергии в механическую энергию неукротимого поступательного движения. А кривошипно-шатунный механизм! Гениальное изобретение, с невероятной простотой и элегантностью распрямляющее вращение! Всё это жило, дышало, трудилось. Да-да, паровоз был живой, он дышал, отдувался. За переброшенным над путями пешеходным переходом он обычно прибавлял ходу, вдохи-выдохи учащались, ну, просто бегущая по жаре собака. Издалека красный лоб локомотива казался высунутым собачьим языком.

Я махал руками, и порою недостижимый, как Б-г, машинист отвечал на приветствие. Иногда – и такой день надолго запоминался – он давал гудок, и тогда над паровозом поднимался упругий столб пара. Обычно при этом из окошка высывался чумазый любопытный полубог-кочегар. И, поняв в чём дело, со смехом исчезал в загадочных жарких паровозных глубинах.

Даже просто идти вдоль путей, читая железнодорожные знаки, было интересно. Останавливаешься у грубоватого «Закрой поддувало» и ... невольно закрываешь открытый в изумлении рот. Конечно, эта формула перешла из технического лексикона в наш ежедневный школьный язык. И, раз уж оказался у путей, неодолим соблазн подложить на рельс небольшую гайку или просто пятак. А потом держать в руках плоский кусок горячего металла. Правда, примерно то же самое можно было проделать и с обыкновенным трамваем, но не сравнить будничный вагон с огнедышащим гигантом!

Особенной удачей было увидеть изредка проезжавший миниатюрный, почти игрушечный маневровый паровоз. «Кукушка», принцесса здешнего царства, отзывалась на моё приветствие своим чистым сопрано...

Кричал ночами паровоз
Высоким голосом кукушки... –
Не оторваться от подушки
Помощницы в скрыванье слёз.
И мучит мальчика вопрос,
И манят звёзды на опушке... –
Всё те же старые игрушки,
Чередованье Лун и рос...
С тех пор я, кажется, подрос,
Но так не понял ни полушки...
Опять рассвет. Пастух, пастушки...

И снова не хватает слёз.

30 мая 1994 г., Pittsburgh

Ко всему этому примешивалось странное чувство гордости, ведь паровозное чудо сотворено нашей страной, нами. Россия в те годы была «родиной слонов», и я не сомневался, что паровоз изобрели отец и сын Черепановы. Вероятно, этому утверждению подивились бы сами талантливейшие уральские механики-самородки.

«Паровозная» песня начинала звучать во мне, как только я ступал на священный асфальт Хомутовского тупика. Но «самый мощный в мире паровоз» не появлялся и не появлялся. Проходили ФД («Феликс Дзержинский»), СД («Серго Орджоникидзе»), другие серии, но императорского ИС, «Иосифа Сталина» не было и в помине. Сейчас, в век Википедии, можно без труда узнать множество интересных вещей про паровозы, про ИС, в частности. Например, что в момент создания ИС был самым мощным пассажирским паровозом в Европе, обладателем гран-при на Всемирной выставке 1937 года в Париже... В 1962 году название паровоза было изменено на ФДП («Феликс Дзержинский, пассажирский»). *Sic transit gloria mundi...*

Паровоз «Иосиф Сталин» на Всемирной выставке в Париже, 1937г

Вымирание паровозов происходило на моих глазах. Помнится ночная короткая остановка поезда Москва-Хельсинки, которым я ехал в Ленинград. Калинин? На тёмных запасных путях толпились заброшенные паровозы. Разбитые прожектора, сползающая краска... *Sic transit...* А бывало – грибные походы по лесам тамбовщины. Огни лисичек, подосиновиков. Полковничья и генеральская важность боровиков. Издалека слышишь тяжёлые вздохи паровоза. Выходишь – всегда внезапно – к насыпи. И вот он – тянет состав на подъём. Или пролетает в искрах и свисте с подъёма.

Вспоминалось колко –
Травы-лебеда,
Рытвины просёлка,
Ржавая вода.
Благостные лики
Облаков в воде, –
Паровоза крики –
К радости, к беде?
Выйдешь на пригорок,
На песчаный наст –
Паровозный порох
Угольно обдаст.
Шляпки, да иголки,
Бархат, губчат мох... –
Исполинских лёгких
Частый выдох-вдох.
Это время оно –
Ветры дальних стран... –
Спального вагона
Просвист-ураган.
И сверкнёт Розина
В отблеске стекла... –
Полная корзина,
Давние дела...
14 ноября 2003 г., Route 22, West

Как одуванчики лисички,
Их рой рассыпчатый в траве... –
Мои охотничьи привычки,
Набат азарта в голове.
Бескровный жар грибной охоты,
Полковники-боровики,
Марш сыроежечной пехоты –
Мундиры пёстры и легки.
Ах, осень! Всласть порой ненастной,
Внимать под стук дождя в ночи
Как паровоз страдает астмой,
Хрипит, вздыхает и кричит...
Всё это надо взять в кавычки –
Ушли и время и среда,
А неизменные привычки

Вдруг изменились навсегда...

17 мая 2007 г., Route 22, West

И поезда из снов, уносившие Б-г весть куда...

В хрустальном холоде гудки
Забывших паровозов –
Ах, эти терпкие глотки, –
Чистейший сок морозов.
По склонам изморози мех,
По сини – росчерк аса. –
Впадаю в первобытный грех, –
Свищу, зову Пегаса.
Ах, эти пьяные слова,
Журавль, не синица. –
И вновь кружится голова,
И Беатриче снится.

10 ноября 2003г., Johnstown

Звезда над профилем поезда,
Алмаз изо льда – Звезда.
И дробью колёс напоится
Бешеная езда.
Куда и зачем не спрашивай,
Достанет прочих забот.
Пояс Планеты сажевый –
Ночной горизонт.
Над станционными вязами
Вскричал паровоз конём.
А небо сыпет алмазами,
Горит ледяным огнём.

31 июля 2000 г., Johnstown

Интересно, что имя Ленина паровозам не присваивалось. Справедливость была отчасти восстановлена огромной серией электровозов ВЛ (Владимир Ленин). Вообще же перевод железных дорог на электрическую и дизельную тягу во многом убил романтику, восходящую к 19-му веку, к самому началу новых средств передвижения. Романтика романтикой, но я, конечно, видел всё в розовом свете детства – условия труда паровозной бригады были тяжелейшими. Превращение тепловой энергии в кинетическую происходит в паровозе в результате сгорания

человеческого здоровья, о чём я не задумывался... Вдобавок львиная доля тепловой энергии буквально вылетает в трубу...

Однажды мне случилось ехать поездом из Питтсбурга в Нью-Йорк. Дорога интереснейшая. Около города Алтуна (*Altoona*) поезд поднимается в гору по знаменитому участку, называемому «лошадиной подковой». В военные годы, как я слышал, немцы с помощью диверсионной группы безуспешно пытались прервать здесь движение, чтобы воспрепятствовать доставке стали из Питтсбурга на судостроительные верфи Филадельфии. В Филадельфии поезд делает длительную остановку, дизельная тяга сменяется электрической, и сам класс железной дороги на оставшемся участке – скорость, состояние путей – резко повышается. Прогуливаясь по платформе, я подошёл к уже прицепленному электровозу. Стал рассматривать мощный, стремительных очертаний локомотив. И вдруг меня тронул за плечо средних лет человек и пригласил зайти в кабину. Машинист! Или, как его здесь уважительно называют, инженер поезда. Госпитальная чистота, пульт управления с чёткими кругами приборов. Стало запоздало больно за машинистов-кочекгаров моих детских сказок, за бесчувственность мою к ним. Указатель скорости заканчивался какой-то немислимой цифрой. «Неужели Вы можете ехать так быстро?». Собеседник улыбнулся и ответил почти что формулой знаменитого анекдота: «Может-то она, может, да кто же ей даст?»

О поразительном росте сети железных дорог в эпоху пара, можно наглядно узнать из такого неожиданного источника, как Дневники Мейербера. На английском языке доступен четырёхтомный полный перевод уникального документа, позволяющего заглянуть в художественно-театральную жизнь значительного отрезка XIX века. Композитор много странствовал и подробно описывал свои путешествия, вплоть до расписания поездов, их опозданий, пересадок (в первых томах упоминаются пересадки в дилижансы и на рельсовые дороги с конной тягой)... О скорости передвижения по железным дорогам Англии в конце сороковых годов девятнадцатого века можно также узнать из писем Шопена...

Дизельные локомотивы (тепловозы), электровозы – несравненно эффективнее старика-паровоза, ценнее своего парового предка утилитарно, но лишены его внешнего живого очарования. Впрочем, и тепловозам нашлось место в чудесном стихотворении Давида Самойлова:

Была туманная луна,
И были нежные берёзы...
О март-апрель, какие слёзы!
Во сне какие имена!
Туман весны, туман страстей,
Рассудка тайные угрозы...
О март-апрель, какие слёзы –
Спросонья, словно у детей!..
Как корочку, хрустящий след
Жуют рассветные морозы...
О март-апрель, какие слёзы –
Причины и названья нет!
Вдали, за гранью голубой,
Гудят в тумане тепловозы...
О март-апрель, какие слёзы!
О чём ты плачешь? Что с тобой?

Железные дороги Америки заслуживают продолжения разговора. По крайней мере, в моих пеннсильванских краях они огорчают своим упадком. Автомобиль и самолёт задушили некогда процветавшее рельсовое сообщение. Например, скоростное шоссе, по которому я проезжаю половину дороги в Вашингтон, строилось как железная дорога. Но до укладки рельсов дело не дошло. В ряде случаев на неглавных направлениях разбирают пути и устраивают трэйлы для велосипедистов и пешеходов. Великолепно, с размахом, на века построенные вокзалы и станционные здания превращаются в торговые центры и рестораны. Многочасовые опоздания поездов – рутинное явление. В 1999 году мне пришлось ехать из Питтсбурга в Толидо, Охайо (*Toledo, OH*). Расстояние примерно в 330 километров поезд одолел за 13 (тринадцать) с небольшим часов. По расписанию он должен был прибыть на станцию в 7 часов 2 минуты вечера. Прибыл же около трёх утра. Поезд бесконечно и подолгу застревал на перегонах. Интересно, что в одном случае наши пути под прямым (!) углом пересекала другая железная дорога. Никогда ничего подобного не видел в России. И стоявший «перпендикулярный» поезд упирался в наш лучом прожектора локомотива. Так мы и стояли «вдвоём». По трансляции нас утешали извинениями компании, а один раз даже разнесли бесплатную пиццу. Заявленная в расписании минутная точность (не 3, не 4, а именно 2 минуты восьмого!) была умирительна. Пассажиры реагировали по-разному, большей частью философски, взятка в форме пиццы

принималась с улыбками. Несколько ехавших в вагоне израильтян непрерывно разговаривали по мобильным телефонам. Устав переживать, и, видимо, одурев от созерцания бесчисленных квадратов окон, я сочинил стихотворение:

КВАДРАТ

На полотне – один квадрат.
Не водопад и не закат,
Не меч, не ваза, не треножник,
И не Венера спит без сил. –
Один квадрат изобразил
Художник.
Четыре линии-стены,
Углы и стороны равны,
Как дом, как рама. –
Такая драма!
Квадрат, как вызов и как щит,
Учёных дам не оттащить,
Стоят, глазами полоская,
Как камень в тысячу карат, –
Квадрат. –
В нём суть мужская.
Победа знака, не писца,
Простое торжество самца,
Аристократии над голью.
К чертям и Моцарт и Бальзак –
Смотрите, как пылает Знак! –
Молитва четырёхуголью.
Сто раз нарисовал подряд
Я восхитительный квадрат,
Но, чёрт возьми, никто не рад.
Русалкам роковым не нравясь,
Впадаю в зависть.
А, кажется, любой прохвост
Квадратом мог заполнить холст,
Но он один и новодевыч –
Малевич.

30 сентября 1999 г., поезд Amtrak,
Pittsburgh-Toledo

Синдром «разглядывания квадрата», как мне кажется, глубоко укоренён в природе человека. Он легко обнаруживается в восторгах образованной толпы – будь это мода в литературе, кино, политических и социальных воззрениях...

Сочинительство помогло мне скоротать время и в ожидании запаздывающего поезда на обратном пути:

TOLEDO

Н. Васецкой

Не Толедо, но Толидо,
Половодье берегов,
Солнце с яростью болида
Пало в вату облаков,
И в полёт багровой тенью
По путей переплетенью,
По платформам, поездам.
Хриплый голос – Аз воздам –
Сообщает расписание,
Ненадёжное заранье.
Мне ж не сеять и не жать –
Ждать.
Только брызжут стёкол блики,
Только чаек дальний гам,
И, как пульс Озёр Великих,
Вздохи ветра по щекам...
3 октября 1999 г., Toledo, OH

В другом случае я встречал в Джонстауне (*Johnstown, PA*) поезд из Нью-Йорка. Устав от четырёхчасовой нервотрёпки, спросил у ходившего по платформе пожилого железнодорожника приходил ли этот поезд хоть когда-нибудь вовремя, бывало ли такое. Уловив мой акцент, он спокойно пояснил, что это не Европа, и при сложившихся порядках поезд не придёт по расписанию *никогда*. Жаль. Может быть, растущие цены на бензин предвещают начало американского железнодорожного ренессанса? Не знаю...

Опоздания опозданиями, но в езде по американским железным дорогам мне не хватало милой суеты прошлого. «Автобусная» компоновка вагона ограничивала общение. В купе советского поезда быстро завязывались непринуждённые человеческие отношения, долгие разговоры за чаепитием (чай, впрочем, не всегда был единственным напитком). Знакомства неизбежно были коротки как жизнь мотылька, это было наперёд понятно и окрашивало беседы и улыбки особой атмосферой предстоящего расставания, крушения крошечного купейного мирка. Интересно, что такой мирок успевал создаться даже в ночных поездах между Москвой и Ленинградом.

КРАСНАЯ СТРЕЛА

Луны золотая литера.
Тьму круша в пух и в перья,
Поезд нёсся к гранитам Питера
Через чёрные прерии.
Но тяжестью Медного Всадника
Ночь нависала
Над проблеском палисадника,
Болидом вокзала.
Здесь нет ни кнута, ни пряника,
Ни низости, ни скопидомства. –
Звени, серебро подстаканника,
Завязывайтесь, знакомства!
Как сказочные аббатства
Чернильные шпили леса. –
Расти, всеобщее братство
В масштабах экспресса!
Купе – воплощенье вселенности,
Мотив колёс односложный.
Особый род откровенности –
Дорожный.
Пуста моя полка, полочка,
Все разом поём – не Америка.
И вот уже Вышнего Волочка
Скромная эзотерика.
Рассвета серые прописи.
«Стрелы» кончается эра.
Сквозняк. Платформа. Расходимся
Под медные звуки Глиэра.
25 апреля 2001 г., Johnstown

Замечательны были долгие поездки на юг. Проплывавшие за окном картины могли служить живым пособием по физической географии. Менялись пейзажи, менялись породы деревьев, придорожных трав, постепенно менялась мелодия говора на станциях. Проснёшься утром – и ты в другом краю. На ночных стоянках глаз выхватывал мгновенные срезы чужой жизни – вот из вокзального ресторана вывалилась подгулявшая компания, вот кто-то задёрнул занавески в далёком окне. А над всем сущим гудит раздражённый мужской голос, предлагающий машинисту тепловоза номер такой-то-такой-то немедленно явиться в диспетчерскую. Снова и снова: «Повторяю, машинисту

тепловоза...» Куда только запропастился машинист? И вдруг толчок, лязг и этот загадочный театр уплывает в вечность.

А остановки? Это уже особенная статья, воспетая в ряде фильмов... Кто-то затевал дела, не помещавшиеся в десять минут стоянки, отставал от поезда («Поезд идёт на восток», «Вокзал для двоих»), но большинство просто спрыгивало с подножек, чтобы почувствовать под ногами недвижный раскалённый асфальт платформы, присмотреться к красочной смеющейся и галдящей толпе, предлагающей всевозможные дары местных садов и огородов. Чем дальше на юг, тем живописней толпа, ярче овощи-фрукты. Ехал я как-то весною поездом в Ереван. Сосед по купе, весёлый полный жизни армянин вышел из вагона на одной из таких остановок за Ростовом. К поезду принесли свежие огурцы – редкость в эту пору года... Пассажиры спрашивали цену, ежась, отходили, немногие выторговывали огурец, ещё реже два. Поезд тронулся, соседа не было. Я затревожился, но вот он возник в прямоугольнике двери. «Кушай!». Мы остолбенели. Перед нами было ведро огурцов! Он так и купил огурцы – вместе с ведром. На южном поезде всегда событие – внезапное появление моря. В первый момент зажмуриваешь глаза от неправдоподобной голубизны, в которой одна чаша сливается с другой. И долгая езда вдоль линии прибой⁴...

По мере приближения к цели путешествия начинает разрушаться купейно-вагонный мир. На лицах появляются тени предстоящих радостей, забот, тревог. И снова – каждому своё. Заканчивается необычайное время, время дороги, когда человека уносит от собственной будничной обыкновенности капсула вагона. Почти космическое чувство.

Так и не забудется на всю оставшуюся жизнь весёлый сосед с ведром огурцов в узком дверном проёме купе, мягкое прикосновение чего-то тёплого и мокрого к руке – дворняга выпросила у меня только что купленный на платформе в Сухуми беляш. И аист. Да как забыть немислимое явление сказочной птицы! Поезд уже стучал по бесчисленным стрелкам, уже проплывали за паутиной путей розовые ереванские дома, и вот – на перекладине П-образной опоры электроподвески корзина гнезда, а над корзиной возвышается невозмутимый, как древний

⁴ В середине пятидесятых я ехал с экскурсией из Сочи к Туапсе. И долго-долго далеко в море виден был точёный слоновой кости силуэт теплохода «Россия». Тогдашний флагман Черноморского пассажирского флота шёл параллельным курсом...

философ, аист! Внизу грохот, гарь, смрад, нефтяные составы. И всё ему нипочём. Выбрал это место и точка.

Конечно, я снова не по годам поддался нас возвышающему обману. Ну, не обману, иллюзии. Если вернуться к истинам, то придётся признать, что у российской непринуждённости была и обратная сторона. Когда пространство персональной неприкосновенности человека, некоторый невидимый круг духовного суверенитета личности не признаётся или почти не признаётся молчаливыми цивилизационными соглашениями, непринуждённость легко переходит в панибратство, панибратство в грубость и т.д., и т.п.

Но куда же занесло меня, как далеко увела память от дымного хомутовского рая пятидесятых!

Последний действующий паровоз я увидел в том же 1999 году, вскоре после поездки в Толидо. Дело было на экскурсионной железной дороге Нокс&Кейн (*Knox&Kane*⁵) в Пенсильвании.

Железная дорога Нокс&Кейн

Основной примечательностью поездки оказался Кинзуа мост (*Kinzua Bridge*), переброшенный через глубокое ущелье. Построенное в 1882 году великолепное 625 метровое инженерное сооружение было тогда самым высоким (92 метра) железнодорожным мостом в мире.

Перед мостом поезд останавливается, многие пассажиры выходят, опасаясь захватывающего дух переезда над пропастью. Я, конечно, остался в вагоне и полюбовался серебряной змеей ручья в бездне, начинавшейся у самого окна. На конечной станции была получасовая стоянка. Небольшая толпа туристов побрела на мост.

⁵ См., http://en.wikipedia.org/wiki/Knox_and_Kane_Railroad.

Сооружение действительно необыкновенное, вдобавок, казавшееся опасно хрупким. Вернувшись на надёжную твёрдую землю, пошёл к локомотиву. Я уже знал, что это был паровоз – кто же ещё мог так громко дышать всю дорогу? У огромных колёс прохаживался машинист в чистой спецовке. Мы разговорились. Он сказал, что осталось совсем мало людей, способных обращаться с паровозом. Сам же паровоз был привезен из Китая и отапливался мазутом.... Сейчас эта дорога закрыта, пути снимают, превращая полотно в туристский трэйл. И снова горькое *sic transit...*

Кинзуа мост

Всё проходит. Посмотришь в зеркало – чужой старик бредёт по зазеркалью... И уносит меня к конечной станции паровоз из детства. «Ты лети, лети моя машина/Сколько много крутится колёс»...

НО СЛОЖНОЕ ПОНЯТНЕЙ ИМ

В январе 2012 года я полетел в Бостон на зимний съезд американского математического общества. До приезда в США мне и в голову не могло придти, что математика такая массовая профессия. Бостонская Конференция собрала около семи тысяч двухсот (!) участников. По окончании съезда в субботу 7 января мой долголетний друг-коллега Марк и я решили пройти в *MIT* (Массачусетский институт технологии, пожалуй, советский Физтех был его аналогом) и в Гарвардский университет. Предстояла также встреча с Сюзанной, доктором психологии. Мы трое много лет вместе работали в Джонстаунском кампусе Питтсбургского университета, а затем Сюзанна и Марк получили

другие академические позиции, соответственно, в Массачусетсе и в Коннектикуте.

Погода была отличная, дорога хоть и не ближняя, но приятная. За мостом через реку Чарлза (*Charles river*) нас поджидала Сюзанна с высоким широкоплечим молодым человеком. Это был её сын, которого мы с Марком помнили грудным ребёнком. Что же, время идёт. Одни растут, другие стареют. Мы обнялись, расцеловались. Как поётся в песне Окуджавы-Шварца: «Чем дольше живём мы, тем годы короче/Тем слаще друзей голоса»... Прекрасно сказано...

Широкая улица вела к двум великим очагам науки и культуры. По дороге юноша с энтузиазмом показывал мне журнал с фотографиями советских танков военного периода, и мы всласть поговорили о КВ, Т-34, ИС...

По случаю субботы кампус *MIT* были пустынен, музей закрыт. Обманываться такой тишиной не стоит – в тихом омуте черти водятся. Понял это недавно, увидев по телевизору сюжет о традиционном неформальном праздновании окончания института на одном из его факультетов. Группа весёлых молодых людей сбрасывала с крыши своей *alma mater* ... пианино! Несчастный инструмент разлетелся на части – клавиши, струны, молоточки... Всё, что заложили в музыкальное чудо многие десятилетия изобретательности, упорного труда, все секреты ремесла, передаваемые от поколения к поколению – всё летело в тартарары... Юные дикари исполняли первобытный победный танец над останками фортепиано. Смотреть на это было тяжело. Юность бывает эгоистичной и жестокой, и, видимо, путь к культуре пролегает через разрушительный период её отрицания... Когда-то прочёл я, кажется, у Горького поучительную историю. Подростки забавлялись, разбивая камнями стеклянные шары уличных газовых фонарей. Однажды их застиг за этим занятием фонарщик. В обычаях того времени ожидалось в лучшем случае подзатыльники, в худшем – полицейский участок. Фонарщик же покачал головой – ведь в этих фонарях дыхание человека! И рассказал им о труде стеклодува, буквально разрывающего свои лёгкие, выдувая шар из раскалённого слитка стекла... Бить фонари детям расхотелось. Неужели в учебном заведении мирового класса нет ни одного «фонарщика», который открыл бы будущим гениям глаза на их сегодняшнее варварство?

Между тем улица становилась оживлённее. Мы приближались к Гарварду. Появились лотки, предлагавшие странные книги, сувениры, всякую всячину... Владельцы товара перебрасывались репликами с зеваками, покупателями, просто

мелкой буржуазии? Где труды Карла Маркса и Фридриха Энгельса? А где сочинения товарищей Сталина и Троцкого, товарища Бухарина? Где Фидель Кастро, наконец! Где ренегат Каутский? Так вы готовите к революции пролетариат?! И как насчёт князя Кропоткина? –

В какой-то момент я довольно правдоподобно прослезился, и Марк столь же правдоподобно подал мне бумажную салфетку.

Уже на Рабкрине я почувствовал, что достиг пределов эрудиции несчастного мелкого капиталиста. Князь Кропоткин его окончательно доконал. Товарищ начал пятиться к дверям, на лице его отражалась глубокая растерянность. Он не понимал, валяю ли я дурака или клеймлю его всерьёз – наверняка среди клиентов заведения было немало индивидуумов с поехавшей крышей.

– Я – коммунист – нерешительно пробормотал мистер-товарищ, протискиваясь спиной вперёд в узкую дверь магазина. –

– Нет, вы не коммунист! Коммунист не будет держать гениальные труды товарища Ленина на втором этаже! – на могучем *fortissimo* закончил небольшое представление я.

Не удивлюсь, если книги Ленина появились на стенде в тот же вечер...

Но, как говорится, помянешь чёрта, а он – в дверях. И минуты не прошло, а из витрины respectable книжного магазина меня пронзала сквозь пенсне еврейская пассионарность пламенного борца за дело мирового пролетариата. Лев Троцкий взирал на мелькавшую перед ним публику с обложки собственной биографии. Отзвенели зажигательные речи, отгремели орудия, погас огонь в паровозных топках персональных бронепоездов – пыль, книги, горстки приверженцев. *Sic transit...* С одним троцкистом я познакомился на работе. Приятной наружности прихрамывающий молодой человек не был нашим студентом. Он специально приходил расспрашивать меня об анархистах, меньшевиках, кадетках, эсерах... Ох, надо было лучше, увлечённое изучать историю КПСС, благо учебных часов на неё в МГУ не жалели... После нескольких бесед троцкист внезапно исчез, а потом мне сказали, что он покончил жизнь самоубийством. Печально.

К Троцкому также восходила невероятная жизненная сага, косвенно связанная с математической логикой. Жан ван Хейенорт (*Jean van Heijenoort*) был видным историком этой науки, редактором и составителем важнейшего тома классических

логику-математических работ⁶. Вот вкратце линия его из ряда вон выходящей жизни⁷. Темпераментный юноша, француз голландского происхождения увлекается троцкизмом, становится секретарём и телохранителем Троцкого (Хейенорт, наряду с несколькими европейскими языками, знал также русский язык).

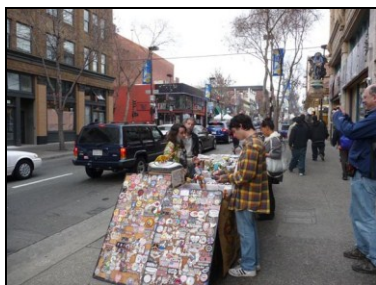

Он следует за Троцким повсюду в его изгнании. В Мексике оказывается в центре любовно-эротического клубка, сплетшегося вокруг революционного лидера. Постепенно назревал персональный разрыв между Троцким и его секретарём. В 1939 году Хейенорт уезжает в Нью-Йорк с намерением продолжать борьбу за светлое троцкистское будущее человечества. Постепенно его общественный огонь затихает, он увлекается математикой, в 1949 году получает докторскую степень в Нью-Йоркском университете, преподаёт в различных университетах, оседая, наконец, в Стэнфорде (Калифорния). Там он проводит огромную, высоко ценимую математическим сообществом издательскую и редакционную работу. Покушения на Троцкого произошли уже в отсутствие будущего учёного. Находясь он там, мог бы и жизнь на месте положить. Казалось, опасности позади. Но Рок судил ему умереть именно через Троцкого. Прошло много лет. Наследники покойного вождя Октябрьского переворота решили продать его архив. Архивом заинтересовался Гарвард. Ван Хейенорт был приглашен в качестве эксперта. По этим делам он

⁶ From Frege To Gödel: A Source Book in Mathematical Logic, 1879-1931. 1967. Harvard Univ. Press. Reprinted with corrections, 1977.

⁷ Подробно, см. А.В. Feferman, Politics, logic and love; the life of Jean van Heijenoort, Wellesley, Mass., A.K. Peters, 1993. На русском языке есть статья в Википедии.

отправился в Мексику и вошёл в контакт с адвокатом, издавна ведшим дела семейства Троцкого. Хейенорт знал этого адвоката ещё с давних своих мексиканских времён. Знал и его маленькую – тогда – дочь. За прошедшие годы девочка превратилась в темпераментную красивую женщину. Хейенорт тоже отсутствием темперамента не страдал. Анна-Мария стала его четвёртой женой⁸. Отношения между супругами постепенно приобрели драматическое напряжение, и развязка была трагической. 29 марта 1986 года они были найдены мёртвыми с огнестрельными ранениями в доме Анны-Марии в Мехико-Сити. Скорее всего, Анна-Мария убила спящего мужа, выстрелив ему в голову, а затем застрелилась сама. За исключением предсказания волхва просто фабула «Песни о вешем Олеге». Но примешь ты смерть от коня своего...

Между тем темнело и холодало. Несмотря на это площадь со станцией метро у входа в гарвардский кампус кипела нескончаемым фестивалем. Здесь вертелись без видимого дела не от мира сего личности с раскрашенными волосами, юноши-петушки с ярко-красными или фиолетовыми, или зелёными хохолками на выбритых головах. Сторонники однополрой любви

⁸ Возможно в этот момент третьей. Супруги разводились и женились снова.

демонстрировали свою особенную, недостижимую прочим гордость и т.д. В центре всего этого красовался человек-оркестр. В буквальном смысле слова – товарищ был увешан с ног до головы всевозможными дудками, гармошками, погремушками не хуже, чем новогодняя ёлка. Время от времени к радости собравшейся вокруг толпы он начинал пританцовывать, все его причиндалы приходили в движение, гремели, звенели, пищали. Невероятно, но факт – получалась своего рода осмысленная музыка! Поодаль, за спиной чудо-музыканта наблюдался интеллектуальный оазис – два господина увлечённо играли в шахматы.

На территории Университета стлы старые кирпичные здания, самым видом своим охранявшие бесценную традицию. Под небольшим тентом зябко ёжились, но не уходили две очаровательные девушки – представительницы движения «*Occupy Harvard*» («Захвати Гарвард»), видимо, отголоска общенационального движения «*Occupy Wall street*». Но здесь обходилось без грязи и хулиганства. Может быть, по случаю субботы, вечера и зимы.

Протест, как эмоциональное выражение несогласия, заложен где-то очень глубоко в человеке. Иногда это протест ради протеста, когда протестующие не особенно и понимают, о чём они кричат. Все ли антиглобалисты знают, что земля имеет форму шара? Кажется, Коржавин ввёл в обиход точный термин «гормональные протестанты». Жители Питтсбурга несколько лет назад имели возможность наблюдать этих хулиганов в действии – среди прочего они разбили стёкла в дешёвой закусочной «*Boston market*» в пяти минутах ходьбы от моего дома. Меня всегда занимал вопрос, кто платит за эту «музыку»? Нужны немалые

средства, чтобы доставить в заданную точку и собрать в истерическую толпу всевозможных бездельников, этих «детей разных народов». В старое доброе время «филантропом» могло быть известное советское учреждение. Время это прошло, и вопрос остаётся открытым. Нефтяные доллары? Спятившие миллиардеры?

Кстати, даже такая удалённая от мира сего вещь, как решение Международного астрономического союза о лишении Плутона статуса планеты, вызвало горячие, но, слава Б-гу, мирные протесты.

Всё происходившее вокруг, сама эмоциональная атмосфера возвращала из памяти мои визиты в другие большие американские университеты. Закрыв глаза, я мгновенно оказывался в калифорнийском университете Беркли. Помимо прочего, мы там были вместе с тем же Марком и тоже в кулуарах съезда Американского математического общества (Сан-Франциско, январь 2010 года). Даже станция метро и странные лотки с суетой вокруг были похожи.

О роли университетов в современном (и не только в современном) обществе можно размышлять бесконечно. При каждом взгляде проблема поворачивается новой гранью. Безусловно, без университетов наша цивилизация обойтись не

может, они являются нервными центрами самосознания, пожалуй, точнее *самоосознания* общества, хранителями и создателями его духовных богатств. В какой-то степени это сходно с душой человека. В последней же богатство, разнообразие, глубина переплетающихся внутренних движений чреваты душевными расстройствами. Так и с университетами. Не зря сказано, что во многом знании многие печали. Учение, несомненно, свет, но слишком яркий свет может и ослеплять. При бурлящей вокруг юной энергии, склонной к быстрым и радикальным решениям, ослепшие от переобразованности поводыри в профессорских мантиях особенно опасны.

Вокруг сложившегося, устоявшегося ядра наук клубится ореол дисциплин сомнительных⁹, иногда просто шарлатанских. Отделить зёрна от плевел в гуманитарных науках особенно трудно. И тот, кто начнёт отделять, запрещать, неминуемо совершит тяжкие ошибки. И не обернутся ли его благие намерения ещё большим злом? Так из самого доброго намерения – уважать чувства другого человека, оградить его от душевных ранений – выросла гидра политической корректности с её жестокой бесчувственной цензурой слова и мысли. Чувствительность в своих крайних формах – родная сестра истерики. И это наблюдается не только в пациентах психиатрических клиник. Иногда кажется, что в неотложной медицинской помощи нуждаются целые факультеты, целые цеховые сообщества практикантов определённых академических дисциплин. Мне уже приходилось писать об этом явлении. Позволю себе самоцитирование¹⁰:

«Замечу здесь в скобках, что современные западные общества также дают интересные для кибернетики примеры. Например, самоорганизующиеся и самоподдерживающиеся левые (и левацкие) круги в американских университетах. При полном отсутствии руководящего центра и специально организованных карательных органов они обладают огромной устойчивостью и способностью уничтожать – слава Б-гу, пока что академически, – инакомыслящих. Если бы это не было так грустно, можно было

⁹ Мне, например, представляется сомнительным включённый в официальное расписание юридического факультета Гарварда курс «Понимать Обаму» (Understanding Obama, <http://www.law.harvard.edu/academics/curriculum/catalog/index.html?o=64810>).

¹⁰ <http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer13/Kushner1.php>.

бы просто удивиться ещё одной разновидности тоталитаризма, процветающей на почве провозглашаемого «равенства», «терпимости», «сочувствия к слабым и угнетённым». Не сомневаюсь, разумеется, что при определённой концентрации образовалась бы подобная правая структура, просто для этого нет сейчас условий. Существующая левая структура напоминает наличием загадочной внутренней энергии живые организмы или ассоциации организмов, вроде муравейника, а появление таких самодостаточных структур напоминает зарождение жизни.

Не перестаю (хотя уже давно пора бы перестать) удивляться – вот, милый, симпатичный умный коллега. Но, коснётся беседа какой-то чувствительной темы, и он начинает вдруг буквально выкрикивать нелепые штампы. Глаза загораются недобрый огнём, и уже начинает маячить за ним чуть ли не «Свобода на баррикадах»...

Разговор можно было бы продолжить на примере средств массовой информации (здесь, в отличие от университетов, сравнительно недавно появилось сдерживающее начало – Интернет). Особый случай для социальной психиатрии представляют и леваки-миллионеры – давняя традиция, хорошо известная в российской истории. Думаю, что мы имеем здесь дело с опасным психическим заболеванием свободного общества.

Вспоминаю выразительное электронное письмо американского друга и коллеги, замечательного математика, чудесного человека X. На него поступила жалоба к декану. Студент возмущался «нечестностью» экзаменов, предлагаемых X. Нечестность же состояла в том, что «способные студенты пишут его экзамены лучше прочих». «Я же за это и боролся десятилетиями» – запоздало сокрушался X.

Возлюбленная либералами идея всеобщего равенства – нет, не перед законом, что абсолютно справедливо – а в возможных достижениях, на практике приводит к усилиям по «выравниванию результатов», т.е., к понижению уровня обучения молодёжи в угоду её самой малоспособной части. Серьезны, если не трагичны, и побочные эффекты закона о положительном действии («*affirmative action*»). Принятие на работу новых преподавателей под сенью этих установлений начинает напоминать практику Нюрнбергских законов. На уровне приёма студентов происходит затаскивание в университеты людей, которым учиться в высшей школе трудно. Конечно, за счёт способного юношества. Итог – значительная часть этого ценного контингента отсеивается, многие получают моральные травмы. Между тем давно пора внедрить в образованное сознание, что

всякий честный труд достоин самого высокого уважения. Не просвечивает ли в этом затаскивании в студенты некое интеллигентское высокомерие? По мне, например, труд водителя автобуса не менее уважаем, чем деятельность профессора Гарварда (а если речь идёт, скажем, о профессоре политических наук (*political science*), то персонально я водителя автобуса предпочту).

Разрушительность всего этого для общества очевидна. Вдобавок, медовые штампы въедаются в подсознание. Помню, как коллега, убеждённый консерватор вдруг сказал мне, что «женщины недостаточно представлены в математике». «Да что же, математика парламент что ли, что все должны быть равно представлены?» – ответил я.

По очевидным причинам меня особенно травмирует деятельное еврейское участие в том, что я не могу не рассматривать, как систематический подкоп под фундамент нашей цивилизации, разрушение её основных ценностей под красивыми лево-либеральными лозунгами. Баланс между изменениями необходимыми, сохраняющими естество, духовное лицо мира, который нам оставили отцы, и изменениями опасными нарушен в сторону разрушения. Никто не в состоянии определить запас устойчивости нашего земного корабля. Раскачивать его – безумие. Особенно, это относится к Израилю, где деятельность переобразованных энтузиастов просто вопиёт к небу. И правда – захочет Б-г наказать, так разум отнимет.

*И подошёл пророк к царю Израильскому и сказал ему:
пойди, укрепись, и знай и смотри, что тебе делать, ибо
по прошествии года царь Сирийский опять пойдёт
против тебя.*

3 Книга Царств, 20:22

Ужели взвешено уже
Всё Царство до последних унций? –
Послы, министры, атташе,
Парламентарии-безумцы?
Ослов пустая болтовня,
Паяцы, важные, как дожи? –
Но Свой Народ среди бела дня
За что наказываешь, Б-же?

17 февраля 2000 г., Johnstown

За пределами моего понимания неспособность, нежелание соплеменников видеть финальную общность нашей национальной судьбы.

Евреи – споры, ссоры, гам,
Вагон сочувствия к врагам,
И все мы вместе –
В их перекрестье.

15 мая 2005 г., Pittsburgh

Много лет назад, читая журнал *Commentary*, я неоднократно встречал упоминания учёного с интересной еврейской фамилией Боярин. Профессор сурово осуждал израильские охранительные меры в отношении так называемых «палестинцев». По убитым еврейским детям интеллигент не плакал – слишком тривиально, обыкновенно, полёта высокого ума недостойно. Бродя по огромной территории университета в Беркли, вспоминал персональную страницу Даниеля Боярина (*Daniel Boyarin*)¹¹. Попытаюсь перевести перечень занимаемых профессором позиций. Попытаюсь, поскольку, например, затрудняюсь найти русский эквивалент такой сравнительно недавней дисциплины, как «*Women's Studies*» (речь, разумеется, не идёт о гинекологии). Русский язык, по крайней мере, тот, с которым я уехал, как-то не вмещает новейшие достижения академической мысли. Сознаю, что список, приводимый ниже, местами выглядит карикатурой, хотя и в мыслях карикатуры не держал. По-английски, перечень звучит и торжественно, и серьёзно.

Итак, доктор Даниэль Боярин занимает именную¹² профессорскую кафедру талмудической культуры в департаменте ближневосточных наук и риторики. Параллельно он является внештатным профессором департамента женских наук. Профессор Боярин также входит в число ключевых профессоров в «малой степени»¹³ гейских и лесбиянских наук и аспирантской группы по древней истории и средиземноморской археологии. Он же

¹¹ http://nes.berkeley.edu/Web_Boyarin/BoyarinHomePage.html.

¹² Т.е., названную в честь спонсоров, предоставивших необходимые фонды. Часто такие средства предоставляются с прицелом на конкретного кандидата.

¹³ В американских университетах наряду с главной специализацией (*major*), можно получить также дополнительную «малую степень» (*minor*) по другой специальности.

ключевой профессор в аспирантской группе с акцентом на изучение Женщин, Сексуальности и Пола. Список завершает упоминание профессора, как ключевого сотрудника Центра по изучению сексуальной культуры. Уф! Воистину, наука на месте не топчется, идёт вперёд семимильными шагами. Куда там покойному Остапу с его лигой сексуальных реформ. В Беркли надо было посылать старика Паниковского, к почтенному герру профессору. Заодно и Талмуд бы выучил. Загадочным образом в поле зрения учёного не попала модная «наука об афроамериканцах» (*black studies*), но жизнь продолжается, всё впереди.

Говоря же серьёзно, образованность профессора впечатляет, она феноменальна (его образование включает, в частности, Еврейскую теологическую семинарию, в которой он получил докторскую степень за диссертацию «Об одном критическом издании Вавилонского Талмуда; Трактат Назир»). Но просто непонятно, как даже умная еврейская голова может выдержать подобную (см., выше) кашу. При этом доктор Боярин считает себя ортодоксальным евреем¹⁴. Вот уж томление духа, суета сует, вот уж горе от ума (или, возвращаясь к начальному титулу комедии Грибоедова, горе уму)! Тут и несчастные «палестинцы» начнут по ночам являться. Всё это подкреплено энергией, великолепным пером... Печально.

И ещё один интересный – правда, не такого масштаба – академический пример. Проходили мы с Марком мимо здания Школы музыки в Беркли, и рассказывал я ему о здешнем профессоре-музыковед-е Ричарде Тарускине (*Richard Taruskin*)¹⁵. И снова мы имеем дело с талантливым человеком огромной образованности, колоссальных формальных знаний. Несмотря на это, а, может быть, благодаря этому, его писания о Шостаковиче, своего рода «тарускины страницы» оставляют впечатление трагикомедии. Профессор, похоже, принимает за чистую монету всё, что публиковалось под именем великого композитора в центральных советских газетах, всё, что произносилось им в официальных речах... Так погибают замыслы с размахом – нельзя изучать явления художественной истории, совершенно не понимая в рамках какой жизненной реальности они существовали. Подробнее о Тарускине можно прочесть в яркой статье Александра Избицера¹⁶.

¹⁴ http://en.wikipedia.org/wiki/Daniel_Boyarin.

¹⁵ Возможно, фамилия произносится, как «Тараскин».

¹⁶ <http://www.lebed.com/2002/art3150.htm>.

Не то же ли самое непонимание чужих обычаев и нравов, а ещё более непонимание непонимания питало телячий восторг по поводу «арабской весны» у интеллигентов и политиков? На последних ещё лежит тяжёлая ответственность за решающую силовую поддержку этих «весенних дел». Как и следовало ожидать, тяжёлое похмелье уже наступает для любителей плясать на чужих свадьбах.

Возвращаясь к общему диагнозу, не могу не заключить, что эти интеллектуалы живут как будто в зазеркалье. Обыкновенный мир, в котором живём мы, им не интересен, слишком плоский, слишком тривиальный он. Прямой взгляд на вещи, иногда называемый здравым смыслом, погребён под томами теорий, которые они знают наизусть, но которые не в силах переварить. И, кажется, прямо про них сказал Пастернак «Но сложное понятней им».

Скучно на этом свете, господа! – как писал совсем другой классик...

ДÉJÀ VU

В мае нынешнего (2012) года я понял, что пришло время обзавестись новым компьютером. Речь шла о ноутбуке с 14 дюймовым экраном. На такой машине уже достаточно удобно работать и ещё не слишком обременительно при случае взять её с собою в поездку. Электронику и прочее в этом духе я предпочитаю покупать в *Costco*: этот клуб даёт дополнительный год гарантии и, вдобавок, в течение трёх месяцев безропотно принимает назад дефектный (или просто не понравившийся) товар.

На прилавке стоял только один компьютер нужного класса – мощный, элегантный *DELL*. И, хотя выбора не было, я заколебался. Купленный несколько лет назад настольный *DELL* причинил множество хлопот. Для начала я совершил ошибку сам, установив по рекомендации компьютерной службы университета программу *spybot*. Это был настоящий СМЕРШ эпохи Интернета с девизом «Найти и уничтожить». Первым делом супер-антишпион обнаружил и практически уничтожил операционную систему (*Windows-XP*). Конечно, здесь сыграла свою роль моя компьютерная бестолковость. Опасными вещами надо уметь пользоваться. Иначе получают спички в руках ребёнка.

Попытки удалить зловредную программу также не удавались – она хитрила и повредила самоё себя. Змея, жалящая свой собственный хвост. Как тут не вспомнить НКВД во всех его инкарнациях! К счастью, оставалась возможность вернуть операционную систему в её первобытное – до вскрытия ящика – состояние. Что я и сделал. Затем перенёс свою персональную

информацию со старого компьютера, установил нужные мне пакеты программ и уже предвкушал радости общения с новой машиной. Не тут-то было! Теперь *DELL* не хотел запускаться. Т.е., он запускался, но со скоростью улитки – если включить компьютер вечером, то к утру он бывал готов к работе. Последовали многочисленные и многочасовые телефонные сессии с технической службой компании. Я научился преодолевать индийский акцент помогавших мне экспертов. Они, в свою очередь, осваивались с моим русским произношением. Несколько раз приходилось возвращать компьютер в исходное состояние и снова его настраивать. Один раз мне дистанционно переустановили систему «с нуля». Ничего не помогало. Развязка наступила внезапно.

– Так у вас же хард-диск Самсунга – заявил очередной техник. –

– Да я понятия не имею, что там у меня в ящике. –

– Да, да. Самсунг, 500 гигабайт. –

– Ну, и что же? Вы сами этот диск установили.

– Минуточку. Я найду патч-файл, вы его прогоните, и всё будет в порядке.

Не вешаете, пожалуйста, трубку. –

После этого наступила получасовая тишина с приятной музыкой на заднем плане.

– Файла нет – воскрес техник. Посылаю вам на дом нашего специалиста. Он заменит диск. –

Через неделю с четырёхчасовым опозданием против назначенного времени прибыл специалист, за пять минут он вынул старый диск, заверив меня, что *DELL* уничтожит всю имеющуюся на нём персональную информацию, вставил диск фирмы *Western digital* и удалился. С тех пор компьютер работает безукоризненно. Вынесенное отсюда впечатление: фирма небрежно собирает хорошие компьютеры.

Что там было не так с Самсунгом, так и не знаю. Остальной мой опыт с этой компанией был положительен, если не считать одного забавного случая. Речь идёт о *mini-DV* видеокамере, которой я пользуюсь уже восемь лет. В январе 2012 года, в Бостоне у неё внезапно оборвался плечевой ремень, на котором большими буквами было гордо выведено «*Samsung*». Камера с размаха ударилась о бетонный пол. К моему изумлению, она продолжала, как ни в чем, ни бывало, работать. Только крышка объектива сломалась. Удивительно! Компания изготовила прецизионный оптико-механический прибор, выдержавший

страшный удар, но не смогла обеспечить необходимую прочность ремня...

Эти воспоминания омрачали мой ум, пока я «играл» с выставленным экземпляром ноутбука. Всё вроде бы гудело, сверкало, как надо. Делать нечего, уплатив требуемую сумму, понёс к выходу небольшой изящный ящик.

И вот волнующие минуты распаковки, первого пуска нового компьютера. Проверил порты, поставил диск с кинофильмом. И хотя всё работало, появились и первые признаки размашистого делового почерка *DELL*'а. В коробке оказалась только листовка с картинками (*Quick start* – «Первые шаги») и внушительная брошюра на модную тему «*DELL* и охрана окружающей среды». Не было никаких подробных инструкций по работе с компьютером. «Ничего, загружу с делловского портала» – наивно подумал я. Брошюру по охране окружающей среды – при полном уважении к самой проблеме – конечно, отложил в сторону. И здесь не обошлось без либеральных невротизов! В моём университете несколько лет подряд энтузиасты устраивали коллективные молебны на тему «Человек – виновник глобального потепления». Каждый раз они приглашали некомпетентных докладчиков, и каждый раз я омрачал ритуал, задавая неудобные вопросы. Но не буду отвлекаться.

Для регистрации, технической поддержки и т.д. нужен был «ярлык обслуживания – *service tag*», группа цифр и букв, позволяющая идентифицировать мой компьютер. В красочной листовке палец указывал место на дне ноутбука, где располагался этот ярлык. Должен ли я говорить, что его там не оказалось? Ну, ладно нашёл ярлык на коробке. Зарегистрировался, установил нужные мне программы. На странице моей модели загрузил «Инструкцию пользователя» – по-русски и по-английски. Открыл *pdf* файл. И, как в старой песне: «В глазах у него потемнело»... Инструкция подробно объясняла, как *ремонтировать* компьютер – снимать экран, вынимать из него камеру, снимать системную плату и т.д. и т.п. Ничего между злополучной листовкой и этим пособием для техников по ремонту не было! Ну, ладно, можно как-нибудь обойтись без инструкций, сообразить самому, позвонить в техпомощь компании и т.д. Как водится, надо было подумать о восстановлении системы в случае поломки хард-диска. После нескольких минут поисков (сообразил-таки!) нашёл программу, которая предлагала записать всю необходимую информацию на нескольких *DVD* дисках. Кликнул нужную «кнопку», и ... программа сообщила большими красными буквами, что не находит записывающее устройство! Не видит она его и всё

тут. Да вот же оно! И поднос для диска открывается-закрывается! С другой стороны записывающая «оконная» программа выдаёт сигнал ошибки. Не буду отягощать читателя дальнейшими деталями. Конечно, последовал часовой разговор с сотрудником *DELL*'а (знакомый, хотя и полузабытый индийский акцент). Получив дистанционный доступ к моей машине, он долго колдовал с нею, запускал, выключал, удалялся для «исследований» и т.д. Ничего не помогало. «Я пришлю вам *usb*-устройство, и мы переустановим всю систему с нуля. Я буду персонально заниматься вашей проблемой» – заключил он.

Расставшись с вежливым сотрудником *DELL*'а, я поиграл с компьютером и довольно быстро понял, в чём дело. Компьютер иногда видел свой оптический драйв, иногда нет. Вероятно, какая-то электро-механическая неисправность в этом блоке. Когда я первый раз попробовал играть *DVD*, то случайно попал в «видящий» период. Иначе бы сразу заметил дефект. Выяснить закономерности чередования светлых и тёмных периодов этого ноутбука я не сумел. Игра в ромашку «любит/не любит» меня не устраивала. И, конечно, позвони я снова в компанию, они предложили бы мне прислать компьютер для ремонта. При всех хлопотах оставалась и приличная вероятность, что ввиду блуждающего характера проблемы я получил бы мой ноутбук назад в том же самом виде.

Но, слава Б-гу, на свете есть *Costco*! Через час возвращаюсь с таким же новым ноутбуком. На сей раз не тороплюсь с регистрацией и настройками. Проверяю слабое место. Компьютер оказался *таким же* буквально! Ровно тот же дефект. И вот жёлтая вспышка в глазах, звон в ушах – так всегда бывало со

мной, когда налетало загадочное *déjà vu* – «уже видел». Ощущение полного тождества переживаемого момента с каким-то моментом прошлого. На сей раз, однако, знаменитый психологический феномен оказался фикцией. Отдышавшись, я понял, в чём дело.

В моей прошлой жизни (и в некоторой степени в нынешней тоже) я увлекался разного рода аппаратурой – магнитофонами, радиоприёмниками, звуковоспроизводящими устройствами, фотоаппаратами и кинокамерами. Все эти вещи были советского производства. И почти без исключений они не выдерживали гарантийного срока. Аппаратура с движущимися частями ломалась непременно. Отсюда мои визиты в гарантийные мастерские в разных уголках Москвы – я знал их, они знали меня. Не один раз дело доходило до сдачи неисправного прибора, для чего необходима была справка о двух гарантийных ремонтах и невозможности третьего. Иногда, правда, для справки хватало умеренной пяти или даже трёх рублёвой взятки надлежащему должностному лицу. Несколько раз довелось побывать на кладбище возвращённых вещей, где-то, кажется, в Лужниках. Кладбище это было весёлым. Там стояли штабелями массивные цветные телевизоры – многие из них были включены и работали. Грудами лежали магнитофоны, из дорогих радиол неслась дешёвая музыка. В проходах ходили – часто навеселе – могильщики. Прямо из «Гамлета» – неоднократно вёл с ними философские разговоры.

Постепенно у меня формировался замысел романа «Гарантийный ремонт» в духе Артура Хейли (*Athur Heyley*). С целью накопления материала я вступал в переписку с заводами-изготовителями. Припоминаю Красногорский механический и Бердский радио заводы. Советские учреждения уважали письма граждан – ответы неизменно приходили. Стиль некоторых из них был неподражаем. Например, в одном случае я спрашивал о значении напряжения на линейном выходе радиолы «Сириус-М». В ответе после дежурных фраз о борьбе за неуклонное повышение качества выпускаемой продукции утверждалось: «Что касается напряжения на линейном выходе, то оно не нужно».

По контрасту замечу, что попытка пожаловаться в *DELL* натолкнулась на упорное сопротивление портала компании. Отсутствовал физический адрес, электронный адрес для моей модели ноутбука оказался заблокированным. Только телефон – правда, по нему можно было быстро добраться до реального человека, действительно желающего помочь. Этим несколько смягчалась уже известная мне назойливость

DELL'а – фирменные программы, часто излишние, но требующие внимания, занудные просьбы заполнить какие-то опросники в Интернете – стираешь просьбу, она возвращается назад, как мячик от стенки. Пока не махнёшь рукой – легче согласиться, чем отказывать. По обычной и электронной почте непрерывная реклама и т.д. Я же только купил у них компьютер, я же не обещал жениться на *DELL*'е!

Вообще, работа с письмами трудящихся поставлена в Америке плохо. Вот, например, какой смешной ответ пришёл от компании *Garmin*. Обновляя карту в моём *GPS*, я столкнулся с нехваткой памяти. Отвечая на мою жалобу, компания горячо благодарила за внимание, и за то, что я «поделился с ними своими идеями». Далее следовала фраза, которая в приблизительном переводе звучит так: «Мы безмерно счастливы, что вы к нам обратились, вместе с тем не ожидайте, что мы вам ответим по существу».

И ещё один смешной эпизод из жизни в эпоху Интернета. Прошлым летом мой университет в очередной раз заменил наши рабочие компьютеры, перейдя с *Windows-XP* к *Windows-7* (к счастью, *Vista* нас миновала). Всякий раз, когда мне заменяют хорошо работающие отлаженные программы на новые, «лучшие» я раздражаюсь. Отчасти из-за общего моего консерватизма, а отчасти из-за потери времени на поиски необходимых простых вещей в неизведанной компьютерной «местности». Допускаю, что у разработчиков были разумные причины, чтобы переворочить всё вверх дном, но мне-то от этого не легче. Среди прочего в новых окнах почти любое движение курсора по экрану сопровождалось появлениями каких-то картинок, что-то вспыхивало, мерцало, звучало. После строгой деловой обстановки системы *XP* было ощущение, что весь день находишься в *Wall-Mart*'е¹⁷. Вдобавок немедленно обнаружились трения с *Acrobat X-Professional*. Закрываешь *pdf*-файл, а новые «Окна» этого не замечают и, например, переименовать файл можно только после перезапуска компьютера. В один прекрасный день этого трудного периода у меня дома звонит телефон. Надо сказать, что как раз накануне в мой домашний компьютер пролез троянский конь, что не улучшало настроения. Итак, снимаю трубку и слышу вежливый голос на индийском английском.

– Борис? Меня зовут Джон, я инженер Микрософта. Мы предлагаем вам проверку компьютера и уничтожение обнаруженных вирусов. Необходимо... –

¹⁷ *Wall-Mart* – крупнейшая сеть универсальных магазинов.

Здесь я его перебил.

– Ах, так вы из Микрософта! А знаете ли вы... –

Здесь последовал мой продолжительный (минут пятнадцать не меньше) монолог на тему новых «Окон», офиса 2010, общей практики бесконечных обновлений и т.д., и т.п. Комизм ситуации состоял в том, что «Джону» приходилось всё это выслушивать – назвался груздем, полезай в кузов. Он слабо поддакивал, обещал сообщить менеджеру. Наконец, когда я остановился перевести дыхание, он перешёл к своему делу.

– А теперь я вам продиктую адрес в Интернете. Вы включили компьютер? –

– А теперь вы мне ничего не продиктуете, я устал и плохо себя чувствую. –

– Хорошо. Позвоню вам завтра.

И действительно позвонил!

– Здравствуйте, я – Джон. –

– А, Джон! Знаете, какая новость? –

– Какая? –

– Вы не инженер Микрософта, вы попросту хотите влезть в мой компьютер. Как взломщик в квартиру. –

– Нет, я – инженер Микрософта. –

– В таком случае я – Папа Римский. Поищите, пожалуйста, другого дурака, а ещё лучше прекратите ваши криминальные занятия. –

– Я – инженер Микрософта. Спасибо за ваше время и внимание. –

«Джон», отдам ему должное, выдержал марку до конца. Мы все привыкли к попыткам взлома, исходящим из сети. Но по обычному (даже не мобильному) телефону?! Впрочем, прицел ясен – днём в квартире могут оказаться дети или пожилые, несведущие в компьютерах люди. Интернет с огромной силой высвечивает все стороны человеческой природы. Самые подлые тоже.

Но вернёмся в СССР. Особой статьёй беспокойства в те давние годы были лентопротяжные механизмы советских магнитофонов, кассетных в частности. Я использовал специальную югославскую кассету с медленной музыкой для проверки – если аппарат с нею справлялся, его можно было покупать. Знакомые просили о помощи, и продавщица магазина «Журналист» на проспекте Вернадского бледнела, увидев меня с этой кассетой в руках. Скажу, что в Америке я никогда не встречался с подобными проблемами. Очевидно, секрет состоит в точности изготовления механизмов магнитофонов и самих кассет.

Несколько друзей разделяли мои увлечения. Особенно мы сошлись на этой почве с Л. Однажды он меня крепко подвёл. Начиналось всё прекрасно – нам удалось выследить и купить редкостный объектив Гелиос-40-2¹⁸. Сажу я дома, люблюсь оптической жемчужиной. Телефонный звонок. Жена Л. вкрадчивым голосом хвалит новый «Гелиос». Какой я молодец, что научил Л. купить эту штуку. Ничего не подозревая, попадаю в западню. Начинаю рассказывать, как редок объектив, как нам повезло. И вдруг трубка с треском кладётся на стол или на другую твёрдую поверхность, и я слышу, как Л. во весь голос ругают. Оказывается, опасаясь жены, он соврал, что одолжил объектив у меня. И не предупредил!

К моей нынешней компьютерной истории, однако, имеет прямое отношение другой эпизод. Мы с Л. купили (опять повезло!) по дефицитному кассетнику «Весна-305». Привезли мы коробки ко мне домой и (каждый свою) распаковали. Включили. И у него, и у меня немедленно полезли всякие неприятности. Плывёт звук, что-то хрипит, что-то трещит, не работает автостоп и т.д.

– Ну, зачем я тебя пропустил вперёд! Сейчас бы у меня был другой аппарат! –

– Я даже знаю, какой – ответил я, показав на свой хрипевший магнитофон. Мы рассмеялись.

Вот этот момент прошлого из мира развитого социализма и взорвался во мне вспышкой-звоном *déjà vu*, когда я сидел над вторым подряд дефектным *DELL*'ом. Вздохнув, упаковал лэптоп и отправился по наезженной дорожке, решив дать фирме *DELL* третий шанс. Так за неделю мною было куплено три компьютера. Третий пока что *вроде бы* работает.

Не движется ли наша страна к развитому социализму?

June 2012, Pittsburgh

¹⁸ Сын успешно использует этот и другие советские объективы с современными видео и фотокамерами. В частности, советская оптика использовалась при съёмках фильма «Семь стихотворений», <http://www.youtube.com/watch?v=hq5fS1Sc24Y>.

Ася Лapidус

Начало без конца

Вариации на тему и без темы

оротниковский переулоч, дом 3/10, квартира 69. Это подвал, стыдливо называемый полуподвалом – подслеповатые окна на тротуаре. Газовый ввод – трубы опоясывают наше крошечное шестиметровое (три на два) жилище. Шесть комнат – шесть семей. Иногда случается утечка газа – пахнет чесноком-колбасой. Мама выводит меня во двор – пока не ликвидируют утечку, сидим во дворе почти всю ночь напролет.

Вспоминаю – у нас выключили электричество – перерасход – еще бы – днем темно – крошечное окошко высоко под потолком почти не пропускает дневного света, а без света никак – и днем и вечером горит электричество – не сидеть же в потемках. Вот и перерасход – все соседи скинулись на взятку электрику, и маме поручено вручить взятку – деньги и спирт. Помню мамин рассказ – как давать деньги – не знаю – нервничаю – вдруг откажется, да и спирт – надо же передать, подсунуть что ли – все-таки первый раз в жизни – плеснул мне целый стакан – и ничего – а как исчезли деньги из кулака – даже не заметила, до сих пор удивляюсь.

А потом все равно электричество выключили. Сидим с мамой при коптилке – пляшут тени. Коптилка похожа на чернильницу – низенькая такая бутылочка с пламенем в стекле – нестойкое пламя беспокойно, и тени нервничают – мечутся. А напротив по Старопименовскому нас немного освещает отражением многоэтажный дом – у них в окнах абрикосовый электрический абажурный свет. Мы сидим на диване – это узкий и короткий матрац, поставленный на черно-зеленые с красным окольшем тома большой советской энциклопедии – он покрыт коричневым ковром с геометрическим рисунком – не просто так – текинским, ручной работы и старинным – Пешкин дал – еще во время войны – нечем было укрывать новорожденного ребенка.

Мы ждем папу – он иногда ночью дежурит на выпуске газеты – это поблизости на улице Горького, газета - Труд называется, а типография – бывшая Сытинская – выпуск - дело ответственное – по очереди дежурит вся редакция. Когда придет – запахнет на весь дом типографским бензином в котором купаются буквы-литеры – папа после дежурства дышит с присвистом - астматически. Нам с мамой от этого запаха тоже трудно дышать – мы жалеем папу и типографских рабочих – с одним из которых, отцом Марины Скворцовой, папа дружит – они прогуливаются по двору, о чем-то разговаривают – папа мне уважительно объясняет – типографские рабочие самые грамотные – читают много. Скоро папу из штата выгонят, и он будет говорить детям во дворе – у асиного папы отпуск, и в голосе будет звучать неправда – еще бы – он политически неблагонадежный, знает, чем это чревато – и хотя от меня всё скрывают, я тоже знаю, – чутьем, хотя еще и в школу не хожу, но страхом дышу, острым и тяжелым и душным, и - шепотным.

Со всех сторон неблагополучие, а у нас в комнате уют – кроме дивана под окном, по правую руку – когда переедем в новую комнату, он развалится - старинный ломберный столик на легких изогнутых резных скачуще-резвых ножках, между торцом дивана и столиком втиснута круглая табуретка-пуф, обитая красно-коричневым ситцем с восточно-среднеазиатским рисунком, по нему мой двоюродный брат Илья – высокий – взрослый и торопливый, будет объяснять мне-дошкольнице-пятилетке квадратуру круга. Вплотную к столику сундук – покрытый ковровой дорожкой – с пола до потолка – под названием тахтушка, на нем - на ней сидят за столом и просто так, а стул у нас один – называется венский – еще есть венское тесто – куличевое. По левую руку - этажерка с книгами и настольной лампой – полуголой Принцессой – как в Елисеевском магазине – я ее обожаю, папа ее ненавидит и морщит презрительно нос, а мама – лелеет – стирает пыль. Уже у самой двери стоит моя кровать, застеленная павлиньего цвета сюзанэ. Шелк плотный, ядовито-сумасшедше зеленый, на ощупь скользкий. Пол дощатый, крашеный, мытый-перемытый, потому и не без облупленности – а перед кроватью опять-таки коврик - кирпичного цвета – мамина реликтивно-наследственно-семейная реликвия, у Иры – моей двоюродной сестры – точно такой же. В открытую дверь смотрит из прихожей солнечно-желтый, казалось бы пахнущий свежей стружкой, шкаф-красавец – в нем и книжки и одежда, и полно ящичков с папиными рукописями.

Душно – рядом котельная, да и по стенам над всем царит переплетение труб – отопление и газ, но все равно стерильно чисто и красиво – мамина работа. Игрушек у меня нету, зато однажды на мой день рождения Лазарь Лагин – старик Хоттабыч сбросил-насыпал сверху из окна множество книжек-малюток, они на желтой шероховатой бумаге трудным мелким шрифтом – издание библиотеки Огонек. Время – послевоенное и не просто скудное, а уничижительно нищее.

Чтобы попасть к нам, надо спуститься по ступенькам вниз – со двора – наш красивый серый каменный дом имеет деревянную пристроечку-крыльцо с крышей – так что от порога вниз – можно и направо и налево. Направо – ступеньки ведут в отдельную квартиру – там живут Фросины – толстая белобрысая бестолковая Манёка и черноволосая Нюра-бухгалтер в причёске валиком – обе засидевшиеся девушки с очень престарелыми и совсем неграмотными, какими-то корявыми родителями. А налево – это к нам - «холодный коридор» с серым чистым дощатым некрашеным полом, посередине дверь в котельную, где топят углём наша соседка истопница, а перед крыльцом с нашей стороны - гора угля, драгоценно сверкающего на солнце, но в холодном коридоре ни угольной пыли, ни копоти. Его моют по очереди ежедневно. Мама тоже моет и не жалуется – не хочет жаловаться, но я знаю – ей не под силу.

Прямо по холодному коридору вход в нашу коммуналку – длинный «теплый» коридор, дверь к нам сразу налево в углу – откроешь ее, и там крошечная прихожая, где фанерный шкаф и за дверью не очень устойчивая гора книг – от пола до потолка. Прихожая ведет в две комнаты – нашу сразу при входе, и соседскую подальше в тупичке – которая и побольше и поизолированной – там живет пожилая совершенно седая, но черноглазая-чернобровая портниха Софья Исаевна, позже к ней приедет на жительство ее мать – какая-то из себя мутная Майла – злая-презлая старуха-ведьма, которая переживет свою дочь.

Однажды на Новый год Софья Исаевна мне подарила мою единственную целлулоидную куклу-голыша. И когда я увидела елку (как они умудрились ее поставить на весу у моей кровати – непонятно) – а под елкой куклу – думала – умру от счастья – просто сердце отказывало. Потом на куклу наступила толстая Наташка из дома напротив и безнадежно продавила ей голову – я не плакала, я просто вышла из реальности – душа вон. А кукла досталась Софье Исаевне от постоянной клиентки – жены высокопоставленного номенклатурного чиновника с необыкновенным птичьим именем – фамилией Чайка, которую

обшивала на дому и о которой говорила с невероятным почтением – еще бы – я, например, никогда не видела чаек.

Наша дверь всегда открыта, соседская тоже, иначе задохнемся – здесь я провела первые четырнадцать лет жизни. В общем коридоре – двери всегда закрыты – под углом за нами живет лифтерша Егоровна с сыном-телеграфистом Ленкой, он скоро женится на громадной деревенской Маньке с просторным азиатским лицом, дальше идет комната моей подружки Тани Фросиной – она на девять месяцев старше меня, ее мама – Люба. Лицо щуплой тети Любы незаметное, скуластое - очень светлые как бы грязноватые глаза и жиденькие бесцветные увядшие волосы, она работает на табачной фабрике Дукат, и мама называет ее Кармен, муж ее запойный и тихий дядя Сергей Фросин – Манека и Ньюра, живущие в соседнем подвале - его сестры. Таня беленькая девочка, я ее люблю и она меня тоже, мы обе не умеем произносить букву «р» - я нещадно картоплю, а она ее пропускает – мама нас учит –«утром рано утонули три барана» - мама сама картовит, но своего добивается – обе девочки говорят чисто. Обычно папа не картовит, но когда они говорят по секрету – тоже картовит-грассирует на непонятном языке, которому я скоро из любопытства незаметно выучусь – через много лет я узнаю, что это идиш.

Дальше – коридор расширяется, образуя квадрат, который по трем сторонам наша кухня с газовыми плитами – их две, там же столы – их два, они просторные – но все равно хозяйкам тесно – хотя и почти не ссорятся – готовят по очереди. Напротив кухни по продолжению коридора следуют другие жилые комнаты. Первая (четвертая) дверь ведет в комнату Валериана Константиновича – Таня сказала, он из бывших, и категорически не хочет участвовать в советской жизни. Папа устроил его шофером главного редактора газеты Труд, но после того, как редактор попросил его отвезти жене пакет с продуктами, дядя Попов - так я еще зову Валериана Константиновича, правда, за глаза - не захотел прислуживать и перешел на грузовик. Позже к нему поселилась его мама Анна Кирилловна. Анна Кирилловна заведет себе безукоризненно чистый, покрытый белой клеенкой, отдельный от соседей стол – прямо у двери в комнату. Она надолго переживет сына, скоропостижно умершего от инфаркта, и тихо сойдет с ума.

Последняя комната – жилистая старушка Прасковья Яковлевна с перезрелой и очень некрасивой чернявой субливной и жалкой дочерью Лидкой, зеленоватым лицом напоминающей лягушку – она скоро выйдет замуж за белоглазого тяжело заикающегося парня из подмосковных, и родит Вовку, похожего

на булку с изюмом – сдобного и кареглазого. Муж будет издевательски избивать жену - мать будет тихо плакать – перед глазами незабываемая картина – из-за двери тяжелые звуки, перед дверью цинковое корыто – Прасковья Яковлевна, зная, что делается за дверью, схватилась за стирку и беззвучно плачет – слезы каплют в корыто, и она стонет неслышным шепотом – «Каравул, каравул» - выдержка – терпит, а сердце изнывает. Они довольно скоро получают нормальное неподвальное жилье, и в их комнате поселится цыганистая, глазастая, носастая и катастрофически безобразная истопница с беременным животом – она родит белобрысенького прозрачно-белокожего малокровного Сашку, который станет утешением Анны Кирилловны.

В самом конце-торце коридора дверь в холодный подвал – его используют как холодильник, а перед этой дверью направо – раковина с холодной водой – одна на всех, и еще направо дверь в уборную – тоже одну на всех – а ванны нет – моемся в бане в Оружейном переулке или в Палашевском, а я пока не вырасту, в корыте прямо на кухне. В баню многочасовая вьющаяся очередь, пока стоим, так устаем, что мама помоет меня, а сама уже на скорую руку – сил нет. На кухне под краном ежедневно моется до пояса мускулистый загорелый Валериан Константинович – вода ледяная. У него кудрявые с сединой волосы, он терпеливо просит меня по утрам не топотать ботиночками, я стараюсь, но иногда забываю – с ужасом – побаиваюсь его сердитой улыбчивой вежливости, да и мама недовольна моей распушенностью – надо, чтобы тихо. А я в холодный коридор – там с утра по весне – дрожащий ветром квадрат солнца - по нему хочется плыть-тонуть и прыгать – забываемое солнечное счастье.

Папе соседи разрешают работать в кухне за любым столом, его единственного зовут по имени-отчеству Моисей Абрамович – возможно, не только из уважения, а еще и потому, что он всегда приветливо-вежлив и заметно неприхотлив – нога на ногу – блокнот на коленях – пишет при любом шуме-грохоте, хотя предпочитает ночные часы – давая маме возможность поспать – родительский «диван» узкий, и мама с папой зачастую спят по очереди – просыпаясь ночью, я вижу то маму, дремлющую на стуле, то углубленного в бумаги папу при настольной лампе. Когда ночью сбрасываю во сне с себя одеяло – произношу фразу – я ее помню с детства: папа или мама – укройте меня кто-нибудь, пожалуйста. Меня заставляют всех звать по имени-отчеству, но я, следуя Тане – говорю – Ленька, Лидка и Егоровна, а Таниных родителей зову тетя Люба и дядя Сергей, родители меня поправляют – надо Ефросинья Егоровна.

Анна Кирилловна, чистоплотная совершенно по-особому – хрустящие суровые полотенца, белоснежный фартук. У мамы тоже есть полотенце с красными вышитыми петухами, но это игра для красоты, а у Анны Кирилловны всерьез. Мама тоже печет и куличи и жаворонки – для разнообразия, а Анна Кирилловна светит куличи в церкви для праздника – похоже, мои безбожные еврейские родители за это ее особенно уважают, а я благоговею от ритуала - она готовит чудную пасху, которой обязательно угощает вместе с куличом - на просторной тарелке с крахмальной стоячей салфеткой. Кстати, и мама один раз спекла – пузырчатую мацу по неизвестной мне причине, никаких традиционных хоть советских, хоть религиозных праздников у нас в доме не справляли, я помню мамину рукодельную мацу - она сильно отличалась от машинного изготовления, но в ней тоже были дырочки.

У Прасковьи Яковлевны есть кружка с Ходынки – и еще она вспоминает главный московский храм – Христа Спасителя. В отличие от Анны Кирилловны она совсем не грамотная и честно говоря, мало приятная – маленькая-крошечная не Дюймовочка, а чем-то нехорошая старушка – у нее на глазу бельмо, зрячий глаз пронзительно-недоброжелательный. А Егоровна толстая, малограмотная и добрая – она мне читает по слогам, и я ее поправляю – не так, Егоровна, не так. Меня научил читать папа с незапамятных времен – нарисовал азбуку, и на следующий день я принесла газету и прочитала – п-р –пра-правда с ударением на последнем слоге – все засмеялись, а я обиделась, и запомнила обиду - стала сама читать и научилась. Но все равно любила, чтобы Егоровна читала – она приходила с работы, ставила перед собой переполненную тарелку щей, а я тут как тут – читай, Егоровна, она никогда не отказывала и по слогам читала певуче, как в сказке, и хлебала щей. Пахло прелой капустой и деревенским уютом.

Мне читали все – я любила это разнообразие – папа читал, переводя непонятные слова на детский язык, мама очень тихо, поднимая на меня внимательные глаза с огоньком - обычно перед сном, Софья Исаевна спотыкалась, и надо было дослушивать, Анна Кирилловна очень медлительно, роняя очки, а Валериан Константинович наоборот наспех, Ленька не своим голосом – петухом, и похоже, терпеть этого не мог. Остальных заставить не могла – или не умели или не хотели.

Папа еще для меня сочинял и рисовал прямо при мне настоящие книжки – потом он их старательно разрезал и сшивал - некоторые до сих пор сохранились – причем иллюстрации цветными карандашами, хотя и на плохой бумаге, совершенно не

завяли, а на обратной стороне стал почти неразлично-слепым машинописный текст - что-то неинтересное из папиных статей. Мама тоже рисовала мне красно-синим карандашом просто на отдельных листах, когда рассказывала бесконечную сказку про красных и синих лебедей – все они порастерялись, но я все равно помню – мамино рисование с моей помощью.

Моя мама сияющая и шоколадная – у нее сияющие шоколадные волосы, сияющие глаза шоколадными вишенками светятся в темноте, и даже зубы тоже сияют – искрещеся глазами и улыбкой лицо. Только позже по фотографиям, когда ее не станет, я пойму, что мама у меня настоящая красавица. А я похожа на папу – у него зеленые глаза и ироническая улыбка. От него пахнет ветром. Он молодежавый, никогда не поседет, уйдет из жизни рано в 67 лет, а мама в 93 - в Нью-Йорке.

У моих родителей – полно свободного времени, которое они щедро проводят со мной – они оба безработные – я об этом не знаю, и между прочим, это означает, что жить не на что – я и этого не знаю, и когда меня укладывают спать – протестую – я еще не поужаала – у меня протонародно-московский говор, подхваченный у Егоровны – кое-какие гласные проглатываю, кое-какие растягиваю. Не сказать, что голодаю – скорее не хочу отказаться от должного распорядка, но в лице мамы тревога – ребенок не кормлен – ты что – кто же на ночь ест – спать немедленно, а папа добавляет каким-то не своим учительским тоном – мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть – расхожая мудрость устанавливает привычность - ужин не нужен, был бы обед – у меня-то был, а у родителей – не думаю. И вдруг случается чудо – по этому немислимому поводу раздвинут наш навощенный ломберный столик, и прямо на бордовое сукно слетаются – денежные бумажки – папе заплатили за неожиданную халтуру – он все разменял на рубли – получилась куча денег – и игра – папа приплясывает у стола, и я за компанию вместе с ним – но не сказать, что по-настоящему весело – у мамы в глазах слезы.

Чудеса в решете и на каждом шагу – в Елисейском магазине – где в высоте текучий потолок и лампочки гроздьями и пахнет незнакомой жизнью – маме по ошибке пробили чек на целый килограмм фарша – вместо ста граммов – она всю дорогу бежала, прижимая пакет к себе – боялась - гонятся. И я боялась – отчего, почему – догадайся, почему - стука в окно – откуда я это взяла - загадки не имеют отгадки.

Мы с мамой много гуляем – отчетливо-одинокими грустными вечерами по темнеющим переулкам – Воротниковскому, Старопименовскому, Дегтярному, заглядываем

в освещенные – высокие без переплетов – хрустально-прозрачные венецианские окна. Там совсем другая жизнь – сказочная, может быть, даже волшебная. Лепные потолки, люстры, и в глубине комнат – другие комнаты. Иногда мы останавливаемся и смотрим, как в кино. Летят обрывки разговоров, тренькает рояль. Патриархальные эти переулки напомнят о себе в Нью-Йорке в Бруклин Хайтс, где я теперь живу – все теми же узкими и высокими окнами, все тем же желтовато-розовым, трепетным от скользящих в танце теней, светом.

Наш двор окружен домами и каменным забором. Два старых тополя весной в клейких листочках и в сережках, а к лету тополиного пуха – шелковистого и летучего – видимо-невидимо. Домов два. Один многоэтажный – это наш, где мы живем в подвале – окошко второе справа смотрит на Старопименовский – над нами во втором этаже живет неизвестная мне Яна – иногда её негромко зовет немолодой голос под окнами – Яна, Яночка – тихий и призывный этот голос памятен. Второй дом с примыкающими бесконечными пристройками, тоже многоэтажный, но из двора не выходит никуда – соседствует с 167-й мальчиковой школой через флигель, где живет Ирина, которая иногда позволяет мне присоединиться, когда прогуливает красавицу – немецкую овчарку, я иду рядом и сама себе притворяюсь, что это моя собака, и совершенным образом счастлива.

Живу двумя главными чувствами – страхом и красотой. Страх везде и всегда – в разговорах родителей свистящим шепотом, в угрюмом молчании дворового хулигана Янки, спасаясь от которого я поломала нежный молочный зуб о каменную ступеньку, споткнувшись в паническом беге, - в шумной беготне мальчишек из соседнего дома. Начитавшись Гензель и Гретель и мальчика-с-пальчика, я уверена, что меня обязательно родители бросят. Я стою у двери уборной, почти уверенная, что мама каким-то образом сбежала, и с ужасом сдержанно спрашиваю каждую минуту – мама – ты скоро – совершенно не надеясь на ее возвращение. Отчетливо помню – у двери булочной на улице Горького – меня там мама поставила, пока сходит за хлебом – наверняка бросила, и тут же спасительная трезвая мысль – до четырех лет дорастили – уже не бросят. Но какое счастье, когда появляется – вернулась, и потом дома я получу довесок – маленький такой кусочек серого хлеба – особенно дорогой подарочностью за перенесенные страдания. Страх висит в воздухе – времена такие – от него тяжело дышится,

он ощутим налетом на лицах взрослых – и давит не только их, но и детей, даже собак и кошек – давит всю живую-неживую природу.

Красота, как и страх, везде – в дрожащем солнечном квадрате на сером полу холодного коридора, в снежных и тополиных снежинках, в прозрачных летних сумерках, в недоступной мне кукле с настоящими ресницами, но самая главная, страстная красота – это «секрет». Что такое «секрет»? – это по сути – клад – в земле вырывается неглубокая ямка – куда складываются различные драгоценности – конфетные фантики, «золото», цветные бумажки и тряпочки, а главное – цветы, обычно увядшие, отжившие неизвестную скрытую жизнь в незнакомых таинственных комнатах и теперь выброшенные на помойку. Все это богатство накрывается обломком стекла и покрывается землей, оставшейся от вырытой ямки. Потом можно это снова отрыть и любоваться – на фоне влажной земли из-под стекла – «секрет» выглядит чудом красоты – сказочным волшебством, владением которого было несравнимо ни с чем. У меня же никогда своего «секрета» не бывало, я вообще довольно второсортная личность – мне никаких игрушек папа с войны не привез, и вообще я рыжая.

Меня моя второсортность не гнетет – я читаю, как сумасшедшая – все подряд, так что голова кругом – живу книжками и с книжками. И потом у меня есть дорогие – взхлеб - друзья – Таня Фросина и Димка Петровский – люблю обоих, но между собой они не дружат, с трудом общаясь только на моих днях рождения. Димка живет в деревянной пристройке с настоящей застекленной верандой с толстой и громкой бабушкой по прозвищу Джабжа и старшим неразговорчивым двоюродным братом Петей. У них обоих есть мамы, а пап нет, и я знаю то, что Димка не знает - оба их папы арестованы, хотя и не понимаю, что это такое, но помалкиваю – поскольку всегда помалкиваю о том, что слышу из непредназначенных мне шелестящих разговоров – меня никто ни о чем не предупреждает, но я и так чувствую, что знаю слишком много и что надо молчать. Димка старше меня и пойдет в школу раньше, заважничает или потеряет интерес – перестанет водиться, а с Таней мы не разлей вода, хотя пойдем в разные школы. Дружба с ней как-то рассосется в раннем подростковом возрасте, причем мама меня будет упрекать в высокомерии, что может, и верно, да не совсем – скорее всего просто пути-дороги разбежались, да и подростками мы разъехались – и нам и им пожаловали более благопристойное жилье, разумеется в коммуналках.

А до этого случилась школа – помню, как шли с букетом цветов – я терлась о папино шершавое пальто – бежевого цвета в

рубчик – касторовое называется, а может коверкотовое, мама шла с другой стороны. В школьном дворе девочек оказалось полно до оторопи – и все с цветами, но все равно – казенно – не на чем глаз остановить, хотя по легкомысленной обреченности, родителей я тут же и бросила совершенно бесцеремонно. Наша Евгения Карловна совсем седая – белая, коротко стриженная, глаза маленькие в крапинку – внимательные и равнодушные, не сказать, что сердитая, а чужая, хоть и улыбается без притворства, но никому в особенности, во всяком случае не мне – да если бы и мне – все равно бы не поверила. Это все я заметила не сразу, а потом на уроках, когда хочется в окно, а надо на Евгению Карловну – и тогда видишь все – хоть и глаза бы не смотрели. По сей день даже по телевизору, даже в Америке я не могу без скуки, и какой-то тюремной подневольной тоски-безысходности смотреть на школьный антураж.

Наша знаменитая школа - 175-я на Старопименовском. Она через переулок от нашего дома – слегка наискосок во дворе, и со двора в нее ведет полукруглый портик с колоннами. Изнутри при входе - просторный вестибюль старомодной эlegantности, направо в тени невнятная скамейка, где моя и другие мамы встречают нас после уроков. Прямо напротив входа наверх ведет широкая парадная мраморная лестница – вкусного цвета постного сахара, полускрытая темно-красной ковровой дорожкой и увенчанная мраморным бюстом Сталина. Помпезность в стиле эпохи – тем не менее, не без традиций. Раздваиваясь, лестница ведет во второй этаж, где актовый зал с огромными полукруглыми окнами, летящими светлыми занавесками, полукруглым белым балконом и блестящим дубовым паркетом. Впрочем, паркет везде – и скрупулезно по-музейному чисто. Здание школы трехэтажное – благородных пропорций, потом его надстроили до пятиэтажного, провели лифт – куда школьников не пускали – неровен час - поломают.

Между тем цветы-букеты забрали – просто море георгинов и гладиолусов – с тех пор я их не люблю. Актовый зал – торжественными похоронами – повторится через год-другой в музее Ленина – мрачно-торжественным обещанием над грудой красных галстуков и цветов. И все в калейдоскопе – крутится-вертится – как с первого дня, так и до последнего.

Анастасия Петровна – директриса с красноватым злым лицом и неживыми сухими, тоже красноватыми волосами, покрытыми ячеистой сеткой. Истончившиеся морщинистые веки падают на треугольные глаза, и пожухлые и яркие – синие - недобрые. Посторонние сторонящиеся какие-то девочки,

приезжающие в школу на зеркальных машинах с белыми колесами. В такой же машине важная сановная толстуха Елена Михайловна с лоснящимся пористым лицом и широченным носом луковицей, она нас учит английскому со второго класса – я ее смертельно боюсь – у нее в учительской отдельный стол – невозможно поверить, что она жена импозантного, слегка галантерейного красавца на портретах – Булганина, Николая Александровича – следующего за Сталиным вождем.

Учиться мне и легко и скучно, но и нравится – особенно получать пятерки. Больше всего в школе люблю уроки физкультуры, хотя у меня получается хуже всех, в общем совсем даже не получается, да и по росту я почти последняя, зато в физкультурном зале без формы в трусиках как-то свободнее дышится – и учитель, несколько хамоватый Николай Павлович относится к нам не по ранжиру, не так, как в классе – Евгения Карловна твердо знает кто есть кто, и еще нас заставляет сидеть – руки назад – для осанки, и везде всегда строем – мама так и говорит – муштра, а школьную форму мы с ней называем мундиром. Конечно, домашнее все по-другому – по утрам мне папа поет козлетоном – дети в школу собирайтесь, петушок пропел давно, и для приготовления уроков мама торжественно вносит крашенный светло-зеленый столик, похожий на подросткую табуретку, под названием ресторан, и портфель у меня цветной – восхитительно клеенчатый – красный, мама точно такой же купила моей двоюродной – только синий – и мы с Ирой прямо как красно-синий близнецовый карандаш.

Больше всего и всех в школе мне нравится крупная – крупчатая – долгая Лариса Островская – она добрая хорошая девочка. Потом, когда появится Туся Козловская с умным, испанского очерка, лицом и испанскими миндалевидными бархатными глазами, я замру от счастья узнавания непредвиденной красоты. Туся иронична не по возрасту и не по возрасту независима в суждениях. И талантлива – это заметно. Буду привязчиво дружить с обеими девочками – мне не очень понятно, что это такое, я просто с удовольствием по мере возможности буду сопровождать их. Обе они как бы чуть взрослее, проводят время вместе – я присоединяюсь не часто – у меня другая жизнь, но главное – другие интересы – я читаю, и ничто не сравнится с кругом чтения.

Между тем выясняется, что школьная жизнь – это фамилии – имена-отчества и должности родителей. Мама моя – член родительского комитета – придет время посвятит в исторические подробности, но это нескоро. Пока я сижу за одной

первой партией с хорошенькой Наташей Рюминой – у нее крошечная печальная голубоглазая мама, а папа – кровавый полковник – потом его расстреляют. Позади нас милые девочки-подружки – темнорусококая Света Штейнберг – племянница только что арестованной Полины Жемчужной - жены Молотова, и очень аккуратная Наташа Вознесенская - тоже с длинными тщательно заплетенными косами – льняная блондинка – копия отца – первого помощника Сталина. Обе девочки одновременно уйдут из школы – Наташиного отца расстреляют, и она поедет одна на Украину к родственникам, а жених старшей ее сестры откажется от суженой невесты. Тетя Светланы - Жемчужная вернется, Наташина мама – тоже – хромая с перебитыми ногами.

На последней парте Лена Петушкова – круглая отличница – она станет мировой чемпионкой в конном спорте – гордость отца – прилежного работника ГУЛАГа, дослужившегося до первого замминистра НКВД – мама папе одними губами – убийца с печальными глазами, я слышу все - мне не надо объяснять – я знаю, но все-таки не понимаю – у них рыбки и черепаха, и на стенах картины – писанные Владимир Петровичем – у него действительно, как у Лены, карие печальные глаза – и он – действительно, как ни кинь - убийца. Они занимают две комнаты - в третьей жена, а может уже и вдова шутцбундовца – он в тюрьме или в земле – она не понимает по-русски и вообще ничего не понимает, соседи изводят ее губительно – и вся трехкомнатная квартира в доме напротив нашего, в Старопименовском переулке – там еще на углу с Воротниковским банк - в конце концов переходит к ним целиком. Лена уйдет из жизни рано – преждевременно, мама ее Нина Константиновна надолго переживет дочь – писать эти безжалостные подробности – ужасно, но из песни слова не выкинешь – нет, пепел Клааса не стучит в мое сердце – да и какой там Тиль – скорее уж Тильтиль и Митиль – мы дружной вереницею идем за синей птицею, так или сяк, но не сказать нельзя.

Все-таки мои подруги другие – умница-красавица Гуся – дочь Ивана Семеновича Козловского – гениального тенора, у них пудель Татка – Татьяна Ларина, сверкающие полы и сердитая мама Галина Ермолаевна – прекрасная собой легендарная Галина Сергеева-Пышка, которой я побаиваюсь. У милой Ларисы папа Анатолий Павлович дважды лауреат Сталинской премии – похожий на Рудольфо Валентино, а мама Генриетта Владимировна совершенно ему под стать – эффектная, всегда нарядная блондинка, бабушка тоже голубоглазая со стрельчатыми

ресницами, а бабушка – замечательный уютно-добрый, всегда потом отводит меня домой.

Не вся номенклатура причастна. Мама Люды Меньшиковой – Антонина Михайловна - жена министра лесной промышленности – простая, на вид совершенно деревенская женщина со светлыми взбитыми волосами - приглашает меня на елку. В большой квартире полно шальных детей, бегают-прыгают. Я не дружила с Людой, можно сказать, совсем, и думаю, пригласили меня скорее всего из сочувствия. На обратном пути иду домой с провожатой - старшей сестрой Люды – Надей – уже взрослой, с короткой стрижкой каштановых волос и вздернутым носиком. Она передает мне солидный кулек – угощение, и это не обидно ни капельки. Потом мама расскажет – встретила Тоню - Антонину Михайловну Меньшикову на улице, остановились, и пока говорили – как нахлынуло - столько горького горя – мама и расплакалась – та заплакала тоже – стоим обнявшись и плачем – такая вот история.

Наступает дело врачей, о котором я ничего не знаю, но помню – нет - знаю все – почти неизвестный мне наш участковый доктор Кассациер – худощавый и подтянутый в бежево-коричневом костюме с галстуком, так непохожий на разлапистых теток-врачей – он не просто поникший – он уничтоженный – мама Тани Жигулиной – пышная красавица-казачка с девичьей фамилией Задонская, задыхающаяся в замужестве за унылым чиновником Госплана – такое здание шероховато-бежевое с шишечками и неподалеку – а муж с бледной лысиной, влажным рукопожатием и угольными бровями над бусинами глаз – вот она – удалая-разудалая и написала на доктора донос – за коммунальную квартиру, нелюбимого мужа, по-детски некрасивую дочку – скуку неудавшейся жизни. Об этих доносах по ночам, задыхаясь, шепчутся родители. Что, казалось бы, мне – ничего не замечающей вокруг книжнице – да никуда мне не деться – все в память – и на память - со всех сторон свинцовой тяжестью непрерывная тревога, нескончаемое ожидание запредельного испуга. Кудрявая матово-смуглая Марина Фельдман учится в нашей школе, ее папа – как и доктор Бялик – лечит ушки – все они убийцы в белых халатах - я давно читаю все подряд – даром, что научилась и впору разучиться – так страшно.

Я хорошо помню доктора Бялика – небольшого такого - худенького и старенького – у меня воспаление среднего уха – а у него блестящие и гремящие всякие инструменты, мы лечимся часто, и ходим к нему часто, он к маме все обращается - мамаша, а я ревную – какая же она ему мамаша – она моя мама и больше

ничья. Однажды он что-то спросил у мамы, и она в ответ не выдержала и прямо при нем быстрыми слезами по щекам – а он тогда и сказал – не волнуйтесь, когда будут деньги, тогда и расплатитесь – про деньги это мама потом расскажет – я тогда с первого гонорара – бегом к доктору Бялику – вот они какие – врачи-вредители-отравители.

Смерть Сталина – я плачу скорбно – горько – все плачут, это заразительно, а мама с папой – как воды в рот набрали – молчат и нисколечко не плачут – зачем-то про кружку ходынскую Прасковьи Яковлевны – тоже вспомнили – Пугачевы уже давно с нами не живут.

А время капелью течет – хоть шути не шути – оттепель... Народу понаехало – недобитого – ни в сказке, ни пером описать – и все, оказывается, наши друзья-знакомые. Вот и папу реабилитировали, а не сказать, что повеселел. Я уже подросток – пора все осознать-понять – но есть вещи, которые в голове никак не укладываются, а в душе, если и укладываются, то – камнем. Прямо, как в песне – не верьте погоде, когда проливные дожди она льет. Вот и я говорю – не верьте.

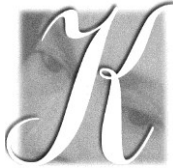

Александр Габович

Пьянство на научных конференциях как сублимация творческой потенции

*Ой, куме, куме, добра горілка,
Будемо тити до понеділка.*
Украинская народная песня

Введение, которое скорее запутывает, чем проясняет

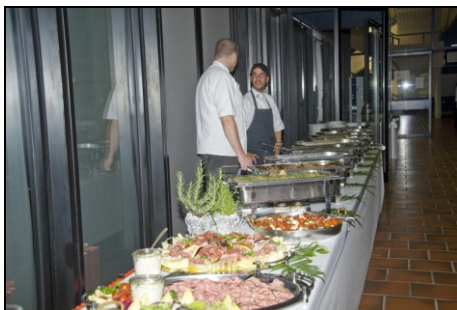

Каждый автор старается представить своего будущего читателя, понять потребности его души и, поелику возможно, завлечь. Я человек скромный, а посему завлекать не стану, так как всё равно не получится. Иное дело – развлечь. Эта штука, на мой взгляд, хорошая, а для русской литературы редкая. Ужаснуть, напугать, лишить воли к жизни и её последних радостей, вызвать искреннее отвращение и лицемерное сочувствие: вот наши цели, успешно достигаемые многими поколениями отечественных литераторов¹. Мы – не англосаксы, наши романы и рассказы или обходятся без положительного героя, или выводят на авансцену истории таких героев, что отрицательные персонажи кажутся предпочтительнее. Впрочем,

¹ Под русской литературой здесь и ниже понимается литература русскоязычная, а под отечественными авторами – авторы, возвращенные под знаком «совка». Даже великолепный знаток русского языка, родившийся и творящий на берегах Тибра или Рейна, не поймёт странного аромата уходящей нелепой эпохи. Она исчезает под неосознанным давлением еще худших потомков, как исламские мавзолеи Тимбукту или высеченные в скалах буддийские храмы Афганистана, впоследствии намеренно разрушенные радателями истинной веры.

пакостники всегда выходят более выпукло, чем святоши, не только в русской, но и, вообще, в мировой литературе.

Поэтому я в своих заметках и ограничиваюсь суровой, но богатой правдой жизни, чуждаясь праздного вымысла. То есть, какие герои попадают в поле зрения, о тех и пою, не обращая внимания на упрёки моралистов. А попадают в сети, в основном, мои коллеги со всеми их слабостями и достоинствами. В СССР было до миллиона научных сотрудников различных сортов, ценностных градаций, должностных категорий и специальностей: в диапазоне от истории родной Коммунистической партии и до ядерной физики². Заранее оговорюсь, что пьяницами или сильно пьющими были только лучшие из них, хотя и среди трезвенников иногда встречались неплохие ребята. И не кидайте в них, то есть в нас, идеологические камни: «дескать, выели закрома Родины, бездельники-питухи». Во-первых, жидковаты оказались закрома, а, во-вторых, не вижу, почему невытый рокер, трудолюбивый брокер или, на худой конец, благочестивый служитель культа принесли и неустанно приносят больше пользы родимой планете и паразитирующему на ней человечеству, нежели упорные седые мужики, одолевшие четыре тома «Капитала» Маркса (я и двух абзацев до сих пор прочесть не смог!), или патлатые исследователи космических глубин, знающие великую нынче на просторах СНГ тайну – причину смены сезонов на Земле.

Фотография 1

Прежде, чем погрузиться в приятные воспоминания, я должен искренне признать: на Западе и Дальнем Востоке учёные мужи тоже пьют. Пьют нечто очень вкусное, а заедают не менее вкусным (с завистью смотрите Фотографии номер 1 и 2,

² Диплом физика-ядерщика был выдан мне в 1969 году. Ни одного дня я не работал по этой специальности – ирония судьбы.

сделанные 30 июня 2010 года в Институте Общества Макса Планка в немецком Штутгарте). Но делают это как-то обыденно, без огонька и придумки, которыми славится вечно свободное Отечество, оплот мира и дружбы во всём мире, свидетельством чему служат десятки миллионов автоматов Калашникова и случайно услышанные мной вопли египетских пацанов в Гизе: «руска - Маруска, давай-давай, шуруй-шуруй». Не знаю, чем прославилась, вошедшая в арабский фольклор упомянутая Маруська, но, видимо, какие-то неопознанные современной наукой особые флюиды советские люди исправно распространяют вокруг себя. Иначе не понятно, почему истошные крики по поводу Маруськи адресовались исключительно нашей группе, а не чинным немцам или наглым англичанам.

Успехи постсоветских ученых за рубежом. Попытка предвзятого анализа некоторых незначительных деталей

Отметим с гордостью, что приключения наших людей, густо замешанные на весёлом пьянстве, известны нынче повсюду, особенно после рекламы Михаила Задорнова, превратившего молодецкую удачу соотечественников в источник собственного нетрудового дохода. В питейном смысле гастролирующие за рубежами почившей в бозе Советской Империи научные работники – отнюдь не исключение из наших правил. Один мой хороший знакомый профессор-физик Саша О. умудрился в нетрезвом виде сизым орлом просвистеть несколько лестничных пролётов в голландском доме. А ведь в Нидерландах, как известно, острый дефицит земли, так что лестницы кругизною частенько напоминают скальные маршруты. Так вот, Саша совсем не пострадал да ещё после падения поиздевался над аборигенами, утверждая, что русскому профессору под силу любые подвиги. Возражений он слушать не захотел. Так и заснул, плотно зажатый между массивной входной дверью и первой ступенькой, на которой упокоилась на ночь буйная седая головушка.

Но Саше, вопреки вышесказанному, ещё здорово повезло: ночлег был под рукой. А вот нам, украинским участникам Конференции Секции твёрдого тела Европейского физического общества, которая состоялась в марте 2000 года в курортном городе Монтро (Швейцария) на берегу Женевского озера, пришлось преодолевать значительные трудности, созданные коварными организаторами, да и самой размеренной швейцарской жизнью. Поселили нас далеко от отеля, расположенного в центре города, где проводилась конференция, а именно, на полпути к Шильонскому замку, в общежитии для юношества. В каждой

комнате три комплекта двухэтажных нар. Удобства в коридоре, на всех не хватает, так что очереди с утра солидные. Да ещё экономия швейцарская донимала. Войдеш в душ, включишь воду, а через минуту она автоматически иссякает. Нужно нажать кнопочку, а для этого из-под душа вылезай, шаг к задней стенке – и вода снова течёт, и снова одну минуту. После трёх циклов мыться уже не хочется, чего и добивались наши бережливые хозяева.

Так вот, бросили мы вещи на нары и помчались в центр регистрироваться и выпить по маленькой в счёт оргвзноса. Стояло на столах прекрасное вино, и пиво было. А вот закускою никто не озаботился. Голодные, мы быстро потеряли бдительность и изрядно потребили буржуазный продукт красивого бордового цвета. Но это ещё ничего. Оказалось, что на конференцию приехал наш бывший соотечественник, Аркадий К., проводящий заслуженный седьмой год (sabbatical year) в Англии. Он остановился с женой и сыном в огромном номере близлежащей фешенебельной гостиницы, куда нас и пригласил после официальной вечеринки. Там Аркаша достал огромную бутылку шотландского виски, которой можно было напоить всю конференцию. Но еды не было и у него. А купить нельзя: магазины в этой кальвинистской стране закрываются в пять часов пополудни.

Фотография 2

После второго приёма пришлось, с трудом разбирая виденную один раз при дневном свете дорогу, тащиться в общагу. Когда добрались, силы были на исходе. Достали родные хлеб и сало и закусили, через пять часов после начала пьянки. Такой пытки никто из нас и не упомянул. Так что несладко иной раз бывает людям, забравшимся из известных центров мировой науки, Киева и Харькова, в дремучую глушь других посмотреть и себя показать.

При всём притом необходимо признаться, что раскрепоститься в застолье нашим людям в Европе, а тем более в Азии (про мусульманские страны я вообще молчу), мешает свойственная советскому человеку трогательная стеснительность. Не разуживается плечо, не размахивается рука, не вырываются наружу самые лучшие, самые сокровенные песни с использованием идиоматических выражений интимного, задушевного характера, полные искрящегося галантного юмора, воспевающего потаённую красоту женщин и могучую неужёмность мужчин. Поэтому, хотя немало выпивается, но не так ярко проявляется наше превосходство в уничтожении снеди и напитков по сравнению с чахлыми выходцами из мещанских мирков ухоженной Европы и бонсайного мелколесья Восточной Азии. Есть и еще одна причина, почему наши доблести не очень прижились в отрыве от родной сторонки: самые козырные, самые умелые возможные участники трапез и возлияний за границу не попадают. Увы, нам, увы. Ибо, хотя в деле застольном они мастера знатные, а вот в деле научном пока отстают. Надеюсь, что с неизбежным ростом их доли в научном сообществе, при его общем неуклонном уменьшении, больше славнейших витязей станет выезжать и прославлять нашу великолепную культуру общения в трудных зарубежных условиях (смотри опять, в назидание, Фотографии 1 и 2).

Примечательно, что в других аспектах околонучного жанра наши люди за кордоном не столь робки, как в публичном истребительном поглощении калорий и градусов, и подчас добиваются ярких и славных побед. Дабы не быть голословным, расскажу байки³ про двух скромных героев как бы невидимого фронта, свершения которых я наблюдал лично с восхищением, а может быть (своя душа – тоже потёмки) и глубокой черной завистью.

Профессор Савелий К., снискал широкую популярность в украинских научных кругах тем, что на предзащите своей докторской не мог ответить на самые элементарные вопросы, но держался гордо, с непоколебимым достоинством, отвергая наглые попытки считать невежество недостатком. Именно эта твердокаменность Савелия плюс (так скрежещут злые языки!)

³ По-украински, человек, сочиняющий байки (басни), называется «байкар». Но так как мои байки являются истинными историями, лишь слегка отретушированными для прохождения нравственной цензуры, то в качестве автора я бы скорее принял самоназвание «байкер».

волосатая пятерня в ВАКе обеспечили успешное утверждение *Opus Magnus* в учреждении, славящемся своей неподкупностью. Не владеющий английским языком Савелий известен ещё и тем, что регулярно проводит научные конференции под эгидой агрессивного западного блока в Крыму, привлекая в качестве сопредседателей западных же ученых, причём каждый раз иного профессора. Результатом этих встреч на пленэре стал ряд очень неплохих томов с трудами научных работников со всех континентов кроме Антарктиды. Иностранные спонсоры деньги на благородное дело дают, но они же их и считают. Тем не менее, Савелий умудрился и доднесь умудряется получать регулярный неучтенный доход. Чаще всего валютной наличностью. Рассмотрим деятельность нашего героя поподробнее.

Один из его новых гениальных способов отъема денег я наблюдал воочию. Некий профессор из Эстонии (назовём его Ф.) был предварительно оповещён Савелием, что для перелёта Киев-Симферополь чартерным рейсом и поселения в гостинице «Виноградник Януковича» эстонский институт должен выделить 600 баксов. Эту сумму и привёз горячий эстонский парень, получивши взамен расписку сопредседателя, ответственного за финансовые вопросы, то есть самого Савелия. Всё чин чином и все довольны. Секрет заключался в том, что деньги на полное содержание участника и его транспортировку уже были оплачены из фонда конференции. Так что кэш навсегда провалился в широкий карман Савелия. Несколько профессоров, Ф., Ш. и ещё один Ф., – и можно не только банкет заказать, но и немалый банковский счёт открыть.

Заработав широкую и, как видим, вполне заслуженную научно-организационную репутацию, Савелий решил извлечь дополнительную изрядную сумму денег из карманов западных налогоплательщиков, но уже, не научно-организационным, а менее хлопотным путём – чисто научным. Понимая, что в конкурентных боях на ристалище в Брюсселе можно и проиграть, так как проектов от русских и украинских Савелиев на границу между ничего не подозревающими фламандцами и валлонами поступит немало, наш Савелий придумал ход ослом. А именно, пригласил в пул старенького учёного, который до этого за возможность понежить косточки на берегах Эвксинского Понта поддержал кандидатуру соискателя в ВАКе. Старец, которого мы для определённости назовём аббревиатурой – Павел Олегович Цеханский, написал заявку и своим авторитетом обеспечил лицо проекта. Трудолюбивый же Савелий взял на себя гораздо

большую ответственность – за денежную изнанку и организацию, так что простодушный Цеханский. был ему несказанно благодарен.

Проект был принят и, что для Запада традиционно, а для Украины удивительно, полностью профинансирован. Основной транш был выплачен в Лондоне, где работал знаменитый зарубежный участник проекта. Фунты с портретами Королевы и Фарадея чопорный кассир вручил Савелию, причём обе, причитающиеся моим соотечественникам, доли. Доверенности от Павла Олеговича у Савелия не потребовали, так как (мы уже это отметили выше) финансовое бремя по просьбе Цеханского было уже заранее возложено на мощные плечи младшего коллеги.

Долго ли, коротко ли, а возвратился посланец из Лондона в Киев. А Павлу Олеговичу не звонит. И это абсолютно правильно, так как свою функцию старик выполнил, то есть заявку, научные работы и отчёт написал. Но неймётся знатоку функций Грина, накручивает он телефонный диск, Савелия ищет. Не прошло и двух недель, как голос Савелия прозвучал в трубке. На вопрос старого профессора: «А где мои деньги?» – тут же был дан ответ исчерпывающий и справедливый: «Ваших денег тут нет и быть не может». Не буду описывать гневные, а потому неправильные⁴ реплики обиженного Цеханского. Тут важно, что и юридическая, и нравственная, и социальная справедливости восторжествовали: «старый профессор пишет отчёт, новому – должности, деньги, почёт».

Читатель уже проникся симпатией к профессору современной формации – Савелию К. Но как же с основной темой, с которой я почему-то всё время съезжаю на интеллектуальные обочины, то есть со способностью напиться, не теряя достоинства и равновесия? Успокою читателя: Савелий и тут был и есть на высоте. Его огромное брюхо вбирало в себя нужное количество алкоголя безо всякого труда, а морда после приёма внутрь живительной влаги сохраняла тот же кирпичный цвет, который имела перед этим. Более того, Савелий использовал водку в качестве секретного оружия.

Дело в том, что некоторые западные профессора, которых угощают или иным образом обхаживают наши претенденты на исследовательские гранты, приглашения или возможность публикации в редактируемой обхаживаемым профессором книге, податливы на ласку. Особенно успешными бывает соответствующее искательство просителей женского пола, но и мужчины часто добиваются полезного результата. И это

⁴ Юпитер, ты сердисься – значит, ты неправ!

правильно, поскольку гениальных учёных пруд пруди (научные журналы заполнены под завязку!), а способных организаторов досуга и, вообще, нужных человечков никогда не хватает. В этот летний вечер на болгарском курорте Савелий интенсивно обаял немецкого козырного туза. Предыдущая ночь прошла неудачно, так как выбранная для оболыщения отечественная дама, вопреки ожиданиям, не пошла распалённому Савелию навстречу. В сердцах бросив в её номере недопитую (им же) бутылку водки, Савелий отправился спать, и вскоре его недовольный храп разнёсся по неказистому корпусу дома отдыха социалистической постройки. Однако для охмурения немца тоже требовалось горячее, а купить ещё одну бутылку расчётливый Савелий не хотел. Поэтому он постучался к несостоявшейся даме сердца, забрал полупустой сосуд и уговорил немца. Подозреваю, что онный немец был столь же бережливым, что и Савелий.

Иной, но не менее привлекательный способ изъятия денег, придумал другой мой выдающийся знакомец, профессор Георгий П. Простые и, на беспристрастный взгляд, справедливые и рыночные операции по введению дополнительной оплаты прямо экзаменатору (то бишь без излишней бюрократической волокиты) зачетов и экзаменов студентами давали некоторый регулярный скромный доход. Но молодая неработающая жена и только что родившийся младенец нуждались в большем. И тогда Георгий, как некогда его небесный патрон, решился на подвиг.

Он стал подавать заявки на различные зарубежные конференции с предложениями докладов весьма обещающего и интересного содержания, но без какого бы то ни было конкретного наполнения (об этом западные олухи и не догадывались), и при этом просить полную финансовую поддержку. Так делают многие, но герой наш пошёл дальше. Вот, например, как поступил он на Европейской конференции в одном южно-английском городе, где я, к счастью, тоже был и воочию наблюдал волнующее развитие событий. Итак, Георгий тотчас зарегистрировался по прибытии, дабы его место в расписании докладов (а доклады произносились одновременно на нескольких параллельных сессиях) не было никем занято. Ведь бывает так, что докладчик заболевает или транспорт его подводит. Вот поэтому регистрация и необходима. Далее украинский профессор получил немалую сумму на оплату гостиницы за неделю и компенсацию за билет. Но... – наше ноу-хау! – он остался на одну ночь, и по-английски, не оповещая Оргкомитет, отбыл в Париж. На следующий день его искал уже председатель секции, были развешены объявления «Wanted! George P.», но беглого докладчика так и не нашли. В результате,

благодаря мудрому поступку моего соотечественника, участники секции получили 20 минут дополнительного благотворного отдыха, так как свёрстанное в первый день расписание менять нельзя, а Георгий сэкономил детишкам на молочишко. Но и это ещё не всё. В Париже Георгий провернул такой же фортель и вернулся на любимую им Родину, где его ждали студенты, алчущие зачёта.

Я считаю, что ученый допустил единственную ошибку: пропустил два банкета, оплаченные англичанами и французами, где мог всласть выпить и закусить, не тратя ни копейки. Но у Георгия и тут имеется оправдание: он пьёт только дармовую водку (виски, вино, пиво, абсент, вермут, мадеру). А за банкетный стол надо было раскошелиться, оплатив несколько суток пребывания в далёких краях. Овчинка не стоила выделки, и мужественный профессор отказался от выпивки.

Стариковские реминисценции:

«как хорошо в стране советской жить!»

Вы, дорогие читатели, видите, как непросто приходится самым достойным соотечественникам за краем русскоязычной Ойкумены (это слово – не матюг!). Раньше было не в пример легче и проще, не говоря уже о том, что мы были моложе, девчонки были более красивые, небо – синее, а трава-мурава – зеленее. Вот и хочется привести несколько фрагментов из той жизни, которая кажется потусторонней и ушедшей в небытие, пока ненароком не взглянешь на ушастые геюиды в президиумах. Вот она *инварианта*, которую Михаил Восленский во время оно нарёк классом номенклатуры, а я назову ласковой: наша вечная красно-коричневая мародёрская элита.

Я к элите не принадлежал ни по рождению, ни по особенностям жизненного пути, а потому считал, что хорошая выпивка в дружеском кругу лучше, чем общение с синклитами, конклавами, советами, комитетами, конгрегациями, партиями, бюро и уже упомянутыми пресловутыми президиумами. Опыт показал, что тогдашний неопытный я был прав и уберёг нынешнего более опытного меня от некоторых роковых ошибок, хотя и не от всех.

В начале 70-х социализм заметно загнивал, но запах ещё не зашкаливал. Особенно радовали междусобойчики на рабочем месте, так как умственная работа и тогда была трудна, а зарплата в 98 рублей (инженер в НИИ Академии наук УССР) угнетающе действовала на подсознание. Как учил нас Роберт Бернс, для пьянства есть много поводов. Не знаю, использовали ли мы,

молодёжь Отдела физики кристаллов, все поводы или какие-то пропускали, но, по меньшей мере, раз в неделю встречались за сдвинутыми лабораторными столами. Они были уставлены не так шикарно, как показано на Фотографиях 1 и 2, но и не так убого, как когда-то во время моей офицерской службы в Ханты-мансийском национальном округе или во время моих командировок в Российскую Федерацию⁵. Но мы знали в пьянстве меру, так как были связаны социальными нитями с родителями, жёнами и мужьями (у кого таковые имелись).

Командировки рвали, иногда навсегда, любые связи, превращая благородное вино-питие в безудержный разгул. Помню, как однажды занесла меня нелёгкая на Всесоюзное совещание биофизического профиля⁶ в славный город Харьков. Каюсь, я сделал одну непоправимую глупость: взял туда свою первую жену-биолога. Это вызвало такую отрицательную реакцию среди женщин медико-биологических специальностей, составлявших подавляющее большинство среди участников, что я не на шутку испугался. Одна из них объяснила мне так: «Ты что думаешь, мы сюда наукой заниматься приехали? Я еле сумела сюда пробиться, оставила мужа с маленьким ребёнком, а такие негодяи, как ты, приезжают в биофизическую Тулу со своим самоваром?» Я, конечно, понимал, что в её горьких словах была изрядная доля правды, но ошалел от неистовости напора. Всё-таки среди физиков такой откровенный зов плоти мне не встречался ни до, ни после описываемых событий. Может быть, дело было именно в женском преваливании? Не знаю, об этом лучше спросить социологов, а то эти жулики все промелькнувшие десятилетия заняты, в основном, дурацкими исследованиями уровня любви народа к очередному воровскому правительству.

Откровенные гетеросексуальные оргии (хорошо, что не гомосексуальные!) сопровождались на конференции невиданным мною дотолем в среде научных работников пьянством. Я люблю и уважаю потребление алкоголя, в чём признавался выше, но тогда в Харькове сама конференция как-то поблекла и скукожилась на

⁵ Я всегда удивлялся, почему старший брат живёт беднее многих младших (не всех: таджики жили ещё хуже), но ответа не знаю до сих пор. Лучше всех жили два народа – москвичи и ленинградцы – и поэтому я приезжал из поездок в столицы, нагруженный, как среднеазиатский ишак, едой, продукцией лёгкой промышленности братских стран социализма и книгами.

⁶ Первую серьёзную работу по биофизике я сделал через 30 лет после описываемых событий.

фоне первичных выпивок, докладов в пьяном виде и утренних опохмелок. Помню один мордатый культуртрегер из отраслевого Московского НИИ с характерной фамилией Пьянов рассказывал еле держащейся на стульях аудитории о синергетике потери качества. Оказывается, если фрукты портятся в месте хранения, то они не просто гниют, а испускают поток качества из камеры наружу, что описывается соотношениями великого американо-норвежского ученого Ларса Онзагера⁷. При этом докладчик был пьян и балансировал на грани падения со сцены в стиле какого-нибудь гнилого фрукта, о котором вещал.

Как мне примерно в это же время рассказывала одна знакомая женщина-врач, подобные вакханалии и сатурналии являлись нормой и для курсов переквалификации советских врачей. Она столкнулась с этим на курсах в Киеве, куда прибыла из провинции. Солидный мужчина-врач из другого города, незнакомый ей до тех пор, как только увидел её, тут же предложил ей совместный секс на всё время пребывания. Так ковались кадры советской медицины и создавались традиции, ныне считающиеся народными. Более того, я считаю, что такие вот сексуально озабоченные, больные зеркальной болезнью, номенклатурные особи опорочили самоё светлое занятие пьянством, сведя его к обслуживающему ритуалу перед незаконным совокуплением! Кстати, дорогой читатель, я, отнюдь, не против секса с приятными представителями противоположного пола, но встреченные на приснопамятной конференции мегеры и их манеры явились весьма эффективной наглядной агитацией за монашеский и даже отшельнический образ дальнейшей жизни.

Вернёмся, однако, к питейным историям нашей комсомольской молодости. Иногда водка оказывалась единственной защитой от неизбежного воспаления лёгких или краха нервной системы. Так случилось, например, в доме отдыха «Солнечный» под Свердловском, где проходила очередная Коуровка (для меня – первая в жизни). Коуровками⁸ по традиции называли зимние (подразумевай, лыжные) школы по физике твёрдого тела, проводившиеся светлой памяти Сергеем Васильевичем Вонсовским в Уральском регионе России. Теперь они тоже продолжают, но денег для участия требуется больше, чем для поездок в Прагу или Берлин, так что ниже речь пойдёт только о старых добрых Коуровках. В них боролись *инь* и *янь*, то

⁷ Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшиц, Статистическая физика, Часть Первая, 1976 (Наука, Москва).

⁸ Первая школа была проведена в селении «Коуровка».

есть желание народа власть напиваться и стремление Сергея Васильевича загнать участников в такие условия, когда водку невозможно достать. Война шла с переменным успехом, и победителя даже сейчас трудно назвать. Скорее всего, выиграли и наука, и спиритово-водочная промышленность.

В «Солнечном» случился страшный катаклизм: температура упала ниже – 50 градусов по Цельсию. На лыжах ходили только испытанные герои типа профессора Кирилла Петровича Гурова. У нас же, обычных людей, основной проблемой было не замёрзнуть в биологическом смысле этого слова. И снова, как это уже не раз бывало в истории человечества, а, особенно, в истории России, водка пришла на помощь. Вечером в нашей огромной комнате, где стояло 6 кроватей, а остановилось три постояльца (Володя Б., Петя К. и автор этих строк) мы распивали бутылку «Московской», совершенно не чувствуя опьянения. Потом мы ложились спать (вернее, дрожать от холода) на кровати с железной сеткой, в пальто и ушанках, накрываясь не только одеялами, но и матрацами, стянутыми со свободных лежачих мест. Самым трудным было встать утром и умыться, взломав ледяную корку в рукомойнике, расположенном в ещё более холодном коридоре. Поверьте моему слову, без выпивки мы бы не дожили до утра. Более того, соответствующий эксперимент был поставлен самой жизнью.

Очередным вечером, усевшись за стол, на котором кроме водки был только местный серый хлеб, мы по небрежности не закрыли дверь. Руководимый звериным чутьём к спиртному, в холодную нашу берлогу ворвался известный теоретик, а впоследствии и российский политик-демократ, Саша С., на ту пору знатный пользователь *чужой* водки. Саша быстро схватил бутылку и стакан, налил его до краёв, выпил залпом и исчез, не закусив и не сказав ни слова. Последовала немая сцена. Потом мы заперли двери, допили остатки и отчаянно промучились всю ночь, понося Сашу нехорошими выражениями. Теперь, я вспоминаю это событие с благодушной старческой усмешкой и надеюсь, что на том Свете (если он есть) этот похищенный стакан не будет квалифицирован тамошним начальством как недоброе деяние.

Лыжные прогулки и выпивка являлись на Коуровках не столько альтернативой, сколько дополнением. Связано это было с тем, что из далёких деревянных домов отдыха, выбираемых Сергеем Васильевичем в качестве научной базы школы, добраться зимой до человеческого жилья можно было только на лыжах. И мы добирались туда, а на вопрос: «А что у вас, ребята в рюкзаках?» – могли после посещения очередной уральской

деревни гордо ответить: «Водка!» Живо вспоминается посещение с означенной целью деревни вблизи городка Камышлова. Там, стоя в очереди, я оторопел, ибо в то время в Украине такого ещё не было (теперь *это* встречается повсеместно). Местные жительницы (очередь состояла только из женщин и девочек) разговаривали матом. То есть не употребляли матерные выражения, как острые вкрапления в обыденную речь, а *не употребляли* иных слов, кроме матерных. Я даже напугался, не вызвана ли такая лингвистическая практика особо вредными качествами местной водки и не испортит ли эта жидкость мой русский язык, настоящий на неистребимом, хотя и слабо уловимом, украинском акценте. Ничего, обошлось, слава Б-гу.

Поглощение алкоголя в Коуровках, да и на других школах далеко не всегда носило, конечно, утилитарный характер типа борьбы с холодом или комарами. По большей части, оно было благородно бескорыстным и вызывало веселье, а также необходимую для научных работников разрядку. Например, в Уфе головою одного очень крупного физика, который после приёма соответствующей дозы на банкете впал в бессознательное состояние, его собутыльники нарочно разбили витрину ресторана. Удивительно (или не удивительно?), что профессор-таран ещё многие годы продолжал делать великолепные теоретические работы. Но подобные святочные случаи не исчерпывали приключенческую палитру. Некоторых участников застолий тянуло на подвиги, что осложняло и без того непростую работу локальных оргкомитетов.

Симптоматический случай произошёл в Кунгуре, где локальными организаторами были сотрудники физического факультета Пермского госуниверситета, с которыми я был задолго до этого знаком. Они спросили меня: «Чего и кого следует опасаться на банкете?». Умудрённый опытом пребывания на различных мероприятиях такого рода, я ответил: «Ребята, некоторые напьются до чёртиков, как бы вы за ними не следили. Они незлобивы. Их нужно только вовремя увести или унести в номер. Есть, однако, человек, за которым следует присматривать особо, хотя и негласно. Что он учудит, неизвестно, но он несколько раз вызывал скандалы в различных местах. Это Жена М.⁹».

За Женей установили дежурство. Тем временем в гости с ночёвкой к физикам приехали артисты знаменитого Пермского

⁹ Крупный учёный в области сверхпроводимости, к сожалению, уже покойный.

балета, отпочковавшегося от Ленинградского родоначальника, попавшего в Пермь во время эвакуации из осажденного города. После концерта они разделили с нами банкет. Среди танцовщиков была одна симпатичная семейная пара лет 18. Молодая жена на свою беду привлекла внимание любвеобильного профессора-выпивохи. Приняв на грудь, он стал объяснять мужу, почему тот должен сегодня уступить супругу известному и уважаемому человеку. Это длилось не больше минуты. Женя был схвачен дюжими пермяками, отнесён в соседнее помещение и прикручен к роялю. Там он постанывал в пьяном одиночестве, пока остальные веселились. После банкета профессора выпустили, обязавши не выходить из собственного номера, если только в туалет не приспичит. В очередной раз была в полной мере продемонстрирована теорема, что вредна не выпивка сама по себе, а те анти-социальные личностные черты характера, которые проявляются после потребления горячительных напитков. Среди сотни «школьников» нарушителем правил оказался только один, за что и пострадал.

Остальные физики вели себя примерно, за исключением традиционного желания спеть, возникающего после нескольких рюмок. Один наш товарищ, теперь крупнейший американский учёный, научил нас очень интересной песне, где все слова были как будто пристойными, но звучали неприлично. Мы пели её, бродя возле дома отдыха, искрился снег, над печными трубами вился дымок, а из десятков глоток нестройно рвались к небу провокационные слова, которые я запомнил на всю оставшуюся жизнь: «Я муда, яму дали комнатуху...». Благословенны будьте молодость и искусство. Ведь искусство – это, когда чуть-чуть, а молодость – это, когда ого-ого.

Злопыхатели и ханжи, которые подчас встречаются даже среди читателей такой аналитической литературы, как мои заметки, могут зашипеть уже после первых строк и забиться в истерику после вышеприведенных: «Да ведь они только и делали, что пили горькую, на этих конференциях, симпозиумах, семинарах, совещаниях и иных сборищах, а мы, народ, их кормили!» Чего греха таить, слышал я неоднократно подобные умозаключения, особенно от своих ровесниц, бабушек-старушек, активных общественниц. Со всей ответственностью абсолютно безответственного человека отвечу: «Неправда ваша, господа хорошие и дамы, приятные не во всех отношениях». Во-первых, кормили нас не вы, а геологические процессы далёкого прошлого, разместившие под Ханты-Мансийским национальным округом несметные богатства в виде углеводов. А во-вторых, вы-то

что в эту славную советскую эпоху делали? Автомобили «Москвич», ракеты «Сатана» и стада танков, для которых не хватало водителей и наводчиков. На весь этот стальной и цветной лом извели горы дефицитных материалов и квадрильоны киловатт-часов. И всё это под пиратским знаменем, сшитым белыми нитками из наших траурных трусов по колено.

Ведь на этих конференциях читали не только Диониса, но и Аполлона. Врезалась в память одна сценка. Иду я коридором, а возле исчёрканной мелом шатающейся школьной доски стоит выдающийся физик Аркадий Аронов и выговаривает какому-то юному аспиранту: «Как Вам не стыдно такие уравнения писать!» А мальчик головёнку понурил, и извиняющимся тоном умоляет Аркадия Гиршевича простить его, горемычного. Даже жалко пацана стало. Сам же Аркадий с большим сердцем денно и ночью правильные уравнения сочинял, выписывал и решал. А потому памятником ему эти уравнения ещё долгонько служить будут. Вдохновлённый яркими работами Аронова и его ученика Бориса Альтшулера, написал я хвалебные стихи на одной из конференций. Заканчивались они справедливыми, хотя для кого-то и обидными словами: «Альтшулер-Аронов Россию спасли!» (смотри Приложение).

Нарочно для тех, кто будет мою летопись ругмя ругать, отмечу, что советские физики были разного этнического происхождения, а не только того, о котором ругатели всё время думают, да и то в отрицательном ключе. Хотя шутка о том, что теоретическая физика – это не специальность, а национальность, имеет под собой веские основания. Когда мы вокруг жилых корпусов гуляли или на лыжах гоняли, зоркий уральский народ это углядел и жаловался: «Дескать, мы думали, что учёные приехали, а прикатали к нам жида (сохраняю лексику неискушённого в политкорректности простонародья, ибо даже из чужой песни не следует выкидывать слова, тем более ключевые)!» Да и сами участники нескончаемой битвы за знания давали такое шуточное определение среднего «коуровца»: низенький, кругленький, чернявый и в очёчках. Таким был, например, мой приятель, Гриша М. Деревенские тётки его не жаловали, иудеем считали. А был Гриша почти русским, только одна бабка-гречанка затесалась. От неё и Гришкина статья ближневосточная, истинно православным хоругвеносцам противная.

Вот и опять я от темы отклонился, красную нить упустил. Пора возвращаться на шлях проторенный, огненной водой окроплённый. Довелось мне два раза (в 1982 и 1984 годах) принять участие во Всесоюзных совещаниях по органическим

полупроводникам, где советские физики и химики работали в тесном сотрудничестве, в результате чего американцы и японцы получили Нобелевские премии. Первое совещание состоялось в горном селении Пасанаури, вблизи Душети (Грузия). Там участники пили прекрасное вино и наблюдали броуновское движение грузовиков по Военно-Грузинской дороге. А вот о втором совещании в Агверане (Армения) я расскажу более подробно, ибо (1) там я был трезв, как стёклышко по причине, о которой сейчас поведаю, и (2) трезвыми глазами узрел поведение пьяных научных работников. Последнее ввергло меня в уныние, так как понял я, что в иные моменты и сам, небось, выглядел не лучше других приверженцев Бахуса. Кроме того, любопытные картинки с выставки человеческих пороков были мной восприняты и сохранены в памяти, в то время как даже лёгкое опьянение смазало бы эти выпуклые сцены.

А не пил я потому, что меня совратил мой институтский приятель Витя М., который вообще не употребляет спиртное, да ещё и бегает марафон в свои 70 с гаком! Мы жили в одном номере и практиковали зарядку, совмещенную с завтраком. Дело в том, что участники совещания разместились в трёх пансионатах вместе с простыми армянскими трудящимися. Заседания же проводились только в одном пансионате (не в нашем), куда нас возил автобус. Еда была очень бедная и некачественная, но лучшие куски всё-таки можно было найти и ухватить в любой из столовых. В каждой из них была своя изюминка. А мы имели право питаться в течение 45 минут в любом пансионате. Дорога между ними вилась серпантинном, так что поклевать в трёх местах не успел бы никто. Кроме нас. Мы быстро завтракали у себя, съедая лишь самое вкусное из предложенного. Затем, не насытившись, карабкались из нашего нижнего дома отдыха по склону вверх. Там мы проглатывали еще какие-нибудь вкусности, а затем спешили в верхний корпус, где окончательно наедались и шли в конференц-зал. Таким образом, мы выдерживали физическую форму, сносно питались и посещали все заседания. Сейчас я бы, наверное, умер бы во время первой попытки штурмовать гору.

Самым интересным событием в Агверане, как и на любом удавшемся научном собрании, стал банкет, проходивший (это очень важно для дальнейшего!) в нашем пансионате. Армянские друзья в условиях щемящей бедности того каменистого пустынного края сумели достать вдоволь еды и много вина и водки. Пир шёл горой, а мы с Витей с лицемерным осуждением наблюдали за тем, как люди постепенно превращались в хрюкающих друзей человеческой расы. Особенно усердствовали

отраслевики, то есть работники закрытых отраслевых институтов прикладного характера. Было их тогда немеряно. Что они сделали для фундаментальной науки, которая была предметом совещания, я не знаю. Думаю, что ничего. С прикладным аспектом, по-видимому, тоже было негусто, так как ни одного придуманного этими парнями прибора в продаже не было. Ну, а чисто военные достижения и усилия к концу десятилетия и вовсе угробили Советский Союз. Выдающийся украинский учёный, Борис Георгиевич Лазарев, подводя итоги одной из конференций, с горечью отметил, что итоги и перспективы обсуждаются сидящей в зале горсткой сотрудников Академий наук, а навязанные Оргкомитету свыше отраслевики и преподаватели вузов, которые «просачковали» всю конференцию, не явились и на её финальную часть. Борис Георгиевич недобрым словом помянул «Орионы», «Сатурны», «Марсы» и другие «почтовые ящики», но видно было, что старик сдерживался: ему хотелось сменить лексику, а позволить себе это он не мог.

В Агверане на банкете отраслевики выпили, сколько смогли, но водку следовало запасти на опохмелку, так как магазинов в посёлке не было, а привезенное с собой горючее окончилось задолго до банкета. Поэтому они начали тянуть со стола непечатые бутылки в уютные заблёванные гнёздышки своих номеров. Один из них притулился возле опустевшего стола со сдвинутой скатертью, старенький уже бедолага, которого я впервые увидел только после завершения основного застолья, когда всюю гремела танцевальная музыка, а по залу шелестела сакраментальная фраза: «Ты меня уважаешь?», естественно, в более интеллигентном оформлении. Отуманенную винными парами голову отраслевик опустил на тощую грудь, а рукою судорожно вцепился в авоську, полную полных бутылок водки. Никаких изысков – только она, родимая.

Нас с Витей это возмутило. Товарищам водки не хватило, а этот антиобщественный элемент сгрёб всё, что увидели его заплывшие глазки. Как это ведётся у истинно советских людей, мы решили экспроприировать экспроприаторов, то есть отобрать награбленное. Поэтому мы (как вы помните, абсолютно трезвые!) собрали пустые бутылки из-под водки, налили в них воду и закупорили, а потом поменяли сокровища отраслевика на приготовленные бутылки с водой. Водку же отнесли в наш номер. До конца конференции все друзья и знакомые благословляли наши щедроты, от которых набирались сил и вдохновения. Но история на этом не закончилась.

Когда мы вернулись в банкетный зал, человек с авоськой сидел в той же позе, но рядом уже вился чёрный ворон в лице молодого научного сотрудника. Немного в стороне стояла симпатичная аспирантка, которую намеревался соблазнить этот парень. Но для этого нужна была водка. И смелый юноша решился и вытащил из авоськи одну из бутылок. Почувствовав уменьшение той ноши, которая не тянет, отраслевик очнулся, мутным взором обозрел окрестности, прижал к пиджачной груди авоську и медленно пополз из зала. Больше я его не видел.

А удачливый похититель налил из бутылки два полных фужера девушке и себе. Свой он коварно едва пригубил, дабы не снижать мужскую силу, а аспирантку заставил выпить до дна. Наивный парень! Он явно нравился партнёрше, она совершенно не собиралась его упускать, и, почувствовав во рту воду, с удовольствием опорожнила фужер. Затем она умело притворилась пьяной, что вызвало у нас с Витей, единственных благодарных зрителей, заслуженное восхищение. Сам Станиславский несомненно сказал бы ей: «Верю!» Потом парочка удалилась в своё то ли логово, то ли гнёздышко, а мы пошли гулять, наслаждаясь горным воздухом.

Последним банкетом советского типа в моей жизни был банкет на Втором международном симпозиуме по высокотемпературной сверхпроводимости и туннельным явлениям (1994 год). Проводился симпозиум в Славяногорске (ранее и позднее, Святогорске) под руководством профессора Владимира С. Японцы дали деньги на проведение симпозиума, а за окном было чудесное начало сентября. Поэтому на столах всегда (то есть целый божий день) лежали горы фруктов, арбузы и ещё что-то съестное. И стояли водка и коньяк. То есть можно было пьянствовать целый день, пить вечерами, а потом – надраться на банкете, что и произошло.

Я удивляюсь, как на фоне всего великолепия, утешавшего участников в течение каждого дня, удалось организовать блестящий, чудесно организованный и вкусный банкет, но Володя это сделал, что обеспечило ему почётное место в этих заметках. Однако, всё блестящее имеет свою изнанку, как перевязь Портоса. Ночью молодые голландцы падали с балкона второго этажа на гостеприимную украинскую землю. Падали несколько раз, но никто не получил ни одной царапины, ибо Бахус бережёт своих горячих поклонников. Шум стоял до утра. Спать было невозможно, хотя очень хотелось. Зато весьма не хотелось подниматься на завтрак.

Многие участники пропустили не только завтрак, но и утреннее заседание. А я не мог, так как вредный Володя попросил меня председательствовать именно на этом заседании, а я не заметил подвоха. Выпив послебанкетным утром несколько чашек отличного кофе, я поплёлся в душный тёплый зал, где основной контингент слушателей составляли несчастные докладчики. Первым на сцену вышел молодой японец. Если читатель никогда не слышал японские доклады на английском языке, то по-настоящему он или она меня не поймут. Дело в том, что на научных конференциях встречаются немецкий английский, французский английский, русский английский и т. д. Японский английский отличается от них полной хаотичностью, наглым игнорированием грамматики и невнятностью произношения. Но «мой» японец переплюнул своих соотечественников. Он вставлял в доклад японские слова, превративши английскую речь в оригинальный суржик. И, самое главное, прозрачные листы с текстом, рисунками и формулами (в то древнее время Power Point еще не вошел в обиход научных работников) тоже были *на японском языке*.

Докладчик облегчил нашу участь тем, что, как у них водится, фамилии, термины и формулы выписываются всё-таки на английском. Тем не менее, поняли мы мало, хотя старались. Я же под журчание чужеземной речи, разомлевши от тепла, сладко заснул, сохраняя ради приличий вертикальную форму. Привёл меня в чувство чей-то пинок в бок. Я огляделся и увидел, что японец с надеждой смотрит на меня, требуя ритуальных действий председателя. Оказывается, он уже пару минут, как окончил говорить, а разбудивший меня пинок был не первым. Я поблагодарил докладчика за интересный доклад и, обратившись к крохотной аудитории, спросил, есть ли вопросы. Один из «летучих голландцев» ответил за всех, что изложение было столь совершенным, что вопросов не только нет, но и быть не может. Все присутствующие, включая осрамившегося председателя, согласились с высказанным мнением, и заседание было продолжено, хотя в уже более привычном режиме.

В конце 90-х прошлого века конференции сугубо внутреннего характера, а вместе с ними и возможности без стеснения повеселиться на банкете и неформальным образом, стали постепенно, но неуклонно угасать. Главная перемена, однако, заключалась в том, что уходили в небытие персонажи моих заметок: выдающиеся учёные, весёлые сообразительные аспирантки, молодые умники, обсуждающие науку и последний роман Айтматова одновременно, горькие пьяницы-отраслевики,

московские менторы провинциального своеволия, малограмотные провинциальные ненавистники московского свободолюбия. Исчезала и материальная база, а именно, нелепые здания царского, довоенного и послевоенного времён, частично приспособленные для функционирования научных собраний. Вместо этого строились шикарные подобию заграничного великолепия, страдающие неисправимым недостатком – отсутствием души. Кроме того, в них всегда что-нибудь да не работает, потому что специалистов «золотые руки» уже нет.

Последнего динозавра отраслевой науки – залётного московского гостя я встретил на уже тоже давней конференции по физике сверхпроводимости, которую проводили под Киевом, в курортной Пуше-Водице. Этого пожилого солидного упитанного мужика поселили со мной и ещё одним киевлянином в комнату сомнительного качества на первом этаже в одном из корпусов санатория брежневской постройки.

На банкете отраслевик поразил меня тем, с какой скоростью он напился. Три тоста, которые последовали один за другим, он воспринял всерьёз и «хлопнул» три стакана водки подряд. После этого его единственной целью был родной для него (и для нас с коллегой тоже) номер. Его исчезновение нас не очень огорчило, и мы продолжали веселиться в излюбленной советской манере и, что немаловажно для душевного равновесия, используя исключительно родные русский и украинский языки. Это позволяло шутить и воспринимать шутки, не упуская нюансы. Итак, всё было отлично до тех пор, пока мы не пошли спать. Не тут-то было! Сосед не только закрыл дверь изнутри на ключ, но и выход на балкон закупорил с помощью щеколды. Сам же он в отличном чёрном костюме былых богатых времён улёгся на пол и, не дойдя до туалета, сделал то, что собирался сделать в этом помещении.

Бродили мы по корпусу, как сомнамбулы, до трёх часов утра, ожидая выхода нашего героя. Действительно, в это время он приоткрыл дверь и поспешил в желанное заведение. Мы только успели отобрать у сопротивляющегося мужика ключ, чтобы он опять не заперся.

На следующий день страдалец посещал общественные места исключительно в шерстяном спортивном костюме с белой каёмкой, а к вечеру исчез. Наверное, отправился в родную Москву сетовать на обиды, которым подвергся в отделившейся строптивой Украине.

Так закончилась счастливая хмельная эпопея советской науки.

Ухудшение благосостояния нанесло пьянству смертельный удар.

Если оно возродится в будущем, то уже на иной основе, и его участниками станут люди иной ментальности, племя молодое и незнакомое. Но как бы то ни было, существование спонсированного государством научного пьянства является следствием здорового состояния державных финансов и свидетельством наличия извилин в мозгах властителей. Проведение научных банкетов – это индикатор счастливой жизни страны и залог её зажиточного будущего. Пьянство же является символом свободы самовыражения каждого человека перед лицом неизбежного и небезболезненного окончания индивидуальной жизни.

Приложение

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ РУССКИХ – АЛЬТШУЛЕР И АРОНОВ

В стране не хватает воды и угля,
И нефтью совсем оскудела земля,
Большой недобор чугуна и пшена,
И лето короче, и позже весна.

С наукою тоже не гладко, отнюдь,
Нет опытов главных, хватающих суть,
Япония, Франция, Англия, США,
Приборов нам в долг не дают ни шиша.

Что делать при этом, как быть и как жить,
Как нашу науку по мерке ушить?
Догнать, обогнать и оставить в зад
Империалистов проклятых орду?

И выход был найден из терниев тех,
В ЛИЯФ¹⁰ передал его старый Физтех¹¹.
«Оружье секретное», – шепчет молва:
«Снаряд А-один и ракета А-два».

Летят на страницы журналов они,
Мозги очищая от разной фигни.
И вот уж Союз далеко впереди,
Дыханье победы клокочет в груди.

Его не объять хитроумием рифм:

¹⁰ Ленинградский институт ядерной физики

¹¹ Физико-технический институт имени Иоффе в Ленинграде.

Аркадий и Боря нашли логарифм,
Торжественный всех ожидает момент,
Сольётся с теорией эксперимент.

Помрёт Фукуяма от страшной тоски,
И Андерсон стрельнет из кольцов в виски.
На кладбище ЖЭТФа¹² успехи выросли,
Альтшулер-Аронов Россию спасли.
Начало 90-х

¹² Журнал экспериментальной и теоретической физики – один из ведущих научных журналов в мире до конца 80-х годов XX века. Журнал экспериментальной и теоретической физики – один из ведущих научных журналов в мире до конца 80-х годов XX века.

Игорь Ефимов

Ричард Бартон (1925-1984)

АС: Он достиг в своей жизни всего, о чём, казалось бы, и мечтать не смел мальчик из бедного шахтёрского посёлка в провинциальном Уэльсе. Но, подводя итог, он мог бы сказать, перефразируя Экклезиаста: «Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу никакого веселья; я купил себе дома и корабли, приобрёл слуг и служанок; собрал серебра и золота и драгоценностей; слух мой услаждали певцы и певицы и разные музыкальные орудия; женщины и девы падали в мои объятия, а самая прекрасная стала моей женой; и оглянулся я на все дела мои и на труды; и вот – всё суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем».

Ричард Бартон

ТЕНОР: Да, многие художники и артисты, на вершине успеха и признания впадали в беспричинную тоску: Лев Толстой, Хемингуэй, Сэлинджер, Вуди Аллен, Джуди Гарланд, Элвис Пресли, Майкл Джексон и десятки других. Но поклонники Ричарда Бартонна могли бы возразить вам и сослаться на

множество его реальных неудач и поражений, которые были бы достаточны, чтобы вогнать чувствительную душу в депрессию. Он был семь раз номинирован на премию Оскара, но так ни разу и не получил её. Чтобы прятать своё богатство от налогов, он был вынужден вести жизнь кочевника, не имеющего возможности завести постоянный дом ни в Англии, ни в Америке. У красивой женщины мира, доставшейся ему в жёны, нрав был неукротимый (забудьте сказку Шекспира-Дзеффирелли), и, в конце концов, они вынуждены были расстаться. Мечта стать писателем или хотя бы написать автобиографию не осуществилась. А про своё ремесло он однажды написал в дневнике: «Мне кажется, всю жизнь я тайно стыдился быть актёром».

БАС: Один из биографов Ричарда Бартон писал, что своим характером он напоминал ему древне-кельтского вождя, чья жизнь проходила в дерзких набегах на богатые селения в долине, после которых он возвращался в свои пещеры с богатой добычей. Уже в одиннадцать лет он совершил подвиг неслыханный в шахтёрском роду Дженкинсов: сдал экзамен на право учиться в средней школе. К тому времени он потерял мать и с двухлетнего возраста воспитывался в семье старшей сестры, Цецилии (или Сис). Её муж, Элфед Джеймс, работал в шахте и поддерживал всю семью жены, потому что их собственный отец оставлял все свои заработки в пивных или на собачьих и петушиных боях. Однако в конце 1930-х Элфед остался без работы, Ричарду пришлось уйти из школы и поступить клерком в магазин одежды.

ТЕНОР: «Как он ненавидел свою работу!», – вспоминала потом сестра Сис. К пятнадцати годам главные страсти подростка определились, и он отдавался им со всей энергией своей неуёмной натуры. Спорт, книги, девочки, сцена – в любой последовательности – он разрывался между этими увлечениями. Конечно, сортировка носков и рубашек в магазине переживалась им как тягостная обуза, и он мстил своей работе, выполняя её из рук вон плохо. У него даже хватило дерзости переступить границы законности. В военное время карточки были введены не только на еду и бензин, но и на одежду тоже. Родственники и приятели Ричарда порой имели шанс приобрести в его лавке пиджак, шапку, перчатки сверх лимита. Но не к этому ли призывал Христос, когда учил: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным» (Лука, 16:9). То есть раздавайте бедным не только своё, но и чужое.

БАС: На счастье Ричарда судьба свела его с человеком, сумевшим разглядеть в нём незаурядный актёрский талант. Филип Бартон преподавал в школе историю и математику, а также играл в церкви на органе, сочинял пьесы, участвовал в радиопередачах

Би-Би-Си, руководил группой скаутов – будущих пилотов. Но главное: он ставил школьные спектакли. И он считал своим долгом поддерживать и развивать любую одарённость в молодых людях, встреченных им на жизненном пути. Он сумел уговорить Ричарда вернуться в школу, он давал ему уроки актёрского мастерства, он помогал ему с деньгами, одеждой, жильём, он дал ему вкусить отраву сценического успеха в роли профессора Хиггинса. Ричард был так благодарен ему, что согласился стать его приёмным сыном и взять его фамилию – превратился из Дженкинса в Бартона.

ТЕНОР: А потом в газетах появилось объявление: известный драматург и режиссёр, Эмлин Вильямс, ищет молодых актёров из Уэльса для своей новой пьесы, которая будет поставлена в Лондоне осенью 1943 года. И Филип Бартон сделал всё возможное, чтобы его ученик поехал на пробы. Эмлин Вильямс потом описал свои впечатления: «Ричард выглядел необычайно привлекательным. Чудесные сине-зелёные глаза. Никакой суетливости, никакого позирования. Почти застенчивый, но при этом уверенный в себе. Моя учительница сказала мне: “Похож на тебя; но в нём ещё есть скрытый дьявол, которого нет в тебе”».

БАС: До мобилизации в армию Бартон полгода проучился в Оксфорде, где летом 1944 года принимал участие в студенческой постановке Шекспировской комедии «Мера за меру». Военную службу он отбывал в наземных частях Королевского воздушного флота. Его демобилизовали в 1947 году, и для него началась нелёгкая жизнь молодого актёра, вынужденного состязаться с сотнями своих талантливых сверстников за контракты и роли. Гастроли в провинции, участие в радиопостановках, чтение стихов, пробы для телевиденья – он брался за любую работу. В какой-то момент он оказался среди тех, кто должен был продемонстрировать свои способности перед знаменитым Джоном Гилгудом. Тот вспоминал потом: «В Бартоне был настоящий театральный инстинкт... Это случается не часто... В нём было что-то солнечное, такая уверенность в себе, но без тщеславия... Мог прихвастнуть, но так неназойливо, как хвастают в пивной. Всегда полон занятных историй. Невероятно начитанный, горы стихов знал наизусть... Ну, и конечно, дамы и девицы так и вились вокруг него».

ТЕНОР: Один из его товарищей по амурным приключениям так объяснял природу его успеха: «Понимаете, он отдавался каждой женщине, которая отдавалась ему. Он рассказывал им занятные истории, дарил подарки, смешил их в

постели. Когда женщина была с ним, ей казалось, что она – самая главная для него на свете. Хотя ясно было, что через пару недель её сменит другая. Он был охотник, но отдавался этому занятию не ради умножения числа своих трофеев. Ему хотелось, чтобы они оба получали радость от происходящего».

БАС: Режиссёр Вильямс однажды спросил его, где он провёл предыдущую ночь. «Выпивал, – ответил Бартон. – В компании нескольких озорниц». – «Почему бы тебе не найти приличную девушку и не угомониться?» – «А где её взять?» – «Вокруг тебя так много очаровательных актрис. Посмотри вон на ту, в другом конце сцены. Её зовут Сибил Вильямс. Пойди и представься ей». Бартон так и сделал. Через несколько месяцев они с Сибил поженились. Ему было двадцать три, ей – восемнадцать.

Сибил Бартон

ТЕНОР: Первый настоящий успех пришёл к Бартону в 1951 году, когда, при поддержке Гилгуда, он получил роль принца Хола во время шекспировского фестиваля в Стратфорде-на-Эвоне. И публика, и критики были захвачены мастерством молодого актёра. Там, где его предшественники, как правило, изображали безвольного собутыльника Фальстафа, Бартон играл юношу, который и в шуме пирушки вглядывался в те годы, когда ему предстояло принять бремя королевской мантии и короны. Особенно завораживал его голос, богатый модуляциями, безупречный по искренности интонаций.

БАС: Успех Бартона на британской сцене очень скоро привлёк к нему внимание неутомимых ищек Голливуда. Студия «Двадцатый век Фокс» в 1952 году заключила с ним контракт на

три фильма, которые должны были принести ему 80 тысяч фунтов стерлингов – неслыханная сумма по тем временам. В Лос-Анджелесе его и Сибил приветливо встречали Лорен Бакал и Хамфри Богарт. Вновь прибывшие вскоре стали желанными гостями в домах других кинозвезд, населявших Беверли Хиллс. Кол Портер играл для них на рояле, Джуди Гарланд пела, Оливия де Хэвилленд и Грета Гарбо любили пикироваться с Ричардом. Но, похоже, ни перелёт через океан, ни присутствие жены ничуть не охладили его страсти к прекрасному полу.

ТЕНОР: Кажется, не было на свете человека, который сказал бы плохое слово о Сибил. Уэльсская родня Бартон обожала её, друзья-актёры восхваляли, приёмный отец, Филип Бартон, всегда принимал её сторону в семейных конфликтах. Она была весела, приветлива, обладала чудесным голосом, умела держать себя с достоинством, не терялась перед знаменитостями. Сам Бартон много раз повторял, что ему не следует огорчать Сибил и что он никогда её не оставит. Однако стоило новой прелестнице попасть в поле его зрения, и все благие намерения бывали забыты.

БАС: Про таких, как Бартон, в Голливуде бытовала присказка: «К нему надо являться со своим матрасом». Актриса Джоан Коллинс рассказывала, что она отвергла его ухаживания, но он продолжал настаивать, уверяя её, что любая женщина рано или поздно отдаётся ему. «При такой ненасытности вы, наверное, могли бы совокупиться и со змеёй», – сказала Джоан. «Только если она будет носить юбку», – отпарировал Бартон. Как ни парадоксально, и в жизни, и на сцене этот человек патологически боялся чужих прикосновений, старался любым способом избежать их. Поцеловаться перед камерой с актрисой, в которую он не был влюблён, оборачивалось для него мученьем.

ТЕНОР: Три первых фильма с участием Бартон не имели большого успеха, но репутация актёра укрепилась настолько, что ему был предложен контракт уже на семь картин, за которые он должен был получить миллион долларов. К изумлению всего Голливуда и возмущению продюсеров, он отказался от этого богатства и вернулся в Англию, где он давно обещал сыграть Гамлета в старинном лондонском театре Олд Вик за 45 фунтов в неделю. Роль Офелии в новой постановке отдала молодой прелестной актрисе Клэр Блум. Роман между ними загорелся уже на репетициях, а во время гастролей скрыть его оказалось невозможно. Только жена ничего не знала – или делала вид. Если Сибил появлялась у входа в театр, кто-нибудь из актёров всегда

успевал добежать до уборной Бартона, и Клэр имела возможность прыгнуть с его колен и скрыться.

БАС: В своих воспоминаниях Клэр Блум пишет, что Ричард Бартон был первым мужчиной в её жизни. Когда она получила роль Офелии, ей было двадцать два года, но она уже успела привлечь к себе внимание, снявшись в фильме Чаплина «Огни рампы». Их отношения с женатым Ричардом казались ей чем-то естественным, чем-то, что не могло не случиться. Если он оставался в её квартире на ночь, жене наутро говорил, что пьянствовал с друзьями. Во время гастролей в Европе труппа должна была проехать из Дании в Цюрих на поезде. Купе, в котором ехали Бартоны, было отделено от купе Клэр небольшой гостиной. Отчаянный ловелас Ричард ухитрился незаметно покинуть свою постель и прокрасться в купе возлюбленной.

ТЕНОР: При своей искренней и несомненной любви к Сибил, при том, что он старался скрывать от неё свои похождения, многоамный идеал был отброшен Бартоном с самого начала как нечто несуществующее. Уехав в Америку, он продолжал засыпать Клэр нежными письмами. «Я люблю тебя с какой-то жуткой интенсивностью, порой просто застываю над листом бумаги, нацелив неподвижное перо, и тоскую по тебе, и вспоминаю, и воскрешаю в воображении. Люблю тебя пугающе и красиво». Похоже, его понимание любви включало не обязательно даже обладание, но прежде всего то, что происходило в сердце человека. Их роман не возобновился, каждый пошёл своей дорогой, но много лет спустя, передавая через общую знакомую привет Клэр Блум, Бартон добавил: «И скажите ей, что я никогда не переставал любить её».

БАС: В 1953 году произошло горестное для Бартона событие: на тридцать девятом году жизни умер от алкогольного отравления его близкий друг, его поэтический кумир, Дилан Томас. Английская поэзия, от Джона Донна и Шекспира до Байрона, Китса, Шелли, Элиота занимала огромное место в душе Ричарда Бартона. В его блистательном исполнении англичане и американцы слышали сотни стихов по радио и со сцены. Поэзия была для него той дверью в Неведомое, Надмирное, Непостижимое, Неземное, какой для других бывает религия. Мне кажется, в выборе своих ролей он подсознательно руководствовался призывом Дилана Томаса:

Не уступай безмолвно вечной тьме...
Взрывай её проклятьями, мольбами.
Не уступай безмолвно вечной тьме.
Борись, борись за свет в своём окне.

ТЕНОР: А внизу, на грешной земле тем временем продолжалась грешная жизнь. Клэр Блум продолжила свою блистательную карьеру на экране, где судьба ещё несколько раз сводила её с неуёмным соблазнителем из Уэльса, в фильмах «Александр Великий» (1955), «Оглянись во гневе» (1958), «Шпион, который пришёл с холода» (1965). Но сердце её было уже далеко, она пленяла одного за другим таких талантливых мужчин, как Род Стайгер, Лоуренс Оливье, Филип Рот. У супругов Бартонов в 1957 году родилась дочь Кэйт, брак их казался прочным, неуязвимым для продолжавшихся похождения Ричарда. Слава его росла, вместе с ней росли заработки, и приходилось думать о том, как прятать их от налогов. Наилучший способ – жить большую часть года за границей. Для этой цели был куплен дом в окрестностях Женевы. По распоряжению хозяина, при перестройке его было выделено просторное помещение для домашней библиотеки.

БАС: В то время, когда семейный корабль Бартонов, казалось бы, входил в спокойные воды на берегах Женевского озера, в далёкой Америке страшное несчастье постигло женщину, которой было суждено торпедировать этот корабль. В марте 1958 года третий муж Элизабет Тейлор, известный продюсер Майк Тодд, погиб в авиационной катастрофе. Вдова была безутешна. Хотя к этому моменту она уже снялась в дюжине фильмов и считалась восходящей звездой Голливуда, утрата любимого мужа на втором году брака погрузила её в тоску и растерянность. Красивая, знаменитая, богатая, плюс плывущая в океане печали – какой мужчина может устоять перед таким сочетанием? И муж ближайшей подруги, певец и актёр Эдди Фишер, не устоял. Через год после гибели третьего мужа Элизабет Тейлор вышла замуж четвёртый раз, в возрасте двадцати семи лет.

ТЕНОР: Предыдущая жена Фишера, актриса Дебби Рейнольдс, была любимицей американских кинозрителей. Газеты и таблоиды обрушились на Элизабет Тейлор, объявили её разрушительницей семейных устоев и угрозой для моральных основ государства. В 1950-е годы киноиндустрия строго следила за моральным обликом своих звёзд. После того как Ингрид Бергман убежала с режиссером Карло Росселини, её карьера в Голливуде была кончена. Мало кто из зрителей знал тогда, что браки внутри целлулоидного королевства часто устраивались под давлением киностудий, которые стремились выстраивать облик каждого актёра и актрисы, подгоняя их под вкусы публики. Оба первых замужества Элизабет Тейлор были негласно санкционированы дирекцией и продюсерами. Но, видимо, к

моменту скандала статус её уже был так высок, что изгнание ей не грозило. Кассовые сборы, приносимые фильмами с её участием, говорили сами за себя. И в 1961 году она была приглашена на роль Клеопатры в одноименном блокбастере, с вознаграждением в миллион долларов.

БАС: На эту картину студия «Фокс двадцатого века» возлагала большие надежды. Бурно развивающееся телевидение теснило кинопромышленность, заставляло изыскивать новые пути к сердцам и кошелькам зрителей. В качестве режиссёра был приглашён Джозеф Манкиевич, прославленный и осыпанный премиями за фильм «Всё о Еве». На роль Юлия Цезаря он выбрал английского актёра Рекса Харрисона. Ричард Бартон в это время играл в Америке короля Артура в спектакле «Камелот», но режиссёр хотел только его на роль Антония. Студии пришлось «выкупать» Ричарда у театральных продюсеров за пятьдесят тысяч долларов и подписать с ним контракт ещё на 250 тысяч.

ТЕНОР: С самого начала разорительные неудачи сыпались на этот фильм одна за другой. Местом съёмки был выбран Рим, но летом 1960 года там проходила Олимпиада. Пришлось передислоцироваться в Лондон, в надежде на то, что британская погода смилостивится и хоть на несколько дней прикинется Средиземноморьем. Не тут-то было. Холодные дожди заливали съёмочную площадку с таким упорством, что Элизабет Тейлор подхватила простуду, та перешла в бронхит, бронхит – в воспаление лёгких. В больнице она впала в кому, и её удалось спасти, только взрезав трахею. Из-за её болезни неделя за неделей проходили впустую, но нанятым актёрам и массовке студия должна была платить указанную в контракте зарплату.

БАС: Только в конце 1961 года продюсерам удалось преодолеть все препятствия и начать съёмки в Риме всерьёз. Студия оплатила переезд семейства Бартонов, сняла для них виллу, наняла слуг и выделила тысячу долларов в неделю «на мелкие расходы». Элизабет Тейлор прибыла со своими четырьмя детьми (два сына от второго мужа, дочь – от третьего и ещё одна – удочерённая ею с четвёртым), в окружении нянек, телохранителей, собак, кошек, секретарей, парикмахеров. Во время первой встречи на съёмочной площадке в январе 1962 года оба держались настороженно. Бартон жаловался режиссёру, что его партнёрша не владеет техникой актёрского ремесла, «не играет, а просто присутствует» перед объективом. Но Манкиевич показал ему первые пробы, и Бартон должен был признать, что замершее лицо Элизабет на экране может оказывать более сильное драматическое

воздействие, чем профессиональная мимика, которой он привык пользоваться на сцене.

Элизабет Тейлор

ТЕНОР: Первые месяцы в Риме и Элизабет, и Ричард выглядели вполне довольными своими семейными отношениями. Бартон был нежен с женой и обеими дочерьми, Элизабет регулярно говорила по телефону с мужем, когда тому нужно было уезжать в Америку на запланированные концерты. Некоторые свидетели потом утверждали, что поначалу эти двое недолго любили друг друга. Пунктуальный Бартон бесился, когда избалованная голливудская звезда являлась на съёмочную площадку с часовым опозданием, за глаза называл её «мисс титьки». Элизабет считала его неотёсанным, смеялась над его примитивными комплиментами. («Кто-нибудь уже говорил вам, что вы прелестная женщина?») Мужу сказала, что у Бартона под ногтями можно выращивать огород.

БАС: Но вскоре её насмешливость испарилась. Она была ошеломлена непредсказуемостью и напором нового поклонника. Он мог утром встречать её на площадке нежными словами, а вечером отказывался отвечать на её телефонные звонки. Кто-то посмел отвергнуть царицу Голливуда и Египта?! Отвергнуть жрицу любви, колесницу которой тысячи итальянцев, одетых в тоги и туники, встречали на улицах Рима восторженными воплями?! Нет, с этим смириться было нельзя. С детства Элизабет Тейлор привыкла добиваться того, что она хотела, и препятствия – сопротивление – только разжигали её.

ТЕНОР: Постепенно внутренний любовный жар, постоянно пылавший в обоих всю жизнь, начал проникать сквозь

плёнку обиденных слов и жестов. Они словно бы опознали друг в друге тайных соплеменников («ты и я – мы одной крови!») – и потянулись один к другому неудержимо.

БАС: Возможно, и доставшиеся им роли способствовали разгоранию пожара. Представим себе Антония/Бартона, со страстью говорящего Клеопатре/Элизабет: «В тебе соединилось всё, что я люблю на этом свете, что хотел бы сберечь в своих руках». – «Мир без тебя, Антоний, – отвечает она, – это мир, в котором я жить не хочу». – «Что случилось?», – спрашивает она в другой сцене. «Со мной? Ты случилась со мной», – отвечает он. Режиссёр восклицает своё привычное «стоп!», но эти двое не в силах выпустить из объятий друг друга. По сценарию, в припадке ревности Клеопатра должна была выкрикнуть имя женщины, на которой женился Антоний, но Элизабет Тейлор восклицает: «Сибил?!».

ТЕНОР: Некоторые свидетели в своих мемуарах утверждают, что поворотным моментом оказалась сцена купанья полубогажённой Клеопатры/Тейлор. Как бы там ни было, оба не скрывали, какую огромную роль в их жизни играл – даже не римский Амур с кудряшками и игрушечным луком, а грозный греческий Эрос. Стаи фотографов-папарацци кружили вокруг съёмочной площадки, укрыться от них было невозможно ни в дальнем отеле, ни в доме друзей, ни на частной яхте. В какой-то момент любовники махнули на всё рукой и стали появляться на людях открыто.

БАС: Они сами были ошеломлены тем, что с ними происходило. Элизабет вспоминала потом: «Вы не можете вообразить, что это такое: держать в объятиях Ричарда Бартона и слышать его божественный голос, льющий тебе в уши слова любви. Все тревоги, беды, страхи растворялись, отлетали прочь... Изменить ему было так же невозможно, как не влюбиться в него». А он писал ей в письме: «Я жажду впивать твой запах, касаться твоих сосков и округлого живота, и копилки со щелью, и неповторимой гладкости бёдер, и детской мягкости ягодиц, и податливых губ, я жажду увидеть твой почти враждебный взгляд, когда тебя седлает твой уэльский жеребец».

ТЕНОР: Наконец, нашлись «добрые» друзья, которые донесли Фишеру о происходящем. Лёжа рядом с женой в постели, он спросил: «У тебя есть что-то с Бартоном?». «Да», – тихо ответила прямодушная Элизабет. Муж встал, упаковал чемодан и покинул виллу. Однако смириться с утратой любимой жены не смог и отправился донести о происходящем Сибил. Та заверила его, что с самого начала их брака знала о похождениях Ричарда, но

решила смириться с этим, потому что он любит только её и всегда возвращается к ней. Сама же на следующий день отправилась на съёмочную площадку и закатила любовникам такой скандал, что съёмки пришлось прервать на целый день. Студии это обошлось в сто тысяч долларов.

БАС: Борьба между соперниками продолжалась. Однажды, в присутствии Фишера, Ричард заорал на Элизабет: «Кого ты любишь? Меня или его?». «Тебя», – прошептала испуганная Элизабет. «Ответ правильный, – заявил Бартон, – но недостаточно быстрый». Разрыдавшись, Элизабет уехала в отель. Мужчины остались вдвоём и погрузились в многочасовое выяснение отношений, сопровождавшееся обильными возлияниями.

ТЕНОР: Я не уверен, что нам следует полностью доверять мемуарам оставленного мужа. Он пишет, что их разговор был по большей части монологом Ричарда, который то оскорблял его, то льстил, то извинялся, то хамил, и в конце сказал: «Ведь она тебе без пользы. Ты и так уже звезда. А я – нет. Она сделает меня звездой. Я сумео использовать её, эту бесталанную голливудскую пустышку».

БАС: Действительно, звучит слишком примитивно для литературно чуткого Бартона. Но финал этой сцены выглядит так дико, что, мне кажется, придумать его Фишер не смог бы. Помните, как Элизабет начала звонить из отеля, а Бартон отказывался говорить с ней. Потом, наконец, взял трубку и начал кричать на неё: «Боже, как ты можешь так обращаться с этим замечательным человеком?! Он так любит тебя! Если ты не станешь вести себя поосторожнее, мы удалимся наверх и я сам его трахну». Мемуары Фишера вышли, когда оба, Бартон и Тэйлор, были живы и могли бы опровергнуть прямую ложь.

ТЕНОР: Про Бартона говорили, что соврать он мог только, когда был трезв. А так как это случалось нечасто, то и его можно было считать человеком таким же правдивым, как Элизабет. Бог Бахус играл в жизни обоих не меньшую роль, чем бог Эрос. В какой-то степени выпивка служила Бартону лекарством против болей в шее, плече и пальцах (ущемление нерва, тяжёлый артрит), против разных страхов: он боялся высоты, чужих прикосновений, приступов эпилепсии, гемофилии. Кроме того, он боялся, что трезвым он становился скучен для окружающих. Но это было лекарство, которое исподтишка убивало его.

БАС: Любовная драма двух знаменитостей выплеснулась на страницы газет грандиозным скандалом. Ватиканский еженедельник «Оссерваторе делла Доменика» писал о недопустимости такого морального падения. «Если брак умер,

значит кто-то убил его. Не слишком ли много браков уже разрушено вами, синьора Тейлор? Не пришла ли пора покончить с эротическим бандитизмом?» Видные политики в США призывали Конгресс запретить Ричарду Бартону и Элизабет Тейлор въезд в Америку. Режиссёр Манкиевич получал по почте анонимные угрозы положить конец скандалу при помощи бомбы с часовым механизмом. Пришлось в толпу статистов добавлять вооружённых детективов, одетых в римские тоги. Сибил паковала чемоданы и грозила уехать в Нью-Йорк, забрав с собой детей.

ТЕНОР: Для Бартона перспектива утратить обеих дочерей была невыносима. Он объявил возлюбленной, что они должны расстаться. В ответ на это Элизабет проглотила пригоршню снотворных таблеток. 17 февраля 1962 года римская скорая помощь примчала её в больницу, где ей сделали срочное промывание желудка. Через день прилетел Эдди Фишер – дежурить у постели выздоравливающей жены. Попытку самоубийства пытались представить пищевым отравлением. Весной съёмки «Клеопатры» закончились, и влюблённые сделали попытку вернуться к своим семьям.

БАС: Бартон и Сибил уехали в свой дом на западном берегу Женевского озера. Элизабет к тому времени купила виллу вблизи восточного берега, в Швейцарском городке Гштаад, и поселилась там на лето с детьми. Теперь уже не вспомнить и не дознаться, кто из двоих не выдержал первым и набрал номер другого. Известно только, что через пару месяцев разлуки Бартон сел в машину и после двух часов езды оказался в Гштааде. Настала очередь Сибил проглотить снотворные пилюли. Её тоже спасли. Однако и друзьям, и родственникам всё яснее становилось, что пожар потушить не удастся. Тем более, что осенью и Ричард Бартон, и Элизабет Тейлор должны были уехать в Лондон, чтобы вместе сниматься в фильме «Очень важные персоны».

ТЕНОР: В Лондоне, однако, двойная жизнь продолжалась для обоих. На съёмочной площадке Ричарду и Элизабет нужно было играть супружескую пару и говорить друг другу слова любви. Они снимали номера в одном отеле, но Сибил с детьми поселилась неподалёку в предместье. Муж брал её с собой в гости к старинным друзьям, а в разговорах с журналистами изображал из себя преданного супруга. В одном интервью, подкрепив себя несколькими стаканчиками «Джека Дэниэльса», произнёс демагогический панегирик моногамии: «Неверность не имеет оправданий. В тот момент, когда вы изменяете данному обету, ваша жизнь разрушена. Я никогда не изменял своей жене, и меня раздражает, если газеты делают намёки на этот счёт». Во время

интервью Элизабет несколько раз непринуждённо заходила в номер, одетая только в лёгкую розовую пижаму.

БАС: На съёмки «Клеопатры» студия потратила десятки миллионов долларов сверх бюджета. Чтобы спасти положение, продюсер Даррел Занук уволил режиссёра и сам взялся монтировать окончательную версию, имея в виду вкусы широкой публики. По мнению Ричарда и Элизабет, он выбросил самые лучшие сцены с ними, оставил только необходимое для развития сюжета. Первые рецензии были безжалостны к Элизабет Тейлор. «Слишком толстая, слишком грудастая, слишком высокооплачиваемая при нехватке таланта, она отбросила актёрскую профессию на декаду назад»; «Плотское начало преобладает в ней, никакой глубины чувств не мелькнёт в её глазах, отяжелевших под косметикой»; «Монотонность в юбке с разрезом»; «В голосе её никаких модуляций, и слишком часто он напоминает крик базарной торговки».

ТЕНОР: Некоторые биографы считают, что Бартона влекла к Элизабет не столько её красота, сколько богатство и слава. Гонорар в миллион долларов сам по себе создавал неодолимо манящий ореол над её головой. Но мне кажется, что невидимый канат, тянувший его к ней, сплетался не только из нитей эротики и тщеславия. Он всё больше ценил в ней партнёра по ремеслу. В дневнике писал: «Э. научила меня тонкостям киношного дела, о существовании которых я не подозревал... Среди прочего она объяснила мне, как важно использовать паузу, уговорила понижать голос до телефонных интонаций, не напрягать его, как это привычно сценическому актёру. А главное, она убедила меня относиться к работе в кино с такой же серьёзностью, как и к постановкам Шекспировских трагедий».

БАС: Весной 1963 года Ричард Бартон наконец решился и объявил Сибил, что им следует расстаться на время. Та предчувствовала приближение развязки и приняла её довольно спокойно. Она уехала с детьми в Нью-Йорк и вскоре восстановила там связи со многими друзьями. С их помощью ей удалось организовать в Манхэттене ночной клуб «Артур», вскоре ставший очень популярным. Через несколько лет она вышла замуж за дирижёра оркестра, игравшего в её клубе, у них родилась дочь. Но все попытки журналистов расспрашивать её о четырнадцати годах жизни с Бартоном она неизменно отклоняла.

ТЕНОР: Морально строгие пятидесятые остались позади. В бунтарской атмосфере шестидесятых громкий скандал не только не испортил репутацию Бартона и Тейлор, но, казалось, обернулся дополнительной рекламой. Предложения ролей сыпались со всех

сторон. Бартон замечательно исполнил главные роли в экранизации пьесы Жана Ануя «Бекет» и в экранизации пьесы Теннесси Уильямса «Ночь игуаны». Элизабет Тейлор удачно выступила в фильме «Кулик» и в экранизации романа Карсон Маккалерс «Блики в золотом глазу», где она играла в паре с Марлоном Брандо. Однако наибольший успех имел третий совместный фильм Бартона и Тейлор «Кто боится Вирджинии Вулф» по одноимённой пьесе Эдварда Олби.

БАС: К началу съёмок этого фильма драмы, связанные с крушением двух семей, улеглись. При разводе с Сибил Ричард проявил невероятную щедрость. По приблизительным оценкам, она и дочери получили около полутора миллиона долларов в виде будущих годовых выплат. Не то Элизабет Тейлор. Она настаивала на том, чтобы за ней остался дорогой дом в Гштааде, который они купили вместе с Эдди Фишером, зелёный «ягуар», который она подарила ему, требовала, чтобы все фонды, основанные ими вдвоём, стали её собственностью. Под её напором бывший муж уступил во всём. Развод был легально оформлен в январе 1964 года, а два месяца спустя состоялась свадьба Дика и Лиз, как их теперь называли поклонники во всём мире. В Монреале нашёлся священник Унитарианской церкви, который решился прогневать Бога, венчая двух разведённых. Элизабет явилась в ярко жёлтом шифоновом платье, с глубоким вырезом и с изумрудной брошью ценой в 150 тысяч долларов, подаренной женихом. Она опоздала в церковь на час, что вызвало саркастическое замечание Ричарда: «Ты, я думаю, сумеешь опоздать и на факинг Страшный суд».

ТЕНОР: Элизабет выглядела абсолютно счастливой. Казалось, она была готова забыть о собственной актёрской карьере, целиком посвятить себя мужу. Он в эти месяцы с успехом гастролировал в Нью-Йорке с «Гамлетом», и она была в зале на сорока спектаклях, каждый раз – в новом платье. Когда в Мексике начались съёмки фильма «Ночь игуаны», она присоединилась к нему и там и зорко следила за тем, чтобы у него не загорелся роман с Эвой Гарднер или с Деборой Керр. То же самое и на съёмках картины по роману Ле Карре «Шпион, пришедший с холода»: там снималась Клэр Блум, и на съёмочной площадке Элизабет могла громким окриком «Ричард!» отозвать мужа, если ей казалось, что он слишком надолго задержался рядом с бывшей возлюбленной.

БАС: Таким же повелительным окриком призывает своего мужа героиня фильма «Кто боится Вирджинии Вулф», Марта, в исполнении Элизабет Тейлор. Продюсер Леман сначала не хотел приглашать Бартона на главную роль, говорил ему: «В вас

слишком много мужественности, не на два, а уже на четыре яйца». – «Всего на четыре?», – обиженно спросил Бартон. Но на пробах доказал, что может сыграть скромного заштатного профессора, находящегося под каблуком у своей жены. Местом съёмок выбрали небольшой колледж в Новой Англии. Студии пришлось нанять семьдесят охранников, чтобы удерживать толпу поклонников, жаждущих получить автографы у двух голливудских звёзд.

ТЕНОР: Бартон, чувствовал, что для Элизабет роль немолодой и не очень привлекательной дамочки окажется нелёгкой, и был подчёркнуто внимательным к ней. А моральная поддержка ей была очень нужна, ибо язвящие стрелы летели в неё порой из самых неожиданных амбразур. Например, однажды на съёмочной площадке появилась Марлен Дитрих и осыпала Ричарда комплиментами. Потом подошла к Элизабет, поцеловала её и воскликнула: «Дорогая, каждый просто великолепен! Но вы, вы! Какой смелостью нужно обладать, чтобы играть рядом с настоящими актёрами!».

БАС: Сюжет этой картины предельно прост: пожилая университетская пара, Джордж (Бартон) и Марта (Элизабет), пригласила в гости молодого профессора Ника с женой Ханни (их играют Джордж Сигал и Санди Дэнис) к себе домой выпить и расслабиться после скучного официального раута. И в течение ночи все четверо расслабляются и самообнажаются друг перед другом до предела. Второй акт в пьесе Олби так и называется: Вальпургиева ночь. Под влиянием алкогольных паров персонажи рассказывают друг другу о самых интимных и болезненных аспектах своей жизни, а через двадцать-тридцать минут тот, кто слушал «исповедь», подносит её всем остальным в издевательском пересказе.

ТЕНОР: Порой может возникнуть впечатление, что Олби сочинял Джорджа и Марту, имея перед мысленным взором Ричарда и Элизабет. Двое главных героев так же охотно напиваются, так же безжалостно провоцируют и шокируют друг друга и окружающих, но в глубине души так же безнадежно повязаны друг с другом невидимыми нитями душевного сродства. Желание разрушить внешнюю невозмутимость Джорджа доводит Марту до того, что она удаляется с молодым гостем наверх в спальню. Но и в жизни такая же страсть провоцировать и шокировать гостей была свойственна Бартонам. Однажды посреди вечеринки Ричард громко спросил присутствовавшего журналиста, хотел бы он оказаться в постели с его женой.

БАС: Да, я тоже читал про этот эпизод. Бедняге журналисту не позавидуешь. Скажешь «нет» – обидишь хозяев, скажешь «да» – можно получить кулаком в лицо. Но он как-то вывернулся?

ТЕНОР: Не очень удачно. Заявил, что если бы подобное случилось, он от волнения стал бы импотентом. Бартон немедленно закричал жене через всю комнату: «Слышишь, Элизабет! Кен говорит, что у него на тебя не встанет». «Что?! – возмутилась Элизабет. – Такого оскорбления я ещё не получала. Вон из моего дома!». Наутро, конечно, она уже звонила изгнанному с похмельными извинениями, посылала подарки.

БАС: К чести Элизабет Тейлор нужно напомнить, что это она настояла на приглашении в качестве режиссёра Майка Николса, который до «Вирджинии Вулф» не снял ни одного фильма. И она безоговорочно следовала его требованиям, даже растолстела для этого фильма на десяток фунтов. В картине есть сцена, в которой Марта плюёт в лицо мужа, а он утирается. Николс требовал новых и новых дублей. В конце концов, Элизабет разрыдалась и заявила, что она больше не может плевать в лицо Ричарду Бартону. Но и её выбор режиссёра, и её послушность на площадке были вознаграждены: фильм имел огромный успех, стал классикой американского кинематографа, а сама Элизабет получила за роль Марты своего второго Оскара. Бартон был номинирован, но опять обойдён – премия 1966 года досталась Полу Скофилду за роль Томаса Мора в фильме «Человек на все времена».

ТЕНОР: Продюсер фильма, Эрнст Леман, подметил, что стычки между Бартонами обычно начинались по инициативе Элизабет, но и Ричард с готовностью вносил свою лепту. В них обоих жила потребность наполнять драматизмом каждую минуту своей жизни, они начинали скучать, когда всё шло слишком гладко. Однако во время съёмок «Вирджинии Вулф» Джордж и Марта столько переругивались по ходу действия, так изобретательно ранили друг друга, что под вечер Дик и Лиз возвращались домой умиротворённые и спокойно отдыхали в кругу друзей.

БАС: В следующем совместном фильме, «Укрощение строптивой», Бартон и Тейлор как бы поменялись ролями. Теперь Ричард/Петруччио смирял нрав Элизабет/Катарини, учил её беспрекословно слушаться мужа. Комедия Шекспира дала актёрам возможность переоблачиться в красочные наряды средневековой Италии, но в основном позволяла оставаться самими собой: властная Элизабет/Катарина нагоняет страху на слуг, сестру,

женихов, даже на отца, а уверенный в себе Ричард/Петруччио подчиняет её себе так же, как он подчинял десятки дам в реальной жизни. В конце Катарина становится шёлковой и читает стихотворные наставления строптивым жёнам. Но мне кажется, Дзеффирелли стоило бы сделать вторую серию к этому фильму, в которой изобретательная Катарина научилась бы исподволь распоряжаться Петруччио и заставлять его служить своим страстям и интересам, как это проделывала Лиз с Диком.

ТЕНОР: В фильме «Укрощение строптивой» Бартоны выступили не только в качестве актёров, но частично – и продюсеров. Отказавшись от гонорара, они тем самым вложили в производство два миллиона долларов. Это вложение принесло им доход в 12 миллионов. За участие в других картинах они тоже получали крупные суммы. К концу шестидесятых Бартоны сделали миллионерами, и это незаметно изменило и стиль их жизни, и круг знакомств, и манеру обращения с людьми. Вдобавок к домам в Швейцарии и Мексике они купили большую яхту, на которой могли с комфортом размещаться пятнадцать человек, плюс восемь членов команды. В своё время она была построена экстравагантным англичанином, который установил в ней орган, чтобы иметь возможность выходить в море в штормовую погоду и слушать Баха под вой ветра. Корабль назвали по именам трёх дочерей – Кэйт, Лиза, Мария: «Кализма».

БАС: Покупка обошлась в 200 тысяч и столько же ушло на её переоборудование. Супруги не признавали скромность важной добродетелью и не собирались прятать своё богатство. Стоимость нового платья Элизабет могла составить годовую зарплату среднего служащего, и при этом оно надевалось один раз. Ей была куплена норковая шуба за 125 тысяч, и она снялась в ней для обложки журнала «Лук». Она обожала драгоценности, и муж знал, что покупка нового камня безотказно сделает её счастливой. В какой-то момент стало известно, что знаменитый богач, Аристотель Онасис, подарил своей невесте, Жаклин Кеннеди, украшение из рубинов и бриллиантов ценой в полмиллиона. Перецеголять, превзойти Онасиса стало навязчивой идеей Бартона. Он ввязался в аукционный торг за бриллиант в 62 карата и, после долгой борьбы с невидимыми конкурентами, заполучил его для Элизабет за миллион и сто тысяч.

ТЕНОР: Камень такой цены, конечно, должен был быть застрахован. Лондонская страховая компания «Ллойд» внесла в полис такие условия: ожерелье с этим бриллиантом должно храниться в специальном сейфе; надевать его для выхода в свет можно не больше тридцати дней в году; каждый раз при этом

Элизабет должен сопровождать вооружённый охранник; если понадобится перевозка, она должна осуществляться тремя специальными агентами с одинаковыми портфелями, следующими разными маршрутами: один агент везёт бриллиант, два другие – для отвлечения грабителей.

БАС: Транжирство шло по многим направлениям. Бартоны покупали «роллс-ройсы» и «кадиллаки», картины Ван Гога, Дега, Моне, Пикассо, Рембрандта, Ренуара, Утрилло, вкладывали деньги в недвижимость, приобрели десятиместный реактивный самолёт. Когда бухгалтер объявил им, что в кубышке показалось дно, они согласились сняться в фильме «Комедианты». Ричард должен был получить 750 тысяч, Элизабет – впервые меньше него – пятьсот.

ТЕНОР: Диктатор Гаити, Папа Док Дювалье, ненавидел роман Грэма Грина, грозил наслать на него либо убийц, либо страшную порчу с помощью шаманов вуду. Пришлось перенести съёмки в Дагомею. В этой западноафриканской стране Бартоны, наконец, смогли отдохнуть от толп поклонников и от журналистов. На улицах их никто не узнавал. Однажды Ричард ушёл гулять и долго не возвращался в отель. Встревоженная Элизабет побежала разыскивать его. В одном баре она спросила, не появлялся ли у них мистер Бартон. «Он белый или чёрный?», – спросил официант.

БАС: Говоря о транжирстве Бартонов, не следует всё же забывать и их щедрость. Ричард поддерживал стипендиями и пенсиями свою огромную уэльскую родню, оплачивал лечение заболевших и покалечившихся. К слугам супруги были неизменно добры, внимательны, отзывчивы. Их шофёр Гастон сказал про своего нанимателя: «Если бы у всех были такие боссы, как мой, коммунизм исчез бы с лица земли». Тревога за безопасность детей тоже ложилась на Бартонов новым расходом: из страха похищения им приходилось содержать круглосуточную охрану каждого. Тратились они не только на предметы роскоши. В какой-то момент Элизабет подарила своему мужу – запойному книголюбу – знаменитую серию «Библиотека для каждого», содержащую тысячу томов лучших произведений мировой литературы.

ТЕНОР: Донжуанство Ричарда, казалось бы, поутихло на время его брака с Элизабет. Ходили, правда, слухи о романе с Софи Лорен и с актрисой Женевьев Бижо, с которой он снимался в фильме «Анна на тысячу дней». Зато в эти годы Бартон мог позволить себе всё больше времени уделять другой своей страсти: литературе. Он запоем прочитывал по несколько книг в неделю. Романы, стихи, мемуары, пьесы, исторические исследования, путевые заметки – всё находило в нём горячий отклик, давало

пищу уму и сердцу. Он также вёл подробный дневник, планируя в будущем сделать его основой для написания автобиографии. Не случайно литературная основа большинства фильмов, в которых он соглашался сниматься, была создана перьями писателей высокого класса: Жан Ануй, Грэм Грин, Джон Ле Карре, Кристофер Марло, Владимир Набоков, Джордж Оруэлл, Джон Осборн, Теннесси Уильямс, Шекспир.

БАС: Для биографов Бартона его огромный дневник представляет собой незаменимый источник. Он старается быть в нём предельно честным по отношению к себе, вглядывается в свои чувства и подлинные мотивы поступков. Пассажи, выражающие любовь к жене, сменяются горестными жалобами на неё: «Сегодня я безумно влюблён в Элизабет, и это отличается от того, как я люблю её в остальные дни. Хочу обладать ею каждую минуту»; но в другом месте: «Последние шесть или восемь месяцев были чистым кошмаром. Наполовину по моей вине, наполовину – по её... Что за странный мир! Прожили вместе восемь лет и остались совершенно чужими». Он сознаётся, что ему скучно быть с детьми, что он мечтает, чтобы они выросли и приехали с визитом только на Рождество. Режиссёр Майк Николс после съёмок «Вирджинии Вулф» однажды сказал о нём: «В жизни не встречал такого одинокого человека».

ТЕНОР: В дневнике Бартон часто рассказывает о болезнях жены, и эти отрывки окрашены искренней нежностью и состраданием. Элизабет мучилась обильными кровотечениями, вызванными геморроем. Её давление порой падало до 90. Ричард ухаживал за нею как профессиональная сиделка. В дневнике запись: «Бедная! Я орал на неё, обвинял в том, что это она сама доводит себя до такого состояния выпивкой и отсутствием дисциплины. Думаю, из страха за неё я орал на самом деле на себя. Господи, дай дожить до завтра!». После операции по удалению матки: «Провёл два самых страшных дня моей взрослой жизни... Видеть любимое существо кричащим от боли, галлюцинирующим, то узнающим меня, то нет, и не иметь возможности помочь...»

БАС: К сорока годам Элизабет Тейлор перенесла в общей сложности около тридцати различных операций. Её болезни рождали сочувствие в муже, сближали супругов. Другой почвой сближения служила выпивка. В долгие пустые периоды между съёмками им часто больше нечем было заполнить время. «Получил хорошее известие – значит нужно выпить, – писал Бартон в дневнике. – Плохое известие – опять нужно выпить». Всё же в какой-то момент Элизабет уговорила его показаться врачу. Тот пощупал печень пациента и до всяких тестов объявил, что ему

необходимо завязать, если он хочет жить. Испуганный Бартон послушался, вступил на тропу трезвости. Но оказалось, что без этого волшебного эликсира жизнь для него утрачивала всякую тень радости и надежд. Особенно, когда жена и друзья вокруг него продолжали предаваться утехам Бахуса. Случилось то, чего Бартон боялся всю жизнь: стать скучным, неинтересным для других.

ТЕНОР: Есть дневниковая запись, в которой он описывает, как однажды во время бессонницы он стал вспоминать выдающихся людей, с которыми ему доводилось встречаться. «С кем бы из них мне хотелось сейчас побыть? Черчилль? Нет, он монологист. Пикассо? Эгоцентрик. Дилан Томас? Блестящий, но вносит тревогу. Сомерсет Моэм? Этому только бы играть в бридж со слабаками. Джон Осборн? Ни капли юмора. Эдвард Олби? Я соскучусь с ним через день, а он – со мной. Гилгуд? Этому со мной неуютно».

БАС: Многие отмечали, что после нескольких стаканов виски доктор Джейкил умирал в Бартоне и просыпался мистер Хайд. Он с удовольствием повторял язвительные шутки и эпиграммы о знакомых. «Майкл Редгрейв? Конечно, он влюблён в себя, но не уверен во взаимности». Мог не только злословить за спиной, но и оскорблять в лицо. Пожилой принцессе, оказавшейся рядом с ним на банкете, объявил, что среди собравшихся никто не сможет сравниться с ней в вульгарности. В адрес Гилгуда оскорбительно шутил на предмет его гомосексуализма. Лоуренсу Оливье говорил, что считает его «гротескным преувеличением актёра – голая техника, никаких эмоций». Ральф Ричардсон славился своим умением держать паузу на сцене, но Бартон спросил его, не связано ли это просто с потерей памяти, с тем, что он пытается вспомнить нужные строчки.

ТЕНОР: И конечно, очень часто Элизабет приходилось иметь дело с Ричардом-Хайдом. В дневнике он не раз спрашивает себя: «Из-за чего мы с ней постоянно ругаемся? Вот в эту самую минуту она вошла в комнату, где я сижу за машинкой, и мы снова сцепились. Ни один из нас не умеет уступить, и рано или поздно что-то между нами оборвётся... С утра я радовался тому, что у меня не дрожали руки, но как только она вошла, они снова начали трястись... Если мы не можем понять друг друга и, хуже того, не можем выносить, то очень скоро наши пути разойдутся».

БАС: Элизабет многократно утверждала, что они оба получают удовольствие от ссор. На самом деле, я думаю, они получали удовольствие от предвкушения примирения, которое последует за ссорой. Вы знаете мои теории о разнице между

любовью и влюблённостью. Любовь – это озеро, влюблённость – река, которая существует только в движении, в стремлении к какой-то последней, предельной близости. Остановка так же губительна для неё, как для акулы, чьи жабры неспособны усваивать кислород в неподвижной воде. Человек, испытавший счастье влюблённости, часто впадает в растерянность, достигнув озера любви. Как же так? Куда исчезло волнение, дух захватывающие пороги и стремнины, где брызги водопадов и плеск волн? И он пытается искусственно взволновать воды озера смерчами маленьких ссор, устроить в нём водовороты бессмысленных размолвок. Уловка временного разрыва помогает потом снова пережить то счастье сближения, которое таится в реке влюблённости.

ТЕНОР: Во всяком случае судьба Бартона и Тейлор может служить хорошим примером, подтверждающим вашу теорию. После знакомства в 1962 году река их влюблённости подхватила и несла их друг к другу, колотя о камни и плотины жизненных и семейных обстоятельств. Этот процесс растянулся на два года. Когда они достигли озера любви, выяснилось, что оба слишком ненасытны и не могут утолить душевный голод простым семейным счастьем. Искусственные разрывы, которые они устраивали друг другу, делались всё горше и длиннее. И десять лет спустя началось окончательное расставание, длившееся те же два года.

БАС: Есть что-то символическое и поучительное в эпизоде, случившемся в 1971 году, когда Бартоны отдыхали в своём доме в Мексике. Они отправились посмотреть выступление заезжего цирка. Номера сменялись, и в какой-то момент настала очередь метателя ножей. В нескольких метрах перед ним был установлен деревянный щит, спиной к которому стояла девушка, раскинув руки, как на кресте. Циркач бросал в неё тяжёлые кинжалы, и они с громким стуком вонзались в дерево в нескольких сантиметрах от её макушки, щеки, шеи, плеча, рёбер. Выступавшим похлопали, потом ведущий что-то сказал в микрофон по-испански. Все повернулись в сторону Бартонов. Ричард подумал, что их просто приветствуют, и собирался встать. Вдруг с ужасом увидел, что Элизабет поднимается с места, спускается на сцену и занимает место девушки у щита.

ТЕНОР: В его дневнике это описано так: «К тому моменту, когда я дошёл до арены, первый нож вонзился в дерево в двух дюймах от её левого уха. Потом – от правого. Глядя перед собой широко открытыми глазами и улыбаясь, Элизабет прошептала: “Ричард, только молчи, не нервничай его...” Я подчинился. Жена

Лота могла бы поучиться у меня неподвижности. Через минуту всё было кончено. Раздались аплодисменты, как на бое быков. Я пожал руку циркачу и собирался вести героиню обратно к нашим местам и шампанскому. Не тут-то было. Под рёв толпы меня поставили боком к щиту, дали по надутому шарикю в каждую руку и один засунули в рот. Я выглядел полным идиотом. Шарикю лопнули один за другим, пронзённые ножами. Дома, вместо неподвижности жены Лота, я изображал пляску Святого Витта, пока мне не налили стакан водки... “Я думаю, мы оба обезумели”, – сказала Элизабет».

БАС: Полагаю, если бы среди зрителей оказался Хемингуэй, он тоже поспешил бы занять место у щита. Видимо, есть люди, способные опьяняться опасностью. Или они пытаются что-то доказать своими отчаянными выходками – себе, окружающим, друг другу. Ведь и словесные дуэли Бартонов только на поверхности были бескровными. После каждой из них кровью истекало живое существо – их любовь.

ТЕНОР: В одном из прощальных писем к Элизабет Ричард бунтует против самого понятия «любовь»: «Для меня оказалось слишком трудным выстраивать всю свою жизнь на существовании другого человека. Не менее трудным, при моей врождённой самоуверенности, оказалось уверовать в *идею любви*. Нет такой вещи на свете, говорю я себе. Конечно, есть похоть, есть корыстное использование другого, и ревность, и томление, и затраченные усилия, но нет этой идиотской вещи – *любовь*. Кто выдумал эту концепцию? Я изломал мой растрёпанный мозг, но ответа так и не нашёл».

БАС: Друзья, обсуждавшие причины разрыва Бартонов, раскололись на две группы. Те, кто стал на сторону Элизабет, считали, что всему виной было пьянство Ричарда. Пьяный Бартон превращался в другого человека, в Джорджа из фильма «Кто боится Вирджинии Вулф», в то время как Элизабет уже перестала быть Мартой. Его друзья, имевшие возможность наблюдать обоих, говорили, что поведение Элизабет делалось хуже с каждым годом. Она постоянно наседала на мужа с требованиями, чтобы он принял участие в решении реальных и выдуманных проблем: с детьми, с собаками, с врачами, с финансами, с выбором ролей. Плюс постоянное ожидание подарков и знаков внимания. И бесконечные опоздания на деловые встречи и репетиции. Плюс сварливые окрики «Ричард! Ричард!», когда ему случалось заговорить с новой знакомой на съёмочной площадке. Некоторым казалось, что даже её бесконечные болезни происходили из

подсознательной потребности привлекать его внимание, привязывать, превращать в послушную сиделку.

ТЕНОР: Роман Антония и Клеопатры на экране был как бы репетицией, стартовой площадкой романа Ричарда Бартона и Элизабет Тейлор в жизни. Десять лет спустя они получили возможность отрепетировать своё расставание, снявшись вместе в фильме «Его развод – её развод». Распад семьи был дан в этой картине сначала глазами мужа и во второй части – глазами жены. Оба приняли участие в съёмках без большого желания, вели себя на площадке соответственно, и это сказалось на результате. Рецензии на фильм были убийственны. Журнал «Тайм» объявил его «громким сдвоенным крушением». «Голливудский репортёр» – «скучным, занудным исследованием разваливающегося союза двух мелковатых персонажей». Даже «Варьете», обычно доброжелательное к Бартону, писало, что от просмотра фильма «зритель может получить столько же радости, сколько от присутствия на вскрытии трупа».

БАС: Наконец, летом 1973 года Элизабет Тейлор сделала заявление для прессы, объявив о решении супругов пожить врозь. «Я убеждена, что нам с Ричардом пойдёт на пользу расстаться на время. Может быть, мы слишком любили друг друга. Каждый находился под непрерывным взглядом другого, и это привело к временному обрыву взаимопонимания. Всем сердцем верю, что расставание в конечном итоге вернёт нас туда, где нам следует быть, – то есть соединит нас опять. Если кому-то покажется, что в происходящем какую-то роль играют порывы сладострастия, это будет означать, что он судит по себе... Пожелайте нам удачи в это трудное для нас время. Молитесь о нас».

ТЕНОР: Элизабет Тэйлор не только была по-женски влюблена в Ричарда Бартона. Она находила в нём опору для личного и профессионального самоуважения, потому что он умел за блистательной внешностью и судьбой видеть и ценить в ней по-настоящему артистичную натуру. В одном письме к ней он писал: «Никогда не забывай о своих редких достоинствах. Не забывай, что под грубоватой словесной плёнкой в тебе всегда живёт замечательная и пуритански чистая ЛЕДИ. То, что ты так долго терпела рядом скучного обалдуя, как я, говорит лишь о твоей способности быть верной. Буду тосковать о тебе со страстью и сожалением... Мне безразлично, с кем ты найдёшь своё счастье, лишь бы он был дружелюбен и добр к тебе. Но если он попробует вносить в жизнь моей бывшей жены страх и горе, я его раздавлю, размажу, сделаю посмешищем, растопчу...»

БАС: Дальше начинается полоса сближений и расставаний, которой подошло бы название пьесы Гибсона «Двое на качелях». Ричарда видят ухаживающим за Натали Делон (бывшей женой Алена Делона), Софи Лорен проводит уикенд на его яхте. Элизабет ищет утешения с немецким актёром Хельмутом Бергером, с художником Энди Ворхолом, с предпринимателем Генри Вайнбергом. Потом вдруг прилетает к мужу в Италию – встреча в аэропорту, еле оторвались от папарацци, объятия в автомобиле, находят приют на вилле продюсера Карло Понти. Недолгое примирение длится всего девять дней – и снова разрыв. В конце 1973 года Элизабет попадает в больницу в Лос-Анджелесе, переносит тяжёлую операцию на яичниках. Ричард летит к ней из Сицилии, через Северный полюс, входит в палату. Опять объятия, поцелуи, слёзы. Операционный шов как от прикосновения волшебной палочки заживает в считанные дни.

ТЕНОР: В одном из писем периода «Качелей» Бартон писал: «Во-первых, ты должна понять, что я тебя обожаю. Во-вторых, и пусть это не покажется тавтологией, я тебя люблю. В-третьих, я не могу жить без тебя. В-четвёртых, на тебе лежит огромная ответственность, потому что, если ты оставишь меня, я должен буду покончить с собой. Боюсь, без тебя мне жизни нет. И я, действительно, боюсь. Я в страхе. Потерян. Одинок. Унылый. Отупевший. И в-пятых, надеясь больше не повторяться, я мечтаю о тебе».

БАС: Но уже весной 1974 года на съёмках фильма «Клансмен», он затеял роман с восемнадцатилетней официанткой. Потом – с замужней женщиной, матерью троих детей, и её муж явился на съёмочную площадку, грозя пристрелить его. Потом – с актрисой Сьюзен Страсберг, с которой у него была связь семнадцать лет назад. «Он пил ужасно в эти дни, – вспоминает один из друзей. – Говорил мне со слезами на глазах: “Джанни, зачем я это делаю? Я так люблю эту женщину”. Но у Элизабет больше не было сил выносить всё это. Она улетела в Швейцарию и там подала на развод.

ТЕНОР: Весной 1974 года пьянство Бартона достигло такой степени, что врачи оставляли ему две-три недели жизни. Он согласился на лечение и провёл в больнице полтора месяца. Вышел исхудавшим, трезвым, с дрожащими руками. Видимо, чувство вины заставило его уступить всем требованиям адвокатов жены. Она получила яхту «Кализма», дом в Мексике, драгоценности на общую сумму семь миллионов долларов, все бесценные картины, купавшиеся ими в течение десяти лет брака. Также их приёмная дочь Мария, носившая фамилию Бартон,

оставалась с Элизабет. Единственное, что заботило Ричарда: чтобы все его сёстры и братья, кузены и кузины, племянники и племянницы в Уэльсе, общим числом двадцать девять, продолжали получать выделенные им субсидии.

БАС: Но качели не остановились и после развода. Через четыре месяца газеты объявили о помолвке Ричарда Бартона с югославской принцессой. Он взял её с собой в путешествие по Марокко, где люди узнавали его на улицах и называли либо Томас Бекет, либо майор Смит (роль, сыгранная им в фильме «Куда залетают только орлы»). Элизабет, взяв с собой Генри Вайнберга, улетела в Ленинград, сниматься в фильме «Синяя птица». Однако летом 1975 года разведённым супругам нужно было встретиться в Швейцарии, в конторе адвоката, для обсуждения каких-то деталей соглашения. Они нашли друг друга похудевшими, посвежевшими, полными прежнего очарования. И слились в жарком объятии. Был забыт предприниматель Вайнберг, была забыта югославская принцесса и прочие дамы. Вскоре по миру разнеслось, что Дик и Лиз снова влюблены друг в друга.

ТЕНОР: Местом вторичного бракосочетания была выбрана беднейшая африканская страна Ботсвана. Зато там никто не видел фильмов с участием Бартонов, никто не стал бы выпрашивать у них автографы. Их венчал главный чиновник местного племени Цвана. Бегемоты и носороги бродили неподалёку. Потом появился ещё более опасный обитатель тех мест – малярия. Заболевшего Бартона пришлось срочно эвакуировать в Лондон. Рождество вся семья встречала в доме Элизабет в Гштааде.

БАС: Элизабет давала радостные интервью газетам и журналам. Не знала, бедная, что Ричард, уехавший покататься на лыжах, уже встретил в вагончике канатной дороги, очаровательную блондинку, Сьюзен Хант – двадцать девять лет, бывшая модель, ждёт развода со знаменитым автогонщиком. Весной 1976 года ему надо было лететь в Америку для участия в спектакле «Эквус». Он пригласил Сьюзен присоединиться к нему, и смелая женщина не побоялась вступить в соперничество с самой Элизабет Тейлор-Бартон. Пьеса «Его развод – её развод» снова была разыграна в реальной жизни, и в августе Ричард Бартон и Сьюзен Хант смогли совершить скромную брачную церемонию в городе Арлингтон, штат Вирджиния, под боком у американской столицы.

ТЕНОР: Должны ли мы и дальше проследивать шаг за шагом судьбу наших героев, влекомых по извилистому пути Эросом, Бахусом, Мельпоменой? При всём богатстве и

разнообразии их жизни, в ней, как в роскошном ковре, уже просвечивает повторяющийся узор. Раз за разом они пытаются обрести и любовь, и влюблённость и раз за разом терпят поражение. Один корреспондент упрекал Элизабет Тейлор за то, что она так поспешно вышла замуж за своего четвёртого мужа после гибели третьего. «А что же мне было делать? – воскликнула Элизабет. – Спать одной?» Имея в качестве зрительного зала весь мир, оба постепенно утрачивали способность проводить разделительную грань между реальной жизнью и её экранно-сценическими вариациями. Чувство долга перед близким человеком ослабевало, размывалось, произносимые слова и обещания начинали казаться такими же эфемерными, как строчки заученных ролей.

БАС: По свидетельству многих друзей, третья жена сумела стать Бартону добрым другом и надёжной помощницей. Она тактично отвлекала его от собутыльников и помогала оставаться трезвым. Благодаря её заботам и поддержке он смог успешно выступить в новых ролях. Спектакль «Эквус» встретил тёплый приём у критиков и зрителей, а за экранизацию этой пьесы Бартон был седьмой раз номинирован на Оскара (1978). В 1980 году он решился возродить спектакль «Камелот» и двенадцать месяцев с успехом гастролировал по всей Америке. Два года спустя принял участие в телевизионном сериале «Вагнер».

ТЕНОР: Щадить себя Бартон не умел. Чудовищные нагрузки, которым он подвергал свой организм, не могли пройти бесследно. «Если он хотел потянуться через стол за мармеладом, – вспоминает один из друзей, – ему приходилось поддерживать правую руку левой и также перегибаться вперёд всем корпусом.» Страшные боли в шее и позвоночнике потребовали операции, но она не помогла. Восемь раз в неделю ему приходилось выходить на сцену и размахивать мечом, в то время как каждое поднятие руки вызывало страдания. К концу гастролей он потерял 25 фунтов. В октябре 1981 года снова оказался в больнице – теперь из-за открывшейся язвы желудка.

БАС: Физические немощи приводили Бартона в бешенство, и его ярость обрушивалась на жену. Сузи, как и две её предшественницы, в какой-то момент не выдержала и решила оставить мужа. Кто же поспешил занять её место? Конечно, Элизабет! Оставив очередного супруга, она примчалась в Лондон и упала в объятия своего незабвенного. Она была готова выйти за него в третий раз.

ТЕНОР: Постепенно ей удалось уговорить его на совместное участие в спектакле по пьесе Нозла Коварда «Личная

жизнь». Он стартовал весной 1983 года в Нью-Йорке и далее проследовал победным шествием через Филадельфию, Вашингтон, Чикаго, Лос-Анджелес. Опять диалоги Бартона и Тейлор на сцене так близко перекликались с их судьбами, что публика в зале отзывалась на них неуместным хохотом. «Как долго она будет тянуться, эта смехотворная и неодолимая наша любовь? Почему мы должны постоянно ссориться?», – вопрошала Элизабет/Аманда. «Нет, потребность в ссорах утихнет, но вместе с нею увянет и наша страсть», – отвечал Ричард/Элиот.

БАС: Мы уже говорили о том, что для этой пары разрывы и сближения были необходимым компонентом любовных отношений. Где-то я читал, что в Израиле живут супруги-рекордсмены: они разводились и женились двадцать шесть раз. Все стены их квартиры увешаны брачными свидетельствами в красивых рамках. На закате дней Элизабет утверждала, что любила только Бартона, что в нём была вся её жизнь. Для Ричарда же потребность влюбляться снова и снова, казалось, была так же неодолима, как потребность соловья снова и снова испускать призывную песню.

Салли Бартон

ТЕНОР: И в начале 1983 года он уже выстукивал на машинке соловьиные трели новой избраннице: «Дорогая Салли, или дражайшая Салли, или любимейшая Салли, или Салли-без-которой-не-могу-жить, или прелестнейшая Салли, особенно когда

минимально покрыта одеждой, или умница Салли, или сексуальная Салли, приоденься для меня сегодня и давай посмотрим, что произойдёт за этим обедом, потому что я люблю тебя, и обожаю порой до слабости в коленях, порой до испуга, порой до толчков боли».

БАС: Видимо, обед и последовавшие за ним другие встречи прошли успешно, потому что Ричард Бартон и Салли Хэй вскоре стали неразлучны. Их знакомство произошло во время снимок фильма «Вагнер» в Европе, в котором Салли участвовала в качестве ассистентки режиссёра. Она последовала за Бартоном в Америку, где сопровождала его во время гастролей. Публика была счастлива снова увидеть Дика и Лиз вместе, спектакль «Личная жизнь» шёл с огромным успехом. Но опять жизнь и пьеса непредсказуемо вторгались друг в друга и вносили новые повороты сюжета. Однажды Элизабет заболела, и гастроль пришлось прервать на пять дней. «Делать всё равно нечего, – сказал Ричард Салли. – Давай поженимся». Не веря своему счастью, Салли согласилась. Они прилетели в Лас-Вегас, сняли номер за тысячу долларов в день и совершили акт бракосочетания без всякой помпы, в присутствии двух близких друзей в качестве свидетелей.

ТЕНОР: Элизабет Тейлор послала новобрачным цветы и поздравления, но её подлинные чувства начали прорываться на сцене. По ходу пьесы между мужем и женой постоянно происходили стычки, и она старалась вложить в них чрезмерную долю реализма. «В тот год Элизабет была довольно тяжёлой дамой, – вспоминала потом Салли. – И с координацией движений у неё не всё было в порядке. Она вдруг хватала Ричарда и дёргала с полной силой. Или наваливалась всем телом, так что из-за кулис я видела гримасу боли на его лице. В середине спектакля она должна была разбить пластинку о его голову. Хотя пластинка была не настоящая, сделанная из хрупкой крахмальной смеси, она каждый раз ухитрялась оцарапать его, и мне приходилось в уборной вытирать кровь и восстанавливать грим».

БАС: Физическую боль Бартон умел переносить не хуже, чем его воинственные кельтские предки. Но что выводило его из себя это упорная привычка Элизабет опаздывать к началу спектакля. Также и про её недомогания он никогда не знал наверняка: всерьёз они или чтобы насолить ему, привлечь его внимание. Когда они участились, гастроль пришлось прекратить. Элизабет принимала так много лекарств, запивая их виски, что даже её постоянный врач отказался обслуживать такую неуправляемую пациентку. Вскоре она снова оказалась в больнице.

Диагноз – обострившийся колит. Но, по словам друзей, это был скорее острый приступ жалости и отвращения к самой себе.

ТЕНОР: Наоборот, Бартон заметно воспрял. Близкие к нему люди говорили потом, что многими чертами Салли напоминала им Сибил. Весёлая, умная, заботливая – она сумела облегчить даже физические страдания мужа. Под её влиянием он заинтересовался лечебным эффектом диетического питания, стал покупать книги на эту тему и вести себя по их рекомендациям. Его здоровье заметно улучшилось. Он успешно снялся в роли жестокого следователя О'Брайена в фильме «1984». «Вагнер» принёс Бартону миллион долларов, «Личная жизнь» – ещё девятьсот тысяч. Весной они с Салли приехали в свой дом под Женевой – окрепшие, загорелые, полные новых планов. Ричард мечтал наконец засесть за свою автобиографию, но параллельно готовился сниматься в экранизации романа Грэма Грина «Тихий американец».

БАС: Ничто не предвещало беды в те августовские дни 1984 года. В гости к Бартонам приехал их друг, актёр Джон Хёрт. Вечером мужчины отправились в местную пивную, развлечься пивом и футболом по телевизору. Что-то произошло там, о чём Джон Хёрт рассказывал крайне неохотно. Похоже, что Ричард обронил саркастическое замечание в своём стиле. Оно не понравилось кому-то из завсегдатаев пивной. Произошла потасовка, в результате которой Ричард упал и ударился головой о пол. От предложения вызвать скорую помощь отказался. На следующий день у него началась сильная головная боль. В больнице врачи обнаружили обширное кровоизлияние в мозг. Вмешательство хирургов не помогло, и Бартон умер на операционном столе. Ему было 58 лет.

ТЕНОР: В соответствии с волей покойного, он был похоронен в Швейцарии, на скромном кладбище близ Женевы. Всеми силами Салли старалась избежать шумихи, наплыва журналистов, но это удалось лишь частично. Родня из Уэльса, фотографы, корреспонденты, друзья набились в маленькую церковь. Боясь, что присутствие Элизабет Тейлор увеличит толпу в десять раз, Салли позвонила ей и просила отложить приезд. Та согласилась и приехала посетить могилу на следующий день, без своей обычной свиты.

БАС: Горестные сожаления и восхваления покойного захлестнули газеты, радио, телевиденье всего мира. Журналисты осаждали Элизабет Тейлор, умоляя откликнуться на смерть Бартона хоть парой фраз. Нет сомнения, что эти два имени будут всегда связаны в памяти людей. Никакой сценарист или драматург

не смог бы сочинить ту великолепную трагикомедию, которую Дик и Лиз импровизировали перед глазами миллионов зрителей в течение двадцати лет.

ТЕНОР: Поверья древних викингов обещали загробные пиры в Валгале тем, кто смело погиб в бою, и вечный зловонный ад у богини Хель для тех, кто мирно умер в своей постели. Мне хочется верить, что пирующие кельтские вожди дадут место за своим столом Ричарду Бартону – ведь он погиб в схватке с врагами. Однако и историки, описывающие судьбы человечества за обозримые пять тысяч лет, должны воздать ему почести: ведь это его лицо во весь экран будут вспоминать миллионы школьников и студентов, когда дойдут в своих учебниках до имён Александра Великого, Антония, Томаса Бекета, Генриха Восьмого, Рихарда Вагнера, Льва Троцкого, Уинстона Черчилля, Иосипа Броз Тито.

БАС: В Валгалу мы сегодня не верим. Но прикосновение к смерти неизбежно рождает в каждом из нас смутные мысли о том, как наша тленная оболочка соотносится с вечным истоком бытия. Для Ричарда Бартона эта дилемма воплощалась – освещалась – переживалась наиболее полно в стихах Дилана Томаса. Например, в таких строчках, как:

Раскрой мне этот нервный смысл времён,
Смысл диска, воссиявшего рассветом,
Смысл флюгера, что стонет от ветров, –
И снова я творю тебя из пенья
Лужаек, шорохов травы осенней,
Из говорящего в ресницах ветра,
Да из вороньих криков и грехов.

Особенно когда октябрьский ветер...
И я творю тебя из заклинаний
Осенних паучков, холмов Уэллса,
Где репы жёлтые ерошат землю,
Из бессердечных слов, пустых страниц –
В химической крови всплывает ярость,
Я берегом морским иду и слышу
Опять невнятное галденье птиц.

Семен Талейсник

Отражения ритуала гадания в живописи

амая громкая сенсация, самые эксклюзивные сообщения во время проведения Мундиала 2010 – это прошедшее гадание осьминога Пауля из аквариума Центра морской жизни в немецком городе Оберхаузене о шансах на победу команд мирового первенства по футболу. Пауль многое предугадал, включая победу Испании, и стал самой авторитетной гадалкой современности.

Я, конечно, огорчён результатами поединка, подтвердившего предсказания Пауля, но отнюдь не стану считать его оракулом, ибо уверен, что он случайно "накаркал" или нашарил результат игры. Но болельщиков голландской сборной он огорчил, угадав в очередной раз верно. Хотя, что сказать о моллюске, даже если он признанный на сегодня предсказатель? Одна физиономия чего стоит? Слизняк! Да и только!

Осьминог Пауль на своём рабочем месте. (Пока "портретов" Пауля ещё никто не написал, ограничусь фотографией из Интернета).

Гадание – одна из самых древних страстей человеческих. Желание, стремление предугадать - один из первых инстинктов

человека, как и животного, чтобы выжить. Во-первых, чтобы найти пищу. А это значит угадать, где она лежит, растёт, живёт. Может находиться. Как её достать, сорвать, убить. Позднее - как её сварить... Во-вторых, предусмотреть внезапное ненастье и успеть укрыться. В-третьих, почувствовать угрозу нападения хищников или врагов и предотвратить её... А затем и всё остальное так важно предугадать вовремя...

Впрочем, со мной могут не согласиться, что это гадание, а не просто инстинкт, приобретённый опыт. Ведь кто-нибудь другой может догадаться или предусмотреть то, что следует сделать. Дать совет, как уберечься от сглаза, либо победить, приворожить, полнубить, погубить, обмануть, как выздороветь, сколько прожить... Или, взявшие на себя роль таких предсказателей, внушают что-то людям в унисон задуманному, успокаивая либо пугая, настораживая, порой подыгрывая им, а то и просто обманывая. Прикрываясь присущим якобы им волшебством или владением некой магией. А как утверждает мой любимый доктор Грегори Хаус из бесконечного захватывающего меня киносериала того же названия «Доктор Хаус»: - «предельность магии - это оксюморон», как способ разрешения необъяснимой ситуации. Ибо ничего заранее предугадать нельзя. Невозможно. И я с ним согласен.

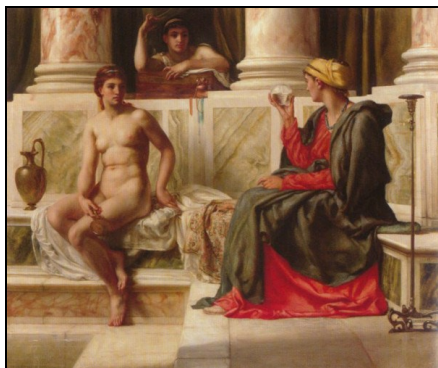
Но гадалки с предсказателями живут и процветают. Гадалки или предсказатели, которым удалось угодить заказчику удачным предсказанием ожидаемого им события, начали получать подарки, мзду, плату, делать бизнес, называться «профессионалами», оставаясь обычными шарлатанами... И научились обманывать наивных и легковверных, глупых и малообразованных, тёмных и охваченных верой в возможности особых людей знать о них всё или почти всё. Так гадалки и вошли в число мошенников, фокусников, знахарей, колдунов, шаманов, телепатов, ясновидящих, астрологов и т.п.

И несть им числа, несмотря на все достижения науки и несовпадения их пророчеств и предсказаний. Ибо одно совпадение распространяется по миру среди людей быстрее и эффективнее, нежели тысячи и миллионы ошибок, несовпадений или простых надувательств... И о гадалках стали рассказывать всякие небылицы, описывать их способности, умения, славить, рекламировать, пиарить и этим тоже зарабатывать свою долю или процент от дохода...

А также стали изображать, рисовать, а в наше время и фотографировать, причем "замечены в этом" не только уличные или случайные художники, но и мастера живописи, великие

художники всех времён... Среди них Босх, Лука Лейденский, Караваджо, великий русский художник Врубель и другие.

Среди классических полотен, посвящённых гаданиям, мне удалось найти картину знаменитого английского художника XIX века - сэра Эдварда Джона Пойнтера, на своём полотне изобразившего сцену в Римских банях, когда молодые патрицианки беседуют с приглашённой гадалкой...

Сэр Эдвард Джон Пойнтер (Edward John Poynter)
«Гадальщица». 1878 г.

Я умышленно начал с картины, написанной в XIX веке, так как на ней изображена сцена гадания в древнем Риме. Многие художники ещё в средние века, задолго до Пойнтера, рисовали гадалок, но его сюжет оказался наиболее "древним". Будучи оригинальным в выборе композиции, отличаясь точностью рисунка, яркостью красок и деликатностью изображаемого, Эдуард Пойнтер пользовался известностью как превосходный исторический и жанровый живописец. В особенности его привлекали сюжеты из античного мира, и он смело выводил на сцену нагие или благородно и скромно задрапированные женские фигуры. Примером чему является и приводимая мною картина. Уже тогда, а возможно и ранее, труд гадалок или их искусство были востребованы.

В ритуале гадалки помогает «волшебный фонарь» - прозрачный шар, который она держит в правой руке, разглядывая через него слушающую её женщину классического типа со спортивной фигурой, разгадывая, возможно, её любовную интригу или беспокоящее недомогание... С неподдельным интересом, эмоционально подняв руку, прислушивается к словам гадалки, внимательно наблюдающая действие её подруга. Сама

«гадальщица», как названа она в подписи к картине, выражает своими жестами и гордой осанкой убеждение в своей правоте, вселяя этим веру окружающим. Она, эта гадальщица, не бедна, не нищенка в рубище, а вполне обеспеченная, возможно, богатая особа, в красивом ярком, свободно ниспадающем с её величавой фигуры одеянии. Её красивая, гордо посаженная голова на высокой шее повернута к слушающей её патрицианке. Чёрные волосы прибраны золотисто-жёлтой косынкой либо шляпкой, под которой угадывается подвязанный узел волос. Манерой держаться она невольно вызывает уважение как предсказательница судеб...

Лука Лейденский. "Гадалка". Лейден, 1508 г. Дерево, 24x31 см

В поисках наиболее ранних по написанию картин о гадалках, нельзя пройти мимо картины «Гадалка», автором которой является ЛУКА ЛЕЙДЕНСКИЙ, как привычно звучало прозвище нидерландского художника Луки Хёйгенса (Lucas Huyghensz van Leyden). (Лейден 1489 или 1494-1533).

Рожденный, по словам его современника, «живописцем и гравером с кистью и резцом в руках», Лука Лейденский писал и небольшие жанровые сценки, как например, картина «Гадалка», приобретённая музеем Лувра лишь в 1962 году. Эта картина имеет и иное название - «Ворожея». Предполагают, что автору картины тогда было всего четырнадцать лет. Полотно является первой жанровой картиной, представляющей события каждодневной жизни людей, включая процесс предсказания будущего при помощи карт.

Молодая женщина - гадалка на картах... Грустный юноша стоит в ожидании - как и какая выпадет ему карта. Приветственно сняв шляпу левой рукой, он правой вручает цветок такой же смущённой, либо сосредоточенной и нагнетающей сцену предстоящего таинства молодой женщине. Предполагаемая

гадалка - в белом платке-капоре и в сером платье с весьма глубоким декольте. Рукава его оторочены широкими дорогими меховыми манжетами и оканчиваются кружевами. На столе видны ещё не все разложенные карты из колоды в её левой руке. За спинами участников гадания довольно многолюдно. Все - в ожидании его результатов...

Существует и другое мнение по поводу написанной художником сцены. Мол, нет никаких оснований считать, что изображенная сцена имеет отношение к гаданию на картах, так как в те времена это было занятие отнюдь не для светских дам, тем более в публичном месте. А в роли гадалки следовало бы ожидать "старую ведьму", а не молодую богатую даму. Кроме того, человек из высоких слоев общества вряд ли стал приветственно обнажать голову перед какой-то гадалкой. Скорее перед нами галантная сцена встречи знатного молодого человека и знатной девушки, которая развлекает себя игрой с картами, а вовсе не сцена гадания. Тем более, что художник Лука Лейденский вообще предпочитал изображать карточные игры между мужчинами и женщинами...

У меня нет достаточных оснований не соглашаться и с такой трактовкой картины, но я остаюсь при своём мнении, не наблюдая в их лицах шарма или флирта, столь обычных при встрече молодых людей. Только озабоченность и сочувствие...

Джованни Баттиста Пьяццетта. (1682-1754) «Гадалка»
Первая половина XVIII века.

Холст, масло. 154 x 114 см. Венеция. Галерея Академии

Сын скульптора и гравёра, Джованни в 1697 поступил в мастерскую Антонио Молилари. Изучал живопись Креспи и Караваджо. В 1727 был принят в Болонскую Accademia Clementina. В 1750 возглавил Scuola di Nudo при венецианской Академии,

отдавал много времени преподаванию и воспитал плеяду талантливых учеников.

Образ венецианской гадалки в соломенной шляпе, которая сидит, вызываясь подбоченясь и свысока и надменно глядя на глупый легковверный мир, просто обескураживает своей самоуверенностью. Гадалка не устаивает взглядом коленопреклоненную даму в черном, простирающую к ней руки. Она настолько убеждена в правоте и истинности своих умозаключений, что любая особа, обратившаяся к ней за предсказаниями, несомненно, поверит в любое из них. Настоящая гадалка всегда в некотором смысле психолог.

ЦЫГАНСКОЕ ГАДАНИЕ

В течение множества веков, да и по сей день, в Европе и России прибегали к цыганскому гаданию, желая узнать и вовремя исправить свою судьбу. Поэтому-то цыганки-предсказательницы оказались запечатленными на полотнах многих известных мастеров - Караваджо, Манфреди, Жана де Булоня, Тильманна, Ренье, Вуэ, Навэ, Ооста и других. Часто, вопреки настрою европейского общества былых времён, гадалки на картинах выглядят красивыми, нарядными - художники предпочитали рисовать то, что сами видят, а не то, что говорят вокруг. Однако отдельные художники не приукрашивали своих героинь, а показывали их истинный облик. Мне бы хотелось более подробно остановиться на картине цыганского гадания, сочетавшегося, как это нередко бывало, с воровством соучастников в мошенничестве, ибо сюжет «гадалка плюс вор/воровка» характерен для картин этой эпохи.

Художник родился в семье булочника. На его творчество большое влияние оказала школа Караваджо. Расположение Лотарингии между Германией, Францией и Нидерландами предопределило влияние на Латура голландской жанровой живописи.

Сюжет картины Жоржа де Латура «Гадалка» навеян новеллой Сервантеса «Цыганочка», написанной в 1613 году, в которой рассказывается о судьбе белокожей красавицы и певуны Пресьосы. В Википедии по поводу этой картины написано следующее: «Золотой блестит в изрезанной морщинами руке старухи, плата за ее искусство и одновременно неотъемлемый атрибут ритуала гадания. Перед тем как заглянуть в будущее, она чертит им крест на белой мягкой руке, которою ей так доверчиво протянул юноша. Особо выделяется белокожая цыганка. Эта фигура - дань популярному в Западной Европе мифу о похищениях цыганами детей из благородных семей. Возможно,

имеется в виду, что она «продажная девка» у гадалки-сводницы. Платок, завязанный под подбородком, указывал на то, что девушка была уже не девственницей, но не замужем...»

Жорж Дюмениль де Латур, также Ла Тур (фр. Georges de La Tour; 1593 - 30 января 1652) - французский живописец из Лотарингии. «Гадалка», 1630-1639. Холст, масло. 102×123 см. Музей Метрополитен, Нью-Йорк

«Позолоти ручку!» - привыкли мы слышать из уст цыганок, встреченных нами на улицах и особенно рынках многих городов. Это означало, что гадалка погадает, если вы ей предварительно заплатите. Иначе гадание не состоится. Но пришло это выражение издавна от ритуала использования золотой монеты для начертания креста на раскрытой для гадания ладони. Это могла быть и серебряная, и медная монета, в зависимости от возможностей заказчика. Естественно, гадалка, получая использованный для этой цели золотой, могла оставить его себе, но все остальные деньги, как и «попутную добычу», по неписаным законам цыганского табора, должна была отдать в общий котел. К такой попутной добыче относятся, как чётко видно на картине, умело срезанная белой цыганкой с цепочки на поясе клиента монетка-амулет, бусы или кошелек, вытягиваемые из кармана ловкой рукой чёрной цыганки, стоящей справа от него. Воровство идёт в четыре руки на небольшом пространстве сцены. Даже яркая одежда персонажей не отвлекает внимания зрителя, который поглощён совершаемым действием. Как выразительны зорко следящие за возможной реакцией юноши глаза цыганок! И как убедительно и по-деловому старуха со сморщенным лицом и монетой в скрюченных пальцах в это время вещает свои предсказания внимающему ей юноше, устремившему на неё свой несколько надменный и недоверчивый взгляд. Во всей картине царит напряжение между кажущимся спокойствием всех участников и их деловитой активностью по обворовыванию

наивного юноши, возможно впервые попавшего в такую переделку.

«ГАДАЛКА». Микеланджело Меризи де Караваджо (Michelangelo Merisi da Caravaggio) (1571-1610) Порто-Эрколе. Подарена Людовику XIV доном Камилло Памфили в 1665 г. Ок. 1595, Рим, Капитолийские музеи, Лувр, Париж (1596-97).
Холст, масло. 99x131см

Мне представляется, что эта картина великого бунтаря и прожигателя жизни, баловня судьбы, сочетающего талант и неуёмную жажду жизни во всех её проявлениях, написана декоративно и несколько схематично. В ней нашла своё отражение реальность, почерпнутая в авантюрно-богемных кварталах Рима, где прошли первые годы Караваджо. Две полуфигуры - молодая цыганка, гадающая по руке, и нарядный паж - как бы отрешены друг от друга и от самого процесса гадания. Во всяком случае, их взгляды не направлены на руку юноши, где пересекаются линии судьбы... Они смотрят друг на друга, в лица, в глаза. Но эти взгляды безучастны, и от этого картина кажется недосказанной, сдержанной, либо её сюжет не полностью раскрыт художником, хотя в ней видны его мастерство и идея. Весьма скупо обошёлся художник и с красками, особенно, если сравнить их охристо-коричневые цвета с ярким, богатым колоритом других мастеров, изображающих встречи с цыганками-гадалками. Это мы увидим в нижеследующих картинах современников и даже учеников Караваджо. Я склонен поддержать мнение, что это вообще не уличный набросок с натуры, а гораздо вероятнее, «живая картина» с позирующими натурщиками, написанная маслом в мастерской, а не на площади или постоялом дворе. Мне эта картина не нравится, но что значит моё частное мнение, когда автор её великий Караваджо... Тем более что многим она нравится.

Один из крупнейших последователей Караваджо, он стремился прямо подражать ранней манере своего кумира.

Бартоломео Манфредо, (итал. Manfredi). 1580 - 1622). «Гадалка»
1616 год. Итальянский живописец, родом из Мантуи

Излюбленными сюжетами его жанровых картин являлись бытовые сценки службы солдат, затей карточных игроков, сцены с гуляками в тавернах. А также и встречи с гадалками, одну из которых мы видим на этой картине. Две молодые цыганки и двое юных повес. Одна из цыганок в бордовом платье с повязанным свободно бело-цветастом платке и слегка закатанными рукавами убедительно показывает значение линий на руке юноши, отображающих все повороты его судьбы, чему он, судя по выражению лица, склонен тут же поверить и щедро расплатиться за хорошие вести. Вторая цыганка, что помоложе, туго обвязанная платком вокруг головы и шеи, внимательно наблюдает, готовая прийти на помощь подруге. Дружок в широкополой шляпе с красным пером с интересом прислушивается к речам гадалки. Возможно, и он захочет узнать свою судьбу. Обычная жанровая картинка...

Французский художник эпохи барокко, представитель караваджизма. Итальянцы считают Валантена лучшим последователем Караваджо и причисляют его к своим художникам Римской школы. Валантен довольно скоро расстался с сюжетами религиозного содержания и стал писать фигуры воинов, нищих, людей, пристрастившихся к вину и картежной игре, падших женщин и т. п. Одежда персонажей иногда изобличает их богатство и, может быть, знатность, а выражения лиц, по замечанию некоторых критиков, свойственны грабителям и плутам.

Искусствоведческого анализа картины я не нашёл, но сюжет легко прочитывается. Солдат внимательно смотрит на свою

руку и приближающуюся к ней руку гадалки в ожидании их соприкосновения и начала момента разгадывания его судьбы. Он напряжён.

«Гадалка», или «Женщина, гадающая на руке солдату», Холст, 125x175 см. Коллекция Людовика XIV. Художник БУЛОНЬ ЖАН ДЕ, ПРОЗВАННЫЙ ВАЛАНТЕНОМ. Валантен де Булонь (фр. Valentin de Boulogne), правильнее Валантэн или Валантан, 1591-1632), прозванный Лё Валантэн, имя от рождения Жан Валантэн (Jean Valentin) (Куломье, 1594 - Рим, 1632)

Вторая его рука упирается в стул, слегка приподнимая тело. Его одежда выдержана в тёмных контрастных тонах, а наряд цыганки ярок и типичен шириной платка, свободным покроем белой блузки с ярко-красной вставкой и пышностью синей юбки. Лица и позы присутствующих полны любопытства и сопричастности к предстоящим откровениям гадалщицы...

Симон Петер Тильманн, Италия, XVII век

Никаких комментариев к этой картине мне также найти не удалось. Судя по удивлённому лицу цыганки – гадалщицы, её

поразило количество серебра, оказавшегося неожиданно в руке. Это же видно по сурово смотрящему сквозь очки старому человеку, который положил кисть на плечо юноши, возможно, пытаясь его остановить или отрезвить. В то же время, ошарашенное лицо богатого юноши, по-видимому, молодого офицера в шикарной одежде, сжимающего левой кистью эфес дорогой шпаги, после услышанного из уст гадалки кажется отрешённо-удивлённым. Похоже, он сам не знает, сколько монет отсыпал в благодарность за гадание молодой и не менее удивлённой прорицательнице.... Возможно, это её первый крупный куш... Но каков красный цвет на картине! Удивительной яркости! Как он привлекает внимание к юноше, делая его центром картины, хотя он и находится ближе к краю полотна. Так делал Гойя.

Картина «Гадалка» 1620-1622 год. Из серии «Цыганские гадания». Художник Николя Ренье, Франция. Родился в г. Мобёж, примерно около 1590 года, умер в Венеции

Комментариев по этой картине мною не найдено. Широким щедрым жестом вальяжно откинула руку богатая дама в сторону гадалки, смуглой, дородной, не очень молодой цыганки. Её лицо выражает и интерес к тому, что скажет гадалка, и снисходительную улыбку сомнения в истинности полученных сведений, затаившуюся в сомкнутых губах. Я не уверен, но по сидячей позе, несколько отёчному лицу и широте юбки в талии можно подумать и о том, что будущая мама хочет услышать от гадалки слова убеждения в благополучном исходе материнства и судьбе новорожденного. А может быть ей желательно узнать, кто родится - мальчик или девочка. Ведь это происходило в ещё в XVII веке, когда УЗИ ещё даже не предполагалось... Не зря же за спиной цыганок видна шляпа с пером и лицо молодого мужчины с выражением нетерпения, возможно, отца ребёнка с зажатым в руке мешочком денег для оплаты услуг... Я, конечно, не могу

утверждать, что мои предположения истинны, ведь Никола Ренье делал эту зарисовку без меня, но читатель волен согласиться или предложить своё понимание картины...

Симон Вуэ, Франция, 1618. Серия – «Цыганские гадания»

Пока гадалка с серьёзным выражением лица пытается убедить своих клиентов в открывшихся ей откровениях, последние озабочены отвлечением её внимания от мошенника, засунувшего руку в сумку цыганки. Он выразительным жестом поднятого пальца свободной руки подаёт знак своему подельщику о необходимости продолжения «беседы»... Лицемерная заинтересованная улыбка и протянутые распахнутые ладони молодой женщины, отвлечённый взгляд соучастника воровства, следящего за действиями карманника, улыбающегося своей удаче, а главное, удачная добыча - такова написанная художником сцена гадания и воровства.

Якоб ван Оост, Голландия, XVII век

Прогуливающийся вельможа не пожалел нескольких монет для оплаты гадания неожиданно появившихся цыганок и решил послушать, что скажет гадалка, совпадут ли её предсказания с его планами на сегодняшний вечер или на

ближайшее время. Любопытно и не так уж и дорого для него, фаталиста по характеру, чтобы позволить себе такую вольность иди развлечение, пока время не торопит... Стоящий позади офицера паж терпеливо переносит очередной каприз своего хозяина...

ВЕЛСЕН ЯКОБ ВАН. «Гадалка», 1631. Холст, 26 x 23 см. Делфт до 1625 - Амстердам 1656. Определена в Лувр в 1950 г.

Глядя на эту картину, невольно сомневаешься в том, что эти мрачные и серьёзно настроенные мужчины в почти одинаковой форме "ночного дозора" и сидящая испуганная женщина с опущенными и сплетёнными в волнении пальцами рук, встретились для обычного гадания. Ведь название картины «Гадалка». Но кажется, что поводом к разговору, который ведёт с ней подбоченившийся офицер в красном плаще при шпаге, стало уличение гадалки в мошенничестве или в недозволенном занятии в ночное время...

Цыганские гадания. Франсуа-Жозеф Наве, Италия, 1824 год Наве'з (Navez)

Франсуа Жозеф (16.11.1787, Шарлеруа, – 12.10.1869, Брюссель), бельгийский живописец; виднейший представитель

классицизма в Бельгии. Учился в Париже у Ж.Л. Давида (1813-16). В 1831-59 директор брюссельской Академии Художеств.

Художник создавал выразительные портреты, какие мы видим на картине, где чёткость композиции и местный колорит крестьян XIX века успешно сочетаются с живой характерностью типов семьи Хемптинне, пожелавшей погадать у проходящей немолодой и строгой цыганки-гадалки. По мнению критиков, картины Наве и на мифологические, исторические и религиозные темы отмечены также академической сухостью.

А теперь немного истории и великосветских сплетен...

Жозеф Данхаузер. Наполеон и Жозефина у гадалки, 1844

ДАНХАУЗЕР, Жозеф, (Danhauser, Josef. 1805-1845) австрийский живописец. Родился в Вене. Учился в Венской Академии изящных искусств. (с 1824 г., у П. Крафта). С 1840 г. - профессор Венской Академии изящных искусств (1840-1842гг). Совершил поездку в Нидерланды (1842 г.). Обычно писал жанровые сцены и портреты. Погиб предположительно в Вене.

Французская Сивилла Мария Аделаида Ленорман - гадалка, у которой часто бывала Жозефина Богарне, впоследствии жена Наполеона I. Значительную роль в судьбе Марии Ленорман сыграла дружба с супругой молодого генерала Бонапарта. При первом же знакомстве гадалка предсказала ей корону. Ни Жозефина, ни сам Наполеон тогда гадалке не поверили, однако не прошло и 10 лет, как предсказание сбылось. Придя к власти, Наполеон не забыл удачливую прорицательницу: он презентовал ей миллион франков.

Ленорман стала личной гадалкой Жозефины, и почти каждый день баловала ее благоприятными прогнозами своей загадочной колоды из 36 карт с не всегда понятными узорами и рисунками. Наполеону не очень нравилась тесная дружба Жозефины с экстравагантной гадалкой. Позднее, став

императором, он постарался отдалить Ленорман от супруги, а после того, как во время очередного сеанса гадания она предсказала ему бесславное поражение в войне с Россией и ссылку на остров Эльба, и вовсе разгневанно вышвырнул ее из столицы.

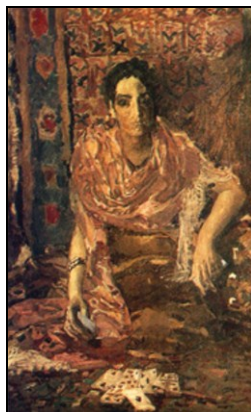
Жозефина у гадалки мадмуазель Ленорман. D' APRES UN DESSIN DE RIBAUT GRAVE PARNORMAND FILS. (COLLECTION A. DEVAUX). По рисунку Норманна Риболта из коллекции Дево. (Гравюра, возможно, по рисунку)

Если посмотреть на две представленные фигуры гадалки, госпожи Ленорман с учётом, что первая картина принадлежит перу вполне определённого художника, а вторая, рисунок неизвестного мастера, больше смахивает на фото, то изображения на них совершенно не сопоставимы. На полотне художника Жозефа Данхаузера бросается в глаза неопрятная старуха в рваном рубище, находящаяся в состоянии транса со зловещими предсказаниями или раскрытием тайны будущего, воздевшая руки и глядящая в ужасе в небеса, отбросив свой посох. Её слова вызвали испуг и волнение обречённо откинувшейся в кресле Жозефины. На втором рисунке, мадемуазель Ленорман стоит спиной к нам во всей красе молодости и изящества женщины с великолепной фигурой, театральным жестом выносящей свой вердикт, вознеся руку над внимательно и заинтересованно внимающей ей Жозефиной.

Император пассивен или ошарашен и удивлён услышанным. Я склонен отнести картину художника Данхаузера к его личному аллегорическому представлению о классическом

образе гадалки, вещуньи, колдуньи, в привычно сказочном облачении, предсказывающую недобрые вести... А рисунок более реалистичен, судя по описанию биографов и лиц, контактировавших со знаменитой французской Сивиллой. Кстати, её способности прорицательницы и гадалки мне представляются не столько присущими ей мистическими способностями, которые я вообще не признаю во всех случаях. Это скорее всего результат её эрудиции, несомненных умственных способностей, знакомством с человеческой психологией, пониманием социальной и политической обстановки того времени, а также знанием многих тайн королевского двора и особенностей закулисной светской жизни высшего общества Франции. Не зря же она предсказала, что Жозефина станет императрицей, выйдя замуж за амбициозного корсиканского офицера, и его крах и даже остров Эльбу.

Её понимание тщетности декабрьского восстания русских офицеров позволило ей предсказать и смерть в петле Муравьёву, возразившему ей, что, мол, дворян в России не вешают... Так что мадемуазель Мария Аделаида Ленорман, изображённая на рисунке, мне больше импонирует как женщина и как гадалка, нежели грязная вещунья на картине Жозефа Данхаузера.

Михаил Врубель. Гадалка. Испания. 1895. Холст, масло.
Третьяковская Галерея

Теме гадания, гадалкам отдали свою дань и некоторые русские художники. Наиболее известна картина Михаила Врубеля "Гадалка".

На картине Михаила Врубеля, написанной им в Испании, – всё отражает колорит этой страны. Картина, возможно, навеяна

оперой "Кармен", которую художник очень любил и считал "эпохой в музыке". Изображённая им молодая испанская цыганка с восточными чертами лица, насыщенно чёрными волосами, такими же густыми бровями и выразительными глазами, внимательно и понимающе смотрящими на зрителя из-под черных же ресниц, верит своему предсказанию. Этот взгляд невозмутим. Она властно, без колебаний, подтверждает точность предсказания. Если лицо сосредоточено, то руки расслаблены, а карты уже своё сказали и вердикт цыганкой вынесен. Пиковый туз не оставляет сомнений в роковом выводе о дальнейшей судьбе и раскрывшейся страшной тайне будущего у доверившегося человека. Не будет ли он раскаиваться в приходе к ней? Возможно, во взгляде её горящих глаз можно прочесть и некое сочувствие. Разноцветье ковра, игра золотисто-розовых складок на платье и платке, небрежно охватывающих непринуждённо сидящую фигуру, не мешают сосредоточить наше внимание на лице, руках и разложенных небрежно картах для гадания. Картина по своему характеру - произведение глубоко психологическое.

Русский художник Шебуев Василий Козьмич. «Гадание».

Автопортрет с гадалкой. (1805-1807).

Холст, масло 91,5 x 73,5. Третьяковская Галерея

Творческая судьба живописца В.К. Шебуева целиком связана с Петербургской Академией Художеств. Он обучался и получил воспитание в академии екатерининских времен. Уже в девять лет Шебуев выходит по отметкам в число первых учеников. После окончания учения с аттестатом первой степени и малой золотой медалью в 1797 г. Шебуев был оставлен пенсионером при

Академии Художеств, а в 1803 г. отправлен в Рим, где совершенствовал свое искусство, копируя подлинники и рисуя в анатомических театрах. К римскому периоду и относится картина, стоящая в творчестве живописца особняком.

Красивый, романтично настроенный молодой человек смотрит на нас с картины "Гадание". Автор изобразил себя в типичном модном костюме того времени с загадочной улыбкой в момент гадания цыганки по протянутой ей своей кисти, почему-то белого, не телесного, цвета. Как будто это белое, ещё не прожитое и не исхоженное полотно его жизни. На ней ещё нет резких, и вообще никаких линий, нет морщин и неразгаданных отпечатков, оттисков судьбы. Она ещё чиста и девственна. Иначе я объяснить и понять белый цвет кисти не могу. И в этом вижу романтизм молодого человека, улыбающегося ещё неизведанным радостям жизни, художника, излучающего уверенность в своих силах.

Это полотно, как жанровая сцена, соответствует во многом романтическому направлению в искусстве начала XIX в. Картина якобы неокончена, по мнению аналитиков, завершена лишь автопортрет, остальные фигуры остались в виде эскизных набросков. Этим, кстати, можно объяснить и "белизну", недописанность руки. Хотя моя версия мне кажется не менее убедительной. Это самое известное произведение художника, которому он отдал предпочтение и хранил его у себя до конца жизни.

Таковы мои впечатления от знакомства с обнаруженными мною в сокровищницах музеев, галерей и частных собраний, при неоценимой помощи Интернета, картинами художников разных стран, где сюжетом послужило гадание или гадалки...

Игорь Фунт

Maxim Кантор как зеркало.ру

Провал «доменной зоны .рф» в отличие от взлёта зоны «.рф» духовной – канторовского «contemporary art»

Опыт живописца есть опыт ежедневных потерь...

Кантор

Автор жив, и нечего его баловать.

Д.Быков

20 июня по 23 июля 2012 г. Русским музеем проводилась выставка Максима Кантора. Куратор: директор Департамента новейших течений ГРМ Александр Боровский, при поддержке Вавилина В.В., Алдюхова С.В., Кристины Барбано и компании «Actual Realism Collection».

...Перед тем как начать, спрошу себя, осознавая, что не являюсь великим специалистом в области искусствоведения: может, всё-таки человеку, о котором пишу, несказанно подфартило и повезло? – так ли это на самом деле, учитывая то, что, во всяком случае, не менее одарённые авторы прозябают-таки на пушкинских задворках Истории: «Судьба людей повсюду та же:/ Где капля блага, там на страже/ Иль просвещение, иль тиран». – И где ненасытный гамлетовский Крот, копаясь в объёдах Судеб, всё роет и роет свою историческую помойку, в которой вряд ли кому-то удастся остаться «при своих», обнажившись для Вечности, что ж...

Приступим.

«И праведники и негодяи слеплены из одной глины»: канторовская «не та Россия» напоминает олдриджевскую «не ту Америку» середины XX века, с той лишь разницей, что человек того времени, обвинённый в антиамериканизме, однозначно рассматривался как преступник; сегодняшний человек, стоящий,

вернее, сидящий к власти чуть боком, смотрящий с чертовщинкой искоса, исподлобья, да ещё с нехилым диссидентским и построссийским багажом завязтого «отрицалы» за плечами, злоумышленником не явля... «чёрт, не накаркать бы...»

Объедки

Правда, в общепринятом значении, повального увлечения диссидентством и модными новациями в искусстве Максим по молодости избежал – у него не было соблазна в них, как в чём-то запретном, ибо он изначально жил в более глубоком потоке русской хроники: «По сравнению с таким духовным опытом – мода дня казалась лишь поверхностью истории» (А. Зиновьев). Широта идей и мыслей, толерантность, критичность к окружающему и вольнодумство в семье было изначальной нормой, чем-то само собой разумеющимся.

«Чтобы выразить себя – в частности выразить свой гнев и насмешку – необходимо себя иметь». – Перед вами человек старомодно-демократических взглядов, и то, что происходит сегодня с левым проектом, его безумно тревожит – художник нашёл адекватную форму выражения собственного «синдрома сомнения» – сомнения в идолах («Чёрный квадрат») и институциях современного общества: «...левой идеи больше нет, да и быть уже не может, поскольку нет языка, который может левую идею описать. <...> Вообразите революционера, который хочет спеть «Интернационал», а у него изо рта вырывается «Боже, царя храни», но буквально это и произошло с искусством».

За свою художническую карьеру, говорит А.Д. Боровский, известный искусствовед, заведующий Отделом новейших течений Государственного Русского музея, Кантор подверг остракизму массу политических проектов, планов, идеологем и слоганов, а так же исторических и ныне живущих игроков политической сцены.

Это ведь западное общество так устроено, что социальная критика, по словам А. Боровского, входит в правила игры, – а наше? – как устроено наше «литературно-центристское» сообщество, кто скажет, и когда...

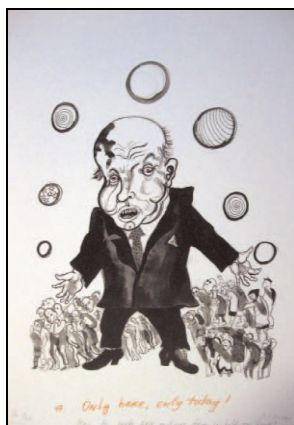

Несколько «потерянных» поколений в течение десятков лет росло в атмосфере предательства и закамуфлированной лженауки о всеобщем счастье, равной преступному сговору, стерев человеческую честь в порошок фальшивого протекционизма, в итоге сдвинувшего сегодняшнюю тектонику революций с насиженного предкризисными «сытыми» годами места – что ж вы тогда хотите? – спрашивает философ, художник Kantor – вы получили то, к чему шли: <http://www.peremeny.ru/books/osminog/5803>.

Более того, предательство застило нам глаза, вырыло собственными нашими руками яму самим себе, Предательство – как непреложный фактор пропавшей жизни – и надо очень постараться (ведь выход есть!), чтобы остаться тем, кем тебе назначено быть свыше: «Сотри свои ошибки и начни заново. Безразлично, кто и как предаст тебя. Они, безусловно, это сделают. Вдохновения нет, есть только труд. Ты должен работать. Работай».

Работай! – относится ко всем нам, «из детства» жаждущим чуда, Чудо это сотворившим и его населяющим, свободным, счастливым, честным... Но жизнь, вот гадство, оказалась вдруг Иллюзией, и фокусник, галдящий напропалую, мол, вытащил нас из каркающей лозунгами преисподней, лишь скаречно продолжает подвывать затянувшуюся, запутавшуюся в авангардистских

перипетиях и боях за создание особых привилегий избранной касте придворных песню: «Ещё немного, блин, ещё чуть-чуть...»

Фокусник. Как освободить 200 миллионов за полчаса

Когда-то отец дарил ему альбомы Домье и Гойи и писал на книгах: «Чтобы шёл той же дорогой»... и именно благодаря художественному дару, переданному от отца, – замечательного искусствоведа Карла Кантора, – к сыну, творчество Максима столь неординарно, столь обжигающе искренно.

Поздней он скажет журналу Сноб, не особо противореча себе раннему, ведь речь идёт о взаимопроникновении понятий: «Вдохновение существует. Это такое чудесное совпадение всего: любви, воли, ветра, какого-то опьянения своими силами, знание цели... Оно, безусловно, существует и даётся как подарок. Хорошо, когда молодой черпаешь его двумя руками и, кажется, источник бездонный, но с возрастом это всё труднее, приходится вдохновение не то чтобы ждать, но каким-то специальным колдовским словом выкликать. И когда его нет – это мучительно, очень».

Острота и разноречивость инвектив, анализов и приговоров Кантора, что-то «исключительно важное, что-то – банальное, что-то – притянутое за уши» (Боровский) – и есть то целое, составляющее общую оценку цивилизационной ситуации, сформулированной Кантором-литератором возможно даже лучше, чем на картинах, по мнению критиков, хотя вру – это и моё мнение тоже, хотя... Лучше процитирую: «Максим, повторяю и подчёркиваю, сформировался по типу характера скорее как писатель-философ, чем просто как художник. Это дело случая, что

он стал профессиональным художником, и огромная удача, ибо это исключение из правила позволило ему стать художником необычным и выдающимся» (Зиновьев).

Кантор успел напроць рассориться с московскими «мозговыми центрами» уже на старте европейской карьеры, в конце 20-го века, выказав полную незаинтересованность в только начинавших складываться новых иерархиях и «точках силы», и далее, уже в своих литературных вещах, высмеял деятелей русского *contemporary* специально и поимённо – художников, кураторов, галеристов, – рассуждает Александр Давидович.

Острота, разноречивость зрительской реакции, вполне предугадываемой, отнюдь не пугает – она содержательна и несомненно имеет социологическую ценность, так же как реакция аудитории профессиональной – ценность искусствоведческую. А ведь Кантор-писатель наверняка оставил где-нибудь подсказку зрителям Кантора-художника, поэтому разгадывать символику взаимосвязи архитектоники «Красного дома», «Вавилона» и «Атлантиды» каждый будет сам, в меру своей начитанности и образованности, а точнее, в меру своего художественного разгильдяйства – «отрицательного отбора» – способствующего соединять несоединимое и вспоминать глубоко спрятанное силами внешних обстоятельств чудо душевного прозрения, что, напомним, «издетства», как у Вяземского, и «всосанное с молоком», как у Пастернака: «...на основе тысячелетней традиции символов... В эпоху, подобную нашей, когда все неплохо знают историю, явные аллюзии могут быть правильно интерпретированы (что было невозможно в более ранние эпохи), по крайней мере, если художник так же образован, как Кантор» (Хёсле).

Хотя Кантор изображает своих «людей пустыря» через пятьдесят лет после Пастернака, когда процессы люмпенизации, расчленения и расчеловечивания зашли неизмеримо далеко, тема преодоления отчуждения принципиальна – как принципиальна и близка ему русская демократическая традиция принести мандельштамовскую «присягу чудную четвёртому сословью».

Принадлежал ли позднесоветский Кантор к тенденциям социально-политических коннотаций безжалостного гротеска, превращающих простых драчунов и алкашей в бестелесных биомутантов? – и да, и нет, отвечает Боровский: «Почти теряющие человеческий облик в одних работах, в других они его возвращают. Унижающие и оскорбляющие предстают униженными и оскорблёнными». – Кантор, даже показывая людей согнанными стадом в сбитую с толку толпу, используя все возможности гротеска, не переходит некую антропологическую грань.

Постсоветский, российский Кантор увлечён мифологией массовости, главным образом опирающейся на библейские ассоциации и, пожалуй, главным его форматом становится печатная альбомная графика: экономика; политическая, социальная и просто история, ирония; репрессивные механизмы и протестные движения; различные изводы идеологии, особенно производство тотальных мифо-идей; политические, либеральные, «непрофильные» портреты; культурные практики – всё это, в русле многомерного социально-политического дискурса, находится под знаком неприятия и критики:

«Сразу скажу, – продолжает Боровский, – (возможно, художник со мной не согласится): тотальность дискурса, то есть его сосредоточенность на мировых проблемах, его безоговорочная надрывная критичность и безапелляционность, – в русской традиции. Причём топография здесь не важна, дискурс может реализовываться и на лагерных нарах, и на интеллигентских кухнях, и в модных журналах. <...> Рискну предположить, что именно упёртость дискурса и его всеохватность вызывает определённое, пусть и не без пугливости, уважение на Западе, где границы компетенций всё ещё важны».

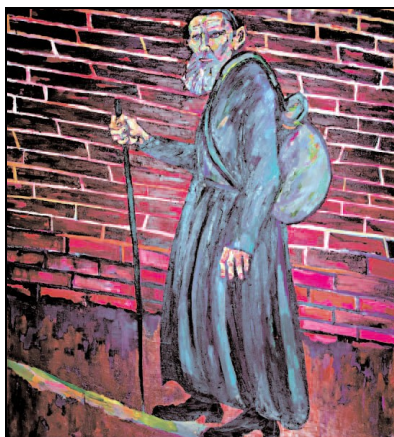

Рождение среднего класса

Если говорить о тематически-содержательной конфигурации канторовского меседжа как о философии истории XIX – XXI вв., то он таков: от серий «Пустырь» через серию «Метрополис» к «Вулкану» нарастает тема гибельности современной цивилизации, сначала на примере отдельно взятой страны, потерявшей свою идентичность и обманом завлечённой в новый геополитический расклад; затем – западного мира в целом.

Тема социальной архитектуры, ведущая истоки от «Красных домов», – один из стержней канторовского формообразования. К ней примыкает тема лабораторного эксперимента как метафоры искусственности социальных преобразований – вечный постсоветский плач о завлабах, взявшихся руководить государством.

Вся эта, условно говоря, строительная метафорика нужна художнику, чтобы выразить идею тотальной искусственности перестройки, передела всего сущего в интересах мира сего, явных и тайных: ненадёжная конструкция социума, пирамида власти, её ветви, властная вертикаль, переговоры, сговор, скрытые кукловоды, конспирология и пр.

Толстой

Нигилизм художника светлый и одновременно... печальный. Его не устраивает ни сакральность, ни медийность Уорхолла, канторовские персонажи предстают в незавершённом действии: они учатся, заывают, обещают, заманивают, грустно шутят; сами карикатурно оказываются объектами политических воцелений: неуверенные в себе «большие» люди, интеллект и характер которых несовместим с масштабом ими содеянного: «Смешное и мелкое делается таковым в сравнении масштабов – ...убожество Пикрохола вопиет рядом с величием Пантагрюэля. Если не знать, как выглядит лицо, мы никогда не оценим уродство маски». Союзников своему уничижающему нигилизму Кантор находит в портретах людей, которых он безусловно ценит: Л. Толстой, уходящий из дома в 1910 году, св. Франциск, папа Иоанн Павел II.

Знаете, Кантору было бы удобно в компании великих, но суровых и несентиментальных людей, душой болящих за пережитое миром «непрошедшее» прошлое, крайне беспокоящихся за повторяющуюся трагическую абсурдность игрищ человеческой истории, сопереживающих, осуждающих, доносящих до современников мысль, что мы так жить не должны.

Веймарская германия в 20-е годы прошедшего века породила целую плеяду художников такого рода, по большей части графиков: Георг Гросс (к нему отсылает работа М.К. «Едоки рыб»), Отто Дикс и др.; графику Кантора невозможно понять, не учитывая стоящего за ней жизненного опыта, европейских традиций, обособленных, но неизменно связанных с формированием мировоззрения русского интеллигента, – говорит 95-летний британский историк, почётный профессор Лондонского университета, член Британской академии Эрик Джон Эрнест Хобсбаум, сравнивающий кризисную Европу в образе канторовского «Больного зверя» с эпохой, начавшейся в 1914 году, когда «падало небо и почва текла из-под ног»:

«...как раз попытка возврата к советским методам в сочетании с постсоветским альянсом бандитского капитализма и коррумпированной власти воскрешает память о Сталине. И всё же в процессе движения от юношеского антисоветского диссидентства до яростного неприятия происходящего в стране сегодня Кантор познал, а может он всегда это знал, что наше суждение об истории не может быть исключительно негативным». – Так, светлое окошко надежды даёт нам непонятно откуда взявшийся Крот, вылезший в центре Европы, – служащий

аллюзией на катастрофу, вызванной Германией, – заставляющий Историю продвигаться вперёд. (Крот, добавим, как и всё у Кантора, разумеется не бесхозный – а марксистско-гегелевский, срисованный в свою очередь с Гамлета: «Так, старый крот! Как ты проворно роешь!», – акт I, сцена 5.)

«Это как Домье»

Эти слова Делакура стали ключом к пониманию природы протестного искусства Кантора: «Я хотел, чтобы мои картины стали оружием, чтобы выставочный зал был баррикадой».

Романтическое и героическое начало – необходимый элемент языка сопротивления, – и чем искреннее и серьезнее сумеешь рассказать про свою жизнь и любовь, тем больше права получаешь на сарказм: это существенный пункт при оценке обличительного высказывания: «Собственно, это единственный критерий подлинного смешного: серьезное и трогательное сделано из того же самого материала, что и комичное. Смешное смешно не само по себе, но лишь потому, что демонстрирует нам неожиданную грань того, что очень серьезно – или трагично».

Сегодняшний авангард сродни светской хронике – голубая фишка, условный код, всего лишь программная декорация общества для манипуляции толпой, усиленной лозунгами неравенства и восславлениями капитализма. Это не семья на баррикадах – это толпа на дискотеке, заказанной теми самыми депутатами Июльского парламента, однажды нарисованными Оноре Виктореном Домье.

И вновь Предательство:

«Авангард предан, и то, что мы называем этим термином сегодня, – сервильное декоративное искусство». – Буржуй закалился, квадратиками и загогулинами он декорирует свой пентхаус, пощёчины и плевки превратились в шекотку – авангард заигрывает с заказчиком, дразнит клиента: «Художник немного дерзит, но в меру, создавая впечатление у посетителя, что перед ним девушка с характером». – История авангарда есть образцовая история коллаборационизма: так постепенно меняется сознание Предателя – он находит всё новые оправдания для сотрудничества с оккупационным режимом; вместо пароля изгоев язык авангарда стал жаргоном торгашей; вместо эсперанто бедняков – биржевой азбукой.

А что же там с «литературно-центристским», по Боровскому, сообществом? Ответ Кантора прост, как и всё, что вызывает грустную ухмылку внезапного озарения: русская интеллигенция, мол, благополучно мутировала, превратившись в

обслужу богачей, и произошло это именно как следствие метаморфозы в авангарде.

А ведь правое стали считать левым уже давно, как перестали отличать хорошее от плохого, что и повергло цивилизацию в эстетический разлад, сбив «эстетический критерий», прицел нашего с вами бытия: «А если сама цивилизация не христианская, то что же у неё за искусство?» – спрашивая, отвечает мыслитель. Суть христианства, по Кантору, – способность увидеть божественное начало в самых убогих жертвах общества, а также в сдержанном отношении к церковной иерархии наряду с постоянным обращением к Евангелию и к христианской иконографии как источникам высокой нравственности и вдохновения.

Поверьте, а ведь мало кому в человеческой истории удавалось стать и знаменитым художником, и одновременно большим писателем, с самого начала делающим акцент на содержании, на моральной оценке политических событий и интерпретации исторических процессов: форма, чтобы иметь оправдание, должна выражать нечто существенное, – говорит Витторио Хёсле (Германия), признанный авторитет в фундаментальных исследованиях мировой философии, – таким образом Кантор не просто возвращается к экспрессивному реализму: «С самого начала знаменитый «Чёрный квадрат» Казимира Малевича служил Максиму Кантору примером художественного языка, для него неприемлемого», художник-философ предоставляет Малевичу собственное эстетическое пространство, меняя цвет на абсолютно противоположный – красный! (в цикле «Метрополис) – обозначая смысл поставленных на грань красных квадратов не больше и не меньше как «Анти-Малевич»: такой своеобразный, как бы сейчас сказали, художественный «баттл».

В своей общественной позиции К. приближается к таким критикам как Майкл Хардт и Антонио Негри, описавшими постимпериалистический миропорядок, а так же к Ги Дебора, у которого западное общество прославляет поверхностное начало бытия – удовлетворение ищется в потреблении, сами же люди играют только социальные роли.

Сатирическая сила Кантора, как и сила сатириков Древнего Рима, – продолжает Хёсле, – коренится в строжайшей моральной концепции Вселенной. Кантор не циник, он моралист, и он горд тем, что остаётся моралистом в наше не слишком придерживающееся нравственных ориентиров время: «Моё присутствие неудобно, сам чувствую, что мешаю. Возникает

неприличный в свободном обществе морализаторский тон: что же это получается, ты картины пишешь, а остальные? Уж не хочешь ли ты показать, что у нас не романы, а повести? Вышло так, ничего не поделать. Притвориться маленьким у меня не получается. Когда написаны тысячи картин и тысячи страниц, трудно прикинуться, что ты пришёл поиграть в буриме» (М.К., – из *фейсбука*).

Будучи изначально «*pictor doctus*» – учёным художником – многие творческие сюжеты К. черпает в художественных или научных изысканиях. В смысле литературной русской традиции М.К. принадлежит, конечно же, к линии Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Маяковского, Булгакова, не избежав блоковского символизма, и далее – к Венедикту Ерофееву и Владимиру Высоцкому.

Литература Кантора изобилует интертекстуальными аллюзиями, картины – интеризобразительными ссылками: тут и детализация Арчимбольдо (XVI в.), и брейгелевский Вавилон; загадки-сюр Рене Магритта; наследие Ван Гога в виде ботинок художника в «Автопортрете меж двух стульев»; римская и американская империи связаны древними символами смерти: от Персефоны к Иоанну Предтече; цитата из Модильяни: женщина за тюремной решёткой; сам автор в образе св. Луки... – широта охвата даёт эффект бальзаковской «Человеческой комедии». Все символы неизбежно наводят на мысль о неизбежности высшего Суда...

Мир Кантора абсолютно индифферентен к различиям ранга, в нём перемешана информация самого разного значения и из самых разных источников, «приманок для взгляда»: продукты современных технологий; спецназ в масках; «крутые» из религии

и политики; секс на ходу, вуайеризм в страдании; утрата символов святости – образы русской иконописи, в платонической традиции, сочетаются с лубочными; век насилия, начавшийся с покушения на Александра I; пьяная глупость эмигрантской ностальгии; новые миропорядки 1945 – 91-х гг. Не говоря о «фишках» чисто профессиональных – как, например, сочетание чёрной «западной» глубокой печати офорта с красной плоскостной «русской» высокой печатью, встречающейся на деревянных гравюрах XVII века, как осмысление статуса России: Восток или Запад? («Пустырь». 2001.)

«Кантор внёс столь значительный вклад в истолкование политики и морали современного мира, что, безусловно, имеет право время от времени изображать самого себя и объяснять собственное искусство... – оно не отражает и не воспроизводит реальность, но, скорее, преобразует её. Возможно, подчёркивая наиболее уродливые черты, но именно таким образом оно указывает нам на основные истины» (В. Хёсле).

«Я – зритель»

Кантор изображает своих персонажей с участием и любовью, подчёркивая их человечность. Видно, что для него это не просто образы – кажется, ему известны имена и отчества людей, которые могли бы рассказать истории своих жизней. Художник решил взять на себя задачу стать отражением их горя, одиночества, незащитности и воевать за них именно так, как сам Кантор написал в первой главе своего романа «Учебник рисования», как будто кисть – это шпага, при помощи которой он сражается, – чувственно делится с нами мыслями Кристина Барбано, итальянский переводчик, предприниматель, галерист, путешественник, и главное – преданный зритель с 25-летним стажем, который «внимательно наблюдает за работой Максима Кантора и старается осуществить свою зрительскую часть работы столь же добросовестно, как он – свою».

Основной элемент произведений Кантора – это люди, их лица и их тела, и, естественно, их душа. У него множество портретов: отца и матери, членов семьи, портреты любимых женщин и уважаемых друзей, автопортреты, живописные и графические: это именно иконы, возникающие из эмоционального мира художника и отделяющиеся от него. Образы, без конца утверждающие принадлежность к ним самого автора, отражающие чувства, которые он к ним питает, и одновременно, в соответствии с традициями старых мастеров, традициями религиозного искусства, олицетворяющие человеческие и гражданские

ценности: праведность, доброту, смелость, верность, умение безоговорочно любить и поддерживать.

В произведениях Кантора отличить черты праведности от черт безнравственности очень легко, как в традиции русского лубка или в дидактическом театре Бертольда Брехта, продолжает рассказ Кристина. Потребность Кантора изображать людей и человеческую сущность настолько сильна, что, даже когда он пишет животных или деревья, они для него – не что иное, как те же люди, живущие рядом.

Одинокое дерево

Сам Кантор никогда бы не мог эмигрировать в общепринятом смысле, то есть сменить родину; он жил в разных странах и городах, но был, есть и останется русским художником, писателем и мыслителем. И всю жизнь у него душа, и даже плоть, будут болеть по России, несмотря на то, что многие его коллеги, работающие в русле современных модных течений, вообще считают его чужим, чуждым, настолько он выпадает за принятые и привычные рамки: и, «что бы ни думали и ни говорили о себе представители массы «подлинных художников», созданные им произведения из русского изобразительного искусства уже не вычеркнешь. Такие его картины, как, например, «Зал ожидания», «Утренний визит», «Колонна», «Зона», «Драка», «Вороны на помойке», «Одинокая толпа», «Государство», «Восстание

пигмеев», «Больница» и многие другие я бы причислил к шедеврам не только русского, но и мирового искусства» (А. Зиновьев).

Русский сфинкс

В семидесятые годы трудно было предположить, что в этом мягком и сдержанном живописце очень скоро произойдёт какой-то невероятный взрыв, начнётся буйство форм и красок, какое в истории живописи случается не так уж часто, повествует выдающийся советский российский философ, писатель Александр Александрович Зиновьев (1922 – 2006), – Максим, как художник, прежде всего реалист, но он реалист особого рода: он реалист русский. Объект его изобразительного творчества – современная русская реальность, а это – беспрецедентная историческая трагедия. Безысходность, обречённость. Потому реализм Максима – реализм отчаяния.

Образ самого художника – интеллеktуал-одиночка, похожий на гордое одинокое дерево, сохраняющий, несмотря ни на что, личное достоинство, не поддающийся ни на какие компромиссы, не предающийся никаким иллюзиям: «Он не борется, ибо бороться в принципе уже бессмысленно» (Зиновьев).

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь чёрной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!

Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжёт, и губит!

(Блок)

Красная башня

Государство

К. Барбано пишет:

«Красный цвет присутствует у Кантора во множестве различных оттенков... Многие факторы обуславливают изобилие красного: это и большое число домов из красного кирпича в Москве, и то, что в Советском Союзе красный цвет присутствовал буквально везде, и даже то, что красный – цвет крови, любви и ненависти. <...> Так, дом, в котором больше тридцати лет располагается мастерская Кантора, как раз из красного кирпича. А в старых картинах, в основном благодаря красному цвету, у зрителя возникает ощущение уюта и тепла. В его красные дома

хочется заходить, садиться пить чай, закусывая его «Коровкой», и до глубокой ночи болтать о жизни»...

...И я бы без конца мог продолжать «болтать за жизнь» писателя-художника, философа Максима Карловича Кантора – материала бесконечно много! – если бы не крайнее моё уважение к вашему драгоценному времени, дорогой читатель, поэтому закончу повествование, открыв незабвенные «Красные виноградники» Ван Гога (вот откуда ноги растут!): тревожный красно-бордовый цвет, перетекающий в бесконечность – символ неутомимого труда, нескончаемого строительства, символ вневременной и философской близости людей к миру Природы, Космоса и к неизбежности будущих Перемен, таких нужных сегодня нам в нашем собственном государстве, в не зависимости от «штабной сволочи – кураторов, обозной публики – спекулянтов, тыловых крыс – «знатоков», мародёров, дезертиров и вредителей, словно в распустившейся расхлябанной французской армии на Березине», – если выразаться армейским языком из последних канторовских высказываний на фейсбуке.

Саша Гусов (Лондон). «Кантор».

До свидания. И до встречи на выставках! Храни Господь Россию.

Лариса Миллер

«СТИХИ ГУСЬКОМ»

Книга IX: июнь 2012 г. – июль 2012 г.

31 июля 2012 г.

е думайте, что я сдалась.
Я не сдалась. Я протестую.
В штыки встречаю мысль простую,
Что тварью смертной родилась,
Что испариться должен след,
Истечь обязан срок храненья,
Что здесь в обычае гоненья
На особой преклонных лет.
Природе в пику буду жить,
Писать то краткий, то пространный
Стишок, что грамотой охранной
Я верю будет мне служить.
2012

На чём стою сама не знаю,
На чём-то зыблемом стою.
Под вешним солнцем тихо таю,
Верней не тАю, а таЮ
Всё то, что больно душу ранит...
Сверкает талая вода,
И горизонт далёкий манит:
“Сюда, болезные, сюда”.
Уж сколько раз мы их слышали –
Те ласковые голоса,
Уж сколько раз манили дали,
Томили душу небеса.
И не кончается морока,

И под ногами тает лёд,
И только то и видит око,
Чего наш бедный зуб неймёт.

2005

30 июля 2012 г.

**20 лет назад, 30 июля 1992 года, ушел из жизни
Юрий Карабчиевский**

ЗАПОЗДАЛЫЙ ЗВОНОК

«Новая газета», 27.07.2012

Юра, тебя очень не хватает сегодня. Как, впрочем, и вчера. Не хватает твоей честности, горячности, неравнодушия. Не хватает тебя, потому что сегодня огромный дефицит людей с низким болевым порогом, людей, способных боль других чувствовать так же остро, как свою собственную. Ты был болен и Сумгаитом, и Карабахом и Спитаком. Ты был ранен смертью А.Д. Сахарова. Это всё были события твоей личной жизни.

Ты впустил в себя так много чужой боли, что у тебя в те июльские дни двадцать лет назад, видимо, не хватило сил на свою собственную. И никого из друзей не оказалось рядом, чтобы подставить плечо. Никого не было в Москве: жара, лето. Вернувшись в Москву после отпуска, мы обнаружили в своём почтовом ящике множество твоих записок с одним словом: «Позвоните». Тебя уже не было в живых. Я тебе столько раз мысленно звонила с той поры. Мне столько надо было сказать тебе.

Окликаю тебя и сегодня, чтобы ещё раз повторить, что ты нужен. Нужен друзьям, читателям. Тем, кто любил тебя, и тем, кто мог бы полюбить. Ты нужен, потому что ты из немногочисленной ныне когорты писателей, не столько озабоченных самовыражением и формальными поисками, сколько тем, чтоб пробиться к душе читателя. И тебе это удавалось. Но, к сожалению, хоть тебя и щедро печатали в последние годы твоей жизни, твой полуавтобиографический роман «Жизнь Александра Зильбера» и сборник повестей «Госка по дому», и блестяще остроумная проза «Всё ломается», и «Незабвенный Мишуня», и тем более стихи, - всё ушло в тень, когда вышла наделававшая много шума книга «Воскресение Маяковского».

При всём своём блеске, эта книга – беспощадная, жестокая и во многом несправедливая. Так нельзя писать о поэте, о чём мы (я и Боря) тебе сказали сразу, прочитав по твоей просьбе рукопись. Печаль в том, что ты согласился с нами гораздо позже,

незадолго до смерти. «Мне всё меньше нравятся те, кому нравится «мой Маяковский»», – как-то признался ты. А своей последней весной сказал: «Маяковский тянет меня за собой». «Твой Маяковский» действительно сыграл с тобой злую штуку, намертво привязав тебя к себе. Ведь если кто и помнит тебя сегодня, то чаще всего за «Воскресение Маяковского». Разве ты этого хотел? Но что поделаешь? Твои недостатки суть продолжение твоих достоинств. В твоей излишне категоричной и жёсткой оценке Маяковского «виноваты» всё те же твои прекрасные свойства: неравнодушие, горячность и, в конечном счёте, любовь.

«Потому что любил», – назвала я свою рецензию на переизданную не столь давно книгу «Воскресение Маяковского». Помнишь, когда ты приходил к нам за очередным томиком Маяковского (ты как раз тогда задумал свою книгу), я тебя шутя спросила: «Ты что, телегу на Маяковского строчишь?», ты засмеялся: «Как догадалась?» и рассказал мне, как бредил им всю свою юность.

Да, тебя часто «заносило». Но «заносит» многих. А вот признать свою ошибку, изменить мнение могут единицы. У тебя есть это драгоценное свойство, потому что ты живой. Ты сам в одном из своих интервью сказал: «Человек – явление динамическое, в статике его просто нет. Он должен непрерывно осуществляться, как бы продолжать своё существование». Ты непростительно рано поставил окончательную точку, устав осуществляться. Но я то и дело окликаю тебя, желая узнать твоё мнение о том, об этом. И пусть мы с тобой не совпадём. Куда важнее то, что тебе всё интересно и что ты живой. А ведь жить ещё не значит быть живым. Это не даровое свойство. Оно присуще далеко не всем. Для меня и, наверное, многих других ты и сегодня, через двадцать лет после гибели, жив. Ты говорил, что жить надо там, где после твоего ухода останется луночка, как бывает, когда вырвут зуб.

Луночка осталась, Юра. И не только луночка. Остались твои книги. Хотя где они? Станут ли сегодня переиздавать что-нибудь, кроме скандального «Маяковского»? А мне бы так хотелось, чтоб прочитали твою «Госку по Армении», твоего печально-весёлого «Незабвенного Мишуню», твой блестящий очерк о Мандельштаме, с которого началось моё заочное знакомство с тобой. Помнишь, я тебе рассказывала, что прочла его в 76-м году в одном тамиздатском журнале и решила, что автор живёт за рубежом, а потом выяснилось, что мы живём рядом в Тёплом Стане и разделяет нас только пустырь? На мой взгляд, всё,

что ты написал, абсолютно современно и сейчас. Но посчитают ли так издатели?

А судьба всё бежит за тобой по следу, «как сумасшедший с бритвою в руке». Через год после твоего самоубийства покончила с собой твоя Света. А совсем недавно скоропостижно скончался твой старший сын Аркан. Это был тот редкий случай, когда я благословила судьбу, что тебя нет на свете. Я помню, как ты однажды сказал: «Не дай Бог пережить своих детей». Впрочем, что мы знаем о постбытийном существовании. А вдруг вы все там встретились. Вдруг они просто хотели поскорее попасть к тебе.

Где-то на земле живёт твой младший сын Дима. Надеюсь, он по-прежнему пишет картины, которые ты так ценил. Помню, как ты шёл с Димкой мимо наших окон, и у каждого из вас была огромная поклажа — картины, которые вы везли на суд какого-то очередного мэтра. Наверное, если я наберу сегодня твой номер 3381729, ответит совершенно чужой голос. Лучше я поговорю с тобой вот так, с помощью этого письма. Как всё-таки важно, чтоб оставались на земле такие люди, как ты. Чтоб можно было крикнуть: «Есть кто живой?», и знать, что кто-нибудь ответит.

Я прожил жизнь, не хуже, чем пытался.
Все выжал из нее и все в ней выжил.
И кончился. И просьба не винить.
И нет меня. Но остаются дети.
Ночь на исходе, утром на работу.
Привычную напялив оболочку,
Я вновь прикинусь теплым и живым.
Мой внешний вид вне всяких подозрений
Ни зеркала, ни взгляды сослуживцев.
Но есть глаза, есть два таких зрачка, —
В которые вошла без искажений
Моя потусторонняя тоска...
Юрий Карабчиевский

Памяти Юры Карабчиевского

Кипень вся июльская, весь жасмин —
На помин души твоей, на помин,
На помин души того, кто устал,
И ушел, отчаявшись, и не стал
Срока ждать предельного. Ах, июль,
Что в тебе смертельного? Горсть пилюль

Да тоска бездонная всех ночей,
Да бессилье полное всех речей.
Лариса Миллер

29 июля 2012 г.

Совпало всё: и ритм сердечный,
И скорость жизни быстротечной,
И трепет страждущей души,
Как будто той же каплей млечной
Вскормили всех. Как хороши,
О Боже, эти совпадения!
Со всех сторон Твои владения –
И с солнечной, и с теневой,
Где так совпали сон и бденье,
Как крылья с летней синевой.
2012

Несовпадение, несоответствие.
О, как обширны земные владения,
О, как немислима здесь благодать.
Как ненавязчиво Божье радение,
Сколько причин безутешно рыдать.
Жаждешь общения – время немотное.
Жаждешь полёта – погода нелётная.
Жаждешь ответа – глухая стена,
Воды стоячие, ряска болотная,
Да равнодушная чья-то спина.
Что ж остаётся? Смириться да маяться,
Поздно прозреть, с опозданием раскаться...
Вечный зазор меж тогда и теперь...
Кто-то к снесённому дому кидается,
Ищет в отчаянии старую дверь.
1989

28 июля 2012 г.

Но, если не можешь никак изменить
Вещей существующих ход и порядок,
И, коль не по нраву тяжёлый осадок
С которым обычно приходится жить,
Смени отношение, ракурс и взгляд,
И точку отсчета, и вехи, и цели,

И, может, глаза, что от слез заболели,
Назавтра от пятен цветных заболят.
2012

26 июля 2012 г.

А жизнь - будь она хоть плохая, хоть средняя,
Хоть райская даже – есть капля последняя.
Отдай эту каплю – и всё. Пустота.
Покуда не отдал – любые цвета,
Весь спектр, ещё до конца не воспетый,
Содержится в капле единственной этой.
2012

А с небес, что чисты, как вначале,
Опустился мой ангел печали.
Он меня целый день опекает
И во все мои нужды вникает.

Озабочен моими делами,
Он меня обнимает крылами,
Терпеливо меня утешает
И слова со слезами мешает.
2004

22 июля 2012 г.

Не любите стихов мажорных?
Ну, значит, вы не умирали,
Вам дней не выпадало чёрных,
Вас в оборот давно не брали.

Не любите весёлых песен?
Ну значит жизнь к своим причудам
Не приучила вас. А весел
Бывает тот, кто спасся чудом.
2012

21 июля 2012 г.

Как беззащитна белая страница!
Ни уклониться, ни посторониться,

Когда летит армада лишних слов,
Стремясь лишить её безгрешных снов,
Незамутнённых грёз и ожиданья
Желанного волшебного свиданья
С тем редким словом, что поможет ей
Стать ещё чище и ещё белей.
2012

Пиши поверх чужих письмён,
Чужих имён, чужого пыла,
Пиши поверх всего, что было,
За время смены всех времён.
Поверх чужих черновиков,
Беловиков, чужого текста –
Иного не осталось места
По истечении веков.
За годом год, за слоем слой...
Поверхность новую тревожа,
Пиши, сомняшесь ничтоже,
Свой дерзкий стих, бессмертный свой.
1999

20 июля 2012 г.

Ах, навести бы скорей хоть какой-нибудь глянец
В мире, где, что ни мгновение, то новобранец,
То пополнение, свежий приплод, новичок,
Тот, у которого нежный такой родничок.

Как же нам быть? Мы к приёму гостей не готовы.
Здесь и для ушлых условия слишком суровы,
И у двужильных душа временами болит...
А новичок уже смотрит, смеётся, гулит.
2012

18 июля 2012 г.

Мой любимый, хоть мы с тобой малоимущие,
Но пустой наш карман – это мелочи сущие.
Да и как же карманам пустыми не быть,
Если мы ничего не умеем добыть,

Кроме необъяснимого, тайного, лишнего,
Что находим порой по наводке Всевышнего.
2012

Посидим с тобой немного на поваленной берёзе.
Он нам дан – покой душевный, но в ничтожно малой дозе.
Но спасибо и на этом. Но спасибо и на этом.
Поражает лес осенний золотисто-алым цветом.
Сколько можно поражаться? Всё давно уж не в новинку.
Лист слетевший, покружившись, осторожно лёг на спинку.
Поглядим же друг на друга ты да я, да лист опавший.
На поваленной берёзе отдохнём душой уставшей.
2005

17 июля 2012 г.

Не умолкая, птичка пела
В тени, где я в жару спасалась.
И песня мне не надоела,
Хоть нескончаемой казалась.

Спасибо серенькой малышке.
Она мне песенкой, что льётся,
Внушила: «Пой без передышки.
Создатель после разберётся».
2012

15 июля 2012 г.

Висим на ниточке, но если
Поёт бессмертный Элвис Пресли,
Коль «Love me tender» он поёт,
Никто на свете не умрёт.

Коль, набирая обороты,
Поёт он, с самой верхней ноты
В басы стремительно скользя,
Всё можно. Умереть нельзя.
2012

13 июля 2012 г.

Ну подстелите мне соломки,
И я прекрасно здесь устроюсь –
На кромке лета и на кромке
Земли. В стихи свои заруюсь,
В стихи прозрачные, которых
Ещё пока не сочинила,
Но белых дней готов уж ворох
И неба синие чернила.
2012

12 июля 2012 г.

Посвящаю пострадавшим от наводнения в Крымске

Земля – это гиблое место.
Не надо ни оста, ни веста.
Спасайся, кто может, беги,
Покинув земные круги.
Но как с них сойти добровольно?
А жить и опасно и больно,
И новый вращается круг
Для новых терзаний и мук.

Жизнь не сдержала обещанья.
Что ни мгновение – прощанье
На дни, на годы, на века,
И от слезы влажна щека.
Разлука, проводы, потери,
Захлопнулись тугие двери,
Свечу задуло сквозняком,
И всхлип, и вздох, и в горле ком.

11 июля 2012 г.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПИСЬМА ВАН-ГОГА

1.

«Всегда искать и никогда полностью не находить»

(из письма брату Тео)

Всегда искать и никогда не находить.

Вокруг да около без усталости бродить.

Вокруг да около – излюбленный маршрут.

О чувство дивное, что чаемое – тут,

А может, там. Я от волнения трепещу,
Хоть до сих пор не понимаю, что ищу.

2.

Художник мучается с цветом,
С июльским солнечным букетом,
Где блик один – другим тесним.
О, как он мучается с ним,
С букетом, чтоб его соцветье
Сияло и спустя столетье.

3.

Потратиться на кофе и тартинку
Иль постараться завершить картинку,
Потратившись на сурик, лазурит.
Художник ведь деньгами не сорит.
Он весь в долгах. Уже сюртук заложен
И в лавке долг, и вечности он должен.

4.

Как хорошо родиться в марте,
Чтобы в июле умереть,
А в промежутке так гореть,
Как луч, когда весна на старте,
Как живописец пред холстом
Пустым, поэтому любимым,
Готовым стать неопалимым,
Неувядаемым кустом.
2012

07 июля 2012 г.

А радость подёрнута дымкой печали.
Неужто вы чистую радость встречали
Без примеси горечи или тоски?
Ведь если мы живы, то к смерти близки.
И знает немислимый дар об утрате.
И знает заря о грядущем закате.
2012

04 июля 2012 г.

«Выеду в пятницу», – было написано в ней –

В той телеграмме, которую я прочитала
Вслух, по складам, без подсказки, сама, как мечтала.
Я с той поры ничего не читала важней.

Всё было чудом в том мамином тексте простом,
В маминой весточке с юга на бланке казённом,
В той, что читала я, взглядом скользя изумлённым,
Самостоятельно в канушем сорок шестом.
2012

03 июля 2012 г.

И всё здесь, как в плохом кино, –
Всё чересчур, сверх всякой меры:
И будни безнадежно серы,
И шутят слишком солоно,
И разговор здесь слишком крут,
И слишком кулаки пудовы,
И слишком головы бедовы,
И слишком часто люди мрут.
2012

Made in Russia, in Russia, в России одной
Обходиться умеют без речи родной,
С матерком продираясь в тумане,
И, пускаясь в загул, не стоять за ценой,
Даже если негусто в кармане.

Made in Russia, in Russia, взгляните на швы,
Как они непрочны и небрежны, увы,
Да к тому же и нитки гнилые...
Ни приткнуться и ни приклонить головы –
Времена здесь всегда нежилые.

Наш родной уют – навека, навека.
Хоть дрожит у хмельного умельца рука,
Когда тянет он жижу из склянки,
Он ещё молодец и при деле пока,
И не рухнул ещё со стремянки.
1999

2 июля 2012 г.

*«...да ми-бемоль-минор ещё такая унылая тональность,
что деваться некуда, жизнь не мила, а этого нельзя»,*

Рудольф Баршай – в фильме Олега Дормана «Нота».

*Посвящается фильму
Олега Дормана «Нота»*

Но жизнь нам будет точно не мила,
Коль всё оставить в ми-бемоль-миноре,
И будет нам и будет с нами горе,
И не пойдут у нас на лад дела,
Пока не подберём волшебный ключ,
Чтобы в тональность ту переключиться,
В которой жизнь земная не влачится,
А светится, скользя, как горный луч.
2012

30 июня 2012 г.

Умирать бы, как в опере, медленно, с пением,
Чтобы ближние все обладали терпением
И внимали бы и подпевали порой.
Умирать бы, как в опере главный герой,
Тот, который совсем уходить не торопится.
Ведь за жизнь столько разного в сердце накопится,
Что немислимо занавес враз опустить
И без сладостной арии дух испустить.
2012

28 июня 2012 г.

А Шуберт – музыка и есть.
Он сам и есть экспромт природы,
Те бьющие из почвы воды,
Те родники, каких не счесть,
Среди которых тот родник,
К которому сам Бог приник.
2012

А где же мелос? Мелос где?
Где Шуберт - тот, что на воде?
Где Моцарт - тот, что в птичьем гаме?
Какая приключилась с нами,
Вернее, с мелосом, беда?
Быть может, утекла вода,
Та, что пригодна для форели?
Стал суше лес и глуше трели?

Или в созвучии “земля”
Совсем запала нота “ля”,
Запала и звучит так глухо,
Что не улавливает ухо?
А, может, больше нет небес
Божественных, поскольку бес
Попутал всю планету нашу
И заварил такую кашу,
Что тошно нам и небесам,
И верхним нотам и басам.
1998

25 июня 2012 г.

А родом я из той страны,
Где, хоть и хорошо поётся,
Зато не слишком удаётся
Смотреть на всё со стороны.
Из той, где каждый вовлечён
И втянут в страшную воронку,
Когда ни отойти в сторонку,
Ни крикнуть: «Я тут ни при чём».
2012

В этой области скорби и плача,
Где эмблемою — череп и кол,
Мы привыкли, что наша задача
Наименьшее выбрать из зол.

Мы усвоили: только лишь крестный,
Крестный путь и достоин и свят,
В канцелярии нашей небесной
Канцелярские крысы сидят.

Ты спроси их: «Нельзя ли без муки?
Надоело, что вечно тоска».
Отмахнутся они от докуки,
Станут пальцем крутить у виска.
1993

20 июня 2012 г.

Посвящается фильму «Летят журавли».
Да не вернётся он с фронта, - себе говорю, - не вернётся.
Он ведь упал навсегда в белоснежную бездну колодца –

Ту, что разверзлась однажды среди белых летящих берёз.
Ты ведь смотрела на это сама, задыхаясь от слёз
И представляя отца, как он, в маму безумно влюблённый,
В бездну вот так же летит и летит молодой, удивлённый.
2012

19 июня 2012 г.

Ну что, мой милый, надыхался?
Со светом белым наыхался?
Готов отчалить насовсем?
Что-что? Не всех коснулся тем?
Не всё успел, что было в списке?
Что-что? Не выучил английский?
2012

18 июня 2012 г.

С белым светом говорю,
С белым –
Вот таким я занята
Делом.
Я толкую с ним зимой,
Летом,
И других у меня дел
Нету.

Говорю о том, что томит,
Мучит-
Тишине внимать он меня
Учит.
Кабы знать, что он меня
Слышит...
Птичий крестик на снегу
Пишет.
2004

Михаил Приходько и Галина Пухова. Песня:
<http://www.larisamiller.ru/pesni9.html>

16 июня 2012 г.

А если в памяти порывься,
То там отыщется корытце,
Спиральный погнутый камин.

И то и это – на помин
Бабулиной души. Бабуля,
Установив камин на стуле,
Корыто ставила на стол.
Ребёнка, что и худ и гол,
В корыто нежно опускала
И на него водой плескала.
А тот ребёнок тощий – я.
Да и бабуля та – моя.
И было это в том подвале,
В котором мы с ней обитали
В войну, в тылу, в сорок втором.
Так тянет описать пером
Тот банный день, камин горящий
И мыльный тот пузырь парящий,
(А мыло – редкий дар судьбы
Для нас – военной голытьбы)
И как ловлю пузырь тот мыльный
Ладочки стороною тыльной.
2012

14 июня 2012 г.

Одно смеётся над другим:
И над мгновеньем дорогим,
Далёким, точно дно колодца,
Мгновенье новое смеётся.
Смеётся небо над землёй,
Закат смеётся над зарёй,
Заря над тлением хохочет
И воскресение пророчит;
Над чистотой смеётся грех,
Над невезением успех,
Смеётся факт, не веря бредням...
Кто будет хохотать последним?
1981

10 июня 2012 г.

Но что-то есть ещё за этим летом,
За этим щедрым и слепящим светом,
За этим цветом яблоневым, за
Всем тем, что попадётся на глаза,
За белой ночью и за жизнью краткой,

Куда я скоро загляну украдкой.
2012

08 июня 2012 г.

Умри я вчера, мне пришлось бы лишиться
Дождя, что всё утро в траве копошится,
Июньского ветра, что треплет кусты,
Кукушки, которую за три версты
Слышать, дождевых облаков вереницы,
Ещё не исписанной белой страницы.
2012

05 июня 2012 г.

Если будешь слушать птицу,
Не умрешь ты долго-долго,
Разве что решишь однажды
Умереть из чувства долга,
От сознания, что надо
Уступить другому место.
... А зарянка в гуще сада
Распеваает в темпе presto.
Облака на небосводе
Проплывают в темпе lento,
И для мыслей об уходе
Нет удобного момента.
2012

04 июня 2012 г.

Толе Розенцвейгу.

Памяти Люси

Разве трудно позволить нам БЫТЬ?
Почему непременно так надо
Нас куда-то задёшево сбыть?
Ведь любой из нас – чья-то отрада.
Значит, нужен ВОТ ТАК, позарез
Он кому-то. Не после, не где-то –
Прямо здесь и сейчас. Ни небес
Без него. Ни тепла и ни света.
3 июня 2012 г.

03 июня 2012 г.

Всё будет хорошо, как вы хотели,
И будет дух здоров в здоровом теле,
И прилетите вы куда летели,
И будет время медленно ползти.

Да, но когда? Когда? Уже ведь поздно,
И где-то погромыхивает грозно,
Кого-то кто-то умоляет слёзно
Понять, простить. «Прости, – твердит, – прости».

Всё будет хорошо, как вам мечталось,
Совсем немного потерпеть осталось.
Усталость? Да, конечно же, усталость.
Она пройдёт, она пройти должна.

Когда? Когда? Ни щёлки, ни просвета,
Прошла зима, уже проходит лето,
И грозно погромыхивает где-то...
Всё так, всё так. Зато заря нежна.
2001

Александр Дулов. Песня:

http://www.larisamiller.ru/pesni_dulov.html

01 июня 2012 г.

Ну что с ним поделаешь, с бедным поэтом?
Мытарится, страждет, и всё же при этом
Не хочет расстаться с пожаром души,
С пылающим сердцем. «Постой, не туши», -
Он просит. Едва подойдёт утешитель,
Кричит: «Убери ты свой огнетушитель!».
2012

Илья Шахов

Сочинения

Подборка, публикация и комментарии Бориса Розина

Одна жизнь

з неизданного энциклопедического справочника: ШАХОВ Илья Михайлович (1925-1986), советский композитор, автор многих театральных, концертных, эстрадных и вокальных произведений; как поэт - сатирик известен (к сожалению и надеемся – временно!) лишь узкому кругу друзей.

Он скончался в Москве в октябре 1986. Было ему всего 61. Но жизнь была прожита радостно, потому что был он человек светлый, радостный и добрый. И замечательно остроумный, поражавший людей, намного более, чем сам он, стойких к суровым обстоятельствам, умением защищаться от жестокой реальности и от её безжалостных ударов своей всегдашней способностью через иронию и шутку отринуть любую неприятность. А уж их-то выпало на его долю предостаточно.

Родившийся в апреле 25-го, талантливый еврейский мальчишка - скрипач, ученик Центральной музыкальной школы при Московской консерватории, осенью жестокого 41-го года пошел добровольцем оборонять столицу в составе того «ополчения» из неподготовленных и почти безоружных интеллигентов и престарелых служащих - рабочих, которых истинный виновник войны отправлял на смерть под немецкие танки, бомбы и пули. Погиб бы и 16-тилетний Илюша, как практически все полторы сотни тысяч патриотов - ополченцев, если бы не командир роты, двадцатилетний лейтенантик, понимавший, что на следующее ледяное октябрьское утро при новой германской атаке всем его неопытным воякам суждено неминуемо умереть. Он - то и отправил «музыкантика» ночью в

штаб с каким-то поручением. А перед самым рассветом немцы и пошли в атаку как раз на этом участке фронта.

Проблуждав несколько суток, Илья обнаружил, что оказался в окружении: молниеносное наступление немцев оставило его в их глубоком тылу, где он и бродил пеший немало дней, то и дело встречая разъезжавших по дорогам немецких солдат, кричавших ему с подвоод: «юде, юде» , - проявляя поразительную способность, свойственную и сегодняшним юдофобам, с первого взгляда, издали и сходу распознавать евреев. Вконец простуженный, с обмороженными ногами, оказался он в простой крестьянской семье, где его выхаживали до весны 1942-го. Кстати, семейство тоже, но уже доброжелательно, спрашивало его: «Илюха, а в деревне-то говорят, что ты - жидок?!»

Когда же пришли «наши» советские войска, очутился Шахов в проверочном дисциплинарном батальоне, что были созданы по повелению «гениального диктатора всех народов», а затем - на торфоразработках. После войны прекрасно работал в оркестрах, ансамблях, театрах, жил полнокровно и духовно богато, радовал и смешил окружающих, а заодно спасал брата, инженера автозавода, арестованного в послевоенную чистку и загнанного в гулаг, куда, делаясь последним, отправлял Илья еду и вещи.

Начал аранжировать чужие ноты, а главное - писать свои, проявляя в каждой оригинальный талант природного сочинителя музыки - весёлой, жизнерадостной, ироничной, подчас с сатирическим подтекстом, а то и с сарказмом, как говорится, с подковыркой: такую, услышав хоть раз, ни с какой другой не спутаешь, ни с чьей. От небольших эстрадных пьес перешел к театральным спектаклям, потом к опереттам и мюзиклам и, как ни мешали ему чиновники от культуры в министерствах, с блеском осуществил на сцене практически всё им написанное для музыкальных, драматических, детских и кукольных театров, прежде всего – для Сергея Образцова.

Сочинил превосходный концерт для трубы-соло с оркестром, был любим изрядным количеством людей за человечность, культуру, обаяние, легкий ум, доброту, безупречный вкус в музыке, в литературе и в политике. А в последнем бывал до безумия смел, почище многих диссидентов, дабы проявил еще один, на сей раз уж совсем редкий талант незаурядного поэта-сатирика.

Начал-то он стихотворчество, как обычно водится, с лирики, но исключительное остроумие взяло верх, и с начала 70-х годов пошли у него чуть ли не одни политические сатиры, которые он безоглядно храбро читал в Союзе композиторов, в

Доме работников искусств, в клубе литераторов, в дружеских компаниях, во всех театрах, где ему доводилось осуществлять свои спектакли, в оркестрах во время репетиционных перерывов и после репетиций.

Середина 70-х годов: соавторы драматург Борис Александров Розин и композитор Илья Шахов.

Агенты работали повсюду и исправно доносили в ГБ о крамольных виршах; офицеры тайной полиции, которые тогда (а, может, и теперь) сурово «курировали» все советские организации, в том числе и театры, сами частенько присутствовали при Илюшиной читке, хохотали до слез и всякий раз дружно хлопали автору, но от ареста и иных осложнений спасало его то, что не пытался Шахов напечатать эти произведения ни в Союзе, ни в «сам», ни в «там» - издате. То есть, как очевидно заключило надзиравшее за композиторами гэбэшное начальство, «конкретных порочащих шагов и действий не предпринимал». А до гласности, увы, не дожил.

Складывается впечатление, что поговорка „Нет пророка в своем отечестве“ существует лишь в России. Нет, конечно, к „этим чудакам“ не очень-то прислушиваются и в других краях, но в нашем бывшем на них и вовсе не обращают внимания. А зря. Они оказываются стопроцентно правы. Вот что в далеком 70-ом году с двадцатипяти- и тридцатилетним опережением и точностью писал про все свершившиеся на наших глазах события девяностых и последующих годов Илья Шахов:

И снова придут Робин Гуды,
И снова угробим груды,
И снова пойдем за правду,
На этот раз скажут - взаправду...

То-то начнется умора:
Дядину виллу у моря
Отнимем для детского сада,
А дядю - пинком по заду.
Отменим все спецбуфеты,
Спецдачи и спецпакеты.
Кончится это б...ство:
Свобода! Равенство! Братство!
И тут-то придут Бонапарты,
Стасуют заново карты
И, спрятав тузы под скатёрки,
Сдадут нам одни... шестёрки.
То-то начнется умора:
Белую виллу у моря
Отнимут у детского сада
И снова дадут кому надо.
Снова начнется спецб...ство,
Спецравенство и спецбратство,
А также и спецсвобода
Для разных «врагов народа».
Вот тут-то придут Робин Гуды,
И снова угробим груды,
И снова пойдем за правду,
На этот раз скажут - взаправду...

Даже при исчезнувшем событийном фоне эти строки до сих пор - взрывчатый материал, опасный не только для полуисчезнувшего коммунистического режима, но и для повсеместно угнездившихся тайных и явных национал - шовинистов, лжепатриотов и малограмотных функционеров, способных за каждой строкой увидеть «оскорбление народа, национальной гордости, унижение достоинства» и т. д. и т. п. Взгляните, к примеру, «На смерть поэта», написанное в марте 1981 к столетию убийства Александра II народовольцами - террористами Перовской, Гриневицким и «мазилью» Рысаковым - оно имеет прямое отношение еще и к кончине Вл. Высоцкого, и к убийству диссидента Богатырева (оба - стихотворцы), а еще и к покушению на Брежнева, к изгнанию из страны Синявского и Солженицына, к высылке академика Сахарова...

Опять ничего нет в России нового,
Повторения видимо не надоели,
Убивают поэтов всё так же здорово,
Только теперь уж не на дуэли.

Убивают поэтов. Всё так же. Здорово.
Только теперь уж не по-дворянски:
Разбивают поэтам в подъездах головы
Без церемоний, по-пролетарски.
Значит, не будет и дальше нового -
В платочек сморкнётся Соня Перовская,
Встав на углу кольца Садового, -
Знак, что едет машина цековская.

Едет с пленума по озимым
С цифрой победной - сколько посеяно,
А может, со встречи с братом любимым,
То ли Хасаном, то ли Хусейном.

Едет с милицией, едет с помпою...
Тут и шарахнут: сначала «Мазила»,
Потом Гриневицкий своею бомбою
Себя подорвёт и дверцы ЗИЛ'а.
А дальше будет еще хренövее:
Накроют Россию свинцовые тучи,
И только одно будет вечно новое -
Жидов попрिжмут на всякий случай.
Эх, мне бы сбросить сто с лишним годочков,
Я в Петербург бы махнул на денёчек,
Сонюшке я, губернаторской дочке,
Не дал бы условно сморкнуться в платочек.
Я бы не дал её синие глазки
Петлëй погасить ради цели бредовой.
А вот Александр в карете царской
Сюда повернул, а не по Садовой.
Едет с конвоем, но, в общем, без помпы
Да и мечтает не об озимых.
Мы с ней обошлись бы теперь без бомбы,
Поскольку не так уж всё невыносимо.
Пошли бы домой с Гриневицким и Соней
И с Рысаковым - несчастным мазилой,
Спокойно промчались бы царские кони
И заодно пролетарские ЗИЛ'ы.
Резюме: Жертв не надо, живите проще,
Ну её на... Сенатскую площадь!

Я пишу это накануне семидесятилетия осенних боев за Москву в 1941-м. Мне необычайно повезло не только близко знать Шахова, но и сочинить с ним пару музыкальных комедий, шедших

на советских сценах. Очень хочу надеяться, что стихи прекрасного музыканта, поэта и защитника Москвы станут достоянием читающей и думающей публики, навсегда неразрывно связанной с русской культурой, в которой столь сильны и неоспоримы традиции поэтической и политической сатиры. А этот жанр, следуя вековому предназначению, даже в новом столетии, начавшемся с великой крови (и это после зверски кровавого тиранического XX века!), бесстрашно обличает всё, что превращает и любую государственную власть, и отдельного индивидуума во всеобщее посмешище.

Илья ШАХОВ, СОЧИНЕНИЯ
Подборка, публикация и комментарии
Бориса РОЗИНА

БР: Пояснения к следующему стихотворению - МАРШУ. Захватив после Второй мировой войны всю Восточную Европу, СССР оружием жестоко подавлял любые протесты местного населения: 1953 год - в Берлине, тогда столице ГДР - Германской Демократической Республики, 1956 - в венгерском Будапеште, 1968 - в чешской Праге, 1979 - в афганском Кабуле, в африканской Анголе...

ШАХОВ откликнулся на всё это боевой песней под названием

МАРШ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ДРУЖБЫ

Вперёд, солдатики, без страха
И боевую славу мы найдём.
Война - она конечно же не сахар,
Но друг в беде - и мы идём.
Не войте, жёны, так печально,
Мы засиделись с вами по домам,
У нас должок интернациональный,
И вот приказ пришёл славянам - храбрецам:
Вперёд, солдатики, на венгров -
Там боевую славу мы найдём,
Ведь Будапешт давно пора наверно
Прочистить танковым огнём.
Недолго венгры гоношились
И разбежались тихо по углам,
Потом они немного подлечились,
И вот приказ пришёл мадьярам - храбрецам:
Вперёд, солдатики, на Прагу,
Там боевую славу мы найдём,

По старой Праге лихо левой - правой
Пройдёмся как бы впятером.
Недолго чехи шебуршились
И разбежались тихо по домам,
Потом они немного подкрепились,
И вот приказ чехословакам - храбрецам:
Вперёд, солдатики, в Анголу -
Там боевую славу мы найдём,
Втроём по чёрной жопе да по голой
Мы из «катюши» саданём.
Недолго негры копошились
И разбежались тихо по лесам,
Потом они немного подлечились,
И тут команда черножопым храбрецам:
Вперёд, солдатики, в Россию -
Там боевую славу мы найдём.
На днях китайцы негров пригласили
Сходить туда вдесятером.
Вернулась песенка по кругу -
Точь в точь как вождь великий указал:
Мы все, мы все товарищи друг другу,
Мы все - Интернационал!

(БР: «Катюша» - так называлась боевая ракетная установка; с китайцами дважды в 60-х - 70-ых годах происходили крупные приграничные бои; великими вождями считались Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин.)

КАК ЕВРЕИ В РОССИЮ ПРИШЛИ

(Внеисторическая справка)

История - дело тёмное,
Вранья накопилось не в меру:
Плетут летописцы, учёные,
А мы принимаем на веру.
Пишут: кто живо, кто сухо,
Где белят, я где измажут,
По фактам или по слухам,
А чаще - как сверху прикажут.
Вот так и в нашей теме -
над нею многие трудятся,
С вопросом этим всё время
В метро пристают и на улицах:
«Когда и зачем евреями
Себя наградила Россия?» -
Вопрос вполне своевременный.

Ответим, раз уж спросили.
Чему-то придётся поверить,
Чему-то и удивиться,
А если хотите проверить -
Спросите у очевидцев.
Век был тогда шестнадцатый,
Век был довольно противный,
В Европе режим был, признаться,
Ужасно непрогрессивный.
Князья и попы озверели.
Погромы. Реакция. Хамство.
И тут побежали евреи
К границам Московского царства.
Картавой толпой на рассвете
Пейсатые сбились мужчины,
Крикливые жёны и дети,
С талмудом бесценным раввины.
Один, что прямее носом
И русский знал поприличней,
С большим иностранным проносом
Страже сказал пограничной:
«Простите акцент жидовский,
Царя разбудить не рано,
Чтоб нам на Руси Московской
Жить разрешил постоянно?»
Век был тогда шестнадцатый,
Век был довольно противный,
Но царь был, надо признаться,
Хоть грозный, а прогрессивный.
Денёк, правда, был неудачный:
К хмельному не слишком стойкий,
Четвёртый Иван встал мрачный
После вчерашней попойки.
Выжрав рассола банку,
Поднял глаза осовелые:
«Что-то на Русь спозаранку
Припёрлася нация целая?!
Хотят, вишь, ко мне в Рассею?
Пусть сполнят волюшку царскую -
Сменят закон Моисея
На веру мою христианскую.
И пусть чернявые бесы
На тряпки порвут свои талэс

И срежут дурацкие пейсы -
Иначе на кой они сдались!»
В отчаяньи взвыли равнины,
Их жёны от горя усохли,
Всю ширь среднерусской равнины
Пронзили еврейские вопли:
«На что нас, Иване, толкаешь?
Христос! Моисей! В чём тут разница?
Что, у Христа не такая ж
В пупырьках жидовская задница?
С другой стороны, он опять же
По нашим еврейским законам
Обрезан и, может быть, даже
Чуть больше, чем нравится жёнам».
Иван как пристукнет посохом:
«Не трожьте Христа, иудеи!
По морю ходил, аки по суху,
Пока не распяли злодеи!» -
«Зато и не видим нахэс
(Счастья, мол), - хнычут евреи, -
Зря его вздёрнули на крест -
Надо б крестом по шее!
Ты-то таких на дыбе
Пытаешь до полной сласти,
На нашем месте и ты бы
Не дал пошатнуться власти.
Бекицэр. О трон хоть убейся,
Не станем рвать свои талэс,
Кромсать наши мудрые пейсы,
Что нам от предков достались!» -
Спор обещал быть длинным.
Царь, без того не кроткий,
Плюнув, сердитым клином
Наставил вперёд бородку:
«Вот что. Хотите в Рассею?
Сполните волюшку царскую:
Смените закон Моисея
На веру мою христианскую.
Разница или не разница -
Посля с попами обсудите,
А нонче Христовой заднице -
Велю! - и молиться будете!» -
«Зачем говоришь аф цалухэс

(Назло, мол)? - вопят иудеи. –
Дело конечно не в тухэс
(Не в жопе, мол), а в идее.
Имей же к нам а рахмунэс
(Жалость, мол), - плачут раввины. –
Честно, мол, аф бенимунэс,
Погибнет народ невинный!» -
«Так мать вашу в Бога, в Рассею! -
Терпение лопнуло царское. –
Добром же прошу: Мо-и-се-я
На веру сменить христианскую!
А то как пуцу некрещёных,
Потом позову Малюту,
Докажем, что все вы шпиёны,
И кстати, отнимем валюту.» -
«О, вэйзмир! - вскричали евреи. -
Для этого нужен Малюта?
Пусти и оставь в нашей вере -
И будет тебе валюта!
А нет - так не надо грозиться,
Сиди спокойно на троне,
А мы на твоих границах
Умрём, но в своём законе...» -
Иван стал тих и рассеян,
Щупает крестик нательный:
Пусть - не пустить в Рассею
Этот народец идейный?
Судьба обошлась с ними круто,
А веру крепко держат!
Ну и конечно валюту -
За это их, видно, и режут.
У нас на Руси не тесно,
Пробиться бы только к морю!
К тому же, зело интересно,
Как наших попов переспорют.
А выгнать всегда не поздно -
Это, небось, не татаре.
«Пустим!» - решил Грозный.
«Лехаим!» - сказали бояре.
Русским царям историки
Разных злодейств пришили:
Садисты, мол, все, параноики,
Вроде Сосо Джугашвили.

А вот вам Четвёртый Иванушко
(Хоть кровушки попил достаточно)
Терпел же евреев рядышком -
Значит, был в меру припадочный.
Сына-то он за дело
В висок посошком шарахнул,
Поскольку его задело
Что тот про жидов что-то вякнул. -
«Твои, - говорит, - любимчики
Гнут-то куда, не видишь?!
Жрут наши русские блинчики,
А матерятся на идиш?!»
Тут царь его - тюк по головке
(В горячке казус вышел),
А Репин отцу в Третьяковке
Слезинку из глаза выжал.
Потом уж конечно причину
Замяли в легендах и песах,
А толком взгляни на картину -
Там царь уже в маленьких пейзах.
Век был тогда шестнадцатый,
Век был довольно противный,
Но царь был, надо признаться,
Хоть грозный, а прогрессивный!

(БР: Сосо Джугашвили - первое имя уменьшительное от «Иосиф», фамилия - истинная, по паспорту Сталина.)

ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАРОЙ СКАЗКИ

БР: 1977 год, во всех советских газетах существовала особая рубрика «Горячо обсуждаем проект новой Конституции»; Илья Михайлович тоже принял участие:

Жили-были старик со старухой,
Старик Иван со старухой Рухл.
Бывают и в сказках такие семейки:
Русский дед женат на еврейке.
Бабка к тому же была некрещёная -
Рухл - имя Рахиль сокращённое.
Стало быть, жили старик со старухой,
Старик Иван со старухой Рухл,
Жили не в Англии, жили не в Турции,
Жили под солнцем одной Конституции.
Старик ловил себе неводом что-то,
Старуха тоже пряла чегой-то.

На жизненный уровень им хватало,
 Только деду того было мало -
 Как ему ни пилося и ни елось,
 А всё время чего-то хотелось.
 И в одночасье он своей сахарной
 Так говорит: «Послушай, Исаковна!
 Ноне рыбачить нет настроеньица,
 Килька - она никуда не денется,
 Схожу-ка я за поллитрой в Подлипки!» -
 Сам же поперся к знакомой рыбке,
 К той, непростой, что была фигурой
 Среди поддонной номенклатуры.
 Старик её навещал не часто -
 К чему беспокоить большое начальство?..
 О том, что меж ними случилось ранее,
 Пушкин уже накопал вместе с нянею -
 То не история, а предистория,
 Вроде бы к сказке другой предисловие.
 Стало быть, дед, заглянув в Подлипки,
 Чуть под хмельком отправился к рыбке.
 Вот с бережка о себе докладает,
 Рыбка к нему из волны выплывает,
 Вся в золотом блестит снаряжении -
 Известное дело - на спецснабжении.
 Ну, тары-бары: «Чего тебе, старче?
 Небось, захотелось машины и дачи?
 А может, приелось старухино тесто?
 Подкинуть в баньку французского секса?» -
 «Да нет, ничего мне не надо такого,
 Хочу попытать лишь свободу слова,
 Поскольку в нашей главной брошюре
 Это право моё в ажуре».
 Рыбка деду: «Да брось ты, старче!
 Лучше бери двухэтажную дачу!» -
 «Нет, - старик талдычит ей снова, -
 Хочу попытать, мол, свободу слова,
 Поскольку в самой главной брошюре
 Это право в полнейшем ажуре». -
 Плюнула рыбка солёной водою:
 «Ну, если в ажуре - так х... с тобою!» -
 Море, услышав такое дело,
 Всё взбеленилось и закипело,
 Небо враз помрачнело, намокло,

Только старик не понял намёка,
Вскинул свою бородёнку нахально
И забубнил так, что слышно глобально:
«Я не читал енти красные томики
И не силён в политэкономике,
Но замечаю дела несуразные,
Мысли лезут в голову разные.
Это конечно, что верно, то верно -
Жили мы раньше до ужаста скверно,
Бил меня в зубы царский поручик,
А рыбка ловилася вроде бы лучше»... -
Тут налетела нечистая сила,
Деда с собою пройти попросила:
«Ты, - говорят ему, - спятил, дед,
От психа и мелешь народу во вред».
Старик петушится: «В главной брошюре
Это право моё в ажуре.
Согласно ейной статьи и толкую!» -
«А мы тебе, дед, подберём другую:
Пошлём на спецкурсы, тебя там спецгномики
Поднатаскают в политэкономике».
Старуха ждёт зиму, старуха ждёт лето -
А старика всё нету и нету.
Делать нечего: к синему морю
Идёт просить подсобить её горю.
«Смилуйся, государыня - рыбка,
Надись мой ушёл за поллитрой в Подлипки
И до сих пор ни слуху, ни духу,
А без Ивана нет жизни у Рухл».
«Да, было дело, - рыбка сказала, -
Я его тут кой-куда посылала.
Ладно, иди себе с Богом, бабуся, -
Иван твой на лавке сидит, уж вернулся». -
Старуха - домой. И точно: на лавке
Старик улыбается в полном порядке,
А рядом с корытом, что было разбито,
Зрит иноземное бабка корыто.
Ох, не иначе как рыбки чудачества -
Старое было со знаком качества,
Стирать дюже часто в нём приходилось,
На знаке как раз-то и прохудилось!
Прошло еще тридцать лет и три года.
Только в семье-то не без урода:

Старик наш опять навострился в Подлипки,
 Ну, а оттуда - естественно - к рыбке.
 «Давненько, давненько. Чего тебе, старче?
 Неужто пришёл за обещанной дачей?
 А может, того - из Подлипок Таньку
 Подкинуть тебе ненароком в баньку?» -
 «Да нет, ничего мне не надо такого.
 Хочу попытать лишь свободу слова.
 Поскольку в новой главной брошюре
 Это право моё в ажуре». -
 Рыбка с досады едва не плачет,
 К даче даёт две машины впридачу,
 Должность сулит и спецснабжение:
 Не надо таблицы знать умножения,
 Целыми днями точить будешь ляды
 И колбасою питаться из мяса.
 Старик не берёт ничего такого,
 Долдонит своё про свободу слова,
 Пальцем слюнявым в новой брошюре
 Тычет статью, а статья в ажуре.
 Плюнула рыбка водою солёною,
 Смотрит на деда с тоскою зелёною:
 Ну и говнюк же ты, старче, однако!»
 Тут дед и брякнул: «Пошла ты на х..!»
 Море, услышав такое дело,
 Всё забурило и закипело,
 Небо враз почернело, намокло,
 Только старик не понял намёка,
 Вскинул свою бородёнку нахально
 И запустил так, что слышно глобально:
 «Мы - вашу мать! - совершили ошибку
 В органы верхние выдвинув рыбку.
 В ней проявился бо-пар-натизм
 И ентот, как его... сволонтаризм.
 Такие в верхних органах лишние!
 От них побережь бы и органы нижние.
 Наше с большим подъёмом собрание
 Требуется рыбкино переизбрание.
 Взамен выдвигаем мою старуху,
 Любимую всеми Исаковну Рухл.
 А рыбку, была чтоб народу полезною,
 На челюсть пустить старухи протезную.
 Еще подойдёт ли эта особа -

У ней неизвестно какая проба!» -
Тут налетела нечистая сила,
Деда с собою пройти попросила,
Да называют его не дед,
А словом ненашенским «диссидент»,
Ну, а по-нашенски «дисидент»
Значит - «иди сиди десять лет».
Старик ершится: «В новой брошюре
Все права мои в полном ажуре!» -
«Учтём, - говорят, - и брошюру, а кстати и
То, на какой женат ты нации».
Старуха ждёт зиму, старуха ждёт лето,
А старика всё нету и нету.
Делать нечего: к морю синему
Идёт поклониться начальству сильному.
«Смилуйся, государыня - рыбка,
Мой-то как завернёт в Подлипки,
Так уж потом ни слуху, ни духу,
А без Ивана нет жизни у Рухл». -
«Не ведаю, - рыбка ей сухо сказала, -
На этот раз я его не посылала.
А если впрямую хочешь, открыто:
Таким вот засранцам дарить корыто?!» -
«Да ладно, в корыте много корысти ли?
Ты моего подведи под амнистию». –
«Статья не подходит», - кобенится рыбка. –
«А ты по здоровью, здоровьем он хлипкий». –
«Ну ладно, иди себе с Богом, бабуся,
Иван твой у лавки торчит, уж вернулся». –
Старуха в Подлипки. Точно: у лавки
Старик уж набравшись и в полном порядке.
С этой поры дед и стал мужчиною,
Как-то от рыбки вернулся с машиною,
Смотрит: дача стоит двухэтажная,
Набита вещичками комната каждая,
На полках одни только красные томики,
Чтоб не напутать в политэкономике.
Тут-то к нему рыбаков всякой нации
Едут заморские делегации,
Едут из Англии, едут из Турции:
Как, мол, с уловом и как с Конституцией?
Рухл, прижавшись к любимому Ване,
В русском встречает гостей сарафане,

Дед же при полной свободе слова
Всё завышает цифры улова.
В общем, ведёт себя без дурачества.
Тут же корыто со знаком качества,
Покрашено так, что не видно дырки,
А иноземное держат для стирки.

БР: Новым поколениям читателей не всё понятно в этой сказке. Поясню:

Конституций было в СССР две: Сталинская 1936-го года и Брежневская 1977-го, они издавались миллионными тиражами в виде брошюр, которые назывались «главными»;

Подлипки - большой подмосковный посёлок;

Номенклатура - так назывались высокие начальники;

Спецснабжение - для этих начальников существовали особые магазины, закрытые для простых граждан, где власть имущие за гроши покупали продукты и вещи;

Красные томики - в таком виде издавались произведения классиков марксизма - ленинизма;

Спецкурсы, спецгномики, нечистая сила - тюрьмы и концентрационные лагеря, сотрудники государственной безопасности, тайной полиции, которую шепотом называли «нечистой (дьявольской) силой»;

Знак качества - для улучшения очень некачественной советской продукции государство обманывало и свой народ, и весь мир, цепляя на вещи именно такую нашлапку;

Бо-пар-натизм - искажённое просторечием политическое понятие «бонапартизм», восходящее к Наполеону Бонапарту и означающее воинственность, агрессию и возвеличивание одного деятеля;

Сволонтаризм - также искажённое «волюнтаризм» (от латинского «воля»), обвинение, выдвинутое Хрущёву свергнувшими его заговорщиками (октябрь 1964), означает сумасбродную политику, исходящую из крайне субъективной воли одного человека и его произвольных решений;

Диссидент – несогласный с режимом человек, жестоко преследовавшийся советскими властями;

«На какой женат ты нации» - карьера женившегося на еврейке русского мужчины могла серьёзно пострадать от этого шага, крайне неодобряемого коммунистическими правителями - почти поголовными антисемитами.

КАК СОВЕТСКИЙ НАРОД ПРЕСЁК ПРОИСКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕАКЦИИ

(Для этой сатиры требуются предварительные пояснения. В СССР приезжали туристами иностранцы и привозили разоблачающие советский строй материалы, которые раздавали прохожим, в них, в частности, отмечались повальные нехватки всего: и продуктов, и белья, и даже туалетной бумаги; Хельсинский дух - подписанное европейскими странами соглашение о правах человека; НТС - Народно-трудовой Союз, объединявший русских эмигрантов; Лубянка - квартал, где до сих пор стоят здания тайной полиции, КГБ - госбезопасность, которая, угрожая многолетним приговором, заставляла арестованных иноземцев публично каяться; ЦРУ – американское Центральное разведывательное управление «СИА». – БР.)

Я вот намедни присел в туалете
И как всегда потянуло к газете -
Там и прочёл про француза Тира,
Ну, а потом кое-что вытирал.
Влип же французик, бедный ты мой,
Сел в КГБ, а хотелось домой.
И говорит нам в таком он роде:
«Я, - говорит, - привык к свободе,
Ждёт меня дома Жанетта - невеста,
Я же в тюрьме, ль' амура вместо.
Вы, - говорит, - все прекрасно одеты,
И диссиденты не досидеты,
То есть, вообще и в помине их нету,
Только б дорваться скорей до mine...
Пардон, до Жанетты».
«Действовал я, - говорит, - в интересах
Гнусных подонков из НТС'а -
Тех, что когда-то служили царю
И от царя перешли в ЦРУ.
Лишь для идеи, а не за подачку,
Взял я с собою листовочек пачку:
В них недостатки ваши отмечены,
Что ветчины нет в Калуге замечено,
Что, мол, советская власть не вечная,
Ну, и другая там антисоветчина.
Встал я на Пушкинской возле метро,
Ваших людей не постигнув нутро.
Значит, стою и без всякой рисовки
Лживые всем предлагаю листовки.

Только смотрю - их никто не берёт,
 Мимо бежит ваш советский народ.
 Дамы ворчат из-под вороха сумок:
 «Вот привязался ещё, недоумок!
 Как бы с твоим этим Хельсинским духом
 Очередь не проворонить за луком». -
 Кто-то спросил, не заметив промашки:
 «Где ты достал туалетной бумажки?» -
 А две девчонки, совсем как Жанетта,
 Так же во всё во французском одеты,
 Сморщили кисло курносые личики:
 «Лучше, месье, привезли бы лифчики!» -
 Трое приятелей возле шатались,
 Всё прислонялись и всё извинялись.
 Их завернули в метро у лесенки -
 Духом от них несло не Хельсинки.
 «Мы, камарад, «ля һијні» не читаем,
 Мы про себя всё сами знаем.
 То, что не знаем - соврёт твоё радио»...
 И оказался какой-то «ля bliadjу» я.
 В общем, стою в положеньи дурачком.
 Тут и пришли эти двое в штатском.
 Должен сказать, что потом, между прочим,
 Каждый из них оказался рабочим.
 «Хватит, - сказали, - пороть «ля mudjankу»,
 Топаем к нам на завод, на Лубянку».
 Там меня вкусно и сытно кормили,
 Вовсе не били, совсем не хамили,
 И беспокоился добрый конвой
 Как и когда попаду я домой.
 Всё оценив, я в письме и по телеку
 Русских хвалил, обосрал Америку
 И рассказал с симпатичной улыбкой,
 Как моя жизнь обернулась ошибкой,
 Как я на этой неверной тропе
 Встретил и как полюбил КГБ,
 Как мне Лубянка, куда я попал,
 Стала роднее, чем Пляс де Пигаль.
 Вновь подтвердил, что вы лучше одеты -
 Только б добраться, пардон, до Жанетты.
 Сразу меня перестали мурыжить,
 И через сутки я в милом Париже.
 Память о вас навсегда сохраняю.

Больше не буду пороть «ля һіҗніи».

ИРОНИЧЕСКОЕ ПИСЬМО ЕВГЕНИЮ ЕВТУШЕНКО

Евтушенко, дорогой,
Мы с тобой Мессии:
Крест мой, как и твой -
Улучшать Россию.
Я за рифму не боюсь,
В ней поднаторею -
Разрешили б только Русь
Улучшать еврею.
Ох, сумеем мы зажать
Разных прохиндеев,
Чтоб не смели исказить
Марксовы идеи;
Намекнём на КГБ
Как-то мимоходом,
Помянём ВКП'б
И войну с народом;
Иванова вознесём -
Не чета он прочим,
И Шмулевича при сём,
Только покороче.
На грузина с латышом
Отведём полстрочки
И армян сюда пришьём,
Любим их - и точка!
Стали все народы в круг,
Мы с тобой в ударе,
Не припёрлись только б вдруг
Крымские татары.

А уж нас на части рвут
В гости президенты!
Умоляют интервью
Дать корреспонденты!
Пригласил высокий босс.
С ним коктейли пили.
Нам под мухой вдруг вопрос:
«Как живут в Сибири?
Там, - канючит бизнесмен, -
Лагеря с тайгою»...
Врёшь! У нас давно взамен
БАМ и всё такое.

Грит: «Людей особый сорт
Колот в психбольницах»...
Ложь! Опять же чушь несёт
Ваша граница.
Пусть приедет, поглядит,
По стране побродит.
Психи есть. Хоть пруд пруди.
Ходят на свободе.
А насчёт колоты, так с тем
Разберёмся сразу.
Колот. Точно. Только чем?
Кокарбоксилазой.
Бизнесмен, не клеветчи
На мою сторонку,
На мои родные щи
И мою Бурёнку.
И берёзоньку не тронь,
Чуждый идеолог,
На себя взяла огонь -
Вишь, торчит осколок.
Ты ж тушонку, сволочь, жрал
И спасал душонку.
Нам конечно тоже слал,
Мать твою в мошонку.
Только мы тебе сполна
Заплатили кровью.
Если мало, хочешь - на! -
Вот те слёзы вдовьи.
Что болтать зазря с таким -
Раздавил бы гада!
Но вообще-то, Женя, с ним
Ссориться не надо.
Может, снова нам идти -
Эх, заплачут жёнки!
Трудно, мать его ети,
Будет без тушонки.
Он-то, сука, снова даст,
Если что случится,
Знает, сука, что у нас
Есть чем расплатиться.
Нам - расейским - нипочём
Все расчёты эти:
Хочешь - золотца качнём,

Хочешь - можем нефти.
Необъятные края
Русь расколбасила:
Всё в ней есть - и ни х...я! -
В этом наша сила!
То вот хлеба не хватат,
То вот одежонки,
То вот задолжал Садат,
Мать его в печёнку!
Оснащали им полки
Танками и кроме...
А они - как мы: долги
Возвращают кровью.
А она-то нам на кой?
Нам своей хватает.
Дать по жопе им ногой -
Да престиж мешает.
Евтушенко, дорогой,
Мы с тобой Мессии:
Мой крест, как и твой -
Улучшать Россию.
Только б худо нам самим
Не было за это.
Может, лучше заклеим
Клику Пиночета?
Может, лучше мы решим
Сверзить Яна Смита,
Чем клевать родной режим
И антисемита?
Своего зачем травить
Дядю с носом сизым?
А не проще придавить
Гнусный сионизм?
И вообще - пора кончать
Всю затею эту.
Что Россию улучшать?
Лучше её нету!

БР: Для понимания этой замечательной пародии новым поколениям читателей требуются пояснения.

КГБ - тайная полиция, на счету которой миллионы жизней советских и иностранных, ни в чём не повинных граждан;

ВКП(б) – так всероссийская коммунистическая партия большевиков, единственная правившая страной, называлась до 1952 г.;

Война с народом - в период ленинско-сталинского правления (1917 – 1953 гг.), раскулачивания, голодомора, «Большого террора» и нескольких войн было уничтожено, по подсчётам демографов, более 55-ти миллионов советских граждан;

Крымские татары - один из народов, депортированных Сталиным в Сибирь и в Центральную Азию, они до сих пор требуют предоставления земли в родных крымских местах и возмещения потерь;

Пить коктейли - Евтушенко многократно описывал, как его приглашали в гости видные зарубежные деятели, угощали и ублажали;

Сибирские лагеря - в этом жестоком по природным условиям огромном крае находилось множество концентрационных лагерей, тюрем и ссыльных мест, куда свозились миллионы заключенных - рабов социалистического строя;

БАМ - Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, одна из колоссальных строек, затеянных коммунистами-большевиками;

Психбольница - туда сотнями отправляли диссидентов, то есть всех, кто был несогласен с советским режимом и критиковал власти;

Кокарбоксилаза - медицинский препарат, которым пытались лечить повальную русскую болезнь - алкоголизм;

Осколок в берёзе - образное выражение, напоминающее о том, что во время войны даже деревья принимали на себя удары бомб и снарядов;

Тушонка - консервированная свинина в жестяных банках, которую выдавали войскам как питание; её присылали в СССР Соединённые Штаты Америки, как и многое другое: самолёты, грузовые машины, джипы-вездеходы, оружие и амуницию - всего на 10 миллиардов (!!!) долларов, заоблачную по тем временам сумму, которую Сталин затем подло отказался выплатить, а российская пропаганда до сих пор почти не вспоминает об этой его мерзости;

Садат – президент Египта, который СССР практически бесплатно вооружал до зубов, как и многие другие государства, во имя противостояния Западу и будущего завоевания всего мира;

Пиночет - чилийский диктатор, свергнувший
просоветского президента Альенде и спасший страну от
коммунистического ада;

Ян Смит - глава бывшей Родезии, одной из африканских
колоний, ныне Зимбабве, ранее процветавшей, теперь
обнищавшей и раздираемой гражданской войной.

СТРАНЕ И ПОТОМКАМ ЛОГИКА ИСТОРИИ

Должен сказать, что истории логика
С логикой нашей не дружит совсем,
И не для нашего слабого лобика
Смысл её бессистемных систем.
Вот, вдохновлён коммунизма химерами,
В Азию сделан победный бросок,
А обернулся красными кхмерами,
И, угрожая, алеет Восток.
В чём же тут смысл? И где же тут логика?
Просто выходит белиберда:
Чтоб победил коммунизм, то вроде как
Надо покончить с ним навсегда.
Может, ещё раз подумать, товарищи?
Может, ещё раз съездить в Крым?
Лучше сейчас, а то вспыхнет пожарище,
Влипнем в историю и - погорим.

(БР: «Алеет Восток» – песня коммунистического Китая, согласно которой коммунисты и захватили многие азиатские страны; «Съездим в Крым» - в 1945 году в Крыму состоялась встреча трёх руководителей трёх стран, воевавших против Германии: Сталина, Рузвельта и Черчилля; на ней было постыдным образом договорено о послевоенном разделе Европы.)

ЗАВЕЩАНИЕ

Поскольку цивилизации нашей
Почитайте, что уже нету,
Я обращаюсь дальше -
К тем, кто заселит планету.
Я обращаюсь к формам
Жизни совсем незнакомым:
Может быть, к амёбам,
А, может быть, к насекомым,
Может быть, это люди
Бледно-зеленой расы....
Главное - без революций,
Давайте условимся сразу.

Не создавайте партий,
За лидеров не голосуйте,
А кто колесо прикатит,
То сразу его колесуйте.
Чтоб не было лишних вопросов,
Зачем поступать вот так-то:
Я вам при всех колёсах
Шлю фотографию танка.
Представьте: на вас он катит,
А вы кричите весело,
Кто - «За Родину!», кто - «За партию!»,
Превращаясь естественно в месиво.
И спорт, чтоб здоровье не гробить,
С наукой не чередуйте,
А кто придумает дробь,
То сразу его четвертуйте,
И без вопросов, малявочки,
Сказано - верьте, и точка!
Для ясности я вам в баночке
Атомных шлю грибочков.
Не сахар шлю со смородиной:
Лизнёшь такой грибочек
И не поймёшь, где чья родина,
Останется только дымочек.
Ещё вам скажу, малявки,
Бойтесь идей туманных,
А пуще всего, ребятки,
Светлых идей, «гуманных»:
Тут уж прольётся кровушки
(Если есть таковая),
Тут уж поплачут вдовушки
(Если жисть половая).
Не верите? Дело ваше.
Тогда не откажете в просьбе:
Моё завещание дальше
Отправьте. Тем, кто после...

© Роза Гр. ШАХОВА, Борис А. РОЗИН, Германия
*Подборка и публикация Бориса А. РОЗИНА,
Москва - Дюссельдорф, 1989 – 2011 гг.,*

Лорина Дымова

**Толковый словарь мужских и
женских имен**

Иронические стихи

АННА

огласитесь, имя Анна

Странно и весьма туманно.
Но вполне понятна Нюра –
И натура, и фактура.

АНГЕЛИНА

Имя Ангелина
Слишком уж былинно.
Трудно с Ангелиною
Завалиться в блинную.

АЛЕКСАНДР

Царственное имя – Александр.
Александр не к лицу скафандр,
Котелок, панамки и береты
И тому подобные предметы.
Лишь одно не нанесет урона
Александру – царская корона.

АЛЕКСАНДРА

Александра, Алексаша,
Саня, Шуручка и Саша –
Среди этих фигурантов
Есть до черта вариантов!
Каравай, каравай,
Кого любишь, выбирай!

АЛЕКСЕЙ

Алексей, и он же Лёха,

Часто парень-выпивоха.
Но бывают Алексеи
И спасеньем для Расеи.

АЛЬБИНА & ВАЛЕНТИНА

В душе у Али, а верней, Альбины,
Такие непроглядные глубины,
Что их постичь удастся вам едва ли.
А потому совет: идите к Вале!

Хотя и в Валентине есть загадка,
И встречи с ней порой проходят гадко:
Не все «о-кей» у этого цветочка,
Поэтому идите спать. И точка.

АНТОН

Если б мог найти Антон
В разговоре нужный тон –
Не была бы речь Антона
Чем-то вроде моветона.

ВАСИЛИЙ

Чтобы полюбить Василия,
Нужно приложить усилия.

ВЕРА – НАДЕЖДА – ЛЮБОВЬ

Если тянет вас к Надеждам –
Нужно быть предельно нежным.
Ну а если тянет к Любам –
Постарайтесь быть не грубым.
Чтоб прийтись по сердцу Верам,
Стать придется офицером –
И не пролетите мимо.
Все вполне осуществимо!

ГАЛИНА

Познакомившись с Галиной,
Сразу к ней иди с повинной –
Это девушке польстит.
Будь суров, немногословен,
Говори одно: виновен!
И она тебя простит.

ГЕННАДИЙ

Нет, не все Геннадии и Гены
Действуют на нас как аллергены!
Как-то повстречала в Ленинграде я
Очень симпатичного Геннадия.
После этой встречи и общения
Я не стала б делать обобщения.

ГЕОРГИЙ

Удивляет нас Георгий,
Заявляя после оргий,
Что устал, что не в восторге...
Или это отговорки?

ЕВГЕНИЙ

Когда назвали мальчика Евгений,
Предполагали: мальчик будет гений,
Такой ему и начертили путь.
И чтоб его не называли Женя,
Он должен жить в огромном напряженье:
Уроки, языки – не продохнуть!

Теперь умеет брать он интегралы
Чего не могут даже генералы –
Ум у него до крайности остёр.
Вся жизнь его усилья и усилья –
Не подрезать же маме с папой крылья,
Ведь он, в конце концов, не живодёр.

ЕЛЕНА

Из мифологии и из истории
Знаем мы массу примеров, которые
Нам подтверждают, что имя Елена
Высокородно, почтенно, нетленно.
Всякие: Ленка, Аленка и Лёлька –
Лишь профанация смысла и только.

ЗИНАИДА

Когда их называют Зинаида –
Так говорят нарочно и для вида.
Без украшений и без лимузина
Любая Зинаида просто Зина.

ИГНАТ

Почему-то все Игнаты

Часто ходят в деканаты,
Хоть они там не нужны.
Есть другие помещенья
Для душевного общенья,
А Игнатам хоть бы хны!

ИННА

Инны (в просторечье – Инки)
Не встречаются в глубинке.
Их изысканные лица
Можно встретить лишь в столице.
Эти губы, очи, речи...
Люди, Инн должны беречь вы!

ИГОРЬ – ЕГОР

Как ни парься, как ни прыгай,
Нету рифмы к слову Игорь –
Хоть в окошко сигани!
Чтобы справиться с позором,
Назовем его Егором.
Ты нас, Игорь, извини.

ИРАИДА

Полюбила Ираида
Синеглазого аида.
Кроме рифмы, нет резону
Ей любить сию персону.

ИРИНА

Героиню в повести старинной
Как зовут? Конечно же, Ириной.
Коль Ирина бродит по усадьбе –
Непременно речь пойдет о свадьбе.
Потому пройдохе и проньре
Скажем напрямик: забудь об Ире!

КОНДРАТИЙ

Кондратьевым братьям
Живется спокойно:
Все люди ведут себя
С ними достойно.
А кто их обидит
И кто не заплатит –
Кондратий того

Обязательно хватит.

КОЛЯ и ТОЛЯ

Как только Колька делает помарку,
Так Толька рад помарке, как подарку.
Доколе Коля будет ошибаться,
Дотоле Толя будет улыбаться.

КСЕНИЯ

Если с тобою подружится Ксения –
Это удача и даже везение!
Не упрекнет никогда тебя Ксения
Ни за зарплату, ни за облысение.

КУЗЬМА

Раньше популярным, и весьма,
Было имя русское – Кузьма.
Если где появится Кузьма,
Сразу сходят женщины с ума,
О любви мечтают, о фате.
А теперь Кузьмы пошли не те.
Или, может, женщины не те,
Не на той, что нужно, высоте.

ЛАРИСА

Ларисы, Лары или Лоры –
Вам нету равных среди флоры,
Средь птиц и даже мотыльков.
И с вашей красотой нетленной
Вам стать хоть кем,
Хоть «Мисс Вселенной»,
Ну, просто пара пустяков.

ЛИЗА

Невыносимы эти Лизы:
Капризы, выходки, сюрпризы!
Не подпускайте Лизку близко,
Иначе слишком много риска.

МАРИНА

Пока свободой горим,
А страсть манит и искушает,
Разнообразие Марин
Нас в этой жизни утешает.

НАСТЯ

Когда встречаете вы Настю,
Вам хочется сказать ей: «Здравствуйте!»
И подарить цветы и сласти,
А после на крючок поймать.
Однако же во власти Насти
Твердить: «Негодны ваши снасти»,
И, презирая ваши страсти,
Смеясь, плечами пожимать.

НАТАЛЬЯ

В Нидерландах, в Канаде, в Италии
Очень ценятся наши Наталии.
Хоть Натальи от счастья рыдают,
Все же родину не покидают,
А, покинув, стремятся обратно,
Словом, действуют не адекватно.

НИНА

Это необъяснимо,
Но, увы, нас касается:
Почему-то все Нины
Непреренно красавицы.
И такие у них,
Извините, запросы,
Что всегда проплывают
Мимо нашего носа.

ОЛЯ

Если обрыдла вам горькая доля,
И мат на футболе, и вкус алкоголя –
Влюбитесь немедленно в девушку Олю,
Но только забудьте про вольную волю.

СВЕТЛАНА

Я скажу, хоть не склонна
К возвышенным фразам:
Где Светлана – там свет
И, конечно же, разум.
Создает она всюду,
Где может, свеченье.
Остальное для Светы
Не имеет значенья.

СЕРГЕЙ

Когда встречаешь на пути Сергея –
Все чувства достигают апогея,
От них тебя ломает и корежит,
Хоть волком вой! Но это не поможет.

СОФЬЯ

Если человек не профи,
Назовет он Софью Софи
И в ответ услышит: «Фи!»
Ладно б Софья, ладно б Соня,
Но вообще такой персоне
Нужно говорить Софи.

ТАМАРА

Тамара – красивое имя, а дома
Вы можете звать ее запросто – Тома.
Но если ей крикнуть нахально и громко
В общественном месте: «Приветствую, Томка!» –
То девушка может прийти в раздражение,
И вряд ли возможно тогда продолжение.

СЕМЕН

Известно имя нам – Семен
С доисторических времен
Хоть в мире до черта имен,
А вот, поди ж! – везде Семен.
Он и на стройке, и в кафе,
Он и в плаще, и в галифе,
Вы можете хоть век брюзжать –
Семена вам не избежать!

СУСАНА & ОКСАНА

Нужно Сусанке
Вместе с Оксанкой
В детстве следить
За своею осанкой,
Чтоб через годы
Сусанна – Оксана
Вслед себе слышали
Только: «Осанна!»

ФЕЯ

Как утверждают корифеи,

Когда-то было имя Фея.
Но жизнь – не аромат ванили,
И это имя отменили.

ШАРЛОТА

Шарлоты – они шарлатанки.
А также тусовки и сходки.
У них на уме только пьянки,
Короче, неважные тетки.

ЯНА

Если б удалось извлечь из Яны
Все ее дефекты и изъяны –
То мечтали о такой бы Яне
Немцы, финны, южные славяне.
Ну а так – одни лишь россияне.

Ханох Теллер

Два рассказа на одну тему Составление и предисловие Евгений (Песах) Майбурд

аби Ханох Теллер – рассказчик (teller) буквально: он пишет рассказы. Помимо аудио и видеозаписей, свет увидели уже более двухсот пятидесяти рассказов, собранных в двадцать семь (или уже больше?) книг. И если нам говорят, что общий объем продаж этих самых книг достигает четверти миллиона экземпляров, нужно ли еще добавлять слово «бестселлеры»? Отдельные его книги переведены на другие языки (не менее пяти). О Теллере говорят, что он создал новый жанр в еврейской литературе: «Истории Души». Так оно или нет, но это всегда подлинные истории, прославляющие Божественное Провидение и воспевающие человеческое добросердечие.

Действие рассказов Теллера может происходить в любом столетии еврейской истории, а в отношении места - в Израиле, США, Европе, России, Ираке, Гонконге, Самоа... совершенно верно: везде, где живут или могут оказаться евреи. Как правило, основой рассказов служат реальные события (реже, легенды), рассказанные автору или услышанные им.

В рассказах Теллера вы найдете и трагизм, и драматизм, и комизм, и сатиру, и неповторимую авторскую интонацию – ироничную или отстраненную, иногда иронично-отстраненную, но всегда без излишнего пафоса. Среди персонажей – самые разные характеры. Общим для всех его портретов является то, что в них нет однозначности. Человек неисчерпаем. Поэтому нет просто дурных людей, а есть люди заблуждающиеся, бывает, даже упорствующие в своих заблуждениях, заставляющие других страдать и страдающие сами, но никогда не законченные злодеи. И то, что можно счесть сатирой, не бьет в глаза напрямую, но, скорее, угадывается - с таким изяществом все сделано. Читая Теллера, мы улыбаемся, смеемся, плачем, иногда все это вместе и сразу.

Секрет писательского успеха Теллера прост: его рассказы сделаны с таким совершенным искусством, которое не выпячивает себя, но безошибочно, хотя, может и бессознательно, распознается читателем. Это – творения Мастера.

Раби Ханох Теллер родился в Австрии, но вырос и получил образование в Америке. Сейчас живет в Иерусалиме - преподает в ешивах и выступает с лекциями в залах, всегда переполненных людьми самого разного возраста, положения и жизненного опыта. Пишет на английском.

На русском языке вышло две книжки Теллера: «О том, что на душе» (собрание из разных сборников автора, 1993) и «Героизм нашей души» (воспроизведение одного из авторских сборников, 2011).

Я вырос вместе с движением за освобождение советских евреев, - пишет Ханох Теллер в предисловии к изданию «О том, что на душе». – Нам, поколению, родившемуся всего лишь через десять лет после ужасов второй мировой войны, когда была уничтожена треть нашего народа, требовалось совсем немного, чтобы подняться во весь рост: никогда больше никто не сможет безнаказанно ставить под угрозу жизни евреев.

Лозунг «Никогда больше!», найденный, или, скорее, популяризированный раби Меиром Кахана, стал настоящим боевым кличем, когда началась борьба за советское еврейство... После того, как впервые прозвучали слова «Никогда больше!», мы сотни раз выходили на демонстрации протеста в защиту советского еврейства – того самого, которое Эли Визель назвал «Еврейством молчания».

Когда я путешествовал по бывшему Советскому Союзу зимой 1989 года, мне стало ясно, что я могу внести свой личный, особый вклад в дело освобождения советских евреев...

Многочисленные копии моих книг были контрабандой провезены в Россию преданными и отважными курьерами, помогавшему еврейскому подполью в СССР. Благодарение Всевышнему, эти книги стали довольно популярными. Когда я посетил Советский Союз, многие евреи высказали пожелание, чтобы мои книги были переведены на русский язык и стали доступны советскому читателю...

Я молю Всевышнего о том, чтобы эта книга оказала хотя бы самое скромное влияние на жизнь советских евреев, где бы они ни находились. Если она побудит хотя бы некоторых читателей по достоинству оценить наше вечное и бесценное наследие, я буду безмерно рад. Если чтение этих страниц

поощрит хотя бы немногих встать на путь Торы и исполнять заповеди Творца, я буду по-настоящему счастливы.

Настоящая публикация осуществляется с любезного разрешения автора. Для нее я выбрал два рассказа: «Не так уж давно, не так уж далеко» из сборника «О том, что на душе» (переводчик не указан) и “Of Course!” из сборника Too Beautiful, который я старался перевести как можно более адекватно («Ну конечно!»).

Проза Теллера обманчиво проста – словарь проблем не представляет, но переводчик обязан средствами русского языка воспроизвести неповторимую (и изменчивую) авторскую интонацию. Не знаю, насколько это удалось мне. Анонимный переводчик проделал, по-моему, прекрасную работу. Только в нескольких местах, оцифровывая текст, я позволил себе чуть-чуть его подправить. Сохранена авторская транслитерация слов из иврита и идиша (в ашкеназском произношении).

Ханох Теллер

Не так уж давно, не так уж далеко

ДЛЯ РЕБЕНКА ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ – это целая вечность. Когда ему впервые объясняют, что он еврей, и в тринадцать лет ему предстоит *бар-мицва*, ему кажется, что оставшиеся до этого важнейшего события до этого важнейшего события его жизни шесть-семь лет – это бесконечно долго. Не то его родители – для них он и родился-то как будто вчера, они помнят все подробности этого события, и в день *бар-мицвы* они просыпаются с ощущением, что эти тринадцать лет пролетели, как одна минута.

Да, в памяти родителей, особенно матери, каждая мелочь, связанная с рождением ребенка, запечатлевается навечно. Ребенок же относится ко всему этому как к сказке, если только обстоятельства его рождения не содержат в себе чего-то необычного. Сколько бы в семье ни припоминали это событие – как мама сказала отцу, что время, кажется, поджимает, как отец вызвал «скорую», и как они оба смеялись, когда впервые увидели его, потому что он был «такой красненький», и глазки у него были закрыты, и ни одного волосика на голове не было и так далее, и так далее, до бесконечности, – ребенок все равно уверен, что все это происходило не с ним, ну разве что, отдаленно ему знакомым.

ВОТ, ОДНАКО, РАССКАЗ о тринадцатилетии и рождении, который были настолько необычны, что в памяти нескольких людей, вовсе даже не родственников, все их детали по сей день сохранились ярко, живо и незабываемо. Только

необычность этого события была в данном случае не медицинская, а историческая – связанная с обстоятельствами, которые ему предшествовали и последовали.

Это рассказ о еврейском мальчике по имени Менашеле, которому его детство всегда казалось абсолютно и во всех отношениях обычным, потому что история его появления в этом мире и вступления в вечный союз его народа во Всевышним оставалась для него тайной, над которой он, впрочем, не очень ломал голову.

Но прежде всего это рассказ о святой праведнице Лее, его матери.

Лея всегда умела хранить секреты. Вот почему в день ее свадьбы отец решил поделиться с ней своим самым большим секретом.

«Лееле, - сказал он ей, - я хочу тебе кое в чем признаться. Я хочу, чтобы это оставалось в тайне до самой моей кончины, но в то же время кто-то обязательно должен об этом знать, и я знаю, Лея, что ты поймешь, почему, хотя тебе всего семнадцать лет. Много лет назад, когда я только начал писать свою книгу о Магарше, раби Шмуэле Эдельсе, великом комментаторе Талмуда, я сподобился увидеть его самого. Я увидел Магаршу во сне. Он явился мне, чтобы выразить свою благодарность. Он сказал, что мой труд поможет тысячам людей понять его комментарии. Потом он сказал, что я должен продолжать свой труд, и на прощанье поцеловал меня».

Даже после смерти отца Лея никому не открыла его секрета. Но отец не ошибся в ней – она все поняла. Она даже очень хорошо все поняла и вскоре после свадьбы продала все свои драгоценности – в сущности, все мало-мальски стоящее свое имущество, - чтобы оплатить издание его книги.

ВООБЩЕ ГОВОРЯ, в обстоятельствах рождения Менашеле (как назвала его Лея в память об отце своего мужа) не было ничего таинственного. Тем не менее, Лея была из тех, кто предпочитает молчать. Ей никогда не пришло бы в голову похвалиться, а кроме того, святым праведникам нашего народа самоотречение (*месирус нефеш*) всегда представлялось чем-то обычным. Как, впрочем, и вмешательство Всевышнего в земные дела.

Вот почему, чудесным образом воссоединившись со своим супругом, высокоученым раби Ицхаком Зеевом, и перебравшись на «родину свободных и страну бравых», она не бросилась тотчас же к какому-нибудь литературному агенту, чтобы пристроить свои воспоминания военных времен. Не искала

она и какого-нибудь бойкого сценариста, чтобы побыстрее преподнести свою невероятную историю «просвещенному» миру. Поселившись сначала в Соммервилле, Нью-Джерси, а потом в Вильямсбурге, Бруклин, она посвятила свою жизнь исполнению тайного обета, который взяла на себя в самые мрачные дни истории нашего народа. И только после ее смерти супруг нашел пожелтевший листок бумаги, датированный 12-м днем месяца Ава 5704 (1944) года, на котором ее рукой было написано на иврите следующее:

*Я нахожусь здесь вот уже три недели. Мой муж, отец, моя семья и весь народ Израиля в изгнании, я не знаю, где они, и не знаю, что с ними. Сегодня в три часа пополудни, находясь в этом лагере, я даю **недер** – клятву: если Всевышний воссоединит меня с моей семьей и моим народом, я обязуюсь вырастить своих детей верными духу еврейства и помочь им и их отцу изучать Тору Твою в течение всей их грядущей жизни.*

И она выполнила эту клятву.

Она, ее семья и ешива ее мужа обосновались поначалу в Соммервилле, откуда через год перебрались в Маунт-Киско, штат Нью-Йорк. Когда дети подросли, и пришла пора отправлять их в школу, они переехали в Вильямсбург, но ешива по-прежнему осталась в Маунт-Киско. Ее мужу, который возглавлял ешиву, приходилось выезжать туда на всю неделю, оставляя семью с воскресенья до пятницы одних. Пять из семи дней недели Лея была для своих детей отцом и матерью, служанкой и поварихой, нянькой и поверенным, психологом и воспитателем, а также образцом и моделью поведения. Но она не жаловалась. Она успевала еще преподавать Тору женщинам, посещать больных и заниматься другими видами благотворительности, а также руководить женской организацией, способствующей распространению еврейского образования. Во всем этом она не видела ничего особенного. Ведь Тора составляет основу еврейской жизни – стало быть, там, где речь идет о служении Торе, нет и не может быть предела самоотверженности.

Представьте себе, у нее еще оставалось время для праздников и веселья, и потому через тринадцать лет после появления на свет Менашеле, родившегося там, откуда многие не вернулись, она решила сделать ему *брис*. *Брис?* Обрезание? Вот именно, достопочтенные господа, - брис. Но не беспокойтесь, пожалуйста, - это был не первый брис в жизни Менашеле.

БЫВАЛИ ЛИ ВЫ когда-нибудь на *бар-мицве* в Вильямсбурге? Я имею в виду старый Вильямсбург, каким он был в течение десяти-пятнадцати коротких лет после окончания войны

в Европе. Кому, как не жителям Вильямсбурга, знать, сколько евреев не вернулось из европейского ада! И кто лучше них понимает, что значит для выживших *брис*, *бар-мицва* или свадьба!

Вильямсбургская *бар-мицва*... Конечно, обстановка и наряды могли бы кое-кому показаться довольно скромными, но еда – нет, тут уж извините! Пробовали вы когда-нибудь *гефилте фиш* в сладком или остром соусе? Но зачем выбирать? Отведайте и того, и другого! Берите побольше, не стесняйтесь! А селедочка! Ну, сколько видов селедки вы можете себе представить? Так помножьте на два и прибавьте еще пять. Представьте себе гору нарезанных квадратиками *кугелей* всех сортов, представьте себе дымящийся *чолнт*, да не в каких-нибудь там кастрюлях, а в огромных котлах, вообразите *кишке*, только длиной не в дюймы, а в мили, и *цимес*, на который ушло столько морковки, что ее хватило бы всем кроликам на восточном побережье Соединенных Штатов! А батареи бутылок с пивом, а бригады бутылочек со шнапсом, а дивизии содовой?!... И ко всему этому добавьте еще бесчисленных цыплят и телят, которые принесли величайшую жертву в своей жизни, чтобы принять участие в праздновании *бар-мицвы* тринадцатилетнего Менашеле!...

А теперь вообразите шумный, несмолкаемый разговор на идиш, преимущественно с венгерским акцентом, и ряды столов, покрытых белыми скатертями, на которых расставлена сверкающая чистотой посуда, и две комнаты, которым, скорее всего, не повредило бы прикосновение малярной кисти, в одной из которых полным-полно длиннобородых людей в черных костюмах, а в другой – женщин в платках, длинных юбках и кофточках с длинными рукавами...

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ Менашеле с легким пушком на подбородке и верхней губе, в его первых в жизни, неловко сидящих черной шляпе и черном сюртуке, растерянно восседающим во главе стола, рядом со своим отцом, главой ешивы. Представьте себе его отца, которого седина и морщины состарили больше, чем ему было бы положено по возрасту, представьте себе этого благообразного и приветливого человека, который с мягкой улыбкой выслушивает шумные *мазл-тов*, провозглашаемые собравшимися, в то время, как раздумывавшаяся его жена искоса бросает счастливые взгляды на свое ненаглядное дитя. Да и сама Лея давно уже не тот иссохший скелет, каким она была когда-то в лагере, - к ней вернулся человеческий облик, и даже щеки ее вновь порозовели сегодня.

А теперь вообразите еще одного гостя. Мужчину. Несколько более потертого вида, чем остальные, несколько более

согбенного, чем все прочие. Два пустых стула отделяют его от ближайшего соседа за столом. Его изъеденная сединой борода плохо уложена даже по вильямсбургским меркам, а поношенный *итраймл* невольно оживляет в памяти теоретическую возможность существования материи, не имеющей формы. Рукава его *капоты* заканчиваются бахромой, сверкающие своими потертостями брюки, мягко скажем, коротковаты. Он ни с кем не разговаривает и почти не притрагивается к еде. Его руки слегка подрагивают, но глаза – удивительные зеленые глаза, господа! – сверкают, как два изумруда.

Кажется, его никто здесь не знает. Но никто особенно и не озабочен его присутствием – ну зашел человек с улицы, ну? Мало, что ли еды на столах? Даже Лея, если она и заметила его, не опознала бы в нем человека, которого когда-то знала очень, очень хорошо.

НАКОНЕЦ, ТАРЕЛКИ прекратили свое бесконечное путешествие со стола на стол, звяканье ножей и вилок затихло, раби закончил свое выступление, - *драшу* – и пришла очередь молодого Менашеле произнести свой тщательно выученный высокоученый текст. Не успел он, однако, подняться и откашляться, как на другом конце стола поднялась фигура загадочного незнакомца с зелеными глазами, явно равнодушного к тому, что происходит за главным столом. Его громкое, хриплое покашливание заставило всех повернуться к нему. Самые прыткие тотчас же начали кричать «ша» в типичной вильямсбургской манере, пытаясь при помощи этого почти театрального шепота самым бесцеремонным образом согнать выступающего со сцены. Один такой гость подтолкнул в сторону незнакомца бутылку со шнапсом, другой подсунил ему блюдо с *кугелем*. Все было напрасно: изумрудные глаза неподвижно усталились на Менашеле, который от неожиданности даже растерялся, не зная, сесть ему или продолжать стоять.

Не обращая внимания на произведенное замешательство, незнакомец взял в руки бутылку содовой и начал звонко постукивать по ней чайной ложечкой, что в добрых традициях любого еврейского застолья всегда служило призывом к тишине и спокойствию. Теперь ему кричали «ша» со всех сторон, и некоторые мужчины довольно громко высказывали по его поводу различные, не очень лестные, догадки.

Его, однако, не смущали ни крики, ни бесцеремонные высказывания. Он продолжал стучать своей ложечкой так громко и настойчиво, что мог бы, наверно, поставить рекорд по звяканью на всех празднествах Нью-Йорка. Отец Менашеле мягко похлопал

сына по плечу, принуждая его сесть, и поднял руку, терпеливо призывая выслушать названного эксцентричного оратора.

В комнате наступила тишина, и незнакомец, на удивление звучным и ясным голосом произнес одно-единственное слово: «Менашеле!» Мальчик от неожиданности уставился на него широко раскрытыми глазами, и тогда голос зазвучал снова, на этот раз выше, словно выводил мелодию. Мелодию, которая так хорошо знакома всем, кто когда-либо учился в ешиве, и столь же неведома всем остальным. Мелодию, которые неверующие евреи слышат, быть может, единственный раз в году – на пасхальном *седере*, когда задаются знаменитые «Четыре вопроса». Но на этот раз пелось только одно слово: «Менашеле!» И потом, после короткой паузы, то же напевное: «Менашеле, ой, майн Менашеле!»

Только после этого гость заговорил: «*Рабонан, морай верабосай* – учителя, наставники и господа мои! Вам, наверное, кажется, что этот *кугель* великолепен! Так вот, у меня есть для вас сообщение. Когда-то я пробовал *кугель*, который был вкуснее в миллион раз! *Рабонан, морай верабосай!* Вы, наверное, думаете, что мы собрались здесь, чтобы отпраздновать *бар-мицу* Менашеле! Так у меня для вас есть еще большая новость! Мы празднуем его *брис!*»

Теперь уже возмущены гости все без исключения. Подумать только – сначала этот бродяга оскорбляет *кугель*, потом принимается за... С другой стороны, рыбка, что называется, клюнула – трудно было не вообразить, что необычный зачин незнакомца обещает нечто интересное. Незнакомец же, прекрасно понимая, что заинтригованная аудитория уже в его руках, продолжал свой напев: «История, *рабосай!* выслушайте историю, которая произошла не так уж давно и не так уж далеко...»

СТОЯЛО ЛЕТО 1944 ГОДА, и нацисты, да будут прокляты их имена и их память, уже торопились, потому что войска противника надвигались неотвратно. К этому времени, *рабосай*, половина венгерского еврейства уже превратилась в дым и пепел, но мы, конечно, не знали об этом. И все-таки, когда нас посадили в поезд и повезли неизвестно куда, мало кто думал, что вернется обратно.

Сколько праведных евреев погибло в этом поезде! – лучше не спрашивайте, *рабосай!* Да и кто мог их сосчитать! А сколько сошло с ума? Кто знает... Но когда мы прибыли на место... когда мы прибыли на место, первое, что они сделали, эти нацисты, – они выбросили трупы. Они настежь открыли двери теплушек, *рабосай*, и не успели еще наши глаза привыкнуть к яркому свету,

как мы услышали тяжелые звуки падающих на платформу тел. Платформа была покрыта свежим асфальтом, и когда потом они заставили нас оттаскивать трупы подальше от поезда, многие нельзя было оторвать, потому что они прилипли к асфальту, смилуйся над ними Всевышний...

Но что же это было за место, спросите вы? Хотите верьте, хотите нет, но это была Вена, *рабосай!* О, Вена... Но поверьте мне, *рабосай*, нас привезли туда не танцевать вальс или любоваться на голубой Дунай. Позже, когда война кончилась, мы узнали, что нацисты в считанные дни разделались с целыми поколениями венгерских евреев. Мы узнали, что все поезда с венгерскими евреями пошли напрямик в Освенцим. Все – кроме пяти. Об одном из них я не хочу вспоминать, *рабосай*, есть вещи, о которых лучше не говорить. Я хочу рассказать вам об остальных четырех...

ДА, ЧЕТЫРЕ СОСТАВА, *рабосай*, четыре транспорта, битком набитые чудесными, святыми евреями, пришли в Вену. Почему? Только Всевышний знает, *рабосай*, это все, что я могу сказать. Только Всевышнему, только Ему известна эта тайна. После войны я пытался что-нибудь разузнать. Но не думайте, что это мне удалось. Я спрашивал всех, кого только можно. Всех, кто хотел слушать. Я сходил с ума. Я должен был узнать, почему мой транспорт был отправлен в Вену – в то время как все остальные венгерские *идн* оправились в печи Освенцима. Наконец, я повстречался с каким-то профессором. Когда-то он был евреем, *рабосай*, но не подумайте, что он меня обидел... Он все еще оставался милым человеком, поймите меня правильно. Он все еще писал книги по истории, он кормился историей второй мировой войны. Но все равно – очень милый человек...

Он усадил меня и предложил чаю. Я, конечно, не пью чай, но все равно – это было с его стороны очень мило. Он спросил, можно ли включить магнитофон и соглашусь ли я рассказать кое-что о своих «военных переживаниях». Я сказал, что мой английский язык для этого недостаточно хорош. Он сказал, что я могу говорить на идиш. У него есть один милый человек из Бруклина, который ему все переведет.

Он расспрашивал меня в течение часа, а потом я задал ему свой вопрос. «Этого никто не знает, - сказал он. – Этого просто никто не знает. Еще слишком рано отвечать на такие вопросы. Понадобятся целые поколения, чтобы как следует изучить все нацистские архивы. Это тысячи, может быть, даже миллионы бумажек. Большинство из них находятся в Израиле, - сказал он. – Там и производятся основные исследования, там же находится большинство уцелевших. Но все равно – потребуются, наверно,

сотни лет, чтобы все рассортировать и проанализировать. Да и то – неизвестно, сохранились ли в архивах следы этих четырех составов. Да, я слышал об этих составах. Это очень интересный вопрос».

«Интересный вопрос...» - подумал я про себя.

- Я мог бы, пожалуй, написать об этом небольшую статью, - сказал он, словно размышляя вслух. – Определенно мог бы...

- Что значит – статью? - спросил я.

- Да нет, ничего... решительно ничего, - сказал он, снова повернувшись ко мне. – Как бы то ни было, эти ваши четыре состава – это очень интересный вопрос. Я уже о нем думал. Послушайте, господин...

- Израэль, можете называть меня Израэль...

- ...господин Израэль. Единственное, что мы можем предположить...

«Кто это «мы»?» - подумал я про себя.

- ...что на этой стадии конфликта нацистам в Вене стало не хватать рабочей силы...»

- Что такое «конфликт»?»

- Конфликт – это война. Да, вот именно – война. Так вот, на этой стадии войны бургомистр Вены мог обратиться к эсэсовцам за помощью. К этому моменту многие из привезенных ранее рабов могли погибнуть в бомбардировках; еще больше погибло от голода и болезней. А работы было много. Союзная авиация превратила город в руины. Нужно было очень много рабочих, чтобы хотя бы расчистить улицы от завалов. Сохранились документы о других подобных сделках с СС. Мэр города обязывался платить эсэсовцам за доставку и содержание рабочей силы, то есть вас. Из этих денег эсэсовцы покупали вам еду, одежду и так далее.

- Какую еду, какую одежду? – воскликнул я.

- Да-да, я понимаю, - сказал он. – Скорее всего, муниципалитет Вены перевел деньги со своего счета на счет СС. И чем экономнее организовали эсэсовцы операцию, тем больше была их прибыль. Возможно, их офицеры даже успели отчасти снять сливки с этого дела...

- Что это значит – «экономней» и «снять сливки»? – спросил я и увидел, что его большие еврейские глаза заблестели от слез. Он помолчал какое-то время. Он был очень милый человек, я же сказал. Но потом он заговорил снова:

- Они пытались сэкономить на вашей пище, - он откашлялся. – Но мы еще ничего толком не знаем...

Опять «мы».

-...Этот лагерь, куда вас поместили, Страшов, предназначался для перемещаемых с востока рабов (это он знал и без меня). Но мы знаем, что вплоть до вашего прибытия в нем не было ни одного еврея. Его обслуживали немцы и украинцы. Но вы правы, господин... э-э... простите, как вы произносите вашу фамилию?

- Израэль.

- Ах, да, конечно, Израэль! Благодарю вас. Да, вы правы насчет этих четырех поездов. Это очень странная история. Действительно, очень странная история, господин Израэль...

«Спасибо вам, профессор Держусь-Только-Фактов, - подумал я про себя. – как будто я без вас не знаю, что это очень странная история! Как будто я без тебя не знаю о голоде и побоях! Как будто я без тебя не знаю, что все, начиная с девятилетнего возраста, должны были работать тринадцать часов в день и больше! И крохотные ребятишки вынуждены были расчищать развалины после бомбежек... Как будто я без тебя не знаю, сколько праведных евреев там погибло! Ну, что сказать – конечно, могло быть хуже. Во всяком случае, австрийцы не вышвыривали нас из бомбоубежищ, когда появлялись американские бомбардировщики. И что ни говори, они тайком приносили нам еду. По сравнению с другими европейскими евреями, мы жили как в доме отдыха! Но, скажите, почему именно мы? Почему именно эти четыре поезда?»

Как бы то ни было, этот профессор был милый человек, я уже говорил, поэтому я не стал кричать на него, а просто сказал: «Благодарю вас, герр профессор, извините, что отнял у вас столько времени».

А он ответил: «Но вы даже не прикоснулись к своему стакану!»

«Не беспокойтесь, - сказал я. – Мне совсем не хотелось пить...»

ДА, ЧЕТЫРЕ ПОЕЗДА, *рабосай*, четыре поезда, и в одном из них беременная женщина, которая вот-вот собирается родить. Женщина, я сказал? Просто девочка, *мэйделе*, не более того! А где же ее муж? Она не знает. Может быть, она боится рожать? Нет, нет, она уже родила двух дочерей, еще одни роды ее не пугают. Ее пугает другое – а вдруг это будет мальчик? Как сделать *брис*? *Рабосай*, доводилось ли вам слышать, чтобы женщина, у которой уже есть две дочери, молила Всевышнего, чтобы Он послал ей еще одну? Но именно об этом она молила. Лучше дочь, чем сын без *брис-милы*! Тем не менее, на всякий случай она захватила с собой чистую пеленку, одну-единственную

чистую пеленочку, чтобы можно было сделать *брис*, если это все-таки окажется мальчик.

Одни назовут это удачей, *рабосай*. *Мазаль*, скажут они; но другие скажут, что это *Ашгоха* – Провидение Г-осподне. Какая разница! Эта женщина, ее звали Лея, получила «легкую» работу – ее определили в контору, потому что она знала много языков. Стоял месяц Тамуз, ее сроки подходили в Тишрей, и все это время она молилась, чтобы Всевышний послал ей девочку, и меняла свою жалкую еду на сигареты. Зачем тебе сигареты, Лееле, ведь ты же не куришь? Но вам, конечно, все понятно, *рабосай*, не правда ли? Вы все, конечно, знаете, что сигареты – это лагерная валюта. Когда появится ребенок, матери понадобятся вещи для него, молоко, еда. Поэтому все это время она отдавала свою еду за сигареты. Слава Б-гу, беременность была легкая. И ей не приходилось таскать тяжелые грузы. И ее не били каждый день.

Это была замечательная женщина. Она всегда помогала другим, подбадривала их и была замечательной матерью для своих девочек. Они были еще слишком маленькие, чтобы работать. Поэтому они целыми днями оставались одни. «Если прилетят самолеты, - говорила она им, - сейчас же бегите в лес. Туда не бросают бомбы». А по ночам, когда она возвращалась с работы, она пела им песенки и рассказывала им истории, чтобы укрепить их в вере. Потом одна из них заболела, избави нас Б-же. Она уже не поправилась. Но наша Лея, которую все любили и которой все хотели помочь, продолжала молиться, чтобы Всевышний послал ей еще одну дочь, и по-прежнему меняла свой рацион на сигареты.

НАШ ГОСПОДЬ, вы же знаете, иногда выкидывает штучку! Что же Он делает? Сначала Он посылает Лееле в Вену вместо Освенцима, потом дает ей легкую работу в конторе, а потом? А потом, *рабосай*, Он посылает ей мальчика!

«Что делать?» - думает она. На следующий день после родов она уже на ногах, наша Лея. И она идет поговорить с доктором Тухманом. Тухман, конечно, не *цадик*, *рабосай*, но даже в бронированном юденратском сердце остается искорка еврейской души. Порой он тоже хочет помочь своим еврейским братьям и сестрам. - Доктор Тухман, - говорит ему Лея, - достаньте мне у лагерфюрера разрешение сделать ребенку *брис*».

- Девочка, - говорит он ей. – что ты такое говоришь, подумай! Чтобы Амалек дал разрешение на *брис*?! Да они уже спрашивают, когда ты выйдешь на работу! Я боюсь даже упоминать твое имя! Спрячься где-нибудь и выкармливай своего ребенка, а я буду скрывать тебя, сколько удастся...

- Нет, доктор Тухман, - говорит Лея, еврейский ребенок должен пройти *брис* на восьмой день своей жизни, так написано в Торе! – Образованная женщина, эта Лееле.

- Но послушай, девочка...

Однако Лееле не хочет слышать его «но».

- Дорогой доктор Тухман, - продолжает она, - когда Всевышний заповедал нам делать *брис*, Он не сделал исключения для концлагеря. Даже в лагере мы обязаны выполнять Его заповеди. Если Он решит, что это невозможно, Он сделает так, что это будет невозможно. Но пока Он так не решил, я должна пытаться. Если вы не хотите говорить с лагерфюрером, так я поговорю с ним сама.

Ну, *рабосай*, кто из вас мог бы отказать такой праведнице? Даже Тухман не смог. И вот на следующий день, рано утром, он появился перед Леей весь сияющий от радости. «Девочка, подумай только, я говорил с самим Амалеком, и он сказал, что ты можешь сделать своему ребенку *брис*! Ты, наверно, дочь *цадика*, раз сподобилась такой удачи!»

Но Лея даже не улыбнулась. Ее тревожило уже другое. «Кто будет *моэлем*? – спросила она. – Кто сделает ребенку обрезание?» -

«Что за разговор, дорогая! – сказал доктор Тухман. – Я, конечно!» – Что ни говори, у него была даже степень по медицине...

Но Лея почему-то заколебалась. «Я не знаю... – сказала она задумчиво. – Может, лучше отложить... Ребенок такой слабенький...»

Доктор Тухман посмотрел на нее, как будто на этот раз она действительно сошла с ума. «Отложить *брис* после того, как сам Амалек дал разрешение?!» Но потом он понял, что ее тревожит. «Ладно, девочка, - сказал он, - я посмотрю, что можно сделать...»

На следующий день, *рабосай*, он снова пришел к ней, расплывшись в улыбке. «Ты не поверишь, девочка, но вчера прибыл еще один поезд, и там обнаружился настоящий *моэль*! – Тут он стал очень серьезен. – Девочка моя, - сказал он, пристально глядя на Лею, - я не знаю, кто вымолил тебе такую удачу, но Кто-то явно хочет, чтобы твой мальчик прошел настоящий *брис*. Я говорил с этим человеком – он не просто *моэль*, он еще, вдобавок, раввин и *шойхет*, представляешь?»

- Я рассказал ему твою историю. Он сказал, что у него нет настоящего ножа, *моэль мессер*. Когда их вывозили, он успел взять с собой только свой *халеф*, нож для убоя птиц и животных.

Кто знает, куда судьба занесет еврея и что ему там понадобится, подумал он, и поэтому взял с собой свой *халеф*. А вот *моэль мессер* он не успел захватить. Но я сказал ему, что в больнице есть сколько угодно хирургических инструментов, так что он наверняка сможет... не успел я кончить, как он меня перебил и ответил, что сначала он должен проверить и окончательно убедиться... И он тут же, при мне, открыл свой саквояж, и что ты думаешь?! - вместо *халефа* там лежал *моэль мессер*!

И тогда наша Лея, *рабосай*, - она немного помолчала, а потом спросила: «Доктор Тухман, не согласитесь ли вы быть *сандаком*?»¹

ВОТ ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, *рабосай*, не так уж давно и не так уж далеко отсюда. Наша Лея назвала ребенка Менашеле – в честь отца своего мужа – и взмолилась к Всевышнему, чтобы он дал ей силы привести своего ребенка к Торе, к *хупе* и к добрым делам. А когда ты заплакал, Менашеле, когда ты заплакал на своем первом обрезании, знаешь, что тебе сказала твоя мать? «Не плачь, - сказала она. – Когда тебе исполнится тринадцать лет, я устрою тебе настоящий праздник. Мы с твоим отцом устроим тебе такой *брис*, какого никто еще не видел...»

- И знаешь что, Менашеле? – прошептал незнакомец. – Ты-таки перестал плакать...

- Ой, Менашеле, ой, мой Менашеле, - снова запел он, глотая слезы, - посмотри же вокруг, мой Менашеле! Это не просто твоя *бар-мицва*, это праздник всех тех, кто так и не вернулся оттуда. Всех матерей, у которых было меньше сил, чем у твоей, и всех тех, кому Б-г не послал такой удачи. И еще это тот второй *брис*, который твоя мать обещала тебе когда-то. Понимаешь ли ты, что должно было произойти, чтобы тот первый твой *брис* стал возможен?! Понимаешь ли ты, какая самоотверженность была для этого необходима? Понимаешь ли ты, что означало для твоей матери, чтобы ты был евреем, и что это означало для тех праведных *идн*, что так и не вернулись оттуда? Понимаешь ли, какое счастье выпало тебе на долю, мой мальчик, и какая огромная ответственность легла на твои плечи?

Тут он замолчал, этот странный незнакомец, медленно огляделся вокруг, дважды кашлянул, вытащил из кармана грязный носовой платок, громко прочистил нос и лишь тогда заговорил снова.

¹ Лицо, которое держит ребенка на коленях во время обрезания. Обычно эту роль предлагают деду новорожденного, если он присутствует, или кому-то из самых почетных гостей.

Голос его звучал громче, зеленые глаза засверкали, указательный палец правой руки стал описывать в воздухе большие круги все быстрее и быстрее, а мелодия напева стала еще явственней:

- А сигареты, *рабосай*, - что же стало с теми сигаретами, которые собрала Лея? Но разве бывает *брис* без угощенья?! Она обменяла сигареты на хлеб, которого хватило по меньшей мере на десятерых – каждому по кусочку. Я тому свидетель, потому что мне тоже досталось несколько крошек. И она выменяла на них немного вина, луковицу, несколько полусгнивших картофелин, щепотку соли, парочку яиц – очень дорогое удовольствие в лагере яйца, *рабосай*, - и еще многое другое выменяла она на эти сигареты, и каким-то образом – по сей день не знаю, каким, это осталось ее секретом – она спекла *кугель*.

- И поверьте мне, *рабосай*, если вы думаете, что этот вильямсбургский *кугель* – что-то особенное, так я вам скажу, что тот *кугель*, который Лея приготовила для нас там, в нацистском аду, имел настоящий райский вкус!

“Ну конечно!”

Давайте договоримся, хотя бы в виде исключения, отделять факты от фантазий. Ибо эта история, не взирая на ее идиотические детали и поразительные перипетии, есть факт от начала до конца.

С приближением Рош-а-Шана, жизнь сосредоточивается на выполнении обязательств. В остальное время года, однако, это... ну, не совсем так. Если вы не раби Довид Майзельс, конечно.

Раби Майзельс был одним из одиноко стоящих столпов хасидского образа жизни и мышления в дебрях Чикаго 70-х годов. Он открыл *штибел*² и загрузил себя типичными для раби обязанностями, – а также работал на стороне как *могель*.

Он выучился этой старинной практике от своего отца, который научился ей от *своего* отца, и он выполнял ее в точности, как делали его предки. Говоря более конкретно, он не подлаживался, не делал никаких уступок новым временам и методам, и выполняемый им ритуал включал *мецицу б-не* – отсасывание крови губами.

Излишне говорить, что такая практика отнюдь не одобрялась в озабоченной микробами Америке, но это никак не удерживало раби Майзельса от выполнения обрезания тем

² Штибел (идиш) – род домашней синагоги или просто приют миньяна.

способом, которому его обучили и который он глубоко чтит. Соответственно, его клиентура в дезинфицированном Чикаго была скорее номинальной - за пределами редкого хасидского населения Города Ветров.³

Но всему предстояло измениться поистине невероятным образом в тот день, когда Стефани Сильвер родила мальчика. Доктор Джеффри Сильвер, муж Стефани, восторженно позвонил своему отцу, Нэту, в штат Нью-Йорк, чтобы сообщить ему долгожданную добрую весть. Нэт, как полагается, расспрашивал о родах, какой вес, какой рост, а потом задал вопрос, поставивший Джефа совершенно в тупик: «Ты уже начал готовиться к брису?»

«Брис? Что такое брис?» - поинтересовался Джеф.

«Ну, обрезание».

«Хмм... ну... я думаю, это можно сделать. Я узнаю в больнице и тебе перезвоню».

«Я не имею в виду больничную процедуру. Правда, обрезание это небольшая хирургическая операция, но она устраивается частным образом, с *моэлем* – это раби, который выполняет ритуал».

«Э-э-э... Я про это не слышал. Ты же знаешь, я люблю, чтобы все делалось по книгам и в стерильной обстановке. Я уверен, что смогу договориться с каким-нибудь врачом в больнице, чтобы он все сделал».

«Слушай меня, Джеффри. Брис делает *моэль*, и в этом все дело».

«Где я возьму этого моля?»

«Моля ты найдешь под землей.⁴ А про *моэля* нужно спросить в Чикагском Раввинате, или что там у них есть. Просто скажи: *моэль*, м-о-э-л-ь. Я уверен, в большом городе, как Чикаго, такой должен быть, может даже не один».

Джеф сделал несколько звонков, в результате чего у него образовался список из четырех раввинов. И ни один из них не был Довидом Майзельсом. Каждый *моэль* ответил прямым и решительным «нет». Ну, по правде говоря, разговоры содержали поздравления и все такое, куда Джеф не упоминал, что ребенок родился в Субботу⁵ и что он живет в Оук Парке.

Оук Парк, Иллинойс, - это место, где живет множество евреев. Правда, религиозных – ни одного. В таком своем качестве,

³ Windy City – одно из прозвищ Чикаго.

⁴ Mole – крот (англ)

⁵ И это означает, что *брис* должен состояться тоже в Субботу (на 8-й день по галахе).

район был лишен чтения Торы, *миньяна* и множества иных приятностей, которые раввинам желательно иметь в Шабос.

- Что же мне делать? – спросил возмущенный д-р Сильвер у *моэля* номер четыре. – Вы уже четвертый, кто отказался делать обрезание моему сыну! Все «нет» да «нет». На том конце провода наступило долгое молчание. «Ну, есть одна идея... вроде бы, - сказал *моэль* нерешительно, - но мне кажется, это не совсем то, что вы себе представляете...»

- Давайте, давайте, раби! Я вообще ничего себе не представлял, пока отец не настоял, чтобы обрезание было сделано по еврейскому закону.

- Хорошо. Раби Майзельс квалифицированный специалист, и я знаю, что он принципиально никогда не отказывается делать обрезание...

- Вы говорите, Майзельс? - Да. Раби Довид Майзельс.

- У меня в списке такого нет. Вы уверены, что он знает, как это делается?

- Абсолютно уверен. Если его нет в вашем списке, это потому, что... э-э-э... Видимо, какое-то упущение... Но не волнуйтесь. Подождите минутку, я найду его номер.

Ожидая, Джеф обдумывал замечание раввина. «Мне кажется, это не совсем то, что вы себе представляете... Хм. Раби есть раби, обрезатель есть обрезатель, что еще мог я себе представлять?»

Скажем просто: раби Майзельс выглядел точно как хасидский раби и ничем не напоминал медицинского работника. Он едва говорил по-английски, и хотя бы этот момент Джефу следовало бы уяснить из первого их разговора. Но он испытывал такое облегчение, найдя наконец *моэля*, который согласился исполнить церемонию, что упустил эту самую очевидную деталь.

- Хэлло, раби Майзельс? Это вам звонит доктор Джефри Сильвер. У нас родился мальчик, которому мы хотим сделать обрезание. Можете вы это выполнить?

- Ну конечно.

- Он родился в Субботу днем, и, по опыту моих прежних звонков, я должен подчеркнуть, что роды были естественные. Церемония должна состояться в нашем доме в Оук Парке... Хэлло, раби, вы слушаете?

- Ну конечно.

Джеф не мог этому поверить. Во всех предыдущих разговорах упоминание Оук Парк сразу ставило точку. «Так что, сможете вы выполнить эту операцию?»

- Ну конечно.

- Я так рад! Я еще позвоню вам попозже сегодня по поводу приготовлений, которые я не решался начать, пока не нашел обрезателя. До свидания, раби.

Ну конечно, конечно.

«Странно», - пробормотал себе под нос Джефри, не будучи в точности уверен, что именно было странного в этом коротком разговоре. После предыдущих неудач, он был так окрылен своим успехом, что сразу позвонил отцу, чтобы сообщить ему хорошую новость.

В то время как Джефри не мог установить, что именно его беспокоит, раби Майзельс не упустил ни одного нюанса. Он понял, что доктор Сильвер не имеет представления о том, во что он ввязывается, но что если бы он узнал, еврейский мальчик скорее всего был бы лишен привилегии войти в завет *Авраама-авину*. Что делать? С точки зрения раби Майзельса, модифицировать такие компоненты бриса, какие Сильвер и его дружки нашли бы наиболее предосудительными, - такого варианта просто не было.

Непростая задача. Дано: Шабос, процедура бриса, одежда *мошеля*. Это то, что обсуждению не подлежит. Майзельс думал и думал - до тех пор, пока мать всех изобретений не высидела идею. Это потребует... вернее, это опирается в возможность помощи со стороны юного коллеги, и раби был уверен, что на своего *хеврусу*⁶ он может положиться. Он уже знал, что других вариантов нет, и он знал также свою способность убеждать.

Раби Майзельс обратился к своему молодому партнеру Якову Хомнику и напрямик попросил сопровождать его в Шабос в качестве «ученика-помощника». Раби Хомник мог бы придать раби Майзельсу хотя бы видимость относительной нормальности, явно отсутствующей в его облике и поведении. Вдобавок к огромной мицве, подумал Яков, сама затея эта слишком сумасбродна, чтобы ее упустить. И он с готовностью согласился. Не считая ермолки, Хомник был одет, как все кругом, и его словарь английского был бесконечно богаче, чем лексикон его учителя из двух слов. Самое же важное состояло в том, что раби Хомник мог обеспечить решающую дымовую завесу в критический момент совершения бриса.

Раби Майзельса мало заботило, как он будет выглядеть в глазах обитателей Оук Парка. Гораздо больше был он озабочен тем, чтобы повернуть брис – до мельчайших деталей - в согласии со своей традицией. Как раз тут и предстоит Хомнику сыграть

⁶ Напарник по изучению Торы (иврит).

свою роль. Однако, в самом плане игры содержалась одна внутренняя слабость.

Стратегия, которую замыслил раби Майзельс, целиком покоилась на том, что раби Хомник выступит как *сандак* - лицо, которое держит ребенка на коленях в минуты собственно обрезания. Вдвоем они, путем затейливых маневров и ловкой драпировки *талесом*, могли бы уберечь от взглядов ключевые моменты церемонии. Проблема была в предполагаемом присутствии дедушки из Нью-Йорка, который, вполне вероятно, как большинство дедушек, надеется сам быть *сандаком*. Охмурить его настолько, чтобы он принял их план, шансов не было никаких.

Раби Майзельс и Хомник не знали, что их поджидает впереди. Может, это всего лишь обычный дедушка, не слишком осведомленный, чтобы настаивать на такой почести. С другой стороны, совершая неблизкое путешествие из Нью-Йорка, он несомненно рассчитывает получить что-то большее, чем только фото после церемонии.

Майзельс и Хомник собирались, позволив себе некоторую туманность выражений, сообщить семье, что *сандак* держит ребенка только после обрезания. Если же среди присутствующих объявится некий грамотей, они признают, что – да, некоторые религиозные фанатики верят, будто *сандак* держит ребенка во все время процедуры, но это не является преобладающей традицией в Оук Парке. Майзельс и Хомник были готовы изречь это как непреложный факт.

Раз Хомник оказался в упряжке, он и занимался всеми приготовлениями, включая согласование заезда за ними Сильвером в пятницу днем, чтобы отвезти их в Оук Парк. Остановиться они должны были в отеле Холидей Инн, примерно милях в семи⁷ от резиденции Сильверов, где в полдень в Субботу должен совершиться брис.

Помимо ухищрений с *сандаком*, Майзельс и Хомник проработали и другие возможные случайности, чтобы быть вполне готовыми к любым неожиданностям. Однако, ни одна из воображенных ситуаций, ни одна из их репетиций или «творческих *галахос*» не смогла подготовить их к первому контакту с Джеффри Сильвером. Он прибыл на легком спортивном автомобиле, который не был сконструирован для габаритов раби Майзельса. Ужаться так, чтобы втиснуться в машину, - это было,

⁷ То есть около 10 км. Надо понимать, ближе к дому Сильверов ничего не было. Холидей Инн – гостиница из самых скромных.

конечно, очень элегантным способом завязать отношения, которые иначе, чем щекотливыми, не назовешь.

Майзельс и Хомник предполагали, что Сильвер – молодой и неопытный отец, который с готовностью примет их инструкции. В конце концов, они были экспертами и по иудаизму, и по обрезанию. Сказать, что они недооценили Джеффри, значит проявить к ним милосердие.

Сильвер действительно был неопытным отцом, но молодым он не был. Ему было лет тридцать пять, и после десяти или более лет сражений с бездетностью, он был натянут сильнее, чем сетка ракетки. Но это еще мелочь.

Главным было то – и Джеффри, не теряя времени, обнаружил это еще прежде, чем раби Майзельс успел принять форму сиденья машины, – что доктор Сильвер был специалистом по инфекционным заболеваниям. Майзельс и Хомник устали друг на друга суровым, вдумчивым взглядом и подняли брови. «Да, вырисовывается наизытейнейшая всех затей, – подумал Яков Хомник. – Что-то невообразимое».

- Я буду наблюдать *все-все*, что вы делаете, – продолжал Джеффри, ничего не замечая, – так как в своей области я видел слишком много ошибок, а последствия могут быть катастрофическими. Если честно, у меня прямо параноидальный страх перед инфекцией. Мизофобия – так меня и называйте.

- Ну конечно, – вставил раби Майзельс некстати.

- Конечно, мы не собираемся спорить, – прервал Яков, пытаясь сгладить неуместность реплики партнера, – но паранойя обычно не считается ценным качеством в области медицины...

- Нет таких предосторожностей, которые ослабили бы мою боязнь инфекции, – продолжал добрый доктор, как будто его не прерывали. – Страх это великий стимул, и его детище – мастерство. Если хотите, страх есть мать компетентности.

- Ну конечно, – заметил раби Майзельс замечательно впопад.

Пока Хомник уголком рта переводил на беглый идиш, ребенку немедленно осознал, что их проблемы удвоились. До этого момента они предполагали, что их единственной проблемой будет *мецица б-не*; они не беспокоились о *приа*. Оттянуть ногтями крайнюю плоть занимает долю секунды, но даже наносекунды слишком много для специалиста по инфекциям, который собирается тщательно исследовать каждую деталь. Если только Сильвер все это увидит, он оборвет сеанс на середине. Он уверял, что наблюдал несколько обрезаний – профилактика, антисептики, автоклав, стерильно-больничная хирургия, – и если бы не

настойчивость отца, эта сегодняшняя была бы исполнена в том же жанре.

Спортивная машина последней модели плавно скользила по дороге, но для *моэля* с помощником езда с каждой минутой становилась все более тряской. Сильвер выстреливал все новые и новые сюрпризы, превращая их предприятие в Миссию Невозможного / Недостойного Наваждения. Джеффри услаждал свою плененную (буквально) аудиторию длинным списком своих коллег из Отделения инфекционных болезней, которые должны прибыть, наряду с другими врачами, исполнившими свою роль при обрезаниях, и понятно, им любопытно будет увидеть технику раввинов.

Затем доктора Джефа снесло от теории к практике: - Я настаиваю, чтобы операционное поле было предварительно покрыто Бетадином. Вы ведь знаете, что это такое, правда?

- Ну конечно, ответил раби Майзельс с обычной убежденностью.

Сильвер не был полностью уверен, поэтому начал цитировать наизусть из фармацевтических журналов: - Бетадин содержит 10-процентный провидон-йодин и представляет собой йодофорный микробицид...

- Ну конечно, - прокомментировал раби Майзельс.

Ремарка вынудила Джеффри остановиться, но лишь на миг, после чего он возобновил описание своего любимого Бетадина: - Провидон-йодин это микробицид широкого спектра, его химическое название 1-винил-2-пирролидинон-полимерный йодин-комплекс.

Определенно Сильвер был в ударе. По тому, как он говорил, можно было представить, что Бетадин может не только предотвратить инфекцию, но заодно еще и убить небольшое стадо буйволов. Хотя раби Майзельсу не удалось симулировать интерес, понимание или даже малейшее внимание, он ухитрился испустить еще одно не к месту «Ну конечно», вынудив Хомника вздрогнуть.

Не замечая всесторонних нестыковок, Сильвер продолжал раскручивать Бетадинологию, заставляя Хомника задуматься о том, не зашел ли доктор так далеко, что ему уже безразлично, понятна ли, да интересна ли другим его тема. Хотя его цитирование еще не завершилось (не станем даже гадать, может ли такое случиться), доктор Сильвер прервал себя вопросом: - Что вы обычно предпочитаете – раствор или тампон?

- Ну конечно, - ответил раби Майзельс, снова истощив свой английский словарь.

- Позвольте мне, - прошипел Хомник на идиш, - вы же для этого меня потащили!

- Ну конечно? – повторил Сильвер риторически. – Как выбор между раствором и тампоном может быть «ну конечно»?

- Ну конечно! - попугаем повторил раби Майзельс, а Хомник стал в отчаянии дергать себя за волосы.

«Хм-м-м, - задумался Сильвер, но любовь к разрушителям заразы притупила его логику. И затем, словно обнаружив наконец истинных энтузиастов Бетадина, он продолжал трещать: - В вашей профессии, я уверен, клиенты часто спрашивают об этом антисептике?

- Ну конечно, - сказал Майзельс кстати (если не по задумке, то по случаю).

- Хотите, я начерчу для вас структурную формулу?

Предвидя неизбежный ответ Майзельса, Яков быстрым толчком заставил его промолчать.

- Ну что ж, если вам не так интересна иллюстрация, я продолжу основную информацию, которую каждый хочет знать. Стерильный темно-коричневый раствор стабилизирован глицерином. Пассивные ингредиенты: аммоний ноноксиол-4 сульфат, ноноксиол-9, очищенная вода и гидроксид натрия.

«Молчите!» - хотел крикнуть раби Хомник, но было уже поздно.

- Ну конечно, ну конечно, ну конечно, - сказал раби Майзельс с убежденностью, которая подразумевала: ну конечно, глицерин; ну конечно, гидроксид натрия; и «ну конечно» - на незаданный вопрос: «Что же еще обсуждать, когда у вас в машине незнакомые люди?»

Так или иначе, описание Бетадина ухитрилось одолеть весь путь до Оук Парка, и обрезаемый с помощником оказались возле Холидей Инн.

Субботним утром два раби вступили в битву с яростной зимней бурей, дрожа, не меньше, чем от студеной погоды, от предчувствия тяжелых проблем, поджидающих их в пункте назначения. Продираться сквозь снег, оскальзываясь на льду – безжалостная погода казалась еще одним зловещим знаком нависающей катастрофы. В отчаянии они цеплялись за соломинку утешения от сознания, что хуже уже, скорее всего, быть не может. Но, в точности по закону Мэрфи, все было еще хуже.

В просторной гостиной звучала стереомызыка, несколько докторов были в кабинете, столпившись у телевизора, где передавалось предыгровое шоу Чикагских Медведей, и на кухне весело свистел чайник. Отсутствие особого ингредиента Шабос

было видно невооруженным глазом. Но веселая в других отношениях атмосфера стала хмурой, когда показался побледневший Джеффри и объявил, что его жена подхватила Bell's Palsy⁸.

Это вызвало жужжание в медицинском контингенте и острое любопытство в немедицинской делегации. Сближало оба лагеря то, что странность внезапного лицевого паралича Стефани Сильвер вызвала у всех фобию. Вся атмосфера в доме стала атмосферой крайней настороженности – и тут ввалились покрытые снегом раби Майзельс и Хомник.

Боязнь лицевого паралича быстро улетучилась, когда все устались на бородатого, пейсатого, штраймлатого, белые чулки и красный нос, раби Довида Майзельса. Тот факт, что его замерзшие пейсы торчали под углом, придавал ему добавочный – и ненужный – марсианский вид. На комнату упала тишина, и даже диктор где-то сзади был отключен в середине монолога о легендарном защитнике Уолтере Пейтоне.

У Якова Хомника, который в машине любезно скользнул в роль разговорника, переводчика и общего пиар-посредника, теперь стало темнеть в глазах. Он шел и храбрился сквозь семь миль снега с ветром, чтобы испытать интригу, наблюдать столкновение культур, но важнее всего – оказать услугу и выполнить заповедь Торы. Внезапно его стукнуло с ужасающей ясностью, что они шли – нет, они спешили – к катастрофе гораздо худшей, чем какие-то протесты, и, возможно, к осквернению Имени Всемогушего.

Он прокрутил в голове несколько сценариев, каждый еще катастрофичнее другого. Он вообразил, как им обоим шлепнут судебные иски еще до того, как закончится церемония, обоих их арестуют за нелегальную медицинскую практику и предъявят семизначную сумму ущерба от незаконного врачевания. К нему подступила дурнота, когда он представил кареты скорой помощи и полицейские патрули, съезжающие сюда в Шабос *брис-мила*. Новость непременно дойдет до их общины, а может даже выплеснется на первые полосы газет Чикаго...

Уравновешенный человек - Яков Хомник, но внезапно его охватила жуткая паника. Казалось, ему не очень хорошо, и один из докторов спросил, в порядке ли он. Хомник замылся в неудачной попытке найти вежливый ответ. Но зря он беспокоился – Майзельс (никогда не лез в карман за словом... ну, за двумя словами), ответил за него в своем репертуаре: «Ну конечно!»

⁸ Неврит лицевого нерва

Хомник старался думать быстро, и охлаждающая доза реальности меняла оттенок его мыслей. Верно, приверженность раби Майзельса к традиционному способу выполнения *брис-мила* заслуживает восхищения, и его принцип никогда не отказываться от мицвы – даже если это означает делать ее бесплатно – в высшей степени похвален, но... перед лицом этого ультра-нервного доктора, который стал мега-нервным в опасении чего угодно, что может вызвать инфекцию, - в сочетании с толпой медиков, жаждущих видеть каждый аспект «раввинской техники обрезания», - немного благоразумия тоже не помешает. Его сердце билось о стенки грудной клетки в страхе оттого, что их непреклонность в обычае и традиции может перенести их в Америку пятидесятилетней давности, не дай Бог, не говоря о возможности оказаться за решеткой или, по меньшей мере, в долговой тюрьме.

Но старого доброго раби Майзельса было не сдвинуть. Так это делалось, настаивал он, так этому учили и так это будет сделано. Точка. У Якова Хомника не было ни самообладания, ни твердости, ни решительности его ментора, каждый его нерв прыгал и дрожал.

Тем временем, на процедуру прибывали новые машины с профессионалами той или другой специальности. Доктора входили с бодрыми «Добрый день» или «Хэлло», но как только они замечали, на что пялятся их коллеги с отвисшими челюстями, их также охватывало молчание сфинкса. Все напоминало мавзолей в неходовой день.

Постепенно раби Хомник начал обретать свой прежний цвет и подниматься на высоту положения. В критической ситуации он нашел свой голос и образовал защитную стену между наименее застенчивыми из гостей и главным хирургом. Те, кто все-таки прорвались и пытались заговорить с раби Майзельсом, были вознаграждены его полным словарем – ну конечно.

Доктора Сильвера нигде не было видно, и предполагали, что он или заботится о ребенке, или помогает жене, или разыскивает Бетадин. В его отсутствие, дедушка из Нью-Йорка начал представляться и пожимать руки. Он познакомился с раби Майзельсом и, ну конечно, известил его, что желает быть «*Зонн Док*».

- Ну конечно, ну конечно», - просиял раби Майзельс. Он углядел для себя первую брешь и прыгнул в нее, поддавшись неожиданному напору английского языка: - Вы будешь это *Зонн Док*. Верно так, раби Хомник?» - Ну конечно, - сказал Хомник в виде исключения, подхватывая нить. – Вы знакомы со всеми

обязанностями и религиозными обязательствами, налагаемыми на *Зонн Дока?*» - нажимал он на доверчивого дедушку.

- Хм-м-м... Э-э-э... Ну...

В этот момент раби Майзельс узнал, что лучшего помощника и выбрать не мог. Хомник долдонил о высочайшей чести и благородном достоинстве быть *Зон Доком*, - само собой, при условии, что он тщательно следует и не отклоняется – даже на миг – от инструкций, которые даст ему команда хирургов.

Нэт Сильвер стоял по стойке смирно, и, честное слово, земля перестала вертеться, пока он ждал инструкций, которые будут ему пожалованы.

- Вы должны приготовить себе стул точно в десяти футах от нас... - Тут Хомнику пришла новая идея, но ввиду особой тяжести вопроса, он повернулся к раби Майзельсу и самым уважительным и подобострастным тоном спросил: - Ребе, будет ли это кошер, если м-р Сильвер сядет в одиннадцати или даже в двенадцати футах от нас?

Раби Майзельс должен был обдумать этот сложнейший вопрос. Он начал теребить свою бороду, прошелся взад-вперед. Лицо его застыло. Наконец, он поднял голову с видом, будто только что пережил озарение:

- Ну конечно.

Религиозный авторитет был упрочен, и Нэт Сильвер начал отмерять точное расстояние от точки, указанной ему Хомником. - Мистер Сильвер! – окликнул его Хомник. – как только мы закончим обрезание, мы передадим ребенка вам. Вы, *только вы один* должны обнимать своего внука, пока не завершится церемония благословений. Следовательно, если кто-нибудь предложит помочь вам или сменить вас, вы *обязаны* отказать. *Зонн Док* не должен расставаться с ребенком даже на секунду!

Хомник внимательно поглядел на раби Майзельса, желая убедиться в том, что закон возвещен точно. Старший раби торжественно кивнул, добавив раввинского весу и авторитету указаниям, только что детализированным и изложенным в терминах, не допускающих неопределенности – «закон есть закон».

Хомник был в ударе и даже начал наслаждаться. Он решил еще подоить открывшуюся возможность наступательной стратегии: - Принято, что *Зонн Док* отбирает несколько важных людей, чтобы стояли от него справа и слева, так как это придает церемонии больше достоинства и торжественности.

Майзельс энергично кивнул. Одновременно, будто они сто раз репетировали эту часть, Майзельс и Хомник начали

эскортировать некоторых самых вьедливых и разговорчивых докторов в окрестность *Зонн Дока*.

Сверху спустился доктор Сильвер и увидел, что шоу начинается без него. Он поспешил уведомить обрезателей, что его шурин Самнер, брат Стефани, будет «крестным». Майзельс непонимающе поглядел на Хомника. Яков не промедлил ни мгновения. - Крестный, - объявил помощник хирурга, - должен передать ребенка от обрезателя *Зонн Доку* сразу *после* церемонии. Но я уверен, вы знаете, - продолжал он, ободренный рассеянным выражением лица Джефа, - что во время операции крестный сидит возле *Зонн Дока*.

Опять Хомник захотел сверить свои указания с мастером, так что он повернулся к раби Майзельсу за одобрением. Оба согласно кивнули друг другу как хирурги при консультации.

Все в комнате, были докторами, кроме нашей команды хирургов (и Нэта). Единственным еще исключением был Самнер, «крестный», который был пока студентом медицинского вуза. И если Джефри был нервозен, то Самнер был гипернервозен-на-стероидах. Было уже само по себе замечательно, что столь беспокойный индивид решил выбрать медицинскую карьеру, а еще более замечательным было то, что несколько уровней в учебе на врача сумел пройти человек с аллергией на кровь.

В тот момент Самнера не было в комнате - он находился в обществе сестры. Стефани стеснялась появляться на публике со следами Bell's Palsy на лице.

Подтянулись последние доктора, и все присутствующие поспешили вешать свои пальто, увидев, что церемония вот-вот начнется. Однако, новые доктора, вместо того, чтобы поместиться возле отдаленного острова *Зонн Дока* и фаланги гостей, которых Майзельс и Хомник тщательно расставили на расстоянии десяти футов, ринулись прямо к эпицентру. И тут без удержу полетели вопросы.

- Будете ли вы применять метод Пластибелла? - хотел знать один из докторов.

- Ну конечно, - отвечал раби Майзельс.

- А я думал, - вмешался еще один, - практически все применяют зажим Комко.

- Ну конечно, - согласился обрезатель.

- Вы хотите сказать, - спрашивал третий, - что зажим Тара применять не будете?

Как и следовало ожидать, раби Майзельс сказал... да, вы угадали. Хомник видел, что прикрывать партнера становится все труднее, и ситуация быстро выходит из-под контроля.

- Позвольте спросить прямо, - допытывался еще один специалист, с некоторой недоверчивостью во взгляде, - вы в пользу всех этих методов за счет зажима Шелдона?

Прежде чем раби Майзельс смог предложить свой стандартный ответ, влез еще один доктор: – В нашей больнице мы обычно используем кольцо Росса, но я знаю, что в Вест Сабурбан используют зажим Эллена. Верно, Джордж?

- В Детской Мемориальной и в Сент-Джо используют зажим Тара, - раздался тонкий голос из глубины комнаты. - Ну, а в Мерси и Раш Оук Парк я точно видел, что используют кольцо Росса, – с нажимом заявил еще один.

- А почему нам не спросить, - сказал один врач, и его голос перекрыл все остальные, – э-э-э... хирурга, что *он* собирается использовать?» Внезапно комната затихла, и все глаза устремились на раби Майзельса.

На сей раз раби интуитивно понял, что «ну конечно» не будет удачным ответом. В раздражении он пробормотал: «*Vuss ken ich machen?*»⁹

- *Махен?* – озадаченно повторил пожилой доктор в лабораторном халате. – Я думал, это произносится *Маген*.

Яков показал партнеру палец вверх. Тут пожилой доктор звучно заявил:

- Разве вы не знаете, джентльмены, что все еврейские обрезатели применяют зажим Маген, если только не используют скальпель при методе свободной руки?

Хомник перевел дыхание. Все это было бы весело, если бы не абсолютное предчувствие того, что будет следом. Ничего веселого. Полдень пришел и ушел.

Все вокруг толклись, сверяясь с часами и ожидая, когда спустится Самнер-крестный. Мало кто знал, что не столько поддерживал он общество для Стефани, сколько пытался мобилизовать свои нервы, чтобы присутствовать при операции.

Наконец, услышали, как наверху открылась дверь, затем звуки шагов, и в этот момент Джеффри сообщил всем присутствующим, что настал момент применить его любимый Бетадин, к чему тут же и приступил. Затем он объявил, раскинув руки, как евангелический пастор на проповеди: «Воздухом Сушим! Воздухом Сушим!» и через две минуты распеленатый ребенок извивался и пищал, демонстрируя на всеобщее обозрение коричневый, измазанный Бетадином, объект хирургии.

⁹ «Что мне делать?» - идиш

Как раз тогда вздрагивающий, нервный, как-только-медицинский-колледж-вообще-его-принял, на сцене появился Самнер. Он успел лишь бросить взгляд на объект хирургии, принял Бетадин за кровь и без долгих приготовлений рухнул в обмороке прямо в гущу докторов, собравшихся вокруг Джерри.

Это был полный нокаут, превосходный удар. Майзельс глянул на Хомника, Хомник на Майзельса, и в единый миг они услышали, как над верхотурой крыш Удобный Случай проревел: «Сейчас!» Хомник свистнул, и они мигом выполнили двойной маневр. Раби Майзелс повернулся спиной к упавшему Самнеру, одновременно Хомник развернул кресло перед главным хирургом, высоко взметнул свой *талес* поверх них обоих и принял протянутого Майзельсом ребенка.

Тем временем, *Зонн Док* и весь его антураж, оказались не задетыми, когда Самнер увидел красное, и оставались приклеенными к своим местам в точности как их инструктировали. Но на медицинском фронте было совсем не спокойно. Джеффри застыл на распутье медицинской, этической и родительской дилеммы. Его сыну предстоит операция на расстоянии вытянутой руки, но не у него на глазах! Его шурин-крестный свалился ему на руки. Пропустить операцию он не мог. Но как же быть с Самнером, да еще на глазах у всех его клятвенно-гиппократовских коллег?

Майзельс поместил металлический зажим (какой-то из вышеупомянутых) на место и резанул. Только собрался он ногтем выполнить *прия*, как доктор Сильвер уже тут как тут - с Самнером, нетвердо поддерживаемым сбоку. Левая рука Самнера на плече Джеффри, а правая заброшена за шею коллеги Джеффри. Сильвер сорвал *талес* в критический момент, и там, где Самнер увидел красное, Джеффри увидел инфекцию!

Провиденциально, в эту самую секунду отыграл Самнер. Увидев теперь реальную кровь, он свалился назад, увлекая с собой, как домино, всех, кто не был на позициях *Зонн Дока*. Они приземлились вместе с двумя высокими нарядными плетеными креслами. К счастью, они не пострадали от мебели, но зато были эффективно погребены и безнадежно спутаны между креслами и друг другом. Все, кроме хирурга и его помощника, отвлеклись. Майзельс оперативно выполнил *мецицу б-не* и затем спокойно и обстоятельно все закончил, чтобы Джеффри мог осмотреть и одобрить.

Раби Довид Майзельс исполнил *брис* тем способом, какому научил его отец, и ни один свидетель не заметил чего-то не подходящего. Все, что они видели, было Перед и После.

Яков Хомник пребывал в почти Самнеровском состоянии, но не из-за крови. Предчувствуя худшее, он сознавал, что требуется огромное чудо. И огромное чудо – это как раз то, что было им дано. Никак иначе этого не опишешь.

Раби Майзельс, донельзя – поистине, до невозможности – прямодушный человек, неколебимо желавший соблюдать и чтить свои обязательства, был пожалован необходимым Небесным вмешательством, позволившим ему это сделать.

И на вопрос: можно ли из этой истории извлечь урок о том, что серьезные принципы всегда следует отстаивать? - ответ раздается: - Ну конечно!

Услышано от Якова Хомника.

Copyright© Hanoch Teller
Copyright©Pessakh Mayburd

Римма Глебова

«Так будет не всегда...»

Драма наших дней

"Много или мало
счастья и любви,
сама выбирала,
а теперь – живи..."
Римма Казакова

1

н вышел из дома, счастливо улыбаясь – Яна только что, пятнадцать минут назад, сказала, что беременна, и он пошел, побежал за цветами...

Не обращая внимания на светофор – любые правила он нарушал всегда и этим гордился – и видя впереди только цветочный магазин на другой стороне улицы, он быстро пошел через дорогу, наискосок, чтобы оказаться прямо у входа в магазин. По пути позвонил по мобильному, сообщил матери радостную весть... и телефон вылетел из его руки...

Он не услышал выстрелов, успел услышать только визг тормозов со всех сторон и упал, прямо на белую разделительную линию. Одна пуля попала ему в сердце, другая в голову – он скончался мгновенно, не почувствовал ни боли, ни страха смерти. Он умер счастливым. Не напрасно же его называли «счастливчиком».

Парень в черной куртке и в шлеме уже умчался на мотоцикле, он усмехался, довольный исполнением порученного дела, наконец-то счастливчик не будет больше встречать в их дела и заткнется навсегда. Сколько раз Дани удавалось ускользнуть, убежать, и всё везло, но везение не бывает вечным. Его «команда» теперь без своего шефа рассеется, разбежится молодежь, в штаны со страху наложат – все глупые и неопытные, по 18-19 лет, а счастливчику тридцать четыре... было, и тридцать пять уже не будет. Потому что на одну силу всегда другая сила найдется, еще

сильнее. Счастливчик давно поперек горла всем встал, вздумал вести свою отдельную игру и ни с кем не считаться. Но так не бывает, чтобы всё одному, знай свое место и не лезь дальше. Всё уже поделено, не выступай. А выступил – получиай!

Яна примеряла в спальне перед зеркалом новое платье, крутилась во все стороны – чего-то не хватало, какого-то завершающего штриха... А! Она открыла один из ящичков и достала черный бархатный футляр. Надела колье на шею. Вот! Теперь всё замечательно. Включила верхний свет, чтобы бриллианты сверкали ярче. В таком виде не стыдно появиться в самой изысканной компании, не то, что перед родителями мужа. Хотя, компания у них с Дани не тянет на изысканную, но может, в будущем... С хорошими деньгами люди достигают многого. А куда это Дани сбежал?.. Не сказал ничего. За букетом, куда ж еще? Так обрадовался от известия и умчался, сияющий как новенький шекель. А колье шикарное... свадебный подарок Дани, его носить только по торжественным случаям. Вот как сегодня вечером – визит к родителям. Как они настороженно к ней отнеслись сначала... Свекор Хаим вроде нормально, а свекровь Малка и ее сестры недовольны были. Худая мол, блондинка, и вообще «не наша». А ничего, теперь любят, подарками задали. Это у них семейное – дарить. Дани готов купить ей всё абсолютно – вырази желание, и он мигом исполнит!

Только бы мама не вздумала сегодня явиться. Дани её не позвал к родителям, сказал вчера, уже в постели: «Ну, зачем каждый раз всем вместе приходиться, не обязательно» Дани прав, как всегда. Его родителям мама не очень нравится, это заметно. Хотя на иврите она хорошо говорит, выучила за двенадцать лет. Но всё равно – «не своя». Вообще, мама слишком много вопросов задает. Хорошо хоть, что не родителям. То – чем Дани занимается, то – почему Данины родители так богато живут, в собственном доме, а Хаим всего лишь банковским клерком был до пенсии. Дани ведь как-то при маме сказал, что у родителей крошечная квартирка еще три года назад была... Всё ей знать надо. А после свадьбы сколько вопросов было! «Такой шик, сотни гостей, лучший в городе ресторан! А платье!.. Сколько же оно стоит! Кем он работает, твой Дани? Он миллионер, это же видно! Какую квартиру тебе купил, Яночка, четыре комнаты! а мебель! – просто слов нет! Миллионер!»

Ведь объясняла ей еще раньше: фирма у него своя. Какая? А какая разница? Ну, строительная, такой ответ тебя, устроит, мамочка? Объясняешь, объясняешь, но толку мало. Мама никогда

не видела такой роскоши, вот и не может привыкнуть. Ведь Дани и ей квартиру собирается купить – «не должна моя теща скитаться по съемным халупам!» А наряд какой маме к свадьбе подарил – дорогущий! Мамочка прямо птичкой порхала и щебетала от счастья, на свадьбе просто уплясалась. Дани умеет всех делать счастливыми.

Яна услышала звонок в дверь. Пришел! Мог бы и сам открыть... Мама! Как не вовремя. Хорошо, что успела платье снять и колье, а то бы: куда? когда? зачем?

- Ты дома, как хорошо, можно поговорить. А Дани на работе? Много работает, бедный... Ну да, - она обвела вокруг глазами, - на такую роскошь пахать и пахать... Я пойду в ванную, причешусь? Ой, в вашей ванной жить можно, такая красота!

Яна вошла в ванную комнату вслед за мамой.

- О чем ты хотела поговорить, мам? Почему не позвонила, не предупредила?

- Да ни о чем, просто соскучилась. Я... я тут недалеко была, вот и зашла. Я на минуточку. - Ох, как же тут у вас замечательно! Какие зеркала, розовый мрамор... Сказка! Ну, я надеюсь, и у меня неплохо будет, когда Дани... ну, ты знаешь, он мне обещал квартиру купить... А это что у тебя?

Яна вырвала из рук мамы упаковку таблеток.

- Ничего особенного... это успокоительное. Врач прописал.

- Яночка... ты же обещала! Ты обещала, что после свадьбы к этой дряни не прикоснешься! Это всё он, твой Дани... Думаешь, я не знаю, не понимаю? Не думай, я не такая дура, чтобы не понять, откуда такие деньги... Но это ваши дела. Я не могу вмешиваться. Яна, что ты молчишь?

- Отстань! Тебе всё равно не понять! Ты из другого времени. Да и вообще, о чем мы говорим? - Яна смяла упаковку и бросила в плетеную корзиночку на полу. - Чтобы ты успокоилась, я скажу тебе... Я беременна, и теперь всё! Здоровый образ жизни! - Яна рассмеялась. - Даже кофе пить не буду!

Мама всплеснула руками.

- Да ты что?! Дай, поцелую... Ах, теперь я стану бабушкой, да? - мама осматривала себя в зеркалах, поворачиваясь то одним боком, то другим. - Хотя я в бабушки не тороплюсь, и вы тоже не спешите жениться, три года любовь крутили! То ссорились, то мирились, а я переживала... Ну и правильно, дети после свадьбы!

Яна поморщилась, а вслух сказала:

- Ты всегда банальные вещи изрекаешь... пойдём в салон... - В салоне Яна глянула на часы.

- Что-то Дани нет... Нет, не на работе он, на минуточку вышел...

- А он знает?

- Знает. Я думаю, уже вся его мишпаха знает! Странно, что не звонят, не поздравляют... - Яна прислушалась к звукам за дверью. - Соседи... топают как слоны. Мам, ну ты иди... У меня дел полно, убрать в комнатах, и что-то поесть приготовить...

- Так я помогу!

- Вот этого не надо! Сама справлюсь.

Проводив маму к лифту, Яна вернулась в квартиру. Куда же он пропал? Наверно, сидит где-нибудь на скамейке и названивает родителям, всем родственникам... Так вечером, пришли бы и сами сказали... Вспомнить только, как его мать к ней сначала отнеслась... Выговаривала сыну. Чужачка, где взял? Своих красавиц в Израиле мало, что ли? А потом прониклась, зауважала. «Молодец, девочка, помогаешь Дани, любишь его». Да ради Дани... на что угодно! Как он хочет, так и будет. Что велит сделать, то она и сделает. Все вокруг видят, какая у них сумасшедшая любовь – и родители, и друзья, и дядьки-тетки, и бывшая жена, и их общий сын Ади, хотя ему только одиннадцать лет. Там все как одна большая семья. И ей удалось влиться в эту семью, и во всем помогать Дани, даже вопроса не было. Вместо секретаря – встречи назначить, позвонить кому надо, утрясти разные мелкие вопросы. Перевозила несколько раз товар – кто заподозрит красивую девушку, что у нее там в сумках?

Яна зашла в ванную, бросила взгляд на смятую упаковку в корзинке... Да уж, теперь всё. До встречи с Дани только раз попробовала в компании, и сразу понравилось. А с Дани уже часто, на пару...

Яна вздохнула и пошла в салон. Но очень тянуло вернуться в ванную... Да что же он не идет, сколько можно пропадать?! И не звонит...

Она вздрогнула от звонка телефона.

- Да, это Яна... Да, жена... Что? Что вы такое говорите, я не понимаю...

Похороны для Яны прошли как во сне. Потому что этого не могло быть, чтобы она лишилась мужа, своего любимого Дани, и осталась одна, совсем одна...

Толпа народу, какие-то люди... какие-то бритые парни, знакомые и незнакомые... Все любили его, как можно было не

любить Дани! Красивого, успешного, доброго. Таких больше нет на свете, и не будет...

Она рыдала до изнеможения, с двух сторон поддерживали мама и свекровь, она готова была кинуться за ним в могилу...

- Яночка, дорогая, доченька, не надо так... У тебя ребенок, надо успокоиться... - говорили ей две женщины с двух сторон.

Что может теперь её успокоить...

Уже ночью, когда обе женщины, что остались с ней в квартире, уснули, она пробралась в ванную...

Через неделю, когда закончились траурные дни, ей позвонила свекровь.

- Яночка, - сказала она ласково, - Как дела, как себя чувствуешь? Береги себя, и моего внука. Я не сомневаюсь, что мальчик будет, наследник... - Она помолчала. - Тут одно дело возникло, важное. - И добавила жестче: - Кроме тебя, некому. Приезжай. Уже все собрались, ждут тебя. Ты ведь с нами, правда?

2

По тель-авивской улице Аленби, днем, шла женщина. Если присмотреться, ей было не более двадцати четырех-пяти. Но изможденный вид значительно прибавлял возраст. Худая, бледное лицо, спутанные светлые волосы, истертые джинсы и растоптанные старые кеды – её облик не мог вызвать сочувствия у прохожих, тем не менее, некоторые останавливались и вкладывали в протянутую дрожащую руку шекель, или пять. Она слабо улыбалась, но не смотрела в лицо дающему – было видно, что ей тяжела вся ситуация... и шла дальше.

Мужчина лет тридцати, в белой тенниске и белых брюках остановился, достал кошелек и протянул ей купюру в двадцать шекелей. Женщина взяла деньги, подняла синие глаза... и тут же опустила их. Мужчина смотрел на неё с изумлением.

- Яна!? Ты? Почему? Что с тобой, что случилось?

Она отвернулась и хотела уйти, но мужчина схватил ее за руку. Она пыталась вырваться, широкий рукав синей кофты задрался, и он увидел следы от уколов на бледной тонкой коже... Мужчина, несмотря на сопротивление, крепко взял девушку под руку и повел к скамейке на небольшой площади – в самом начале рынка Кармель.

- Расскажи мне всё, - потребовал он, когда они сели, - чувствую я, что без этой семейки не обошлось...

Вокруг ходили люди, толпились возле прилавков со всякой мелочевкой, громкая веселая музыка со всех сторон – здесь, у центрального входа на рынок, всегда было шумно и празднично. Мужчина сбегал к прилавку со снедью, принес булочки и два

стаканчика кофе. Девушка откусила булочку, отпила пару глотков, она будто не очень хотела есть, блуждающие тоскливые синие глаз выражали другую жажду...

А мужчина не отставал, и она нехотя начала говорить, запинаясь и порой на несколько минут впадая в полусонное, отсутствующее состояние, синие глаза меркли и становились пустыми...

- Ладно, Игаль, если тебе так угодно... я скажу... Всё очень плохо. С тех пор, как... как Дани не стало, с тех пор и плохо. Нет, сначала было нормально, в смысле, его родственники меня очень опекали, помогали, деньги давали... И я тоже им помогала... В чем?.. Ну, сам понимаешь, я же в курсе всех дел была... мне некуда было от этого, от них деться. Это ты уехал в Англию, остальные-то остались... Некоторые разбежались сразу, двоих посадили, а двоюродные братья и племянники сумели выкрутиться, с помощью адвокатов, конечно... как всегда было.

- А что было потом?.. Яна, проснись, ты со мной?

- Когда потом? Потом я родила Дэвида. С трудом родила... Что-то с кровью у меня было, переливание делали, очищали... Я не должна была... эти проклятые таблетки... но у меня не хватало сил... после смерти Дани у меня ни на что не было сил...

Яна затряслась в рыданиях и упала головой на плечо Игаля. Он гладил ее по волосам, вытирал мокрые щеки...

- Ну, хватит, Яночка, перестань, выпей еще кофе, хоть пару глотков... Что случилось с твоим мальчиком? Он... он жив?

- Дэвик жив, слава Богу, и здоров... но он не со мной.

- А где?

- У родителей Дани... Они его забрали... Отняли у меня Дэвика, когда ему год исполнился... Привлекли социальные службы, мол, я плохо ухаживаю за сыном, где-то пропадаю, оставляю его с глухой соседкой, он плачет... И еще... еще утверждали, что я не в себе... Свекор два года назад умер, а Малка очень редко позволяет мне навещать Дэвика, очень редко... Я боюсь, что он меня забудет... Ему уже почти пять лет, и в последний раз, кажется, месяца три назад... не помню... он с трудом узнал меня. Малка сказала, чтобы я больше не приходила... что я плохая мать, и хорошей матерью никогда не стану... потому что я... потому что я... - Яна отвернулась и уставилась в пространство.

- А твоя мать? Разве она не могла взять мальчика?

- Ей не дали. Мама одинокая, мало зарабатывает. После всего случившегося она впала в депрессию и ни на что не

способна... Еще в какую-то секту угодила, продала свои золотые украшения и деньги все туда... Она говорит, что ей там хорошо... Я её давно не видела, денег всё равно не даст, и я уже к ней не хожу, да и не знаю, где она точно теперь живет. А мою квартиру Данины дружки отняли, сказали – за долги. Оказывается, у Дани были большие долги...

- Где же ты живешь, Яна?

- А нигде, - усмехнулась Яна. - Я вообще не живу. Нет, ты не думай, я не совсем одна... Есть одна компания, нас несколько человек, мы ночуем в... в одном месте... тут не очень далеко... Нет, не проси, я туда не поведу, не стоит на это смотреть... Игаль, ты можешь дать мне денег? Дай мне, хотя бы немного... Что ты молчишь? Не дашь? А еще другом был нашим... Дани погиб, а ты сразу сбежал, подальше. А теперь откупился двадцатью шекелями? Тогда я пойду...

Игаль смотрел, как она уходит – неуверенной походкой, худая, с сумкой-мешком через тощее плечо... какая была красавица, от нее глаз нельзя было отвести, он тогда завидовал Дани. Больше, чем завидовал. Только неписанные законы дружбы останавливали. Дани втянул ее в свою жизнь, приучил к этой дряни, туманящей мозга. Всё ради любви, ради того, чтобы девочка не ушла. И, в конце концов, погубил всех, счастливчик...

- Яна! – Игаль бросился вслед за ней, уже почти скрывшейся в переходах кармельского рынка... С трудом нашел, она стояла в узком грязном переулке перед плохо одетым парнем и протягивала ему раскрытую ладонь с деньгами – мелочью и сверху зеленой купюрой в двадцать шекелей, парень отрицательно качал головой и издевательски смеялся, показывая гнилые зубы...

Игаль схватил ее за руку...

3

Яна сразу стала скучать в его большой съемной квартире, а он старался следить за каждым её шагом – надо было разорвать ее связи с провоцирующей средой, исключить всякие контакты. Но стоило Игалю уйти из дома, или даже крепко уснуть ночью в другой комнате, как Яна исчезала, и ее снова надо было искать – в подвалах, на рынке, в заброшенных домах, среди отвязных веселых парней и девчонок, они все не желали иной жизни, и потеряли связи с реальным миром, они уже не понимали этот мир, а мир не понимал и отталкивал их. Игаль боялся, что однажды он её не найдет, с ней случится что-нибудь совсем плохое, в конце концов, она просто умрет от передозировки на грязном подвальном полу. Никакие беседы и увещания не помогали, она

слушала, но смотрела в сторону или в окно тоскливым пустым взглядом.

Надо было что-то делать, и срочно.

Игаль копался в интернете, вел долгие разговоры по телефону с социальными службами и наркодиспансерами. Везде очень внимательно выслушивали, но помочь не могли ничем, так как, по теории, культивируемой в Израиле, человек сам должен осознать глубину своего падения, и, чтобы начать лечение, он сам должен очень сильно захотеть. Одна соцработница с сочувствием сказала: «Наркомания вредная привычка, но мы не можем никого принуждать лечиться, вот когда человек всё осознает и придет к нам сам, мы им займемся». И она назвала несколько клиник, куда можно обратиться, но лишь тогда, «когда твоя сестра сама поймет и захочет вылечиться, у нас демократия, и мы не можем наркомана заставить лечиться насильно. От рака легче вылечить, чем от этой болезни, потому что от рака вылечиться хотят!», - закончила она разговор и отключилась.

У них полная демократизация наркомании, - с горечью думал Игаль, - сначала надо демократическим путем убедить, а потом уж лечить...

А сотрудник клиники, куда Игаль в очередной раз обратился за советом, терпеливо объяснил: «Вот, когда твоя сестра перейдет все границы, станет воровать, выносить вещи из дому, станет настолько агрессивна, что готова будет убить тебя, если ты не дашь ей деньги на дозу, то тогда ты должен выгнать её на улицу, где она опустится на самое дно, и там ей станет немоту, и она всё осознает, и сама захочет вылечиться».

В другом месте ему сказали, что самое главное – это избавление от психологической зависимости. Надо провести психологическую чистку в специальной общине «кеилот». Там инструкторы полностью стирают личность бывшего наркомана и лепят новую. А еще в Бразилии успешно лечат, «фазенды» специальные открыли для наших ребят...

Наслушавшись всех этих нереальных советов про «стирание личности», про Бразилию, Игаль впал в отчаяние. Надо было за что-то зацепиться и потянуть ниточку, но за что?.. Только разве за Дэвика, она уже не может без слез вспоминать о нем. Надо дать ей надежду, хоть крошечную. А там как будет, так и будет.

Игаль никогда бы не вытащил Яну из трясины, если бы не её безумная любовь к сыну, она хотела, мечтала забрать его, самой растить, любить, быть рядом... И любовь к погибшему счастливчику гвоздем сидела в ее душе, две любви раздирали её

душу, и она убежала из дома Игаля в подвалы, к рынку и... обратно – наступил момент, когда Игалю уже не нужно было её искать, она сама возвращалась и садилась на пол в прихожей, уткнув голову в колени. А он полностью прекратил «душеспасительные» беседы, и однажды выволок её из прихожей, кинул на диван и жестко сказал:

- Если ты три дня не выйдешь из дома, то мы... вот, смотри на календарь! - мы с тобой через три дня навестим Дэвида. Я обещаю!

Свекровь приняла их, поила чаем с печеньем, приглядывалась к Яне, к её приличной одежде – новым джинсам и модной рубашке в клетку, но ничего не спрашивала. Она вела себя так, как Игаль с ней договорился – он приезжал дважды и убедил женщину, что Яна вполне нормальна, скоро устроится на работу, и очень хочет навестить сына.

Няня привела Дэвика из детского сада. Темноволосый кудрявый мальчик с синими глазами сначала дичился и стеснялся, но скоро устроился у Яны на коленях, и они вместе поедали клубнику и чему-то смеялись. Игаль и грузная, сильно постаревшая Малка сели в другом конце большой комнаты и делали вид, что смотрят телевизор.

«...Я давно отошла от всех дел, как муж умер, так и отошла, - рассказывала она тихо, глядя на экран потухшими глазами, обведенными коричневыми кругами. - А надо было еще раньше, когда Дани погиб. Но тогда не получилось бы, многое на мне держалось. Может, я тоже виновата перед Яной, не знаю... Каждый сам выбирает свой путь, разве нет?

Игаль кивнул. «Конечно, сам, - думал он, - особенно, если помогают выбрать». Он ведь тоже тогда крутился в этой среде, и знал, как втягивают человека, как соблазнительны большие деньги. У него выбор был – или с головой увязнуть и закончить как счастливчик, или уехать подальше. И он сделал свой выбор. А Яна не выбирала, у нее была любовь.

Когда они вернулись домой, Игаль сказал:

- Вот видишь, ты продержалась три дня. И не умерла. Продержись еще три, и мы опять поедem к Дэвиду. Я обещаю!

Яна смотрела на него беспомощными жалкими глазами, но в глубине их светилось маленькое счастье, и маленькая надежда.

Игаль понимал, что без серьезной помощи им не обойтись. Но пусть она сама захочет, пусть решится. И надо спешить, пока Яна не сорвалась.

- Мама мне звонила, - вечером сказала Яна. - Она ушла из секты и выходит замуж... В неё влюбился состоятельный мужчина, и они вместе ушли. Обещала скоро навесить нас... Но я сказала, что лучше потом... как-нибудь потом...

Через неделю он отвез Яну в реабилитационный центр «Путь наверх». Она пробыла там четыре месяца и сказала, что хочет в жизни только одного – быть рядом с сыном, всегда.

- Ты будешь с ним, я обещаю! - сказал Игаль.

Ради неё он был готов сражаться с социальными работниками, со свекровью, которая по-прежнему не доверяла Яне, со всем и всеми, кто встанет на её пути, но одного он победить не мог – её любви к счастливчику. Он умер, и она не успела в нем разочароваться, понять, во что он втянул ее, и что долгое счастье там её не ждало. Глупая влюбленная девочка, она мало знала обо всех темных делах Дани, скорее, не хотела знать и вникать в подробности: рэкет, подпольные казино, перестрелки, в которых порой убивали совершенно посторонних людей, случайно оказавшихся не в том месте и не в то время. Но говорить с Яной об этом было нельзя, она хмурилась и замыкалась в себе. Одна робкая надежда потихоньку грела его сердце – что ТАК БУДЕТ НЕ ВСЕГДА.

Когда Яне, под клятвы, слезы, обещания и характеристику из реабилитационного центра отдали сына, она привезла из дома свекрови портрет в рамке и поставила его в своей спальне, на тумбочку возле диванчика Дэвида.

- Это твой папа! - сказала она. - Мы его очень любим, правда? - и оглянулась на Игаль, стоявшего в дверях. Подошла к нему и поцеловала в щеку. - Мы тебя тоже любим...

Игаль кивнул. - Я знаю...

Что ему сделать, чтобы счастливчик ушел, освободил ее сердце... Ведь она может снова сорваться. Разве увезти ее далеко отсюда, так далеко, чтобы ничто и никто не напоминали ей о прошлом. Убежать! Один раз он убежал, и это его спасло. И теперь выход один – убежать отсюда, чтобы спасти её... от счастливчика. Но как убедить Яну, что надо уехать, он еще не знал, не придумал.

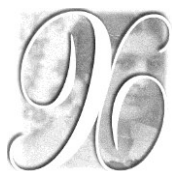
- Что ты улыбаешься? - спросила Яна.

- Да так. Мечтаю...

Семён Каминский

Заноза

отя мне ещё не очень много лет, иногда, вспоминая какое-то событие или место, я вдруг с удивлением и некоторым смятением понимаю, что некоторых из тех, кто был со мной *там*, уже нет в живых... А те, кто есть, – где они? Где те, кто делил, играя «в ножичка», очерченный кругом кусочек грязной земли старого двора? Ел восхитительную, коричневую со светлыми выпуклостями орехов трубочку мороженого, купленную в «стекляшке» на углу за целых 28 копеек? Дышал рядом в невыносимо потной тесноте июльского трамвая по дороге в провинциальный Дворец культуры, куда «Поющие гитары» привезли на один вечер рок-оперу «Орфей и Эвридика»?

Я не знаю. Попытки описать что-то такое, живущее теперь только в моей голове – жене, детям, новым друзьям – совершенно бессмысленны. Им просто становится скучно. И я вполне понимаю, почему: нет у меня таких слов, чтобы описать воспоминание, имеющее некий чёткий смысл для меня, но для всех остальных – совсем незначительное. Неброское. Неяркое. Банальное...

Как передать, например, тягучий сонный летний мир морской слободки старого приморского городка, куда родители много раз привозили нас на лето? Мир, в котором остался запах высохшей морской травы, набитой в хрустящие матрасы. Вкус манной каши с большим куском сливочного масла – это мама подала нам завтрак в круглой беседке, сбитой из деревянных планочек во дворе дома, где мы остановились. Длинный огород, выходящий прямо к морю. Большущий паук с крестом на спине, в паутине, под потолком этой беседки (раньше никогда не приходилось видеть такого!). И тяжёлое солнце, долгими июльскими днями настойчиво давящее курортников к горячему мелкому пляжному песку...

А потом, уже в другой, более поздний приезд: босые, крепко загоревшие ноги и лёгонькие светлые волосы абсолютно недоступной девчонки – соседки наших хозяев. Наверно,

ровесница... Совершенно немислимо даже заговорить с ней. Даже подумать о том, чтобы заговорить с ней...

И как передашь тревожное ощущение своих четырнадцати лет?

Каждое пляжное утро отдыхающие начинали с ритуала сооружения личного шалаша. Все приходили со связкой четырёх аккуратно обструганных палок, которые вбивались в песок, и на них старательно привязывался тент из полосатых простыней. Не помню, возможно, родители послали меня к Лёшкиному шалашу одолжить на пару минут нужный камень для забивания палок? Или Лёшка подошёл посмотреть, как мы с отцом играем под нашим тентом в шахматы на старой, немного примятой картонной доске? А может, наш бадминтонный воланчик упал на их подстилку? Помню только, что, познакомившись, мы сразу и накрепко прилипли друг к другу, счастливые оттого, что здесь наконец-то нашёлся человек, с которым будет совсем не скучно делить размеренное летопровождение. Оказалось, что у нас похоже всё: возраст, любимые Стругацкие и Рей Брэдбери, преподавательские профессии родителей, небольшие квартиры в центре больших соседних промышленных городов, количество братьев и сестёр.

А улыбка у него была такая: вроде бы человек долго-долго ждал чего-то, почти не надеялся найти и вдруг нашёл... и улыбнулся.

Как здорово теперь было вместе часами болтаться в мелкой, совершенно спокойной и почти не отличимой от температуры тела морской водичке! А вечером в десятый раз смотреть в душном местном клубе «300 спартанцев» и «Парижские тайны». И секретно обсуждать ту самую соседскую девчонку, к которой никому из нас никак не подойти...

Впрочем, с девчонкой всё решилось просто. Во время нашего вечернего променада по морской слободке один из знакомых «пляжных» мальчишек вдруг подвёл её к нам со словами: «Это – Ирка, она тут хотела с вами познакомиться». Ирка оказалась приветливой простушкой, много и безостановочно тарыхтела, и стало понятно, что нам с ней совсем неинтересно.

Однажды Лёшка сильно занозил на пляже ногу – видно, на какую-то щепку наступил. Он долго и тщательно вытаскивал непослушную занозу из ноги, потом сообщил, что срочно идёт домой – обработать ранку. А в ответ на мои умненькие ироничные замечания по этому поводу заявил:

– Отец Маяковского, между прочим, умер оттого, что укололся булавкой, сшивая бумаги... А был крепким человеком, лесником, ходил на медведя в одиночку... Понял?

...Потом мы уезжали домой – в наши разные города, и ещё одно детское летнее знакомство грустно подходило к концу. Мы решили, как это обычно бывает, обменяться адресами и стали записывать их друг другу на клочках какой-то бумаги. Я очень стеснялся своей фамилии, однозначно и бесповоротно открывающей мою принадлежность к «некоренной» национальности. К той самой, которой вроде бы и не существовало в нашей большой советской стране... Но делать было нечего, и я, с чувством падения в пропасть, отдал ему свою бумажку... О, счастье! Совершенно ненашенское окончание «штейн» моей злополучной фамилии вполне соответствовало его «ман»... похоже, мы были одного поля ягодки!

Мне лет пять. Я гуляю с бабушкой по улице Ленина, недалеко от старого трёхэтажного дома, где мы тогда жили. Проезжают редкие машины (и это одна из ближайших к центру улиц большого города – сейчас на этом месте просто постоянный затор). Медленно плетётся вверх по улице телега старьёвщика. Старенькая лошадь тянет, старается, периодически оставляет на дороге пахучие кучки – метит свой нелёгкий путь. Старьёвщик – лето, а он в телогрейке – придерживает на коленях вожжи и хитровато посматривает по сторонам. Во рту у него белая свистулька от воздушного шарика, время от времени она издаёт зудящий пронзительный звук...

Толстенные дубы вдоль тротуаров, незаасфальтированные круги серой земли вокруг каждого дерева. Мне всё интересно, и я подолгу разглядываю гигантские корни, уходящие в землю. Мне легко это делать не наклоняясь, потому что я маленький, земля ко мне близко.

Из-под арки дома выскакивают несколько мальчишек постарше – наши соседи по двору. Чумазые, воюют, чем-то бросаются. Баба Люба недовольно поглядывает на них.

– Почему они такие грязные? – спрашиваю я.

– Русские дети... – она поджимает губы.

Я не понимаю её ответа и, поразмыслив, через какое-то время спрашиваю:

– Это... как?

– Русские, – повторяет баба Люба. Видимо, мне всё уже должно быть ясно, но я по-прежнему не понимаю, что она хочет этим сказать.

– А мы кто?

– А мы – евреи.

Я больше ничего не спрашиваю.

Мне уже не до вопросов и не до этих мальчишек.

Я потрясён.

Осенью меня, «домашнего мальчика», почему-то решают «устроить» в детсад. Я покорно иду туда с мамой. Прихожая, одинаковые шкафчики, на дверцах которых намалёваны небольшие цветные картинки. «Этот шкафчик с арбузом – твой», – как-то чересчур радостно и настойчиво говорят мне, и уже сразу хочется домой. Это желание еще больше усиливается от ненавистного мне запаха и вкуса сладких макарон с молоком...

После трёх дней посещения этого заведения бабушка и мама застают меня дома, бегающим и прыгающим по дивану с громкой задорной присказкой, смысла которой я не понимаю, но которая нравится мне незнакомым жужжащим словом:

Жид, жид, жид

По верёвочке бежит!

И так – раз сто.

Я слышу, как бабушка твёрдо говорит маме:

– Чтоб я про этот детский сад больше не слышала!

Моё знакомство с детским садом благополучно заканчивается. Навсегда.

Мне – 12 лет. Я иду записываться в районную детскую библиотеку имени М.Светлова – это недалеко от дома, только проспект перейти. Читать я люблю, дома все книжки уже перечитаны по много раз, у знакомых и друзей – тоже. В маленькой библиотеке, которая расположена в полуподвале белой кирпичной пятиэтажки, всё время очередь. Наконец немолодая библиотекарьша за стойкой начинает заполнять на меня формуляр:

– Имя?

Я достаточно громко говорю ей свое имя.

– Фамилия?

Я говорю фамилию. Тише.

– Национальность?

По-моему, меня с интересом слушает вся очередь. Я невольно еще понижаю голос...

Спустя какое-то время отец высмеивает меня:

– Моя знакомая, Полина Давидовна Натансон, которая работает в детской библиотеке, рассказала мне, что ты стеснялся назвать свою национальность, когда пришёл записываться?

Много лет мы с Лёшкой регулярно писали друг другу пухлые письма. В них было всё: и жизнь, и стихи, и наши

неразделённые влюблённости. Ездили друг к другу на каникулы, по очереди нетерпеливо просиживая тяжкие четыре часа в духоте общего вагона. Щенячья радость встреч, долгие-долгие ночные разговоры... о чём-то важном... бог знает о чём... запах бобинной «Дайны», разогретой от многочасового проигрывания «Beatles For Sale»:

This happened once before,
When I came to your door,
No reply...

С горем пополам мы учили в школе английский и почти не понимали, что они поют, эти удивительные парни. Только отдельные фразы... «No reply» – нет ответа... Нет ответа.

И опять лето, мы – студенты второго курса. Еле-еле я «добил» свою вторую экзаменационную сессию. В этот раз Лёшка приезжает ко мне. Я почти не сплю несколько ночей перед его приходом. За полтора часа до поезда прихожу на вокзал, до которого мне от дома – рукой подать. Слоняюсь по влажному от короткого летнего дождя перрону, подгоняю взглядом чёрные ажурные стрелки старых вокзальных часов. Наконец на вокзал неспешно вползает голубой фирменный поезд из его города.

Мы говорим, говорим не умолкая. Основная тема, по-прежнему, – «о них»: он, конечно, завидует – у меня уже есть девушка, и я, чувствуя себя солиднее и удачливее, задираю свой большой нос. А у него, такого красавчика, так ничего и не клеится: слишком много сомнений, рассуждений, слишком мало напора. Девчонки с ним дружат, гуляют – и выходят замуж за других.

В одной из своих прогулок мы оказываемся на берегу Днепра. Лёшка стоит спиной к реке, опираясь на светло-серый гранитный парапет, молчит, а я что-то оживленно рассказываю и рассказываю, стоя перед ним: продолжаю, честно говоря, здорово хвастать. Вдруг кто-то сильно толкает меня сзади, да так, что я почти падаю на Лёшку.

Это – местные «пацаны». Самого крепкого из них я припоминаю – Тарас или Стас – из того дома, где живёт моя девчонка.

– Ты! – начинает он и всё остальное добавляет «матюгами». – Чтоб я тебя... с Люськой больше у нас во дворе не видел, понял?

Я понял: их – пятеро. И сам – не герой, и втягивать Лёшку в эти разборки не хочу. Когда они уходят, я уже совсем не чувствую себя перед ним героем-любовником и замолкаю. А Лёшка, наконец, потихоньку начинает рассказывать о себе. О

прочитанных книгах, о Тарковском, фильмы которого, особенно «Андрея Рублёва», он обожает, о живописи...

В 20 лет, во время студенческого туристического похода на лодках по рекам Алтайского края, Лёшка неожиданно заболел тяжёлой почечной болезнью. Товарищи подумали, что его сильно покусали комары, и всё время шутили по этому поводу. Правда обнаружилась уже дома.

Я приезжал к нему, ходил в больницу, откуда его почти не выпускали. Было страшно видеть его тонкое лицо до неузнаваемости отёкшим, похожей оставалась только улыбка. Похожей...

Кто-то знакомый с медициной сказал мне: «Он не протянет больше трёх лет...». Я очень разозлился на говорившего – как он осмелился такое...?! Да этого просто быть не может!

Ни заботливые родители, ни хорошие врачи, ни лучшие в то время лекарства не смогли спасти Лёшку. Он провалялся в разных больницах своего города чуть больше года – диализ, диализ... опять диализ! – потом родители решились перевезти его в Москву. Он умер осенью в Склифе.

В одном из последних писем Лёшка с обычным юмором описывал свои приключения в больнице перед отъездом в Москву. Оказывается, там он умудрился познакомиться с красивой девчонкой лет восемнадцати. Её не смутила его болезнь, его вид тяжёлого почечного больного... Её звали Ирой. Она лежала в каком-то другом отделении, кажется, ей вырезали гланды, и вскоре выписали, но она продолжала каждый день навещать его.

К концу тон письма неожиданно менялся:

«Ты знаешь, это всё-таки произошло. В пустом актовом зале. Это так здорово».

Я прилетел в его город, такой знакомый город, и в этот же вечер мы – друзья и какие-то незнакомые мне люди (оказалось, что сотрудники института, где преподавал Лёшкин отец) – встречали самолёт из Москвы. Вышли родители – тихие, очень уставшие. Все стояли кучкой посреди зала, долго чего-то ждали, негромко переговариваясь. Не сразу я понял, что ждут, когда из самолёта выгрузят гроб – цинковый гроб со стеклянным окошечком на крышке. Я заглянул в окошечко – там был мороз, чужой желтоватый высокий лоб и чёрные волосы, почему-то зачёсанные назад. Мы помогли внести его в какой-то микроавтобус, а дома – поднять по лестницам в квартиру. Поставили на столе в гостиной. Вместе с родителями нас осталось всего несколько человек – самые близкие. Стали отпаивать крышку разогретым утюгом.

– Нужно переодеть... рубашку и костюм, – сказала Лёшкина мама, – помогите, пожалуйста, приподнять.

– Очень тяжёлый, – сказал отец.

Мы переодевали Лёшку – ничего страшнее в моей жизни никогда не было. Дай бог, не будет. Говорили по-прежнему тихо, междометиями...

– Какой же ты холодненький, Лёшенька! – вдруг зашла в крике мама...

Утро похорон было дождливое. Во дворе большой сталинки собралась толпа, высокий Лёшкин папа, сгорбившись, косо держал над гробом зонтик. Я обнаружил стоящую рядом со мной симпатичную заплаканную девушку и поймал себя на том, что разглядываю сбоку её лёгонькие светлые волосы, покрасневшие веки и пухлые губки... и немного улыбаюсь... Да как же я могу?! В такой момент! Я даже незаметно посмотрел по сторонам – не увидел ли кто эту ужасную мою улыбку? Преступную улыбку? Слава богу, вроде бы никто...

Нет старых дубов на улице Ленина, вместо них уже давно посадили молоденькие клёны. И клёны эти успели вырасти. И чтобы увидеть что-то на земле, мне нужно не просто наклониться – мне нужно стать на колени на эту землю. Впрочем, это уже совсем другая земля – далеко-далеко от старого дома (его снесли в девяностых), чумазых русских мальчишек, библиотеки имени М.Светлова и сладких макарон с молоком. Жена у меня – русская, сыновья не только говорят, но и думают по-английски, и никому нет особого дела до моей фамилии и национальности – да мало ли разных фамилий и национальностей на свете?

А я... мне ещё не очень много лет, но иногда, вспоминая какое-то событие или место, я вдруг с удивлением и некоторым смятением понимаю, что некоторых из тех, кто был со мной *там*, уже нет в живых. Только саднит и саднит вросшая, назойливая заноза моей памяти. И уже никак эту занозу не вытащить – пока думается и помнится... Пока живой.

Чикаго, 2008

Александр Матлин

Моя недолгая жизнь на театральных подмостках

ейчас, дорогой читатель, я сделаю признание, которое человек может сделать только в преклонном возрасте. Я открою вам то, что скрывал всю жизнь: у меня нет никаких талантов. Я от рождения безнадежно бездарен. У меня нет способностей в живописи. У меня нет музыкального дара. Я не преуспел ни в поэзии, ни в прозе. Об искусстве танца вообще говорить нечего.

Но вот однажды, один-единственный раз в жизни, во мне ненадолго вспыхнул дар актёра. Это было восхитительное, всепоглощающее чувство. Это был взрыв счастья – как невесомость, как парение в небе. Сегодня, много лет спустя, при воспоминании об этом мне хочется петь и танцевать, но я не могу этого сделать по причине, изложенной выше: нет таланта к пению и танцам.

Это произошло в Лос-Анджелесе вскоре после того, как я прибыл сюда в качестве иммигранта, политического беженца из страны победившего социализма. Кого ещё он победил, я не знаю, но надо мной этот славный социализм определённо одержал победу. Я спасся бегством. Промыкавшись в Лос-Анджелесе несколько месяцев без работы и без средств к существованию, я случайно узнал, что тут существует и успешно функционирует русский театр. Я умел говорить по-русски, и это было, пожалуй, единственное, что я тогда мог делать в Америке. Я подумал, что в русском театре это может пригодиться.

Режиссёр театра Николай Грызунов, он же его владелец и менеджер, принял меня дружелюбно. Он рассказал мне, что сейчас театр готовит к постановке монументально-эпохальную пьесу “Любовь зла”, и они как раз набирают актёров. Подзаголовок пьесы, объяснил он, будет “Полюбишь и козла”. Актёр на роль козла, то есть героя-любовника, у них уже есть, но не хватает актёра на роль обманутого мужа. Потом, повнимательней

приглядевшись ко мне, он помялся и добавил, что театр, вообще-то, русский, поэтому актёры должны иметь русскую внешность и русские фамилии. Тем не менее, сказал он, им также нужен суфлёр, и он готов предложить мне эту должность. Он может заплатить мне двадцать долларов после того, как спектакль будет сыгран.

Я согласился с радостью. К тому времени я не заработал в Америке ни цента, и двадцать долларов выглядели, как солидный куш.

Работа была простая. Я должен был стоять за кулисой и шепотом читать текст пьесы. Всё искусство заключалось в том, чтобы вышёптывать каждую реплику после того, как предыдущая была сказана со сцены. Кому принадлежала реплика, читать не надо было, актёры должны были сами это знать.

Роль обманутого мужа долгое время оставалась вакантной. В последний момент на неё нашли жилистого плотника Васю, человека угрюмого и далёкого от искусства Мельпомены. Но выбора уже не было, до премьеры оставались считанные дни. Васина фамилия была Козлов, что хорошо гармонировало с названием пьесы. Вася Козлов говорил по-русски с необычным, то ли волжским, то ли уральским акцентом, и в его устах всё, кроме мата, звучало как-то неестественно. В каждую фразу он вставлял непонятное всем, кроме меня, вводное слово, которое звучало как “бёньт”.

Начальные этапы репетиции пьесы – чтение и разводка – прошли без меня и без Васи. Я был пока не нужен, а Васю тогда ещё не нашли. К тому времени, когда мы оба влились в труппу, спектакль был в цейтноте. До премьеры оставалось всего одна репетиция. Актёры нервничали. Грызунов психовал. Вася Козлов не успел выучить свою роль, и поэтому вся надежда была на суфлёра, то есть на меня.

На репетиции я показал себя с хорошей стороны. Я правильно шептал тексты, как раз так, чтобы меня хорошо слышали актёры, но не слышала публика. Сложнее обстояло дело с Васей, игравшего обманутого мужа. Будучи красивым синеглазым блондином, он никак не мог войти в эту унижительную для него роль. Ему бы больше подошла роль любовника, но эта выше упомянутая роль козла уже была отдана Мишке, двоюродному брату режиссёра. Мишка, наоборот, был маленький, плюгавый мужичок, мало похожий на любовника. Что поделаешь, любовь зла, как извещало название пьесы. Кроме того, у Мишки жена была на сносях, и он каждую минуту бросался к телефону, чтобы узнать, не начала ли она рожать.

Сюжет пьесы был примитивен, как сказка про курочку Рябу. В основе его лежал любовный треугольник. В последнем акте муж возвращался домой из командировки и находил в своём доме любовника жены. Это была кульминация. Разыгрывалась трагическая сцена, которая заканчивалась двойным убийством. Зрительской массе русского театра, состоявшей из иммигрантов первой и второй волн, нравились любовные драмы. Особенно они любили, когда дело кончалось убийством, так что билеты на спектакль были раскуплены.

Наступил день спектакля. Актёры нервничали. Грызунов дрожал от страха, опасаясь провала. Как ни странно, меньше всех волновался Вася Козлов. Перед началом спектакля он для храбрости принял двести пятьдесят, запил пивком, порозовел и теперь умиротворённо ждал своего выхода.

Первые два акта прошли гладко. Я шептал, актёры старательно выкрикивали за мной свои роли, а зрители терпеливо дожидались трагической развязки, предвкушая убийство. Настал третий акт. Муж, то есть Вася Козлов, вернулся из командировки и постучал в дверь своего дома. На самом деле постучал режиссёр Грызунов, который всегда лично исполнял закулисные звуки. Героиня заметалась по сцене.

Все рисунки художника Вальдемара Крюгера

– О Боже это мой муж, – прошептал я.

– О Боже, это мой муж! – закричала героиня, заламывая руки.

Грызунов постучал ещё раз, вкладывая в стук максимум трагичности.

– Ах он убьёт меня, – прошептал я.

– Ах! Он убьёт меня! – прокричала героиня ещё громче.

Я на её месте не стал бы кричать так громко из опасения, что мужу за дверью всё может быть слышно. Но давать героине советы не входило в мои обязанности. Я прошептал:

– Скорей сюда в шкаф.

– Скорей! Сюда! В шкаф! – заорала героиня благим матом.
Настало время появления мужа.

– Вася, выходи, – прошептал Грызунов.

– Куда? – спросил Вася.

– Куда, куда – на сцену!

Васин выход был встречен аплодисментами. Публика оценила его яркую внешность и нетвёрдую походку. Видно было, как замечательно этот актёр играет человека, уставшего с дороги. Вася остановился недалеко от меня и стал вглядываться в тёмный зал, пытаясь увидеть знакомые лица. Я выдержал положенную паузу и прошептал:

– Ты почему так долго не открывала.

– Ну ты, почему, бёнь, так долго не открывала? – членораздельно повторил Вася, продолжая глядеть в зал.

Грызунов подскочил ко мне и с мольбой прошептал мне в ухо:

– Зачем он говорит “бёнь”?

Это был шепот отчаяния, можно сказать, крик души в страхе надвигавшейся катастрофы. Но я в тот момент был парализован чувством ответственности и воспринял шепот Грызунова как инструкцию.

– Вася, – прошептал я, – зачем ты говоришь “бёнь”?

Вася перестал вглядываться в зал и повернулся ко мне.

– А чего ж она, бёнь, не открывала? – сказал он с явной обидой. – Оглохла, что ли?

– Вася, – сказал я звенящим шепотом, – не отвлекайся от роли. Повторяй только то, что я говорю.

– А я что делаю? – ещё больше обиделся Вася.

Спектакль явно начинал сходить с рельсов. Я в растерянности оглянулся на Грызунова, не зная, что мне делать дальше. Но Грызунова не было. Позже выяснилось, что он, предвидя провал и опасаясь мести разгневанных зрителей, бежал из театра и уехал к своему тестю в Редондо Бич, где его не могли найти. Но тогда мне некогда было размышлять над тем, куда он делся. Я оставался один на один с пьяным Васей.

– Ты здесь кого-то прячешь, – прошептал я.

– Ты здесь кого-то прячешь, – монотонно повторил Вася, не глядя на героиню. Его игра мне не понравилась.

– Не правильно, – прошипел я. – Говори с выражением!
Вот так.

И добавил, наполняя свой шепот театральной страстью:

– Ты здесь кого-то прячешь!

– Понятно! Ты здесь, бёнь, кого-то прячешь! – громогласно повторил Вася. На этот раз голос его звучал угрожающе. Он явно начинал входить в роль.

– Ах, нет милый. Здесь никого нет, – прошептал я.

Реплика относилась к героине, и она её старательно выкрикнула. Но Вася не знал, кто что должен говорить, и добросовестно повторял всё, что я нашёптывал. В результате, они оба прокричали в унисон:

– Ах, нет, милый! Здесь никого нет!

Это прозвучало бессмысленно, но весьма эффектно, как тщательно отрепетированный сценический приём. Я прошептал:

– Я знаю он где-то здесь. Он где-то здесь.

– Слышу, можешь не повторять – огрызнулся Вася. – Он, бёнь, где-то здесь!

Голос его звучал вполне трагично, но при этом Вася продолжал стоять на месте, глядя в зал.

– Ищи его, – прошипел я. – Он в шкафу.

Вася начал кружить по сцене, но далеко от меня не уходил, боясь не расслышать текста. И тут я понял просчёт постановщика. Шкаф находился на противоположном, максимально удалённом от меня краю сцены, куда Вася не забредал. Положение становилось критическим. Время шло. Пора было убивать любовника, а Вася его не мог найти, и было ясно, что уже никогда не найдёт.

Я с тоской подумал о двадцати долларах. Грызунов по-прежнему не появлялся, и тогда я решил взять спасение спектакля в свои руки. Я бросил тетрадь с текстом, который уже знал наизусть, выскочил на сцену, схватил Васю за рукав и подтащил его к шкафу.

– Наверно он в шкафу, – прошептал я в Васино ухо. – Говори.

– Ага! Наверно он, бёньть, в шкафу! – с облегчением заорал Вася, совершенно не удивляясь такому неожиданному повороту событий.

Он широким театральным движением распахнул шкаф и сделал зверское лицо, чтобы немедленно убить негодяя Мишку.

Но в шкафу никого не было. Он был предательски пуст. В нём не было даже задней стенки, вместо которой в полумраке закулисья виднелось какое-то безобразное нагромождение старых декораций. Случилось самое ужасное: когда Мишка сидел в шкафу, ему сказали, что только что позвонила его жена и что из неё потекла вода. И Мишка сломя голову помчался домой, бросив на произвол судьбы тонущий спектакль и не дожидаясь своей преждевременной гибели от руки разгневанного Васи.

Ещё не успев осознать всю нелепость сложившей ситуации, я по инерции прошептал:

– Ага вот ты где.

– Ага, вот ты где, падла! – заорал Вася.

Он начал оглядываться по сторонам, пытаюсь понять, к кому он обращается. Не найдя никого более подходящего, он схватил меня за шиворот и стал трясти, продолжая орать, что он меня сейчас убьёт. Эту часть своей роли он то ли помнил, то ли импровизировал.

Тут я сообразил, что я уже не суфлёр, а, наоборот, действующее лицо, притом одно из главных, и почувствовал, как в меня вселяется творческое вдохновение. Я закричал, заламывая руки:

– О, пощади меня!

Героиня тоже проявила сообразительность и заорала:

– О, пощади его!

– Я тебя, бёньть, пощадю! – сказал Вася и убил меня какой-то блестящей штуковиной, заранее припрятанной у него в кармане.

Я картинно упал, ударившись головой об пол. Но боли я не почувствовал – так я был захвачен своей трагической ролью.

Расставаться с ней было жалко, и я от себя добавил то, чего не было в пьесе:

– Прощай, моя любимая! Я умираю!

Вася презрительно покосился на меня и, не мешкая более, прирезал героиню тоже.

Дали занавес. Зал разразился бешеными овациями. Мы втроём, всем любовным треугольником, вышли на авансцену и раскланялись. А зал продолжал реветь. И мы много раз выходили и кланялись, выходили и кланялись. И я чувствовал, что летаю в облаках.

На этом закончилась моя артистическая карьера. Она была, как видите, непродолжительной, но успешной. Вместо обещанных двадцати долларов Грызунов заплатил мне сорок: двадцать за меня и двадцать за предателя Мишку. Правда, играть в театре он меня больше не приглашал.

А Васина карьера, как ни странно, только началась. Оказалось, что на наш спектакль пришёл – в качестве чьего-то мужа или свёкра – какой-то мелкий голливудский продюсер. По-русски он не понимал, но ему понравилась Васина внешность и неподдельно страстная игра, особенно то, с каким энтузиазмом он пришёл меня и героиню. Продюсер представил его своим коллегам, и Васю стали снимать в кино в роли советского шпиона или подполковника советской армии.

Вскоре я потерял Васины следы. Говорят, что в Голливуде он стал своим человеком, разбогател, женился на Деми Мур, и теперь пламенно борется против глобального потепления.

New Jersey
May 2012

Владимир Савич

«Табуретка Мира»

Роман в рассказах

(продолжение. Начало в №7/2012)

Три сеанса

Герман Хорошевский, пианист отеля Плаза-отель, позвонил ко мне рано утром.

Геру чуть за сорок. У него все чуть-чуть. Рост чуть выше среднего. Чутьку лысоват. Слегка сутул. Немного полноват.

Но все это перевешивают два его полноценных качества.

1. Геру - пианист не балуйся! Его манера исполнения слегка холодновата, но в тоже время глубоко эротична. В ней отсутствуют какие-либо преувеличения, будь то чрезмерное рубато или смена темпов, динамические контрасты или чрезмерная активизация ритмического начала.

2. Он, как бы это емче сказать... Счастливчик? Нет. Везунчик? Тоже не то. Я думаю, что ему как нельзя лучше подойдет - "прун". Производное от "пруха". А пруха, я вам скажу - не какое-то там банальное везение. Пруха - это там где другому слезы, разорение и петля, Геру - тишь, гладь и Божья благодать...

- Дружок, ты ли это? - хриплым, болезненным голосом спросил Геру.

- В известном смысле.

- Я слышал, ты у нас слывешь за доктора Живаго?

- В некотором роде, - с профессиональной гордостью ответил я.

Поясню, что в эмиграции я стал неплохим массажистом.

- А что случилось?

- Да понимаешь, косанул меня радикулит. Доктор прописал массаж. Сделаешь? Я славно пробашляю, - пообещал Герман Хорошевский.

- Элементарно!

Сложив в саквояжик: кремы, масла, автоматический массажер "Акупресс", я отправился к пациенту.

В дверях с золотым квадратиком "Happy Best - the pianist" (творческий псевдоним Геры Хорошевского) я столкнулся со звездой эмиграционной парапсихологии - Брониславой Львовной Н.

- Латала дыры в моем энергетическом поле, - ответил на мой недоуменный взгляд Хорошевский.

У Геры чудная квартира с видом на речной залив. Добротная мебель, кабинетный рояль "Шредер", парочка "Роландов", домашняя студия звукозаписи. И так, по мелочам: хрусталец, фарфорец, бронзец и золотишко. В общем, и в целом - квартира респектабельного американца Джона Смита, Но воняло в ней в тот день жженой костью, словно в столярной мастерской Луки Александрыча.

1

Первый свой сеанс я начал с граблеобразного поглаживания, затем перешел на пиление, а на строгании поинтересовался:

- Радикулит у тебя давно?

- Какой давно!? Я уже лет двадцать не знаю, что такое температура! Здоров, как морской котик. Но вообще-то я догадываюсь, в чем дело. Хочешь послушать? Забавная история. Мне все одно кому-то надо исповедаться. Жить мне может, осталось совсем ничего.

Как будто в подтверждение его слов за стеной надрывно завyla собака.

Ресторан "Малахитовый цветок" представлял собой бетонно-мраморное сооружение, архитектурными формами, напоминавшее бутон распустившегося цветка, начал свою историю Герман. Фасадом "Цветок" смотрел на живописные клумбы, водяной каскад. "Черными" окнами - на оживленную автобусную остановку. Гиблое, между прочим, место: наибольшее количество ДТП с летальным исходом случалось именно на ней. По этому поводу ее окрестили Бермудским треугольником.

Место в "Малахите" регистрировалось за месяц, а то и два до торжества. Столпотворения и драки за проникновение в зал были ожесточеннее, чем за место в спасительной шлюпке "Титаника".

А каков был обслуживающий персонал! Гвардия, а не персонал!

- Чуть полегче. Чуть деликатней, - попросил меня Хорошевский, когда я приступил к поперечному выжиманию спины.

- Вот так ничего? - чуть уменьшив давление, спросил я.

- Нормально. Так на чем я остановился. Ну, да. Повара! Какие там были повара! Суфле, трюфеля, да что там говорить, когда даже посудомойка тетя Глаша имела диплом кулинарного техникума и значок "отличник производства"!

Руководил всем этим делом щуплый человечек с кулинарной фамилией Блинов. Ходок я тебе доложу, был редкостный!

Ну и, наконец, эстрадно-симфонических оркестр "Малахит". О! Какой это был бэнд! Когда они "ложили" "медную" пачку из "Chicago" или "Blood, sweat and tears", у понимающего народа случался духовный оргазм!

"Сесть в "Цветок"! О, об этом мечтал каждый городской музыкант, как скажем, всякий городской комаппаратчик - попасть в члены Политбюро.

Лет с ...дцати мечтал о месте в "Цветке" и я. Даже репертуар группы, в которой я начинал свою муздеятельность, составил из вещей "бомбившихся" в "Цветке". На всякий случай! А вдруг позовут?

И вот как-то вечером у меня зазвонил телефон.

На этом месте история оборвалась, ибо закончился мой сеанс.

- Ну, ты мастак! - вставая с постели, кряхтел Хорошевский. - Живаго! Настоящий Живаго! Получи.

И он протянул мне деньги. Их оказалось сверх запрошенного мной.

- Завтра жду пренебреженно! - кричал вдогонку лифту Г. Хорошевский.

- Буду-у-у, - отвечал я ему из шахты. В парадной я столкнулся с бормочущей себе под нос "топтакали - лягакли" - звездой парапсихологии - Брониславой Львовной Н.

2

Назавтра в квартире Г. Хорошевского к запаху жженой кости прибавился дух паленого куриного пера.

Я начал со щипков, а на растирании Хорошевский продолжил свою историю.

..Итак, у меня зазвонил телефон. Звонил Григорий Костриков. Ей-Богу, если бы ко мне позвонил Николай Чудотворец, я бы удивился меньше. Г. Костриков был вальяжный человек лет сорока с мягкой кошачьей походкой и

обходительными манерами сексуального обольстителя. Деятели искусств и, поговаривали, прямой родственник С. Кирова.

- Послушайте, Гера. Говорят, вы играете наш репертуар? - поинтересовался Г. Костриков.

- Где-то да...

- Ага! Тогда у меня к вам, милейший, вопрос-предложение. Могли бы вы подменить нашего пианиста?

Пианист оркестра "Малахит" Эдуард Поберецкий (Эпо) был пианистом по материнской линии и заядлым картежником по отцовской. Раза два в год Эпо делал большую игру.

- Вы согласны?

Ты не поверишь, но, вместо того чтобы лепетать и заискивать, я развязно спросил: - "Что я буду с этого иметь"?

Скорей всего тут взыграло самолюбие. Если к вам звонил Г. Костриков, то это могло означать только одно: в этой скоротечной жизни вы появились совсем не случайно.

- Два красных рубля в день, - не раздумывая, ответил Костриков.

- Пх! - пыхнул я в трубку.

- Что ж значит пых! Назовите вашу сумму.

- Полтинник, - объявил я.

- Да вы что! Возьмите себя в руки. Не завывайте ноту! Я ведь могу позвонить и кому-нибудь поговорчивей.

- Нет, нет, нет. Считайте, что я неудачно пошутил, - снизил я тон.

- Засчитал. Жду.

Г. Костриков повесил трубку.

Вот так на несколько вечеров я стал клавишником ресторана "Малахитовый цветок".

Могу сказать, что это были лучшие дни и ночи моей жизни. Я играл как молодой бог: яростно и самозабвенно.

А теперь я похож на выброшенного, на берег кашалота.

Гера печально вздохнул, почесал спину и продолжил.

...Я легко менял тональности и лабал крутые импровизы. "Козы" из танцевальной группы "Лепестки" кружили надо мной, словно чайки над рыбным косяком.

С кем только я не познакомился за эти дни: от воровского авторитета до известного на всю страну психотерапевта.

Но у всякого Рая есть своя "Coda". Как-то в дождливый понеделник с покусанным левым ухом с большой игры вернулся Эпо, и сбросил меня с шумного Олимпа на скучную Землю.

- Спасибо, Гера, и до новых творческих, - рассчитываясь со мной, сказал Г. Костриков.

- А собственно, почему до новых? Ведь мы могли бы их и не прерывать. Я согласен играть и за квинту от причитающихся мне башлей. И потом я не понимаю, зачем он вам нужен? Он ведь утаивает "парнас" от коллектива!

- Ну, нет, что вы, Гера, я человек моральных принципов! Выгнать человека я не могу, но вот, если, скажем, с ним что-нибудь случится, то я непременно поимею вас в виду, - пообещал мне Г. Костриков.

- Поимейте, - ответил я, и поплелся на автобусную остановку.

"Если с ним что-то случится. Если с ним что-то случится" - неотступно крутились в моей голове слова Г. Кострикова. Что с этим наглым боровом может случиться?! Только что запор от чрезмерного поедания жареных перепелов! "Такому человеку случайность надо создать" - вынес я решение. И, взволновав клавиши своей юношеской фантазии, стал творить "несчастный случай" пианисту А. Поберецкому.

- Легче, легче. Душу выбьешь! - застонал Хорошевский, когда я принялся за "похлопывания"

- Все, все заканчиваю.

И, сложив мази и кремы в саквояжик, вышел от Хорошевского. В дверях лифта я вновь напоролся, на шамкающую губами: - "дрыгус - брыгус" - звезду парапсихологии - Брониславу Львовну Н.

3

- Ну, как ты? - спросил я, придя к Хорошевскому на следующий день, и принохался. В квартире нестерпимо воняло смоленой пороссячьей щетиной.

- Значительно "хорошевски". Почти как горный козел! - ложась на кровать, заверил меня Гера. - Так на чем мы остановились в прошлый раз?

- Я на похлопывании, а ты на фантазиях, - напомнил я Гере его историю.

Ах, ну да.

...Чего только я не нафантазировал! Каких только сценариев не сочинил!

Достаточно сказать, что я серьезно обдумывал вариант создания препарата, с помощью которого я бы лишил Эпо творческой потенции.

Вскоре я бросил фантастические проекты и перешел к реализму будней.

Я проник на территорию венерологического диспансера.

- Я дам тебе сотку, если ты заразишь указанного мной человека, - пообещал я одной из пациенток: даме, остававшейся и в застиранном, дырявом больничном халате весьма привлекательной. Я чуть было не поддался соблазну заразиться сам!

- Для этого мне надо цивильное платье и четвертной задатка, - ответила она.

Назавтра я принес все требуемое.

- Будет сделано в лучшем виде, - пообещала дама и навсегда исчезла как с территории больницы, так и из моей жизни.

Тогда я обратился к знакомому воровскому авторитету. Стриженному под ежика субъекту.

- Не ссы. Это Гарик, - сказал он, увидев мое замешательство от вида огромного питона, кольцом лежавшего на диване. Гарик посмотрел на меня посоловевшими глазами и, не разглядев во мне пищи, смежил веки.

- Мне надо разобраться с одним человеком, - присаживаясь рядом с питоном, сказал я. - Кто это может произвести и на сколько это потянет?

- Все зависит от "темы", приглаживая свои колючки, ответил авторитет.

- Мне нужно лишить его на долговременный срок творческих способностей. Скажем, повредить руки. Сотки хватит? - Я вытащил банкноту.

- Хватит. И спрятав коричневую бумажку под стельку лакированной туфли, авторитет поинтересовался.

- Кого?

Я протянул фотографию с адресом на обратной стороне и добавил:

- Только пооперативней, пожалуйста.

- Заметано.

И, правда, поручение мое было исполнено быстро и качественно. Но дело в том, что пострадал совсем другой, хотя внешне как две капли воды похожий на Эпо, человек.

Тогда я отправился к знаменитому экстрасенсу. Невысокий, шустрый, с седенькими кудряшками человек, он здорово напоминал выбежавшую за ним болонку Чапу. Экстрасенс был сама любезность. Ах! Ах! Прошу! Прошу! Ну что вы! Что вы! Как же можно! Не смейте даже думать! Без кофе с коньячком и даже ни- ни- ни...

Мы прошли в комнату.

Никаких пучков сушеных трав. Никаких дымящихся колб. Кожаный диван. Ореховый гарнитурчик. Хрустальная лампа.

- Ну-с молодой человек. У вас ко мне, я вижу, дельце. И зрю - деликатное-с. Рассказывайте.

Без лишних церемоний я приступил к делу.

- Мне было, хотелось лишить вот этого человека (я вытащил из кармана фотографию Эпо) творческой потенции. Скажем... - Я задумался. И негромко произнес: - на неопределенный срок.

- Покажите, покажите. Эге-ге-ге. Ничего не получится, молодой человек. Без малого десять лет я безуспешно пытаюсь вывести его из игры.

- Из какой игры? - недоуменно спросил я.

- Карточной, разумеется: преферансик, вистец, рамсец, бриджик, кинг, сека, марьяж. Имею страстишку. А вы? Может, соорудим банчишко?

- Нет! Нет! - отказался я.

- О! Если бы не он... - Экстрасенс вернулся к Эпо. Вы бы сидели сейчас не на этих дрековых креслах, а на гарнитуре государя императора всея Руси. Поле невероятное! Линия Маннергейма, а не человек! С такими словами он закрыл за мной обитую кремовым дерматином дверь.

-Ах! Ты Змей! Ах! Горыныч! - ругал я не поддающегося никому на свете пианиста ресторана МЦ. В тот день ему, видать, здорово икалось. Влезая на ступеньку "Икаруса" я поскользнулся.

"А чтоб тебе под автобус попасть!" - пожелал я в сердцах Эпо.

С тяжелым вздохом за мной сомкнулись дверные створки. Автобус тронулся...

Утром у меня зазвонил телефон. Звонил руководитель оркестра "Малахитовый Цветок" Г. Костриков.

- Гера срочно выручайте! - взволнованным голосом крикнул он в трубку.

- Что, Эпо собрался на игру?

- Хуже, мой юный друг. Значительно хуже. Эдик вчера погиб под колесами "гармошки" (венгерский автобус "Икарус"). Выручайте, Гера. Жмур жмуром, а лабня лабней!

Я оцепенел, словно человек укушенный комаром-переносчиком "нильской лихорадки".

- Ну как?

- Му- у- у, - ответил я.

- Что вы мычите точно Герасим! Да или нет?

- А- а- а, - с трудом выдавил я звук похожий на "Да".

Поклав трубку, я посмотрел на себя в висевшее над телефонным столиком зеркало.

Картина была жуткой. Из зазеркалья на меня смотрела изуродованная голова Эпо. По бледно-серому лицу бывшего пианиста "МЦ" стекало желто-бурое мозговое вещество. Это было настолько реально, что я зажмурился. Как тяжелораненый, держась за стенку, добрал я до холодильника и, не отрываясь, выпил из горлышка полбанки коньяку.

К вечеру состояние мое стабилизировалось, а, постояв по дороге в ресторан возле церковных ворот, я и вовсе успокоился.

- Все под Богом ходим. Бывает, кто-то и поскальзывается. Се ля ви, - открывая рояльную крышку, сказал я.

В перерыве я узнал подробности смерти Эпо.

Он стоял в ожидании автобуса на "бермудском треугольнике". Чего его туда занесло - непонятно. Ведь он всегда ездил на такси. Стоял себе, стоял. И вдруг - бац головой под левое переднее колесо набравшей скорость "гармошки". То ли толкнул его кто, то ли он с бодуна пошатнулся, никто толком не разглядел. Говорят, черепок треснул как грецкий орех! Мозговое вещество разлетелось в диаметре пяти-шести метров, непоправимо испортив какой-то дамочке импортный костюм. Описанная затем очевидцем голова пострадавшего была точь-в-точь виденной мной в зеркале!

Гера Хорошевский отвел мои руки, тяжело вздохнул и продолжил.

Ну, а теперь к главному. К тому, почему собственно я поведал, тебе сию стори. Недели две тому назад мне надо было отлучиться на недельку из города. Менеджер привел какого-то молодого паренька. Герман назвал его фамилию и добавил: классный, надо сказать, пианист. Шустренький такой. Услужливый. На казачка похож: усики, чубец. Я вернулся. Мальчонка откланялся и ушел. С тех дней я стал внимательно переходить дороги. И вот на тебе - меня неожиданно скрутил радикулит. Уверен, что это его работа! А кто его знает, может это мне мстит Эпо? Тут, брат ты мой, все не так просто. Ох! Не просто. Боюсь, что скоро мне не понадобится ни массаж, ни все вот это...

Гера обвел глазами стильно меблированный бедрум.

- Ну что ты, в самом деле, - успокоил я Геру и поинтересовался: - а кто ж сейчас играет вместо тебя?

- Ну, кто, кто!? Шустрый тот казачок.

- И что ты думаешь делать, когда встанешь на ноги?

- Кое-что предпринимаю.

От этих слов по комнате, качнув занавеску, пробежал зябкий ветер.

Выйдя на улицу, я налетел на звезду парапсихологии. Она не шла, а переливалась, точно вылитая из градусника ргуть. Хап-

цап, - махнула рукой Бронислава Львовна Н, и упругий порыв ветра погнал меня вперемежку с бурой опавшей листвой к автобусной остановке.

Вне сеанса

Вскоре Герман Хорошевский поправился, вернулся в свой отель и выпал из поля моего зрения...

Но вчера я столкнулся на улице с Брониславой Львовной Н.

Она улыбнулась мне как старому знакомому, и, многозначительно подмигнув, произнесла "дуллис нуллис". В тот же вечер на глаза мне попала газетная статья с хлестким названием "Анархия на дорогах!"

"Вчера на автобусной остановке под колесами маршрутного автобуса, - сообщалось в ней, - погиб молодой, талантливый пианист". Были названы ФИО погибшего.

Они один в один совпадали с музыкантом, замещавшим несколько дней в Плазе-отель Г. Хорошевского. К ним прилагалось и леденящее душу фото. Дальше шло пространное рассуждение о необходимости пересмотра правил дорожного движения.

Известный пианист Harry Best, говорилось в заключении, в память о погибшем даст серию благотворительных концертов, деньги с которых пойдут на переоборудование городских автобусных остановок".

Сцепщик времен

Леонид Александрович с короткой и острой, как бритва, фамилией Чик - мой не то чтобы друг, но и не так чтобы шапочный знакомый. Фамилия у Леонида Александровича короткая, а сам он, напротив, длинный и тонкий, словно ученический циркуль.

Л.А. Чик носит окладистую бороду, косматые усы и длинные волосы, отчего в его внешности есть нечто дворницкое.

Обстановка в квартире Леонида Александровича, как и его одежда, носит на себе отпечаток давней поры психоделических экспериментов и эстетического мейнстрима.

На стенах развешаны плакаты известных деятелей андеграунда: Бойса, Уорхола... На столиках безделушки музыкальных кумиров: фарфорового Боба Дилана, Фрэнка Заппа... По углам расставлены электроакустические гитары, на которых Леонид Александрович ежедневно музицирует. Инструментом он владеет так себе, но как говорится, пусть уж лучше "лабает", чем промышляет - в том смысле, что не ворует.

Хотя, между нами говоря, Л.А. Чик балуется и последним. Не так чтобы очень, но...

Ну, вот, скажем, приходит Леонид Александрович в антикварный магазин с пустяшной долларовой куколкой, а выходит с приглянувшимся фарфоровым идолом рока.

Эту акцию он именуется уклончивым термином "одолжиться".

Приблизительно таким же манером Леонид Александрович обретает и свой гардероб.

Заходит в примерочную кабинку, положим, в копеечном тряпье, а выходит из нее в коллекционных джинсах (пошива 1971 г) "Super Rifle".

Сию операцию Л.А. Чик называет обтекаемой дефиницией "натуральный обмен".

Шиковские гитары - также плод его хитроумных шашней-машней. Здесь корпус скомуниздит. Там колки открутит. Тут звукосниматель свинтит...

Леонида Александровича как-то даже задержал магазинный секьюрити, полиция составила протокол и передала дело в суд.

На процессе Л.А.Чик свое последнее слово превратил в обвинительную речь. Он говорил о материальности и бездуховности, потере корней и сопричастности бытию, однако, после заявления: - "Я сцепщик времен...", которое переводчик интерпретировал как "сводник" - судья тотчас же остановил заседание и приговорил Л.А. Чика к общественно-полезным работам сроком на шесть месяцев, а городской еженедельник разразился фельетоном "Срам эмиграции".

С тех пор некоторые горожане называют Леонида Александровича не иначе как воругой.

Городская богема, напротив, именуется Л.А.Чика ходячим сюжетом, но я так никогда и не видел ни одного его портрета, ни одного фильма о его благородной роли "сцепщика времен", не читал ни одного очерка о нем - за исключением упомянутого фельетона "Срам эмиграции".

Однажды, будучи замученным творческой импотенцией и кризисом среднего возраста, пошел и я в поисках сюжета к Л.А.Чикю.

Леонид Александрович, узнав, что я собираюсь написать о нем рассказ тотчас же, не дав мне толком раздеться, принял за знакомить меня со своей фарфоровой коллекцией. Затем веером раскинул передо мной пожелтевшие журнальные листы "Пентхауса" (времен разгула сексуальной революции) и ознакомил

с портретами идейных вождей андеграунда. Он засыпал меня фактами и аргументами. Замучил числами, цитатами, авторами и концептуальными альбомами.

Я внимательно слушал, умно морщил лоб и многозначительно качал головой - хотя ничегошеньки во всем этом не смыслил.

- Вы, я замечаю, человек, тонко ощущающий суть дела, - изрек Л.А.Чик в конце лекции, - вследствие этого я покажу вам святая святых моей коллекции. Редко какой глаз достаивается такой роскоши. Смотрите!

И Леонид Александрович распахнул створки громоздкого шкафа. Солнечный луч прилег на аккуратно сложенные на полках воняющие нафталином вещи. На фоне общего бардака, царившего в квартире (болтающиеся грязные шторы, поломанные гарбичные стулья, перегоревшие электрические лампочки), вещи в шкафу выглядели оазисом чистоты и порядка. Можно было решить, что здесь поработала опытная женская рука, но, насколько я знал, у Л.А.Чика ни матери, ни жены, ни даже любовницы не было, ибо повсюду он слыл как клептоман и шизик. Кому такой, скажите на милость, сын, брат и муж нужен?

- Вот эти богинки, куртка, шарф, кепка, перчатки, шапка, джинсы. Все, что видите здесь, это не просто вещи. О! Нет, голубь вы мой, это все реликвии. Можно сказать история! Роман в вещах, если хотите! Желаете прослушать?

- Ну, я собственно за этим и пришел, - согласился я.

- Вещей, как видите, много, но я вкратце. Я вас не утомлю! - пообещал Л.А.Чик. - Будет вам известно, что свою трудовую деятельность я начинал в качестве художника сцены в одном крупном концертном зале?

Я кивнул головой, хотя слышал от авторитетных людей, что Леонид Александрович служил в этом заведении сантехником.

- Кроме того, - продолжал Л.А. Шик, - как все, баловался гитарой. Играл слабоватенько, но прослышал я где-то, что вся музыкальная сила гитариста спрятана в его медиаторе... такая пластмассовая косточка, который он трогает струны. Ну, вы же знаете, что я вам буду объяснять! Так вот если заполучить медиатор хорошего гитариста, то с ним к тебе переходит часть его исполнительской силы. Однако ж как-то так получилось, что ни одного медиатора я не добыл. Зато обзавелся вот этими вещами!

Чик затейливым жестом обвел содержимое шкафа.

Я недоуменно развел руками и поинтересовался:

- Каким таким образом? Не понимаю!/? Вы что же, их раздевали?

- Некоторым манером...

Леонид Александрович слегка покраснел.

- Но вы не подумайте. Вот обо мне говорят - вор! Срам эмиграции, а я не вор и не срам - я хранитель времени, если хотите! Я ведь, в отличие от подавляющего большинства нашего брата эмигранта, не золотишко да камешки вывозил. Я вывез с собой историю! Да, да...

-Кх-хе-хе, - кашлянул я, пытаюсь таким образом вернуть Л.А.Чика к его экспонатам.

- Пардон, - извинился Леонид Александрович, - я несколько отвлекся. Короче, приобретал я эти вещицы, как бы само собой, даже как если бы и с налетом некоего мистицизма. Взять, к примеру, вот эти туфли. С них собственно и началась эта экспозиция.

Л.А.Чик извлек первый экспонат своей секретной коллекции - коричневые плетенные летние сандалии.

- Абсолютно потрясающая история! Приехал как-то к нам на гастроли супер-пупер коллектив. Гитарист там у них был не Джимми Хендрикс, конечно, но и не пальцем струганный! Короче, как только грянул заключительный аккорд, достал я из кармана с десяток копеечных медиаторов и пряником к нему в гримерную. Я вам скажу, что возле нее обычно поклонников, что ваших мух на этом деле, а тут - никого. И как-то не по театральному пустынно вокруг: ни тебе работников сцены, ни статистов... просто как корова языком слизала. Стучу я, значит... ну и не так чтобы тихо, но и не так чтобы дверь ломаю. Что вы себе думаете? В ответ, что называется, ни зги! Я дверь толкнул. Пусто. Я туда, я сюда заглянул. Шкаф открыл. Пошерудил в комодных ящиках! Васис дас? Нихт ферштейн! Я даже под кресло, на котором его инициалы были нанесены, заглянул. Никого, "естественно", я там не обнаружил, зато нашел вот эти туфли с его фамилией на подошве. Вот смотрите.

Л.А. Чик ткнул мне под нос стертую подошву.

- Видите? Теперь скажите мне, - не дождавшись моего ответа на первый вопрос, задал он другой, - мог ли я их не взять? Имел ли такое моральное - историческое право!

- Видите ли...

- Правильно! - оборвал меня Л.А. Чик. - Не мог, ибо трезво рассудил: если в медиаторе 50% силы гитариста, то в его туфлях, пожалуй, и все 60%.

Кроме того, ну поносил бы гитарист эти туфли лето. Ну, от силы два, а потом что? Известное дело, в гарбичную кучу, а у меня они сто лет пролежат и потомкам о нас напомнят! Как жили?

В чем ходили? Кто кумиры? Одним словом, завернул я туфли в газетку, свои под стул задвинул... надо же человеку в чем-то ходить! и был таков.

Шум в связи с туфельным воровством поднялся страшный. Они оказывается на спецфабрике четвертого управления шились, а это вам не хухры-мухры! Менты даже собаку привозили. В комиссиях стоял такой шмон, что Боже ж ты мой! Только ищи-свищи! Я же не барыга какой-то. Я же не для продажи. Я ж для души, из творчески-эстетических, так сказать, соображений! Для истории, если хотите! Как жили! Что носили и тому подобное...

Леонид Александрович вернул сандалии на прежнее место и вытащил на скудный свет, льющийся из давно немывтого окна, женскую соломенную шляпку.

- Никогда не видел женщину гитариста!?! - удивился я.

- Для вокала! У хозяйки этой шляпки было удивительно высокое и одновременно нежно-мягкое сопрано, - разъяснил Л.А.Чик. - Я же ведь не только играть, я и петь хотел таким же образом научиться!

За шляпкой были извлечены нейлоновые носки - милая история. Цветная рубаха - симпатичная. Шелковый балахон - потрясающая.

Все эти истории не отличались замысловатостью сюжета. Стучал. Ни зги в ответ. Вошел. Обменял. Сохранил для истории.

Единственным исключением стала бейсболка с эмблемой черепа и надписью под ним - "Dream Baby Dream".

- Самый ценный экспонат моей коллекции, - объявил Л.А.Чик. - Несколько лет тому назад в наш город приезжала всемирно известная группа. По радио и ТВ промелькнуло сообщение "требуется беневоли" то есть подвижники - по-нашему. Ну, там аппаратурку передвинуть, типа, микрофончики расставить... По заключению концерта их гитарист подарил мне эту каскетку. Улавливаете? Никакой мистики. Подарил и точка. Тут даже его инициалы имеются. Смотрите!

Л.А.Чик вывернул бейсболку наизнанку.

Я посмотрел. Там и впрямь виднелись выведенные хлоркой, как некогда в пионерском лагере, чьи-то инициалы.

Спустя час, от всех этих мило-потрясающих историй голова моя трещала, словно по ней весь день колотили массивной дубиной. В ушах гудело и стреляло, точно я не с человеком беседовал, а участвовал в крупномасштабном воинском сражении, в котором вел изнурительно - оборонительный бой. В конце концов, я решил перехватить инициативу и перевел разговор в иную плоскость:

- И что, все эти вещи мертвым грузом лежат в вашем шкафу?

- Ну отчего же мертвым! И почему лежат!?! - Л.А.Чик даже несколько разобиделся. - Я их каждую неделю перебираю, обрабатываю специальным раствором. От всяких там паразитов. Это же как-никак история! Она не должна быть подпорчена жучками, мышами и молью. Ведь с дырками и плямами - это уже не история, а ветошь какая-то получается. Потом, у меня есть своя традиция. Я эти вещи надеваю в день рождения их прежних хозяев. У меня для этого дела даже календарик специальный имеется, типа как церковных святых. К счастью они пока еще все живы, а если не дай Бог того, то буду надевать и на день их смерти!

- Оригинально, - воскликнул я, - но согласитесь, нелепо появляться летом на улице в зимних крагах, а зимой выхаживать в летних сандалиях... или скажем, мужчина, и вдруг в женской шляпке!?

Л.А.Чик задумчиво покусал бороду, поскреб усы и ответил:

- Ну, что делать... таковы мои принципы... традиция - превыше всего! Отступишься в мелочах - потеряешь главное...

Хорошо бы, конечно, открыть музей, устроить нужный микроклимат... вещи-то слеживаются, но где найти спонсора? Хотя нет. В этом деле должен быть единоличный хозяин. Вот я стану на ноги, подсобираю денюжку и открою. Непременно!

Леонид Александрович взялся живописать мне будущий музей: его архитектуру, залы, экспозиции... когда он дошел до лестниц и туалетов, я понял, что если немедленно не сбегу, то вскоре и сам стану одним из его экспонатов.

- На минуточку, - я указал Л.А. Чикю на туалетную дверь.

- Конечно, конечно. Только вы там осторожней, у меня, видите ли, со смывным бачком вечные проблемы.

Я вошел в туалет. Щелкнул выключателем. Вместо света на потолке занялось ультрафиолетовое мерцание. Я открыл кран, но вместо воды, из него донесся свирепый рык. С бачком я связываться побоялся.

"Лучше бы кран починил, лампочки вкрутил, с бачком разобрался, чем заниматься черт его знает чем!" - ругал я хозяина, придумывая как мне выскользнуть из этой злополучной квартиры. Наконец меня осенило. Из клозета я вышел, разговаривая сам с собой по мобильному телефону.

- Да, прямо сейчас!?! Жена, - заслонив ладонью, микрофон пояснил я Л.А.Шикю. Он понимающе кивнул головой.

- Хм! Можно чуточку попозже, - продолжил я разговор с фальшивой супругой. У меня важный разговор. Немедленно! Понял! Буду...

Я попрощался. Л.А.Чик схватил мою руку, долго тряс ее и говорил о том, что как ему было приятно беседовать с тонко чувствующим человеком. Уже в дверях он вручил мне бейсболку "Dream Baby Dream".

- А это вам, - сказал он, - на память.

- Да вы что, - стал отбиваться я от подарка, - это же самый ценный экспонат вашей экспозиции! Нет, нет и нет. Я не возьму...

- Согласен - сам ценный, но и вы ведь не просто так себе. Может вы, и впрямь, обо мне рассказ напишите?! Так что считайте это вашим гонораром. Берите, берите...

Я вышел из квартиры. В ушах стреляло, в голове шумело, точно я проснулся после капитальной попойки. На улице я немедленно принялся искать мусорный бак, или гарбичную кучу (на предмет выбросить в него "ценный экспонат") но, не найдя ничего подходящего, сунул каскетку в карман и отправился домой...

Прошло, наверное, месяцев шесть после моей встречи с Л.А.Чиком, как по не терпящим отлагательства семейным делам, я вынужден был уехать из страны. Больше месяца отсутствовал в городе. Вернулся. Заказал такси и доехал до дома. Таксист вытащил чемоданы и услужливо распахнул входную дверь, которую тотчас же перехватил мой сосед по дому (шумный, неугомонный собиратель новостей) Сергей Сергеевич Гомонов.

"Наша ВВС" - называют его эмигранты.

- Бог шельму метит! Не все скоту масленица! - не здороваясь, заговорил Сергей Сергеевич. - В народе правду говорят, сколько веревочке ни виться, а конец будет. И этому тоже конец пришел! И поделом!

- Кому конец? Какая ниточка? О ком вы говорите?

- О ком?! О Чике разумеется. Об этом ворюге! Об этом...

- А в чем дело? Что случилось!

- Случилось!?! Случилось вот что. Аккурат после вашего отъезда пошел наш Чик в дрековый магазин... ну в этот... как его? "виллидж" и поменял там свои зимние ботинки на летние туфли. Ну, обменял и обменял, оно и понятно, будь на улице лето, но ведь сейчас-то зима?! Выскользнул, он значит, из магазина в этих пляжных сандалиях, а в тот день на дворе было что-то около тридцати в минусе! Как вам?! Кроме того, заладилась, брат ты мой, натуральной метель! До дому же ему было идти ого-го! Оно и хорошую погоду с час пеходралом, а уж в бурю так и более будет.

- Ну и? - поторопил я Сергей Сергеевича.

- Ну, и двухстороннее воспаление легких! - выпалило "Наше ВВС". - Теперь вот лежит...

- Где лежит, - перебил я Гомонова, - в госпитале? В каком?

- Лежал в госпитале. Теперь лежит. Сергей Сергеевич назвал городское кладбище.

- Умеер? Каааак! Не моооожеет быть! - безбожно заикаясь, заговорил я.

Сергей Сергеевич взбрисил голову и указал пальцем в потолок:

- Почему не может? Еще как может! Сказано же в писании: не воруй!

- Да, причем тут писание!? Человек умер, а вы про писание! - укорил я Сергей Сергеевича. - Вам может быть и не везет в жизни, что вы такой злой!

- Я не злой. Я справедливый, а писание как раз-то и причем! Не своровал бы, так и не помер бы!

Я аргументировано возразил:

- Зачем ему, скажите на милость, воровать зимой летние туфли, да и еще выхаживать в них!? Клептоманией он возможно и страдал, но идиотизмом - нет! Тут что-то не так! Что-то не то... А какие на нем были туфли? - поинтересовался я. - Плетеные сандалии? Такого коричневого цвета?

- А вы откуда знаете, - удивился Сергей Сергеевич, - вы же говорите, что только с дороги?!

- Знаю, - уклончиво сообщил я, - я ж вам говорю, что в этом деле не все так просто...

Леонид Александрович был человеком принципов!

Я подхватил свои баулы и направился к лифту.

- А я вам говорю, - кричал мне вслед С.С.Гомонов, - что все как в писании...

Дома, сбросив пальто, я включил компьютер и набрал в поисковой программе фамилию гитариста, с которым Л.А. Чик некогда "обменялся" обувью. День рождения его приходился на летний месяц, а вот первая годовщина смерти выходила как раз на тот злополучный день, в который заболел Л.А. Чик!

"Бедный, бедный Леонид Александрович! Ведь он и впрямь был человеком принципов, принялся рассуждать я. Как он тогда сказал... Традиция - превыше всего! Отступишься в мелочах - потеряешь главное. Ах ты, Боже мой. Подвижник! Сцепщик времен! Что же будет с его экспозицией!? Ах ты, Боже..."

Я достал из холодильника бутылку "Столичной", налил рюмку и прочел самопальную поминальную молитву...

Вскоре я узнал, что за неимением ни родных, ни близких, ни даже друзей - вещи Леонида Александровича свезли на городскую свалку. Из всех экспонатов его несостоявшегося музея осталась только бейсболка с черепом и надписью под ним "Dream Baby Dream", которую я неизменно надеваю на день рождения и день смерти Л.А.Чика.

Душителъ

Из давно необитаемой квартиры, что находилась в старинном с высокими потолками, толстыми стенами, мраморной лестницей и чугунными балконами доме, доносились звуки рояля.

Будь вы специалистом и доведись вам оказаться у двери этой странной квартиры, то вам сразу бы стало ясно, что вы имеете дело с выдающимся явлением, мастером с резко очерченной индивидуальностью, которая выражалась и в репертуаре, и в технических приемах, и в трактовке произведений - звучали Бах и Бетховен, Шуман и Рахманинов, а также сочинения виртуозного и салонного характера.

Особенно изумительно звучал в исполнении невидимого пианиста ноктюрн соль минор (соч. 15 No 3) Фредерика Шопена.

Прежде в этой квартире жила преподаватель музыки и аккомпаниатор Елена Александровна Львова. Но она уж лет пять, как умерла или лучше сказать переместилась в мир звуков, созвучий, гармоний и т. д. и т.п., которые она страх как обожала и о которых любила побеседовать со знакомыми и малознакомыми людьми.

- Музыка, - говорила она, хватая собеседника за пуговицу, и говорила так горячо и проникновенно, что к концу разговора маленький предмет гардероба оставался в ее цепких музыкальных пальцах - это, может быть, самое верное доказательство существования Бога...

Рай это не что иное, как музыкальный салон. Ад же представляет собой какофонию антипатичных звучаний...

Все это, то есть о Боге, Рае, аде и прочих философско-религиозных категориях, Елена Александровна говорила, когда уже вышла на пенсию и в основном сидела дома или, если случалась хорошая погода, на лавочке в скверике, а до этого, как и все была атеисткой и как все боролась с формализмом в искусстве.

Не подумайте, что я осуждаю Елену Александровну. Упаси Бог! У меня, право, не откроется рот, чтобы произнести в адрес этой изумительной дамы не только осуждение, но даже и

недоумение, а пальцы мои, вне зависимости от моих убеждений, откажутся выбить на клавиатуре слово - Анафема.

Без сомнения разумно поступала Елена Александровна. Кому охота лишаться квартиры, да какой квартиры (час, не менее понадобился бы вам, чтобы ее всю обойти, а уж на уборку так и дня не хватило бы, оттого квартиру убирали аж две домработницы) в центре города и сытного место в консерватории. Да и муж Елены Александровны - Иван Алексеевич Львов крупный осанистый человек и важный чин в городском департаменте, да в таком, что даже страшно написать в каком - пресек бы подобные высказывания на корню.

После смерти Елены Александровны (Иван Александрович - мужа Е.А. называла на ВЫ - к тому времени тоже уже умерли, лучше сказать сгорели на работе) квартира перешла в собственность их сына, какой- то большой (весь в отца!) шишки из городского ведомства, но из какого точно - неизвестно.

"Ведомственная Шишка" в родительской квартире практически не появлялась, по крайней мере, последних несколько лет никто из жителей его в доме не встречал.

-Я так думаю, - сказал как-то таинственным голосом житель дома, доктор наук, лауреат и прочая Анатолий Иванович Билько, - что это призрак Елены Александровны играет на рояле!

- Вы мракобес! - Возмутилась кандидат медицинских наук Любовь Васильевна Запольская. - Не понимаю, за что вам присвоено так много званий и оказано столько почестей!?

- Почести и звания мне присваиваются согласно штатному расписанию, а призраки, уважаемая Любовь Васильевна, - научно доказанный факт. У нас в институте этим вопросом занимается специальный отдел и, нужно вам заметить, не без успеха.

- Да ерунда все это, - отмахнулась от соседа (как от мухи) Любовь Васильевна, - по крайней мере, у нас в доме играет не призрак.

- Почему вы так думаете?

- А вы посудите сами! Музыка из квартиры доносится в одни и те же дни по одним и тем же часам. Значит, играет живой, связанный определенным расписанием, человек.

- Да, в ваших умозаключениях есть рациональное зерно, - почесывая затылок, соглашался А.И. Билько. - Но вопрос в том, как он туда проникает? Я имею в виду квартиру.

- Я думаю, что если поставить цель, пожелать, так сказать, вычислить пианиста, то это не составило бы особого труда.

Любовь Васильевна была стопроцентно права! Ведь у нас спокон веку вычисляли, кого угодно и где угодно, а уж

вышелкнуть какого-то пианистишку из пустой квартиры, было бы таким пустяшным делом, что об этом даже смешно и говорить.

Помнится в этом же самом городе вычислили одну преступную группировку. Я бы даже сказал не группировку, а банду, да что там банду - бандищу! Злодеяния, совершенные членами этой группировки были описаны следователем в десяти томах и спецкурьером отправлены в столичное министерство.

Пухлые эти, отдающие пылью и мышами, тома, говорят, навели в кабинетах и коридорах министерства такого страху! Такой страхотищи!

Что одна важная министерская шишка, но это строго между нами, даже бросилась писать явку с повинной.

И написала бы, уверяю вас, чем, несомненно, подвела бы под статью ни одного, а многих своих товарищей по службе, но миловал Бог.

Нашлась в министерстве умная голова, которая предложила: прежде чем писать на себя доносы - съездить, да и разобраться на месте, что там к чему и откуда, как говорится, у собаки ноги растут.

- Но послать нужно не черт знает кого, а кого-то толкового. - Предложила голова.

А так как в министерстве умная голова была решительно в единственном числе, то ее решили и направить.

- Уж вы поезжайте, - сказали умной голове товарищи по министерству, - и уж вы там разберитесь, а мы тут за вас (для удачи) по дереву-то постучим. Побарабаним!

Умная голова села в черное министерское авто и выехала из "златоглавой" в город.

Голова хоть и была умной, но не бесстрашной.

Городские жители утверждали, что когда она (голова) стала подниматься по ступеням следственной тюрьмы, то вся задрожала, а ее лысая макушка покрылась здоровенными каплями пота. Однако те же жители уверяют, что, осмотрев подследственных и поговорив со свидетелями, голова вытерла кружевным платком влажную макушку, и немедленно вызвала к себе начальника следственного отдела.

- Вы что тут совсем ох...ли!

Сказав это непечатное словцо, голова так ударила по столу кулаком, что у антикварной, изготовленной из мореного дуба вещи надломилась ножки.

Закончив дело, голова, опираясь об руку водителя, спустилась с лестницы, села в свое черное авто и укатила назад в столицу.

Уже сидя в машине и потягивая из серебряной фляжки коньяк, и затягиваясь дымом импортной сигареты, голова, усмехаясь, говорила себе под нос:

- Вот уж правду говорят, заставь дурака молиться - он и лоб расшибет.

Город, о котором мы упомянули в первой части, был небольшим, таким небольшим, что даже и названия, кажется, не имел, а если и имел, то такое неказистое, что и приводить его в этом рассказе - только рассказ испортить.

В столичных городах, не мне вам рассказывать, любят у нас устроить множество всяких карательных департаментов.

Департамент уголовных дел. Департамент хозяйственных махинаций. Департамент анти государственных деяний.

В нашем же маленьком "городе без названия" все они (карательные органы) напротив были объединены в одно и располагались в мрачном, низком, вызывающим ужас здании так, очевидно, подумал читатель? Я угадал? Точно угадал! Угадал, потому что надзорные департаменты у нас непременно устраиваются в таких зданиях, взглянув на которые человека охватывает такой страх, такой ужас и жуть, что некоторые, уж вы простите за натурализм, делают, что называется, в штаны.

Хочу разочаровать, а может быть наоборот, порадовать читателя, хотя скорей всего делаю это оттого, что автор, а иначе, зачем он нужен, должен ломать стереотипы, одним словом здание надзорного департамента располагалось в симпатичном времен Очакова и покорения Крыма особняке.

Уж вы мне поверьте, читатель, здание это наводило "присутственное лицо" не на страх и ужас, а на покойный лад.

Ну, какой ужас могут вызвать атланты, поддерживающие козырек подъезда, из мраморных причинных мест которых бьют небольшие фонтанчики? Да ничего кроме умиления!

Чувство мира и покоя усиливал (особенно замечательный весной) небольшой фруктовый садик, расположившийся во дворе здания.

Ничего кроме чувства эстетического удовольствия не вызывали причудливых форм, посаженные диковинными цветами, клумбы.

Все, положительно, все дышало здесь миром и покоем. Обычно так бывает перед бурей. И этой бурей, очевидно, должны будут стать работники ведомства, так подумал, съесть мне эту рукопись, если ошибся, читатель. Подумал, читатель? Подумал, подумал и ошибся!

Работники ведомства (может быть виноват мирный дизайн здания) были людьми, если и не радушными и приветливыми, то не злодеями - костоломами - точно.

Возможно на них повлиял разнос, учиненный в свое время "умной головой", о которой все еще напоминает стол с поломанными ножками, стоящий теперь в дежурной части?

Никто из них на подследственных руку не поднимал и с целью выбивания информации не мочился. Иголки под ногти не загонял. пытки не практиковал.

Может быть и практиковали бы, заведи они у себя для этих целей, специально оборудованный каземат, но в здании ведомства отродясь никаких казематов не существовало. Имелся, правда, небольшой подвальчик, но работники давным-давно устроили там вроде продовольственно-вещевого (из продуктов и вещей конфискованных вначале у цеховиков, а потом у народившихся капиталистов) склада. Кроме того, между нами говоря, городские подследственные - люди тихие, незлобивые, если и попадали по какому-то делу в здание ведомства, то без всяких пыток и насилий охотно давали нужные следователю показания. Иногда даже, что правду скрывать, и наговаривали на себя лишку. А как не наговорить, да не помочь, так сказать, наговором родному (следователю) человеку. Ведь почти все в этом "городе без названия" были друг - другу родственниками или свояками. По этой же причине городской суд, как правило, выносил мягкие, а то и вовсе оправдательные приговоры.

Однако бросим мы, уж ты прости, читатель, ложку дегтя на пасторальную картину работы карательного департамента "города без названия"

Ибо в особо деликатных случаях, когда подследственный не желал, что называется, колоться и брать на себя лишку, его передавали следователю по кличке "душитель".

"Душитель" был человеком приятной, но не впечатлительной для подследственных наружности. Можно даже сказать интеллигентского вида человек, а разве интеллигентского вида человек "Иван Иванович", как называют интеллигентов воры, может навести ужас на матерого преступника? Да ни в жисть! Для того, что бы его не то, что напугать, а просто спугнуть нужно, иметь, как минимум, габариты Терминатора и внешность Франкенштейна.

Не имея таких данных, он, тем не менее, наводил не то что страх, а настоящий ужас на лиц, опаленных адским огнем уличного беспредела, омытых водами следственного произвола и крещенных медными трубами криминальных войн.

Ужас "Душителя" жил не во внешности, а в цепких пальцах.

О его пальцах (длинных, тонких, изящных) можно и должно написать поэму! Но мы (автор) за не умением внятно рифмовать не станем этого делать, а лучше заглянем в кабинет "душителя", в тот самый момент, когда в него вводят несговорчивого подследственного.

- Гражданин следователь, подследственный Молчанов В.К. по вашему приказанию доставлен.

- Спасибо, дорогой, - благодарит следователь надзирателя и, указав на стул подследственному, - Прошу вас, любезный.

- Любезный!? Ха-ха- ха. Да этакого лоха, - радуется подследственный, - развести как два пальца...

"Душитель" берет изумительными пальцами левой руки лист чистой бумаги, а изящными пальцами правой ручку и, обращаясь к подследственному на "ВЫ" спрашивает:

- Где и при каких обстоятельствах, вы, вступили в преступный сговор с гражданином таким-то?

- Не понимаю о чем базар, начальник. - Отвечает, нагло при этом щуря глаз, несговорчивый подследственный.

- Я повторяю вопрос. Где и при каких обстоятельствах вступили, вы, в преступный сговор с гражданином таким-то?

- А тебе повторяю, начальник, что я ...

Но договорить фразу подследственный уже не может, потому что "душитель", не поднимаясь из-за стола, хватает его своими крепкими цепкими сильными пальцами за кадык, да так, что тот не то, что говорить, а и дышать уже не может.

Подследственный бледнеет, коченеет, и, кажется, что он вот-вот отдаст Богу душу. Но следователь, однако, знает меру, чувствует, когда нужно отпустить свою мертвую хватку.

Знает и отпускает. Минут пять подследственный надрывно кашляет, тяжело дышит и моргает обезумевшими глазами.

Видя, что подследственный окончательно очухался, "душитель" разминает, как будто готовясь к новому броску, свои изящные пальцы и повторяет вопрос:

- Где и при каких обстоятельствах вступили, вы, в преступный сговор с гражданином таким-то?

"Душитель" проработал в департаменте много лет и, уверяю вас, ни разу не было такого случая, чтобы подследственный не ответил на поставленный вопрос. Мало того, что отвечал, он еще при этом брал на себя все нераскрытые департаментом дела.

Некоторые читатели, очевидно, думают, что следователь был, тем не менее, по (законам жанра) обделен внимание начальства и влачил жалкое существование.

Ошибаетесь читатель! Душителя уважали, почитали, награждали и даже выделили ему лучшую квартиру в ведомственном доме. Однако, отслужив в ведомстве десять лет и получив очередную звезду подполковника, "душитель" из ведомства уволился и пропал, то есть натурально растворился. Как не искали его лучшие следователи ведомства, но так и не нашли. Конечно, если бы они сжали кое-кому горло, то этот кое-кто непременно рассказал бы, куда подевался следователь, но таких пальцев в ведомстве было - раз два и обчелся, только что у исчезнувшего следователя.

"Для новой театральной постановки на роль тапера требуется актер, актриса - пианист".

Вот такое объявление дал я в эмигрантскую газету и стал ждать.

Первой позвонила дама.

- Сколько я буду иметь в час, - спросила она и, чуть помявшись, поинтересовалась, - а интересные мужчины в вашей труппе есть?

- Нет, - ответил я, в основном дамы преклонного возраста.

Дама, не дождавшись ответа на вопрос о почасовой оплате, бросила трубку.

Вторым позвонил мужчина. Манера его речи навела меня на мысль предложить ему роль бандитского авторитета, но поскольку таковой в пьесе не было, я прервал разговор.

Время шло. Нужный тапер не находился. Я уж было решил заменить тапера фонограммой и за кадровым голосом, но в этот момент, по законам литературного жанра, у меня в квартире зазвонил телефон.

- Меня зовут Алекс, я хотел бы поговорить о вашем объявлении.

У невидимого Алекса был такой приятный располагающий к себе голос, что я тут же сказал ему:

- Дорогой Алекс вы не можете принять, а вы уже принимаете участие в проекте.

- Но вы даже меня не видели и не слышали моей игры.

- Мне не нужно вас видеть. Первое у вас изумительный голос, второе у вас даже одно с героем пьесы имя - Алекс и третье, я уверен, что и ваша фортепьянная игра меня вполне удовлетворит.

Не может, ну убей меня гром, не может человек с таким голосом плохо играть на фортепьяно!

- Благодарю вас, за добрые слова. Когда мы сможем увидиться?

- Да, когда вам будет угодно. Хоть и сию минуту!

Через час на театральной сцене я лицезрел приятного во всех смыслах человека.

Прекрасным в нем было все и лицо и одежда, но сам удивительным у него были красивые длинные тонкие аристократические пальцы. Прямо не пальцы, а музейный экспонат!

А уж когда он тронул ими клавиши, то мне тут же стало ясно, что я имею дело с выдающимся явлением, мастером с резко очерченной индивидуальностью. От его меццо форте старенькое пианино подпрыгивало и пританцовывало, точно это и не пианино, а молодой пижон на танцевальном вечере. От его прочувствованного пианиссимо замирали даже театральные мухи...

Не буду описывать вам репетиционный процесс.

Поверьте, в нем нет ничего интересного. Шум, сквернословие и что греха таить - рукоприкладство. И потом важен не процесс, а цель.

Цель, в общем и целом была достигнута. Спектакль прошел неплохо, его несомненным украшением я бы даже сказал звездой, стал тапер Алекс.

После спектакля мы сидели с Алексом у меня на кухне. Я строил планы.

- Вообще меня зовут не Алекс, а Алексей Петрович и потом, увы и ах, - сказал по окончании моей программной речи тапер, - принять участие в ваших проектах я не смогу. Переезжаю в другой город.

Я выпил рюмку и закусил ее тяжким вздохом и репликой:

- Жаль! Очень жаль!

Сейчас читатель подумает, что я притягиваю за уши следующую реплику. Я бы тоже так подумал, но уверяю вас, я и раньше это спрашивал у Алекса, но не в лоб, а вскользь, так сказать. Вот мой вопрос:

- Скажите, Алекс, то есть простите, Алексей Петрович, я все хотел у вас спросить, где вы учились музыке? Заканчивали какую-то консерваторию? Ведь вы не побоюсь этого слова блестящий пианист.

- Нет, я ничего не заканчивал, - тяжело вздохнув, ответил Алексей Петрович, - но ужасно хотел! Мало того хотел - меня

даже брали в школу одаренных детей при столичной консерватории, но это было не возможно, поскольку моей отец считал это несерьезным занятием.

Вы знаете, я боготворил бабушку, чудную пианистку, которая и была моей учительницей музыки, любил маму, тепло относился к дедушке и страшно боялся отца. Представляете, отца уже давно нет на этом свете, но если он мне снится, то я целый день хожу сам не своей и весь дрожу от страха. Хотя ничего особенного во внешности и манере поведения отца не было. Интеллигентный, воспитанный человек, но у него был такой голос. Такой голос, что мне даже страшно о нем вспоминать, а уж представить, каково было его слушать!?

А ведь в детстве у моего отца был голос Робертино Лоррети, и ему пророчили мировую славу, но в переходном возрасте он, увы, пропал и стал низким сиплым. Может быть, я не утверждаю, что это так, только предполагаю, может быть от обиды, что он не стал знаменитым певцом, из ревности - отец не хотел, чтобы я стал известным пианистом?

Алексей Петрович закурил и задумался. Как будто бы пытаясь ответить на поставленный самим собой вопрос. Наконец, он потушил сигарету и продолжил.

- Но вернемся к его голосу. Даже в обычном разговоре его голос пугал собеседника, а уж если он злился, то того сковывал просто-таки животный страх!

- Я хочу поехать в эту школу, папа. - Сказал я отцу.

- Нет. - Ответил он, и если у меня даже было какое-то желание поспорить с отцом, то после этого холодного как могила "НЕТ" они исчезли.

Музыкантом я не стал, а по настоянию отца и рекомендации ведомства в котором служил мой дедушка, я отправился в академию департамента внутренних дел. После окончания работал следователем, а в свободные от работы время тайком, используя черный ход, поднимался в квартиру к бабушке (отцу я сказал, что использую ее как конспиративную для встречи со своими стукачами) и играл там на рояле.

- Почему тайком?

- Но согласитесь ведь это смешно следовательно, да еще с таким прозвищем как у меня "Душител" и вдруг играет на рояле?! Дойди эти разговоры и смешки до моего отца. О, это было бы нечто!!!

Больше десяти лет я проработал следователем. Боже как я ненавидел эту профессию. О! как я ее ненавидел! Тут нужен

Шекспир, чтобы описать мою страстную, жаркую, лютую ненависть к этому жуткому ремеслу!

И вот эту самую ненависть я вкладывал в пальцы, которыми сжимал горло несговорчивым подследственным!

Алексей Петрович выпил рюмку. Закурил и, стал молча пропускать тонкую струйку сквозь дымные кольца. Делал он это также блестяще, как играл на рояле.

-Уйти из ведомства. - Вопросом, раздавив сигарету в пепельнице, продолжил он свой рассказ. - Бросить все к свиньям собачьим!? Но чтобы я стал делать. Играть в ресторане? И потом голос отца! О, этот голос не то, что не давал мне не то, что уйти, но даже подумать об этом! Но жизнь не вечна, к счастью - несчастью? В моем случае я полагаю к счастью! Отец мой, упокой Господи душу его, ушел в мир иной, а с ним ко мне явилась мысль уйти из ненавистного мне ведомства. Перейти из мрачного мира "дел" в сферу "гармоний" Мысль об уходе стала расти во мне как???? Как эпидемия гриппа! Через год после смерти отца она, наконец, сформировалось в окончательное решение и, бросив все, я оказался здесь. Теперь даю здесь концерты, участвую в вечерах и спектаклях, а заработанные не Бог весть какие деньги перевожу в фонды для детей пострадавших от родительского насилия и лицам, потерпевшим от следственного произвола.

Алексей Петрович закурил новую сигарету. Наступила долгая пауза.

- Все это безумно интересно, Алекс, - нарушил я паузу, меняя, таким образом, мизансцену, - пардон Алексей Петрович, но сжать пальцами горло так, чтобы человек раскололся - в это мне как-то не верится?

Дурацкий, надуманный вопрос, решит читатель, и автор согласиться с ним, но только с той оговоркой, что сочинители люди экстремального склада характера и им не просто расскажи, но и продемонстрируй, а еще лучше дай самому попробовать. Вкусить, так сказать, живых эмоций. Поэтому они (сочинители) способны и на насилие, и на разврат, и даже упаси Господи на убийство.

Алексей Петрович ничего не ответил, а сделал резко движение рукой и пальцы, изумительные достойные поэмы пальцы его, сомкнулись на моем горле. Все поплыло перед глазами, и я вступил в черную (с яркой светящейся точкой в её конце) трубу.

Интенсивно пульсирующая точка стремительно приближалась. В тот самый момент, когда я вот-вот должен был шагнуть из темной трубы в ослепительный свет, Алексей

Петрович отпустил свою хватку. Минут пять я кашлял. Тяжело дышал и безумно вращал зрачками.

Когда же окончательно пришел в себя, то никакого Алексея Петровича в квартире уже не было. Кроме того, исчезла его рюмка, тарелка, папка с нотами и пепельница с его окурками.

Только за стенкой, в давно уже необитаемой квартире, невидимый пианист играл ноктюрн соль минор (соч. 15 N 3) Фредерика Шопена.

Моцарта, 29

Борису Струнову на шестнадцатилетие родители подарили гитару.

День и ночь, ночь и день просиживал Боря с родительским презентом. Через месяц-другой он уже довольно недурственно перебирал аккорды любимых композиций, а спустя полгода написал собственную песню.

Почти все, кто слышал Борину композицию, охарактеризовали ее емким определением "класс", но нашлись и такие, кто обозвал "лажей".

Тогда Борис решил написать совершенную песню, в которой идеальная поэтическая строфа ложилась бы на безупречную музыкальную гармонию. Но, как ни пытался юный сочинитель одолеть эту проблему, в итоге всегда выходил стандартный: тон, полутон, тоника, субдоминанта, доминанта, а в стихотворной форме: ямб, хорей и допотопный амфибрахий.

Испробовав все привычные формы сочинительства, Боря бросился к нетрадиционным, то есть решил прибегнуть к галлюциногенным препаратам. И тут ему приснился сон.

Лето. Утро. Солнце. Каникулы. Из кухни аппетитно пахнет клубничным вареньем.

- Боря, будь добр, сходи за почтой, - просит его бабушка. - Уже два дня никто в ящик не заглядывал.

Борис хотел, было отказаться, но это грозило потерей его любимой клубничной пенки. Начинающий композитор спустился вниз. Открыл ящик. Вытащил газету "Социалистическая индустрия", журнал "Здоровье", почтовое уведомление и обклеенный красивыми иностранными марками желтый конверт. На нем замысловатым шрифтом было выведено "Boris Strunov".

Острым ногтем, отращенным специально для гитарных переборов, Боря вспорол желтый бок и достал из конвертных внутренностей белоснежный лист.

"Дорогой Борис...

Общество покровителей музыки...

путем тайного голосования...

...среди многочисленных претендентов, выбрало вас и желает вручить вам тайну совершенной гармонии.

По этому поводу вам надлежит явиться сегодня в 19 00 по адресу ул. Моцарта дом 29. Аудитория 777. Просьба не опаздывать".

Весь день Боря провел с гитарой.

- Вдруг, - размышлял он, - меня попросят спеть что-нибудь из моего сочинительства. Выбрать-то выбрали, а слушают и переменяют решение.

В 18:00 Борис вышел из дому. В 18:05 пришел на остановку. Неожиданно быстро появился нужный ему трамвай. Борис вошел в полупустой вагон и занял место у окна.

- Следующая остановка Воровского, - объявил водитель.

- Уф-фу-уф-фу-фу? - тяжело простонали, закрываясь, дверные створки.

Трамвай дернулся и потащил, весело грохоча на стыках, юного сочинителя к нужному адресу...

- Депо, - объявил хриплый мужской голос - У выхода предъявим билетики водителю.

- Как депо? - возмутился Боря. - Мне на улице Моцарта надо было выходить. Почему вы не объявили, что трамвай идет по другому маршруту.

- Не надо спать, пацан, - заявил водитель. - Я объявлял! Попрошу предъявить!

- Вот, пожалуйста, - Борис протянул билет.

- Не прокомпостированный, - констатировал водитель. - Штраф три рубля!

- Но у меня нет с собой таких денег, а не прокомпостировал, потому что проспал. Ведь вы же сами сказали, что я спал. Вот билет...

- Не прокомпостированный! Платим, штраф или следуем в диспетчерскую!?

Пока составляли протокол. Пока Борис ждал нужный трамвай.

Одним словом, вбежал он в дом номер 29 по улице Моцарта, когда вестибюльные часы пробили ровно семь. Вихрем взлетел на седьмой этаж. Тайфуном пролетел по гулкому коридору и сильно рванул дверную ручку аудитории 777. В ней кроме пустых столов, аудиторных стульев, поднятых на попа и равнодушно глядящих своими тонкими ножками на лепной потолок, да грузной уборщицы, никого не было.

- А где все?

Боря протянул тетке желтый конверт.

- Насрали и разошлись, - сердито выкрикнула уборщица. - А ты махай теперь! Иди! Иди! Неча тут...

Борис устало вздохнул. Закрыл дверь и побрел по темному коридору к светящемуся жидким голубоватым светом выходу...

- Боря вставай, - трясла его за плечо мама.

- Что, а как же все? Где...

- Не знаю как все, а ты точно в школу опоздаешь. Вставай! Вставай...

Мать ушла на кухню готовить завтрак...

В тот же день после школьных занятий Борис Струнов пошел не домой, а отправился на улицу Моцарта 29. Однако в здании N 29 располагалось не музыкальное общество, а городская психиатрическая клиника! Боря вошел во двор и обратился к первому попавшемуся ему на пути человеку в белом халате.

- Скажите, а где я могу найти аудиторию 777?

- Вон в том здании, - медработник указал Боре на приземистое зарешеченное, толстыми прутьями строение. - Это отделение психической патологии детского и подросткового возраста.

- Спасибо, - поблагодарил его Боря и отправился домой...

Сон этот частенько снился Боре Струнову и даже тогда, когда он был уже не Боря, а Борис Аркадьевич - признанный мастер бардовской песни.

В какие бы города и селения не заносила Бориса Аркадьевича его гастрольная жизнь, он непременно искал улицу Моцарта дом 29. Но повсюду в доме номер 29 по улице Моцарта, будь то многомиллионный город или ПГТ всегда располагалась (прямо с какой-то мистической настойчивостью) психиатрическая клиника, а аудитория 777 оказывалась то отделением клинико-патологической исследований нарушений психического развития, то лабораторией патологии мозга.

В юбилейный год (20-й год Бориной концертной деятельности) одна предприимчивая музфирма организовала Б.А.Струнову концерты в ряде крупных заокеанских мегаполисов...

Концерты прошли, что называется, на одном дыхании. Особенно удачным был последний из них.

- Бис! Браво! Браво! Бис... Зрители долго не отпускали Бориса Аркадьевича со сцены...

- Ну, Борис, вы просто гений, - антрепренер долго тряс Струновскую руку. Такой концерт! Так держать зал...

Я вам... даже сверх договорной суммы отстегну. Премияльные, так сказать, за зрительскую симпатию.

Вот держите, - и он протянул барду пухлую стопку заморской зелени.

Борис Аркадьевич обвел грустным прощальным взглядом зал, сцену. Она почему-то напомнила ему свежую могилу, только что похороненного кумира, так густо была она засыпана читательскими записками, цветами, свечными огарками, плюшевыми игрушками и фотографиями Бориса Аркадьевича...

На утро Б.А.Струнов не отправился, как планировал, домой, а решил потратить денек другой на осмотр "столицы Мира".

Он спустился в бар, выпил рюмку водки и вышел на улицу. Сильный порыв ветра подхватил его и понес, что называется, куда глаза глядят.

Ближе к сумеркам Борис Аркадьевич, среди ультрасовременных небоскребов, увидел приземистую старую церковь.

- Симпатичная церквушка, - восхитился композитор. - Интересно чьей - конфессии?

Композитор подошел поближе. На церковных дверях он увидел иконку неизвестного ему напоминающего самого Бориса Аркадьевича в шестнадцати летнем возрасте великомученика, а рядом с ней давно вышедший из обихода адрес: готическая латиница, такая же, как на конверте во сне, сообщала "*av. Mozart 29*".

Борис Аркадьевич невольно взглянул на часовой циферблат, пульсировавших на небоскребе электронных часов. Они показывали 18:55.

- Не может быть!? - изумился композитор - песенник. - Ведь я же не сплю! Конечно, нет!

Б.А.Струнов ушипнул себя за руку. Щипок отозвался болезненным покраснением. Композитор хотел было, для верности чувств, ткнуть церковную стену кулаком, но таким опрометчивым образом можно было надолго вывести себя из концертной деятельности. Борис Аркадьевич воровато осмотрелся по сторонам, осенил себя крестным знаменем, осторожно толкнул дверь и вошел в сумрачный, пахнувший свечами, елеем и еще чем-то грустно печальным зал. В это время старинные церковные часы принялись хрипло отбивать семь часов.

Как только затих их последний удар, Борис Аркадьевич тотчас же услышал металлический скрежет и недовольное

бормотание. Он обернулся и увидел человека в "домино" - свободном черном плаще с капюшоном.

- Садовая голова. Вновь не тот ключ взял, - бормотал "домино", пытаясь открыть дверь, над которой золотом сияли цифры "777".

- Насколько я понимаю, вы не можете справиться с замком, - дрожащим от волнения голосом, поинтересовался Струнов - Позвольте, я вам помогу?

Человек вздрогнул, обернулся, быстрым рентгеновским взглядом скользнул по Борису Аркадьевичу и удивленно спросил:

- А как же вы откроете без ключа?

- Но если вы позволите вашу булавку, - Б. А. Струнов указал на галстучную заколку с перламутровой головкой в виде изображения Мефистофеля, - То я попытаюсь.

- Пожалуйста, - домино вытащил булавку. - Только вряд ли у вас что- то получится. Старинная швейцарская система. Теперь только что динамитом взрывать.

- Попытаемся обойтись без разрушений, - улыбнулся Борис Аркадьевич и всунул булавку в замочные внутренности. - Так, так, так... швейцарская говорите, а вот мы ее сейчас... мы отечественным способом...

В замке что-то щелкнуло. Дверь отворилась.

- О Боже! - Восхитился "домино". Вы, милейший, как я погляжу, не только на дуде игрец, но и повелитель замочных сердец!

- Тут все просто. Я ведь происхожу из семьи потомственных слесарей-инструментальщиков, - объяснил умение справляться со сложными замочными системами Борис Аркадьевич.

- Понятно, - дружески улыбнулся "домино".

- Только мне не понятно. Откуда вы, собственно, знаете, что, я, как вы выразились, дудец? Ведь вы же меня первый раз видите!

- Да помилуйте, кто ж вас не знает. Все иммигрантские магазины и культурные центры вашими афишами обклеены. Даже у нас в коридоре висит. Разве не видели, когда входили? И к тому же я истинный поклонник вашего творчества. Вот эта ваша песня "Мне снится сон" особенно мне нравится, - незнакомец пропел мотив песни.

- Простите, не имею чести...

- Можете называть Амадеем Вольфгановичем, - протягивая руку для знакомства, представился "домино".

"Странное имя, - мелькнуло в голове у Бориса Аркадьевича", - какое-то даже надуманное.

- Признаться, Амадей Вольфганович, это песня мне тоже нравится. И не только своей музыкально-поэтической формой, но и историей. Дело в том, что всю жизнь...

Струнов принялся рассказывать свой сон.

Незнакомец, по-птичьи склонив голову, внимательно слушал Бориса Аркадьевича.

- Не менее интересно и то обстоятельство что ваша церковь расположена как раз на улице Моцарта в доме 29. Хотя во всех городах, где я бывал прежде, по этому адресу всегда находились психиатрические клиники.

- Да, в этом здании не психиатрическая клиника, точно, - улыбнулся Амадей Вольфганович. - Но и не церковь. Здесь в некотором роде, как бы это яснее выразиться? В общем, что-то вроде транзитного зала.

- Не понимаю, - пожал плечами Борис Аркадьевич. - На крыше крест. Опять же иконка на входе... никаких железнодорожных путей, билетных касс и вдруг транзитный зал!?

- А я вам сейчас все объясню, если вы конечно желаете?

- Ну, я собственно за этим и пришел! Точнее даже сказать, что сама судьба меня сюда привела!

- Насчет судьбы вы абсолютно правы! - восхитился Амадей Вольфганович. - Весьма точно подмечено. Весьма! Ну, так следуйте за мной избранник судьбы. Тем более что вы и двери сами открыли! Прошу! "Домино" легким движением распахнул перед Борисом Аркадьевичем дверь, и они вошли в огромный освещенный лучами заходящего солнца зал. Какое-то время стояла абсолютная, какая-то даже доисторическая тишина. Вскоре в ней послышались звуки, точно кто-то стучал дирижерской палочкой по пюпитру. Как только постукивание стихло, весь зал наполнился, расширяя до немыслимых размеров церковный зал невыразимо прекрасной музыкой.

Тренированное, чуткое ухо Бориса Аркадьевича поразила даже не музыка, а отсутствие в ней привычной тоники, доминанты, субдоминанты - эта музыка жила по каким-то своим, по-видимому, совершенным законам гармонии. Вскоре в музыку влился и царственный многоголосый хор. Как ни вслушивался в стихи Б. А.Струнов, но так и встретил в них ни ямба, ни хорея, ни амфибрахия.

Борис Аркадьевич побледнел, окаменел и стал походить на статую, коих изображают уличные мимы.

- Нравится? - вернул его в чувство "домино". - В ответ с окаменевшей гортани, бетонного языка и бледных губ Бориса Аркадьевича слетали невнятные звуки Фан... Пре...Ая... Му...

- Уверяю вас, что это мелочь! Предтеча, так сказать! - заверил его Амадей Вольфганович. - Давайте-ка, проследуем с вами в следующий зал... вот там, уверяю вас, там вы услышите и увидите истинное совершенство. Вперед!

"Домино" легонько подтолкнул Бориса Аркадьевича к светящемуся фосфорическим голубоватым светом туннелю...

В кабинет заведующего отделением психической патологии городской психиатрической клиники К. Р. Икунова негромко, но требовательно постучали.

- Да, да входите, - отозвался на стук заведующий.

- Кирилл Романович у нас в седьмой палате летальник, - дрожащим голосом сообщил заведующему, дежурный врач Юрий Михайлович Павловский.

Доктор Павловский работал в клинике только вторую неделю, и это был первый летальный исход в его врачебной биографии.

- И кто? - деловым тоном поинтересовался К.Р. Икунов.

- Под-о-о-льский... Сергее-е-е-й ... Ива-а-а-нович...

- А что это вы, голубчик, так дрожите? Доктору не пристало так волноваться.

- Но... у меня ... это первый случай в моей...

- Вот оно, что... ну тогда другое дело... тогда нужно, - Кирилл Романович достал из стола две рюмки и медицинскую мензурку с играющей в лучах заходящего солнца всеми цветами радуги жидкостью.

- Нет, нет, нет, - зартачился Юрий Михайлович.

- Никаких нет! - погрозил ему пальцем зав. отделением. - И вам легче станет, и помянем душу раба Божьего. Как его?

- Подольский.

- Ага, Серега Музыка, стало быть, - делая ударение на "А" в слове "музыка", тяжело вздохнул зав. отделением. - Значит, нашел таки свою гармонию.

- Почему Музыка? - недоуменно поинтересовался Ю.М. Павловский.

- Ну, музыкой - это мы его так в шутку называли. По паспорту он, как сказали - Сергей Иванович Подольский. Из потомственной семьи слесарей-инструментальщиков. В своих видениях для себя он был Борис Аркадьевич Струнов: композитор, поэт, искатель совершенной гармонии. Одним словом, параноидальная шизофрения на почве маниакально-депрессивного

психоза с ярко выраженным раздвоением личности. Все эти процессы стали развиваться после перенесенной в шестнадцатилетнем возрасте черепно-мозговой травмы, которая произошла вследствие удара тяжелым предметом по пьяной лавочке, а предмет тот был акустическая гитара. Вот такая история. Так что оформляйте, Юрий Михайлович, свидетельство о смерти, а тело, если родственников не отыщется, свезете в городской крематорий. Знаете, где он находится?

- Нет, - покачал головой начинающий доктор.

- Ну, да вы же у нас новенький. Вот.

Зав. отделением бросил на стол визитку. На ней четким каллиграфическим шрифтом сообщалось: **"Городской крематорий. Моцарта - 29"**.

9 декабря

Телефонный звонок взорвал тишину. Ох уж эти телефонные звонки, 50% современных рассказов начинаются с них (интересно с чего они будут начинаться лет этак через сто?). Его пронзительная трель отзывалась жуткой болью в шумевшей после вчерашнего голове. С трудом я открыл глаза и посмотрел на часы. Светящиеся стрелки зависли где-то в середине циферблата. Судя по молочной мути за окном и возне на кухне, часы должны были показывать около восьми утра.

- Тебя к телефону, - крикнула с прихожей бабка, у которой я квартировал. Пошарив рукой по тумбочке, я дотянулся до трубки и приладил её к уху.

- Але, - голосом, напоминавшим треск неисправного мопеда, сказал я. Звонил студент филолог Копытов, с которым мы накануне здорово погуляли. Отголоски этой гульбы стреляли сейчас в висках и свербели в пересушенных гландах.

- Ну как бестолкова, трещит - не то спросил, не то констатировал, Саша Копытов. И, не дав мне ответить, выпалил:

- Есть дурные новости, чувак.

Похмельный симбиоз стыда и страха овладел мной. Состояние, я думаю, знакомое всякому, кто, просыпаясь утром, тщетно силится собрать в целое цветные осколки вчерашнего дня.

- Трещит, а что за новости? - я до крайности напряг шумевшую голову.

- Вчера в Нью-Йорке Джона Леннона грохнули - сказал Копыт.

- Кто, мы?

- Ну, ты чувак "ваше". С нарезки, что ли слетел? - присвистнул Копыт. Я же говорю - в Нью-Йорке, а мы с тобой

вечер в "Бухенвальде" заканчивали, там еще такая рыженькая была. Помнишь рыженькую-то? - поинтересовался А. Копытов.

- Какую рыженькую, при чем тут рыженькая, - пытаюсь, уйти от неприятных воспоминаний, закипятился я. Ты же про Леннона что-то говоришь.

- Ну да Леннон, точно, а что Леннон? - спросил у меня Копытов.

- Это я у тебя должен спросить, что?

- Ах, Леннон, - спохватился звонивший, - так грохнули Леннона вчера в городе "желтого дьявола", в этой, как её, "цитадели мракобесия". Нет больше у нас дедушки Леннона, - и А. Копытов театрально вздохнул.

- Какое мракобесие? Какой дьявол? Что ты плетешь, - завозмущался я.

- Ну не в "мракобесии", если ты метафор не приемлешь, в Нью-Йорке, его грохнули.

- Откуда же ты в такую рань имеешь эти новости? - полюбопытствовал я

- Вопрос интересный, но несколько прямолинейный, - усмехнулся Саша Копыт.

- Надо бы помять, - сказал я.

- Здоровая мысль, - согласился звонивший, а ты говоришь, бестолковку заклинило.- Он выдержал паузу и добавил: - Я, кстати, уже начал.

- Я могу рассчитывать?- с надеждой на приглашение спросил я.

- No problems, как сказал бы покойный, - и Копыт повесил трубку.

Минут через пятнадцать, кутаясь в крашенный под канадскую дубленку тулуп, я уже летел к направлению дома Александра Копытова.

А. Копытов был отпрыском советских аристократов, жил в элитном доме с видом на задумчивый сад и, как всякий аристократ, был полон революционных грез. Всклоченная шапка густых волос и бегущая волной борода делали его похожим на Карла Маркса в молодые годы.

- Я думаю, мы должны подбить народ на гражданскую панихиду, - сообщил он мне за первым стаканом. Трудно было не согласиться, ведь я сидел у него на кухне, смотрел, как ломают шейк под битловские Йе-Йе-Йе снежинки за его окном и пил купленное на его деньги "Румынское крепленное".

- Согласись, Джон Леннон - это величина, - кипятился Копыт. - Джон Леннон - это глашатай поколения. Было видно, что

на мне, он репетирует прощальную речь. С каждым новым афоризмом в Копыте загорался бунтарский дух.

- Мы должны! Нет, мы просто обязаны, - вальяжно развалился на кухонном стуле декламировал он, - не пройти мимо, я не убоюсь этого слова, политического события мирового порядка. Вскоре Саша уже вертел телефонный диск и обзванивал знакомых и малознакомых ему людей.

- Вы знаете?- торжественно начинал Копыт, вчера в "цитадели", то есть в Нью-Йорке убили Джона Леннона. Затем следовала пауза и пафосная тирада.

- На мой взгляд, 8 декабря в городе "желтого дьявола" застрелили не просто Д. Леннона, там расстреляли эпоху! Это было серьезно и могло закончиться грандиозной пьянкой с приключением.

Вечером 9 декабря на бывшей Большой дворянской, где расположились рекламно - художественные мастерские, было шумно. Мольберты, макеты и столы были сдвинуты... У входных дверей в духе времени алел плакат: "Леннон и теперь живет всех живых!".

В дальнем углу, голосом Джона пела Яуза. У окна Леннон пел из магнитофона "Маяк".

Слово взял студент - философ Михаил Изаксон. Жизнеописание Джона Леннона от Миши Изаксона изобиловало весьма сомнительными событиями и фактами, рождавшимися видимо в Мишиной голове по ходу его цветастой речи. Много лет спустя я присутствовал на одной экскурсионной прогулке, которую вел бывший студент-философ. География и история места, о котором говорил Миша, были насыщены такими же проблематичными фактами и именами, как и изложенная им в тот вечер биография Джона Леннона. Изаксон перебил Копытов.

- Мишель, - сказал он, - мне кажется дело не в биографии, а в том, что вчера в Нью-Йорке расстреляли эпоху.

- Мы уже слушали это по телефону. Не перебивай - завозмущались собравшиеся. Но Копытова было уже не унять. Возвысив голос до патетической надрывности, он говорил об эпохе, о потерянном поколении и о пепелище великой культуры, проводя между делом параллели между бунтарем Джоном Ленноном и "босяками" русской поэзии С. Есениным и В. Высоцким. Публика оживилась, и вскоре разделилась на два лагеря. У "Яузы" собрались поклонники Джона Леннона - С. Есенина, у "Маяка" Леннона - В. Высоцкого.

"Яуза", пила сухое "Ркацители" с "Жигулевским" и слушала "Imagine". "Маяк" усугублялся "Румынским крепленным",

баловался травкой и внимал "Revolution - 9". Между магнитофонами ходил полный кавалер орденов славы хмельной сторож Кузьмич.

- Все "хляпцы" хорошие, говорил Кузьмич, - и, выпивая очередной стакан, отправлял отяжелевших от вина и травы поклонников Леннона-Есенина и Леннона-Высоцкого в подвал, где одуревшие "хляпцы" мылись под душем.

- Слышишь, "хляпцы", не забудьте затушить бойлер... - увещевал моющихся, засыпающий, Кузьмич.

За полночь, когда уже иссяк винный фонтан и дружный храп сменил обессилевшие магнитофоны, мастерскую сотряс мощный взрыв. Вздрыгнули бетонные перекрытия, и в образовавшемся проеме обозначились развороченные контуры жарко клубящегося бойлера. Над ним, траурно склоняясь, висел транспарант с сохранившейся надписью "...живее всех живых". Пахло общественной парилкой и дымом вспыхнувших электропроводов. Среди всего этого бедлама бегал протрезвевший сторож Кузьмич.

- Суки! Ну, суки, я же просил, затушите бойлер - причитал над разверзшейся бездной сторож.

Просыпающийся народ глазел на развороченный бетон и недоуменно спрашивал у сторожа. - А че это, Кузьмич?

- Че-че, болт через плечо. Во че! - возмущался сторож.

- А конкретней? - спрашивали пробудившиеся.

- Конкретней. Срок это! Как пить дать, живой срок, - сказал сторож, и, обреченно махнув рукой, пошел к телефону.

При всей экспрессивности своей речи старик был прав в одном. Это был действительно готовый срок с формулировкой "порча социалистической собственности". "Как минимум пятак" - подумал я, - и, натыкаясь на торчащие из пола швеллера и каркасы, пробрался к входной двери. После комнатной вони и пыли стало легче дышать. Мороз отрезвил и придал силы. Сейчас они были нужны, как никогда. У ближайшего поворота уже заходилась визгом ментовский воронок...

Невоплощенная мечта

1

Лет х-надцати отроду, водоворотом судьбы и цепью случайных связей и обстоятельств, был я втянут в лихорадку модной в ту пору рок-струи. Что такое рок-струя? В бытность моей молодости кое-кто называл это вялотекущей шизофренией. Другие же - формой социального протеста. Хотя я думаю, что обе стороны правы, ибо границы между этими понятиями размыты

настолько, что трудно разобрать, где кончается одно и начинается другое. Я приведу читателю несколько примеров из тогдашней своей жизни, и пусть уж он сам сделает соответствующие выводы из нижесказанного.

1. Когда подавляющая масса населения моего города грезила польскими пиджаками и элегантными австрийскими сапогами, я мечтал о холщовой косоворотке и старорежимных штиблетах с гамашами.

2. Вместо того, чтобы выражаться нормальными в ту пору выражениями типа "экономика должна быть экономной" и "сиськи-масиськие сраные", я изъяснялся словами: кочумай, лабай, бухай и пугал фразой "чувак, вы конченный лох и не сечете в кладке" (Парень ты не знаешь аккордов) учительницу русского языка.

3. В период усиления борьбы с алкоголизмом я предпочел борьбе - крепленые вина "Агдам", "Лучистое" и, как следствие, стал попадать в милицейский отдел, страшно мешая этим родительской карьере.

4. В эпоху всесоюзного шлягера "уведу тебя в тундру" я пел выразительную рок композицию "Дом восходящего солнца", сопровождая себе при этом на электрогитаре. Хотя, правды для, надо отметить, что в те далекие уже дни на гитарах играли практически все, даже те, кто смутно отличал гитару от барабана.

-А че, в натуре, гитара тоже ударный инструмент! - говорили они, неся её с собой на очередную межрайоновскую разборку.

2

Разбив вдрызг подушечки своих юношеских пальцев и одолев незамысловатую тройку аккордов: тоника, доминанта, субдоминанта, плюс рок-квадрат, я оказался в составе рок группы с довольно оригинальным названием - "Лажовики". Не берусь категорично утверждать, с моим ли приходом это было связано или с правильно выбранным названием, но только группа та стала необычайно прогрессировать и набирать обороты. Школьные вечера сменялись свадьбами, свадьбы - днями рождения "прогрессивных" райкомовских работников. Вскоре этого становится мало! И "лажисты" решают выпустить собственную сольную пластинку.

Но как? Ведь для большинства участников группы, запись диска представляется приблизительно таким же чудом, как и полет на луну. Правда, в воздухе витают слухи о подпольных самиздатовских студиях, но связь с ними угрожает отстранением

от райкомовских вечеринок и, хуже того, может обернуться полным запретом на творчество.

Несколько вечеров в дворовой беседке кипят яростные споры.

- Чуваки, не порите лажи, - горячится басист группы Костя Смычков, - мы имеем в кармане неплохой парнас. Зачем рисковать? И потом, это же не патриотично - (Костя - патриот, мечтающий придать року русское лицо).

- "Атец", не гони туфты, - перебивает его флейтист Гриша Золотов - пластинка верняк не к парнусу, а "Парнасу" Надо рискнуть. Хватит дрожать перед этими толстожопыми коммуняками. (Гриша - яростный борец с режимом).

Молчим: я, лидер-гитара, плюс вокал и клавишник, плюс аранжировщик - Саша Коган. Я - из шкурных интересов жить в столице (ибо отцу светит столичное повышение). С. Коган - опасаясь, что в случае провала всех идеологических собак повесят на его пятую графу.

Наконец в разговор вступает барабанщик группы и её негласный руководитель, плечистый Гена Чумаков.

- Даешь музыкальный Эверест, - по-комсомольски бодро восклицает он (кто в юности не мечтал о вершинах, тот попросту и не жил), и предлагает в качестве альтернативы студии звукозаписи магнитофонный вариант.

- С этим я согласен, - неожиданно включается в обсуждение Саша Коган, - запись можно будет переправить на Запад.

Я окончательно теряю дар речи.

3

Стоит погожее зимнее утро. На белом, еще не тронутым копотью машин и людских испражнений ковре выпавшего ночью снега лежат тени деревьев, силуэты домов и плюшевых душегреек участников группы "Лажовики". Грузенные гитарными грифами, микрофонными стойками, медными тарелками, бутылочным сургучом и учебником занимательной физики, они осторожно пробиваются к заветной двери домашней муз. студии.

В пустой коробке двора тихо, и хорошо слышно, как скрипят подошвы их ботинок - "загубленная молодость".

- Костя, зачем вы одели эти лакированные "гады"? - спрашивает патриотично настроенного басиста С. Коган, - вы же сдаете нас их шумом раньше, чем мы примемся за запись.

- Из патриотических соображений я всегда предпочитаю отечественную обувь зарубежной - отвечает Костя. Я молча смотрю на свои войлочные бурки.

Наконец вся странно экипированная для столь раннего часа ватага ныряет в чумаковский подъезд.

Три семерки - тайный стук в дверь... Толкотня в маленьком и темном коридоре. Возня с ботинками и бурками. Наконец рок-бригада усаживается у литовского магнитофона "Дайна" для записи своего первого сольного альбома "Lagoviki - N1".

В роли усилителя служит радиола "Аккорд", у которой уже крутится звукорежиссер по кличке Диод.

Диод - местная знаменитость. Этот самородок умудрился, проводя опыт по статическому электричеству, обесточить школу, а настраивая придуманный им коротковолновый транзисторный приемник - лишит радиосвязи областное управление милиции.

В качестве солирующих инструментов: ленинградские электрогитары, губная, реквизированная Чумаковским дедушкой, немецкая гармошка, старое пианино "Беларусь", флейта - пикколо, русская трехрядка и загадочный инструмент "слухгеорг". В ритм-секцию входят: жестяные кастрюли, хрустальные бокалы, а также расчески, гребни, шпильки, сливной туалетный бачок и радиатор центрального отопления. Распределение инструментов вызывает не меньший спор, чем пересылка диска на Запад. После короткой, дружеской потасовки мне выпадает: гитара, бэк-вокал и сливной бачок. Я пробую протестовать и выпросить хотя бы радиатор, но возле него уже громоздится Чумаковский - трескун с подвешенной к швабре эмалированной крышкой. Да и Генины габариты, около сотни живого веса, как-то отбивают охоту к протесту.

Инструменты розданы. Теперь горячий и живой спор клубится вокруг репертуара. Он обширен и многообразен, как и принесенная выпивка. Напитки представлены легкой хлебной брагой: "Брызги надежды" и крепленным азербайджанским портвейном "Агдам". Репертуарный список - всевозможными стилями и ритмами, от свинга с одноименным названием "Вечер у художника абстракциониста" до хард-роковской композиции "Отчего башли (деньги) не ведутся".

Запись длится около пяти часов. Иногда следуют легкие перекуры с пригублением спиртного... Шумят творческие споры. Слышны вздохания - "Чуваки, это высший класс", и гневные восклицания - "Шчарти все на хер!".

- Атцы, "клоки" уже у опасной черты, - говорит Чумаков, указывая на стенные ходики - пора паковать штекера и покидать флэт (квартиру), а мы еще не слабели моей забойной "Отчего башли не ведутся".

- Это произвол, на очереди моя рок-серенада! - "Сандаль в Иерусалиме", - обиженно восклицает Саша Коган.

- Упоминание Иерусалима в данной политической обстановке, на мой взгляд, вредно. - обрывает Кагановские причитания Гена Чума.

Правильно! Мы русская группа и у нас должно быть русское лицо - поддерживает Чуму националист Костя Смычков, косясь при этом на Сашин профиль.

- Но ведь "лапоть" - исконно русское слово, - перебивает Смычкова Коган. Костя озадаченно чешет затылок и вопросительно смотрит на Золотова.

- Коган прав, - вступает в разговор Золотов, - это произвол и творческая проституция. Мы должны быть честными в своем соиздательстве. Поэтому следующей лабаем мою песню протеста "Бровастая морда", - и он решительно поворачивает микрофон в свою сторону.

-Так, кончай, базлать, чувачки! (хватит спорить, ребята). Я прекрасно понимаю ваши устремления, но как руководитель коллектива не могу, да и не позволю, рисковать финансовым успехом будущей пластинки, - рычит Чума, поигрывая мышцами. Моя рок-сюита "Отчего башли не ведутся" нейтральней и быстрее, на мой взгляд, выведет нас к реальным рублям, чем ваши "Лапти" и "Морды". И потом - это моя квартира, - авторитетно заявляет он в конце своей речи.

- Не в башлях счастье! - восклицает С. Коган.

- Свободу творчеству! - поддерживает его Толя Золотов. - Вы абсолютно правы, чувачки, конечно не в башлях счастье. Оно, а заодно и ваша свобода творчества, кроется в решении вопроса, - "Отчего они не ведутся?". Так что я думаю, споры здесь неуместны.

- Нет, уместны. Мы заявляем решительный протест и покидаем запись, - говорят, подымаясь, Г. Золотов и А. Коган. Я молчу, деловито кружась у сливного бачка.

- Ну, хорошо, - останавливает их Чума, - я согласен ввести в текст моей композиции "Отчего башли не ведутся" слова "Иерусалим" и "Бровастая морда", но не больше. Поверьте, "атцы", в лучшие времена мы обязательно слабаем ваши вещи, но не сейчас.

Звучит привычное one two three

- Ие-ие-ее - поет барабанщик Чума,

-Ты скажи, отчего башли не ведутся - подхватывает бэк-вокал.

- Ты скажи, бровастая морда, скажи - поет флейтист Золотов. Шууууу - поддерживает его шумовой эффект сливающегося бачка.

- Ие-ие-ееее, - воет подпевка.

- Мы поедem в Иерусалим, - тянет Саша Коган. - Тррр - изображает движение палка, скользящая по радиатору центрального отопления. Звучит финальная какофония неммыслимых звуков, слов, падающей воды и бьющейся посуды. Запись первого диска группы "Лажовики" закончена!

Пока звукорежиссер Диод колдует над монтажом и доводкой системы прослушивания, следует перекур и легкий перекус под "Брызги надежды".

- Я думаю, что мы должны выходить непосредственно на ведущие отечественные фирмы звукозаписи, - заявляет Чума.

- Согласен - это патриотично и придаст року русское лицо, - поддерживает его Смычков, косясь на Кагановский профиль.

- Нет, я предлагаю переправить запись на Запад. Только там это смогут оценить и понять, - настаивает С. Коган.

- Правильно, - соглашается с Коганом, флейтист Золотов, - один "поц" эти "бровастые морды" ни хрена не понимают в честном искусстве.

Я молчу, занятый "Брызгами" и "Бычками в томате", и отчаянно придумываю, где и как достать справку о причинах моего сегодняшнего пропуска школьных занятий.

Наконец Диод заканчивает монтаж, пленка готова к прослушиванию. Все сосредоточенно ждут начала. Тишина. Пошла запись. Странно, но первой почему-то звучит рок сюита - "Отчего деньги не ведутся". Она длится около десяти минут. Однако ко второй минуте у меня начинается неприятное жжение в паху, к пятой приходит ясное осознание того, что с такой записью денег у нас не будет никогда. Музыка похожа на плохо работающую сантехническую систему, голоса - на пришельцев из параллельного мира. Запись уничтожается, а вскоре "умирает" и сама группа.

4

Спустя десяток лет постаревшие участники рок бригады "Лажовики" (с целью скосить капусты для отъезда) вновь собираются вместе и бросаются окучивать плодородные нивы свадебных халтур. Вопрос о записи пластинки больше не подымается. Но неожиданно группа знакомится с известным городским радиомехаником по кличке Чалый. Хмельной Чалый, посвящает бывалых участники Лажовиков в свое детище - микшерский пульт.

Оказывается, через этот довольно массивный ящик с множеством кнопок и штекеров можно записывать музыку. Лажовики с интересом рассматривают ящик и многозначительно переглядываются. Учувяв интерес к своему агрегату, Чалый начинает с хитростью охотника гнать дичь к капкану.

- Чуваки, пару пузырей на ваш выбор, и я вам гарантирую мировой успех, - горячо убеждает звукорежиссер колеблющихся Лажовиков.

- Я знаешь кого писал! Со мной знаешь, кто работал? - и, заламывая обожженные кислотой и канифолью пальцы, Чалый, перечисляет имена и названия групп и исполнителей, от которых у участников группы начинаются зрительные и слуховые галлюцинации.

Закупив обширную партию кубинского рома "Habana club" и несколько банок морской капусты, рок-бригада "Лажовики" бросается на новый штурм музыкального Эвереста. Кто в такие годы бросается на подобные штурмы, тот обречен навечно, остаться молодым. В этот раз записываются неисполненные в прошлый раз рок-серенада "Путешествия сандаля в Иерусалим" и политическая баллада "Бровастая морда".

Рок-сюита же "От чего башли (деньги) не ведутся" в коммерческих целях переименовывается в "Why money pass me by" и поётся по-английски.

Ye-ye-ye-eeee ... - поет барабанщик Чума.

- Why money pass me by, - поддерживает его бэк-вокал.

Вай - вай - вай, - тянет Гена.

- Money, momey. Баксов поц... - подхватывают участники муз. бригады. Перемотка. Перекур. "Habana club". В этот раз значительно лучше, но все же музыка скорей напоминает звук ветра в водосточной трубе, а бэк-вокал - свору воющих собак, чем голоса группы претендующей на коммерческий успех. Запись уничтожается, а участники "Лажовиков" растворяются на мировых просторах.

Гена Чума процветает на нью-йоркских таксистских трассах. Я... хм!?!? ... скажем так - в сфере обслуживания. Пластинка не вышла. Денег как не было, так уже и не будет. Хотя они иногда мне снятся, как, впрочем, и несуществующая пластинка: на глянцевой обложке фотографии участников "Лажовиков" с хитом всех времен и народов: "Отчего "башли" не ведутся?"

Барабанщик Усикум

Класса до восьмого все, что я знал о Толе Усикуме, укладывалось в несколько прилагательных и одно существительное: высокий, пунцовощекий антисемит.

Мне приходилось слышать теорию: "антисемитизм проистекает от евреев полукровок". В качестве примеров фигурировали фамилии: Бонапарт, Ульянов, Джугашвили, Шикльгрубер...

Но Толик не был полукровкой, в его родословной доминировали Ивановичи, Петровичи и Федоровичи. И угадать в его широкоскулом лице потомков племени Давидова было невозможно.

Как бы там ни было, но от Толиной нелюбви к семитам натерпелись многие, в том числе не имевшие никакого отношения к евреям: Бори, Левы, Аркадии и я, обладавший подозрительным для Усикума фамильным окончанием "ич".

Помню, как, напуганный его подозрениями, я выкрал из учительской школьный журнал. Долго с тревожным волнением в руках рылся в серых плотных листах. Наконец нашел. Возле моей фамилии стояла "правильная", исключаящая Толины претензии, национальность!

Я выкрал, рискуя грандиозной взбучкой, школьный журнал и ткнул Усикуму пальцем в графу "национальность".

"Заметано" - сказал Усикум и протянул мне руку.

Антисемитизм у Толи доминировал во всем: в поступках, привычках, высказываниях. Главной своей способностью он считал умение распознавать "жидовскую морду". А других у него у него, казалось, и не существовало. Он и правда не рисовал, не лепил, не вырезал лобзиком, не занимался художественным выжиганием. Учился плохо, но свою неуспеваемость Т. Усикум списывал на "жидовские" козни.

Но случилось так, что на заре Толиной юности в его большие оттопыренные уши влетели поразившие его мелодии ливерпуской четверки "The Beatles" и особенно задевшим душу Усикума барабанным соло битловского ударника Ринго Старра. Толя, употребив несколько кастрюль и тарелок, попробовал скопировать запавшую в душу барабанную импровизацию. И к своему, и общему удивлению у Толика обнаружились музыкальные способности. Это можно было бы списать на наследственность. Однако Толины родители музыкальными способностями были обделены напрочь. И, сколько я помню, в застольных спевках всегда фальшивили и путали тексты песен.

Жизнь, как и музыка, состоит из непрерывных вариаций! Не прошло и нескольких месяцев, и Толя уже играл на трехрядке и басовой балалайке! В его комнате появилась небольшая фотография "золотой четверки" и отдельно большой портрет барабанщика Ринго Стара.

Следуя за Ринго Старом, волосы на Толиной голове, стали катастрофически удлиняться. В "техасах" местной швейной фабрики появилась подозрительная бахрома. Пальцы обеих Толикиных рук украсились плетеными из телефонного провода кольцами.

- Как у Ринго! - комментировал обилие колец Толя Усикум.

Вскоре Толина комната напоминала скорей каморку папы Карло, чем жилую квартиру. В ней пахло: стружками, опилками, пластмассами и кожей. Усикум творил барабанную установку. Когда не хватало: болтов, фанеры, пластмассы, кожи, а украсить их было негде, Толя заявлял: "Кучерявые дела!" - подозревая в отсутствии материалов еврейские происки...

В итоге Толя смастерил не совсем эстетически выдержанную, но довольно звонкую ударную установку.

- Тр - ра - аааа! - с утра до ночи выдавал трескун. - Ту-ту! - вторил ему большой барабан. Микрорайон стал напоминать не то военный плац, не то идущую в атаку армию. Нельзя сказать, что Толины импровизы отличались слаженностью и имели композиционный рисунок, но зато громкостью они могли поспорить с самыми громкими рок барабанщиками.

- Толян, куда ты лезешь, все ж музыканты моромои! - пытались сбить Толика с выбранного пути непутевые товарищи.

- Они больше на скрипках и кларнетах шарят. А в роке их нет. Аппарат тяжело таскать! - парировал Толя. И потом битлы - пацаны, как и я, с рабочих окраин! А кучерявые на окраинах не живут!

Освоив несколько незамысловатых ритмов и отправив при этом парочку слабых здоровьем соседей в госпиталь, Толя с головой ушел в организацию школьной рок-команды. Дирекция, понимая, злободневность вопроса назначила завуча по воспитательной работе Макара Антоновича посредником между Толей и дирекцией школы.

- Толян, слухай сюды, - сказал завуч. - Немедленно сбрей пейсы, бахрому, сыми эти "пидарские" кольца, и ты получишь гупера. (динамики). -

Заметано, - Толя пошел на компромисс. Через несколько дней, подравняв кое-что на голове и техасах, Толя поехал с

Макаром Антоновичем на подшефный завод за аппаратурой. В целом и в частности она оказалось старьем, мусором и обломками.

Убогие колонки "Аккорд-10" издавали кашляющие и хриплые звуки. В предположительно солирующей гитаре фирмы "Иолана" не хватало одного звукоснимателя и пары колков. На бас-гитаре "Орфей" отсутствовали струны. Орган "Вельтмайстер" походил на фисгармонию. Комплект тесловских микрофонов носил на своих металлических сетках отпечатки чьих-то зубов. Во всем этом лампово-транзисторном хламе привлекательней всего смотрелась барабанная установка рижского производства...

Раздобыв золотой краски Толик, вывел на большом барабане сурово - романтическое название "The Руссичи" и принялся формировать состав.

Барабанщиком и руководителем Толя назначил себя. Гитаристом утвердил меня (человека, поведавшего этот рассказ). Басистом объявил: узкоглазого и коротконового Тимура Багирова.

- Но он же не умеет играть, - возразил я Толе.

- Зато на Леннона похож, - оборвал руководитель.

Горячий спор разгорелся вокруг клавишника.

Толя предлагал слабенького аккордеониста славянина Лешу Дьякова. Я сильного классического пианиста еврея Леню Кантора. Нельзя передать словами шум, поднятый руководителем группы. Отборный мат дрожал на стеклах и ухал в углах маленькой репетиционной комнатки. Самым приличным предложением длинной петляющей Толиной речи было: "Я лучше раскромсаю аппарат, чем сяду играть с кучерявым!"

Не подействовало и то, что Леня согласен тягать аппаратуру, что он классно разбирается в электронике и что, наконец, он парень с окраин.

- Нет, - Толя категорически отвергал аргументы в пользу Кантора.

Я уже было хотел сдаться, как в мои руки попал журнал "Кабета и Жице" (из которого мы в основном черпали сведения о современной рок- музыке)

В статье о "Битлз" я обнаружил слово "жиде": за ним стояли фамилии битловского менеджера Брайна Эпстайна и барабанщика Ринга Стара. Я ткнул Толе пальцем в слово "жиде" и указал на фамилию битловского ударника.

- Ты хочешь сказать, что Ринго кучерявый? - недоуменно спросил меня Усикум.

- Я ничего не хочу сказать. Я только констатирую!

- Как ты можешь констатировать. Когда ты не знаешь польского, - ухмыльнулся ударник Толя.

- Хорошо, - ответил я. - Пойдем к Стасу Ковальскому...

Стас Ковальский, перешагнувший полувековой рубеж жизни, но так и оставшийся без возраста человек, являл собой, как тогда говорили, нерушимую связь поколений и социальных слоев советского народа. Стас водил дружбу с замом винного отдела и репрессированным троцкистом. Распивал спиртные напитки с несовершеннолетними и с людьми, давно позабывшими свой возраст. Ковальский встретил нас своим любимым вопросом "Цо маж" и с любопытством глянул на наши карманы.

- Переведи, что тут написано... Толян ткнул в статью о "битлах".

- То есть работа. А за всякую работу повинно наливать, - перебил его Ковальский.

- Налью, - Усикум отвернул полу пиджака.

- Дзе? Стас заглянул в журнал.

- Тут, - указал Толик.

- Жиде, - прочел Ковальский.

- Кто? - взволнованно осведомился Усикум.

- Все, - объявил переводчик.

- И этот, - барабанщик ткнул пальцем в фотографию Ринго Старя. - Не может быть!

- И той. Вшысткие вокуль, сына, жиды! Вшистко едно жидовско паньство!

Толя вмиг стал чернее грозой летней тучи, даже пить отказался.

- Ну, так берем Кантора на орган, - поинтересовался я, у руководителя выходя из Стасова подъезда. Толя промолчал.

А вечером из Толиной комнаты исчезла фотография "The Beatles" и портрет Ринго Старя. На следующий день Толя явился в школу без колец, а после занятий постригся и объявил: - Иду записываться в бокс.

Руководство группы легло на мои плечи...

В составе замелькали еврейские фамилии: Кантор, Сандлер, Дольник, Абрамович...

- А что же Толик? Как же он? спросит читатель. Скажу только, что знаю.

В секции бокса Толе не повезло. И рост у него был что надо. И левая ударная. И "крюк" получался, дай Бог каждому. Но на Толино горе тренером оказался крючконосый Вениамин Залманович Альтшунер!! Пришлось бросить и податься в

подпольную школу каратэ, но и там руководителем числился Алик Фридман!!!

И в Советской Армии Усикуму не "покапало" Ротным старшиной у него оказался прапорщик с окаянной фамилией Рабинович!!!

- Всю службу сбил, - жаловался мне Толян после демобилизации...

Прошло несколько лет, Толя окончательно пропал из моей жизни, и что с ним сегодня мне неизвестно. В мире теперешних реалий скорей всего он возглавляет какое-нибудь националистическое движение.

Кстати недавно мне в руки попала патриотическая статья, подписанная инициалами А.У.

(окончание следует)

Елена Матусевич

Мой Париж будет таким

не знаю, каким Париж был очень давно, и у меня нет старческой памяти, когда все, что было, всегда лучше того, что стало. Но в мое давно он был хуже. Я отлично помню, что народ хамил и толкался куда больше, а извинялся куда меньше, чем сейчас; помню, что в метро бегали непуганные крысы, везде сильно пахло мочой, в углах попадались какашки, а на лестницах спящие бомжи, в то время как работники сферы услуг, будь то почта, транспорт или магазин, не улыбались и не говорили дежурных вежливостей. Я имею в виду 90 годы, когда я впервые приехала в Париж.

В мой теперешний визит я сняла угол, то есть, как потом выяснилось, просто раскладной диван, у чувака по имени Хаким, как он политкорректно выразился, нетуристическом районе. Мой нынешний бюджет позволял выбор между отдельным гробом под крышей а ля Раскольников без душа (для посвященных *chambre de bonne*) и хакимовским диваном. Сильнее душа мой выбор определило любопытство. Изучать Францию - моя профессия, которая не худо, и, в целом, не очень бедно, не считая нынешнего лета, кормит меня и моих уже лет скоро двадцать, а потому мне захотелось самой понаблюдать вблизи тот Париж, на который не перестают жаловаться русскоязычные путешественники. Намерение намерением, но пересаживаясь на Шатле (*Chatelet*), я уже нервничаю. Район Хакима, конечно, еще не «зона», «*zone d'éducation prioritaire*» (как здесь называют неблагополучные пригороды), в зоне никто и не сдает квартир, но я чувствую себя неуютно: по пути к дому Хакима мне не попалось ни одного белого лица. Хаким на работе, и ключи мне передают его молодые соседи Самир и Абрам. Замечаю первый хороший знак в моем временном пристанище: в доме ремонт, заменяют ступени лестницы, по которой Самир любезно втаскивает мой чемоданчик на четвертый этаж, называя меня «*Chère Madame*». Второй и третий хорошие знаки: Абрам, йеменский еврей с огромным Моген Довидом на груди, спускается за покупками, а Самир

кричит ему вдогонку: «Не забудь мне две бутылки красного!». В квартирке Хакима хорошие знаки множатся на глазах: ряд пустых винных бутылок на полу и ряд полных на полке, в холодильнике сплошные сосиски “pig rogs” и ветчина, а на полочке, рядом со свернутым алжирским флагом, сюрприз: множество статуй будды и крошечный алтарь. В квартирке нереально чисто. Из комнаты Хакима выглядывает любопытная мося его обожаемой черной кошки.

Нетуристический район кишит всем на свете: магазинчиками, лавками, восточными благовониями, кафе, аптеками, мечетями и барами. Район цветной, без, однако, резкого преобладания какого-то одного тона: арабы, африканцы, вьетнамцы и другие «индокитайцы», бенгальцы, мальгаши, персы, латины. Именно этим непреобладанием какого-то одного меньшинства и обуславливается, как мне кажется, его мирный характер. Все невероятно дешево по сравнению с центром и, перед погружением в библиотеку, я закупаю с собой. Целый день я корплю над никому, кроме меня, неинтересными фолиантами в Национальной Библиотеке имени, черт бы его побрал, Митерана, который по названным им же еще при жизни местам имени его давно перегнал великого Де Голя, а вечером, опять нервничая, еду «домой». Хозяин уверял меня, что район спокойный и бояться нечего. Он прав, конечно, он прав. В целом, если кто-то сдает жилье через AirBnB, очевидно, что район это позволяет. Ведь каждый постоялец оставляет отзыв. Но я все равно нервничаю. Ведь еду я очень поздно, на последнем метро, потому что после закрытия библиотеки хожу гулять или в кино, чтобы не толкаться в крошечной квартирке с Хакимом. Выйдя из метро в моем районе сразу понимаю, что зря волновалась. На улицах полно народу, в час ночи открыты не только кафе и рестораны, что для Парижа нормально, но даже булочные и фруктовые лавки. Моя коллега, живя в буржуазном районе за большие деньги, нервничала куда больше, хотя тоже зря, возвращаясь вечерами по абсолютно пустынным улицам.

Я наблюдаю всех, везде, всегда, цепляю людей взглядом, слушаю разговоры, всматриваюсь в лица, измеряю температуру человеческой атмосферы. Штрих: подросток в метро трогает за плечо пожилую даму: «Извините, Мадам, но у Вас сейчас упадет заколка». Дама не удивляется, просто благодарит. Ничего особенного. Ничего особенного? Не скажите. Подростки вообще погружены в себя, и старики обычно не входят в их поле зрения. Чтобы заметить такую мелочь, как заколка, не на юной, а на седой голове, нужно, мне кажется, именно то, что называется культурой.

Другой штрих: молодой парень сидит на откидном сидении в вагоне метро. Входит влюбленная парочка средних лет. Дама садится на стропонтин рядом с парнем. Мужчина встает рядом. Парень встает и уступает место мужчине, чтобы парочка могла сидеть вместе.

- О, что Вы, Вы слишком любезны! - говорит мужчина

- О, что Вы, сделайте одолжение! – говорит парень.

Париж уважает влюбленных. В обоих приведенных случаях любезность исходила от темнокожих пассажиров к светлокожим. Но могло быть и наоборот. И одноцветно могло быть тоже, в любой гамме. Это неважно, это постепенно становится неважным. В очередной раз убеждаюсь, что расовое напряжение во Франции несравнимо ниже, чем в Штатах. Франция действительно интегрирует, и француз арабского, африканского или вьетнамского происхождения - это все-таки прежде всего француз. Для сравнения, французом стать можно, причем, при желании, даже в первом поколении, а вот немцем, при всем этом самом желании, насколько я могу судить, никак. Тут во всем заслуга или вина, кому как, специфики французской республики, которая определяет французскость не по крови, а по культуре. И потому, нравится это или нет, во Франции смешение идет полным ходом: не только на улице, но и на работе, в семье, дружбе, университете, искусстве, библиотеке. В разнообразной пропорции, конечно, но доля смешения куда выше, чем десять и пятнадцать лет назад. Разноцветны не только пассажиры, но и водители метро, не только гардеробщики, но и библиотекари, не только хулиганы, но и полиция, не только студенты, но и доктора наук. Хорошо это или плохо - не вопрос. Раздражает ли это нас, как белых людей? Раздражает. Расовое чувство естественно, оно заложено в каждом из нас и служит для распознавания своих, чтобы выжить. С этим чувством надо считаться, и его надо обсуждать. Замалчивать его опасно. Мы все расисты, разница только в том, признаемся ли мы себе в этом или нет. Если признаемся, то боремся с собой, ну, хотя бы стесняемся этого испуганного зверька в каждом из нас. Если нет, то со словами «я не расист, но ...» рассказываем и пишем о Париже то, что о нем обычно пишут выходцы из белоснежно-белой восточной Европы. Особенно забавно, когда евреи из Восточной Европы сетуют на почернение Парижа, забывая при этом, что для своих соотечественников сами-то они вовсе и не белые люди! Кстати, за все время в Париже толкнули меня в метро только один раз, да и то нечаянно. Ничего особенного в этом нет, со всяким может случиться. Особенное заключалось в другом: толкнувший,

славянин, точнее язык указать не могу из-за шума, не извинился. Все извинялись, хотя извиняться было, в целом, не за что, а он нет. Зато бледен он был с перепоею до аристократической голубизны. Я ничего не хочу этим сказать, я рассказала только то, что было. Просто я покамест решила, что именно по этому несказанному «извините» и проходит для меня сейчас невидимая и бесцветная граница между цивилизацией и ее отсутствием.

P.S. По приезде из Парижа я принимала у себя гостя из Австралии, хирурга южноиндийского происхождения. Он очень нервничал перед тем, как решиться приехать в Германию по обмену опытом, а когда мы вышли на улицу, то и вовсе перепугался. «Что с Вами?», удивилась я. Он признался, что ему страшно одному в таком 'белом' городе. Надеюсь, что опасения его напрасны, и ему будет здесь так же хорошо, как было мне в Париже.

Борис Э. Альтшулер

Отдохнул в Америке¹

виакомпания, самолётом которой мы прилетели в Нью-Йорк, звалась Continental Airlines. Американские авиакомпании на мой вкус являются по удобству лучшими из всех, которыми я до сегодняшнего дня летал в экономи-классе. В самолётах относительно много пространства между креслами и рядами, даже можно, сидя, немного вытянуть ноги. Случаются, однако, как и на других маршрутах, не предсказанные скучные разговоры с соседями. Мы летели над Англией по маршрутам викингов, мимо Гренландии, где нас хорошо потрепали вихри Северного Ледовитого океана, и над побережьем юго-востока Канады. Когда самолет стал заходить кругами на аэропорт Ньюарк в Нью-Джерси, в иллюминаторах появились совершенно нереальные открыточные виды Нью-Йорка с небоскребами вдоль реки Гудзон. Аэропорт Ньюарк является одним из самых удобных в Большом Яблоке, хотя он и находится в другом штате.

После того как прошли в аэропорту через паспортный контроль и отдали багаж на рейс до Лас-Вегаса, решили отдохнуть и посидеть в одном из многочисленных ресторанов и кафе. Здоровые парни багажного отделения запросто швыряли в это время наши красивые дорогие чемоданы вперемежку с багажом других пассажиров через всё помещение с довольно индифферентным выражением лиц. Со странным чувством пошли после этого искать McDonald's. Мимо нас бежали и шли люди со всевозможными цветами кожи и чертами лица.

Около одного из немногих киосков по продаже орехов, семечек и лимонада, стоял пожилой джентльмен преклонного возраста, похожий на представителя старой еврейской интеллигенции где-нибудь в Москве, Санкт-Петербурге или Тель-

¹ Авторизованный и актуализированный перевод очерка на немецком языке „Ein Urlaub in Amerika“, опубликованного на собственном сайте в Сети 2002.

Авиве. Он выговаривал что-то нахальному и довольно глупому молодому пуэрториканцу, который в свою очередь, крича, тоже выговаривал что-то своим продавщицам на испанском языке. Еврейский дедушка из Нью-Джерси был очень политически корректным, правильным и прямо-таки умолял диких Hispano-Sioux говорить по-английски, а не на испанском. Но нахальный гаучо беспечно болтал со своими толстыми *Senoritas* на испанском, жуя всё новые порции жвачки. Мы с удовольствием оставили безрезультатную и трагическую сцену культурной борьбы для того, чтобы расшевелиться после восьмичасового полета – впереди было еще четыре часа лёту в пустыню штата Невада. Этот маршрут так был задуман в Германии, чтобы не сидеть в самолете двенадцать долгих часов кряду. Зато теперь мы должны были вынести изнуряющую жару Ньюарка.

Перед залом ожидания нашей авиалинии уже сидели несколько помятых британцев, собиравшихся покутить в Вегасе. Постепенно подходили всё новые пассажиры, становилось шумно и разноцветно, люди бегали по двадцать раз в туалет. Пришли стюарды и стюардессы и нас всех без проволочек, быстро посадили в самолёт, в котором не менее половины мест были свободны. Самые опытные молодые пассажирки этого рейса улеглись, скорчившись, соснуть на двух соседних креслах и сразу же отключились. Когда подлетали к Лас-Вегасу, там был уже ранний вечер и пустыня сверкала фиолетовыми, синими и желтыми красками. С воздуха увидели рядом с аэропортом заказанный нами отель Лихог, построенный в стилизованной египетской пирамиде - с прожектором и с гигантским сфинксом перед входом. Чувство как будто приземляемся где-то в Израиле, в Эйлате над пустыней Арава, - но здесь всё было грандиознее.

Красивый аэропорт построили американцы в Лас-Вегасе, где повсюду, даже рядом с туалетами, стоят „*однорукие бандиты*“ – автоматы. Больше часа мы напрасно ждали выдачи нашего багажа: чемодан и вещмешок куда-то пропали. Пришлось пойти в бюро находок, где уже выстроилась солидная очередь. Бодрая дама в офисе сохраняла спокойствие и пообещала, что багаж будет найден и нам доставят его в отель. Я ей не поверил, но как потом оказалось она сдержала слово. Забегая вперёд, могу сказать, что у нас несколько раз случались в Америке похожие ситуации, но мы всегда получали свой багаж назад.

Поскольку отель Лихог по моим наблюдениям с воздуха был расположен рядом с аэропортом, я спросил одного из сотрудников как бы побыстрее пересечь шоссе, которое видел сверху. На меня посмотрели как на мешуге и... привели к автобусу.

Поездка в отель „через дорогу“ заняла около сорока минут. Пропавший багаж уже ожидал у входа, и мы стали его вытаскивать из кучи чемоданов. Повели его на роликах в громадный холл и лобби отеля, стали оформлять документы, получили карточку-ключ для номера. В это время появился какой-то паж с надраенной до блеска коляской для багажа и сказал, что так запросто подниматься в лифте с чемоданом и элегантным вещмешком мы не можем. Другой паж уже грузил багаж в коляску и пообещал нам, что привезёт его в течение получаса в номер. Все было гигантски и фантастически в этом отеле, а в лобби стояло по меньшей мере ещё двадцать таких носильщиков с блестящими колясками. Из соседнего громадного холла ресторанов доносилась дикая рок-музыка, шум и крики: американцы веселились на уик-энд.

Мы открыли дверь нашей комнаты в левой башне карточкой и вошли в апартамент. Здесь всё было египетским: кровати, мебель и туалет. В туалете я мог впервые познакомиться с американской особенностью, которая выглядит для меня даже сейчас странно: унитаз был не как в старой Европе почти пустым, а щедро наполнен водой в количествах достаточных для маленького плавательного бассейна или хотя бы джакузи. Для европейцев сложно с непривычки использовать бассейн в качестве туалета. Но ничего не поделаешь - пришлось знакомиться с этой стороной американской цивилизации. Мы позвонили друзьям в Лос-Анджелес и поговорили по телефону. Тамара сказала, что мы обязательно должны посмотреть шоу „*The Circus of O*“ („цирк воды“) в отеле *Bellagio*, о котором все говорят только в восхитительной степени. Она сама это шоу ещё не видела, но собирается посмотреть в ближайшее время. Конечно же, мы должны пойти на шоу в *Bellagio*, но все наши вещи остались в чемоданах и в шикарном новомодном матросском мешке, которые у нас забрали носильщики в лобби и куда-то с ними испарились. Звоним в регистратуру:

- Да, да, ваши сумки... Не волнуйтесь, вам их скоро принесут в комнату.

Проходит полчаса, час. Снова наши возмущённые телефонные звонки, - наконец спасает стук в дверь. Я начинаю кричать на коридорного на моём ужасном английском, но паж только ухмыляется. Когда-то американский сервис был легендарен, но не сегодня вечером. Сюю парню пять долларов в руку и захопываю дверь. Быстро переодеваемся, бежим к главному входу, ловим такси.

Шофёр родом из Новосибирска жил уже шесть лет в этой блестящей пустыне. Он вёл машину, болтал со мной и пророчествовал, что мы не получим билетов на шоу, потому что всё распродано на несколько месяцев, если даже не на несколько лет вперед. Два билета на начавшееся представление по цене 185 долларов штуку свидетельствовали, однако, об обратном: в капитализме всё определяет тот самый презренный металл, за который гибнут люди. За наши деньги получили совсем даже не плохие места на балконе в центре. Шло шоу и постоянно приходили новые опоздавшие, познавшие секрет 185 долларов.

Звучали еврейские мелодии из Бессарабии и Балкан, мои веки после двенадцати часов полета были тяжелы и угрожали сомкнуться. До этого не дошло. Сцена постоянно преобразовывалась во что-то иное, часто в гигантский бассейн, на ней происходили фантастические и сюрреалистические вещи,- я окончательно проснулся. Прошёлся, читая газету, которую он держал в руках, человек, - он сам и его газета были в огне. Другой артист вышел на сцену, засунул руку в петлю каната и одним рывком был поднят высоко на трапецию. Всё это он проделал с такой профессиональной элегантностью, как будто плевать хотел на то, что сценические машины мгновенно подняли его так высоко без страховки под гигантские колосники. А уж там, на высоте, пошла обалденная воздушная акробатика... Я больше не дремал, а был полон этим фантастическим шоу и странной музыкой, звучавшей очень по-европейски.

Представление закончилось, и мы спустились в святилище отеля, в его залы, где везде трещали автоматы и слышался шум потоков проглоченных или выплюнутых жетонов, и ночь напролёт были открыты бутики. В ресторане на стенах висели оригиналы картин французских импрессионистов из коллекции знаменитого американского комика кино Стива Мартина. На табличке стояло, что он одолжил их отелю. Пошли к столам, играли около часа и потеряли сотню долларов. С компакт-дисками, среди которых, к сожалению, не было записи актуального удивительного шоу, вышли в ночь Лас-Вегаса. Перед балюстрадой сверкало в огнях искусственное озеро, подальше - копии Эйфелевой башни и Skyline небоскребов Нью-Йорка. У входа стоял огромный американский пикап, блестящий никелем. На номерном знаке автомашины было большими буквами выведено „Lucky" (повезло). Была ли это рекламная шутка менеджмента или просто сплин богатых американцев - не понятно, но в Вегасе срабатывало.

Мы вышли в жару 38° С и пошли по стрипу обратно в наш номер с затопленным туалетом в шикарном отеле. Мы прошли несколько километров в сверкающем, не спящем городе, полном мирных американцев, которые проводили здесь свои выходные. Вокруг были детские сказки и компьютерные игры, отлитые в бетон и стекло. Когда мы вернулись, наконец, в гостиницу, было уже четыре часа утра. Мы не спали больше суток.

2.

Туалет с миниатюрным бассейном и душ работали безотказно, но я напрасно искал телевизор, - кругом стояли какие-то комоды и шкафы. Когда открыл двери одного из них, то обнаружил там тот самый телевизор, который отчаянно искал. Так я познакомился со старомодной американской особенностью: шкаф с телевизором стоял почти в каждом отеле. В полдень отметили в регистратуре отъезд и взяли такси для того, чтобы подъехать к фирме проката автомобилей, где нас ждал один из них, забронированный через автомобильный клуб из Германии. Загорелый таксист, отвозивший нас, был бородат, с громадными усами и, в довершение ко всему, в тюрбане.

- Откуда вы такой? "- спросил я.

- Из Индии", - сказал тюрбан со специфическим индийским акцентом. И стал мне минут десять рассказывать об Индии.

- А какая у вас религия? - поинтересовался я.

- Я сикх, - ответил гордый таксист.

- Это, конечно, замечательно, но разве вы не мусульманин?" - спросил я еще раз. Водитель был недоволен:

- Моя религия – религия сикхов. Мои борода и тюрбан – часть этой религии.

У фирмы проката автомобилей стояла солидная очередь громадных и разноцветных американцев-качков. Шеи у них были как моё плечо, а плечи как моё бедро. Американцы охотно стоят в очередях, которые продвигаются обычно дисциплинированно и быстро, поэтому я также дисциплинированно пристроился в самом конце. Подошёл наш черёд, женщина за стойкой вытащила факс с заказом из Германии и скептически посмотрела на него:

- Если вы действительно хотите отправиться в путешествие через Неваду и Калифорнию, то вам нужен другой автомобиль, сэр.-

Она убедила меня, и я взял внедорожник Chevrolet с автоматической коробкой передач. В отличие от рекламы и немецкого хвастовства американцы по моим наблюдениям ездят в Соединенных Штатах прежде всего на американских моделях.

Немецкие автомобили широкой массе просто недоступны. Теперь уже моторизованные, пошли в McDonald's поесть. Американский порции по сравнению с немецкими огромны, намного дороже, но лишь отчасти так хороши по вкусу, как в Европе. Но это чисто субъективно.

Мы поехали по Лас-Вегасу и стали искать выезд на шоссе в Лос-Анджелес. Ночная фантастическая сказка столицы дворцов-казино оказалась днём огромным, забетонированным миллионным городом с собственным университетом. Я потерял без навигатора маршрут в этом лабиринте строительных площадок, гостиниц, Ressorts, дорог и автострад и мы объехали в течение нескольких часов практически всю метрополию. После обеда, наконец, выехали на американский автобан, Freeway, на котором в отличие от Европы не было щитов с указанием направления и географическими названиями, зато с номерами и бесконечной рекламой. Проехав 30 миль, мы узнали на заправке, что по ошибке едем в Феникс, штат Аризона. Пришлось вернуться.

Мимо нас пролетала удивительная пустыня, бесчисленные гостиницы, казино, дворцы, курорты, Ressorts, Factories-Outlets и населенные пункты штата Невада на границе с Калифорнией, где ещё лет 50-60 назад на ядерном полигоне неподалёку проводили надземные взрывы. С 1951 по 1992 годы там было испытано 100 надземных зарядов. В 1960-ых ядерные грибы были видны за 160 км в любом направлении, включая Лас-Вегас. Атомный гриб от выстрела артиллерийским снарядом был в 1953 году даже виден в Лос-Анджелесе. Американцы тогда массово приезжали на конец недели отдохнуть и поглядеть на грибы ядерных взрывов с балконов отелей, не подозревая о Fullout и о смертельной опасности. Потом мы услышали по радио американское чудо: прекрасную джазовую программу. Теперь я окончательно убедился в том, что нахожусь в США и еду в Голливуд.

На карте Немецкого автомобильного клуба наш маршрут выглядел довольно просто и очень прямо. На самом деле мы проехали в американской ночи по бесчисленным городам и городкам более 600 км. Мы ехали мимо пустынных заправок, у которых, сидя на пороге в кемпинг-стульях, охраняя станцию и бензин, спали сотрудники или их арендаторы. Очень большим разочарованием оказались мексиканские рестораны быстрого обслуживания, меню которых была очень далеко от ковбойских деликатесов в голливудских фильмах - особенно у соусов был очень неприятный вкус и запах. Они были почти также отвратительны как, например, кофе в обычных ресторанах быстрого обслуживания, где количество пошла неограниченно.

Иначе обстоит дело в Америке в специализированных кафе: там подают прекрасный кофе, но это стоит уже гораздо дороже.

3.

Автострада на Лос-Анджелес не привычна для европейцев, особенно в связи с уже описанным практическим отсутствием европейской информации для водителей. На Freeway в Америке водители ориентируются по дорожным знакам с номерами и указанием „юг“ „север“ и т. д., но к этому надо привыкнуть. Очень много рекламы, и без навигатора трудно найти правильное направление. Напуганные американскими боевиками мы побаивались ночных поездок, но как оказалось совершенно напрасно. На нас никто не напал, за исключением чёрного бездомного на автозаправке, который обязательно хотел в 2⁰⁰ ночи регулировать выезд, за что получил доллар.

Мы проехали по пустым улицам Западного Голливуда, - две проститутки и наркоман, которых попросили указать дорогу, уже не говорили, а мычали. Наконец, мексиканец, развозивший в киоски утренние газеты, показал нам, где надо искать Hollywood Roosevelt Hotel. В четыре утра мы подъехали к серому бетонному домище, чьё тёмное лобби было оставленным и пустым. После звонка появились ночные портье, - парень из Египта и девушка-иранка, - которые спали на топчанах неподалёку и оформили формальности. Мы упали в постель и проспали до одиннадцати.

При дневном освещении этот отель между огромных строительных площадок оказался жемчужиной из прошлого. Неуютное ночное лобби смотрелось проснувшимся волшебным царством из американских фильмов. Высокие потолки зала исписаны известнейшим декором мира кино. Первые в истории церемонии награждения Академии фильма „Оскарами“ проходили именно здесь. Да и сегодня все, кто считают себя кем-то получше, останавливаются во время церемоний награждения по традиции именно в этом отеле. На выходе к Hollywood Boulevard сидел бронзовый Чарли Чаплин на бронзовой скамейке. Это было тогда популярным местом встреч и портье говорили туристам:

-Ждите там. Ваше такси будет искать Вас рядом с Чарли.

Или:

-Автобус должен подойти через десять минут. Пожалуйста, подождите рядом с Чарли...

Когда мы снова, через четыре года приехали в Лос-Анджелес и зашли в наш знакомый отель, то не нашли там ни Чарли, ни фресок на стенах у входа. К моему сожалению всё пало жертвой реконструкции знаменитого отеля, который корректно и

историзированно восстановили в стиле 20-30-х годов XX века. Жаль. Раньше было где-то человечнее.

Напротив отеля находится знаменитый *Chinese Theater*, в котором проходят награждения Оскарами и который тогда перестраивала Sony Group. Тротуар вдоль бульвара вымощен отгисками в бетоне рук и туфель знаменитых киноартистов, режиссёров, продюсеров известных фильмов и кинооператоров. Здесь у каждого своя звезда.

Зазывала туристического автобуса неподалёку уговорил купить поездку по мегаполису Лос-Анджелеса, включавшую посещение более 60 городов и поселков. Водитель автобуса повёз нас, однако, только через Беверли Хиллз, где мы с уважением постояли у закрытых ворот перед виллой Стивена Спилберга, миссис Элизабет Тейлор и всех остальных. В общем, мы были рады вернуться в отель. Потом появились наши друзья, которые жили здесь уже 20 лет, и мы поехали в ресторан *Jeffrey's* у моря. Мы хотели посмотреть в Малибу экспозицию музея в вилле Гетти, но Lexus наших друзей не хотел культуры и потащил нас в *Jeffrey's* на побережье окутанного туманом чудесного города. Вездесущие мужские и женские *Valets* взяли у друзей ключи от автомобиля для припарковки. Это старая американская традиция: сегодня так паркуют автомобили клиентов, раньше это были лошади с пролетками. Такой бизнес обеспечивает в США тысячи людей работой... Позже мы отправились ещё и в уютный армяно-русский ресторан, где смогли попробовать прекрасный шашлык, вроде тех в Москве, Ереване или в Риге.

С распадом СССР развалилась и устроенная жизнь на Кавказе, многие армяне покинули родину у подножия горы Арарат и приехали в Америку, где есть влиятельная и богатая армянская община, в первую очередь в городе Фресно в Центральной Калифорнии. Многие из американских армян прошли первоначально через Фресно, который со временем превратился в своего рода автономную Армянскую Республику. На следующий день мы договорились поехать в немецкий ресторан *Spago*, о котором так много пишут в Германии, но приземлились в *Bohème*, где цены были более цивилизными. Ресторан был почти полностью затемнён и новомодные официанты подавали блюда с шахтёрской лампочкой на лбу. Хорошо, что я вставил в мою камеру новые батареи. Наш друг Леонид, который был непривычно тих, умер спустя шесть месяцев от рака пищевода. Когда официант нас фотографировал, мы ещё не знали, что это наша последняя совместная трапеза.

В последний день нашего пребывания в Лос-Анджелесе провели много часов в непрерывной езде по дорогам в тихой надежде заехать в *Venice* и посмотреть на американскую пляжную жизнь - мы не смогли этого сделать. Навигаторы тогда ещё были не в моде, а печальным результатом наших усилий была бесконечная езда по американским Freeways между Анахайм и Сан-Фернандо. Наконец, выехали на побережье у очень причёсанного и симпатичного городка американского бомонда *Wilshire*, завернули на легендарную Highway Nr. 1 или PCN (Pacific Coast Highway), выехали на побережье Санта-Моники с прекрасными песчаными пляжами, а затем поехали в Малибу.

4.

Город миллионеров и кинозвёзд встретил нас туманом на длинной главной прибрежной дороге, криками чаек и пеликанов. Вышли на мол посмотреть на птиц, тащивших из воды рыбу. Молы тут очень прагматичны: на перилах прикреплены железные поручни-держакки с крюками для удочек рыболовов. Ветер, солнце и туман делают жару в Малибу очень терпимой. Немецкоязычных знаменитостей - Шварценеггера, Готтшалька или других мы не повидали - все они живут в виллах на холмах, высоко над городом.

Владелец небольшого ресторана *Burger* говорил по-английски где-то на нашем уровне. Он был христианином-маронитом, который эмигрировал в США во время гражданской войны в Ливане после убийства президента Башира Жмайеля. Мы говорили о войне, о палестинцах, шиитах и суннитах, Израиле и будущем Ближнего Востока. Человек был изгнан из своей родины вместе с христианами Южного Ливана. Там у него в финикийской земле на восточном Средиземноморье больше не было дома.

- А как же брат Жмайеля? - спросил я.

- Его можно забыть. Он пришел к каким-то соглашениям с мусульманами и сделал много денег. Жмайель был уникальным политиком и человеком, только он был в состоянии защитить Ливан и христианскую общину. Башира убили, теперь всё кончено и решено, - сказал владелец ресторана устало.

Из нашей комнаты в мотеле Малибу с туалетом, затопленным как обычно водой, к чему мы всё ещё не привыкли, открывался прекрасный вид на океан, а из душевой - на зеленый холм, где к небу лезли невысокие, ухоженные субтропические джунгли.

Остальные гости мотеля были спортсменами. Это означало, что лысеющие врачи и юристы, все с дорожными джипами и досками для серфинга на крышах автомашин, смотрели на нас, несмотря на свои животы, прохладно и строго. Другими словами,

смотрели спортивно. Когда мы уезжали на следующий день около полудня, многие доски были еще девственно привязаны на своих местах.

Поехали дальше по РСН держа курс на север. Туман исчез, дюны слева от нас нескончаемо занимали рестораны, клубы и отели. Мимо пролетали бесконечные солнечные пляжи. По улицам сновало не очень много людей, кругом была чудесная атмосфера тёплой меланхолии ранней осени. На остановках к нам прибегали из дюн, попрошайничая крошки, странного вида калифорнийские животные - наполовину белки, наполовину крысы. Проехали мимо бесконечных полей и цветочных плантаций с орошением, через маленькие городки и заправки со станциями технического обслуживания,- везде там, где трудолюбивые американцы работали на этом солнце во имя своей мечты, которая выглядела также красиво как где-нибудь в Европе - в Лотарингии и на Сааре в солнечный летний день.

Было темно, мы въехали в город с предательским, возможно, русским названием *Pismo Beach*. Мы-то знаем, что в русском языке означает слово "письмо". Уже в двадцатых годах XIX-го века русский царь начал распродавать Америку, не говоря уже об Аляске, проданной Россией в 1867 году вместе с владениями в Северной Америке общей площадью 1 518 800 км² за 7,2 миллиона долларов. Русские казаки и купцы колонизировали для царя даже побережье северной и центральной Калифорнии. Американцы не любят разговоров об этом этапе истории США.

В довольно грязном мексиканском супермаркете городка купили еды и питья. Повсюду висели постеры с изображением Пресвятой Богородицы из Гвадалахары. Американский городки ночью очень консервативны, похоже, что даже тротуары складываются как раскладушки, - почти никакого освещения. В конце концов нас не расстреляли или ограбили, а по-бандитски смотревшие, но зато удивительно дружелюбные мексиканцы нам ничего плохого не сделали. Мы нашли грязный, зато неприлично дорогой мотель и легли спать.

5.

Утром темный ночной город мексиканских бандитов оказался очень симпатичным и дружелюбным англосаксонским курортным городком. Пошли в шикарный супермаркет в торговом центре у побережья с очень вежливым обслуживанием и вообще отличным сервисом, о котором в Германии можно только мечтать. Песчаный пляж был пуст, богатые пенсионеры выводили своих

собак и себя к Тихому океану. Было довольно сложно выехать из Писмо-Бич, куда заблудились ночью.

Снова на шоссе на север в направлении *San Simeon*. Мимо нас пролетали пышные горы и луга и иногда хотелось самого себя ущипнуть, чтобы убедиться в том, что я не сижу на просмотре чудесного документального фильма. Сегодня был день посещения замка Херста (Hearst Castle), известного по фильму Орсона Уэллса „Гражданин Кейн“. Как повсюду в Америке все здесь очень коммерциализированно. Наземная автобусная станция расположена внизу асфальтированной дороги в гору, посреди уникального, почти средиземноморского ландшафта и окружена туалетами, сувенирными магазинами, кафе и ресторанами. Мы оставили наш внедорожник на стоянке и немного постояли в очереди любопытных туристов. Американский водитель автобуса, возможно, любитель-ковбой или крутой ветеран, был полон амбиций, поднимаясь с нами к замку в гору, показать свой класс езды и упасть вместе с пассажирами в пропасть. По меньшей мере 80 км/час!

Наверху, на горе, женщины-гиды, почему-то в соломенных шляпах амишей, повели нас в увлекательную экскурсию по американскому искусству и истории архитектуры. Вид сверху, с горы с замком Херста, на побережье Тихого океана лучше чем снизу: легкий туман, золотые холмы вокруг нас, чудесные ухоженные сады в стилизованной крепости этого могла прессы, чья внучка Патрисия Херст была в семидесятых годах XX-го века похищена американской леворадикальной террористической группировкой „Симбионистская армия освобождения“ и после тщательного промывания мозгов террористами уже как „Таня“ с автоматом в руках грабила банки. Она была так „перекрещена“ террористами в честь Тамары (Тани) Бунке (*Tania Bunke*), погибшей единомышленицы и любовницы Эрнесто Че Гевары. 57 дней молодая женщина была заперта в шкафу размером 2 метра на 63 сантиметра, - первые две недели с завязанными глазами, первые несколько дней без туалета и с кляпом во рту,- её оскорбляли, избивали и насиловали. Случай Патрисии Херст считается классическим примером „стокгольмского синдрома“.

Сверху, с горы Херста, виден маленький порт, куда по распоряжению миллиардера прибывали части купленных зданий, разобранные в Европе и позже вновь отстроенные в его замке; полностью обставленные комнаты, ящики с мебелью и произведениями искусства. В замке два огромных бассейна. Тот внутри, - копия римских терм, а который в саду рассчитан аж на

1,3 миллиона литров воды. У края стоит чудесный греческий храм, украшенный пронзительно белыми классическими статуями и колоннами, от которого открывается прекрасный вид на окружающие холмы. Уильям Рэндольф Херст опустошил пол-Европы для того, чтобы обставить свой дом, а что не смог купить, приказал копировать. Сам он называл свою усадьбу "*Чарующая высота*" (La Cuesta Encantada).

Херст был противоречивой фигурой: с одной стороны воплощал в себе консервативную американскую мечту, с другой - заигрывал с итальянскими фашистами и немецкими нацистами. Несмотря на то, что он явно хотел продолжить архитектурные традиции президента Джефферсона, в замок встроена его анархия и жажда жизни. Всё здесь очень по-американски эклектично, сброшено вместе, даже вещи, которые в общем-то не сходятся друг с другом: например, итальянская купель для крещения и персидский фаянс в паре с корейскими мотивами. Очарователен уже упомянутый греческий бассейн с фонтаном и белыми копиями мраморных скульптур из Италии и Греции. Мультимиллионер взял себе напросто творческую свободу наития. Церкви и часовня на вершине холма оказались миражом: в них помещаются представительные помещения и гостевые комнаты с большим камином в стиле конца европейского средневековья. Снаружи белые скульптуры, мраморные копии - и повсюду удивительный сад с фантастическими деревьями, цветами и воздух, наполненный магией. Вольеры частного зоопарка, когда то пугавшего гостей, сегодня пусты, - видимо, одна из тех идей, которые не очень удачны на горе.

Херст унаследовал землю и состояние своего отца, магната-горнопромышленника Джорджа Херста, умершего в 1891 году. Сыну удалось приумножить богатство: он занимался газетным делом и вошел в историю как один из создателей "желтой прессы" (Yellow Press), журналистики сенсаций. Строительные работы в Сан-Симеоне начались в 1919 году после смерти его матери, а в 1951 году, когда Херст умер, строительство замка далеко ещё не было закончено. Для претворения своей мечты в жизнь он нашёл достойного партнёра в лице выдающегося американского архитектора Джулии Морган, первой женщины, лицензированной в 1904 году как архитектор в Калифорнии.

Агенты Херста шарили по всему свету в поисках античности, средневековых ковров, плиток, китайских изделий из нефрита и фарфора. Рассказывают, что он велел разобрать целый монастырь и перевез его из Испании в Калифорнию. Несколько

лет пришлось хранить пазлы этого монастыря в упаковке впрок, потому что босс никак не мог решить, что с ними делать. Французские, английские, итальянские, мавританские и испанские элементы стиля образуют дикую и причудливую смесь, а предметы искусства совершенно разных эпох и стилей скомпонованы самим Херстом очень анархически и эклектично, по собственному наитию. Огромная столовая замка воспроизводит зал из фильмов о средневековой рыцарской Европе. Грандиозное помещение буквально набито всякими предметами из разных эпох: флаг из Сиены с фамильными гербами, фламандские гобелены, античные церковные скамьи, деревянные панно с изображением святых и т. д. Длиннющий стол, за которым нужен бинокль, чтобы разглядеть гостей напротив, на другом конце. А из гостей тут в гостях у Херста и его возлюбленной, актрисы Мэрион Дэвис, сживали когда-то голливудские звезды: Чарли Чаплин, Мэри Пикфорд, Рудольфо Валентино, Гари Купер, Кларк Гейбл, Кери Грант.

Но даже для такого супер-богатого фашиствующего чудака замок стал в конце жизни слишком дорог. Как рассказала гидесса, он был передан семьёй штату Калифорния и университету Беркли, где когда-то учился Херст. Таким образом семья рассчиталась со своими задолженностями по налогам. Замок Hearst Castle кормит сегодня поколения американских искусствоведов и защитников окружающей среды, а также сувенирную индустрию. Не забыть бы к тому же, ко времени нашего путешествия, персонал двух больших ресторанов на наземной станции. Назад, то есть вниз, мы уже летели в сумасшедшем автобусе на скорости около 100 км/ч. Наш ковбой за рулем показывал ещё более высокий класс, что ему на самом деле удалось: все были счастливы, наконец, выйти из автобуса на полусогнутых. На сувенирной фотографии перед фотообоями с изображением замка, которые мы сделали непосредственно после нашего лихого спуска в горном ралли, я и моя жена позируем с широко открытыми после пережитого глазами.

6.

Побережье стало скалистым и грубым, Тихий океан шумел под нашими колёсами. Время от времени мелькали рощи платанов с романтическим, чудесным английским названием *Sycamore-Trees*, которые охраняют рейнджеры администрации по охране природы. Американцы считают, что здесь всё очень похоже на Бретань, но это „всё“ ещё более грубо и могуче, другими словами, северная Калифорния. Солнце осталось в Лос-Анджелесе, здесь царил туман и меланхолия Big Sur. Заповедник с

его печальными пляжами, синими горами и всемирно известным легендарным *Lone Cypress Tree*, - монтерейским кипарисом на сказочной скале в *Point Lobos State Park*, противостоящим ветрам вот уже 250 лет, стал одним из символов американского упрямства и стабильности. Фотографии хрестоматийных калифорнийских ландшафтов всемирно известны. Когда мы нафотографировались и сняли всё на видео, то отправились дальше и осели в отеле в городке миллионеров Кармель, где когда-то был мэром звезда Голливуда Клинт Иствуд. Самой важной частью мебели в номере был снова вездесущий консервативный и громоздкий американский шкаф, в котором стоял телевизор.

Незадолго до закрытия банка в пятницу быстро заскочили туда для обмена наших *Travelers Cheques*. Здесь я познакомился со специальным американским сервисом: моя подпись под чеком и паспорт были не достаточны для получения 20\$ US. Молодая банкирша потребовала ещё и отпечаток большого пальца, что я после маленького скандала в конце концов сделал. С той поры у сыщиков Государственного департамента есть в коллекции преступников образец моей дактилоскопии.

Мы прошли через две половины городского центра, который, похоже, состоял из деревянных дач американской пуританской традиции построек времён Марка Твена и Тома Сойера. Всё выглядело по-кальвинистски строго и немного потрепано. При ближайшем рассмотрении дома оказались большими банками, супермаркетами, специальными магазинами и бутиками, ресторанами и кафе. Архитектура здесь не кричит помпезностью как в Сан-Франциско или в Нью-Йорке - многое выдержано в стиле американского минимализма. Молодые миллиардеры из близлежащей Силиконовой долины или профессора и предприниматели из Сан-Франциско живут в городе. Везде строгие и ухоженные пляжи, ветер, меланхолия и прекрасный *Downtown* с уникальными галереями, фотоателье и студиями, ресторанами и очаровательными итальянскими кафе, где после долгого путешествия можно, наконец, выпить настоящий кофе и получить пирожное. Всюду антикварные магазины с великолепным ассортиментом. По центру города Кармель можно бродить целый месяц и не будет скучно.

Вечером отправились поесть в забитый посетителями лучший ресторан города. Он состоял из многих помещений с несколькими картинами на стенах, где сидело, вероятно, больше сотни гостей. В отличие от VIP-атмосферы американских фильмов здесь стояли шум и суета, которых я ещё никогда не испытывал. Все болтали, что-то рассказывали и кричали, не обращая внимания

на соседей. Шум разьеженного автобана по сравнению с этим гвалтом воспринимался бы почти как беззвучный шёпот. Быстро проглотили наш динер, расплатились с официантом плюс обязательные 15% за обслуживание и побыстрее ушли. На следующий день поехали в город Монтерей на берегу залива (Monterey Bay), посетили живописную Fisherman's Wharf с меланхолией и избалованными морскими львами, загоравшими на понтонах. Вспомнился роман Джона Стейнбека „Консервный ряд“ (*Cannery Row*, 1945). Поели блюдо по-бретонски в буханке хлеба без мякоти, купили сувениры и отправились обратно в отель, в центр Кармеля. В памяти остались несколько очень красивых солнечно-туманных дней этого чудного города и его окрестностей.

Наш внедорожник повёл нас на север, в Сан-Франциско. Горы соскальзывали всё дальше вправо от нас, в глубь ландшафта, стало больше воздуха, солнца и тепла. В маленьких городках на подступах к метрополии все бухты застроены и прямо-таки залиты бетоном. Мы остановились в многоэтажном стилизованном, деревянном мотеле с видом на океан. Песчаный пляж, несколько бетонно-стеклянных зданий, антикварный магазин и, Боже мой, мексиканский ресторан. Все остальные кафе были, к сожалению, уже закрыты. Человек слаб: мы пошли в этот ресторан, где всё, что мы заказали, имело вкус какой-то дорожной грязи, а уж наш кофе – не хочется вспоминать... Для меня остаётся большим таинством как мексиканцы умудряются готовить из вполне нормальных продуктов такую гадость, особенно свои тошнотворные соусы.

Пахло свежим морским воздухом, слышались крики чаек, на языке был вкус океанской соли. Портье мотеля, гей-индонезиец с длинной ухоженной, пышной гривой волос до вертлявой попы, не обращал на нас внимания. Он беседовал со своей лучшей подругой по телефону уже, вероятно, по крайней мере, час:

- Жаклин, я же тебе говорил ... Теперь ты должна ждать результатов лабораторных исследований. Почему ты не спросила его о СПИДе? - и так эта волынка продолжалась без конца. Кроме нашего автомобиля во дворе стояли ещё три. Один из них принадлежал семье из Германии, которая оказалась очень осторожной в общении. Мы открыли в нашем номере окна с видом на океан и легли спать в романтично отражённом лунном свете.

7.

Это случилось 11 сентября 2001 года около 7⁰⁰ по местному времени на западном побережье. Выйдя из душа, я включил телевизор, но не услышал ни звука, только увидел странную картину на экране. Почему-то именно сейчас на всех каналах шёл один и тот же научно-фантастический фильм:

самолет влетал в небоскреб, и что-то горело. Я покрутил кнопку громкости, но ничто не изменилось. На CNN, NBC, CBS, ABC, Fox, частных каналах – везде была странная неподвижная, достаточно угрожающая, без голоса картина горящих небоскребов. Затем, наконец, пришли известия: картина на телеэкране не была научной фантастикой – это была реальная атака на Америку, на крепость Запада, полную дружелюбных людей, стоящих на земле с широко расставленными ногами; на швицеров, мчащихся вниз с горы Сан Симеон на скорости 100 км/ч, разрабатывающих в Силиконовой Долине новые компьютерные программы, строящих небоскребы и имеющих самую могущественную армию в мире, верующих в Бога, поклоняющихся деньгам и живущих в прекрасной стране, совершенно не подготовленной к такой атаке.

Дневная портье мотеля плакала. Мы зашли в антикварный магазин, где толстый и дружелюбный, заплаканный продавец предложил нам сладкий кофе. После этого страшного преступления американцы показывали свою солидарность. Президент Буш, который застыл на экране телевизора с выражением боли, и его семья были, как это предусмотрено в случае чрезвычайного положения, отправлены в течение нескольких часов в полёт над Средним Западом по секретному маршруту. Парламентарии палаты представителей и сенаторы выступали по телевизору, едва сдерживая нервы, спаянные катастрофой, и почти непрерывно заседали в столице. В стране, где нет недостатка в американских флагах, стало ещё более красочно из-за целого моря знамён.

Мы ехали по шоссе в Сан-Франциско, в город-жемчужину на удивительном заливе и слушали радио. Отель в S.F. звался Commodore и был как многие американские отели довольно симпатичен снаружи и менее красив изнутри. И, самое главное, наша комната была наперекор заказу без кондиционера. Тем не менее мы почувствовали преимущества заказа из Германии: многие сотрудники говорили по-немецки. Пожилая и мужиковатая шофёр такси, которая приехала по вызову и подвезла нас к центру, мечтала побыстрее уйти на пенсию и уехать домой на Боденское озеро. Лесбиянка, она в молодости уехала со своей партнёршей в Сан-Франциско. Жизнь прошла в вечеринках и парти для геев и лесбиянок в этом чудесном городе. Экономическая ситуация, даже без атаки на башни-близнецы в Нью-Йорке, трудна, - она не получает зарплату, только проценты от дневного дохода машины и живёт в основном на подачки немецких туристов, которым обязательно открывает своё сердце и рассказывает о финансовых проблемах. Пора оформлять пенсию и возвращаться обратно

домой, в Европу. Многие из персонала отеля говорили по-немецки: черный швейцар, служивший в Германии в армии, или застенчивая смуглая, индийская девушка, чья сестра счастлива в браке с немцем в Европе. Одна из них, темно-русая, по-мальчишьи толстая, была немкой, - её родители были немцами, она выглядела по-немецки: только вот говорить по-немецки она не могла: помыкивала что-то неразборчивое. Тем не менее и она мучила нас разговорами. Два доллара сотворили чудеса, после чего она исчезала.

По телевизору тем временем шли дальнейшие жуткие трансляции из Нью-Йорка, - люди выпрыгивали из окон горящих небоскрёбов, обе башни рухнули. Было по-настоящему страшно. Великий и гордый народ, мелочно потребовавший от меня отпечаток пальца в банке для своей шпионской коллекции; в стране, где ещё несколько дней назад можно было говорить по телефону за рубеж не напрямую, а только через операторов, был в шоке. Великая нация оказалась совершенно не подготовленной к катастрофе у себя дома. Президент Буш, почти расплакавшийся сразу после атаки и пропавший с экранов телевизоров на несколько дней, взял себя потом в руки: он появился на работах по расчистке руин в Grand Zero, выступил перед нацией с речью и дал, наконец, американцам то мужество и надежду, в которых они так нуждалась. Так он стал настоящим американским президентом как это стоит в хрестоматиях. ТВ-шоу обсуждали жуткое нападение и многие американские мусульмане также участвовали в дискуссиях. Но говорили они что-то совсем несуразное и бредовое. У них было много сострадания к самим себе и своим братьям по вере в США, которым сейчас стало так трудно жить. Это была совершенно другая адаптация событий из иного параллельного мира, не пересекавшегося с американским обществом.

8.

Мы ходили и ездили по прекрасному городу Сан-Франциско на огромном заливе и повсюду нас не оставляли мысли о Нью-Йорке. На холме, на конечной остановке сели в легендарный *Cable Train*, поехали в гавань к Fisherman's Wharf, ели там снова бретонские деликатесы – свежеприготовленное блюдо в выдолбленной буханке хлеба. Сидели на балконе ресторана, ели-пили и смотрели в бинокль на тюрьму на острове Алькатрас, где сегодня больше нет заключенных, - и старались в этот момент не думать о башнях-близнецах в Нью-Йорке и прыгающих из окон небоскрёбов, доведенных до самоубийства людей. Было хорошо без душевой жары Лос-Анджелеса и очень дорого.

Тут же, на набережной купили поездку в Национальный парк Йосемити, один из старейших американских национальных парков, известный по странным и уникальным фотографиям Ансея Адамса (*Ansel Adams*). Вот мы уже проехали поля с гигантскими ветряными мельницами на холмах - памятниками первых дней экологического движения, знакомых из американских фильмов; пустыню, в которой непрерывно что-то строилось и обрабатывалось, и, наконец, въехали в Йосемити. Нам на удивление в парке можно ездить на машине по асфальтовым дорогам. В Европе экологи пошли бы из-за такого безобразия на баррикады, а здесь ездят на машинах подальше от цивилизации в леса, к рекам, где американцы разбивают лагерь, ловят рыбу, разжигают маленький костёр и даже иногда время от времени сжигают из-за чистой любви к природе часть парка Йосемити. Хотя один из самых маленьких национальных парков США, Йосемити на самом деле огромен и рай для любителей природы и пеших походов. Говорят, что там растут гигантские секвойи, *Redtrees*, но мы не увидели на прогулке ни одной из них.

Поэтому на следующий день отправились через мост над заливом в *Muir National Park*. Там действительно стоят в изобилии тысячелетние и 100-метровые гиганты. Здесь тоже были асфальтовые дороги, но на автомобилях как в Йосемити ездить нельзя. По дороге назад в отель автобус сделал остановку в Саусалито, который немного выглядит как Грейс или мини-Канны на Лазурном берегу Франции. Сквозь туман над заливом просвечивался Алькатрас. В итальянском кафе обслуживали только выходцы из Латинской Америки. Очаровательно улыбающаяся латино-девочка с огромными лунным лицом подошла к стойке бара. Подросток не хотела второй бесплатной порции кофе, а просто попросила несколько раз подряд ещё немного сливок. Задница этого прелестного создания начиналась где-то в подмышках и кончалась над коленями. Мексиканские мамы, сидевшие за столом и наблюдавшие за девочкой, похоже, сами занимались в свободное время борьбой сумо и выглядели очень довольными. Они, очевидно, никогда не говорили ребёнку, что между приемами пищи должны быть перерывы. Русский таксист Сергей из Крыма, который повёз нас в последнем туре к Ламберт-стрит, заполненной зигзагами и цветами дороге на маленьком холме, известной из различных фильмов, а затем привез в японский сад, услышав наше описание сказал:

- Вы понимаете, здесь в Америке свобода. Кто хочет - ест как сумасшедший, и кто не хочет - голодает. Это не Россия, каждый может стать толстым. Свобода, понимаете ли...-

Обогащенные этой простой мудростью иммигранта, которые угрожал когда-нибудь вернуться отсюда домой в Крым, мы поехали обратно в гостиницу собирать вещи для перелёта в Нью-Йорк.

9.

Неделю спустя после атаки на США мы вылетали вечером в Нью-Йорк. В аэропорту было много сигнализации, безопасности и очень много нервогрёпки. Самолет летел через ночь и через несколько часовых поясов, - спустя семь часов полёта мы кружили над разбомбленным городом городов и вновь приземлились в Ньюарке. Нам повезло: рейс во Франкфурт был отложен на один день и авиакомпания предоставила нам доступный отель на огромной территории аэропорта. В бистро лобби отеля было полно людей, на телеэкране постоянно возникали кадры разрушения башен-близнецов. Бистро принадлежало арабской паре. Его бородатый владелец разгуливал с отсутствующим выражением лица и блестящими глазами фанатика, зато его жена не теряла присутствия духа и бодро выставяла счета. Это был необъяснимо грязный и самый убогий из всех увиденных нами американских отелей - Howard Johnson Hotel, который я когда-либо видел во время нашего путешествия, да и потом в своих дальнейших поездках в США. Унитаз и ковер были, конечно, полны воды и мочи. Администратор, к которому мы пошли жаловаться, не стала реагировать и сослалась на чрезвычайное положение после 11 сентября. На следующий день встали рано утром и обнаружили, что экипажи самолетов, выходя из этого грязного сарая, выглядели счастливыми и очень элегантными. Автобус взял нас на Манхэттен, путешествие заняло почти час, и мы оказались в реконструированном дворце Центрального вокзала, *Grand Central Station*, где не ходили поезда и осталось лишь название. Все здесь было великолепным: кафе, рестораны и бутики.

Когда мы вышли оттуда, то оказались на Пятом Авеню, где все стены вокруг вокзала-дворца были заполнены самодельными алтарями ньюйоркцев, искавших пропавших в одночасье членов своих семей, близких и друзей. Тут сидели заплаканные родители, молодые и пожилые женщины, ставшие вдовами, - нередко вместе с детьми; мужья, потерявшие жён, а дети - родителей. Все они хотели какой-то информации о своих близких, которую им ещё никто не мог дать. Пятая Авеню вовсе не выглядела так волнующее как я представлял себе это дома: много супермаркетов и магазинов и не так уж много людей на улице. На 47-й улице нашли *Diamond District* с роскошными

ювелирными магазинами и *Berger's Deli*, еврейским культовым рестораном. Мне сказали, что на этой улице ортодоксальными евреями осуществляется около 80% объёма продаж драгоценных камней в Америке. Заказали в ресторане парочку еврейских деликатесов и разговорились с официанткой Джойс о жуткой атаке на Америку и о рухнувших башнях-близнецах Всемирного торгового центра, об её дочери, о нас и наших детях, о Боге и об Израиле. Остальной персонал ресторана были латинос с красными бейсболками на головах, где красовалась надпись *Hebrew National*. Как я позже выяснил, это была реклама еврейской кошерной сети хот-догов в Нью-Йорке. Неделю назад теракт превратил Нижний Манхэттен в руины и буквально разрубил небоскреб Deutsche Bank на две части. Но как ни ужасны были атаки в Нью-Йорке и в Пентагоне, *Berger's Deli* продолжал работать и обслуживать своих клиентов. Тема 11 сентября и *Berger's Deli* послужила мне потом для написания картины, которую похвалил мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг. Поев, мы попрощались и вернулись на Пятое Авеню.

Взяли такси с корейским водителем - это оказалось роковой ошибкой. Проезд на такси для пассажиров здесь по сравнению с Германией дешёв. Однако фонд нью-йоркских такси иной чем в немецких автомобилях, - они были созданы во второй половине XX века и с той поры, очевидно, не изменялись. Поэтому при длительных поездках сидение в такси становится орудием пытки высокой эффективности. Кореец рассказывал нам, что он студент управления бизнесом, но он не был таким большим знатоком своего города, Большого Яблока, как, например, Сергей из Сан-Франциско. Мы совершили ужасную ошибку и выехали с ним из Манхэттена. Хотели посмотреть на руины башен-близнецов, но нам не позволили туда добраться: повсюду были полицейские заслоны и везде была «безопасность». Долго стояли в пробках на мосту в Бруклин и увидели издали статую Свободы. Тогда ещё в автомобилях не было навигаторов, и в конце концов мы очутились где-то в дремучих лесах штата Нью-Джерси. Кореец совершенно потерял ориентацию, но какой-то дружелюбный американец объяснил ему, как надо объехать пробки и найти дорогу в аэропорт. Мы стали беднее на 130 долларов, приехали в последний момент в Ньюарк, получили наш багаж, отданный в камеру хранения, и успели зарегистрироваться на перелёт в Германию.

Началась новая, страшная свинцовая эпоха глобального исламского террора XXI века. В Германии, во Франкфурте, шёл дождик, автомобиль ожидал нас в гараже аэропорта. Мы ехали

домой в Саарбрюккен и не могли поверить тому, что прилетели из отпуска как беженцы из разбомбленного Нью-Йорка.

Позже я узнал, что авиакомпания, которую мы так полюбили, вскоре после 11 сентября объявила о банкротстве, официантка Джойс из еврейского ресторана в *Diamond District* уехала с мужем из Нью-Йорка во Флориду, а в какой-то газете сообщалось, что психопатический американец застрелил на улице сикха, приняв его за мусульманина.

Анатолий Клёсов

Фантазии Тилака о полярной прародине ариев

а самом деле Бал Гандархар Тилак помещал родину ариев не только за Полярный круг, но и на Северный полюс. В названии этой статьи я его положение несколько смягчил. Примеры ниже даются по книге «Арктическая родина в Ведах» (перевод Н. Гусевой, ФАИР-ПРЕСС, 2002, 525 стр.). Некоторые цитаты:

«...мы будем вынуждены признать, что родина предков ведического народа лежала вблизи Северного полюса...»

«арии не были автохтонами ни в Европе, ни в Центральной Азии – их исходный регион лежал где-то вблизи Северного полюса в эпоху палеонеолита»

«Эти характеристики (зорь – АК) могут относиться только к заре над полюсом или вблизи него».

«Ведическая зоря – полярная».

«Здесь мы должны обратиться к цитатам из «Махабхараты», где дается такое ясное описание горы Меру – царя всех гор, что не остается места для сомнений в том, что это Северный полюс, или место, соответствующее его характеристикам».

Здесь мы должны на момент прерваться, и посмотреть, почему «не остается места для сомнений». А прервемся, потому что это выражение и его «обоснование» очень характерны для Тилака и его «теории». Это основывается на трех выдержках из Махабхараты, и четвертой – из «Тайттирия Араньяке»:

«На Меру солнце и луна ходят кругами слева направо каждый день, и это же совершают звезды».

«Гора своим сверканием настолько превосходит мрак ночи, что ночь бывает трудноотличима от дня»

«День и ночь вместе равны году для обитателей этого места».

«То, что есть год, является единым днем богов».

И дальше на двух страницах Тилак проводит интерпретацию этих выдержек. При этом несколькими страницами ранее он честно пишет: *«Ведический календарь... или же ведическая мифология могут и не содержать прямых открытий, указывающих на арктическую родину...»*. Но тут же пишет – *«но под ними при тщательном изучении или, так сказать, рядом с ними можно обнаружить факты, которыми до сих пор пренебрегали...»*. На самом деле, разумеется, речь не идет о ФАКТАХ. Речь идет о замысловатых интерпретациях, раз за разом подгоняющих любые ведические тексты к тому, что по всей книге повторяется как мантра: арии жили в Заполярье, вблизи Северного полюса или на Северном полюсе. Подгонка идет настойчивая и систематическая.

Итак, про гору Меру. Первое положение Тилак приводит, но не комментирует, и понятно почему. Я сейчас пишу эти строки, сидя на веранде в горах, и солнце идет своим кругом слева направо. Восходит, понятное дело, на востоке, что слева от меня, а заходит на западе, что справа. Что же здесь необычного или удивительного?

И дальше Тилак пишет: *«указание на сверкание горы особо интересно, поскольку это, видимо, может быть описанием северного сияния, видимого в области Северного полюса»*.

Неплохо, да? Другие варианты и не рассматриваются, а зачем, не так ли?

Относительно следующего положения Тилак пишет: *«В постведической литературе мы ... встречаем постоянно упоминаемую традицию описания дня и ночи богов по полгода длительности»*, в том отношении, что это далеко не обязательно про Северный полюс. Это – традиция описания. Но вот в случае горы Мера – это непременно про Северный полюс. И дальше, про четвертое положение выше, Тилак пишет: *«Это настолько четкое указание, что нет места сомнениям в его смысле»*. И дальше Тилак пишет, что это, видимо, единственное описание такого рода в ведической литературе, и он поначалу пришел к выводу, что это *«своеобразные описательные названия обычных дня и ночи»*. А потом решил, что это *«обозначает наличие полярной родины в древности, и я продолжаю настаивать на выводах из указанного свидетельства»*.

Хотя тут же Тилак пишет: *«Ригведа не содержит прямых указаний на день и ночь, длящихся по шесть месяцев»*. Далее – *«а теперь посмотрим, содержит ли Ригведа прямые указания на долгий день, долгую ночь или циркумполярный календарь»*. И отвечает: *«календарь Ригведы содержит 360 дней с прибавленным»*

для согласования месяцем, что не может относиться ни к полюсу, ни к циркумполярности». Но тут же замечает, что тексты допускают интерпретации, «которые не совместимы с днями во внеарктических областях». Мне это напоминает известную былину, как известный герой сиднем сидел на печи тридцать лет и три года. Тоже не совместимо многое с чем, например, с отсутствием атрофии. Но есть былины и веды, которые можно интерпретировать как душе угодно, а есть наука.

Еще пример. Тилак приводит слова из Ригvedы, о том, что бог Варуна использовал *«золотой слиток солнца как качели в небе»*. В общем, образно и понятно. Как интерпретирует Тилак? *«Только в арктическом регионе солнце может напоминать качели в течение долгого дня»*.

Неплохо, не так ли? Раз – и одним росчерком пера качели в небе превращаются в качели в небе на Северном полюсе.

Тилак находит в скандинавской мифологии слова про *«сумерки богов», «означающие время Одина и асов, или богов, когда кончается их власть, но не навсегда, а до времени их возрождения»*. И Тилак пишет: *«это показывает, что идея полугодовой ночи и дня богов принадлежит не только индоиранцам, но и индогерманцам и что она, значит, родилась на исходной родине ариев»*. Стало быть, в Арктике. И далее Тилак пишет: *«сравнительная мифология полностью поддерживает мысль об исходной арктической родине всех арийских рас»*.

Вот такой уровень аргументации. Он, это уровень, пронизывает всю книгу, и мы ниже приведем достаточное количество примеров. Остается только удивляться, насколько столь несерьезные «обоснования» обратили в веру Тилака столь больше число людей за последнюю сотню лет. Причем это в основном в России. Если посмотреть в англоязычную Википедию, то во всей длинной статье про Тилака, который был индийским борцом-националистом против англичан, сидел в тюрьме, и является индийской знаменитостью – в его честь в Индии даже выпустили монету, во всей длинной статье про книгу и концепцию Тилака – всего три строки. На Западе про теорию про ариев на Северном полюсе особенно и не вспоминают, это сугубо российский феномен. Видимо, как-то и почему-то востребовано. Неужели в России действительно чем грубее слеплена идея или информация, тем она более активно воспринимается «массами»? И первоисточник никого особенно не интересует.

Ну что же, рамки расставлены, теперь можно вернуться к началу и продолжить по порядку.

Бал Тилак родился в 1856 году в семье брахманов, с детства знал санскрит, стал филологом, и в 1893 году опубликовал свою первую книгу «Орион, или исследования древности Вед». В ней Тилак опровергал выводы специалистов того времени, что Веда появились 4400 лет назад, и перенес дату возникновения Вед на 6500 лет назад. Это было обосновано положением звезд в созвездии Орион в период сложения гимнов Вед, что и отражено в Ведах. В 1903 году вышла его вторая книга, «Арктическая родина в Ведах», переведенная почти через сто лет на русский язык. В этой книге Тилак доказывал, что родиной ариев является арктический регион, Заполярье, или район в непосредственной близости к Северному полюсу. Понятно, что это не может быть сам Северный полюс, так как технически это географическая точка. Свои доказательства Тилак основывал на текстах Вед, на ведических гимнах. По времени Тилак якобы относил прародину ариев к периоду межледникового, то есть ранее 20 тысяч лет назад, и что якобы последнее оледенение вытеснило ариев в Европу. Датировку периода межледникового на самом деле он не дает, но в предисловии переводчик, Н. Гусева, относит это на период ранее 30 тысяч лет назад. Иначе говоря, это не фантазии Тилака, это фантазии Гусевой. Если это было бы так, то гаплогруппы R1a, к которой относят ариев, тогда еще не существовало (см. ниже). Правда, сам Тилак в предисловии к книге пишет – *«А если начало постледниковой эпохи относить к 8000 г. до н.э., то... изначальную жизнь ариев надо датировать, отодвигая ее от 4500 г. до н.э. к этой указанной дате. Это и будет древнейший доведический период»*. То есть речь идет о 10 тыс до н.э. Если так, то тогда о теплом Заполярье – это недоразумение, это выбивает всю основу книги Тилака, и арии 10 тыс лет назад, как установлено, уже подходили к Балканам (см. ниже), продвигаясь по Анатолии. Никаких полярных сияний и дней-ночей по полгода они видеть оттуда не могли.

Если в двух словах описать книгу Тилака, то это – натяжки и противоречия.

Естественно, каждый волен считать как считает нужным. Но если знание облачается в научную форму, и к нему следует применять научные критерии, то, на мой взгляд, концепция Тилака полностью рассыпается. Рассыпается она как минимум по трем причинам. Первая – толкование гимнов Тилаком является сухой подгонкой под гипотезу. Вспоминается американская поговорка – «не путайте меня фактами, я уже настроился». Примеры даны выше и будут даны ниже. Второе – что арии не пришли в Европу с ледником откуда-то с севера, они пришли в Европу по южному

пути из Центральной Азии, и достигли Балкан примерно 9 тысяч лет назад. Третья – установлено, что арии относятся к субкладу (то есть подгруппе) гаплогруппы R1a-L342.2, установлено, что эта подгруппа возникла в Европе примерно 4900 лет назад, примерно через 4 тысячи лет после прибытия R1a в Европу и расселения там. Родительская ветвь будущих ариев, под индексом Z93, возникла в Европе примерно 5700 лет назад. Через тысячу лет, после (или в процессе) образования своего субклада будущие арии двинулись на восток. Ветвь R1a-L342.2 в период от 4900 до 4000 лет назад разошлась по разным направлениям – на юг, через Кавказ и Месопотамию до Сирии, стран Ближнего Востока, Аравийского полуострова; на юго-восток, до Средней Азии и далее на Иранское плато; на восток, до Урала, Зауралья, Восточной Сибири, и часть их них двинулась на юг и достигла Индии.

Фантазировать, повторяю, можно как угодно, но в науке для теории Тилака места нет. Нет для этой теории ровно никаких подтверждений, а интерпретации ведических гимнов так, как это делал Тилак, наука не принимает.

Как Тилак делал свои интерпретации – отчасти показано выше. Всех примеров не привести, у него их многие десятки. Но схема везде примерно одна. Он начинает с того, что никто из специалистов эти выдержки из гимнов так не рассматривал, а их надо рассматривать именно так. При этом он соглашается, что это не есть прямые свидетельства, это интерпретации, но что якобы это наиболее правильные интерпретации. Других, альтернативных, он обычно не рассматривает. Это – паранаука, альтернативная наука, а на самом деле не наука вовсе. То, что Н. Гусева во введении в книгу Тилака говорит о сходных словах санскрита и русского языка, приводит статьи С. Жарниковой, не имеют к «полярной родине ариев» никакого отношения. Кстати, Н. Гусева делает принципиальную ошибку, датируя расселение предков индоевропейцев в сторону Ирана-Индии около 9-8 тысяч лет назад. Она ссылается якобы на Авесту, но в известных текстах Авесты таких данных и датировок нет. Неужели нужно каждый раз ловить переводчика за руку? Данные, полученные по ДНК как современных потомков индоевропейцев, так и ископаемые ДНК указывают на южные и юго-восточные миграции «индоевропейцев» во временном диапазоне 5000-3500 лет назад (см. выше).

Понятно, что в 1903 году книга Тилака была новым словом. Но сейчас-то что? Откуда такое обилие отнесений к ней в сети? Сеть, правда, все заглатает, все вытерпит, но пора наконец и объяснить, что читать и обсуждать подобные сочинения надо с

толком, понимая, где научные данные, а где натяжки и противоречия, и сопоставляя с тем, что об ариях известно сейчас. Никакого Северного полюса и Заполярья там нет. Слова Тилака *«изначальный дом ариев следует связывать с Арктикой и с межледниковой эпохой»* не выдержали проверку временем.

Перейдем к продолжению примеров и тех натяжек, которыми Тилак «обосновывал» «арктическую родину ариев».

Тилак пишет, что в Ригведе созвездие Большой Медведицы описывается как стоящее *«высоко»*, значит, *«может быть видимо как бы над головой наблюдателя, что ясно говорит о такой возможности лишь в циркумполярном регионе»*. На первый взгляд действительно, светила эти северные и из Индии видны только над низким краем неба. Но Тилак не рассматривает другие объяснения, хотя знает, что Ригведа создавалась не в Индии, а раньше. А из средних широт – Балканы, Русская равнина – это созвездие действительно стоит высоко. Это – типичный пример натяжки, подгонки Тилаком под свою концепцию. Далее, Тилак подчеркивает, что в Ригведе написано – созвездие СТОИТ, а не ВОСХОДИТ, значит, якобы опять Заполярье. Правда, он тут же пишет, что *«к сожалению, в Ригведе мало таких пассажиров, которые описывали бы движение небесной полусферы или звезд на ней»*. Но «доказательство», тем не менее, осталось.

Тилак цитирует Ригведу – *«О Ашвины, достигли конца мрака, теперь придите к нам по пути дэваяна»* (как поясняет Тилак, дэваяна – половина ведического года, другая половина – питрияна). Тилак интерпретирует: *«можно предположить, что дэваяна и питрияна представляли собой изначально две половины года... как это бывает на Северном полюсе»*. И тут же пишет, что прямых указаний в Ригведе на это нет.

Особенно много внимания Тилак уделяет ведическим зорям. Он считает, что они имели место исключительно в Арктике. Основной довод – что они в гимнах красочно описаны, значит, в Арктике. Богиня зари Ушас восславляется в Ригведе в 20 гимнах и упоминается более 300 раз. Как пишет Тилак, *«нет никакой вероятности в предположениях, что ведические поэты могли так восторженно описывать быстро пролетающую зарю умеренной ... зоны или высказать столько беспокойства по поводу возможного прихода зари»*. Поскольку мы уже знаем, что арии не обитали в Заполярье, то можно только снисходительно относиться к уверенности Тилака, что ведические поэты просто не могли восхищаться зарей в средней полосе. Или, скажем, в горах Средней Азии.

Тилак считает, что в ведических гимнах «*богиня Ушас восходила длительно и постепенно*». Значит – Заполярье. По мнению Тилака, слова «полный расцвет зари» могут относиться только к Северному полюсу. Но я могу возразить. Например, в Полинезии я был впечатлен зарей, которая медленно восходила из океана или из-за горы Бора-Бора. У меня остались десятки фотографий, которыми я пытался передать красоту медленно появляющейся зари. Я тогда и не знал, что Полинезия – это Северный полюс.

Вот еще пример интерпретации Тилаком. Он приводит три перевода одной и той же строфы из Ригведы тремя переводчиками:

- *«Как долог период, в течение которого встали зори? Как долог будет период их восхода? Желая принести нам свет, Ушас следует действиям тех, что прошли впереди, ярко сверкая. Идет с другими за ней».*

- *«Как долго то время, когда они будут вместе – зори, которые светили, и зори, которые будут здесь светить потом? Одна тоскует о предшествующих зорях, жадно стремясь, и идет дальше вместе с другими, радостно сияя».*

- *«Как велик промежуток, лежащий между зорями, которые взошли, и теми, что еще должны взойти? Ушас тоскует, стремясь за первыми, и радостно идет, сияя, вместе с другими».*

Толкование Тилака занимает страницу, вывод, естественно – «полярные условия».

Следующий пример – строфа в Ригведе, к которой Тилак (в переводе Н. Гусевой) дает полный, подстрочный перевод:

«Эти самые дни бывали многими, которые раньше восхода солнца, которыми за как к любовнику идущая Ушас была видна не снова уходящей подобная».

Толкование Тилака? Заполярье. А толкования другими исследователями «неверны», они не видят «естественного характера основы, природной сути».

Еще пример. Зори в Ригведе сравниваются с самыми разнообразными объектами и явлениями – это и с отрядом «воинов», и с «активными в своих занятиях женщинами», они появляются над горизонтом подобно «волнам вод», или «многим столбам, установленным для жертвоприношения», они двигаются как «мужи в строю», или как «стадо скота», они «взаимно подобны», «действуют гармонично», они «не враждуют друг с другом», живут все вместе «в одном доме». Толкование Тилака?

«Много зорь составляли на самом деле единую длительную зарю», значит, Заполярье.

И как финал – «первая заря, упомянутая в «Тайттирийя Самхите», была зарей начала творения». Вот как, не много, не мало. Арии, стало быть, наблюдали акт творения. Это можно не комментировать. Вывод данной главы у Тилака, что все эти зори могли «относиться лишь к местам, удаленным на несколько градусов от точки Северного полюса». Думаю, что комментировать тоже не стоит, комментарии были выше.

Отдельная глава у Тилака посвящена тому, что гимны повествуют о долгих днях и долгих ночах, а значит – это Арктика. Собственно, пишет Тилак, поскольку он выявил «длительность ведических зорь», то «нет необходимости искать дальнейшие свидетельства присутствия в Ригведе указаний на наличие долгих дней и ночей». Как эта длительность была «выявлена», мы уже увидели чуть выше. Но все-таки Тилак решил для убедительности привести и свидетельства длинных дней и ночей. Вот, например: «В Ригведе много строк говорят о долгой и страшной тьме, скрывающей врагов бога Индры, тех, кого он должен уничтожить, борясь с демонами, или дасами, про крепости которых говорится, что они все скрыты во мраке». Комментарии нужны? Видимо, на дневной период демоны свои крепости разрушали, а по ночам опять восстанавливали.

Или вот, тоже «убедительное» свидетельство: «в одном гимне сообщается, что Вритра, традиционный враг Индры, окутан длительной тьмой». Или вот: «об Индре говорится, что он сбросил желавшего бороться с ним Шушину в темный провал, а в следующей строфе рассказывается о бессолнечном мраке (Макс Мюллер перевел это как «ужасный мрак»). Трактовка Тилака? Это – Заполярье.

Неужели это кто примет за свидетельства длинных дней и ночей, которые тогда должны быть в Заполярье? А вот надо же, принимают, и утверждают, что Тилак «убедительно показал, что арии жили вблизи Северного полюса».

С таким же основанием известное стихотворение Александра Блока «Я ношусь во мраке» можно истолковать так, что Блок носился вблизи Северного полюса:

Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне,
Где-то месяц светит? Где-то светит солнце?
Вон вдали блеснула ясная зарница,
Вспыхнула - погасла, не видать во мраке,
Только сердце чует дальний отголосок
Грянувшего грома, лишь в глазах мелькает

Дальний свет угасший, вспыхнувший мгновенно,
Как в ночном тумане вспыхивают звезды...
И опять - во мраке, в ледяной пустыне...
Где-то светит месяц? Где-то солнце светит?
Только месяц выйдет - выйдет, не обманет.
Только солнце встанет - сердце солнце встретит.

Тилак приводит строку из гимна Ригvedы «Да не накроет нас долгий мрак», и пишет: «выражение, *примененное поэтом, «долгий мрак» дословно обозначает «непрерывное продление темных ночей», что более точно». Да, конечно. Блоку это в голову, видимо, не приходило.*

Все остальные примеры про «долгую ночь» такого же ранга. Это и просьба в одном из гимнов *«сообщить такую силу молящимся, которая провела бы их сквозь тьму»* (Тилак, естественно, читает это буквально, что это – полугодовая ночь вблизи Северного полюса), бог Агни находился *«слишком долго в условиях слишком длительного мрака»*... Тилак это все упорно трактует в одну сторону, слово мрак для него не имеет ни другого значения, ни другой длительности, кроме как заполярные полгода.

Последующие главы книги Тилака включают подробный разбор разных вариантов санскритских слов, употребляемых переводчиками, чтобы показать, почему санскритский календарь содержит 360 дней с прибавленным для согласования месяцем, что не может относиться к Северному полюсу или Заполярью, и что консервативные жрецы храмов просто обязаны были сохранять традиции забытых лет. Правда, как сетует Тилак, почему-то не сохранили. Тилак эти традиции и искал в гимнах Ригvedы, а как он искал и обосновывал – мы уже поняли. Описанный выше стиль продолжался и дальше – натяжки и упорное отсутствие других возможных объяснений. Естественно, в потоке иносказательных строф поэтических гимнов можно найти что угодно, но даже в этом случае Тилак время от времени признает, что «прямых указаний нет». Но это не мешает ему «сгибать» любые не прямые указания в сторону – опять – длинных зорь и длинных дней и ночей. Мы уже видели, как это делается, но в последующих главах этот стиль и подход продолжают. Опять выдержки типа *«Индра отыскал солнце, скрытое в темноте»*, как пишет Тилак, *«явно поддерживает эту точку зрения»*. То, что *«Наагвы славили Индру в песнях и разбили плотно замкнутые стойла коров»* идет туда же.

Местами у Тилака идет «аргументация», которую кроме как акробатикой на назовешь. Так, Тилак нашел в одном из гимнов, что *«Навагвы воспевали (приносили жертву) в течение десяти месяцев»*. Слова «в течение десяти месяцев» у Тилака выделены

жирным шрифтом, как самые важные, и являющиеся, по его мнению *«реликтовым воспоминанием о древнем годе, сохранившемся в литературе о жертвоприношениях»*. Впрочем, Тилак пишет – *«поскольку мрак, или период тьмы, в десять месяцев астрономически невозможен где-либо на Земле, единственной допустимой альтернативой является утверждение, что Дашагвы и Навагвы приносили свои десятимесячные жертвоприношения при солнечном свете»*. Казалось бы, вопрос закрыт, поскольку 10-месячного солнечного света на Северном полюсе нет. Но не тут-то было. Тилак продолжает: *«Значит, единственный вывод, который мы можем извлечь из всей этой истории насчет Навагвов и Дашагвов – это тот, что они приносили свои жертвы в течение 10-месячного периода солнечного света, после чего солнце скрывалось во тьму... Говоря короче, Дашагвы и Навагвы, а вместе с ними и все древние жертвоприносители расы, жили в регионе, где солнце было над горизонтом в течение 10 месяцев, а затем скрывалось и начиналась ежегодная двухмесячная ночь»*.

То есть все его заключения, что арии жили в заполярном регионе, где ночь и день делятся по полгода, уже отброшены. В очередной главе «Путь коров» Тилак уже пишет про то самое *«реликтовое воспоминание о древнем годе, сохранившемся в литературе о жертвоприношениях»*.

Конечно, сравнить корову с «образом утренних лучей», или «с утренней зарей» - это надо поднапрячься, но Тилаку виднее. Он пишет – *«Об Индре говорится, что он освободил солнце и нашел коров; а Брихаспати выпустил коров, расколов скалу своим словом, убрал тьму и осветил небо. Что же может быть яснее?»* Действительно, ничего не может. Но про Заполярье как регион жизни древних ариев это опять же ничего не говорит.

В ряде мест, как это ни прискорбно, Тилак идет на откровенные подтасовки. Он пишет, что, как известно, старый римский год насчитывал десять месяцев (действительно, Децембр – это десятый), и далее пишет – *«таким образом, десятимесячный год и двухмесячная ночь были известны ариям...»*. Но у древних римлян это был весь год, а у ариев, по Тилаку, весь год был 10 месяцев плюс два. Вполне возможно, что у древних ариев год был десятимесячный, что и было у древних римлян, но тогда «двухмесячную ночь» Тилак просто приписал для поддержки своей мантры про полярную ночь ариев.

Тилак находит в ведической литературе указания, что серии возлияний сомы древними ариями длились от одной до ста дней. Тилак полагает, что это искажение, внесенное теми

браманами, кто не знали об арктической родине ариев, и что там должно быть *«от одной до ста ночей»*, а это, оказывается, и есть прямое указание на арктическую родину.

Замечаете тот же стиль циклической аргументации? Исправить на основе своей теории, а затем сказать, что исправленное подтверждает теорию.

Выше уже отмечалось не только о натяжках, но и о противоречивости положений Тилака. Все эти его соображения о жизни ариев в Заполярье Тилак относил в времена, когда там было тепло. И только наступление ледников заставило ариев уйти на юг, в Европу. В предисловии к своей книге он пишет, что *«изначальную жизнь ариев надо датировать, отодвигая ее от 4500 г. до н.э. к дате ... 8000 г. до н.э... Это и будет древнейший доведический период»*. Мы знаем, однако, что 10 тысяч лет назад в районе Северного полюса и в Заполярье было вовсе не тепло, и все положения Тилака о «полярной прародине ариев» теряют смысл. Переводчик Н. Гусева старалась спасти ситуацию, и в своем предисловии «От переводчика» написала, что *«самых изначальных ариев, и их древнейшую религию... следует связывать с эпохой межледниковья, разделяющей два последних оледенения»*, и тут же указала, что *«... последнее межледниковье закончилось около 30 тысяч лет назад»*. Иначе говоря, Н. Гусева решила подправить Тилака. В аннотации книги она пишет: *«последнее оледенение вытеснило арийские расы с севера на земли Европы»*. То, что про «арийскую расу» писал Тилак, еще простительно; тогда, в начале века, понятия были другие. Но когда про «арийские расы» пишет доктор исторических наук десять лет назад, это уже странно. Так или иначе, Н. Гусева опять подправляет Тилака, что ариев вытеснил климат с севера не менее 20 тысяч лет назад. Иначе с теплотой на Северном полюсе никак не получается.

Но в главе «Ведические мифы о пленных водах» Тилак ясно пишет: *«Мы начали с рассмотрения вопроса о ночи богов, или дня и ночи по шесть месяцев длительностью, и обнаружили, что все это может быть прослежено вглубь к периоду индоиранской общности, если не к индогерманскому периоду»*. Иначе говоря, Тилак относил ариев на Северном полюсе к временам сравнительно недавним, не далее 4-6 тысяч лет назад. Налицо капитальное противоречие – более 20 тыс лет назад ни о какой «индоиранской общности» или «индогерманской» речи быть просто не могло, а 4-6 тыс лет назад, как и 10 тыс лет назад, арии просто не могли жить в Заполярье или в районе Северного полюса.

В общем, давно понятно, что я продолжаю «пинать дохлую лошадь», фигурально говоря, и вопрос давно ясен. Можно было остановиться значительно ранее, но тогда кто-нибудь да скажет – критик рассмотрел только первые несколько глав, а самое основное и доказательное у Тилака в конце книги.

Я уже перевалил за половину книги, но приходится продолжать. Остальные главы книги Тилака посвящены мифологии. Он сам пишет – *«предположительная ценность таких свидетельств явится более низкой по сравнению с вышеприведенными прямыми указаниями в текстах»*. Какие у него были «прямые указания» - мы уже видели. Так что переходим в ранг свидетельств «более низкой ценности». Типа того, как приводит Тилак, что когда Ашвины спасли перепела Вартику из пасти волка, то это трактуется некоторыми исследователями как появление зари или свете из ночного мрака. Немалая часть главы трактует легенду, рассказывающую, что *«Вритра и Ахи окружили и захватили в плен воды»*. Толкование этой легенды занимает у Тилака 56 страниц, и сводится к тому, что все другие толкователи толковали неверно, и на самом деле речь опять идет о заре, естественно, в арктическом регионе. Думаю, это не стоит и обсуждать.

Далее идет глава под названием «Ведические мифы об утренних божествах». Она опять начинается с того, что все толкователи этих мифов толковали неправильно, и... ну, в общем, ясно. Это занимает еще ровно 56 страниц, на которых интерпретируются мифы об участии Ашвинов в великой борьбе за воды и свет. Как читатель уже догадывается, никакого отношения к Арктике это на самом деле не имеет. Например, обсуждается то, что время появления Ашвинов *«называется ранней зарей, когда 'мрак еще держится среди рыжих коров'»*. Ну где еще могут быть рыжие коровы? Понятно, что это, естественно, *«может удовлетворительно объяснить только арктическая теория»*.

Следующая глава – предпоследняя, «Свидетельства Авесты». Как признает Тилак, одни исследователи Авесты считают, что она содержит наполовину исторические и наполовину мистические воспоминания об исходной родине и о тех странах, где создавались фаргарды (разделы Авесты). Другие считают, что никаких исторических указаний из фаргардов извлечь нельзя, и, как пишет Тилак, *«это взгляд, кажется, в основном теперь и принят»*. Но тут же добавляет – это потому, что свидетельства в пользу арктической теории происхождения ариев были неизвестны. Далее Тилак рассматривает все 16 регионов, перечисляемых в первом фаргарде «Вендидада», и тут

же упирается в то, что такое «Айриана Ваэджо», которую переводчик переводит как «арийский рай», но обычно это переводится как «арийский простор». Там, как отмечает Тилак, была суровая зима и снег. То, что это могли быть степи Русской равнины, или сама Русская равнина, он не рассматривает. Видимо, потому что с арктической теорией тогда можно было сразу заканчивать. После нескольких страниц рассуждений Тилак пришел, понятное дело, к тому, что «Айриана Ваэджо» была «областью Арктики».

Думаю, на этом можно заканчивать, потому что последняя глава под названием «Сравнительная мифология» сопоставляет ведические и авестийские мифы, с одной стороны, и европейские мифы, с другой, и ничего про арктическую прародину ариев не добавляют. Но поскольку Тилак обращает особое внимание на слова «зори», «солнце» и «мрак» в европейских мифах, то, понятно, все это он интерпретирует в сторону Арктики. Вот характерный пример, на основе славянского рассказа, выбранного Тилаком: *«Некогда жила пара пожилых людей, имевшая трех сыновей. Два из них были разумны, а третий, Иван, был глупым. И в земле, где он жил, не было никогда дня, но всегда царила ночь. Это был результат влияния змея, и Иван убил этого змея. Но тогда явился змей с двенадцати головами, но Иван убил и его и разрубил все его головы. И немедленно над этой землей засиял свет»*. И Тилак делает вывод: *«все такие легенды указывают на ... долгую зимнюю ночь арктического региона»*.

На этом, видимо, и стоит закончить. Надеюсь, что те, кто не знакомы с «теорией» Тилака, не станут тратить на нее время и внимание. Те, кто знакомы, но не читали его книги, подумают, как легко даже в наше время всеобщей информации поддаться на промывку мозгов. Те, кто читали книгу Тилака и поверили его «теории», тоже могут подумать над тем же, а также над тем, как они могли себя до такого довести.

При этом я вовсе не призываю не читать книгу Тилака. Напротив, она содержит массу интересной и полезной информации об астрономии, истории, геологии, о индийских ведах, об Авесте, дает переводы этих книг целыми кусками.

Только совет: читая книгу Тилака, надо хотя бы немного думать, и фильтровать, где полезная информация, а где неуклюжие интерпретации-фантазии автора и переводчика.

Михаил Юдсон

Плотник языка

Лев Беринский. На стропилах эйнсофа*

ачну расхоже, но веско: кто не был в сей книге – побудет, а кто был – не забудет. Столь многожанровой прозы под одной обложкой раньше не встречал, а жаль: из жара в хлад перелетая, читать весьма занимательно. Тут тебе и изысканная повесть, и тонкие эссе, и саркастические «творческие портреты», и абсурдистские арабески. Символистский слог причаливает к уличному сленгу, обернуты в обнимку с серапионами бредут по тексту, бормоча на идиш, - макаронические мемуары! И ребе, и ребенок под одну гребенку – равновелики...

Лев Беринский (р.1939) – поэто-прозаик, переводчик с немецкого, испанского, румынского, но главная фишка, золотая рыбка его фаршированная – это язык идиш. Книга Марка Шагала «Ангел над крышами» и многие новеллы Башевиса-Зингера живут на кириллице стараниями Беринского. Сам-друг, он обитает в Акко – в провинции у моря, на краю Земли обетованной. Городок Акко впервые упоминается не всуе в Книге Судей, позднее – Акра, Птолемаида, крепостца крестоносцев, ныне – келья Беринского, когда он не в кельях с бруселями.

Лев Беринский – странствующий кабинетный сиделец, описывающий свои путешествия по странам и страницам. Вообще же, как и положено существу творческому, скрипачу тварному, он, карлссон космополитный, живет на крыше мира, на стропилах эйнсофа (слово это обозначает бесконечность, божественную субстанцию, разлитую по мирозданию). Выше стропила, божьи плотники! Плотный язык, местами мастерски неоструганный, с сучковатыми неологизмами и держисвечными задоринками. Травоядная, подслеповатая к слову жвачка иных тухло-свежих книг отсутствует – тут хищный глазомер, как Осип прописал.

* Донецк: Точка опоры, 2011.

В сжатой бережливо до двенадцати страниц повести «Прощальный сезон в раю» огненный серафим появляется еженощно над русской деревней, пахнет серой и полыхает крылами – гори оно все пропадом! Щебет доморощенных чад в малиннике и топкий банный чад сельской Смоленщины («дровна сырые!») под пером Беринского обретают четко-зыбкие, загадочные очертания очередного озера Чад – изысканный реет сераф! И автор, коего черт догадал очутиться в тех местах и окрест, и проторчать полжизни то в Бессарабии (бес попутал), то в Москве времен «Советиш геймланд» с влачащим свои гойско-гебистские вериги Вергелисом, понимает, что пора исходить. Чарку на дорожку, шапку в рукав, подушки на телегу – и в Шереметьево! Чтоб – плоть от плоти протоплотника – прильнуть к еврейству, как к четырехгранному столбу. Променять первородство славянской речи, соляночку солунских братьев на чечевичность иврита с примкнувшим идишем. Уж там, среди средиземных пальм, – мечталось! – пасутся истинные ценители писанины. И впрямь, кому еще придет в голову станцевать с текстом, с Торой, скакать вприпляс с Книгой! Звеня бубенчиком и придерживая кипу...

Но по приезде из совковой Касриловки в Страну Израиля оказалось, что как-то оно не совсем вроде бы эдак адекватно зрилось издалека, что при словах «культур-мультур» хватаются за «узи» и предлагают поцеловать в сакральное место (в смысле – мезузу). Иврит-то на плаву, на взлете, а вот идише идяше вспяше, увы, ой-вэй. Был язык – и пшик, сплыл... Да, да, уходит идиш под воду, и никаким ешиботам – ни в Бруклине, ни в Бней-Браке – чай, уже не откачать! Видели вы досель ортодоксального еврея с билетом в зубах? А я видел – идут пингвинно по аэропорту Бен-Гурион, волокут чемоданы на колесиках, а во рту – билет на небо. Лестница Иакова, где ты?..

Ишь, идиш, оголец галута, внеишувное скрещение высокого иврита с ниже-немецким, мамзер языковый, козлотур отпущения, не зря в «Альтнойланде» Герцля утопический будущий Израиль базлает на немецком – интересное начинание, между прочим!

Ах, уходящий, шаркая, идиш – местечковая рухлядь, отошалая кучочка, синяя птица Рухл... О, обгорелый язык, загубленный Второй мировой бойней! Нет человека (шесть миллионов) – нет языка. Канувший уютный мирок штетла, утлый плот мезузы... Лев Беринский, добрый реваншист, нежен и бережен с утонувшими звуками: кажется, он грезит про «захват языка» - глядишь, чудо великое свершится тут, и ниша идиша расширится до всех царств с гаком, еще и немножко шья. Ибо

язык этот – заземление неба, перевод с горнего библейского арга на жаргон европейской цивилизации. Беринский пишет прозу о поэзии – о Мангере и Суцкевере, о «проклятых и убитых поэтах» группы-52, эссе «Вознесение над стерней» о Башевисе-Зингере, о всей этой великой мишпухе, идишской литэлите. Он мягко, но твердо отвергает дурацкие обвинения (по-нашему, тевьейскому, – наветы) в провинциализме и затухании – мол, выдохлось кидушное вино, туши свет, гаси векселя - и на боковую, под львов на плитах... Э нет, элегически вздыхает Лев-автор, оно конешна, легли на дно и льдом иордань затянуло, ан Шем даст, всплывем в проруби, воспрянем, помашем глазами, не пройдет и дня Бытия, космологического периода... Этакий оптимистический плач по отсыхающему языку!

На просторах текста много личного – встречи, взгляды, реплики, оценки человекцев (от вознесенья «о-о» до пренебрежительного «бр-р») и так далее – очень чувственная книга. «Италик мой!» - вскричала бы Берберова.

Рассматриваешь изделие Беринского на срез – волоконца словесной ткани, структуру страниц, годовые кольца циклов, и делаешь утешительный вывод, что автор еще пошумит – он сроду нов и отродясь плодovit. И удвоенно метафоричен, будто вечно на ранних поездках. Понятно, что это проза для тех, кто понимает, кто фурычит и осознает, что, скажем (зарулю в другую степь), в эмигрантской переписке через океан Романа Гуля и Георгия Иванова аббревиатура М.Т.Е. – не Массачусетский технологический, а мать твою ети!..

Лев Беринский, прихотливый плотник языка, сколотил умело, с бору по сочинил книгу, которую нельзя читать на ходу, по диагонали, и грешно ставить диагноз и выписывать рецензию, не припав пересохшим ухом к ритму и звону строк, не вслушиваясь в кирил-мефодье половодье с перекатами мамэ-лошн.

Пир на весь крещеный мир – и идиш дышит чесночком! Неизбывный привкус несчастья и дыма!.. Эдакая левоберинская проза – размытая, дымчатая, временами аутентичная поискам утраченного – с запахами, цветами, звуками аккордеонной гармонии, с боярышником и барышнями на ошупь... И пушай автор лукаво сокрушается, что любимый язык затихает, не ворочается, на ладан дышит и чейн-стоксово Стиксом пахнет, а сам вона как с амвона нам начитывает! Читатель вынужден заниматься с этим Плотником моржеванием (прыг в прорубь Книги!) – обо всем идет разговор, о любвах и дружбах, о литературных королях и квашеной капусте... Замысловатая фабула этой вокабулы Беринского – как веселый и нелинейный

путь из корчмы в таверну, аки путешествие из Каушан (где родился) в Акко – «легкость и победоносность» густозамешенного текста.

Образ автора несколько покачивается и двоится: с одной стороны, трудяга-плотник, с другой – гуляка-кинто, балагур-балагула, бабель-пиросманьевский персонаж, завсегдатай пиров и конференций в кабачках – мед-пиво пил, по-немецки говорил. Германия в книге, кстати, описана с иронической симпатией – единственная нынешняя покровительница идиша («роди обратно!»), созывающая гемютные симпозиумы – языковое возрождение с легким запахом разрытой земли... Там можно по приглашению пожить в пряничном домике, слушать, как по красно-черепичной крыше стучат дожди, плавно переходящие в потоп, писать изощренную прозу в виде писем энскому другу – ты помнишь, калоша, дороги Германщины?..

Как у Горенштейна убогое общаговое койко-место метафизически разрастается до Места, а заодно исследуется образование мира-олама из Большого Взрыва Местечка, так и у Беринского бюргерский баварский городок и смоленская кондовая деревня магически реализуются, оборачиваются в Макондо – с осами (так еще называют восточных немцев), серафами и метаморфозами. И выписано на славу – не аккуратный штакетник простодушной прозы, а взвихренный пиитический трактат с задыхающимся, еле поспевающим темпом прочтения и чертополохово пробивающимся, забулдыжно валящимся с котурн хором – ангельски галдящие идишские голоса. Книга отмечена высокими мыслями и низким сахаром – никакой патоки-патетики, скорей сарказм крепчал. Вязь языка, в свою очередь, крепка и чары (лехаим!) быстры.

Напослед признаюсь, что беды идиша – «длиннобородые лингво-исторические проблемы» - меня не шибко тронули, не пришибли. Мне важнее, что Лев Беринский вот те нате - оказывается, отменный русский писатель – и надобно его рачительно читать да издавать. Это же «русская книжная казна», по сказу ремизову. А идиш худо-бедно сам не оплошает... Как костряли раньише егупецкие рецензенты: «Одно другому не кусается».

Об авторах

Наталья Завойская – научный сотрудник НИЦ «Курчатовский институт», издатель трудов отца – академика Завойского.

Илья Корман – поэт, литератор.

Игорь Гельбах – писатель, переводчик, журналист

Соня Тучинская – программист, публицист

Георгий Кантор – музыковед, профессор, засл. деятель искусств РФ и РТ, член союза композиторов России.

Нина Лельчук – музыкант, лауреат международных конкурсов, профессор Квинс колледжа в Нью-Йорке и Колумбийского университета.

Артур Штильман – скрипач, автор книг о музыкантах.

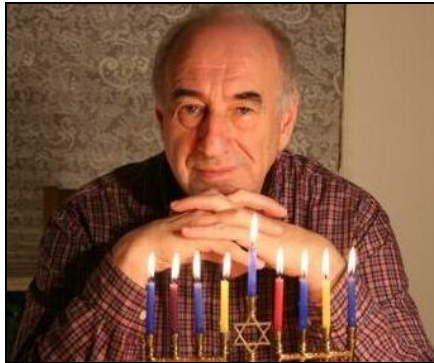
Леонид Борич – литератор, член Союза писателей СССР, затем – Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза русских писателей в Германии.

Геннадий Несис – доктор педагогических наук, профессор, международный гроссмейстер ИКЧФ, сеньор-тренер ФИДЕ, международный арбитр, заслуженный мастер спорта России, заслуженный тренер России, литератор, журналист.

Виктор Гопман – переводчик.

Борис Кушнер – профессор математики Питтсбургского университета, поэт, публицист.

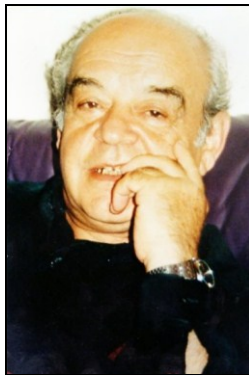
Ася Лapidус – математик, литератор.

Александр Габович – физик, член украинского и американского физического общества.

Игорь Ефимов – писатель, философ, издатель.

Семен Талейсник – врач с многолетним стажем.

Игорь Фунт – редактор «Русской жизни», редактор изд-ва «Аэлига» («Уральский Следопыт»).

Лариса Миллер – поэт, прозаик, эссеист, член Союза Российских писателей и Русского ПЕН-центра.

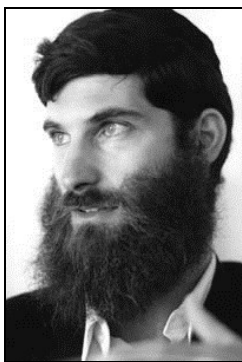
Борис Розин – журналист, сценарист.

Илья Шахов (1925-1986), советский композитор.

Лорина Дымова – поэт, прозаик, переводчица.

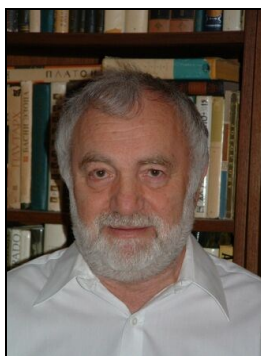
Раби Ханох Теллер – литератор, автор коротких рассказов.

Римма Глебова – литератор, член Союза писателей Израиля.

Семён Каминский - прозаик, член Международной федерации русских писателей, Международной ассоциации писателей и публицистов и Объединения русских литераторов Америки.

Александр Матлин – инженер-строитель, печатается в периодической прессе.

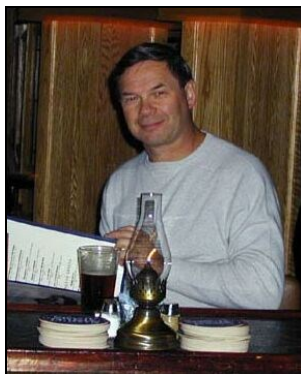
Владимир Савич – литератор

Елена Мазур-Матусевич – писатель, художник, филолог.

Борис Э. Альтшулер – врач-хирург, автор нескольких книг по лингвистике.

Анатолий Клёсов – доктор химических наук, автор многих научно-популярных рассказов, статей и книг.

Михаил Юдсон – литератор.

Журнал «Семь искусств», август 2012
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2012, 578 стр. 27,6 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины